

И. Р. ЧИКАЛОВА

(НЕ)ЗАБЫТАЯ ВОЙНА

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ДОКУМЕНТАХ,
ПУБЛИЦИСТИКЕ, ВОСПОМИНАНИЯХ
И ИССЛЕДОВАНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ
(1914–1941)

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ
Институт истории

И. Р. ЧИКАЛОВА

(НЕ)ЗАБЫТАЯ ВОЙНА:

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ДОКУМЕНТАХ,
ПУБЛИЦИСТИКЕ, ВОСПОМИНАНИЯХ
И ИССЛЕДОВАНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ
(1914–1941)

Минск
«Беларуская навука»
2022

УДК 94(47+57)“1914/1941”
ББК 63.3(2)6
Ч-60

*Рекомендовано к печати Ученым советом ГНУ «Институт истории
Национальной академии наук Беларуси» (протокол № 11 от 18.12.2020 г.)*

Р е ц е н з е н т ы:

доктор исторических наук, профессор А. М. Литвин;
кандидат исторических наук, доцент А. П. Сальков;
доктор исторических наук, профессор А. П. Житко

Издание подготовлено в рамках выполнения Государственной программы научных исследований на 2016–2020 гг. «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» подпрограммы № 1 «История и культура», подзадание 1.1.02 «Социально-экономические процессы на территории Беларуси в IX – начале XXI века: источниковедение, историография, антропология и другие специальные исследования» и подзадание 1.1.05 «Всеобщая история. Беларусь и мир: международные отношения, дипломатия, диаспора», а также гранта БРФФИ № Г19-043 «Первая мировая война: формирование русскоязычного корпуса документальных и историографических источников (1914–1941 гг.)».

Чикалова, И. Р.

Ч-60 (Не)забытая война: Первая мировая война в документах, публицистике, воспоминаниях и исследованиях современников (1914–1941) / И. Р. Чикалова. – Минск : Беларуская навука, 2022. – 426 с. : ил.
ISBN 978-985-08-2811-8.

В монографии Первая мировая война предстает сквозь призму оценок и восприятия событий, связанных с ней, ее современниками – журналистами, учеными, виднейшими политиками, военными всех рангов (от рядовых солдат и офицеров до командующих фронтами), оставившими в дневниках и мемуарах свидетельства пережитого. Война показана как объект тщательного анализа со стороны гражданских и военных специалистов. Военные и межвоенные годы явились важнейшим этапом накопления и обнародования источников разных типов и видов, заслуживающих включения в современный научный оборот и работу по мемориализации «забытой» войны.

Рассчитана на историков, преподавателей, студентов и всех, кто интересуется историей Первой мировой войны.

**УДК 94(47+57)“1914/1941”
ББК 63.3(2)6**

ISBN 978-985-08-2811-8

© Чикалова И. Р., 2022
© Оформление. РУП «Издательский дом
«Беларуская навука», 2022

Посвящается памяти моей бабушки
Констанции Станиславовны Былинко

ВВЕДЕНИЕ

Осмысление феномена Первой мировой войны и сохранение памяти о ней началось еще до того, как замолчали пушки. Фиксация событий, как тогда ее называли, Великой войны стала осуществляться сразу с ее объявлением.

Самым первым и оперативным источником информации для населения в годы войны была периодическая печать: к началу войны в России выходило около тысячи газет и более тысячи трехсот наименований журналов на трех десятках языков. Помимо информирования они на своих страницах в соответствии с идейно-политическим направлением изданий публиковали статьи и выступления политических и общественных деятелей, ученых и писателей. И уже в ходе войны были предприняты первые попытки систематизации опубликованных материалов. Пример этому подала газета «Новое время». Ее редакция, отметив, что *«современные газеты содержат чрезвычайно большое количество ценного исторического материала»*, который может потеряться в огромном газетном массиве, издала предметный указатель статей и материалов, помещенных на ее страницах с 1 июля 1914 г.¹ Большую работу в интересах будущих исследователей проделал В. В. Быховский, собравший под одной обложкой опубликованные в 1914 г. на страницах газет («Новое время», «Московский курьер», «Утро России», «Речь», «Голос Москвы», «Московский листок», «Русское слово», «День», «Раннее утро», «Русские ведомости») материалы *«о мучениях, испытанных русскими в Германии после объявления ею войны»*². Общественно-политические журналы «Вестник Европы», «Русское богатство» («Современные записки», «Современность», «Русские записки»), «Русская мысль», «Мир Божий» («Современный мир»), «Исторический вестник» и другие в последних номерах каждого года также информировали обо всех напечатанных статьях.

Сразу после начала вооруженного конфликта официальные журналы «Военный сборник» (орган Военного министерства), «Военно-исторический сборник» (приложение к «Военному сборнику»), «Морской сборник» (орган Главного морского штаба) стали освещать события на фронтах. Так, в «Морской

¹ Предметный указатель к газете «Новое время». Второе полугодие. 1914 год. Пг., 1915; 1915 год. Пг., 1917.

² Быховский В. В. Немецкие зверства: рассказы потерпевших и очевидцев. М.: С. Ф. Гришин, 1914. 108 с.

сборник» были введены две постоянные рубрики: «Русские официальные сообщения о войне» и «Очерки мировой войны» (впоследствии была переименована в «Очерки мировой войны на море»). В годы войны появились новые издания, в Петрограде начал выходить еженедельный иллюстрированный журнал «Летопись войны 1914–1917 гг.». Заглавие журнала на обложке и колонтитуле менялось соответственно году выпуска: «Летопись войны 1914 года»; «Летопись войны 1914–1915 гг.»; «Летопись войны 1914–15–16 гг.»; «Летопись войны 1914–1917 гг.». Всего вышло 132 выпуска. Каждый номер содержал не менее 16 страниц, снабжался многочисленными фотографиями, рисунками, портретами, планами, картами, набросками. Материалы распределялись по разделам: «Официальный отдел (Высочайшие приказы, циркуляры, распоряжения и проч.)»; «Официальные донесения с войны»; «Статьи, разъясняющие положение дел»; «Корреспонденции с войны»; «Разные заметки и статьи о военных событиях и по поводу их».

В конце 1914 г. началось издание популярного журнала «Война». Его первые 32 выпуска за 1914 – начало 1915 г. (каждый объемом в 16 страниц) были тематическими – «Немецкие зверства», «Кайзер Вильгельм в анекдотах и карикатурах», «Наша союзница Франция», «Наша союзница Англия», «Военные анекдоты», «Шпионы и шпионки», «Неприятель в анекдотах», «Русский солдат. Его отвага, добродушие и юмор», «Палачи и мародеры», «Русский офицер», «Война в воздухе», «Турки в анекдотах и карикатурах», «Война под водой», «Жизнь в плену» (№ 23), «Женщины-герои» (№ 24), «Герои Кавказа». С 1915 г. издавался литературно-художественный и политико-экономический журнал «1914 год. Наше воскресенье» (издание «Общества 1914 года»). Тематика его материалов определялась идеологией издателя – борьба с немецким засильем.

Жанровый диапазон публикаций военных лет был чрезвычайно широк: в газетах – оперативная информация, зарисовки с мест, в журналах – как информация о произошедших событиях, так и развернутые очерки с попытками их анализа. Получили распространение серийные издания, сборники очерков и статей. Известные ученые для публикации в коллективных трудах предоставляли статьи, связанные с проблематикой начавшейся войны. Во всей этой литературе с разной полнотой и глубиной освещения нашли отражение различные стороны военного бытия – патриотический подъем в начале войны и обличение австро-германских «варваров XX века», состояние народного хозяйства и быт населения, надежды на перемены. И, разумеется, стержневым направлением публикаций стала попытка дать оценку вооруженным силам и, возможно, полному с учетом цензурных ограничений ходу военных действий на всех сухопутных фронтах и морских театрах. Это относится не только к сражениям русских армий против германо-австрийско-турецких противников, но и к военным усилиям союзников России: российская печать подробно информировала о вызванных войной переменах во Франции и Англии, кровопролитных битвах на европейском Западном фронте.

Разными составителями и издателями публиковались сборники документов, законов, манифестов, рескриптов, указов, принятых по поводу войны¹. Среди них выделяется сборник в четырех выпусках Е. И. Авербаха. На протяжении всех лет войны он собирал, систематизировал и издавал законодательные, правительственные и другие юридические акты, принятые в России в связи с войной. Издание носило неофициальный характер, началось в Вильно и продолжалось в Петрограде вплоть до 1918 г., когда вышел его последний, пятый, том².

Международные отношения кануна войны нашли отражение в многочисленных сборниках дипломатических документов. Желание воюющих сторон оправдать себя и обвинить противника в развязывании мировой войны вызвало появление в первые дни войны «цветных книг» – подборок дипломатических документов. Это были серийные издания, каждое из которых отличалось цветом обложки: в России – «Оранжевая книга», в Великобритании – «Белая книга», во Франции – «Желтая книга», в Сербии – «Синяя книга», в Бельгии – «Серая книга», в Италии – «Зеленая книга», в Германии – «Белая книга», в Австро-Венгрии – «Красная книга». Зарубежные «цветные книги» были оперативно переведены и изданы в России. Публикация дипломатических документов продолжилась в советское время. Важную роль в извлечении документов из архивов МИД и их публикации сыграл журнал «Красный архив». Он напечатал не только дипломатическую переписку, но и разнообразные подборки других документов, в частности Ставки Верховного главнокомандующего и штаба главнокомандующего армиями Северного фронта за февраль–март 1917 г.³ Ориентиром в поиске помещенных в «Красном архиве» материалов является аннотированный указатель, который содержит перечень тем коллекций, опубликованных в журнале в 1922–1941 гг.⁴ Были изданы документы о разложении

¹ Дневник войны России с Германией, Австро-Венгрией и Турцией: сб. Высочайших манифестов, воззваний и телеграмм Верховного главнокомандующего, правительственных сообщений, официальных телеграмм о ходе военных действий. Пг.: Екатеринбург. печ. дело, 1914. Вып. 1–2; Важнейшие законы, указы и распоряжения военного времени: сб. законов, манифестов, указов Правит. сенату и министрам, Высочайших повелений, постановлений Совета Министров, Военного и Адмиралтейств-Совета, инструкций и распоряжений министров, изданных во время войны с Германией, Австро-Венгрией и Турцией: в 2 т. / прил. предмет. указ.; сост. С. М. Левин. Пг.: Изд-во юрид. кн. маг. Н. К. Мартынова, 1915–1916.

² Авербах Е. И. Законодательные акты, вызванные войной 1914–1915 гг.: в 4 т. Пг., 1915–1916; *Его же*. Законодательные акты, вызванные войною 1914 года: законы, манифесты, рескрипты, указы, положения Совета Министров, Военного и Адмиралтейств-Советов, распоряжения и постановления министров и др.: в 5 т. Изд-во неофици. Пг.: Тип. А. Г. Сыркина, 1915–1918.

³ Февральская революция 1917 года (Документы Ставки Верховного главнокомандующего и штаба главнокомандующего армиями Северного фронта) // Красный архив. 1927. Т. 21. С. 3–78; 1927. Т. 22. С. 3–70.

⁴ Красный архив. 1922–1941. Аннотированный указатель содержания / Р. Я. Зверев. М., 1960.

русской армии, об экономических аспектах войны¹, о некоторых важнейших боевых операциях².

Осмысление уроков войны произошло в формате эго-документов – в письмах, дневниках, военных зарисовках, дебатах современников (политиков, ученых, военных, рядовых участников и свидетелей событий), выливавшихся на страницы газет, журналов, брошюр и сборников статей, в мемуарах, написанных как по горячим следам, так и спустя десятилетия, когда живых ее участников и очевидцев уже не осталось. Все они формируют наряду с исследованиями социальную память о войне. Поэтому в необъятном массиве литературы о Первой мировой войне заслуживает внимания пласт печатных изданий, порожденный стремлением бывших государственных чиновников, а также частных свидетелей и участников событий отразить отношение к войне: первым – официальную оценку, вторым – свое персональное видение.

Личные ощущения и в более широком плане – панораму войны раскрывают мемуары российских политиков, дипломатов и военачальников. В них дипломаты А. П. Извольский, С. Д. Сазонов, А. А. Гирс, Б. Э. Нольде и другие показали закулисные стороны международных взаимоотношений и процесс принятия ключевых решений. Политические и общественные деятели, в их числе М. В. Родзянко, П. Н. Милюков, В. В. Шульгин, описали катастрофическую ситуацию в стране, выход из которой усматривали в перемене власти. Во что вылилась эта перемена власти, когда она свершилась в результате Февральской революции, видно из воспоминаний деятелей Временного правительства А. Ф. Керенского, А. И. Гучкова, А. И. Верховского. Генералы А. А. Брусилов, В. И. Гурко, А. И. Деникин, А. С. Лукомский, Ю. Н. Данилов, как и другие, сетовали на плохое материально-техническое оснащение армии, во многом повлиявшее на неуспех ряда боевых операций, показали ход сражений и свою личную роль в них, а провалы зачастую объясняли плохим руководством вышестоящих штабов и особенно – неподготовленностью императора Николая II как Верховного главнокомандующего.

Были опубликованы письма с фронта солдат и офицеров, воспоминания рядовых участников войны. Тема неисчерпаемая, особенно с учетом огромного объема хранящегося в архивах документального материала. Общим достоянием стали документы личного характера царствующих особ: переписка Вильгельма II с Николаем II³, дневниковые записи Николая II⁴ и великого князя Нико-

¹ Экономика империалистической войны... М.: Штаб РККА, 1932. Вып. 1: Экономическая война: (документы периода империалистической войны 1914–1918 гг.). 68 с.

² «Луцкий прорыв»: труды и материалы к операции Юго-Западного фронта в мае–июне 1916 года / под ред. П. В. Черкасова. М.: Высш. воен. ред. совет, 1924. 272 с.; Варшавско-Ивангородская операция: сб. док. мировой империалистической войны на русском фронте (1914–1917 гг.) / Ген. штаб РККА. М.: Изд-во и 1-я тип. Воениздата, 1938. 512 с.

³ Переписка Вильгельма II с Николаем II: 1894–1914 гг. / предисл. М. Н. Покровского; Централхив. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. 198, [14] с.

⁴ Николай II, имп. (Романов Н. А.). В первые дни мировой войны / предисл. Д. Заславского; подг. к печати А. А. Сергеев // Красный архив. 1934. Т. 3. С. 130–138.

лая Михайловича¹, семейная переписка членов императорского дома Романовых². По публикации эмигрантского издательства в Берлине стали известны письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II³, воспроизведенные затем журналом «Красный архив»⁴ и вышедшие отдельным изданием⁵.

Не был обойден вниманием и взгляд на Первую мировую войну союзников и противников России. Были изданы в переводе на русский язык воспоминания политических деятелей и военачальников Франции – Р. Пуанкаре, Ж. Жоффра, А. Ф. Петена, Ф. Фоша, М. Палеолога. Британскую интерпретацию событий представили мемуары Д. Ллойд Джорджа, Ф. Берти, Дж. Бьюкенена, Дж. Фуллера, труды Ю. Корбетта, Г. Ньюболта, Г. Вильсона. Германские оценки можно почерпнуть из книг императора Вильгельма II, его несостоявшегося наследника кронпринца Вильгельма, канцлеров О. Бисмарка, Б. Бюлова, Т. Бетман-Гольвега, дипломатов М. Эрцбергера и Ф. Пурталеса, военачальников Э. Фалькенгайма, П. Гинденбурга, Э. Людендорфа, М. Гофмана, адмиралов А. Тирпица и Р. Шеера. Мемуарами министра иностранных дел О. Чернина представлена Австро-Венгрия. Названный, далеко не полный перечень авторов воспоминаний – политиков, военачальников, дипломатов – дает представление о тех дополнительных возможностях разобраться в событиях, которые предоставляет ознакомление с мемуарами выдающихся деятелей эпохи Великой войны.

На протяжении 1918–1930-х годов Первая мировая война стала объектом тщательного анализа со стороны советских гражданских и военных историков. После ее окончания сложились условия, позволявшие более взвешенно оценить причины возникновения и социально-политические последствия войны, главными из которых были крах российской, германской, австро-венгерской и турецкой монархий, победа Революции в России. В Советской России, а затем и в СССР были опубликованы не только дипломатические документы, относящиеся к происхождению и итогам мировой войны, но и исследовательские труды о международных отношениях предвоенного времени. В исследованиях 1918–1930-х годов широко разрабатывалась тема разложения русской армии накануне и после Февральской революции 1917 г., что стало благоприятным фактором победы Октябрьской революции. Эти годы в историографии войны отмечены выходом большого числа военно-исторических трудов, в создании

¹ Николай Михайлович, вел. кн. записки // *Там же*. 1931. Т. 4/5. С. 140–183.

² Николай II и великие князья (родственные письма к последнему царю) / предисл. В. И. Невского, ред. и вступ. ст. В. П. Семенникова. Л.; М.: Гос. изд-во, 1925. 156 с.

³ Письма императрицы Александры Федоровны императору Николаю II: в 2 т. Берлин: Слово, 1922. Т. 1. 150 с.

⁴ Семейная переписка Романовых. Переписка Николая Романова с Александрой Федоровной // *Красный архив*. 1923. Т. 4. С. 157–221.

⁵ Переписка Николая и Александры Романовых / предисл. М. Н. Покровского; Центр-архив. Пг.: Гос. изд-во, 1923–1927. Т. 3: 1914–1915 гг. 1923; Т. 4: 1916 год. М.; Л., 1926; Т. 5: 1916–1917 гг. 1927. [Т. 1–2 не выходили].

которых приняли участие многие видные военачальники царской армии, занимавшие в ней высокие командные посты: Я. К. Цихович – командующий армией, Г. К. Корольков – командир корпуса, А. А. Незнамов – генерал-квартирмейстер штаба 7-й армии и Румынского фронта, В. Н. Клембовский – главнокомандующий армиями Северного фронта, А. М. Зайончковский – командир корпуса, М. Д. Бонч-Бруевич – генерал-квартирмейстер штаба 3-й армии Юго-Западного фронта, а затем генерал-квартирмейстер штаба Северо-Западного фронта. Следует отметить и появление в этот период исследований о боевых действиях на территории Беларуси.

События войны нашли отражение в художественной литературе¹. Роман А. Барбюса «Огонь» вышел в 1916 г. во Франции, уже к 1919 г. он был опубликован в России шесть раз² и затем неоднократно переиздавался³. И следующий антивоенный роман Барбюса – «Ясность» (1919) – тоже вышел на русском языке⁴. В 1929 г. три знаменитых романа о войне – Э. М. Ремарка «На Западном фронте без перемен»⁵, Э. Хемингуэя «Прощай, оружие!»⁶, Р. Олдингтона «Смерть героя» (1929)⁷ – были опубликованы на языках оригиналов в Германии, США, Англии. Они были сразу же переведены на русский язык. Все эти книги – своеобразные манифесты «потерянного поколения» – рассказывали о тех, кто стал жертвами войны, даже если спасся от снарядов. *«Книга, – писал Олдингтон о своем романе, – является надгробным плачем, памятником, быть может, неискusstным, поколению, которое горячо надеялось, боролось честно и страдало глубоко»*. В разных контекстах и образах предстает война в трилогии А. Н. Толстого «Хождение по мукам» (1922, 1928, 1941), романах К. А. Федина «Города и годы» (1924), М. А. Шолохова «Тихий Дон» (1928–1932 и 1937–1940) и многих других. Как личности проявляют себя в условиях кровопролитных боев, раз-

¹ Эта тема стала объектом исследования уже в межвоенный период: *Цехновицер О.* Литература и мировая война. М.: Гослитиздат, 1938. 432 с.

² *Барбюс А.* В огне (Дневник одного взвода): роман / предисл. М. Горького. 6-е изд. Пг.: Петрогр. совет раб. и крест. депутатов, 1919. 299 с.

³ *Барбюс А.* Собрание сочинений: в 2 т. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. Ч. [1]: Огонь: Дневник одного взвода. 1929. 334 с.; *Его же.* В огне / предисл. М. Горького. М.; Л.: Academia, 1935. 343 с.; *Его же.* Огонь / пер. И. Е. Спивака; под ред. Б. А. Грифцова; предисл. М. Горького. М.: Гослитиздат, 1936. 304 с.; *Его же.* Огонь / предисл. М. Горького. Минск: Гос. изд-во Белоруссии, 1937. 401 с.; *Его же.* Огонь: сокр. изд. / пер. с фр. В. Парнах. М.: Воениздат, 1940. 212 с.

⁴ *Барбюс А.* Огонь. Ясность. Письма с фронта. М.: Худ. лит., 1940. 631 с.; *Его же.* Огонь. Ясность. Письма с фронта. М.: Гослитиздат, 1940. 636 с.

⁵ *Ремарк Э. М.* На Западе без перемен / авториз. пер. с нем. С. Мятёжного и П. Черевина; под ред. А. Эфроса. М.: Федерация, 1929. 299 с.; *Его же.* На Западном фронте без перемен / пер. с нем. С. Мятёжного и П. Черевина; под ред. Дм. Уманского. М.; Л.: Земля и фабрика, 1929. 224 с.

⁶ *Хемингуэй Э.* Прощай, оружие! / пер. Евг. Калашниковой; предисл. С. Динамова. М.: Гослитиздат, 1936. 338, 3 с.

⁷ *Олдингтон Р.* Смерть героя / авториз. пер. с англ. А. В. Кривцовой, Е. Ланна; предисл. Д. Горбова. М.; Л.: Худ. лит., 1932. 335 с.

рушения привычного уклада жизни, духовного опустошения и бесконечных жертв герои М. И. Горьцкого. Литературные произведения 1920–1930-х годов о Первой мировой войне отличаются документально точная, облеченная в художественную форму передача военных реалий.

Начиная с 1914 г. в России, а затем и в Советском Союзе к 1941 г. вышло огромное количество работ о войне разных видов и жанров. Тем не менее после окончания Великой Отечественной Первая мировая война в Советском Союзе на долгие годы выпала из национально-культурного дискурса. И лишь круглые даты – 80-, 90- и особенно 100-летний юбилей со дня начала и окончания Первой мировой войны активизировали изучение различных ее аспектов. Но и на фоне всплеска интереса к войне в связи со 100-летним юбилеем полноценного анализа трудов, посвященных ей, до сегодняшнего дня сделано не было. Даже фундаментальные исследования, такие как «Мировые войны XX века»¹ и «Первая мировая война» в шести томах², «Первая мировая война: историографические мифы и историческая память»³, содержат весьма скупые историографические обзоры, касающиеся ее изучения в межвоенный период. В них не попали многие крупные труды, не говоря уже о работах других жанров, форматов и объемов. И даже специальные исследования по историографии Первой мировой войны⁴ практически не замечают проводившуюся в 1918–1941 гг. разноплановую научную работу по сохранению памяти о Великой войне. В связи с отсутствием обобщающего исследования опубликованного документального и историографического наследия, посвященного Первой мировой войне, и написана наша книга.

В условиях пандемии, охватившей мир, это исследование могло бы появиться еще не скоро, если бы не возможность продолжать его благодаря проведенной библиотеками, научными учреждениями и просто энтузиастами огромной работе по оцифровыванию множества публикаций, посвященных Первой мировой войне, что позволяло не останавливаться и вести полноценный и эффективный поиск материалов для включения их в книгу.

¹ Мировые войны XX века: в 4 кн. / [Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории, Ассоц. историков Первой мировой войны, Ассоц. историков Второй мировой войны]; редкол.: В. А. Золотарев [и др.]; рук. проекта О. А. Ржешевский. М.: Наука, 2002–2005. Кн. 1: Первая мировая война. Ист. очерк / Б. М. Туполев [и др.]; сост. и авт. ст. В. Л. Мальков, Ю. А. Поляков; ред. Г. Д. Шкундин. М., 2002. 686 с.

² Первая мировая война 1914–1918 годов: в 6 т. / В. А. Золотарев [и др.]; под общ. ред. С. К. Шойгу; М-во обороны Рос. Федерации. М.: Кучково поле, 2014–2017.

³ Первая мировая война: историографические мифы и историческая память: [в 3 кн.] / под ред. О. В. Петровской. М.: Рос. ин-т стратег. исследований, 2014.

⁴ См.: Шубин Н. А. Россия в Первой мировой войне. Историография проблемы (1914–2000 гг.): дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09. М., 2001. 289 с.

СОБЫТИЯ ВОЙНЫ В ОПЕРАТИВНОМ ОТРАЖЕНИИ ПЕЧАТНЫХ ИЗДАНИЙ

1.1. Эмоционально-патриотические настроения начала Великой войны

28 июля 1914 г. Австро-Венгрия объявила войну Сербии, Россия ответила мобилизацией, западные губернии переводились на военное положение, а массы народа встретили объявление войны стихийными демонстрациями. Манифестации прошли в Санкт-Петербурге и Москве, многих провинциальных городах. «Правительственный вестник» сообщал, что в Туле *«состоялась грандиозная патриотическая манифестация в числе свыше 10 тысяч человек, которые с оркестром музыки и пением национального гимна прошли по главным улицам города и направились к дому губернатора, где неоднократно исполнялся гимн и были произнесены патриотические речи. По просьбе горожан была послана телеграмма сербскому посланнику в Санкт-Петербурге с выражением сербскому народу пожелания победы над врагом»*¹. Подобные народные демонстрации проходили повсеместно.

Когда же 1 августа 1914 г. германский посол в Санкт-Петербурге Фридрих Пурталес вручил министру иностранных дел С. Д. Сазонову ноту об объявлении Германией войны России, волна массового патриотического подъема поднялась до предела. Председатель Государственной Думы М. В. Родзянко описал события в день объявления царского манифеста о войне: *«Мы смешались с толпой. Шли рабочие. Я остановил их и спросил, каким образом они очутились здесь, когда незадолго перед тем бастовали и чуть ли не с оружием в руках предъявляли экономические и политические требования. Рабочие ответили: “То было наше семейное дело. Мы находили, что через Думу реформы идут очень медленно. Но теперь дело касается всей России. Мы пришли к своему царю, как к нашему знамени, и мы пойдем с ним во имя победы над немцами”»*². В Минске, Могилеве, Витебске местные органы власти провели «патриотические» собрания, на которых заявлялось, что война ведется в целях защиты Родины. Особый подъем наблюдался в Могилеве. Здесь прошли собрания предводителей дворянства, членов земства, почетных граждан, духовенства и учителей, участники которых заверяли, что население губернии единодушно одобряет политику правительства и готово на любые жертвы ради Отечества.

¹ Правительственный вестник. 1914. 19 июля. № 159.

² Родзянко М. В. Крушение империи. Л.: Прибой, 1929. С. 95.

Поток газетно-журнальных публикаций патриотического свойства был огромен: один только М. О. Меньшиков, крупнейший идеолог русского национализма, виднейший публицист того времени, откликнулся на начавшуюся войну публикацией 163 патриотических и националистических по содержанию статей, лейтмотивом которых стал лозунг: «Должны победить»¹. «Россия не обманет надежд, возлагаемых на нее Государем», – заверяла 21 июля редакция «Голоса Москвы» в передовой статье «Война», – и, «конечно, в эту минуту у нас уже нет ни партий, ни внутренних раздоров». Война была объявлена всенародной. Это получило поддержку во всех слоях населения. «Народ принял войну, война популярна. В этом не было сомнений уже в первые дни мобилизации», – говорилось в статье «Популярная война» в «Русских ведомостях» 3 сентября. Кадетская газета «Речь» писала в передовой статье 7 сентября, что с самого начала война стала народной: «До самых глубоких слоев всколыхнула она океан – Россию. Трудящиеся люди: крестьяне и рабочие пошли на эту войну сознательно, приняли ее как веление судьбы»².

Патриотический подъем соединил воедино различные социальные слои. На начало военных событий откликнулись деятели культуры, поместившие 28 сентября 1914 г. в газете «Русские ведомости» воззвание «По поводу войны. От писателей, художников и артистов»³. В нем звучал протест против жестокости войны и варварства Германии, в результате чего «гибнут в пожарищах драгоценные создания искусства, храмы и книгохранилища, сметаются с лица земли целые города и селения, кровью текут реки», прозвучала тревога, что широко брошенное рукой Германии семя национальной гордыни и ненависти пламенем может перекинуться ожесточением к другим народам. Воззвание заверяло о поддержке курса правительства на освобождение народов мира от «тевтонского варварства», единении внутренних сил страны, выражало уверенность в победе России. В очерке «Бельгийцам» Л. Н. Андреев предрекал победу союзнических армий: «Наступит некогда день – и в Берлин вступят войска союзных держав. Войдет

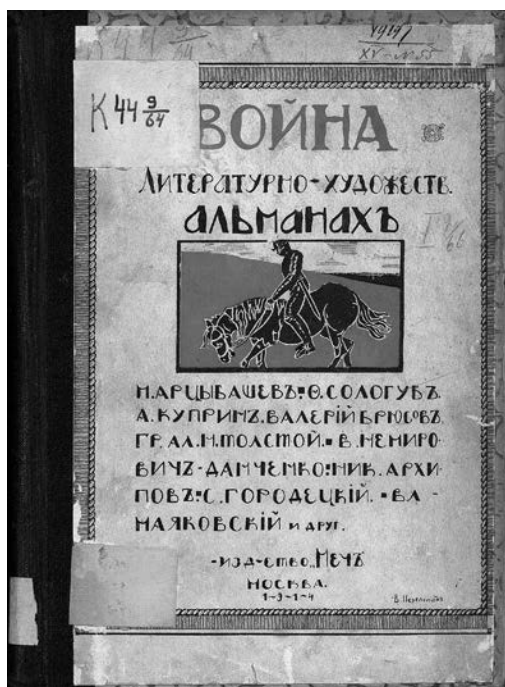
Леонид Николаевич Андреев

¹ См.: Репников А. В. Геополитические прогнозы российских консерваторов в период Первой мировой войны // Предпосылки Первой мировой войны: сб. докл. Междунар. конф., 9–11 июня 2013 г. Вильнюс, 2013. С. 79.

² Речь. 1914. 7 сент. С. 1.

³ Среди подписавших воззвание были И. Бунин, М. Горький, А. Серафимович, С. Скиталец, Н. Телешов, И. Шмелев, Ф. Корш, В. Васнецов, К. Коровин, А. Архипов, С. Коненков, К. Stanisлавский, Е. Вахтангов, М. Ермолова, Ф. Шаляпин, А. Южин-Сумбатов, П. Струве и многие другие.

русская армия. Огромная, серая и трудовая, спокойная и неторопливая, она идет долго по асфальтовым мостовым, отбивая привычный тяжелый шаг. <...> Войдет французская армия. Легко и весело шагают французы, такие странные и такие неприличные на улицах мрачного Берлина, в своих старомодных красных шароварах; радостью горят их черные глаза, и с обидным любопытством рассматривают они свежие памятники прусской столицы, переешептываются, смеются. <...> А вот и англичане <...> все та же твердая поступь, какую уже давно измерили они землю, все тот же спокойный и гордый взгляд, все та же отвратительная манера держаться господами даже в Берлине. <...> Обидно и горько мрачному Берлину»¹. В начале войны в столицах вышли литературно-художественные сборники и альманахи, наполненные очерками, стихами, посвященными развернувшейся войне². Один из них прямо указывал – «На помощь Польше»³, другие – «На помощь жертвам войны»⁴.

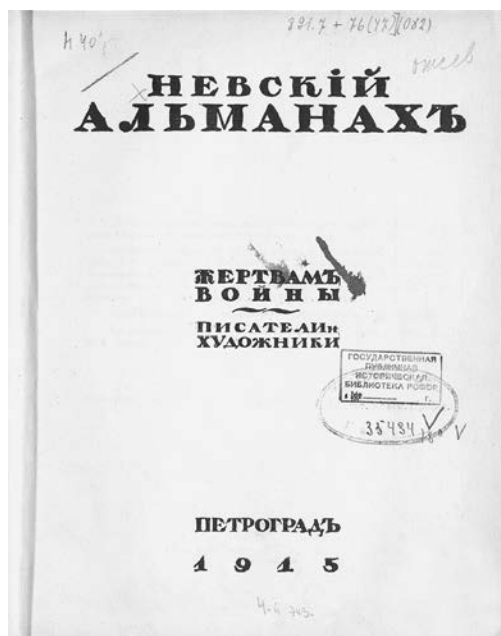
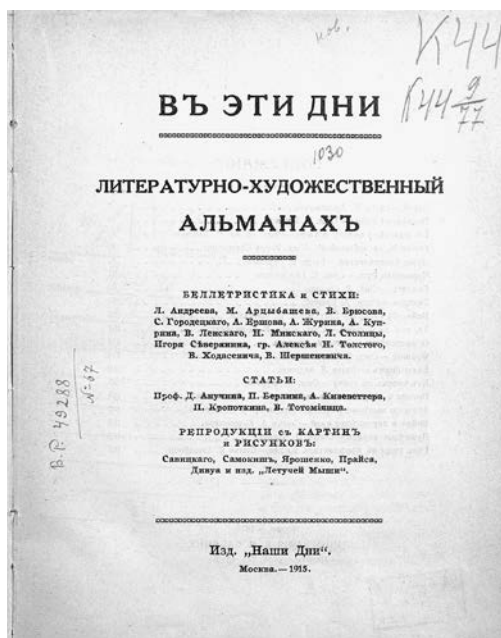

¹ Андреев Л. Бельгийцам // Мир и война. М.: Общее дело, 1914/1915. № 4. С. 3.

² Война: лит.-худ. альманах. М.: Меч, 1914. 171 с.; В эти дни: лит.-худ. альманах. М.: Наши дни, 1915. 192 с.; Священный стяг: стихи о войне 1914–1915 г. Пг.: Изд-во Скобелевского ком., 1915. 52 с.; Война в русской лирике: сб. / сост. В. Ходасевич. М.: Польза, 1915. 114 с.

³ Современная война в русской поэзии. Вып. [1–2] / [сост.] Б. Глинский. Пг.: Тип. т-ва А. С. Суворина «Новое время», 1915. Вып. 1. С. I.

⁴ Клич: сб. на помощь жертвам войны / под ред. И. А. Бунина, В. В. Вересаева, Н. Д. Телешова. М., 1915. 220 с.; Невский альманах: жертвам войны писатели и художники: в 2 вып. / ред. ком.: Ф. Д. Батюшков, С. А. Венгеров, А. Г. Горнфельд. Пг.: О-во рус. писателей для помощи жертвам войны, 1915. Вып. I: Стихи. Проза. Рисунки. 102 с.

Широкий отклик получил призыв собирать деньги на устройство военных госпиталей и питательных пунктов для пострадавших от военных действий. Началось движение по сбору добровольных пожертвований. Деятели культуры и искусства, преподаватели перечисляли гонорары на лечение раненых за концерты и лекции, за продажу книг. Студенты устраивали «кружечные

сборы». В октябре 1914 г. в ответ на воззвание к деятелям искусства с призывом собрать деньги на устройство «Лазарета деятелей искусства Петрограда» общество «Мир искусства» на аукционе продало 262 произведения, вырученную сумму в размере 8500 руб. передало на создание лазарета¹.

Одна из наиболее впечатляющих акций – добровольное вступление в действующую армию. Пример показал депутат 2-й, 3-й и действовавшей 4-й Государственной Думы В. В. Шульгин. С началом войны он добровольно ушел на Юго-Западный фронт прапорщиком 166-го Ровненского пехотного полка, весной 1915 г. был тяжело ранен в атаке под Перемышлем, из-за невозможности остаться в строю вынужден был принять заведование фронтовым питательно-перевязочным пунктом и лишь для участия в думских сессиях приезжал в Петроград. На фронт уходили литераторы, художники, артисты, учителя, врачи, студенты. В первый год войны число добровольцев из интеллигентов превысило 3700 человек². Писатель В. В. Вересаев во время войны стал военным врачом в Коломне, участвовал в организации московского военно-санитарного отряда. Поэт, прозаик, переводчик и литературный критик Н. С. Гумилев вступил вольноопределяющимся в армию и уже 19 ноября 1914 г. принял участие в боях. С этой даты вплоть до января 1917 г. он с небольшими перерывами на лечение находился на фронте, был награжден двумя Георгиевскими крестами, орденом Св. Станислава с мечами и бантом. На фронте Гумилев не оставлял и литературное творчество: печатал критические статьи о русской поэзии, в 17 выпусках «Биржевых ведомостей» опубликовал «Записки кавалериста». Война в «Записках» выглядит чуть ли не празднично, слишком радужно. Но, может быть, кто-то и должен был оставлять людям надежду на лучший исход, когда остальные, даже власти, этой надежды лишали? Известный историк А. Б. Давидсон сопоставляет впечатления Гумилева и оценку обстановки, которую сделал военный министр А. А. Поливанов на заседании Совета Министров 4 августа 1915 г.: *«По-прежнему ничего отрадного, бодрящего. Сплошная картина разгрома и растерянности... Уповаю на пространства непроходимые, на грязь непролазную и на милость Николая Мирликийского, покровителя Святой Руси»*³. Что сказать об этих двух взглядах? Мечты Гумилева о России, «завоевывающей и торжествующей», куда ближе и желаннее не оставлявшим надежды пророчествам военного министра. Гумилев же оставался на фронте до конца войны, лишь в 1917 г. был переведен в русский экспедиционный корпус во Франции, откуда вернулся в Россию в апреле 1918 г.

Не уклонились от своего долга и деятели культуры, оказавшиеся в действующей армии по мобилизации. Призванный в армию поэт Саша Черный (А. М. Гликберг) с началом войны служил в полевых госпиталях. Поэт, пере-

¹ Выставка в пользу Лазарета деятелей искусства // Искусство и жизнь. 1915. № 1. С. 6.

² Смирнов Н. Н. Война и российская интеллигенция // Россия и Первая мировая война / редкол.: Н. Н. Смирнов [и др.]. СПб.: Дмитрий Буланов, 1999. С. 263.

³ Подробнее см.: Давидсон А. Мир Николая Гумилева, поэта, путешественника, воина. М.: Рус. слово, 2008. С. 180–183.

водчик и исследователь футуризма Б. К. Лившиц начал службу в 146-м пехотном Царицынском полку летом 1914 г., за храбрость был награжден Георгиевским крестом. Многие деятели культуры с громкими именами отправились на фронт военными корреспондентами. Среди них – В. Я. Брюсов в качестве корреспондента «Русских ведомостей».

Патриотический подъем был откровенно антигерманским. Газеты в первые дни войны были полны рассказов и сообщений об издевательствах, которым подвергались русские подданные в Германии, не успевшие вовремя покинуть ее территорию. Они производили ошеломляющий эффект. В патриотической эйфории население городов иногда переходило допустимую в цивилизованном обществе грань. Толпы манифестантов в Петербурге в первые дни войны разгромили германское посольство, забрасывали камнями немецкие магазины и кафе. Из столицы были выселены немцы и австрийцы, она потеряла свое первозданное имя. 31 июля (12 августа) 1914 г. в экстренном добавлении к вечернему выпуску газеты «Биржевые ведомости» было опубликовано сообщение: *«Чешская колония в Петербурге выработала текст обращения к русскому населению: “Ныне вполне своевременно и уместно вспомнить почин длинного ряда русских деятелей и мыслителей XVIII и начала XIX веков, которых коробило немецкое название нашей столицы. <...> Пора исправить ошибку предков, пора сбросить последнюю тень немецкой опеки. Мы, чехи, просим общественное управление столицы войти с ходатайством на Высочайшее Имя об утверждении и обязательном впредь употреблении русского названия столицы “Петроград”. Под этим воззванием чешская колония успела собрать целую массу подписей среди всех классов населения»*¹. Император Николай II 18 августа 1914 г. переименовал Санкт-Петербург в Петроград. Его решение было воспринято неоднозначно. Наряду с одобрением звучали и осуждающие голоса. Позже знаменитый юрист А. Ф. Кони написал: *«Историческое имя, связанное с его основателем и заимствованное из Голландии, напоминающее “вечного работника на троне”, заменено, под влиянием какого-то патриотического каприза, ничего не говорящим названием Петрограда, общего с Елизаветградом, Павлоградом и другими подобными»*². И А. Ф. Кони был далеко не одинок в своем неприятии нового имени столицы.

Несмотря на разочаровавшее многих переименование Санкт-Петербурга, доминировало ощущение всеобщего антигерманского энтузиазма и сплочения; пусть оно, это ощущение, оказалось иллюзорным, быстро угасавшим в ходе войны, но тогда, в начале ее, охватило все слои общества. 5 декабря 1914 г. Министерство внутренних дел утвердило Устав общероссийского «Общества 1914 года». Его целью провозглашалось *«содействие самостоятельному развитию производительных и творческих сил России, ее познанию и просвещению и освобождению русской духовной и общественной жизни, промышленности*

¹ Биржевые ведомости. 1914. 31 июля (12 авг.). № 14281. С. 2.

² Кони А. Ф. Петербург. Воспоминания старожила. Пг.: Атеней, 1922. С. 7.

и торговли от немецкого засилья»¹. «Общество» планировало вести работу по разным направлениям: научному, педагогическому, торгово-промышленному, техническому, медицинскому, печати, трудовой помощи, юридическому, литературно-художественному, – стремясь повсюду поддерживать все русское и бойкотировать немецкое.

Посол Франции в России Ж. М. Палеолог свидетельствовал: *«Война, по-видимому, возбудила во всем русском народе удивительный порыв патриотизма. Сведения, как официальные, так и частные, которые доходят до меня со всей России, одинаковы. В Москве, Ярославле, Казани, Симбирске, Туле, Киеве, Харькове, Одессе, Ростове, Самаре, Тифлисе, Оренбурге, Томске, Иркутске – везде одни и те же народные восклицания, одинаковое, сильное и благородное усердие, одно и то же объединение вокруг царя, одинаковая вера в победу, одинаковое возбуждение национального сознания. Никакого противоречия, никакого разномыслия»*².

В основе такого единения в отношении к войне лежало охватившее массы людей общее настроение, которое социал-демократ Г. В. Плеханов выразил в таких словах: *«Я сочувствую своей родине, когда она подвергается нападению»*³. Этот лейтмотив стал доминирующим в выступлениях политических деятелей всех направлений. Лидер конституционных демократов П. Н. Миллюков писал о политических настроениях, которые возобладали в момент объявления войны: все *«различия должны были стушеваться перед общим проявлением чувства здорового патриотизма при вторжении врага в пределы России... Но на русской оппозиции лежал особый долг – торжественно засвидетельствовать это чувство по отношению к правительству, с которым мы боролись»*. И объяснил почему: *«Каково бы ни было наше отношение к внутренней политике правительства, наш первый долг сохранить нашу страну единой и неделимой и защищать ее положение мировой державы, оспариваемое врагом. Отложим наши внутренние споры, не дадим противнику ни малейшего предлога рассчитывать на разделяющие нас разногласия и будем твердо помнить, что в данный момент первая и единственная наша задача – поддержать наших солдат, внушая им веру в наше правое дело, спокойное мужество и надежду на победу нашего оружия»*⁴. Руководитель партии «Союз 17 октября», председатель Государственной Думы М. В. Родзянко говорил французскому послу в Петербурге М. Палеологу: *«Война внезапно положила конец всем нашим внутренним раздорам. Во всех думских партиях помышляют только о войне с Германией»*⁵. В выходивших большими тиражами журнальных и га-

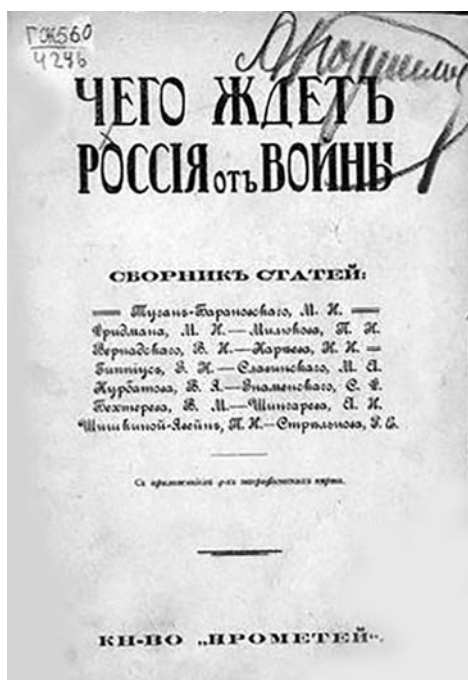
¹ Устав «Общества 1914 года» // Прил. к кн.: *Сергеев И. И.* Мирное завоевание России немцами. Пг.: Изд-во «Общества 1914 г.», 1915.

² *Палеолог М.* Царская Россия во время мировой войны / пер. с фр.; предисл. М. Павловича. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. С. 95.

³ Война: сб. ст. / при участии И. Аксельрод [и др.]. [Paris, 1915]. С. 27.

⁴ *Миллюков П. Н.* Воспоминания (1859–1917): в 2 т. / под ред. М. М. Карповича, Б. И. Элькина. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955. Т. 2. С. 189–190.

⁵ *Палеолог М.* Царская Россия во время мировой войны. С. 74.

зетных статьях настойчиво внедрялась в массовое сознание концепция справедливой для России и ее союзников войны против германской и австро-венгерской монархий, стремившихся к порабощению всего мира. По свежим следам событий выходили небольшие, объемом в 20–80 страниц, брошюры, предназначенные дать массовому читателю, не искушенному в мировой политике, официальную версию причин и целей войны¹. С позиций православного патриотизма выступил ряд философов-интеллектуалов².

Не осталась в стороне университетская профессура. Известный русский экономист профессор М. И. Туган-Барановский взял на себя труд собрать творческий коллектив, подготовить к изданию сборник «Вопросы мировой войны», а заработанные деньги употребить на нужды госпиталя. Свои статьи предоставили виднейшие ученые. Сборник получился внушительным по объему (675 страниц текста), представительным по составу авторов, глубоким по содержанию³.

¹ *Кашикаров В.* На пороге великих событий (замыслы Германии и задачи России). М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1914. 79 с.; *Трубецкой Е. Н.* Война и мировая задача России. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1915. 23 с.; *Майстрах В. Ф.* Как мы дошли до войны с немцами? М.: Тип. АО «Моск. изд-во», 1914. Кн. 1. 48 с.; *Его же.* Причины мировой войны: двуличие немцев. М.: Тип. АО «Моск. изд-во», 1914. Кн. 1. 36 с.; *Его же.* Немецкий задор, близорукость, одичание – как причины мировой войны. М.: Тип. АО «Моск. изд-во», 1914. Кн. 2. 36 с.

² *Трубецкой Е. Н.* Смысл войны. М.: Путь, 1914. Вып. 1. 46 с.; *Эрн В. Ф.* Меч и крест: ст. о соврем. событиях. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1915. 104 с.; *Его же.* Время славянофильствует. Война, Германия, Европа и Россия. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1915. 48 с.

³ *Вопросы мировой войны: сб. ст. / под ред. М. И. Туган-Барановского.* Пг.: Право, 1915. 675 с.

Михаил Иванович
Туган-Барановский

Сами статьи отличала актуальность, в подтверждение только несколько тем: «Мартиролог погибших памятников искусства» (Е. Е. Баумгартен), «Война и психозы» (В. М. Бехтерев), «Война и деньги» (М. И. Боголепов), «Борьба европейских держав за Бельгию» (В. А. Бутенко), «Война и право» (В. М. Гессен), «Борьба народов» (Э. Д. Гримм), «Война с искусством» (Ф. Ф. Зелинский), «Прошлое двух союзов великих европейских держав» (Н. И. Кареев), «Национальный вопрос и империализм» (М. М. Ковалевский), «“Нейтрализация” Дарданелл и Босфора» (П. Н. Миллюков), «Эльзас-Лотарингский вопрос накануне великой европейской войны» (Е. В. Тарле), «Влияние войны на народное хозяйство России, Англии и Германии» (М. И. Туган-Барановский) и др.

«Чего ждет Россия от войны» – под таким названием вышел еще один сборник статей, на страницах которого со своими размышлениями о будущем мире высказались как известные ученые, политические и общественные деятели, так и литераторы¹. Среди них – М. И. Туган-Барановский («Война и народное хозяйство»), М. И. Фридман («Война и финансы»), П. Н. Миллюков («Территориальные приобретения России»), В. И. Вернадский («Война и прогресс науки»), Н. И. Кареев («Мысли о русской науке по поводу настоящей войны»), З. Н. Гиппиус («Война, литература, театр»), М. А. Славинский («Война и национальный вопрос»), В. Я. Курбатов («Опасности германской художественной культуры»), С. Ф. Знаменский («Основные задачи в области образования»), В. М. Бехтерев («Война и здоровье населения России»), П. Н. Шишкина-Явейн («Война и женщина»), Р. Е. Стрельцов («Внешняя политика»). Академик В. И. Вернадский в очерке «Война и прогресс науки» писал: *«Эта война, так или иначе дав выход силам прошлого, начнет новое будущее. Ясно для всех, что после пережитого человечеством величайшего в истории потрясения не могут продолжаться неизменными те злобы дня и те перспективы, какие, казалось нам, еще*

Поликсена Нестерова
Шишкина-Явейн

¹ Чего ждет Россия от войны: сб. ст. Пг.: Прометей, 1915. 223 с.

на днях могли бы идти без яркого изменения года и десятилетия. После этой войны неизбежно в жизнь войдет так много нового, что нельзя будет безнаказанно и спокойно тянуть старое – как будто ничем не прерванное»¹. Известная общественная деятельница П. Н. Шишкина-Явейн в очерке «Война и женщина» утверждала, что война «неизбежно понесет за собою переоценку наших общественных ценностей», «и надо думать, что <...> не забудется, наконец, и русская женщина, как гражданка своего отечества», «еще раз доказавшая свой интерес к общественной жизни страны, свою политическую зрелость. Женщина ждет, что настало, наконец, время, когда ей будет отведено лучшее место в жизни страны, что исчезнут навсегда законы, лишаящие женщину человеческих прав избирать представителей в законодательные учреждения своей страны наряду с преступниками, детьми и идиотами. Женщина ждет, что великая идея “равенства полов перед законом” – засияет у нас ярким светочем, неся мир и счастье народу»².

Владимир Иванович
Вернадский

Многие публицисты, общественные и политические деятели, ученые надеялись, что с окончанием войны «человечество вступит в новую эру, а международная жизнь в корне преобразится»³. Как размышлял в 1914 г. депутат 1-й Государственной Думы, профессор Московского университета С. А. Котляревский, «мы переживаем великий перелом – и не только в той сфере, в которой непосредственно проходит война. Создаются новые отношения между государствами и между народами, закладываются новые основания для устройства этих государств, новые пути развития этих народов, но, кроме всего этого, меняется та духовная атмосфера, в которой жило и с которой свыклось современное че-

Сергей Андреевич
Котляревский

¹ Вернадский В. И. Война и прогресс науки // Чего ждет Россия от войны: сб. ст. С. 63.

² Шишкина-Явейн П. Н. Война и женщина // Там же. С. 214.

³ Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / В. Б. Аксенов [и др.]; отв. ред. Ю. А. Петров. М.: РОССПЭН, 2014. С. 11.

Владимир Михайлович
Бехтерев

В речи «Моральные итоги Великой мировой войны» (2 февр. 1915 г.), затем дополненной и опубликованной в виде отдельной брошюры, академик В. М. Бехтерев в таких же тонах расценивал общественное настроение первых дней войны: «Россия встрепенулась, как один человек, в сознании явной государственной опасности и, что характерно, встрепенулась в бодром стремлении сделать все возможное для отпора вражескому нашествию, с которым, как было ясно для всех, шло торжество германского милитаризма. Ни в печати, ни в государственных учреждениях не было в этом отношении диссонанса. Война пробудила парализованную до тех пор народную энергию и дала такой мощный толчок общественной жизни, последствия которого дадут себя чувство-

ловечество»¹. Ректор Петербургского университета профессор Э. Д. Гримм писал: «То, что должно быть прежде всего учтено, если кто-либо желает понять значение совершающегося, это именно то, что сражающиеся народы сделали эту войну своей, признали ее “настоящей” и вносят в нее всю доступную каждому из них сумму напряжения духовной и материальной энергии. Когда она началась, одни отнеслись к ней как к празднику своей силы, другие как к неустрашимому испытанию, но все сразу поняли, что решаться тут будет не вопрос самолюбия и не вопрос о приобретении или утрате стольких-то квадратных миль территории, а вопрос национально-государственного существования, вопрос о всем будущем данной национальной жизни и всей европейской культуры»².

¹ Котляревский С. А. Война // Вопр. философии и психологии. 1914. Кн. 124 (4). С. 1.

² Гримм Э. Д. Борьба народов // Вопр. мировой войны: сб. ст. / под ред. М. И. Туган-Барановского. Пг.: Кн. склад «Право», 1915. С. 1.

вать надолго и после войны»¹. В. М. Бехтерев утверждал: «Первый основной моральный общечеловеческий итог, который мы должны отметить, как результат текущей войны, это объединение народов Европы в лице союзников против милитаристических стремлений и империализма Германии во имя торжества принципов международного права. <...> В результате войны мы должны ожидать глубокого морального переворота в международных отношениях и грядущего торжества принципов права и большей свободы всех вообще народов»². Ему представлялось, что война даст в результате сдвиг человеческой мысли в направлении большего торжества идеалов права и свободы. «Можно думать, – писал он, – что нынешняя война составит своего рода

Питирим Александрович Сорокин

перелом в жизни народов, и когда пройдут века, то будут смотреть на весь период до настоящей войны как на период грубого варварства, за которым последует период другой жизни с иными социальными принципами, ибо после такой войны, как нынешняя, руководители политики европейских государств обязаны найти пути к справедливому размежеванию интересов и границ между отдельными народами, что даст возможность установить с течением времени всеобщий союз народов между собой и обеспечить соответственным образом нейтралитет всех держав, мирно сожительствоющих друг с другом»³. Важнейший моральный итог войны В. М. Бехтерев увидел в развенчивании германизма как культурного светоча современной Европы. До войны германская культура была притягательной. С началом военных действий у всех как бы раскрылись глаза: вместе с наглым попранием нейтралитета Люксембурга и Бельгии стали видны тевтонские приемы бесцельной расправы с ценнейшими сокровищами наук и искусств, зверского отношения к мирным жителям со стороны немцев и в Бельгии, и в Польше. Возникло понимание, что под внешней культурной оболочкой может скрываться антикультурность, носителем которой проявило себя не только прусское юнкерство, но и другие слои населения: немцам в целях победы «все дозволено».

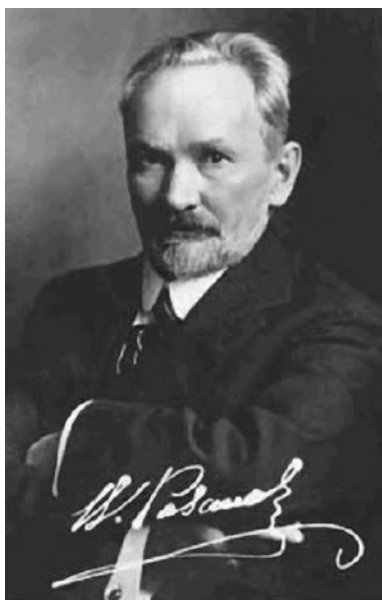
Эсеровский идеолог, будущий знаменитый социолог и культуролог П. А. Сорокин высказывался за «успешную оборонительную войну на основе внутренних реформ»⁴. Писатель Л. Н. Андреев свое принятие войны объяснял тем,

¹ [Бехтерев В. М.] Моральные итоги Великой мировой войны / Речь... сказанная акад. В. М. Бехтеревым. Пг.: Тип. «Кюгильген, Глич и К°», 1915. С. 4.

² Там же. С. 12.

³ Там же. С. 18.

⁴ Сорокин П. А. На распутье трех дорог (Война и отношение к ней русской общественной мысли) // Ежемес. журн. 1915. № 9–10. С. 491.

Василий Васильевич Розанов

что «на чашу роковых весов возлагалось не только настоящее, но и будущее России». По его словам, борьба идет «не за Россию эмпирическую и сущую, а за Россию мыслимую, желаемую и возможную...»¹. Будущий основатель Дарвиновского музея А. Ф. Котс высказывал пожелание, «чтобы за близкой ожидаемой победой пороха и крови, мы дождались позднее и другой победы – цельного, единого, свободного – естественно-научного – и все же идеалистического мирозерцания»².

Оптимистическими надеждами на утверждение в обществе принципа гражданственности был пронизан труд выдающегося философа, литературного критика и публициста В. В. Розанова «Война 1914 года и русское возрождение»: «Россия и все русские должны быть перед войной нераздельны. Эти дни, когда зашевелились могучие части военного тела

России, мы осязательно и зрительно ощутили воочию и плечом около плеча, что такое “Государство” и что такое “Отечество”. Увы, в мирное время мы слишком чувствуем себя только “членами общества” и мало-помалу вовсе утрачиваем сознание в себе “гражданина”, т. е. члена именно колоссальной государственной организации. Теперь, когда в лице “запасных” вдруг мы видим своих товарищей по работе, по гражданской службе, своих сослуживцев по конторе и магазину – “воинами”, совсем в другом платье и принявшими другой вид и осанку, – мы вдруг чувствуем “свое Государство”, точно поднывавшееся во всеоружии из мирных рядов вчерашней “публики”. “Население” и “публика” поднялись “вооруженным народом”, и обыватель скрылся в “гражданине”, в его строгих и ответственных чертах. Вот этой-то “строгости” и этой-то “ответственности” было мало у нас, – по доброте и снисходительности Государства к нашей обывательщине. Государство в обыкновенное время стоит уже слишком задрапированное, слишком закрытое бытом. Мы его вовсе не чувствуем. Как Гоголь сказал, что у нас от иного города “три года скачи – ни до какого государства не доскачешь”, так можно сказать, что у нас “от публики и быта – до Государства и гражданственности сколько хочешь скачи – не доскачешь”. Этим отчасти можно объяснить невероятную распущенность русской мысли и русского слова в отношении России, в отношении Государства, в отношении именно “обязанностей гражданина”, которые на столько лет точно вымерли в нашей печати. Сейчас все, реши-

¹ Андреев Л. Н. В сей грозный час. Пг., 1915. С. 6, 8.

² Котс А. Ф. Наука и мировоззрение в свете кризиса переживаемого времени: наука и война в их внешнем и духовно-внутреннем конфликте. М.: Тип. В. И. Воронова, 1915. С. 57.

тельно до одного все, чувствуют и говорят точь-в-точь так, как говорил бывало Ив. Серг. Аксаков в “Руси” перед турецкой войной. Это – совершенно неслыханное чудо, и преобразование вызвано тем, что “враг показался вблизи”, – враг опасный, не то, что бывлые турки, о которых мы и заранее знали, что “победим”, – и что из мирного населения и обывательских рядов поднялись воины и оружие... Вот это ощущение Государства есть вещь, ничем не заменимая в смысле обучения. В год войны мы многому научимся, – прямо перед нами многое новое и неожиданное раскроется, – и в новую Думу соберутся люди с запасом совсем иных чувств и иного сознания в груди. “Научиться Государству” – нельзя из лекций и из книг, а газеты и вообще печатная “обывательщина”, – газеты, беллетристика, театр – только “разучивают Государству”, закрывая и затягивая его все бытом и бытом, все житейскими и житейскими “язвительностями”. Все это имеет свою цену, и хорошую цену; но, однако, все это совершенно закрывает от нас одну великую драгоценность – вооруженное, могучее Отечество, готовое пойти на врага. В “быту” мы все, естественно, слишком раздробились и только в войне чувствуем себя “все вместе”. Это несравненный опыт. Это то политическое воспитание, которого вовсе не дают нам юридические факультеты, которые суть какое-то “книжничество и фарисейство государственности”»¹.

Народный патриотический подъем соединил воедино различные социальные слои. Британский посол в Петербурге Дж. Бьюкенен хорошо уловил, по его мнению, господствовавшее в общественном мнении настроение: «Либеральные и прогрессивные партии были одушевлены надеждой, что война, вызвавшая такое тесное соприкосновение царя с народом, послужит началом новой эры конституционных реформ»². Современники в обстановке вызванного войной общественного подъема были едины в своих надеждах на благотворные перемены – тезис, нашедший развернутое подтверждение в статьях В. В. Шелохаева и А. А. Иванова³. Однако эмоционально-патриотический порыв, охвативший разные слои общества в первые месяцы войны, был недолог. Поражение 1914 г. в Восточной Пруссии, отступление русской армии из Галиции, Польши и Литвы летом–осенью 1915 г., оккупирование германскими войсками огромной территории страны, тяжелые потери и все более размывавшиеся перспективы победы привели к разочарованию, окончательно сняли патриотический накал, а Февральская и Октябрьская революции 1917 г. кардинально

¹ Розанов В. В. Война 1914 года и русское возрождение. Пг.: Тип. т-ва А. С. Суворина «Новое время», 1915. С. 35–38.

² Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. Со ст. А. Керенского «Временное правительство и царская семья» / пер. с англ. С. А. Алексеева, А. И. Рубена; предисл. В. Гурко-Кряжина. 2-е изд. М.: Гос. изд-во, 1925. С. 134.

³ Шелохаев В. В. Первая мировая война в оценках российской либеральной интеллектуальной элиты // Россия в Великой войне: материалы Междунар. обществ.-науч. форума «Великая война. Уроки истории». М.: Изд-во Гос. Думы, 2014. С. 124–141; Иванов А. А. «Священное единение», «патриотическая тревога» и «штурм власти»: эволюция настроений российского парламента в годы Первой мировой войны (1914–1917) // Там же. С. 141–155.

изменили вектор развития страны. Тот же Брюсов уже в мае 1915 г. окончательно вернулся с фронта, не имея ни малейшего желания вновь видеть поле сражения. Как точно определил великий князь Александр Михайлович, *«восторги первых месяцев войны русской интеллигенции сменились обычной ненавистью к монархическому строю»*¹.

И уже после Февральской революции был опубликован текст «Европейская политика России», принадлежавший дипломату, члену Государственного Совета Р. Р. Розену. Это был меморандум, переданный им в октябре 1912 г. Правительству. Розен предостерегал от втягивания России в европейские конфликты, ничем не затрагивавшие ее интересы². Он предсказывал, что даже при победоносном исходе участие России в войне не может дать ей ничего, в случае же поражения ей грозит потеря ее западных окраин и расчленение империи³. Стране грозила только катастрофа. Дальнейший ход событий подтвердил пророчество грозных предостережений Р. Р. Розена.

1.2. Причины и виновники военного конфликта

1.2.1. Обнародование дипломатической переписки кануна и начала войны

Сараевское убийство, вылившееся в межгосударственный конфликт между Австро-Венгрией и Сербией и в общеевропейский июльский кризис 1914 г., стало детонатором европейской войны, быстро переросшей в мировую. Правительства воюющих стран вынуждены были объясняться и в первые дни и недели войны опубликовали собственную дипломатическую переписку периода политического кризиса лета 1914 г. Посредством специально подобранных документов они формировали удобную для себя версию событий, трансформировавших мир в войну. Сборники, имевшие названия «Белая книга», «Синяя книга», «Желтая книга», «Зеленая книга», «Серая книга», «Оранжевая книга», были переведены на русский язык и изданы в России на протяжении 1914–1916 гг. в серии «Документы, относящиеся к Великой европейской войне 1914 г.». Многие из «цветных книг» выпускались неоднократно – параллельно разными издательствами. Были опубликованы документы России («Оранжевая книга»), Великобритании («Белая книга»), Франции («Желтая книга»), Сербии («Синяя книга»), Бельгии («Серая книга»), Италии («Зеленая книга»), Германии («Белая книга»), Австро-Венгрии («Красная книга»). Все сборники документов составлялись ради оправдания собственной политики, доказательства невиновности своей

¹ Романов А. М. Книга воспоминаний. М.: АСТ; СПб.: Полигон, 2009. С. 299.

² Розен Р. Р. Европейская политика России. Доверительный меморандум, составленный летом 1912 года, в предвидении приближения мировой войны и грозящей России катастрофы, и сообщенный Правительству в октябре того же 1912 года. Пг.: Тип. А. Бенке, 1917. 40 с.

³ Там же. С. 27.

страны в разжигании всемирной войны и необходимости защищаться от агрессии противника, т. е. ответственность за развязывание войны в одних случаях обоснованно, в других – предвзято стремились возложить на противоположную сторону. Стоит ли удивляться, что одно из изданий германской «Белой книги» вышло в России под заголовком «Книга лжи».

Сербская «Синяя книга». Сербский сборник документов, вышедший под названием «Синяя книга», содержал исчерпывающую дипломатическую переписку сербского руководства с ведомствами иностранных дел европейских государств и собственными посольствами в них в связи с сараевским убийством наследника австро-венгерского трона Франца Фердинанда¹. Приведенные в «Синей книге»

документы свидетельствуют, что сербская сторона всячески стремилась урегулировать конфликт с Австро-Венгрией и, наоборот, Габсбургская монархия отказывалась пойти на компромисс, последовательно, несмотря на примирительные шаги Сербии, нагнетала напряженность. Итогом стало объявление телеграммой от 28 июля 1914 г. войны Сербии, переросшей в мировую. После Февральской революции вышла, с предисловием М. В. Родзянко, книга «Союз Болгарии с Германией перед судом свободной России», составленная секретарем сербской миссии Д. Т. Димитриевичем².

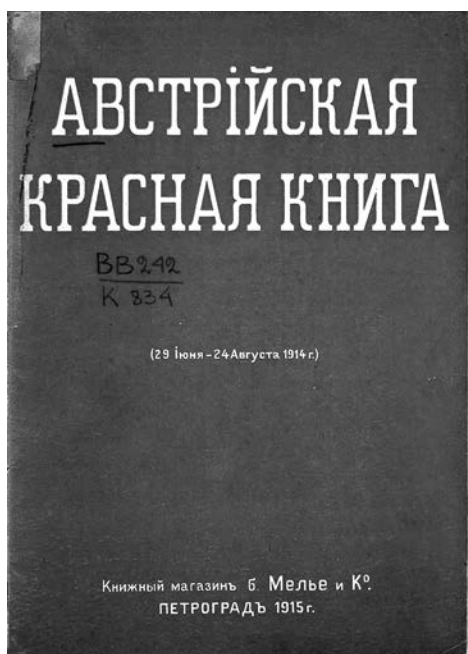
Австро-венгерская «Красная книга». В свою очередь, Австро-Венгрия издала свой сборник дипломатических документов, оперативно переведенный на русский язык³. Ее предваряет обширная вводная статья (без указания автора), которая излагает австрийскую версию предыстории войны. Разумеется, в ней виновны Сербия и страны Антанты, но не Габсбургская монархия: *«Надежды Монархии не оправдались: она увидела, что ей впредь невозможно будет жить с Сербией по-добрососедски и в мире»*. Это вытекает из того, что *«Сербское Правительство, хотя и связало себя обещанием поддерживать с Австро-*

¹ Синяя книга: Сербская дипломатическая переписка, относящаяся к войне 1914 г. / пер. Н. М. Лагова. Пг.: Тип. акционер. о-ва «Альфа», 1915. 55 с.

² Димитриевич Д. Т. Союз Болгарии с Германией перед судом свободной России: (факты и документы) / предисл. М. В. Родзянко. Пг., 1917. V, 105 с.

³ Красная книга: Австро-Венгерская дипломатическая переписка, относящаяся к войне 1914 г. [29 июня – 24 августа 1914 г.] / пер. Н. М. Лагова. Пг.: Тип. Р. Г. Шредера, 1915. 128 с.

Венгрией добрососедские отношения, позволило, однако, своей прессе неслыханным образом разжигать ненависть к Монархии»¹, а «то продление срока, которое мы, по просьбе России, должны были дать Сербии для ответа на наши требования, только дало бы белградскому Правительству возможность прибегнуть к новым уверткам и новой проволочке; кроме того, это служило открытой дверью для вмешательства какой-либо державы в ее пользу. Вот почему мы вынуждены были отказать в продлении срока»². Английское предложение передать вопрос на рассмотрение международной конференции «само по себе не было годным». Да и вообще «державы Тройственного согласия совершили крупную несправедливость, ког-

да, под влиянием политического эгоизма... взяли сторону этого обремененного преступлениями Государства»³. О России же в «Красной книге» особый разговор. Ее, Россию, отличает «упорное стремление к мировому владычеству», но которому «несокрушимый блок центральных европейских Империй преграждал... путь к мировой гегемонии»; и потому Россия его хотела разрушить, а Германию – изолировать. И венец австрийской аргументации: «В согласии с эгоистической политикой Великобритании и с желанием реванша французской Республики петроградское Правительство не пренебрегло ни единым средством, которое полезно было для обеспечения за тройственным Соглашением преобладания в Европе, в частности за Россией – свободного пути к осуществлению ее самых смелых помыслов... Под страшной угрозой своим жизненным интересам Австро-Венгрия и Германия могли выбрать одно из двух: или защищать свои права и свою безопасность, или отступить перед угрозой России»⁴. И в подтверждение австрийской версии происхождения войны – соответствующим образом подобранные дипломатические документы внешне-политического ведомства.

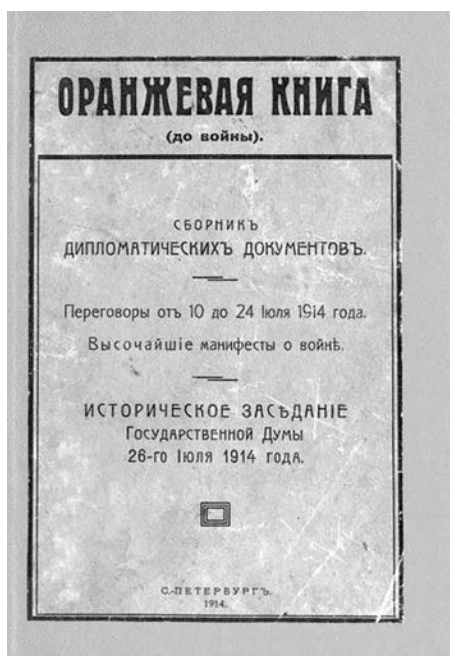
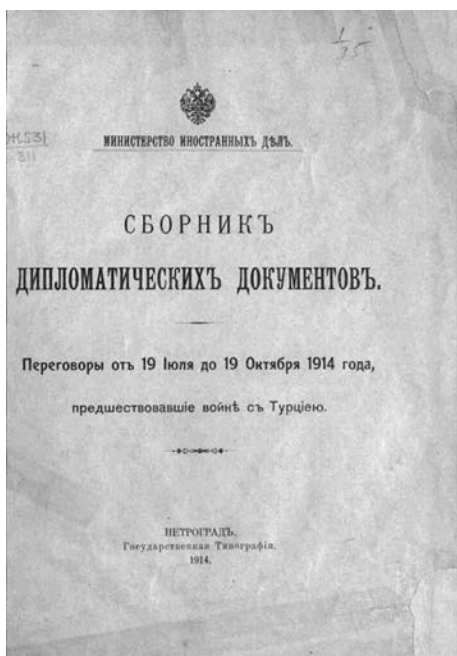
Российская «Оранжевая книга». Еще накануне объявления Австро-Венгрией войны Сербии Николай II телеграммой 27 июля в Белград, приведенной в сербской «Синей книге», заверил, что «ни в коем случае Россия не останется

¹ Красная книга: Австро-Венгерская дипломатическая переписка, относящаяся к войне 1914 г. [29 июня – 24 августа 1914 г.]. С. 3–4.

² Там же. С. 5.

³ Там же. С. 6.

⁴ Там же. С. 9.

равнодушной к участи Сербии»¹. Когда же война началась, Россия должна была принять трудное решение – выступить против Австро-Венгрии в защиту Сербии или воздержаться. Российская дипломатическая переписка, изданная в виде «Оранжевой книги», раскрывает динамику развития событий². Сборник открывает телеграмма поверенного в делах России в Сербии В. Н. Штрандтмана министру иностранных дел Сазонову об ультиматуме Австро-Венгрии относительно убийства Франца Фердинанда, и он содержит всю последующую переписку по этому поводу. Завершает его нота, переданная 24 июля 1914 г. послом Австро-Венгрии в Петербурге Ф. Сапари об объявлении войны: «Принимая во внимание угрожающее положение, занятое Россией в конфликте между Австро-Венгерской монархией и Сербией, и ввиду факта, что вследствие этого конфликта Россия, согласно сообщению Берлинского кабинета, сочла нужным открыть военные действия против Германии и что последняя находится поэтому в состоянии войны с названной державой, Австро-Венгрия считает себя также в состоянии войны с Россией, считая с настоящего момента»³.

В этих обстоятельствах было необходимым объявление всеобщей мобилизации армии. Но это привело бы к столкновению с Германией. Вот как излагает

¹ Синяя книга: Сербская дипломатическая переписка, относящаяся к войне 1914 г. С. 43.

² «Оранжевая книга» выходила в издательстве Г. А. Шумахера и Б. Д. Брукера и в издательстве товарищества «Грамотность».

³ Оранжевая книга: сб. дипломатических док.: Переговоры от 10 до 24 июля 1914 г., предшествовавшие войне. Прил.: Высочайшие манифесты о войне с Германией и Австрией. Речь государя императора в Зимнем дворце 26 июля 1914 г. Историческое заседание Гос. Думы 26 июля 1914 г. СПб.: Тип. Г. А. Шумахера и Б. Д. Брукера, 1914. 64 с.

ситуацию генерал А. С. Лукомский, который в Военном министерстве отвечал за разработку мобилизационных планов. Его суждения свидетельствуют, что не дать повод Германии было возможно лишь при одном условии: провести мобилизацию только в Киевском и Одесском военных округах и сосредоточить войска, отобилизованные во внутренних округах, исключительно в районе Киевского военного округа, т. е. на границе с Австро-Венгрией. Мобилизацию на территории Варшавского военного круга или сосредоточение там войск, отобилизованных во внутренних округах, Германия неизбежно признала бы непосредственной угрозой. Технически отказаться от мобилизации в Варшавском военном округе, признает А. С. Лукомский, можно было, если бы этому округу не угрожала опасность со стороны Австро-Венгрии. Но ее следовало учитывать. А. С. Лукомский утверждал: *«Отказаться от мобилизации в этом округе и отказаться от сосредоточения на его территории корпусов, мобилизуемых в Петроградском, Московском и Казанском военных округах, было невозможно, так как мы знали доподлинно, что сильная группа австро-венгерских войск, по окончании сосредоточения, будет наступать в разрез между Киевским и Варшавским военными округами в Люблинский район и на Брест-Литовск. Следовательно, отказавшись от мобилизации и сосредоточения в Варшавском военном округе, мы заранее обрекали себя на невозможность в будущем произвести мобилизацию значительной части Варшавского округа. <...> Это было бы равносильно обречению себя на проигрыш кампании»*¹. Николай II колебался, об этом свидетельствует министр иностранных дел С. Д. Сазонов, в личном докладе императору изложивший свои, военного министра В. А. Сухомлинова и начальника Генерального штаба Н. Н. Янушкевича доводы о безотлагательной необходимости мобилизации армии². Уже само ее проведение предопределяло неотвратимость втягивания в войну. Николай II с трудом согласился, и 30 июля Россия начала ее проводить. Используя мобилизацию в качестве предлога, Германия 1 августа заявила о состоянии войны с Российской империей.

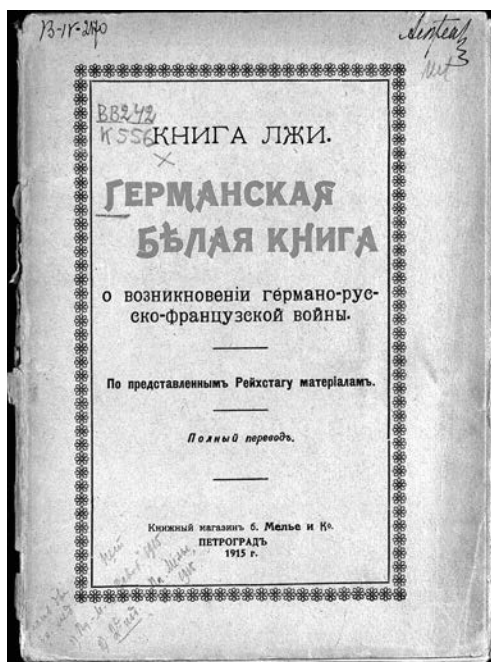
Германская «Белая книга». Германские объяснения содержатся в официальной «Белой книге о возникновении германо-русско-французской войны». В России вышло несколько изданий³. Одно из них называлось «Книга лжи»⁴. Собранные германским МИД документы дипломатической переписки имели целью создать представление об энергичных посреднических усилиях Германии

¹ [Лукомский А. С.] Воспоминания генерала А. С. Лукомского. Берлин: Отто Кироснер и К^о, 1922. Т. 1: Период Европейской войны. Начало разрухи в России. Борьба с большевиками. С. 51–52.

² Сазонов С. Д. Воспоминания. Париж: Кн. изд-во Е. Сияльской, 1927. С. 242–249.

³ Германская «Белая книга»: обмен дипломат. депеш между Германией, Россией и другими государствами перед войной. Берлин: Тип. М. В. Мейер, 1914. 48 с.; Германская «Белая книга» / пер. с примеч., составленный на основании рус., фр. и англ. дипломат. док. / [М-во иностр. дел, Берлин, авг. 1914 г.]. Пг.: Б-ка Великой войны, 1915. 56 с.

⁴ Книга лжи: Германская «Белая книга» о возникновении германо-русско-французской войны: по представленным Рейхстагу материалам / пер. Р. Маркович. Пг.: Кн. маг. б. Мелье и К^о; Тип. т-ва «Екатерингофское печ. дело», 1915. 63 с.

по предотвращению войны. Канцлер Германии Теобальд фон Бетман-Гольвег 28 июля 1914 г. инструктировал послов в союзных государствах: *«Долг уберечь Европу, если только есть к этому какая-нибудь возможность, от всеобщей войны, подсказывает нам поддержку тех стремлений, которые направлены на локализацию конфликта»*. Это должно было означать, что Германия готова выступить посредником в умиротворении сторон. Но, продолжил канцлер, если вследствие вмешательства России местному пожару придется распространиться, мы *«пребудем в спокойном сознании, что мы не виновны в том бедствии, какое принесет война народам Европы»*¹. Император Вильгельм II, в свою очередь, в телеграмме от 30 (17) июля 1914 г. предостерегал Николая II: *«Если Россия... мобилизуется против Австро-Венгрии, то посредническая роль, которую Ты дружески возложил на меня и которую я по ясно выраженной Тобою просьбе взял на себя, пострадает от этого, если не станет невозможной. Решение ложится теперь всею тяжестью на Твои плечи, им придется нести ответственность за войну или мир»*². А дальше накал угроз шел по нарастающей: 31 июля германский имперский канцлер инструктирует посла в Петербурге: *«Россия мобилизовала всю армию и весь флот, – следовательно, против нас также. Вследствие этих русских мер мы вынуждены высказаться для безопасности государства об угрожающей войне, что еще не означает мобилизации. Но мобилизация должна будет последовать, если Россия в течение двенадцати часов не прекратит всякие военные меры против нас и Австро-Венгрии и не сделает нам об этом определенного заявления»*³.

Для российского дипломатического ведомства не было неясностей в подоплеке германских демаршей. Министр иностранных дел С. Д. Сазонов впоследствии трактовал их следующим образом: *«В 1914 году Германия, действительно, не изыскивала повода к войне, но раз, что он был для нее найден Австро-Венгрией, она решилась воспользоваться случаем свести счета с восточным и западным соседями, сломить, раз навсегда, их силу и, затем, спокойно приступить к осуществлению своего плана пересоздания Средней Европы на новых началах, которые превратили бы ее, для нужд и потребностей Германии, в преддверие Ближнего Востока»*⁴. Финиш германских дипломатических маневров наступил быстро: 1 августа 1914 г. канцлер Бетман-Гольвег телеграфировал послу в Петербурге: *«Известите, что Германия считает себя в состоянии войны с Россией»*.

Документы о российско-турецких отношениях. Россия, оказавшаяся в состоянии войны с Австро-Венгрией и Германией, все еще находилась в мире с Османской империей. Но военно-политическая связь с Германией предопределяла быстрое сползание Турции к войне. Как это происходило, позволяют судить переписка Министерства иностранных дел России с российским послом

¹ Книга лжи: Германская «Белая книга» о возникновении германо-русско-французской войны: по представленным Рейхстагу материалам. С. 50–51.

² Там же. С. 60.

³ Там же. С. 61.

⁴ Сазонов С. Д. Воспоминания. С. 197.

в Константинополе, собранная во «Второй Оранжевой книге»¹, а также отчеты о переговорах российского посла в Османской империи М. Н. Гирса с турецким Великим Визирем, опубликованные в «Сборнике дипломатических документов»². Преобладающую часть сборника составляют телеграммы М. Н. Гирса министру иностранных дел России С. Д. Сазонову, а среди них значительное место занимает информация относительно проникновения германских крейсеров «Гебен» и «Бреслау» в Черное море. Документы наглядно показывают роль этих кораблей как инструмента втягивания Османской империи в Первую мировую войну на стороне Центральных держав. М. Н. Гирс телеграфировал С. Д. Сазонову 26 июля

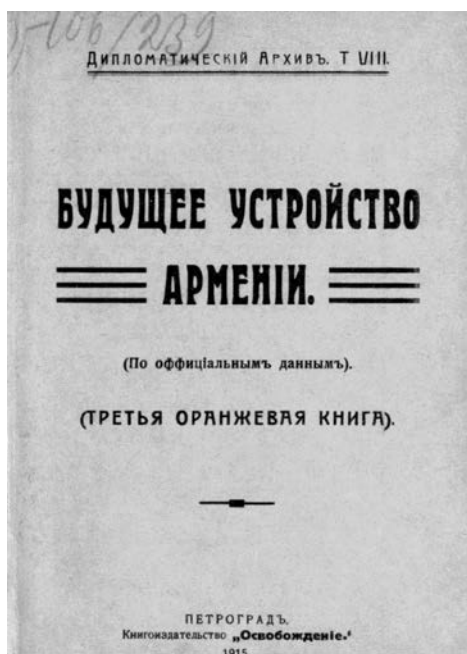
1914 г.: «Сообщают, что крейсера “Гебен” и “Бреслау”... направляются, по-видимому, в Дарданеллы»; 26 июля – «Сегодня Великий Визирь заявил мне, что “Гебен” и “Бреслау” он через Дарданеллы никоим образом не пропустит»; 29 июля – «“Гебен” и “Бреслау” входят в Дарданеллы. Говорят, что турецкое правительство купило их»; 30 июля – «“Гебен” и “Бреслау” еще в Ногаре. Крейсера, встреченные турками восторженно, получают здесь уголь от турецких властей. Турецкие миноносцы выходят из Дарданелл в море и сообщают германским судам результаты своих разведок»; 31 июля – «Великий Визирь ответил мне, что покупка судов состоялась»; 1 августа – «В 7 часов вечера “Гебен” и “Бреслау” были еще под германским флагом»; 14 августа – «По упорно держащемуся слуху, на днях предстоит выход “Гебена” и “Бреслау” в Черное море».

Как стало известно много позднее, М. Н. Гирс, посылая эту телеграмму 14 августа, еще не знал, что 2 августа в глубокой тайне был подписан германо-турецкий союзный договор. Он предусматривал, что «в случае войны германская военная миссия останется в распоряжении оттоманского правительства. Оттоманское правительство обеспечит осуществление действенного влияния и действительной власти этой миссии в операциях турецкой армии»³. Незнание этого ключевого обстоятельства объясняет локальный характер последующих сообщений Гирса: 16 августа – «В Турцию подвозятся из Германии

¹ Вторая Оранжевая книга: Дипломатическая переписка России, предшествовавшая войне с Турцией. Пг., [1914]. 64 с. (Дипломатический арх.; т. 6).

² Сборник дипломатических документов. Переговоры от 19 июля до 19 октября 1914 года, предшествовавшие войне с Турцией / М-во иностр. дел. Пг., 1914.

³ История дипломатии. М.: Изд-во полит. лит., 1965. Т. III. С. 7.

морские и сухопутные нижние чины»; 28 августа – «Я предупредил Великого Визиря, что появление в Черном море “Гебена” и “Бреслау” может привести к осложнениям, тем более, что находящиеся на них германские офицеры будут добиваться таких осложнений»; 9 сентября – «Ввиду состоявшегося решения Совета Министров не посылать флота в Черное море, Германский Посол все же послал туда “Бреслау”, а затем сообщил Великому Визирю, что германские суда лишь до известной степени подчинены туркам и что они предназначены служить не только турецким, но главным образом германским интересам»; 20 сентября – «Появление “Гебена” и “Бреслау” совершенно вскружило голову туркам, чем не замедлили

воспользоваться немцы и австрийцы для окончательного привлечения Турции на свою сторону». И заключительный акт российско-турецкого балансирования на грани войны: 16 октября 1914 г. С. Д. Сазонов сообщил М. Н. Гирсу, что турки совершили морской набег на Одессу и Феодосию и в связи с начавшимися военными действиями предписал покинуть Константинополь. М. Н. Гирс доложил: «18 октября состоялся отъезд Императорского посольства, Генерального консульства, а равно большинства членов российской колонии»¹. Вслед за объявлением Россией войны Турции о состоянии войны с Османской империей заявили Англия и Франция.

Бельгийская «Серая книга». История нарушения бельгийского нейтралитета и захвата Бельгии немцами отражена в массиве документов бельгийской «Серой книги», охватывающей период 24 июля – 29 августа 1914 г. Она была издана и в России². Под предлогом защиты от гипотетического нападения Франции (нет «никакого сомнения в том, что Франция намерена двинуться на Германию через бельгийскую территорию», заявляли немцы) Германия 2 августа 1914 г. предъявила Бельгии ультиматум: «Если же Бельгия выступит враждебно против германских войск и особенно если станет чинить затруднения их поступательному движению сопротивлением укреплений на Маасе или разрушением путей, железных дорог, туннелей или других искусственных сооружений, то Германия будет вынуждена смотреть на Бельгию, как

¹ Сборник дипломатических документов. Переговоры от 19 июля до 19 октября 1914 года, предшествовавшие войне с Турцией. С. 7–8, 10–13, 19, 21, 31, 37, 47.

² Серая книга: сб. бельгийских дипломатических док. Пг.: Б-ка Великой войны, 1915.

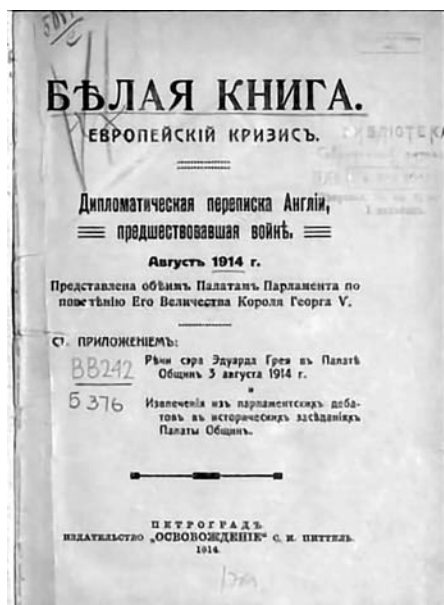
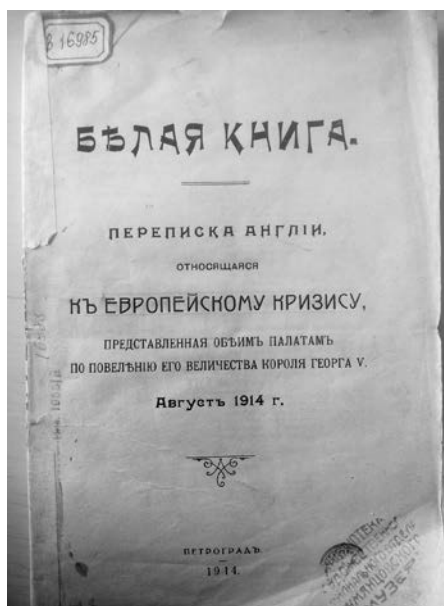
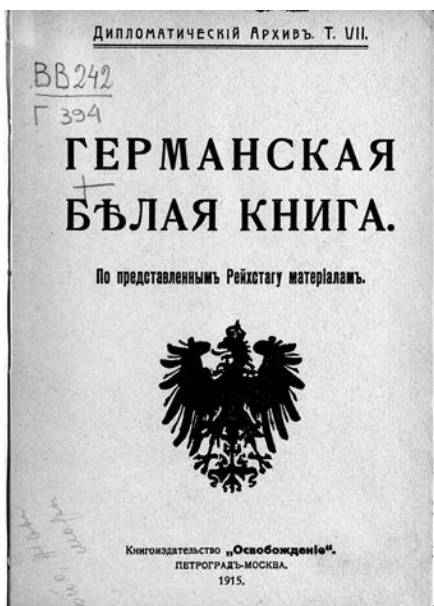

на врага»¹. 3 августа Германия объявила войну Франции, а 4 августа в нарушение бельгийского нейтралитета немцы вторглись в эту страну. Реакция гарантов нейтралитета Бельгии, Великобритании и Франции последовала незамедлительно, о чем и говорят «цветные книги» этих стран.

Британская «Белая книга». Выпущенная в России двумя издательствами британская «Белая книга»² включает большой массив дипломатической переписки кануна войны, в том числе речь министра иностранных дел Эдуарда Грея в Палате общин 3 августа (21 июля) 1914 г., в которой изложена английская версия развития кризиса: *«Мы прилагали все усилия к сохранению мира не только для нашего отечества, но и во всей Европе. В настоящий момент события чередуются с такой быстротой, что крайне затруднительно определить с технической точностью действительное положение дел, но ясно то, что мир Европы не может быть сохранен. Россия и Германия, во всяком случае, объявили войну друг другу... Мы согласно действовали с единственным намерением и со всей доступной нам ревностностью, чтобы сохранить мир»*, но «в настоящем кризисе не было никакой возможности обеспечить мир Европы, ибо было мало

¹ Серая книга: сб. бельгийских дипломатических док. С. 41.

² Белая книга. Европейский кризис: Дипломатическая переписка Англии, предшествовавшая войне. Авг. 1914 г.: Представлена обоим палатам Парламента по повелению его величества короля Георга V / прил.: Речи сэра Э. Грея в Палате общин 3 августа 1914 г. и Извлечения из парламентских дебатов в исторических заседаниях Палаты общин. Пг.: Изд-во «Освобождение», С. И. Питтель, 1914. 191 с.; Белая книга: Переписка Англии, относящаяся к европейскому кризису, представленная обоим палатам по повелению короля Георга V. Авг. 1914 г. Пг.: Я. С. Розен, 1914. 112 с.

времени и было намерение, по крайней мере, – у некоторых сторон, на которых я не стану долго останавливаться, – заставить вещи быстро приблизиться к концу, во всяком случае – с большим риском для мира... результатом является то, что политика мира, поскольку это относится к Великим державам, в опасности»¹. Слова британского министра следует толковать так: стремящиеся

¹ Речь сэра Э. Грея в Палате общин 3 августа 1914 г. // Белая книга. Европейский кризис: Дипломатическая переписка Англии, предшествовавшая войне. С. 159–160.

к войне были, и это — «Великие Державы», но не Великобритания. Однако она, связанная обязательствами о гарантиях бельгийского нейтралитета, 4 августа объявила войну Германии в связи с ее нападением на Бельгию.

Предали огласке и курс британской внешней политики относительно турецкого направления, опубликовав отдельную «Белую книгу», содержащую дипломатическую переписку России и Англии, предшествовавшую войне с Турцией¹.

Французская «Желтая книга».

Во вступительной статье к французской «Желтой книге»² член Французской Академии Габриэль Ганото, в 1894–1898 гг. занимавший пост министра иностранных дел Франции, описывает действия правительств Антанты и Тройственного

союза накануне войны: *«Тицетно восклицает г. Сазонов: “я буду вести переговоры до последней минуты!” Тицетно сэр Эдуард Грей расточает свои услуги и усилия. Все рушится перед умышленным намерением Берлина “порвать нить”»*. Вывод Г. Ганото о виновности Габсбургов и Гогенцоллернов однозначен: *«Австрия вызвала войну присоединением Боснии и Герцеговины; Германия же хотела ее, чтобы навязать миру свою гегемонию, чтобы насытить свою алчность к захватам, чтобы идти за военной партией, которая не видела другого исхода из внутренних и внешних осложнений»*³. Франция, столкнувшись с вторжением германской армии в Бельгию, территорию которой она рассматривала как удобнейший плацдарм нападения на Францию, а также с объявлением 3 августа Германией войны Франции вынуждена была заявить о состоянии войны с Германской империей⁴.

¹ Белая книга: О войне с Турцией: Дипломатическая переписка Англии, предшествовавшая войне с Турцией: [С 22 июля по 22 окт. / пер. с прил. подробного оглавления дипломатических док.]. Пг.: М. В. Попов, 1914. 158, XXXV с.; Война с Турцией: вторая Белая книга: дипломатическая переписка Англии, предшествовавшая разрыву с Турцией. Пг.: Изд-во «Освобождение», С. И. Питтель, 1915. 144 с.

² Желтая книга: [Дипломатическая переписка Франции, предшествовавшая войне]: Со вступ. ст. акад. и бывшего министра иностран. дел Габриэля Ганото. Пг.: Изд-во «Освобождение», С. И. Питтель, [1915]. XVI, 192 с.

³ Ганото Г. Что такое «Желтая книга» // Желтая книга: [Дипломатическая переписка Франции, предшествовавшая войне]. С. XV–XVI.

⁴ Желтая книга: [Дипломатическая переписка Франции, предшествовавшая войне]. С. 175–176.

Виктор Эмануил III

Франц Иосиф I, император Австро-Венгрии

Итальянская «Зеленая книга». Этот сборник вышел последним в ряду «цветных книг»¹. Первую мировую войну Италия, формально находясь в составе Тройственного союза, встретила вместе с Германией и Австро-Венгрией,

но уже 3 августа 1914 г. объявила о своем нейтралитете. Тем не менее она надеялась извлечь из членства в Тройственном союзе определенную пользу. Итальянский посол в Вене Аварна 12 декабря 1914 г. заявил министру иностранных дел Австро-Венгрии Берхтольду: *«Уже одно вступление Австро-Венгрии в Сербию, даже будучи временным, предоставляет нам право на компенсации, так как является достаточным для нарушения санкционированного трактатом (о Тройственном союзе. – И. Ч.) балканского равновесия»*². Не получив желаемого, Италия переориентировалась: 3 мая 1915 г. итальянский министр иностранных дел Соннино телеграммой послу в Вене поручил сообщить австрийцам: *«Италия утверждает и заявляет, что с этого момента она возвращает*

¹ Зеленая книга. Итальянская дипломатическая переписка, относящаяся к войне 1914 года (9 декабря 1914 года – 4 мая 1915 года) / пер. с итал.; под ред. Н. М. Лагова. Пг.: [Тип. Р. Г. Шредера], 1916. 127 с.

² Зеленая книга. Итальянская дипломатическая переписка, относящаяся к войне 1914 года (9 декабря 1914 года – 4 мая 1915 года). С. 6.

себе полную свободу действий и объявляет уничтоженным и потерявшим действительную силу свой Союзный трактат с Австро-Венгрией»¹. 26 апреля 1915 г. в Лондоне Италия подписала договор с Англией, Францией и Россией о вступлении в Антанту. Завершением процесса переформирования Антанты стало подписание 17 ноября 1915 г. Италией, Россией, Великобританией, Францией и Японией декларации, которой обязались «не заключать отдельно мира в настоящей войне»².

1.2.2. Дипломатическая история войны на страницах печатных изданий

Начавшаяся война вызвала публикации, авторы которых стремились с разных сторон и точек зрения осветить колониальные противоречия, причины и цели вступления в войну каждой из противоборствующих сторон, выяснить, кто начал первым, а значит, и есть главный виновник. Рассчитанные на широкого читателя популярные издания выходили оперативно, их тематика корректировалась с учетом изменившейся обстановки. Точно ко времени издательство «Брокгауз и Ефрона» в серии «История Европы по эпохам и странам в Средние века и Новое время», предназначенной для людей, желавших пополнить и расширить свои исторические знания, опубликовало книгу Н. П. Борецкого-Бергфельда «Колониальная история западноевропейских континентальных стран»³.

«Пороховым погребом Европы» накануне войны стали Балканы. События, происходившие там, непосредственным образом затрагивали интересы России. Она, в противовес Австро-Венгрии, стремилась сохранить на Балканах стабильность положения и баланс сил в том виде, в каком они сложились в ходе предшествующего противоборства, не допустить изменения ситуации вследствие действий какой бы то ни было великой державы, обеспечить устойчивое развитие балканских государств. Реализация этих основополагающих принципов балканской внешней политики считалась необходимым условием укрепления российского влияния в данном регионе. Периодическая печать активно откликнулась на эти события. Главным лейтмотивом выступлений, если не считать информационные сообщения, а принимать в расчет аналитические статьи, была оценка реакции России сначала на аннексию Австро-Венгрией в октябре 1908 г. Боснии и Герцеговины (автономных, а фактически – турецких в то время провинций), а затем и на Балканские войны, ставшие грозными предшественниками мировой войны. За их ходом в России пристально следили, и по горячим следам

¹ Зеленая книга. Итальянская дипломатическая переписка, относящаяся к войне 1914 года (9 декабря 1914 года – 4 мая 1915 года). С. 119.

² Там же. С. 120.

³ Борецкий-Бергфельд Н. П. Колониальная история западноевропейских континентальных стран. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1914. 232 с.

были изданы как сборники документов по ним¹, так и работы военно-технического характера².

В российских публикациях Балканские войны рассматривались как неудача внешней политики России. П. Н. Милюков полагал, что в их результате процесс эмансипации балканских народностей от традиционной русской опеки дошел до конца. По его мнению, министр иностранных дел России Извольский задумывал создать балканскую федерацию с участием Турции как противовес Австро-Венгрии, а балканские страны объединились против Турции как своего злейшего врага³. Отмечая роль России в славянском вопросе, П. Н. Милюков пришел к выводу, что *«балканские народности освободились сами, без помощи России и даже вопреки ее политике. Они показали себя самостоятельными не только в процессе освобождения, но и в борьбе между собой. С этих пор, находил я, с России снята обуза постоянных забот об интересах славянства в целом. Каждое славянское государство идет теперь своим путем и охраняет свои интересы, как находит нужным. Россия также по отношению к славянам должна руководиться собственными интересами. Воевать из-за славян Россия не должна»*⁴.

А. А. Гирс, профессиональный дипломат, в 1912–1915 гг. посланник России в Черногории, полагал, что *«отсутствие сознательного и добровольного тяготения (балканских народов. – И. Ч.) к России, при укоренившейся склонности и привычке их пользоваться нами как источником материальной силы, а не как благожелательным советником и руководителем, и при весьма слабом влечении к нашим духовным силам и к обоснованному согласованию своей политической жизни с нашей»* побуждает в балканском вопросе «искать иных путей»⁵. Что это за «иные пути»? А. А. Гирс полагает: *«Не искать ли нам нового русла для нашей политики на Балканах, такого, которое исключало бы возможность одновременного конфликта с державою, связанною... как союз-*

¹ Сборник дипломатических документов, касающихся событий на Балканском полуострове. Август 1912 г. – июль 1913 г. / М-во иностр. дел. СПб.: Тип. императрицы Екатерины Великой (в здании Главного штаба), 1914. [4], 258 с.; Сборник дипломатических документов, касающихся событий на Балканском полуострове // Русская старина: ежемес. ист. изд., 1915. Т. 164, кн. 10–12; *Гешов И. Е.* Балканский союз. Воспоминания и документы. Пг.: Тип. «Науч. дело», 1915. 110 с.

² Балканская война 1912 года / пер. с нем. Ген. штаба полк. Д. К. Лебедев. СПб.: Изд. В. Березовский, 1913. Т. 2, вып. 1: События до войны. Вооруженные силы сторон. Обзор театра военных действий. [4], 72 с.; Вып. 2–3: Ход событий до перемирия в декабре 1912 г. [4], 116 с.; *Махров П. С.* Балканская война 1912–13 года: (Общий очерк от начала войны до перерыва мирных переговоров). Севастополь: Севастопол. воен.-фехтовально-гимнаст. о-во, 1913. 152, V с.; 10 л. карт; Балканская война. 1912–1913 гг.: [(Исторический очерк)]. М.: Пастухов, 1914. 196 с.

³ *Милюков П. Н.* Воспоминания (1859–1917): в 2 т. / под ред. М. М. Карповича и Б. И. Элькина. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955. Т. 2. С. 110.

⁴ Там же. С. 140.

⁵ [Гирс А. А.] 1913–1915. Письма и заметки. Пг.: Тип. «Сел. вестн.», 1916. С. 8. На правах рукописи. Место хранения оригинала ГПИБ.

ница Германии – с судьбой Балканского полуострова жизненными для себя интересами?»¹ Разумеется, эта держава – Австро-Венгрия.

Исходя из этой оценки актуализировался вопрос об оправданности вступления России в Антанту или, наоборот, преобладания издержек от противостояния с Тройственным союзом. Споры об этом шли вплоть до начала мировой войны. Сам А. А. Гирс даже в июле 1914 г. полагал: если *«тщательно взвесить все условия, которыми союзная нам Франция и дружественная Англия обставляют свою поддержку наших настояний перед Австрией по каждому конкретному делу балканских славян, можно прийти к выводу, что нам, быть может, удалось бы самим, не прибегая каждый раз к их помощи, порою недостаточно определенной и колеблющейся, достигнуть большего успеха»*². Целесообразность союза с Францией и соглашения с Англией ставили под сомнение многие. Противники ориентации России на союз с Великобританией и Францией доказывали, что отказ от политики сближения с Германией привел к унижению России перед лицом балканских славян, а восстановление позиций на Балканах возможно только после возвращения к политике сотрудничества с Германией. Князь В. П. Мещерский, основатель и редактор консервативной газеты «Гражданин», доказывал, что *«вулканическая почва»* для внешней политики России создавалась именно благодаря сближению России с Англией и Францией, которое *«отдалило от нас Германию»*. Он называл попытку активизировать балканскую политику России *«бредом славяноманского сумасшествия»*, который *«возбуждает ее против германской расы и толкает на войну с единственным государством, коего союз с нами так нужен»*. В. П. Мещерский категорически отрицал, что аннексия Боснии и Герцеговины наносит ущерб интересам России, и настаивал на полном невмешательстве в балканские дела³.

Но мнение А. А. Гирса и его единомышленников не было доминирующим. Позиции сторонников сближения с Англией и Францией не были поколеблены: они по-прежнему высоко оценивали политические дивиденды от объединения в рамках Антанты. Профессор Харьковского университета А. Л. Погодин в работе «Россия и Балканские страны» указывал на давнюю историческую связь России и южнославянских народов. По его словам, многовековая история балканских славян, особенно конфликты начала XX в., *«тесно связали русскую политику с сербско-черногорской. Россия явилась теперь уже не просто могущественной защитницей маленьких славянских народов, но именно союзницей их, стремящейся, как и они, как и Франция и Англия, к тому, чтобы сломить, наконец, гнет Германии, взявшей в свои руки и Австрию»*⁴.

¹ [Гирс А. А.] 1913–1915. Письма и заметки. С. 9. На правах рукописи. Место хранения оригинала ГПИБ.

² Там же. С. 20.

³ См.: Кострикова Е. Г. Российское общество и внешняя политика накануне Первой мировой войны, 1908–1914 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Ин-т рос. истории РАН. М., 2011.

⁴ Погодин А. Л. Россия и балканские славяне // Россия и ее союзники в борьбе за цивилизацию. М., [1916]. Т. I. С. 72.

Георгий Емельянович Афанасьев

Вопросы о виновниках войны поднимали в своих «цветных книгах» не только правительства, но и в прессе официальные и неофициальные лица – политики, общественные деятели, журналисты, ученые, по своей основной деятельности порой далекие от сферы международных отношений. Так, уже упоминавшийся академик, психиатр В. М. Бехтерев с убежденностью доказывал: *«Всем известно, что ближайшим поводом к войне со стороны союзников послужило бесправное нападение Австро-Венгрии, подстрекаемой Германией, на маленькую Сербию, а дальнейшим шагом в развитии борьбы союзных народов явилось не менее бесправное нападение Германии на нейтральные государства – Люксембург и Бельгию...»*¹

Определить глубинные причины войны и донести свои взгляды до широкой аудитории стремились многие из тех, кто обладал глубокими познаниями и научной подготовкой, причем не обязательно в сфере современных международных отношений. Одним из них был Г. Е. Афанасьев, директор Киевского отделения Государственного банка и одновременно профессор киевского Университета Святого Владимира. В научных кругах он был известен трудами по истории Франции Нового времени, теперь же считал своим долгом прочесть в разных аудиториях лекции о причинах войны, оформленные затем в виде книги². Ее отличает стремление найти истоки войны в предшествующей политике Германии начиная с Франко-прусской войны 1870 г. Именно оттуда идут непримиримые отношения Франции и Германии: Франция, потеряв две провинции и заплатив пять миллиардов контрибуции («перед колоссальностью которой ахнули современники и ужаснулись представители Франции»),

¹ [Бехтерев В. М.] Моральные итоги Великой войны. С. 12.

² Афанасьев Г. Е. Причины теперешней войны. Пг.; Киев: Сотрудник, 1916. 96 с.

получила тяжелую рану, а Германия усвоила взгляд на Францию как на непримиримого врага немецкого объединения. Когда же оно состоялось, в Германской империи доминировать в военном и политическом отношении стала Пруссия, милитаристским интересам которой было подчинено все остальное.

Неожиданно быстрое возрождение Франции вызвало у Германии намерение подвергнуть ее новому разгрому, но против была Россия – в русской и германской политике начинаются расхождения. Берлинский конгресс 1878 г. по итогам русско-турецкой войны из-за позиции Бисмарка привел к пересмотру Сан-Стефанского договора, а *«та трещина, которая обнаружилась в отношениях Германии и России в 1875 году во время Берлинского конгресса, превратилась в расщелину. Безошибочно можно сказать, что здесь лежит начало двух международных комбинаций: тройственного союза с одной стороны и сближения Франции и России с другой»*¹. Подробно рассмотрев затем весь комплекс международных проблем последующего времени, включая стремление Австро-Венгрии и Германии нейтрализовать влияние России на Балканском полуострове, Г. Е. Афанасьев в деталях изложил события, ставшие поводом для развязывания мировой войны, и попытался ответить на вопрос об ее исторической миссии. Г. Е. Афанасьев исходил из того, что *«Германия не раз устами своих правителей и представителей общественной мысли заявляла, что никакой вопрос в мировой политике не должен разрешаться без ее руководящего влияния. Такое притязание не может быть осуществлено без того, чтобы такие державы, как Россия, Франция и Англия, не вошли в сферу ее влияния»*². Таким образом, делает вывод Г. Е. Афанасьев, будет *«либо победа тройственного согласия, т. е. романо-славянского мира в союзе с Англией, либо победа Германии и установление ею владычества над Европой и превращение России и Франции в вассальные государства немецкого кайзера и немецкой солдатчины»*³. Г. Е. Афанасьев убежден, что последнее не случится: *«Верьте, что та народная сила, которая одержит победу над немцем с его стремлением проглотить мир, эта народная сила, которую мы чувствуем теперь в этой гигантской борьбе, преобразит и русскую государственность на более широких и гуманных началах, чтобы всем народам, населяющим Россию, жилось удобно и достойно в этом большом доме»*⁴. Что же, преобразования случились, хотя и не такие, на которые надеялся ученый.

Общее представление об участниках конфликта попытался дать автор (фамилия его не указана) книги «Великая война. Что должен знать о ней каждый русский»⁵. Автор, исходя из предположения, что *«громданое большинство русских имеет неполные и неточные понятия об истории последних лет и о ходе*

¹ Афанасьев Г. Е. Причины теперешней войны. С. 20.

² Там же. С. 86.

³ Там же. С. 90.

⁴ Там же. С. 95.

⁵ Великая война: 1914. Что должен знать о ней каждый русский. Пг.: Техн. изд-во инженера Н. Г. Кузнецова, 1914. 64 с.

политических отношений», поставил целью «возможно кратко и ясно изложить истинные причины, обусловившие войну, и выяснить тайные планы пан-германизма и их несостоятельность». Публикация отражает официальную интерпретацию событий, в их объяснении ссылается на «Оранжевую книгу»: «Опубликованные русским правительством документы, которыми обменивались державы непосредственно перед объявлением войны, проливают яркий свет на миролюбие России, поставленной, в конце концов, в полную невозможность сохранить мир ввиду неприемлемых для достоинства России германских требований». И вообще, «гибельной ошибкой Вильгельма было то, что он не сумел сблизиться с Россией», тогда как «прямой выгодой Германии был вечный и теснейший союз с Россией». Причины, по которым это не случилось, «лежат в политических комбинациях Австрии и отчасти – Англии, больше всего в личной недальновидности Вильгельма и германского милитаризма». Негативны оценки Габсбургской монархии, она «представляет не настоящее государство, а случайный, временный и недобровольный союз таких элементов, которые при первой возможности распадутся на части», и лишь союз с Германией послужил ей на пользу, позволив сохранить и упрочить репутацию «великой державы». Что же будет в дальнейшем?

Прогнозы автора относительно исхода войны более чем радужные, его оптимизм был вполне объясним, пока война находилась на ранней стадии. Для Германии «война на два фронта почти невозможна при таких сильных врагах, как Россия и Франция с Англией: все силы страны будут призваны и истощены одновременно, тогда как у противников все войска стянуты в одно место, на одну границу». К тому же страна не может кормиться своими продуктами, а подвезти их нельзя: и с суши, и с моря Германия замкнута железным кольцом – голод покорит Германию скорее, чем снаряды и штыки¹. Об австро-сербском конфликте и его последствиях написал Ал. Богданов в небольшой популярной брошюре². Затем вышли и более развернутые труды с доказательствами преднамеренности действий Австро-Венгрии, поддержанной Германией и использовавшей убийство 24 июня 1914 г. в Сараево наследника австрийского трона эрцгерцога Франца Фердинанда как повод к войне с Сербией.

Профессор Петербургского политехнического института Б. Э. Нольде опубликовал в октябре 1914 г. в «Русской мысли» статью «Начало войны. Опыт дипломатической истории», затем вышедшую отдельной брошюрой. Он попытался воссоздать закулисную дипломатическую игру правящих кругов Вены, Петербурга, Берлина, Лондона и Парижа после конфликта в Сараево. Заявленную тему Б. Э. Нольде раскрывает, рассматривая конкретные австро-венгерские, российские и германские дипломатические демарши, в которые были втянуты Франция и Англия. Австро-Венгрия, предъявившая Сербии ультиматум, по-

¹ Великая война: 1914. Что должен знать о ней каждый русский. С. 8, 15, 19, 21–22.

² Богданов Ал. Австро-сербский фронт войны: Сараевская трагедия, причины войны, нападение на Белград, крушение австро-венгерских планов, поражение австрийцев при Цер-Планине, австрийские зверства, переход сербов и черногорцев в наступление. Пг., 1914.

лучила полную и безусловную поддержку Германии, которая настойчиво побуждала Австро-Венгрию к активным действиям. Германские послы в Петербурге, Вене и Лондоне сделали в странах пребывания аутентичные заявления: *«Если австро-венгерское правительство не желает окончательно потерять своего великодержавного положения, то для него нет иного выбора, как только добиться от сербского правительства исполнения своих требований путем энергичного давления и даже, если будет необходимо, с помощью вооруженной силы»*¹. Однако это не было лишь констатацией возможных действий Австро-Венгрии, Германия подталкивала союзницу к войне. 15 июля 1914 г. германский имперский канцлер Бетман-Гольвег обратился с конфиденциальным циркуляром

ко всем правительствам германских земель, в котором было сказано: *«Верные нашим союзным обязанностям, мы поможем соседней монархии всеми силами империи»*².

Это было ясно выраженное намерение добиваться своих целей, даже если надо будет воевать. Но здесь, говорит Б. Э. Нольде, австро-германские союзники просчитались. *«В Вене и Берлине ждали изо дня в день, что задуманная развязка дипломатической кампании, которую называли “локализацией спора”, наконец, наступит без всяких новых усилий, только с твердым сохранением раз занятой австрийскими и германскими дипломатами позиции. Эта уверенность питалась двумя коренными заблуждениями... Первое основное заблуждение заключалось в полной уверенности, что Россия уступит, как только увидит серьезность положения; второе – не менее основное – в убеждении, что скрывавшаяся в формуле “локализация войны” угроза заставит Францию и Англию отказать России в поддержке и тем самым уединит Россию и дипломатически, и в войне, если бы, паче чаяния, война началась»*³. Так не получилось, германскими политиками не было учтено, что «Германия своими действиями ставила перед Англией грозную, непосредственно затрагивавшую ее основные интересы, проблему политического равновесия – возможность разгрома Франции. Когда император объявлял войну России, он знал, что шел

¹ Нольде Б. Э. Начало войны. Опыт дипломатической истории. М.; Пг., 1915. С. 8–9.

² Там же. С. 28.

³ Там же. С. 10.

Борис Эммануилович Нольде

на войну с Францией, но он не понял, что война с Францией значит войну с Англией»¹.

Говоря о позиции России, Б. Э. Нольде настойчиво обращает внимание на отсутствие с ее стороны угроз Германии, российское правительство откровенно и внимательно держит германских представителей в Петербурге в известности о том, какие военные меры приняты и какие нет. Но российские заверения в Германии не воспринимают: мобилизация против Австрии объявлена покушением на Германию, и причина этого – в германских притязаниях на европейскую гегемонию². Пишет Б. Э. Нольде и о личных усилиях Николая II, который в телеграмме Вильгельму II от 16 июля 1914 г. выражал свое отношение к конфликту и призывал к его преодолению:

«Постыдная война объявлена слабой стране, возмущение по этому поводу, которое я всецело разделяю, в России неслыханно. Я предвижу, что скоро Я не в состоянии буду противостоять давлению, которое на Меня оказывается, и вынужден буду принять меры, которые приведут к войне. Чтобы избежать бедствия, каким будет европейская война, прошу тебя во имя Нашей старой дружбы, сделать все, что можешь, дабы удержать твоего союзника от слишком далеко идущих шагов»³. Призывы к примирению «во имя старой дружбы», когда война задумывалась ради мирового господства, у Вильгельма II отклика найти не могли.

Один из авторов вышедшего в 1915 г. коллективного труда «История великой войны» Н. П. Коломийцев вскрывал основу англо-германских противоречий – это экономическая конкуренция. По его словам, «какую бы отрасль промышленности Германии мы ни стали рассматривать, везде мы найдем те же поразительные успехи за последние десятилетия. Еще сравнительно недавно промышленность Англии настолько была сильнее развита, чем в Германии, что обороты внешней торговли Англии вдвое превышали обороты Германии. Промышленность и торговля Англии продолжают правильно и быстро развиваться, но промышленность Германии сделала такие блестящие успехи, что, по оборотам своей внешней торговли, Германия перед войной подошла вплотную к Англии, сделалась вторым государством в мире по экспорту своих произведений, в некоторых же отдельных отраслях она даже перегнала и Англию... Конкуренция, правда, не убила и не прекратила развитие экономической жизни Англии, но, несомненно, наложил на нее свою железную руку

¹ Нольде Б. Э. Начало войны. Опыт дипломатической истории. С. 39.

² Там же. С. 37.

³ Там же. С. 17.

и сильно замедлила нормальный темп ее развития»¹. Эгоистические экономические интересы привели Германию и к столкновению с Россией. Сложившиеся между ними отношения после заключения крайне выгодного для Германии и крайне убыточного для России торгового договора, по словам Н. П. Коломийцева, «можно сравнивать только с отношениями между метрополией и ее колониями», а его денонсация влекла для Германии сокращение рынка для ее продукции в то время, когда она вынуждена была «лихорадочно искать новых возможностей и нового рынка для своей промышленности и торговли»². Н. П. Коломийцев, опираясь на германские закрытые данные, попытался объяснить и выбор Германией времени начала войны. Германским статистическим институтом в специальном исследовании было установлено и в докладе Вильгельму II сообщено, что Германия достигла максимума своих возможностей комплектования армии. Н. П. Коломийцев, получив, несмотря на секретность доклада, доступ к этим данным, обнародовал их и сделал вывод: «Эти данные неопровержимо показали, что в 1914 году численность и физические качества солдат германской армии достигли кульминационного пункта; все последующие годы должны были давать более слабый контингент армии вследствие наличных условий естественного движения населения Германии. Этот факт, в связи с тем обстоятельством, что Россия имеет неисчерпаемый источник в своем населении, убедил Вильгельма в том, что 1914 год является наиболее благоприятным для объявления Германией войны России»³.

Два автора, Н. Федоров и скрывшийся за псевдонимом «Е-в Н.» (возможно, это был журналист Николай Михайлович Ежов), проследили этапы посягательств Габсбургской монархии на суверенитет Сербии. Сан-Стефанский мир, завершивший Русско-турецкую войну 1877–1878 гг., предоставил Сербии независимость, а Боснии и Герцеговине – самоуправление под властью христианского губернатора. Но уже Берлинский конгресс, пересмотрев условия Сан-Стефанского мира, подтвердил «право» Австро-Венгрии оккупировать Боснию и Герцеговину. «“Временно” заняв Боснию и Герцеговину для водворения в ней порядка, – пишут авторы, – Австрия начала самым энергичным образом искоренять все национальное, славянское. Православным сербам запрещено было строить храмы, поправлять старые, открывать училища, в открытых же учащиеся должны были употреблять латинскую азбуку вместо славянской»⁴. В 1909 г. Австро-Венгрия вообще аннексировала Боснию и Герцеговину, отбросив их статус временно оккупированных территорий и присоединив к австрийским владениям. Убийство в Сараево 15 июля 1914 г. наследника австрийского

¹ Коломийцев Н. П. Экономическое положение Германии перед войной // История великой войны [1914 года] / под ред. А. Д. Шеманского [и др.]. М.: Изд-во т-ва Н. В. Васильева, 1915. Т. 1. С. 164.

² Там же. С. 167, 169.

³ Там же. С. 170.

⁴ Федоров Н., Е-в Н. Австро-сербская война! Ее причины и возможные последствия. СПб.: Изд-ца Е. А. Молчанова, 1914. С. 8.

трона эрцгерцога Франца Фердинанда, подчеркивают авторы, в Сербии было «встречено со строгим осуждением, – осуждением, которое нашло отклик во всех слоях сербского общества». Авторы подробно раскрывают действия сербских властей, осудивших покушение, в подтверждение приводят многочисленные документы, в том числе дословные тексты австрийского ультиматума и сербского ответа на него. Тем не менее, несмотря на примирительные шаги Сербии, покушение стало поводом для объявления Австро-Венгрией войны Сербии, войны, охватившей чуть ли не всю Европу и переросшей в мировую.

В книге настойчиво подчеркивается, что «сама Россия не только не желала войны, но старалась устранить

самые поводы к столкновениям. ...Да наконец, если даже и предположить, что России не чужды те панславистические виды в будущем, какие ей приписываются за границей, то осуществление их она могла бы спокойно ожидать от времени, от естественного хода дел». К чему же мог привести этот «естественный ход дел»? Авторы полагались на мирный эволюционный процесс: «При почти полутора миллионном ежегодном приросте населения, для которого в ней еще имеются огромные невозделанные пространства, организм России становится все более исполинским, а тем самым возрастает и его притягательная сила... Итак, не внешние рискованные предприятия, но здравая внутренняя политика, своевременно устрояющая прибывающее население, обеспечивая равновесие в его деятельности, естественным ходом вещей должна со временем усилить и тяготение к России славянских народов»¹.

В числе других изданий оказался и многотомный труд «Россия и ее союзники в борьбе за цивилизацию»². Известнейший историк и социолог М. М. Ковалевский в «Предисловии» объяснил цель предпринятого труда: «Наша высшая задача – дать читателю возможность понять народную психологию наших

¹ Федоров Н., Е-в Н. Австро-сербская война! Ее причины и возможные последствия. С. 51–52.

² Россия и ее союзники в борьбе за цивилизацию. М.: Изд-во Д. Я. Маковского, [1916]. Т. I: Зачатки современной войны, отд. I: Россия и ее союзники перед Великой войной / ред.: проф. Э. Д. Grimm, проф. М. М. Ковалевский, проф. Б. В. Фармаковский.

союзников (англичан, французов, бельгийцев, итальянцев, японцев и южных славян). Но этого нельзя сделать, не познакомившись с тем, каковы основы государственного и общественного уклада каждой из указанных наций, в чем проявилось ее творчество в области науки, искусства, литературы, каковы ее заветные идеалы и обусловленные ими ближайшие задания. Все эти вопросы сами по себе настолько сложны, что по необходимости требуют согласованной коллективной работы. Под руководством известных в России специалистов истории, политики, экономисты, художники, литераторы призваны будут дать свою оценку различным проявлениям гражданственности и культуры у наших союзников»¹. Предполагалось издать 4 тома в 12 выпусках, фактически вышли 1-й том в 3 выпусках, 2-й том – выпуски 4–5 и 3-й том – выпуск 7. Но и то, что было сделано, явилось серьезным вкладом в разработку заявленной темы, поскольку авторами исследований выступили наиболее авторитетные на то время ученые.

Так, профессор Санкт-Петербургского университета и последний в истории Российской империи ректор университета (1911–1918) Э. Д. Grimm поместил в этом издании статью «Происхождение современной группировки держав». В ней, показав общие тенденции развития европейской истории в течение всего Нового времени, подвел к заключению об агрессивном характере внешней политики Вильгельма II: *«Не рассчитывая пока на возможность поживиться насчет английских колоний, Германия не раз бросала жадные взоры на португальские, голландские, бельгийские и даже на французские владения»*. Германский кайзер *«сумел сформулировать определенный и соответствующий широко распространенному пониманию взгляд на задачи немецкой народной и государственной политики (“будущее Германии – на море!”) и, что еще существеннее, сумел с поразительной энергией сосредоточить не только свою работу, но и значительную часть работы своих соплеменников на борьбе за осуществление этих задач»*². Профессор Харьковского университета, уроженец Витебска А. Л. Погодин в главе «Россия и балканские славяне» показал, что отношения, связывавшие Россию с ее южнославянскими союзницами Сербией и Черногорией, имеют долгое и сложное прошлое³. В изданной им годом ранее фундаментальной обобщающей монографии «Славянский мир» А. Л. Погодин на основе широкого круга ранее неизвестных источников всесторонне охватил наиболее острые проблемы политического, социального и экономического положения славянских народов в начале XX в.⁴ Приват-доцент Петербургского университета и одновременно профессор университета

¹ Ковалевский М. М. Предисловие // Россия и ее союзники в борьбе за цивилизацию. Т. I: Зачатки современной войны. С. 10.

² Grimm Э. Д. Происхождение современной группировки держав // Там же. С. 45–46.

³ Погодин А. Л. Россия и балканские славяне // Там же. С. 72.

⁴ Погодин А. Л. Славянский мир. Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 года. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1915. VIII, 420 с.

Эрвин Давидович
Гримм

в Юрьеве (Тарту) Е. В. Тарле посвятил статью франко-русскому союзу¹. Приват-доцент Петербургского университета В. А. Бутенко опубликовал статью «Нейтралитет Бельгии»². Эти и другие труды по международным аспектам политики европейских держав в предвоенный и военный периоды мировой войны были дополнены многочисленными работами о странах, участвовавших в ней.

Российскому читателю предлагались и переводные труды авторов из стран Антанты по теме «кто виноват» в развязывании войны. Так, были опубликованы лекции профессора новейшей истории *Queen College* в Лондоне Дж. Э. Крэмба «Германия и Англия»³, прочи-

танные им в феврале и марте 1913 г. В них он рассказывает об англофобии в Германии и, в частности, о фигуре ее идеолога профессора Генриха фон Трейчке, крупного историка и одного из лидеров Национал-либеральной партии.

Автор анализирует причины, приведшие к вражде между Англией и Германией. Серьезным специалистом по вопросам, касающимся срединной Европы, был Андре Шерадам – автор книги «Европа и австрийский вопрос на рубеже XX столетия», изданной в 1903 г. в России⁴.

На исходе войны, в 1917 г., в серии «Война народов 1914–1917 гг.» был опубликован его труд «Разоблаченный пангерманский план»⁵. В фокусе этой книги критика пангерманской идеи. А. Шерадам доказывает, что пангерманский план являлся единственной причиной войны: «Им объясняется как возникновение современного кровавого столкновения, так и необходи-

Александр Львович Погодин

¹ Тарле Е. В. Франко-русский союз // Россия и ее союзники в борьбе за цивилизацию. Т. I: Зачатки современной войны, отд. I, вып. 2.

² Бутенко В. А. Нейтралитет Бельгии // Там же. Т. I, вып. 3.

³ Крэмб Дж. Э. Германия и Англия / пер. с англ. М.: Т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1915. 133 с.

⁴ Шерадам А. Европа и австрийский вопрос на рубеже XX столетия. СПб.: Типо-лит. В. В. Комарова, 1903. 300 с.

⁵ Шерадам А. Разоблаченный пангерманский план / пер. с фр. К. Адариди. Пг.: Изд. В. А. Березовский, 1917. [2], II, [2], 164 с., 3 л. карт. (Война народов 1914–1917 гг. Союзники о войне; вып. 1).

мость для союзников довести его до победного конца с целью освободить весь мир»¹. Российским читателям была предложена книга «Кто хотел войны?», анонсированная как очерк дипломатических переговоров, предшествовавших войне. Ее авторами-составителями были парижские профессора Э. Дюркгейм и Э. Дени. Рассказав об австрийском воинственном по характеру ультиматуме в связи с убийством Франца Фердинанда и примирительном по духу сербском ответе, авторы прослеживают развитие конфликта вплоть до объявления войны Австро-Венгрии Сербии и России и Германией – Франции и России. На поставленный ими самими вопрос «Кто хотел войны?» ответ однозначен: «Очевидно, что не Франция», точно так же «невозможно обвинить и Англию» и, конечно, «позиция России была не менее мирной, чем позиция Англии и Франции»². Вину за развязывание войны Э. Дюркгейм и Э. Дени возлагают на монархии Габсбургов и Гогенцоллернов: «Тяжела ответственность Австрии. Это она вызвала бурю, предъявив Сербии намеренно неприемлемый ультиматум», Германия же «своим обещанием полной поддержки своей союзнице, планы которой она знала, подбила ее бросить вызов Сербии», сорвала попытки России, Англии и Франции найти возможность примирения, а затем «объявила войну России и Франции, оправдывая это двойное объявление войны лживыми измышлениями»³.

Вопрос о виновниках войны активно поднимали российские печатные издания. Независимо от политических взглядов авторов вывод был однозначен – германский империализм. Таков лейтмотив множества публикаций, в том числе статей в «Морском сборнике»⁴, брошюре И. И. Савостина «Великая европейская война 1914 года: причины и повод к войне»⁵.

¹ Шерадам А. Разоблаченный пангерманский план. С. 1.

² Дюркгейм Э., Дени Э. Кто хотел войны? Очерк дипломатических переговоров, предшествовавших войне. Пг.: Б-ка Великой войны, 1915. С. 78, 80.

³ Там же. С. 81, 83–84.

⁴ Мировая война: повод к войне и ход дипломатических переговоров, приведших к разрыву // Морской сб. 1914. Т. 384, № 8. С. 1–64.

⁵ Савостин И. И. Великая европейская война 1914 года: причины и повод к войне. М.: Журн. «Воин и пахарь», 1915. 33 с.

Николай Иванович Кареев

Для революционера-анархиста П. А. Кропоткина вопрос о виновнике войны также однозначен. *«Не Сербия – причина войны, не страх Германии перед Россией, а то, что, за исключением ничтожного меньшинства, тот класс, который заправляет политической жизнью Германии, был опьянен своим торжеством над Францией и своей быстро развивавшейся военной силой на суше и на морях. Этот класс считает прямо-таки оскорбительным для Германии, что ее соседи мешают ей завладеть богатыми (готовыми, заселенными уже) колониями на Средиземном море (Марокко, Алжир, Египет), а также Малой Азией и частью Китая, опережают ее в планах захвата будущей Адриатики Индийского океана,*

*т. е. Персидского залива, и вообще мешают ей установить свою гегемонию в Европе, Азии и Африке»*¹. Для него победа Германии над Францией, Бельгией, Англией и Россией в этой войне означала бы порабощение всей европейской культуры германским милитаризмом, которое на полстолетия, если не больше, остановило бы развитие всей Западной Европы и всего славянского мира.

В 1916 г. вышла первая, а в 1917 г. – вторая часть седьмого, завершающего, тома знаменитого труда «История Западной Европы в новое время» Н. И. Кареева, который с 1885 г. в Санкт-Петербургском университете читал курс лекций по этому разделу всемирной истории. Результатом его и стал названный обобщающий труд. В продолжение значительно раньше опубликованного им шестого тома (1910), куда вошли проблемы международных отношений начиная с 1880-х и 1900 г.², в седьмом томе книги Н. И. Кареев рассматривает международные отношения начала XX в.: с 1901 до 1907 г. – в первой его части, с 1908 по 1914 г. – во второй³. Открывая том, Кареев писал: *«Война эта предвиделась и даже ожидалась давно, но разразилась совершенно внезапно летом 1914 г., не только нарушив международный мир почти во всей Европе, но сразу же всячески сказавшись и на внутренней жизни как принявших участие в войне, так и нейтральных наций. При первом известии об объявлении Германией войны России нельзя было не придти к тому заключению, что предыдущий исторический период, – откуда бы мы его не начинали, – окончился,*

¹ [Кропоткин П. А.] П. А. Кропоткин о войне. С послесловием Вл. Л. Бурцева. М.: [Тип. т-ва Рябушинских], 1916. С. 8.

² Кареев Н. И. История Западной Европы в Новое время: (Развитие культурных и социальных отношений): в 7 т., 9 кн. СПб., 1892–1917. Т. 6: Последняя треть XIX века, ч. 2 (1880–1900 годы). 1910. 630 с.

³ Там же. Т. 7: История Западной Европы в начале XX столетия (1901–1914), ч. 1–2. Пг., 1916–1917.

и что война собою открывала новый период, так как произошла грандиозная катастрофа, которая не может не отразиться не только на международных отношениях — и не в одной, притом, Европе, но и на внутренней жизни европейских наций как в политическом, социальном и экономическом отношениях, так и по влиянию своему на развитие духовной культуры»¹. Что касается причин войны, то они, пишет Кареев, заключая изложение событий, «многочисленны и сложны»: «Некоторые из них коренятся в очень старых международных антагонизмах, другие имеют более недавнее происхождение. К числу последних относится, главным образом, англо-германский антагонизм на почве преимущественно внеевропейских отношений и притом в сферах промышленно-торговых, колониальных и военно-морских интересов. <...> В самой Европе наиболее важными узлами неприязненных отношений были франко-германский на западе и австро-русский на востоке. Франко-германская вражда, из-за Эльзаса-Лотарингии, с одной стороны, и австро-русское соперничество из-за Балканского полуострова, с другой, создали почву, на которой вырос союз центральных империй, в свою очередь вызвавший к жизни союз Франции и России. Оба союза имели оборонительный характер, первый — даже тогда, когда, благодаря присоединению к нему Англии превратило его в тройственное согласие. Но это разделение Европы на два лагеря таило в себе и военную опасность, явный признак которой заключался в усилении вооружений с обеих сторон. <...> Международный мир был вооруженным миром: для его поддержания <...> готовились к войне, но в этом-то и таилась опасность войны»².

Специально рассмотрению причин мировой войны посвятил свое исследование приват-доцент кафедры международного права Московского университета А. М. Ладыженский. Он не без оснований полагал, что разгромленная в 1871 г. Франция не могла не относиться к немцам как к своим врагам. К чувствам уязвленной национальной гордости добавлялись экономические

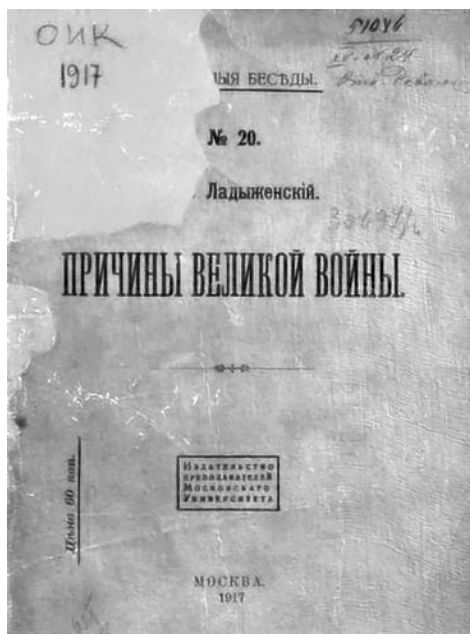

¹ Кареев Н. И. История Западной Европы в Новое время: (Развитие культурных и социальных отношений): в 7 т., 9 кн. Т. 7: История Западной Европы в начале XX столетия (1901–1914), ч. 1. Пг., 1916.

² Там же. Т. 7: История Западной Европы в начале XX столетия (1901–1914), ч. 2. С. 711.

проблемы. Немецкие товары постепенно вытесняли не только английскую, но и французскую продукцию. Англичане и французы как конкуренты мечтали о войне с немцами. Как и немцы, они стремились захватить внешние рынки для своих товаров. Торговое соперничество перенеслось в Азию, Африку и другие страны. С Россией противоречия также складывались на почве торговой политики. Установление Россией пошлин на заграничные товары было ей выгодным, но это шло вразрез с германскими интересами, и немцы отвечали повышением пошлин на российские продукты сельского хозяйства. Вследствие этого велась постоянная таможенная война. Еще одной причиной, обострявшей отношения с Германией и Австро-Венгрией, был ближневосточный вопрос о проливах и положении балканских христиан. Интересам России противоречила аннексия Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины. Одновременно австрийцев тяготило стремление Галиции к России. И общий вывод: *«Теперешняя борьба народов вызвана всей историей международных отношений последних лет, а не желанием небольшой группы капиталистов и не произволом нашего бывшего царя, который очень тяготеет к немцам и даже, как известно, не прочь был заключить с ним сепаратный мир»*¹.

Лидер Партии конституционных демократов, историк П. Н. Милюков увидел в войне возможность собрать земли, которыми Россия либо издревле владела, либо в прошлом приобрела, но в силу разных причин потеряла. Он писал:

*«Когда Россия вынуждена была объявлением ей войны начать военные действия, ее стратегический план совпал с задачей объединения русских народностей, к одной из которых принадлежит большинство населения Галиции... Вместе с королевством Галицией, принадлежащим к числу австрийских имперских земель, предполагается присоединить и т. наз. "Угорскую Русь", т.-е. часть того же малорусского населения, сохранившуюся за Карпатами, в пределах Венгрии... Таково единственное непосредственное территориальное присоединение, которое могло иметься в виду в самом начале войны и которое прямо вытекало из общего начала... объединения русских народностей в их этнографических границах»*². Объявление

¹ Ладыженский А. М. Причины Великой войны. М.: Тип. т-ва Рябушинских, 1917. С. 45–46.

² Милюков П. Н. Территориальные приобретения России // Чего ждет Россия от войны: сб. ст. С. 50.

ние Турцией войны России, отмечает П. Н. Милюков, *«существенно изменило дело, дав нам возможность поставить на очередь окончательное разрешение вековых задач нашей ближневосточной политики. Целью ее в настоящее время должно быть сделано приобретение Босфора и Дарданелл в полное обладание России, вместе с Константинополем и достаточной частью прилегающих берегов, чтобы обеспечить защиту проливов»*. И, наконец, Милюков обратил внимание на возможность приобретения территории от Зивина до Баязета в Закавказье. По Сан-Стефанскому договору эта полоса земли должна была войти в состав России одновременно с Ардаганом, Карсом и Батумом, но Англия воспротивилась присоединению ее Россией¹. При этом Милюков подчеркнул, что решительная победа над внешним врагом *«необходима не для одних только территориальных приобретений, а также и для достижения идеальных целей войны, поставленных нами и нашими союзниками: для устранения тех стремлений Германии ко всемирной гегемонии, которые угрожали европейскому миру в течение десятилетий и заставляли народы нести тяжесть непомерных расходов на вооружения и для обеспечения спокойного существования малых народностей, которые притом должны закончить процесс своего национального объединения»*².

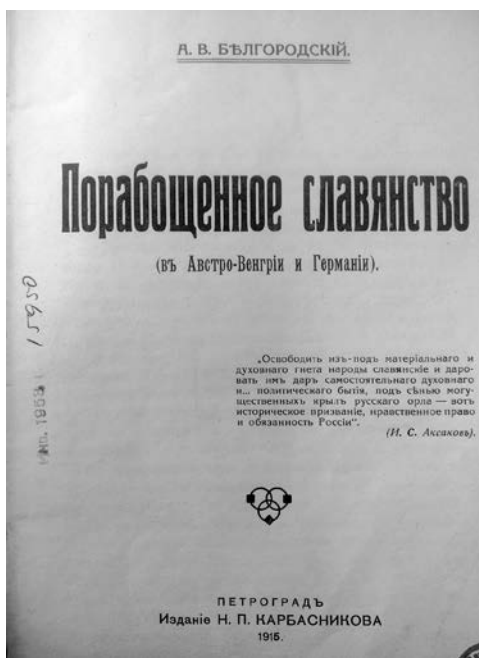
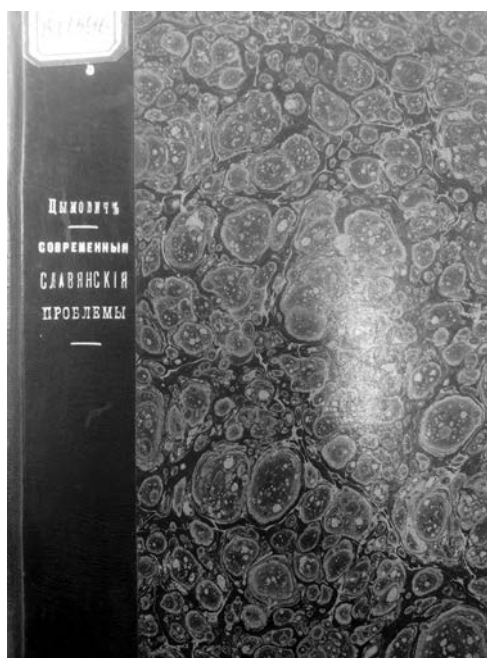
Тональность работ российских авторов, в том числе рассчитанных на массового читателя, напрямую зависела от нахождения объекта описания во враждебных или же союзнических отношениях с Россией. В качестве примера можно назвать работы М. П. Цемовича «Современные славянские проблемы»³ и А. В. Белгородского «Порабощенное славянство: (в Австро-Венгрии и Германии)»⁴. Во введении к своей книге А. В. Белгородский пишет: *«Никогда еще Россия не переживала такого сильного подъема национального и общеславянского самосознания, как в дни настоящей великой войны... Если и в прежние времена, особенно в освободительную войну 1877–1878 гг., интересы славян были близки России, то настоящая война является по преимуществу войной за освобождение порабощенного славянства... Существующие учебники всемирной истории, переполненные часто совершенно не нужными подробностями из жизни различных западноевропейских государств, отводят обычно весьма ничтожное место судьбам родственных нам братьев-славян. Объяснение этого печального явления нужно искать в господствующем у нас немецком освещении всемирной истории, при котором, естественно игнорируется изложение судеб славянских народов. Задача автора – представить краткий*

¹ Милюков П. Н. Территориальные приобретения России. С. 57–59.

² Там же. С. 62.

³ Цемович М. П. Современные славянские проблемы: I. Английская и русская точки зрения на задачи войны. II. Славянская точка зрения на задачи мира. III. Австро-венгерский дуализм. Пг.: Тип. М. И. Фоминой, 1915. 115 с.

⁴ Белгородский А. В. Порабощенное славянство: (в Австро-Венгрии и Германии). Пг.: Изд-во Н. П. Карбасникова, 1915. 138 с.

популярный исторический очерк порабощенного славянства в Австро-Венгрии и Германии. В продолжение всей своей свыше тысячилетней исторической жизни оно ведет непрерывную, тяжелую и упорную борьбу с германским миром... Политическое могущество России всегда поддерживало среди порабощенных славянских народов веру и надежду на избавление от чужеземного ига. Наступает великий исторический праздник славянства. Для него открывается заря новой жизни»¹.

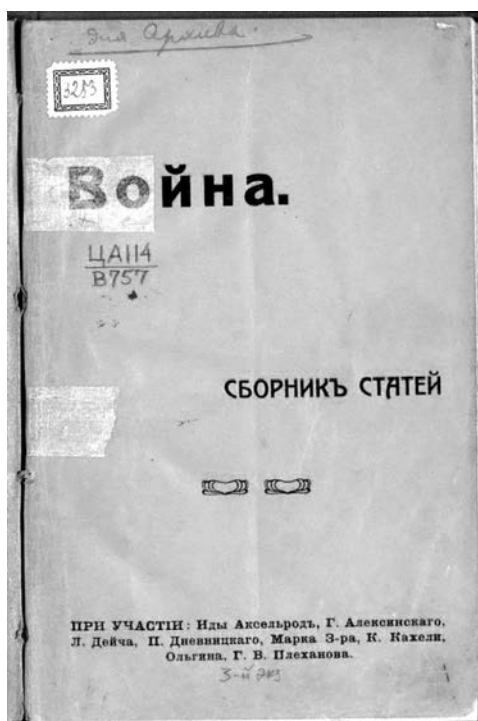
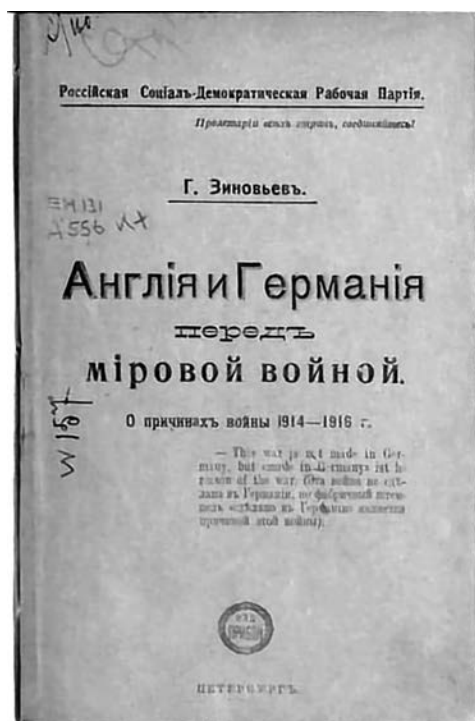
На протяжении 1914–1917 гг. в журнале «Голос минувшего» выходили очерки В. Н. Перцева о деятельности прусско-германских государей, в 1918 г. объединенные под одной обложкой в книгу «Гогенцоллерны»². Два последних очерка Перцев посвятил личности и царствованию Вильгельма II. Завершая свое изложение, он пишет: «Чем дальше продвигалось по времени царствование Вильгельма II, тем с большей неизбежностью надвигалась общеевропейская катастрофа. Настоящее уже показывает, как непрочны оказываются в огне всемирного пожара те устои, на которых основывалась до сих пор прусско-германская политика, – политика Гогенцоллернов»³.

На общем фоне поддержки военных усилий России не выглядело диссонансом отношение к войне российских социал-демократов. Г. Е. Зиновьев виновниками мировой войны считал не только Германию, но и Англию: «С того

¹ Белгородский А. В. Порабощенное славянство: (в Австро-Венгрии и Германии). С. 3–4.

² Перцев В. Гогенцоллерны: характеристика личностей и обзор политической деятельности. М.: Задруга, 1918. 226 с.

³ Там же. С. 2.

времени, как германский империализм окреп настолько, что смог стать серьезным соперником английского империализма, Англия и Германия враждебно сталкиваются во всех уголках земного шара». Поэтому «главенствующую роль в войне 1914–17 гг. сыграл антагонизм между империалистской Англией и империалистской Германией. Сейчас уже совершенно ясно, что из этой войны победителями выйдут именно эти два империалистских гиганта»¹. Война, по его мнению, закончится переделом колоний и территорий. На вопросы «Между кем?» и «Что станет с остальными участниками войны?» Г. Е. Зиновьев в этой публикации прямо не ответил, но уверенно утверждал, что новые империалистические войны неизбежны.

Социал-демократы, находившиеся в эмиграции, тоже не остались безучастными, даже выпустили сборник статей «Война»². В нем его авторы провозгласили: «Все мы согласны между собой в том, что непосредственная ответственность за войну падает на германское и австрийское правительства, набросившиеся на Сербию и нарушившие нейтралитет Сербии... что окончательная победа Германии была бы вредна для дела европейской демократии, не исключая и демократии немецкой... что эта победа повредила бы также дальнейшему экономическому развитию России и, следовательно, затруднила бы

¹ Зиновьев Г. Англия и Германия перед мировой войной. О причинах войны 1914–1916 г. СПб.: Прибой, 1917. С. 8.

² Война: сб. ст. 106 с.

эмансипацию российского пролетариата. Такому исходу войны социалисты никак не могут сочувствовать. Более того: против такого ее исхода они обязаны всеми силами бороться»¹. Член РСДРП Л. Г. Дейч, меньшевик по фракционной принадлежности, считал так же: «Только в случае поражения Германии человечеству не будут угрожать в будущем новые неимоверные бедствия. Только тогда пойдет оно быстрыми шагами по пути уничтожения современного строя и завоевания того, в котором немыслимы будут никакие войны»². То, что подобным образом отреагировали на войну авторы сборника, вовсе не означает, что вся российская социал-демократия была единодушна в осуждении германо-австрийской агрессии.

Исключение составили большевики. В сентябре 1914 г. вождь большевистской фракции РСДРП В. И. Ленин в тезисах, известных под названием «Задачи революционной социал-демократии в европейской войне», подчеркивал: «С точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии и ее войск»³. Смысл такого поражения Ленин раскрыл в тогда же написанном им и опубликованном от имени ЦК РСДРП манифесте «Война и российская социал-демократия», где констатировал: «Превращение современной империалистической войны в гражданскую есть единственно правильный пролетарский лозунг»⁴. В статье «О поражении своего правительства в империалистической войне» он однозначно определил свое понимание «гражданской войны» и условий перехода к ней: «Революция во время войны есть гражданская война, а при этом и в войне правительств в войну гражданскую, с одной стороны, облегчается военными неудачами (“поражением”) правительств, а с другой стороны, — не во всем же на деле стремиться к такому превращению, не содействуя тем самым поражению»⁵. Этого курса большевики последовательно придерживались на всем протяжении Первой мировой войны.

Но эта позиция, повторим еще раз, была исключением. Призыв к поражению не воспринимался не только широкими массами, но и многими революционерами, отвергавшими путь к революции через военное поражение. Наоборот, базовой основой общественного мнения, отраженного во множестве публикаций, была вошедшая в массовое сознание идея сплочения ради победы.

¹ Война: сб. ст. С. 4.

² Там же. С. 10.

³ Цит. по: Ленин В. И. Задачи революционной социал-демократии в европейской войне // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 6. Впервые напечатано полностью в 1929 г. во 2-м и 3-м изданиях «Сочинений» В. И. Ленина (Т. XVIII).

⁴ Цит. по: Ленин В. И. Война и российская социал-демократия // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 22. Впервые напечатано: Его же. Война и российская социал-демократия // Социал-демократ. 1914. 1 нояб. № 33. С. 1.

⁵ Цит. по: Ленин В. И. О поражении своего правительства в империалистической войне // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 287. Впервые напечатано: Его же. О поражении своего правительства в империалистической войне // Социал-демократ. 1915. 26 июля. № 43. С. 1.

Составными частями объединяющей все слои общества платформы были принципы единения народа под лозунгами «внутреннего мира», признания освободительной миссии России в Европе и славянских странах, что вместе взятое обеспечивало примирение с властью.

1.3. Первая жертва: нейтральная Бельгия

4 августа 1914 г. немцы вторглись в Бельгию. Этот неспровоцированный акт агрессии вызвал всеобщее негодование. Оно было тем более сильное, что в общественном сознании задолго до нападения на нее утвердилось представление о незыблемости нейтрального статуса ряда европейских государств, среди которых была Бельгия. Вполне объяснима поэтому мгновенная возмущенная реакция в России как на саму трагедию нейтральной Бельгии, ставшей первой жертвой германской агрессии, так и на позицию немецкой интеллигенции, которая выступила с воззванием в защиту этой агрессии¹. На страницах «Голоса жизни» Е. П. Семенов отдавал дань мужеству бельгийцев: *«Как бы ни закончилась война, маленькая Бельгия покрыла себя во всяком случае и навсегда неувядаемой славой. Народ, в котором и король, и рабочий, крестьянин и купец, священник и воин, юноши и старцы, дети и женщины, все вместе, спаянные высшей доблестью и героизмом, творят легенду на глазах всего мира, этот народ заслуживает все громкие эпитеты, на какие только способен человеческий язык»*².

Слова из бельгийского национального гимна – «Король, закон и свобода» – Л. Н. Андреевым были помещены в название его пьесы, посвященной бельгийскому королю Альберту³. В основе ее сюжета история семьи писателя, поначалу не верившего, что на страну напали. Горят библиотеки, разрушаются соборы – *«войны нет, этого не может быть...»*. Но постепенно и их вилла погружается в хаос войны. И в момент отчаяния приходит решение о сопротивлении захватчикам. Пьеса была издана, в декабре 1914 г. сыграна на сцене Александринского театра (хотя и раскритикована за отсутствие «героических подвигов»⁴) и в тот же год вышла к широкому зрителю на экраны кинотеатров.

Бельгийская трагедия вызвала к жизни несколько литературных сборников с участием известных писателей и поэтов. Издатели «Бельгийского сборника»,

¹ Воззвание 93-х представителей к цивилизованному миру // Оправдание представителями германской интеллигенции нынешней войны и способа ее ведения Германией и Австро-Венгрией и Отповедь представителей интеллигенции во Франции, Англии и России / изд. В. И. Адамович, заслуж. проф. Пг.: Типо-лит. С. К. Пентковского, 1915. С. 6–13; Ответ германским ученым // День. 1914. 21 дек. № 347 (789). С. 3; Ответ профессоров и преподавателей Императорского университета св. Владимира на «Обращение к цивилизованным нациям», опубликованное 93 германскими учеными и писателями по поводу настоящей войны. Киев, 1915.

² Семенов Е. П. Золотая книга Бельгии // Голос жизни. 1914. № 5. С. 8.

³ Андреев Л. Н. Король, закон и свобода: пьеса в 6 картинах. Пг.: Отечество, 1914. 111 с.

⁴ Романов В. Король, закон и свобода // Голос жизни. 1915. № 1. С. 18.

почти половина дохода от которого должна была поступить «в пользу разоренной Бельгии», прямо указывали на цель книги: *«Это знак преклонения перед маленьким народом, озарившим мир строгою красотой духа»*¹. Открывал его бельгийский гимн, рефреном повторяющуюся строку из которого знал теперь каждый неравнодушный человек, – «Король, свобода и закон»². В двух московских издательствах вышел сборник под названием «Книга короля Альберта»³. В «русском» его отделе были напечатаны короткие эмоциональные высказывания Л. Андреева, А. Куприна, М. Д. Анучина, М. Туган-Барановского, П. Виноградова, стихи Д. Мережковского, Ф. Сологуба, А. Блока, И. Северянина, З. Гиппиус. В общем отделе – переводы высказываний и реакций на бельгийскую трагедию зарубежных политических, общественных деятелей, представителей искусства. *«Не восторг, не восхищение, но глубокую вечную благодарность всего цивилизованного мира снискал себе самоотверженный бельгийский народ и их благородный юный монарх. <...> Они спасли не только свое*

¹ Бельгийский сборник. Пг.: Тип. С. Г. Степанова, 1915. С. 1, 3.

² Там же. С. 7.

³ Книга короля Альберта: [Проза и стихи]: Посвящается бельгийскому королю и его народу представителями народов и государств всего мира. М.: Идея, 1915. 299 с.; Книга короля Альберта: Дань королю и народу Бельгии представителей всего мира / [пер. прозаической части... сделан А. Васильевой и А. Михеевой; стихи в пер. К. Бальмонта, В. Брюсова, Ю. Гданского [и др.]]. М.: В. Португалов, 1915. 334, VI с.; Книга короля Альберта: [Высказывания гос. и обществ. деятелей и ученых о Бельгии в связи с войной 1914 г.]. [СПб.]: Лит. «Труд», [1915]. 32 с.

отечество, но всю Европу, колыбель мысли, знания, творчества и красоты; они спасли от бешенства варваров, нагло поправивших все, лучшие розы святого сада Бога», – писал на его страницах А. Куприн¹.

«Бельгийская жертва» – так назвал свою небольшую книгу публицист Ф. Г. Мускатблит². Открыл он ее словами поэта и писателя Д. С. Мережковского: «*Бельгийский народ, мы говорим тебе: мужайся, – ибо не может быть большего мужества, чем то, которое ты показал*»³. Сочувствием к трагедии Бельгии пронизана брошюра Б. И. Имшенецкого⁴. Он взял на себя задачу показать, что представляют из себя Бельгия и ее народ, проявивший неслыханную силу в единоборстве с мощнейшей империей, претендовавшей на мировое господство. Брошюра Имшенецкого не о войне, она – не что иное, как справочник о стране, интерес

Альберт I, король Бельгии

к которой неимоверно возрос в связи с неспровоцированной и осуждаемой агрессией против нее. В книге подчеркнут общепризнанный международным сообществом статус нейтрального государства, который нарушила Германия – страна, которая была одним из гарантов целостности и неприкосновенности Бельгийского королевства. От публикации Б. И. Имшенецкого практически не отличаются структурой и содержанием очерки Б. Захарьева, Е. Э. Сно, М. О. Маргулиса, И. Гольденберга⁵. Брошюра, рассказывавшая о мужестве бельгийской армии, появилась в серии «Библиотека современной войны»⁶.

В России вышло с предисловием министра иностранных дел Бельгии П. Гиманса официальное издание бельгийского правительства – сборник материалов «Нейтралитет Бельгии»⁷. Преступное, вопреки всем международным соглашениям, нарушение бельгийского суверенитета осудил известный российский

¹ Книга короля Альберта: [Проза и стихи]... С. 12.

² Мускатблит Ф. Г. Бельгийская жертва. Очерк борьбы за независимость. М.: Моск. изд-во, 1914. 124 с.

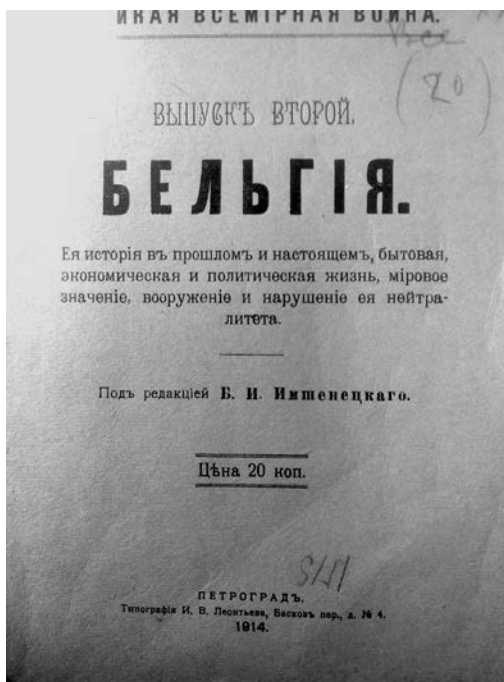
³ Там же. С. 4.

⁴ Имшенецкий Б. И. Бельгия. Ее история, в прошлом и настоящем, бытовая, экономическая и политическая жизнь, мировое значение, вооружение и нарушение ее нейтралитета. Пг.: Тип. И. В. Леонтьева, 1914. 34 с.

⁵ Захарьев Б. Бельгия – страна героев. М.: Тип. М. О. Аттая и К°, 1914. 32 с. (Библиотека войны; вып. 2); Сно Е. Э. Бельгия – страна героев: Этнографический очерк. Пг.: И. Богельман, [1915]. 14 с. (Война. 1915. № 20); Маргулис М. О. Бельгия. М.: Т-во «И. Н. Кушнерев и К°», 1914. 42 с.; Гольденберг И. Бельгия. Пг.: Жизнь и знание, 1915. 44 с.

⁶ Доблестная бельгийская армия, ее вожди и герои. Одесса: А. Е. Полонский, 1914. 16 с.

⁷ Нейтралитет Бельгии: [сб. материалов] / предисл. гос. министра П. Гиманса; офиц. изд. бельг. правительства. Пг.: Б-ка Великой войны, 1915. XXIX, 197 с.

историк В. А. Бутенко. В начале войны он выступил с двумя статьями «Борьба европейских держав за Бельгию» и «Нейтралитет Бельгии», опубликованными в коллективных сборниках «Вопросы мировой войны»¹ и «Россия и ее союзники в борьбе за цивилизацию»². В первой из них он с сочувствием к Бельгии констатировал: несмотря на то, что *«со времени образования самостоятельного и навеки нейтрального бельгийского государства европейское общество привыкло считать бельгийский вопрос решенным окончательно»*, на самом деле *«вся история Бельгии до 1830 г. была сплошным мученичеством»* и *«Германия вписала в этот мученичество лишь новую кровавую страницу»*³. В другой статье – «Нейтралитет Бельгии» – В. А. Бутенко подробно раскрыл все этапы обретения этой страной независимости и статуса нейтрального государства как гарантии ее сохранения. Бельгийская революция 1830 г. привела к созданию независимой Бельгии, а Лондонская конференция 1831 г. представителей Бельгии, Англии, Франции, Австрии, Пруссии и России определила условия отделения Бельгии от Голландии, установила территориальные границы бельгийского королевства и провозгласила принцип постоянного нейтралитета Бельгии. Договор 1839 г. этих же государств окончательно урегулировал все

¹ Бутенко В. А. Борьба европейских держав за Бельгию // Вопр. мировой войны: сб. ст. / под ред. М. И. Туган-Барановского. Пг.: Право, 1915. С. 48–60.

² Бутенко В. А. Нейтралитет Бельгии // Россия и ее союзники в борьбе за цивилизацию. М.: Изд-во Д. Я. Маковского, [1916]. Т. I: Зачатки современной войны, вып. 3.

³ Бутенко В. А. Борьба европейских держав за Бельгию. С. 48.

вопросы, вытекавшие из признания Бельгии независимым нейтральным государством. Но можно ли было считать бельгийский нейтралитет безусловно гарантированным? В. А. Бутенко приводит на этот счет слова лорда Пальмерстона, виднейшего британского государственного деятеля XIX в., многие годы занимавшего посты министра иностранных дел и премьер-министра, которые он сказал в английском парламенте 8 июня 1855 г.: *«Действительно, трактаты освятили нейтралитет Бельгии... Но я не склонен придавать большое значение подобным обстоятельствам. Всемирная история показывает, что, когда возникает распря, и воинственная нация находит для себя полезным провести свою армию через нейтральную территорию, то к декларациям о нейтралитете не относятся с большим уважением»*¹. Пальмерстон оказался прав. В Германии уже с конца XIX в. обсуждался вопрос о возможном нарушении нейтралитета Бельгии. План 1898 г., разработанный начальником германского Генерального штаба Шлиффеном, предусматривал направление удара через Люксембург и Южную Бельгию, а свое окончательное оформление эта идея нашла в меморандуме Шлиффена 1905 г. «Война против Франции». Другими словами, план нападения на Францию через Бельгию был окончательно принят.

На Бельгию обрушилась 300-тысячная немецкая армия, на пути которой стояли крепости Льеж, Намюр и Антверпен². После тяжелых боев, под натиском превосходящих сил и обстреливаемые артиллерией крупных калибров, крепости пали. Боевой опыт их защиты показал, что, вопреки распространенному в то время мнению, крепости не могут противостоять артиллерии и являться убежищем для полевых армий. Не принесли успеха и совместные с англо-французской армией бои на реке Изер. Героической защите Бельгии посвящена переведенная с французского языка брошюра, в которой представлен обзор действий бельгийской армии в 1914 г.³ Это – официальный отчет Главнокомандующего бельгийской армией, который, по словам переводчика генерала русской армии и военного писателя К. Адарида, *«не может не вызвать величайшего удивления к тем подвигам, на которые способен народ, проникнутый горячим желанием отстоять свою самобытность»*⁴.

В 1916 г. вышла переведенная на русский язык работа Э. Ваксвейлера «Бельгия в Великой войне, ее нейтралитет и лояльность»⁵. Книга к этому вре-

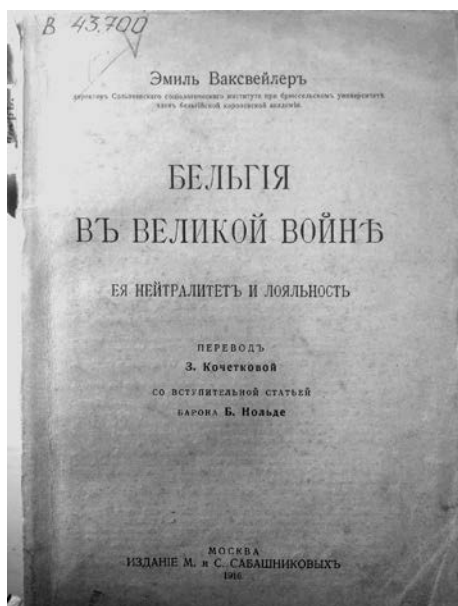
¹ Цит. по: Бутенко В. А. Нейтралитет Бельгии. С. 187.

² Гамелус П. Осада Льежа. Впечатления очевидца. Пг.: Б-ка Великой войны, 1914. 99 с.; Докладная записка о результатах обстрела укреплений Люттих, Намюр, Антверпен, Мобеж, а также форта Манонвиллер в 1914 г. Brüssel, 1915. 52 с.; Яковлев В. В. Антверпен, его осада и оборона в европейскую войну 1914 года. Пг.: Тип. Усманова, 1914. 56 с.

³ Действия бельгийской армии с 18/31 июля по 18/31 декабря 1914 года. Оборона государства и борьба за нейтралитет. Донесение Штаба Главнокомандующего с 11-ю схемами. Пг., 1916. 66, [2] с., [11] л. схем.

⁴ Там же. С. 3.

⁵ Ваксвейлер Э. Бельгия в Великой войне, ее нейтралитет и лояльность / вступ. ст. бар. Б. Нольде. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1916. XX, [2], 180 с.

мени получила широкую известность в европейских странах. Представляя книгу читателю, ее издатель подчеркивал, что, будучи опубликованной *«еще в первый год войны, одновременно по-французски, по-английски и по-немецки, она с тех пор успела выдержать во французском оригинале множество изданий. Но еще более убедительным свидетельством ее значения служит, быть может, та крайняя раздражительность, с какой к ней отнеслась Германия, где создавалась целая анти-ваксвейлеровская литература»*. Труд покойного Э. Ваксвейлера не только не утратил интереса, но, по мнению издателя, *«сохранит его в полнейшей мере до окончательной развязки великой европейской распри,*

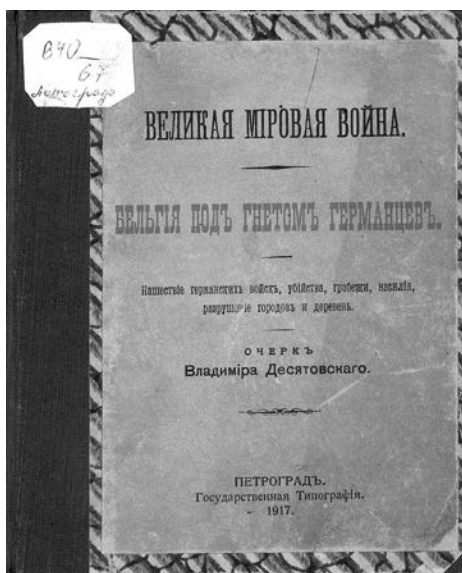
*да и потом будет читаться как один из документов, всего яснее рисующих образ германских правительственных сфер, которые вызвали в Европе беспримерную историческую катастрофу»*¹. Вступительную статью «Бельгийская внешняя политика перед Великой войной» к русскому изданию книги написал уже упоминавшийся автор труда «Постоянно нейтральное государство» Б. Э. Нольде. В статье он на основе материалов, которые были опубликованы Германией с целью обелить себя и доказать «предательство» бельгийской внешней политики в годы, предшествовавшие войне, делал вывод, что в глазах беспристрастного наблюдателя они еще сильнее подтверждают правоту маленькой нации, павшей первой жертвой желания Германии стать «еще более великой» державой, а также бросают яркий свет на трудности жизни в старой Европе для малых народов вообще.

Ряд изданных в годы войны трудов завершает 500-страничная книга обер-прокурора Синода В. К. Саблера «Бельгия под гнетом германцев»², изданная в серии «Великая мировая война» в 1917 г. Саблер происходил из обрусевших немцев, не желая ассоциироваться с военным противником России, в 1915 г. перешел на девичью фамилию жены, став Десятовским. Под этой фамилией он и издал свою книгу. Автору очевиден ответ на вопрос: «Что же лежит в основе бельгийской трагедии»? Это уверование немцев *«под влиянием какого-то коллективного сумасшествия... в особую миссию, возложенную на них Богом. <...>*

¹ От издательства // Э. Ваксвейлер. Бельгия в Великой войне, ее нейтралитет и лояльность. С. III.

² Саблер В. К. Бельгия под гнетом германцев: нашествие германских войск, убийства, грабежи, насилия, разрушение городов и деревень / [Соч.] Владимира Десятовского. Пг.: Гос. тип., 1917. 516 с.

Они не признают для себя обязательными никакие законы и обычаи войны, выработанные многовековыми усилиями христианской культуры. Они с возмущительным цинизмом объявляют себя свободными от всех обязательств международного свойства, когда находят это для немецкой государственности полезным. Международные договоры, ими же добровольно подписанные, признаются клочками бумаги, не имеющими никакого значения»¹. Варварство немцев В. К. Саблер показывает на примере Бельгии: от настойчивых требований разрешить пропуск своих войск по бельгийской территории Германия перешла к боевым действиям. Саблер – скрупу-

лезно, на основании документов французской комиссии по расследованию преступлений германских войск, показывает трагедию, произошедшую с Бельгией и ее народом. Здесь разгром и разрушение Лувэна, Герве, Вандре, Визе, Льежа, Аэршота, Динана, Анденна, Тамина, Термонда, Антверпена, Диксмюда, избиения пленных и раненых, стариков и детей, преследование духовенства, поджоги домов, организованный грабеж, принудительный труд. «Тяжело думать, – пишет автор, – что героическая многострадальная Бельгия уже более двух лет стонет под гнетом немецких насильников. Истребив огнем и мечом много цветущих городов и сел, немцы безжалостно разоряют завоеванный край»². Однако «истекающая кровью Бельгия должна знать, что ее готовность всем жертвовать для спасения чести родной земли нашла справедливую оценку и в России»³.

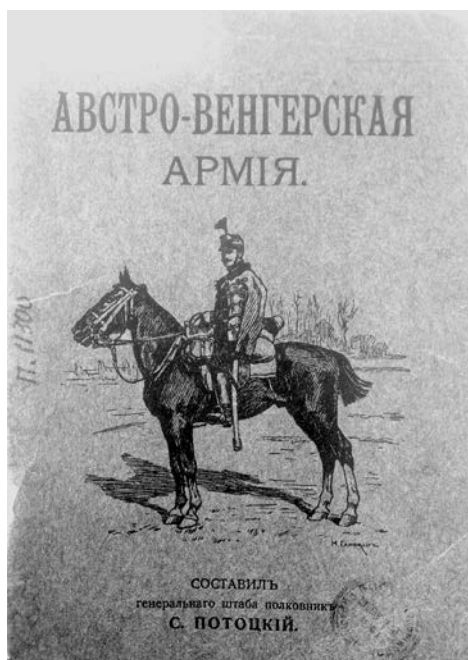
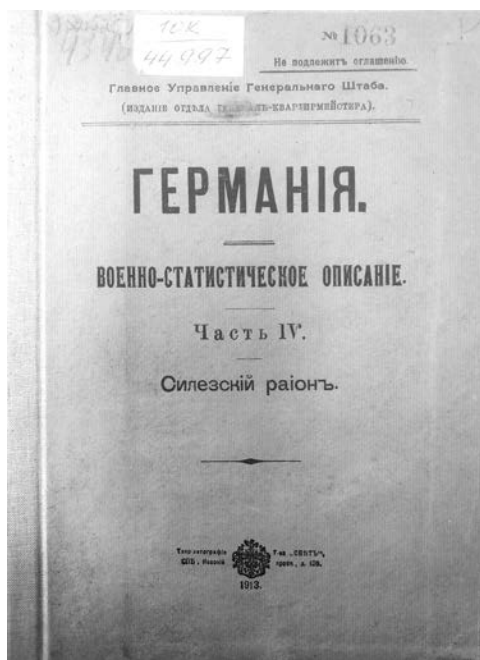
1.4. Вооруженные силы сторон

Вопросы организации вооруженных сил и их боевого применения нашли отражение как в изданиях Главного управления Генерального штаба с грифом «не подлежит оглашению», так и в открытой печати. Интерес вызывают не только отчеты о действиях войск в кризисные периоды, но и состояние армий в мирное время и их готовность вступить в бой в нужный момент. В России непосредственно накануне мировой войны военные и дипломаты получили военно-статистические справочники, характеризующие армии и воз-

¹ Саблер В. К. Бельгия под гнетом германцев: нашествие германских войск, убийства, грабежи, насилия, разрушение городов и деревень. С. 7–8.

² Там же. С. 106.

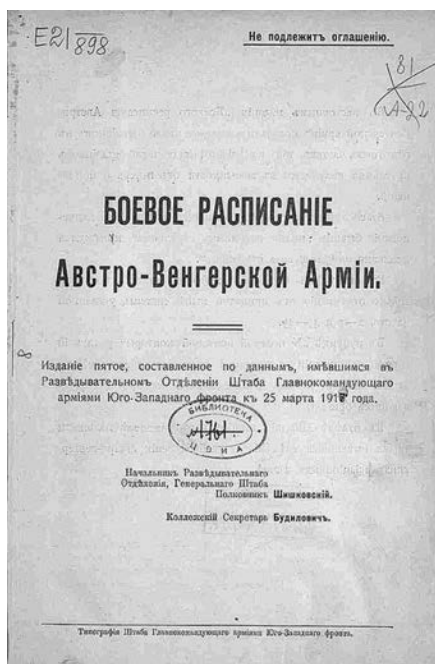
³ Там же. С. 98.

возможные театры военных действий как союзников¹, так и будущих противников². Например, подготовленное Главным управлением Генштаба в 1914 г. Военно-статистическое описание Австро-Венгрии содержало исчерпывающие сведения о вооруженных силах этой страны. Были показаны состав вооруженных сил, включая принципы комплектования, структуру пехоты, конницы, артиллерии, инженерных войск, организацию перемещений, материально-технического обеспечения, санитарного обслуживания, описание вооружения и обмундирования, снабжения боеприпасами и продовольствием, организацию

¹ Вооруженные силы Британской империи: (По данным к 1 янв. 1911 г.) / Гл. упр. Ген. штаба. СПб.: Отд. ген.-квартирмейстера, 1911. [4], 211 с. Не подлежит оглашению.

² Германия: Военно-статистическое описание / Глав. упр. Ген. штаба. СПб.: Отд. ген.-квартирмейстера. Ч. I: Восточно-Прусский район. 1912. VI, 375 с.; Ч. II: Познанский район. 1912. 140 с.; Ч. III: Померанский район. 1913. [4], 170 с.; Ч. IV: Силезский район. 1913. 104 с.; Важнейшие изменения в германской армии по 1 февраля 1914 года / сост. Ген. штаба полк. В. Водар. СПб.: П. А. Риттих, 1914. 60 с.; Австро-венгерская армия: справ. соврем. устройства вооруж. сил Австро-Венгрии / сост. Ген. штаба подполк. С. Потоцкий. СПб.: П. А. Риттих, 1911. 224 с.; 2-е изд., испр. и доп. СПб.: П. А. Риттих, 1913. [6], 248 с., 22 л. ил., карт.; Краткое боевое расписание Австро-Венгерской армии: Действительно с 1 марта 1913 г. / Гл. упр. Ген. штаба; Отд. ген.-квартирмейстера. СПб.: Воен. тип., 1913. 40 с.; Сведения об австро-венгерской армии: извлечение из ежедневной и периодической печати. Киев: Штаб Киев. воен. округа, 1913–1914 (Тип. штаба Киев. воен. округа). 1914. № 14. [1], 26 с.; Австро-Венгрия: военно-статистическое описание / Гл. упр. Ген. штаба; под общ. ред. Ген. штаба полк. Самойло. СПб.: Отд. ген.-квартирмейстера, 1914. Ч. 2: Западно-Галицийский район / сост. Ген. штаба полк. Муханов. II, 154, [1] с.; Австро-Венгрия: военно-статистическое описание / Глав. упр. Ген. штаба. Пг.: Отд. ген.-квартирмейстера, 1915.

связи. Аналогичные данные содержались в справочниках и по другим странам, а также в популярных брошюрах¹.

В ходе войны печатались, разумеется, для служебного пользования, данные разведывательных служб о постоянно изменявшемся состоянии вооруженных сил Германии и ее союзников. Разведывательное управление штаба Кавказского военного округа распространило военный обзор на подведомственном ему театре военных действий². Сборник, выпущенный штабом 7-й армии, сообщал сведения об австро-германских силах по состоянию на 1 июня 1917 г.³ Такая практика стала правилом. Разведывательное отделение штаба 1-й армии издало пять выпусков сборника «Общие сведения о противниках и выборки из обзоров иностранных газет». В первом выпуске появилась информация: *«По агентурным сведениям, из разных источников (J. N. N.), германцы обратили серьезное внимание на постройку “танков”. Точных данных о вооружении германских танков не имеется; есть сведения об автоматических пушках*

¹ Фридман В. Г. Воздухоплавание и война. М.: Т-во «И. Н. Кушнерев и К°», 1914. 56 с.; Бурский П. Д. Техника в современной Великой войне. М.: Т-во И. Д. Сытина, 1916. 56 с.

² Корсун Н. Г. Военный обзор Турецкого передового и Причерноморского (на участке Батум – Инеболи) театров с сопредельными районами Закавказья и Персии / сост. в Разведыват. отд-нии Штаба Кавказ. воен. окр. Ген. штаба кап. Н. Г. Корсун; под ред. нач. назв. отд-ния полк. М. П. Гороха. Тифлис: Тип. Штаба Кавказ. воен. округа. Ч. 1. 1913–1914. Ч. 2, вып. 1. 1914.

³ Боевое расписание частей Австро-Германской армии, действующих на фронте армии: боевое расписание составлено по данным разведки к 1 июня 1917 г.: [сост. в Разведыват. отд-нии Штаба армии]. [Б. м.]: Изд-во Разведыват. отд-ния Штаба VII армии, [1917]. 38 с.

22 мм и 37 мм, о пулеметах, а в последнее время даже об огнеметах»¹. Составители сборника привели и перевод немецкой инструкции по защите от танков: «Убегать в тыл, спасаясь от огня орудий и пулеметов танков, — средство погибнуть наверняка. Строго запрещается при появлении танков укрываться в убежища, так как неприятельская пехота следует за танками в непосредственной близости. Наблюдение за впереди лежащей местностью отнюдь не должно ослабевать или прекращаться под влиянием появления броненосцев. Борется с последними — артиллерия»². Второй выпуск сообщает: «Новые снаряды с газами. Оболочка снаряда заполнена удушливой жидкостью — треххлористым метиловым формиа-

том. Разрыв снаряда производится при помощи детонатора». И сделан вывод: «Газовая атака причиняет гораздо большие потери, чем какой бы то ни был другой вид действий, если войска не защищены или, что почти равняется этому, не могут достаточно быстро пользоваться своими противогазами»³. Подобные сообщения появлялись регулярно. Следующая тема информационного выпуска — моторизация германской армии: по сравнению с началом количество автомобилей и мотоциклов удвоилось, теперь каждая армия располагает 2500–4000 автомобилями разного назначения. В их числе боевые машины — броневики, вооруженные либо легкими орудиями, либо пулеметами, пулеметных броневииков около 1500; автомобили воздушной обороны, снабженные орудиями; машины службы связи, автомобили для перевозки людей, раненых и грузов, последние — с прицепной платформой; смонтированные на автомобилях передвижные электро-, радио-, телеграфные и телефонные станции⁴.

Получить систематизированные статистические данные можно было по изданной в сентябре 1914 г. «Карманной энциклопедии войны 1914 года». Ее авторы задались целью предоставить справочник, в котором были бы сжато изложены «все сведения, необходимые при анализе и оценке событий на театрах военных действий и их возможных прямых и косвенных последствий», чтобы

¹ Общие сведения о противниках и выборки из обзоров иностранных газет / Разведыват. отд-ние штаба 1-й армии. [Б. м.], 1917. № 1: За время с 1-го по 8-е мая 1917 года. С. 4.

² Общие сведения о противниках и выборки из обзоров иностранных газет. [Б. м.], 1917. № 2: За время с 8-го по 15-е мая 1917 года. С. 5.

³ Там же. С. 6.

⁴ Там же. С. 3–5.

СОДЕРЖАНИЕ.	
Вожди воюющих армий.	
Верховный главнокомандующий армий и флота России	5
Русские боевые генералы	7
Английские вожди	9
Французский генералиссимуз	11
Радокирь Пукинь	11
Руководители австрийской армии	12
Старшие начальники германской армии	15
Население воюющих держав.	
ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ.	
Сухопутные силы воюющих держав и России	16
Франция	16
Англия	19
Сербия	19
Бельгия	22
Черногория	23
Германия	24
Австрия	27
Морские силы.	
Англия	31
Франция	33
Германия	34
Австрия	36
Сербия	37
Воздушные флоты.	
Германия	37
Австро-Венгрия	38
Италия	39
Франция	39
Англия	39

«более внимательно и с большим знанием дела наблюдать за ходом этой великой войны народов». И действительно, «Карманная энциклопедия» включила сведения о государственном устройстве, территории, владениях, народонаселении, войсках, флотах, торговле, продовольственных средствах всех воюющих стран. В ней содержатся словарь военных и международно-правовых терминов, указатель городов, областей, портов и крепостей, атлас театров военных действий¹. Широкий диапазон сведений содержал справочник «Европейская война 1914 года: вожди, армии, морские и воздушные флоты, крепости, колонии, финансы и договоры воюющих и нейтральных держав»².

Выходили и другие справочные издания, более основательно по сравнению с массовыми публикациями характеризующие соотношение сил противоборствующих сторон. Среди них выделяется изданная в шести выпусках работа «Вооруженные силы иностранных государств». Ее автор, скрывший свое имя под инициалами «Л. Б.», судя по всему, был знающим офицером, на 326 страницах подробно характеризовал военный флот иностранных государств (вып. 1), сухопутные силы Германии (вып. 2), Австрии (вып. 3), Франции и Бельгии (вып. 4), Англии (вып. 5), Турции и Балканских стран (вып. 6)³.

¹ Карманная энциклопедия войны 1914 года. Пг., 1914. 158 с.

² Европейская война 1914 года: вожди, армии, мор. и воздуш. флоты, крепости, колонии, финансы и договоры воюющих и нейтр. держав. СПб.: Тип. П. П. Соикина, 1914. 60 с.

³ [Л. Б.] Вооруженные силы иностранных государств: 6 вып. М.: Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1914. Вып. 1: Военный флот. 64 с.; Вып. 2: Сухопутные силы Германии. 51 с.; Вып. 3: Сухопутные силы Австрии. 46 с.; Вып. 4: Сухопутные силы Франции и Бельгии. 46 с.; Вып. 5: Сухопутные силы Англии. 63 с.; Вып. 6: Сухопутные силы Турции и Балканских стран. 56 с.

В информационном потоке нашлось место и описанию авиации как нового вида военной техники и ее применения в боевых действиях¹. Были сделаны попытки оценить потенциальные возможности нападения и защиты от других новых видов вооружений, таких как запрещенное мирными конвенциями, но широко применявшееся химическое оружие².

До конца войны было еще далеко, но военные теоретики стремились подойти к широким обобщениям. Н. В. Колесников сделал попытку показать изменение характера войны в связи с применением новых технических средств³. В очерке генерал-майора П. Д. Бурского нашли отражение вопросы управления войсками и координации действий вооруженных сил, использования таких новых видов вооружения, как аэропланы и дирижабли, средства связи в виде телефона, телеграфа и беспроволочного телеграфа, т. е. радиопередатчиков. Называет автор и оптический аппарат связи – гелиограф, круглое зеркало, отраженным солнечным лучом передающее сообщения азбукой Морзе, – прибор экзотический и в боевой практике не нашедший применения. Более практичным средством передачи информации, к тому же незаменимым для освещения в ночное время и широко использовавшимся прибором, был прожектор. Для передачи приказаний, донесений и *«вообще для служебных сношений на войне имеют большое применение автомобили, мотоциклы и велосипеды»*. Автор делает вывод: *«Техника в службе связи повлияла в положительном смысле на одно из важнейших условий военной обстановки – время, выигрыш которого всегда давал и дает на войне шансы на успех»*. Упоминает он и броневые автомобили, которые расценивает, однако, только как транспортное средство для перевозки пулеметов: *«Пулеметы перевозятся на двуколках, на вьюках, а также в блиндированных, т. е. окованных сталью, автомобилях»*. Обращается к оценке традиционных видов стрелкового оружия: винтовок, пулеметов, артиллерии, боеприпасов к ним. Специально отмечает, что во всех армиях, но преимущественно Германии, *«введены снаряды, выпускающие после раз-*

¹ Воздухоплавательные приборы и их деятельность в нынешней войне / М. Биш, ред. Воздухоплават. отд. газ. «Morning Post»; пер. с англ. Пг.: Т-во В. А. Березовский, 1916. 153 с.

² Общее метеорологическое руководство для предвидения газовых атак со стороны противника. Пг.: Тип. «К. Биркенфельд», 1916; Инструкция низшим строевым начальникам на случай газовой атаки противника. Полевая тип. штаба 1-й армии, 1916. 23 с.; Наставление ротному командиру для борьбы с газовыми атаками противника / сост. Ген. штаба подполк. Скворцов. 1-е изд. Тип. газ. «Боевые новости», 1916. 24 с.; Указания для организации газовой обороны в войсках / сост. Ген. штаба подполк. Лебедев при участии воен. метеоролога коллежского секретаря Ильинского. Типо-лит. Штаба III армии, 1916. 63 с.; *Аркадьев В. К.* Научно-технические основы газовой борьбы. Лекции, читанные инструкторам по газовой обороне. 3-е изд. М.: Тип. т-ва Рябушинских, 1916. 112 с.; *Кориц И. Г.* Удушливые и ядовитые газы!: новые средства и меры борьбы в настоящей мировой войне. Ч. 1: Обучение войск боевым действиям при помощи удушливых и ядовитых газов; Ч. 2: Краткие сведения о противогазах, масках и прочих средствах и мерах, применяемых против удушливых и ядовитых газов. М.: Изд-во авт., 1916. 94 с.

³ *Колесников Н. В.* Техника и искусство современной войны. 2-е изд., знач. доп. и перераб. Казань: Тип. Д. М. Гран, 1915. 195 с.

рыва удушливые газы», а также аппараты для выделения ядовитых газов и «горючих жидкостей» – огнеметов. Характеризуя эффективность применявшегося сторонами вооружения, отмечает, что *«несмотря на колоссальные шаги в деле усовершенствования техники артиллерии, несмотря на огромное количество снарядов, выпускаемых в боях, все же пока, по опыту войны, на одного убитого или раненного артиллерийским снарядом приходится четыре человека, пострадавших от ружейных и пулеметных пуль»*. Рассматривает устройство и назначение полевых укреплений, окопов, проволочных заграждений. Показывает слабость крепостей перед разрушительным действием артиллерийских снарядов. При всем этом, отметил Бурский, *«кроме техники, на войне... играет громадную роль моральный элемент, дух войск. В этом отношении, как показал опыт войны, русский, английский и французский солдат стоит неизмеримо выше германского»*¹.

Убедительно продемонстрировали высокую эффективность боевого применения новой техники, изменившей характер боя, те из строевых офицеров, кто свой опыт участия в боях обобщили в печатных публикациях. Один из них – В. И. Лебедев, воевавший во Франции в составе Иностранного легиона. Сравнивая Русско-японскую войну с нынешней, мировой, В. И. Лебедев отметил: *«И вот я вспоминаю прошлые наши атаки... Сначала отправляясь ускоренным шагом, потом перебежками от 100 до 50 шагов величиной, атака не имела надобности для окончательного удара в итыки закапываться на расстоянии 60-ти шагов от неприятеля глубоко в землю»*. «Ныне, – продолжает Лебедев, – дело обстоит иначе. Страшный огонь многочисленной и разнокалиберной артиллерии, пулеметы, косящие, как траву, наступающие цепи, загнали пехоту начисто в землю. А если один из противников предпримет частную атаку, перед траншеями образуются страшные мертвые горы человеческих тел. Огонь, и особенно пулеметный, начисто изменил и положение кавалерии: ей нечего делать там, где противники месяцами остаются в траншеях. Кавалерия спешила, сама засела в окопах, отошла в резерв и ждет решительного натиска, после которого ей очистится место и явится возможность развернуть свое стратегическое значение как при наступлении, так и во время отхода. Ее функции разведки на это время целиком перешли к авиации, а связи – к автомобилю и мотоциклу»².

В боевых операциях широкое применение нашел автомобильный транспорт. Лебедеву вместе с его полком самому довелось быть перевезенным автомобилями на новое место размещения. Собственные впечатления он сопоста-

¹ Бурский П. Д. Современная война. Опыт исследования техники войны // История великой войны [1914 года] / [изд. выходит под ред. Ген. штаба ген.-майора А. Д. Шеманского, вице-адмирала М. В. Князева [и др.]: в 3 т. М.: Изд-во т-ва Н. В. Васильева, 1915–1916. Т. 3. 1916. С. 21–23, 34, 36, 41, 49.

² Лебедев В. Из рядов французской армии. Русские волонтеры во Франции. Очерки французского фронта и тыла. В Македонии. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1916. С. 121–122.

вил с информацией о переброске автомобилями во время сражения на Марне резервов из Парижа к месту сражения, что решающим образом повлияло на успешный для французов исход битвы, и это позволило ему сделать широкое обобщение относительно внезапно обнаружившегося значения автомобильного транспорта: *«Громадная, в десятки тысяч повозок с 40 тыс. шоферов, автомобильная армия с неслыханной раньше быстротой обслуживает дерущиеся войска. Она мчит почту, провиант, отчасти снаряды. Она эвакуирует раненых, позволяя госпиталям отодвинуться в дальний тыл, где больше удобств. Она разгружает железные дороги и при параллельном шоссе в нужный момент может с успехом заменить их, оставляя их под чисто боевые нужды»*. Оказалось, что автомобиль не только средство коммуникации, — он пригоден и для боевого применения. Еще не были придуманы соответствующие обозначения и термины, но В. И. Лебедев и без них точно обозначил важнейшую и новую для того времени область применения автомобиля: *«В непосредственном боевом значении всемогущий мотор внес много нового. Оседланный пушкой и пулеметом, он дал в руки начальника грозный таран при наступлении и мощное прикрытие при отходе. Вооруженный прожектором, он стал ночными очами войск. Заблindированный, превратился в прекрасное рекогносцировочное средство»*¹. Ничего не скажешь против — бронетехника с того времени только усовершенствовалась и развивалась.

Как полагал В. И. Лебедев, пулемет, аэроплан и автомобиль изменили черты войны и *«логическое развитие этих страшных сил... приведет человечество в будущем к совершенно необычайным и мало доступным самому смелому воображению картинам подземной, земной и надземной войны. Разве что оно вовремя остановится...»*². К сожалению, не остановилось.

С началом войны в справочных изданиях публикуется информация о реальной численности приведенных в боевую готовность вооруженных сил Германии и Австро-Венгрии, с одной стороны, Франции и Великобритании, с другой, даны качественные характеристики офицерского состава и оценка боевой подготовки солдат, сообщается об обеспечении армий военной техникой и развитии военной инфраструктуры. Об этом подробно рассказывают авторы труда *«Европейская война 1914 года»*³, оставшиеся анонимными. Книга эта адресована не профессиональным военным, ее читателями должны были стать люди гражданские, которым надо было внушить уверенность в будущем. Ее назначение — убедить, что не следует опасаться вызванных войной экономических трудностей: золотой запас России — величайший в Европе, Россия отлично проживет без австрийских и германских товаров. Во враждебном же лагере совсем не то: Германия уже на 4-й день войны нуждалась в деньгах, страна

¹ Лебедев В. Из рядов французской армии. Русские волонтеры во Франции. Очерки французского фронта и тыла. В Македонии. С. 123.

² Там же. С. 125.

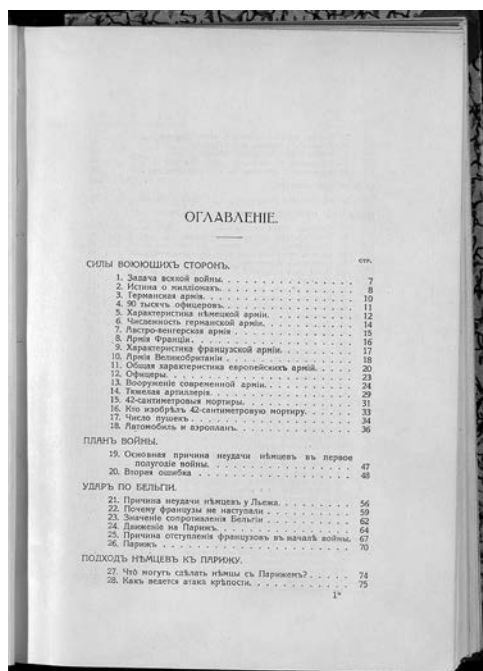
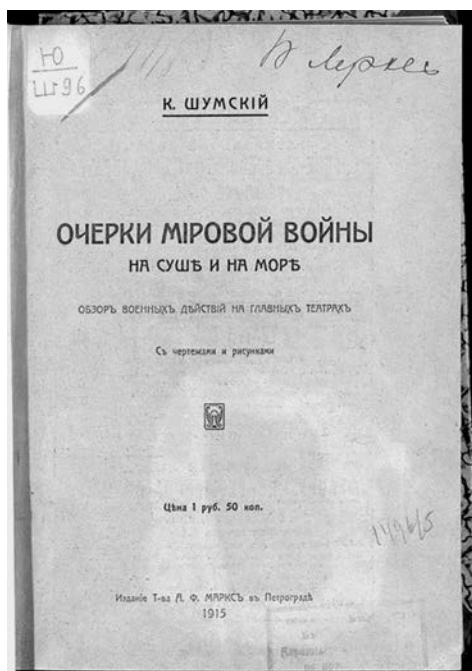
³ Европейская война 1914 года. Вожди, армия, морские и воздушные флоты, крепости, колонии, финансы и договоры воюющих и нейтральных держав.

скоро будет без хлеба, экономическое и финансовое положение Австро-Венгрии тоже печальное. Враг, конечно, силен, но мы, вместе с Англией и Францией, сильнее. Этот идеологический посыл, а не столько ее фундаментальность и полнота информации, собственно, и составляет главное в книге, что и объясняет некую ее легковесность.

В данном издании приводятся сведения об организационной структуре и количественном составе армий – вряд ли их стоит воспроизводить: в условиях войны они быстро менялись. В то же время не лишена интереса характеристика сухопутных войск воюющих держав, оценка их боевых качеств на начало войны. О французской армии отзыв весьма высок: *«Главной отличительной чертой французской армии является исключительно высокий патриотизм, которым проникнуты все ее чины от генерала до солдата. Как боевой материал, французская пехота неоднократно доказала свою способность к громадным передвижениям и свою горячность и порывистость – это знаменитый французский боевой задор в битвах»*. Информации о сухопутных силах Англии минимум – только статистические данные в самом обобщенном виде и ремарка: все военное могущество Англии сосредоточено во флоте, и этот вывод подтвержден соответствующими данными о его составе и боевом потенциале. Зато рассказ о сербской армии подробен и благожелателен: *«В бою и на походе сербская армия выше всяких похвал»*, а командный состав выгодно отличает широкая инициатива. Одобрения удостоилась и армия Черногории: *«Военные качества черногорского солдата всем известны. Всемогущий Наполеон вынужден был уйти от маленькой, но непобедимой Черногории»*. В таком же ключе рассматриваются и армии Тройственного союза. *«По своей численности германская армия занимает второе (после России) место в ряду мировых держав, а по своей организации и технической подготовке она до сих пор считается образцовой»*. Отмечены особенности австро-венгерской армии. Ее многонациональный состав создал трудности: командным языком во всей имперской армии (кроме венгерских частей) являлся немецкий, который многие солдаты плохо понимали, поэтому для каждой войсковой части утверждались один и даже два полковых языка, ими офицеры должны были владеть, чтобы объясняться с подчиненными. Более того, далеко не вся австро-венгерская армия, в состав которой входили славянские полки, могла быть двинута против Сербии и Черногории. Весьма существенным недостатком австрийской армии являлись *«отсутствие инициативы частных начальников, боязнь ответственности, придавленность нижних чинов, национальные антипатии и политические настроения»*¹. Ход войны определил, насколько верными были оценки процитированного обзора.

К. М. Шумский (Соломонов), офицер по основному занятию, в 1915 г. опубликовал «Очерки мировой войны на суше и на море», книгу объемом

¹ Европейская война 1914 года. Вожди, армия, морские и воздушные флоты, крепости, колонии, финансы и договоры воюющих и нейтральных держав. С. 18–19, 21–22, 24, 27, 30.

в 252 страницы¹. В ней он показал численный состав вооруженных сил противоборствующих сторон (кроме России). Дал характеристику армий, согласно которой германскую отличает чрезмерная жестокость дисциплины, недостаток обучения в поле, прусское увлечение парадной стороной; австро-венгерскую – ненадежность славянских подразделений; французскую – исключительно высокий патриотизм; британскую – большая стойкость в боях и смелость в атаках. Показал технический уровень вооружения, в том числе стрелкового и артиллерии. Обратил внимание на появление новых видов боевой техники – пушечных «бронированных автомобилей» и «бронированных пулеметов». Упомянул и об авиации, хотя явно недооценил ее возможности и перспективы развития: «На это новое средство борьбы возлагались... очень большие надежды. Нельзя сказать, чтобы эти надежды совершенно не оправдались. Но все же область применения воздухоплавания в этой войне оказалась весьма ограниченной».

Приведенные в многочисленных работах данные показывали значительное материально-техническое и численное превосходство вооруженных сил стран Антанты. В книге «История великой войны [1914 года]» генерал-майор Генерального штаба А. Д. Шеманский в статье «Военная мощь противников» не только сообщил, что армии Антанты насчитывали почти 11,5 млн бойцов против 7 млн у Германии и Австро-Венгрии, но и отметил наличие необъятных потенциальных людских ресурсов в России, способных восполнить кадровые

¹ Шумский К. Очерки мировой войны на суше и на море. Обзор военных действий на главных театрах. Пг.: Изд-во т-ва А. Ф. Маркс, 1915. 252 с.

потери, о чем можно судить по числу освобожденных от призыва в армию: «Мы давали огромный процент освобождений и льгот по семейным и домашним обстоятельствам, именно 42 %», тогда как во Франции от военной повинности освобождали 0,75 %, а в Германии – 1,4 %¹.

Получила развитие военно-морская тематика. Были изданы «Памятная книжка Морского ведомства»², справочники по российскому, германскому и турецкому военно-морским флотам³. К началу войны вышла книга очерков К. Ф. Кетлинского, в которой он показал состав и охарактеризовал качественный уровень британских морских сил⁴. В «Морском сборнике», подчинявшемся Главному морскому штабу, военный теоретик и историк Б. Б. Жерве в августовском номере за 1914 г. поместил очерк о составе, техническом уровне и боевых возможностях военно-морского флота Германии⁵.

Публиковавшиеся материалы о количественном и качественном составе вооруженных сил воюющих держав должны были внушить уверенность в превосходстве армий Антанты и неизбежности их грядущей победы.

1.5. Боевые действия

Сразу после начала мировой войны ход боевых действий, колебания под влиянием войны политических настроений, изменения экономического положения, нарастание социальных проблем в воюющих странах – все, что в той или иной степени имело отношение к войне или было связано с ней, находило отражение на страницах газет и журналов, оперативно выходивших небольших по объему книжных публикациях. Предназначенные для массового читателя издания, вышедшие в ходе войны, разнообразны по тематике. Объединяет их по форме небольшой объем, по содержанию – популярность изложения, наличие иллюстраций, карт и схем, и главное – пропаганда патриотизма путем прославления подвигов солдат и офицеров.

Все подобные издания строго следовали цензурным ограничениям, продиктованным условиями военного времени. М. К. Лемке, служивший в Ставке Верховного главнокомандующего, свидетельствовал, что для официальных «сообщений прессе», исходивших из самой Ставки, были введены жесткие ограничения: *«а) начатая нами и не закончившаяся операция, по возможности,*

¹ Шеманский А. Д. Военная мощь противников. Войска, стратегия. Шпионство // История великой войны [1914 года]: в 3 т. Т. 1. 1915. С. 179.

² Памятная книжка Морского ведомства. Пг.: Гл. мор. штаб, [1853]–1914 на 1914–1915 годы: Испр. по 1-е июля 1914 г. 965 с. разд. паг.

³ Российский императорский флот. 1914 г.: справ. СПб.: Изд-во И. Д. Сытина, [б. г.] 244 с.; Российский императорский флот и флоты Германии и Турции... Пг.: Изд-во И. Д. Сытина, [1913–1915]. (Военные флоты). 1914 г. [6], 240 с., 5 л. ил.; Военный флот Германии: справ. книжка. Испр. по январь 1915 г. Пг.: Тип. А. Бенке, 1915. 82, [8] с.

⁴ Кетлинский К. Ф. Морская сила Англии: очерки. СПб.: Тип. Мор. м-ва, 1914. 217 с.

⁵ Жерве Б. Германия и ее морская сила // Морской сб. 1914. Т. 384, № 8. С. 111–234.

должна обходиться молчанием, чтобы не обнаружить нашего плана; б) разгаданная нами операция врага не должна быть выяснена ему, чтобы обмануть противника своим неведением о его замысле; в) всякий наш успех должен быть сообщен вполне; г) всякий наш неуспех в отражении удара – только в общих, неясных выражениях; д) наши потери и неудавшиеся операции и маневры обходить полным молчанием; е) когда мы бьем немцев – писать “германцев”, а если австрийцев – “противника”; ж) фамилии нашего командного состава и названий частей не упоминать; з) взятых нами пленных подсчитывать по-иному, на разные даты, чтобы создавать иллюзию более значительного успеха; и) результаты действий неприятельских аэропланов обходить молчанием»¹. Эти предписания и запреты распространялись на журнальные, газетные и книжные публикации, авторы которых вынуждены были обходить стороной армейские неудачи и проблемы. Их обнародование могло вызвать общественное возмущение, исключить малейшие попытки бросить на армию тень сомнений в ее боеспособности.

Открывает ряд публикаций книга о первых 400 днях войны под верховным главнокомандованием великого князя Николая Николаевича². Это была, можно сказать, официальная версия развернувшихся в это время военных операций. В основном массовом потоке широко практиковалось издание отдельных небольших, объемом в 30–60 страниц, брошюр, рассчитанных на тех, кто не мог регулярно следить за ежедневной прессой, но кому считалось нужным предоставить отфильтрованную информацию о событиях войны. Брошюры такого рода помещали официальные материалы, а сообщения о войне сводили к описанию героических подвигов русских солдат. Но и при всех ограничениях российская журналистская, научная и военная интеллигенция многое сделала для оперативного и, по возможности, полного освещения хода войны. В начале войны события развивались стремительно, и такой же стремительной была реакция печатного слова. Выход книг следовал вслед за событиями, написаны они были как гражданскими авторами³, так и представителями армейских штабов⁴.

На европейском театре военных действий германские войска, преодолев сопротивление бельгийской армии, вторглись во Францию. Одержав в августе

¹ Лемке М. 250 дней в царской Ставке: (25 сентября 1915 – 2 июля 1916 г.). Пг.: Гос. изд-во, 1920. С. 50–51.

² 400 дней (1914 20/VII – 1915 27/VIII) великой войны под верховным командованием его императорского высочества великого князя Николая Николаевича. М.: Тип. М. И. Смирнова, п/ф «Моск. листок», 1915. 248 с.

³ Разгром германских полчищ под Варшавой: героические победы рус. войск под Осовцом и у Сопоткина. М.: П. К. Комиссаренко, 1914. 16 с.; Битва на реке Немане и разгром немецкой армии ген. Гинденбурга. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1915. 32 с.; Корольков Н. Ф. Первые месяцы Великой войны: 1914–1915 гг. Пг.: Постоян. комис. нар. чтений, 1915. 40 с.; Колесников Н. В. Великая война 1914–1915 года: (попул. очерки мировой войны). Казань: Тип. Д. М. Гран, 1916. Вып. 1. 103 с.

⁴ Краткий обзор наших военных действий против австро-германских армий: от начала кампании по 1 марта 1915 г. Седлец: Штаб армий Сев.-Зап. фронта, 1915. 36 с.

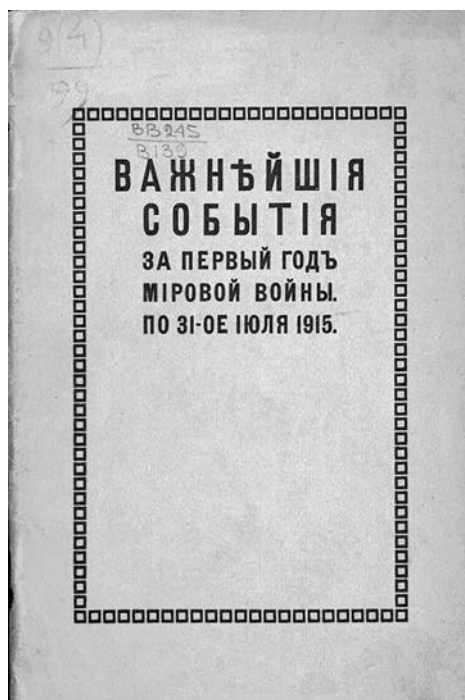
1914 г. победу в Пограничном сражении, германские армии продвигались к Парижу, и уже в сентябре втянулись в грандиозное сражение на реке Марне. Этим событиям посвящена оперативно изданная небольшая брошюра «Кампания 1914 года на французско-бельгийском театре военных действий»¹. Франция оказалась в опасности, но Россия, ответив Восточно-Прусской операцией, пришла ей на помощь. На территории Восточной Пруссии в августе–сентябре 1914 г. развернулось грандиозное сражение. Здесь армия под командованием генерала Ренненкампа к 20 августа нанесла крупное поражение германской армии под Гумбиненом, но из-за пассивности командования и отставания тылов оставила преследование противника. 20 августа начала наступление армия генерала Самсонова. Германское командование, перебросив в Восточную Пруссию два корпуса и кавалерийскую дивизию с французского театра военных действий и использовав бездействие Ренненкампа, направило все силы против нее. Армия Самсонова, потеряв весь личный состав убитыми и пленными, перестала существовать. Армия Ренненкампа к середине сентября была вытеснена из Восточной Пруссии и с большими потерями отступила в исходное положение. Однако переброска двух корпусов и конной дивизии из Франции в Восточную Пруссию ослабила германскую армию на Западном фронте, что способствовало победе англо-французских союзников в битве на Марне.

Российская пресса, считая важным предоставлять информацию в кратчайшие сроки, немедленно отреагировала на эти события. Поражение в Восточной Пруссии не замалчивалось, но подавалось как урок, который следует учесть. Уже в 1914 г. в формате брошюр вышли работы с рассказом о трагической гибели армии Самсонова и поражении Ренненкампа. Одной из них была книга «На Восточно-Прусском фронте», автор которой выступил под инициалами «В. Б.». В ней трагизм поражения смягчен, показ гибели генерала Самсонова и разгрома его армии ограничен официальным сообщением («прикорбное событие»), отступление армии Ренненкампа представлено как «гениально задуманный и глубоко продуманный план нашего Верховного главнокомандующего», который «собирал русские войска в пограничных пределах родины, готовя здесь достойную встречу врагу»². Другие публикации мало отличались по уровню информации. Авторы сдерживали не только цензурные ограничения, но и отсутствие времени для хотя бы элементарного анализа, поэтому в ход шел хроникальный репортаж.

Одна из таких брошюр, без указания автора и места издания, представляет собой фиксацию день за днем событий на фронтах. В ней без каких-либо комментариев сообщается о сентябрьских событиях 1914 г.: «9-го. Восточная армия генерала фон Гинденбурга наносит поражение левому крылу русской армии, находящемуся еще в Восточной Пруссии, и открывает себе дорогу в тыл

¹ Кампания 1914 года на французско-бельгийском театре военных действий. [Б. м.]: Штаб 12-й армии, 1915. 27 с.

² [В. Б.] На Восточно-Прусском фронте. Пг.: Тип. В. Л. Леонтьева, 1914. (Великая всемирная война / под ред. Б. И. Имшенецкого; вып. 7). С. 23, 31.

неприятеля, который всюду быстро отступает»; «12-го. Отступление русской армии превращается в бегство. Генерал фон Гинденбург, преследуя ее, переступил границу»; «13-го. Совершенно разбитая в Восточной Пруссии русская армия отступает в полном беспорядке. Добыча германцев — 30 000 пленных и 150 орудий»¹. В таком стиле все 60 страниц текста. Из подобного принципа изложения фактов вывод только один — неудачи не замалчивались, а читателю предлагалось самому сделать вывод: помощь западным союзникам оказалась своевременной, но стоила России чрезмерно дорого.

Если в этой брошюре приводятся в телеграфном ключе только факты, то другие публикации несравненно информативнее и патриотичнее по отношению к своей армии, хотя и потерпевшей поражение в отдельном сражении. Автор брошюры, упоминавшейся выше, «На Восточно-Прусском фронте» отметил: «Энергичное наступление русских войск в Восточной Пруссии — громадная и неоценимая заслуга России перед ее союзниками. Россия своим наступлением и жертвами, которые она принесла на поле брани Восточной Пруссии, облегчила ведение дальнейшей кампании Франции и Бельгии в союзе с Англией против германских полчищ, наводнивших Эльзас-Лотарингию, часть Франции и Бельгию»².

Работу «Наступление русских в Восточную Пруссию» написал А. Д. Шеманский. Он как окончивший полный курс Николаевской академии Генерального

¹ Важнейшие события за первый год мировой войны. По 31 июля 1915. [Б. м., б. г.].

² [В. Б.] На Восточно-Прусском фронте. С. 22.

Анатолий Дмитриевич
Шеманский

штаба был причислен к Генеральному штабу, имел чин генерал-майора, в 1913–1916 гг. занимал должности помощника главного редактора журнала «Военный сборник» и газеты «Русский инвалид», а затем, до конца войны, начальника штаба дивизии и корпуса. Естественно полагать, что А. Д. Шеманский имел доступ к оперативным документам и отражал четко выраженную точку зрения командования российской армии. Шеманский в деталях раскрыл замысел и действия «Неманской армии» генерала Ренненкампа и «Наревской армии» генерала Самсонова, выявил причины их поражения, сформулировал вынесенные из поражения уроки: *«Нерасчетливое ведение операций против германцев опасно, может быть чревато катастрофами»*. Этот вывод был учтен и в дальнейшем составил, как утверж-

дал А. Д. Шеманский, *«основные черты нашей дальнейшей здесь стратегии во все остальное время Великой войны: мы стали очень осторожны стратегически и смело бросаемся на германца тактически, в бою»*¹. Не в этом ли причина редких успехов и частых поражений русской армии в этой войне?

Завершение военных действий в Восточной Пруссии исчерпало в периодике того времени тему поражения армий Ренненкампа и Самсонова, тем более роль главнокомандующего Северо-Западным фронтом генерала Рузского. Она вновь возродилась в послевоенное время в военно-научных исследованиях и воспоминаниях. Участники боев, в том числе занимавшие важные посты в армейской иерархии, несравненно более полно и объективно показали ход боевых действий в Восточно-Прусской операции уже после окончания войны, но об этом позже.

Нашла отражение оборона крепости Осовец. Впервые упомянул о ней П. Ф. Губер, который с начала войны служил в Красном Кресте, а затем был военным корреспондентом газеты «Plain Dealer» (США) и переводчиком в штабе. Под псевдонимом «Арзубьев» он опубликовал книгу военных зарисовок «Дела и люди военного времени», охватывавшую события ноября 1914 – мая 1915 г.² Один из очерков посвящен наблюдениям о первых днях боев за Осовец: *«Проходя по улицам Белостока, вы ни за что не почувствуете, что враг у ворот этого города. Жизнь течет нормально, нигде не видно возбуждения и суеты,*

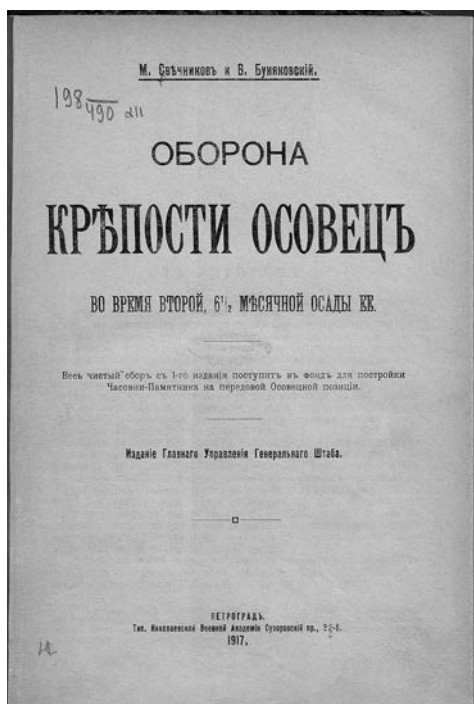
¹ Шеманский А. Д. Наступление русских в Восточную Пруссию // История великой войны [1914 года]: в 3 т. Т. 3. 1916. С. 144–145.

² Арзубьев П. К. Дела и люди военного времени: (ноябрь 1914 – май 1915). Пг.: Б-ка Великой войны, 1915. 178 с.

и только огромное количество обозных телег на улицах и площадях напоминают вам о войне. Правда, река Бобр, под защитой которой находится Белосток, представляет собою весьма серьезную преграду, имеющую на этом участке только одно сравнительно слабое и открытое для нападения место. Но место это, словно калитка замком, заперто осовецкой крепостью. И вот уже скоро неделя, что немцы упорно, хотя и бесплодно, ударяют по этому замку, постепенно увеличивая калибр своей осадной артиллерии. Когда я уезжал из Варшавы, знакомые хором убеждали меня, что до Осовца мне не добраться: крепость обложена со всех сторон. Но все это оказалось вздором. Ни один немец не вступил еще на восточный берег Бобра, и говорить об осаде крепости, во всяком случае, преждевременно. Можно говорить лишь об обстреле, который производится с немецкой аккуратностью ежедневно от восхода солнца до заката. По ночам немцы не стреляют, опасаясь, должно быть, вспышками выстрелов обнаружить местонахождение своих батарей. Когда я подъезжал в поезде к Осовцу, меня поразили специфический шум, какого ранее мне не доводилось слышать. Он был протяжен, длился каждый раз около полуминуты и походил на грохот железного листа, по которому ударяют молотком... То рвались снаряды знаменитых 42-сантиметровых мортир, решивших в свое время участь Льежа, Мобежа и Антверпена... Артиллерия

фортотвечала на огонь противника. Ее резкие, отчетливые выстрелы врывались в железный лязг и грохот, производимый взрывами. Облака сверкали золотом над снежными полями, вершины далеких сосен розовели. И грохот все продолжался, не увеличиваясь, и не ослабевая, как шум морского прибоя, ударяющего в утесы»¹.

В 1917 г. появилось описание обороны Осовца, сделанное непосредственными ее участниками М. С. Свечниковым и В. Я. Буняковским². Авторы, «пережившие все перипетии ее и по своему служебному положению имевшие полную возможность проследить за всеми действиями командного состава и войсковой работой», предваряя книгу, заявили о своем долге сохранить в памяти народа боевую работу доблестного гарнизона. Кем были эти авторы?

¹ Арзубьев П. К. Дела и люди военного времени: (ноябрь 1914 – май 1915). С. 108–111.

² Свечников М. С., Буняковский В. Я. Оборона крепости Осовец во время второй, 6 1/2-месячной осады ее. Пг.: Гл. упр. Ген. штаба, 1917.

М. С. Свечников – подполковник, начальник штаба Осовецкой крепости, В. Я. Буняковский – генерал-майор, командир Ливенского пехотного полка, это действительно осведомленные военные, положившие в основу книги свой личный опыт. Авторы характеризуют стратегическое значение крепости: *«Лежит на болотистом, лишенном других переправ участке р. Бобра, пересекаемом в районе крепости железной и разработанной грунтовой дорогой, ведущей из пределов Восточной Пруссии... к важному Белостокскому железнодорожному узлу»*, вместе с тем Осовец *«позволял оперировать на обоих берегах реки, являясь исходным пунктом для дебуширования¹ из-за Бобра в сторону противника»²*. В книге дано подробное описание защиты крепости.

Ориентация брошюр на людей с невысоким образованием, но любознательных, определяла стремление авторов показать успехи российской армии, героизация войны рассматривалась как важный элемент укрепления патриотизма. Характерный пример подобной литературы – книжка, изданная писателем, историком и фольклористом, православным священником Д. Г. Булгаковским под названием «Великая война в 1914, 1915, 1916 годах. Выдающиеся события на пути защиты России в ее целостности, чести и достоинстве». Эту публикацию открывают дословные тексты трех манифестов императора Николая II: об объявлении войны Германии, Австро-Венгрии, Турции; затем описание вызванного ими народного патриотического подъема; речи при открытии заседания Государственной Думы ее председателя М. В. Родзянко, председателя Совета Министров И. Л. Горемыкина, министров иностранных дел С. Д. Сазонова, финансов П. Л. Барка. В заключительной части следуют беглые военные зарисовки: «Бой под Томашевым», «Бой под Львовом», «В болотах реки Бобра под Осовцом», «У Равы Русской», «Казацкая атака», «Бабья засада», «Столетний доброволец», «Геройские подвиги», «Бой в воздухе» и т. д. Никакого обобщающего анализа хода войны в книжке не найти, зато автор уверен: *«Расправимся с лоскутниками-австрияками, угостим и немцев, этих насильников земли русской, проучим ко-*

¹ Дебуширование – выход войск из теснины, закрытой местности на более широкое пространство.

² Свечников М. С., Буняковский В. Я. Оборона крепости Осовец во время второй, 6 1/2-месячной осады ее. С. 5.

варных турок, дадим урок и неблагодарным болгарам, забывшим свою благодетельницу, сердобольную Россию»¹.

К такого рода изданиям относятся и другие публикации: безымянная книжка «Великая война. Что должен знать о ней каждый русский?», очерки С. С. Кондрюшкина о войне, фронтовые зарисовки А. Ксюнина «Народ на войне»; анонимная книжка «Занятие Галиции и полный разгром австрийской армии»² и др. А. А. Носков, работавший в петроградской ежедневной газете «Вечернее время», под псевдонимом «Я» опубликовал очерк, подробно, шаг за шагом освещающий упорные бои на всех участках русско-германского фронта в 1915 г. Отступления российских войск трактовались им в духе временной неприятности, которая успешно преодолевается. Журналиста впечатлило, и вполне справедливо, взятие 9 марта 1915 г. крепости Перемышль в Галиции: «9 генералов, 93 штаб-офицера, 2500 обер-офицеров и чиновников и 117 тысяч нижних чинов попало в наши руки вместе с большой материальной частью артиллерии и прочим боевым имуществом». С территории Беларуси также хорошие известия: «Новыми усилиями весь наш западный фронт к 25 сентября уже совершенно выравнивается на линии озер Дрисвяты – Нарочь – Вишневское и с. Сморгонь – Любча – Крошин – Ляховичи, где и ставит преграду дальнейшему движению

¹ Булгаковский Д. Г. Великая война в 1914, 1915, 1916 годах. Выдающиеся события на пути защиты России в ее целостности, чести и достоинстве. Пг., 1916. С. 57.

² Великая война. Что должен знать о ней каждый русский? [Пг., 1914. 64 с.]; Кондрюшкин С. С. Вслед за войной. Очерки Великой европейской войны (август 1914 – март 1915 г.). Пг.: Изд. т-во писателей, 1915. 279 с.; Ксюнин А. Народ на войне (из записок военного корреспондента. Пг.: Изд-во Б. А. Суворина, 1916. 242 с.; Занятие Галиции и полный разгром австрийской армии. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1914.

врага». Главный итог этого периода войны, по мнению Носкова: *«Россия скоро потряхнула с себя первое горькое и тяжелое чувство утраты. Призвав на помощь хладнокровие и рассудок, она увидела, что утрачено лишь то, с чем еще задолго до войны мирилась здравая стратегическая мысль, и что принесенная жертва не больше, как следствие исторических причин, в свое время передавших в наши руки так называемый польский передовой театр»*¹. Война, оставаясь темой книжной продукции на всем ее протяжении, освещалась не только в авторских текстах, но и в художественно-иллюстративных изданиях, позволявших зримо представить людей войны – в этом их познавательная ценность².

Помимо небольших книжек на отдельные темы практиковались и серийные издания. В 1914 г. под редакцией Б. И. Имшенецкого вышла серия из 9 популярных брошюр, объединенных общей темой «Великая всемирная война». Как анонсировала редакция, *«каждый сборник будет представлять самостоятельное, вполне законченное произведение, или отражающее отдельные характерные явления войны, или же содержащее описание бытовой, исторической и экономической жизни воюющих государств; в то же время серии сборников, в систематической последовательности, дадут читателю полную картину войны, ее ужасов и жизни отдельных наций, вовлеченных в войну... Рассчитанные на читателя из самых широких слоев общества, а также и на учащуюся молодежь, очерки будут даваться в популярном – общедоступном изложении, иллюстрированные отдельными картинами эпизодов войны в художественной форме, а также фотографическими рисунками, с изображением отдельных событий военных действий, портретов видных деятелей войны, героев, видов, достопримечательностей и карт с обозначением на них движения войск и сражений»*. Серию открыл словарь военных терминов³. Второй и третий выпуски посвящались Бельгии и Франции⁴. Четвертый–шестой описывали события на австрийском фронте⁵, седьмой и восьмой – на восточно-прусском

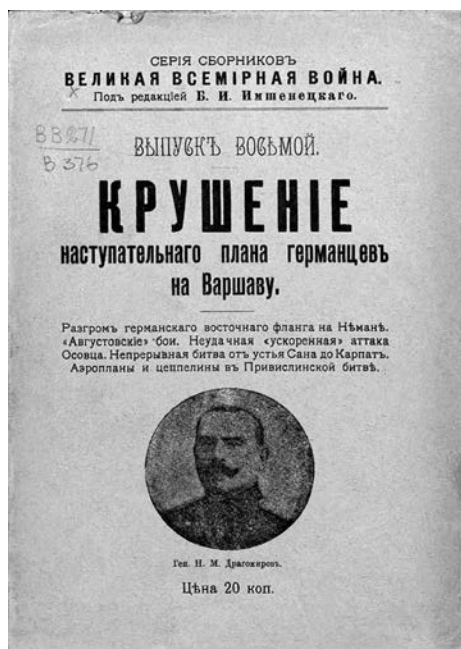
¹ Носков А. А. Великая война. 1915 год. Очерк главнейших операций. Русский западный фронт / [псевд.] «Я». Пг.: Изд-во Б. А. Суворина, 1916. С. 9, 42, 53.

² Великая война в образах и картинах. 1914–1915. Вып. 1–8. М., 1915; Год войны: обзор за 1915 год. Пг., 1916; Год войны: обзор за 1916 год. Пг., 1917; Война и революция: альбом текущих событий. 1914–1917 гг. Пг.: Нев. о-во трудолюбивой помощи, 1917; Картины войны: [альбом]: в 2 т. Гл. упр. Ген. штаба, 1917.

³ Толковый словарь военных слов. Пг.: Тип. И. В. Леонтьева, 1914. [2] с., 50 стб. (Великая всемирная война / под ред. Б. И. Имшенецкого; вып. 1).

⁴ Имшенецкий Б. И. Бельгия. Ее история в прошлом и настоящем, бытовая, экономическая и политическая жизнь, мировое значение, вооружение и нарушение ее нейтралитета. Пг.: Тип. И. В. Леонтьева, 1914. 34 с. (Великая всемирная война / под ред. Б. И. Имшенецкого; вып. 2); *Его же*. Франция: Ее история в прошлом и настоящем, бытовая, экономическая и политическая жизнь, мировое значение, вооружение и мощь ее. Пг.: Тип. И. В. Леонтьева, 1914. 34 с. (Великая всемирная война / под ред. Б. И. Имшенецкого; вып. 3).

⁵ Имшенецкий Б. И. 500-верстный авангардный бой на австрийском фронте, продолжавшийся в течение 20 дней, с предварительным наступлением австрийской армии на Киевский и Варшавский округа, вытеснением австрийцев и победоносным вступлением русских в Галицию. Пг.: Тип. И. В. Леонтьева, 1914. 32 с. (Великая всемирная война / под ред.

фронте¹. Завершила серию брошюра «Война и женщина»². Каждый из этих выпусков невелик по объему – до 40 страниц, но повествует о наиболее ярких событиях. Только один пример: в шестом выпуске «Великая Галицийская битва» Б. И. Имшенецкий наряду с ее общим описанием рассказывает о гибели одного из лучших русских летчиков – штабс-капитана П. Н. Нестерова, первым в мире осуществившем фигуру высшего пилотажа в виде замкнутой петли в вертикальной плоскости: *«Нестеров, только что приехавший, увидев австрийские аэропланы, приготовив аппарат, поднялся на высоту 2000 метров. Преследуя неприятельские аэропланы, он настиг один из них вплотную и задел его своим шасси. Неприятельский аэроплан стремительно полетел вниз. В этот момент аппарат Нестерова стал опускаться спиралью. Все были уверены,*

Б. И. Имшенецкого; вып. 4); *Богданов Ал.* Австро-Сербский фронт войны: Сараевская трагедия. Причины войны. Нападение на Белград. Крушение Австро-Венгерских планов. Поражение австрийцев при Цер-Планине. Австрийские зверства. Переход сербов и черногорцев в наступление. Пг.: Тип. И. В. Леонтьева, 1914. 31 с. (Великая всемирная война / под ред. Б. И. Имшенецкого; вып. 5); *Имшенецкий Б. И.* Великая Галицийская битва. Пг.: Тип. И. В. Леонтьева, 1914. 32 с. (Великая всемирная война / под ред. Б. И. Имшенецкого; вып. 6).

¹ [Б. И.] На Восточно-Прусском фронте. 31 с. (Великая всемирная война / под ред. Б. И. Имшенецкого; вып. 7); *Имшенецкий Б. И.* Крушение наступательного плана германцев на Варшаву / Разгром германского восточного фланга на Немане. «Августовские бои». Неудачная «ускоренная» атака Осовца. Непрерывная битва от устья Сана до Карпат. Аэропланы и цеппелины в Привислянской битве. Пг.: Тип. И. В. Леонтьева, 1914. 32 с. (Великая всемирная война / под ред. Б. И. Имшенецкого; вып. 8).

² *Богданов Ал.* Война и женщина. Пг.: Тип. И. В. Леонтьева, 1914. 32 с. (Великая всемирная война / под ред. Б. И. Имшенецкого; вып. 9).

что Нестеров невредим, но на небольшой высоте аппарат его перевернулся и камнем полетел в болото... Тело Нестерова выпало из аппарата»¹.

На волне вызванного войной общественного подъема было образовано издательство «Библиотека Великой войны». Оно специализировалось на издании и распространении российских и зарубежных книг и брошюр о войне. Одна из них – упоминавшаяся выше работа З. Дюркгейма и Э. Дени «Кто хотел войну?». Информировать население о событиях на фронтах стремились и другие книгоиздательства, в том числе одно из ведущих – «Образование». Оно на протяжении 1914–1917 гг. подготовило 6 выпусков серии «Великая борьба народов»². По замыслу составителей, книги этого цикла должны были стать летописью войны, рассказать, не вдаваясь в критическую оценку правильности действий командования обеих сторон, о течении и результатах боевых действий на Западном и Восточном фронтах. Авторы выпусков не указаны, кроме первого, подписанного А. Львовичем (надо сказать, особенностью информационного поля того времени было наполнение его работами о войне без указания авторства). Все книжки достаточно краткие, объемом порядка 60 страниц текста, снабжены иллюстрациями и схемами – все делалось для большей доступности материала. Каждый из выпусков состоит из нескольких очерков о ключевых событиях. Первый выпуск, например, посвящен началу войны, его темы: «Трагедия в Сараеве», «Дипломатическая война», «Война Австрии с Сербией», «Заступничество России», «Объявление войны с Германией», «Война с Австрией», «Силы воюющих держав», «Предательское нападение на Бельгию и выступление Англии»³. В остальных книжках серии эта линия повествований продолжена рассказами о самом существенном из происходившего на Западном и Восточном фронтах. Во втором выпуске – снова о Бельгии и боях начала войны во Франции, в третьем – война на Балканах и т. д.

О ходе боевых действий информировала вышедшая под редакцией Ф. К. Иванова трехтомная книга «Великая война: иллюстрированная хроника», снабженная иллюстрациями и картами. Тома разделены на главы, каждая охватывает

¹ Имшенецкий Б. И. Великая Галицийская битва. С. 31–32.

² Великая борьба народов. М.: Образование, 1915–1917. Вып. 1–6.

³ Там же. Вып. 1. 1915.

события одного, хронологически следующего друг за другом, месяца (взятый наугад пример: «Глава одиннадцатая. Девятый месяц войны (20 марта – 20 апреля)»). Все главы составлены по единой схеме: I. Война России с Германией, Австро-Венгрией и Турцией. II. Война Франции, Англии и Бельгии с Германией. III. Война Сербии и Черногории с Австрией. IV. Война союзников с Турцией. V. Морская война. В заданных хронологических и тематических параметрах и излагаются события. Их зрительному восприятию способствуют многочисленные иллюстрации и схемы.

Последний, третий, том этого труда вышел в 1916 г., завершается он описанием событий апреля–мая 1915 г., в частности торпедированием 7 мая 1915 г. немецкой подводной лодкой британского пассажирского лайнера «Лузитания»¹. Естественно, характер издания и быстрота выходов томов не предполагали чего-либо большего, чем простой пересказ событий.

Уже упоминавшийся выше К. М. Шумский (Соломонов) в изданных в 1915 г. «Очерках мировой войны на суше и на море»² охарактеризовал германский замысел и результат удара по Бельгии. Провал немецкого наступления на Париж связал только с удачными действиями французской армии, а о роли русского наступления в Восточной Пруссии, заставившего немцев отвлечь часть сил и тем спасшего Париж, лишь упомянул одной строчкой: «...обнаружилось движение наших войск в Восточную Пруссию». Осветил действия на Восточном фронте и на Кавказе. Отдельно показал войну на море.

Официальную трактовку событий войны представляла трехтомная «История великой войны». Коллективное издание готовилось под редакцией генерал-майора А. Д. Шеманского и вице-адмирала М. В. Князева³. В авторский коллектив вошли военные, в том числе имевшие генеральские звания: М. И. Ботьянов, Н. Н. Оболенов, несколько офицеров Генерального штаба. Издание, не претендуя на систематическое изложение истории войны, представляло собой сборник очерков, темы которых авторы, составители и редакторы рассматривали как актуальные. В 1-м томе среди других это были: «Военная мощь противников. Войска. Стратегия. Шпионство» (А. Д. Шеманский); «Морские силы воюющих держав» (В. Г. Энгельман); «Сорокалетняя подготовка Германии к войне с Россией, Францией и Англией» (А. Д. Шеманский); «Начало войны» (А. А. Пиленко); «Белград и его бомбардировка» (А. М. Дмитриевский). Во втором томе наряду с биографиями политических и военных деятелей противоборствовавших сторон и другими темами нашлось место описанию военных действий: «Бельгийский нейтралитет и его нарушение» (А. А. Пиленко); «Начало войны» и «Великая война» (М. О. Блом); «Мобилизация воюющих

¹ Великая война: иллюстрированная хроника: в 3 ч. / под ред. Ф. К. Иванова. М., 1915–1916.

² Шумский К. Очерки мировой войны на суше и на море. Обзор военных действий на главных театрах.

³ История великой войны [1914 года]: в 3 т.

флотов и первые морские бои» (В. Г. Энгельман). Заключительный, третий, том включил статьи преимущественно о военных действиях: «Современная война. Опыт исследования техники войны» (П. Д. Бурской); «Мобилизация в России, Франции, Черногории и Бельгии» (А. Д. Шеманский); «Первый период морской войны. От начала военных действий до осуществления союзниками владения морем» (В. Г. Энгельман); «Наступление русских в Восточную Пруссию» (А. Д. Шеманский); «Великая Галицийская битва. Очерк первого разгрома австрийских армий» (подписано – «Коллеги»); «Тройственный союз и его распадение» (А. А. Пиленко); «Осада и падение Перемышля» (К. Полаковский).

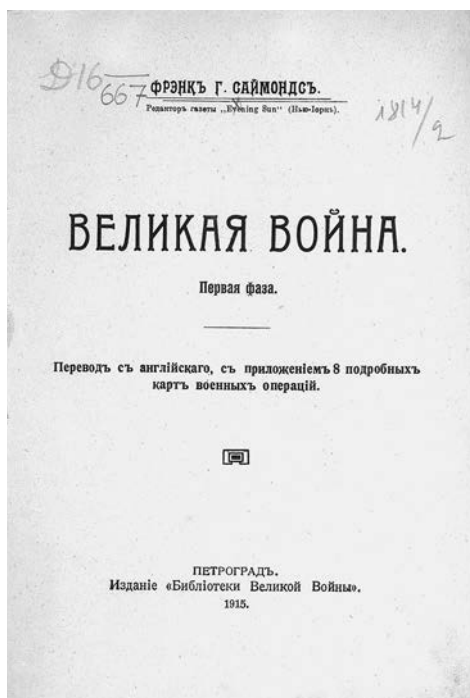
Редакторы сборника отбирали авторов с учетом их не вызывавшей сомнений компетенции, подтвержденной ранее опубликованными трудами. Ими стали весьма квалифицированные, хорошо информированные специалисты. Поэтому нет оснований сомневаться в научной объективности авторов, хотя во многих случаях им приходилось опираться на еще не «отстоявшиеся» первичные источники. Когда же в российской научной и военной среде способных осветить тему не находилось, прибегали к экстраординарным мерам. Заинтересованные в описании взятия русскими войсками в марте 1915 г. крепости Перемышль в Галиции, где были пленены четыре армейских корпуса, а это 9 генералов и около 16 тыс. офицеров и солдат, редакторы привлекли для написания статьи плененного в этом сражении офицера штаба гарнизона крепости К. Полаковского, который и выполнил порученную работу. Но это было исключением. Другие тексты написали крупнейшие в своих областях российские деятели: академики, профессора, писатели, военные профессионалы.

О событиях на франко-германском Западном фронте узнавали помимо газетной хроники большей частью из зарубежных публикаций в переводе на русский язык¹. Для их продвижения в России сложились благоприятные условия. Специально созданное издательство «Библиотека Великой войны», печатая российских авторов, параллельно выпускало в серии «Союзники о войне» переводы книг зарубежных журналистов, ученых, общественных деятелей. Содержание таких публикаций могли составить и впечатления о лично увиденном и попытки осмыслить значение происходившего. Среди них выделяется книга редактора нью-йоркской газеты «Evening Sun» Фрэнка Г. Саймондса «Великая война. Первая фаза»². Подводя итоги начального периода войны, он оптимистично заметил: *«Два месяца войны прошли. Ни Франция, ни Сербия не были разгромлены, и даже маленькая Бельгия, хотя и сокрушенная, осталась гордой и мужественной. В эти месяцы Россия шла от победы к победе, а Англия отправляла на континент свой авангард»*³. В этой серии вышли

¹ Аштон Г. Вокруг Парижа. Западный театр войны: записки военного корреспондента / пер. с англ. А. Я-на. Пг., 1915. 166 с.

² Саймондс Ф. Г. Великая война. Первая фаза. Пг.: Б-ка Великой войны, 1915. 219 с.

³ Там же. С. 201.

и другие работы, такие как брошюра Г. Рабина «Битва на Марне»¹. Книга журналиста и многолетнего депутата французского парламента Жозефа Рейнака, посвященная военным операциям на Западном фронте с августа 1914 по осень 1915 г., была переведена и опубликована в России сразу же после ее появления на родине².

Война на море также нашла отражение как на страницах периодических изданий, так и в формате отдельных брошюр³ и книг⁴. Страницы для очерков, посвященных событиям на море, предоставляли гражданские журналы. Так, «Исторический вестник» поместил очерк «Севастополь и первые боевые действия Черноморского флота в 1914 году»⁵. Сообщения из Ставки Верховного главнокомандующего, статьи признанных специалистов о ходе боевых действий, по истории и теории морского дела публиковались в постоянных рубриках «Морского сборника» – «Русские официальные сообщения о войне» и «Очерки мировой войны». Начиная с 1915 г. вышло несколько выпусков «Очерков мировой войны на море» В. Я. Новицкого⁶. Два очерка – «Морские силы воюющих держав» и «Первый период морской войны» – опубликовал в сборнике «История великой войны» морской офицер В. Г. Энгельман. Его выводы сводились к тому, что преимущество в морской силе находилось на стороне держав Антанты – Великобритании, Франции, России – и присоединившейся к ним в 1915 г. Италии. Германия же, которая *«самонадеянно бросила вызов сильнейшим морским силам мира... оказалась неспособной применить на деле ту силу, которую она так стремительно создавала на протяжении последних 25 лет»*⁷. Анализируя начальный этап войны на море, Энгельман заключает, что для русских морских сил *«первый период войны на Балтийском море закончился весьма благоприятно»*, на Черном море *«германотурецкий план ведения морской войны... потерпел полное крушение»*. У союзников морская кампания также развивалась успешно. На Северном море после

¹ Рабин Г. Битва на Марне: 24–30 августа / 6–12 сентября 1914: Крат. очерк. Пг.: Т-во В. А. Березовский, 1917. 59 с. (Война народов. 1914–1917 гг. Союзники о войне; вып. 3.)

² Рейнак Ж. Война на Западном фронте / письмо-предисл. Р. Пуанкаре русскому послу в Париже А. Н. Извольскому. Пг., 1916. 270 с.

³ Багров Л. С. Очерки мировой войны на море: (с 20 нояб. по 31 дек. 1915 г.). Пг.: Тип. Мор. м-ва, 1916. 70 с.

⁴ Симонов М. А. Современная оборона морской границы и десантные операции. Пг.: Тип. Мор. м-ва, 1915. 123 с.

⁵ Рыбаков С. Г. Севастополь и первые боевые действия Черноморского флота в 1914 году // Ист. вестн. Ист.-лит. журн. 1915. Т. CXL. С. 121–146.

⁶ Новицкий В. Я. Очерки мировой войны на море (с 20-го марта по 20-е мая 1915 г.). Пг.: Тип. Мор. м-ва, 1915. 75 с.; *Его же*. Очерки мировой войны на море (с 20-го сентября по 20-е ноября 1915 г.). Пг.: Тип. Мор. м-ва, 1915. 75 с.; *Его же*. Очерки мировой войны на море (с 1-го февраля по 20-е марта 1916 г.) Пг.: Тип. Мор. м-ва, 1916; *Его же*. Очерки мировой войны на море (с 21-го мая по 20-е июня 1916 г.). Пг.: Тип. Мор. м-ва, 1916. С. 107–144, [4] с.

⁷ Энгельман В. Г. Морские силы воюющих держав // История великой войны [1914 года]: в 3 т. Т. 1. 1915. С. 220.

ряда сражений британский флот заставил немцев *«надолго отказаться от имевших раньше место выходов в море»*, а владение Средиземным морем *«всецело находилось в руках английских и французских судов»*. В океанах – Атлантическом, Индийском, Тихом – с апреля 1915 г. *«о каких-либо систематических операциях неприятельских судов... не могло быть и речи»*¹. Эти выводы Энгельман подтверждает подробным описанием успешных для Англии и Франции боевых столкновений. Разумеется, о главном морском сражении мировой войны – Ютландском бое – автор рассказать не мог: книга вышла раньше, чем оно произошло.

1.6. Беженство

Перенос боевых действий в ходе отступления начиная с лета 1915 г. российских войск на территорию Царства Польского, а потом Литвы и Беларуси привел к трагическим последствиям: начался массовый исход миллионов жителей из прифронтовых районов. Эти события нашли непосредственный журналистский отклик. Неоднократно публиковала материалы, посвященные вынужденным покидать свои дома, газета «Наша ніва»². *«Цяжар вайны лёг перш на плечы нашага народу; с пагранічных краёў бягуць грамадамі да нас людзі, страціўшыя ўсё, што мелі, і вынесшыя с-пад куль і бомб адно толькі свае галовы...»*³.

Помощь беженцам начали оказывать многочисленные организации, действовавшие в соответствии с законодательством как на региональном, так и на государственном уровне⁴. Среди них «Комитет для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий», председателем которого стала великая княжна Татьяна Николаевна⁵. Он финансировался государством, вел сбор пожертвований и до принятия специального закона об обеспечении нужд беженцев являлся основной организацией в этой сфере⁶. Деятельность Татьянинского комитета, осуществлявшаяся на местах, документировалась в том числе на страницах «Известий Комитета ее императорского высочества великой

¹ Энгельман В. Г. Первый период морской войны. От начала военных действий до осуществления союзниками владения морем // История великой войны [1914 года]: в 3 т. Т. 1. 1915. С. 86, 96, 102, 118, 121.

² Наша ніва. 1915. 9 крас. С. 4; 1915. 9 ліп. С. 1–2; 1915. 31 ліп. С. 2; 1915. 7 жн. С. 4.

³ На мяжы двух гадоў // Наша ніва. 1915. 25 снеж. С. 1.

⁴ Законы и распоряжения о беженцах. М.: Юрид. отд. Гл. ком. Всерос. союза городов. Вып. 1. 1916. 103 с.; Законы и распоряжения о беженцах. М.: Юрид. отд. Гл. ком. Всерос. союза городов. Вып. 2: По 1 апреля 1916 г. 1916. 25 с.

⁵ Положение о комитете ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий // Сб. важнейших законоположений и распоряжений, действующих с июля 1914 г. по 1 января 1916 г., вызванных обстоятельствами военного времени. Пг., 1916.

⁶ Закон и положение об обеспечении нужд беженцев (СУ. 1 сент. 1915. № 242. Ст. 1842) // Законы и распоряжения о беженцах. М., 1916. Вып. 1. С. 1–6.

княжны Татьяны Николаевны», результаты ее обнародовались путем публикации отчетов¹.

Помогали беженцам и другие организации. Их работа находила отражение на страницах периодических изданий, таких как «Известия Всероссийского союза городов», «Всероссийский земский союз. Известия Главного комитета», «Вестник Всероссийского общества попечения о беженцах». Сотрудники организаций, занимавшиеся оказанием помощи беженцам, в отчетах описывали условия и обстоятельства своей работы, определяли успехи и недостатки последней, составляли и публиковали списки беженцев². Были опубликованы «Краткий отчет о деятельности Минского губернского комитета Всероссийского земского союза за 1916 год»³ и «Краткий обзор деятельности Всероссийского земского союза на Западном фронте 1915–1917 гг.»⁴. Отдельной брошюрой был напечатан доклад, с которым 22 июня 1916 г. выступил заведующий Статистическим отделом при Комитете Западного фронта Б. Я. Рудаев на общем собрании Комитета⁵. В нем – сведения об организации питания беженцев, в частности в Минске, и о других мерах в интересах беженцев. Полностью проблемам беженцев были посвящены издававшаяся в Москве газета «Беженец» (1915) и иллюстрированный журнал «Жизнь беженцев» (1916).

Массовое перемещение населения вызвало появление не только отчетов и первых обобщающих работ⁶ об организации работы по устройству беженцев, но и публикаций свидетельств очевидцев о лишениях и страданиях этих людей⁷. Среди них – дневниковые записи, сделанные Евгенией Александровной Масальской-Суриной (урожд. Шахматовой)⁸, перед войной проживавшей

¹ Отчет о деятельности Особого отдела Комитета ее имп. высочества вел. княжны Татьяны Николаевны по регистрации беженцев в 1915 г. Пг., 1916. 102 с.

² Щепкин М. М. Беженцы и организация помощи им в связи с работами Особого совещания: докл. Главным комитетам уполномоченного, председателя отдела М. М. Щепкина, март 1916 г. / Всерос. земский и городской союзы, Отд. по устройству беженцев. М.: Моск. гор. тип., 1916. 98 с.; Список адресов беженцев / Всерос. земск. и гор. союзы. Отд. по устройству беженцев, Центр. справ. бюро. М.: Тип. «Земля», 1916. Вып. 1, ч. 1–2.

³ Краткий отчет о деятельности Минского губернского комитета В[сероссийского] з[емского] с[юза] за 1916 год. Минск: Тип. Б. Л. Каплана, 1917. 32 с.

⁴ Краткий обзор деятельности Всероссийского земского союза на Западном фронте 1915–1917 гг. / Всерос. земский союз. М., 1918. 228 с.

⁵ Рудаев Б. Я. Отчет, декабрь 1915 – май 1916 г.: докл. зав. Стат. отделом Б. Я. Рудаева IV общему собранию Комитета Западного фронта В. С. Г. 22 июня 1916 г.; Всерос. союз городов, Ком. Западного фронта, Стат. отдел. Витебск: Тип. Селютина, 1916. 32, XII, IX, 3 с.

⁶ Кустов Н. И. Краткие очерки о деятельности национальных и благотворительных организаций, оказывающих помощь беженцам в гор. Москве. М.: Рус. о-во, 1917. 117 с.; Очерк деятельности Комитета по оказанию временной помощи пострадавшим от военных действий со дня его основания по 1 января 1916 года. Пг., 1915. 50 с.

⁷ Шведер Е. Беженцы: рассказы из великой войны. М., 1915; Беженцы и выселенцы. Одесса, 1916.

⁸ Масальская-Сурина Е. А. (Беженец) Записки беженца. Пг.: Тип. т-ва А. С. Суворина «Новое время», 1916. 31 с.

с мужем в имении в Глубоком. С приближением военных действий жизнь в имении начала рушиться. В ее «Записках беженца» нашли отражение и эвакуация учреждений из Вильно, и взятие немцами Свентян, и эвакуация населения из Глубокого в Петроград, и жизнь беженцев из западных районов в самом Глубоком: *«Гром грянул над самой головой: пришел приказ Синода снимать колокола... Два дня снимали колокола Глубокской православной церкви, костела и в Березвечском монастыре... Трудно описать день 1-го сентября в Глубоком... Ежеминутно приезжала и приходила масса народа за помощью и советом. Просили лошадей, просили приютить вещи, просили проходные билеты... В час ночи пришло распоряжение генерала Потапова эвакуировать Глубокое. В 2 часа ночи уже выехала почта, духовенство, монастырь, все акцизное ведомство, доктора, учителя, чиновники, жители, как местные, так и приезжие... Я была в Глубоком в начале октября. Наш мирный городок весь превращен в военный лагерь. Бесконечные обозы с провиантом и снарядами тянутся по всем трактам. Грохочут грузовики, шипят автомобили, скачут казаки. Жилые помещения все заняты войсками. Из брошенного монахинями Березвечского монастыря поднимаются наши летчики навстречу высоко парящему немецкому цеппелину»¹.*

На страницах петроградских периодических изданий публиковались дневниковые наблюдения и впечатления Федота Андреевича Кудринского, который занимался оказанием помощи беженцам в Рогачеве – одном из важнейших пунктов беженского движения. До конца 1915 г. через город проследовало только зарегистрированных примерно 700 тыс. беженцев. Собранные вместе дневниковые наблюдения Кудринского были опубликованы книгой «Людские волны» под псевдонимом «Богдан Степанец». Они охватывали период с 8 июля 1915 по 17 ноября 1916 г.²:

«По улицам сегодня потянулись новые волны беженцев... самые ужасные. Несколько сот повозок... и каких! Черных, отвратительно грязных, каких-то отчаянных... Я остолбенел от удивления. Я не видел еще более печального зрелища. Раньше среди нищеты все-таки попадались арбы, на которых заметны были признаки хоть какого-нибудь достатка, хоть и мушкетерство в арбах было... Но то, что движется сегодня, прямо-таки чудовищно по бедности. Внутри арб ничего нет, кроме детей и больных стариков, и сидят они почти на голых досках...

– Откуда вы? Кто вы? – задаю я вопросы, сознавая, что своими расспросами, быть может, только растрavляю их горе...

Ответы были краткие, но содержательные. Они – из Минской губернии, Новогрудского уезда. При нашествии немцев их выселили из этого уезда в Слуцкий уезд и расселили там по деревням. Потом их потревожили и при-

¹ Масальская-Сурина Е. А. (Беженец) Записки беженца. С. 10–14.

² Кудринский Ф. (Богдан Степанец). Людские волны: беженцы: [через г. Рогачев в 1915 г.]. Пг.: Книгоизд-во бывш. М. В. Попова, [1916]. 200 с.

казали переселиться через Старые Дороги, за Днепр. Полтора месяца назад они шли через Рогачев, переселяясь за Днепр. Там их расселили в Годиловичах, Довске и др. селах на расстоянии 25–30 верст от Рогачева. А теперь сняли их опять и приказали ехать назад, в Рогачев на железную дорогу...»¹

«Чувство горести при утрате близких у многих сильно притупилось. Прекращение жизни глубоких стариков сдержанно приветствуется как избавление от лишнего рта и как облегчение дальнейшего путешествия. То же иногда и по отношению к маленьким детям»².

Беженцы, двигавшиеся на восток, оседали в разных городах и селах страны. Они оказались разбросанными по всей ее территории – от Московской, Владимирской, Калужской, Нижегородской, Пензенской, Орловской, Рязанской до Саратовской, Симбирской, Тамбовской, Тверской, Тульской, Казанской, Костромской, Воронежской губерний. В опубликованных заметках В. Граневича отражено их положение в Казани³. Как жили, что чувствовали, о чем мечтали бежавшие от войны люди, дают яркое представление опубликованные материалы Всероссийского съезда белорусских беженцев. Он состоялся в июле 1918 г. в Москве⁴. Для участия в съезде приехали делегаты, сами беженцы, из Гродненской, Минской, Виленской, Ковенской губерний, представлявшие своих соотечественников, нашедших пристанище в городах и селах разных губерний страны. Они докладывали о полном бездействии местных властей по отношению к беженцам, насильственном выселении их из квартир и принудительной посылке на общественные работы без вознаграждения за труд. Прямая речь делегатов, попавшая на страницы сборника материалов съезда, ярко иллюстрирует сказанное выше. «В Рязанской губ. беженцев 21 669, из них: из Гродненской губ. 20 069, Минской 1309, Витебской 227 и Могилевской 64. Продовольственное дело плохо: похлебка из листьев, да еще без соли – единственная обыкновенная пища. Хлеб не выдается иногда совершенно. Насильственное выселение из квартир местным населением. <...> Безработица полнейшая. <...> Были случаи, когда беженцы работали день за стакан молока» (делегат от Рязанской губернии). «В Балашевском уезде до 18 тысяч беженцев, которые обречены на голодную смерть. Местною властью не принимается никаких мер к улучшению; наоборот, положение беженцев все ухудшается. <...> Волостные советы не только не оказывают помощи, но стараются всячески притеснять беженцев. На последних местное население смотрит, как на что-то темное, чужое и враждебное» (делегат от Саратовской губернии). «Положе-

¹ Кудринский Ф. (Богдан Степанец). Людские волны: беженцы: [через г. Рогачев в 1915 г.]. С. 168–169.

² Там же.

³ Граневич В. На рэках Вавілоны (Успамінкі ўцекача) // Беларускі шлях. 1918. 22 чэрв. – 10 ліп.

⁴ Всероссийский съезд беженцев из Белоруссии (1918; Москва). Протоколы, постановления и материалы Всероссийского съезда беженцев из Белоруссии в Москве, 15–21 июля 1918 года. М.: Изд-во Белорус. нац. комиссариата, 1918. 89 с.

ние беженцев в губернии самое безотрадное, хотя Тамбовская губ. принадлежит к числу хлебных. Безработица среди беженцев страшная. Паяк в большинстве случаев не получен за полгода. <...> Беженцы страшно обносились и не имеют никакой одежды» (делегат от Тамбовской губернии). «За неимением собственных хозяйств, собственного хлеба, беженцы питаются исключительно зеленью. Вследствие этого развиваются болезни, как например: цинга, тиф, холера. Все настроены против беженцев: не знаю как Бог, но если и он против беженцев, то будет совсем плохо» (делегат от Владимирской губернии). «В Нижегородской губернии 52 065, из них белорусов 10 784. Положение беженцев в губернии ужасное. Отношение местного населения враждебное. Квартирный вопрос в Н.-Новгороде для беженцев отчаянный. В Печерском монастыре были отданы в полное распоряжение монахов. В пищу получали помой из кухни. То же самое делается и в других монастырях» (делегат от Нижегородской губернии)¹.

Съезд проходил в то время, когда фактически вся территория белорусско-литовских губерний в результате февральского 1918 г. наступления германских войск была оккупирована и в спешном порядке 3 марта 1918 г. был заключен Брестский мир. Линия фронта прошла западнее Витебска, на юг (по Днепру) и восточнее Гомеля². Эти события вызвали новую волну беженцев. На съезде прозвучал голос из оккупированных местностей Виленской губернии – смог приехать в Москву и выступить на съезде директор Будславской гимназии Иосиф Василевич: «В Белоруссии в настоящее время живет плохо. После прихода немцев жизнь замерла. Вся Белоруссия превратилась в тюрьму и застенок. <...> Пошли экзекуции и расстрелы. По всей Белоруссии стоит стон. Белорусский народ – сирота. Остались только священники и ксендзы, которые выпрашивают перед немцами разные льготы только для себя. <...> При проезде через Коренево выяснил количество и положение беженцев. Здесь у станции их находится до 25 000. Беженцы лежат на откосах, мокнут, голодают... Тот скорбный путь, который прошли беженцы в начале войны, был устлан крестами и могилами, обратный путь тоже будет усеян могилами»³.

Несмотря на то что белорусские территории были оккупированы германскими войсками, единственным выходом из создавшегося положения с беженцами виделась их реэвакуация на родину. Эта мысль звучала в выступлениях с мест и в наказах делегатам: «Требовать немедленного выезда на родину»; «Принять все меры к скорейшему возвращению на родину»⁴. Не требование,

¹ Всероссийский съезд беженцев из Белоруссии (1918; Москва). Протоколы, постановления и материалы Всероссийского съезда беженцев из Белоруссии в Москве, 15–21 июля 1918 года. С. 21–24, 26.

² Полностью не занятыми противником остались только шесть уездов, частично – восемь.

³ Всероссийский съезд беженцев из Белоруссии (1918; Москва). Протоколы, постановления и материалы Всероссийского съезда беженцев из Белоруссии в Москве, 15–21 июля 1918 года. С. 28.

⁴ Там же. С. 70, 75.

а слезная просьба в протоколе общего собрания беженцев Гродненской и Минской губерний, проживавших в селе Головинщина Н.-Ломовского уезда Пензенской губернии: *«Просим вашего содействия оказать нам какую-либо помощь или ускорить выезд на родину, а если нельзя на свою сторону, то куда бы то ни было, жить нельзя больше. Все мы на себе износили за три года одежду, все мы измучены и забыты совсем. Еще раз просим Вашего содействия не оставить нас и ускорить нам выезд на свою родную сторону»*¹.

По поводу вопроса о реэвакуации беженцев на страницах сборника материалов съезда имеются любопытные документы: радиотелеграмма Германского правительства от 21 апреля 1918 г. № 120–122 «Русскому правительству, Комиссариату иностранных дел» за подписью Буше и ответ гр. Мирбаха на письмо российской стороны от 27 мая 1918 г. «К вопросу о возвращении реэмигрантов». В первом документе германская сторона на запрос российского правительства сообщает: *«Желаемое открытие границ, к сожалению, еще невозможно, однако главнокомандующий на восточном фронте имеет поручение допустить реэмиграцию отдельных лиц на территорию восточного главного командования и в Варшавское Генерал-Губернаторство на следующих условиях:*

1) Беженцы должны иметь с собой съестные припасы, достаточные до следующего урожая.

2) Польские реэмигранты могут быть допущены только в Варшавское Генерал-Губернаторство.

3) Другие национальности будут допускаемы на территорию восточного главного командования сообразно с возможностью находить для них помещение.

*При этом предполагается, как предпосылка, что Русское Правительство будет допускать въезд реэмигрантов, требующих возвращения из территории восточного главного командования в Россию»*².

Второй документ касается технической стороны организации пропуска реэмигрантов из России: *«До сих пор около Ориш с русской стороны около 25-ти или 30-ти тысяч реэмигрантов ожидают допущения на оккупированные территории, причем в их принятии частью должно быть отказано, частью оно может состояться только постепенно. Императорское Германское Правительство поэтому предлагает, чтобы возможно скорее сначала в Смоленске, а потом также в других русских узловых пунктах, были созданы Германо-Русские комиссии под германским председательством с далеко идущими полномочиями председателя, с целью отвлечения потока реэмигрантов от Ориш и с целью урегулирования его, поскольку он будет двигаться через Ориш сообразно с тамошними возможностями принятия реэмигрантов. Так как около Ориш имеется опасность эпидемии и голода, Германское*

¹ Всероссийский съезд беженцев из Белоруссии (1918; Москва). Протоколы, постановления и материалы Всероссийского съезда беженцев из Белоруссии в Москве, 15–21 июля 1918 года. С. 78.

² Там же. С. 85–86.

*Правительство просит Русское Правительство возможно скорее заявить о своем согласии с вышеприведенными предположениями»*¹. По состоянию на 1 сентября 1918 г. в списках на эвакуацию на территорию Беларуси из Европейской России и Сибири было 617 273 человека².

В оккупированном Минске уже была провозглашена Белорусская народная республика, было сформировано ее правительство. В своем выступлении на съезде секретарь Белорусского национального комиссариата при правительстве РСФСР, а в скором времени первый руководитель правительства провозглашенной в 1919 г. ССРБ Д. Ф. Жилунович сформулировал отношение к ней, что также вошло в опубликованный протокол съезда: *«Минское Правительство подобно Украинскому и Финляндскому заискивает перед Германией, и через это теряет уважение – последней. Немцы совершенно не считаются с этими правительствами <...>»*³.

Не только в ходе, но и после окончания войны мнения важнейших участников белорусского национального движения о событиях, происходивших на оккупированной территории, разошлись, что объяснялось различиями в личном опыте проживания самих лет войны: В. И. Игнатовский был в Минске, М. В. Довнар-Запольский – в Киеве, Д. Ф. Жилунович – в Петрограде. Игнатовский и Довнар-Запольский в обобщающих работах по истории Беларуси, написанных в 1920-е годы, отмечали, что после оккупации значительной части Беларуси немецкими войсками белорусское движение активизировалось вплоть до объявления государства на национальной основе. В то же время Жилунович считал, что, наоборот, это привело к временной приостановке национального движения, но позже оно проявилось именно в беженских комитетах в городах Российской империи, ставших его основными центрами. Опыт беженства способствовал выработке чувства национальной идентичности белорусов, ощущавших себя на чужбине *Чужими* по отношению к местному населению.

1.7. Война и народное хозяйство

В России широкий общественный резонанс вызвало фундаментальное шеститомное исследование И. С. Блюха «Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях»⁴. Весь четвертый том этого издания

¹ Всероссийский съезд беженцев из Белоруссии (1918; Москва). Протоколы, постановления и материалы Всероссийского съезда беженцев из Белоруссии в Москве, 15–21 июля 1918 года. С. 86.

² ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 13. Л. 48–49.

³ Всероссийский съезд беженцев из Белоруссии (1918; Москва). Протоколы, постановления и материалы Всероссийского съезда беженцев из Белоруссии в Москве, 15–21 июля 1918 года. С. 47.

⁴ Блюх И. С. Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях: в 6 т. СПб., 1898.

был посвящен анализу экономических проблем неизбежной в будущем всеобщей войны, которая, в предвидении Блюха, будет позиционной и затянется на годы, что приведет к истощению промышленности, расстройству финансов, тяжелым социальным последствиям – голоду, эпидемиям и революциям. Труд Блюха, опубликованный еще в 1898 г., дал пример многим другим исследованиям более позднего времени.

Одной из важных тем общественного обсуждения стало состояние народного хозяйства страны в условиях развернувшейся войны. Появились многочисленные журнальные статьи и брошюры. Военное время определило и их особенности: небольшой объем в 20–100 страниц позволял оперативно высказаться по избранной теме, однако сообщаемая информация подчас была недостаточно полной. Авторы показывали экономические причины развернувшейся войны¹, экономическое положение и организацию хозяйства воюющих стран², мероприятия по мобилизации промышленности³, финансовую политику⁴, последствия от разрыва сложившихся до войны экономических связей Германии и России⁵. Обращались к вопросам немецкого засилья в русской торговле и промышленности⁶. Не осталась без внимания экономическая подоплека агрессивности германского империализма и милитаризма⁷.

¹ *Лященко П. И.* Экономические причины и условия современной войны: публ. лекция, прочит. 16 нояб. 1914 г. в пользу Том. отд. Сиб. о-ва помощи раненым воинам. Томск: Типо-лит. Сиб. т-ва печ. дела, 1915. 21 с.; *Маслов П. П.* Экономические причины мировой войны. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1915. 69 с.

² Экономическое положение воюющих государств: (Германия, Австро-Венгрия, Бельгия, Франция, Великобритания и Россия). Киев; Харьков: Тип. «Мирный труд», 1914. 95 с.; *Коломийцев Н. П.* Экономическое положение Германии перед войной // История великой войны [1914 года]: в 3 т. Т. 1. 1915; *Нольде Б. Э.* Организация народного хозяйства воюющей Германии. Пг.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1916. 48 с.; *Его же.* Организация народного хозяйства воюющей Германии // Право. Еженед. юрид. газ. 1916. № 6 (14 февр.). Стб. 369–382; № 7 (21 февр.). Стб. 441–455.

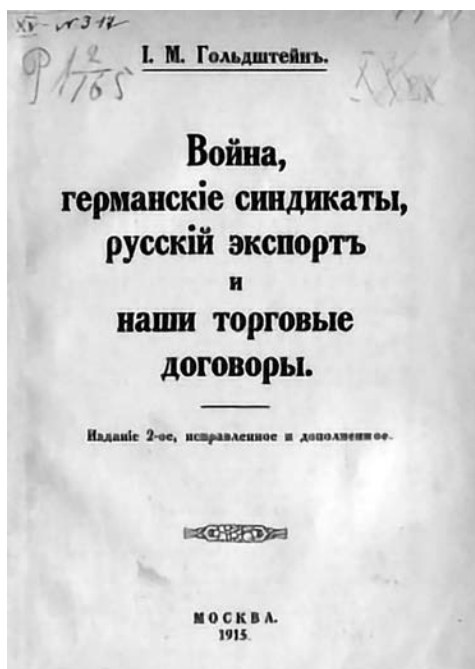
³ Мобилизация технических сил: мероприятия по мобилизации промышленности в период Первой мировой войны: в 3 вып. Пг.: Тип. Р. Г. Шредера, 1915.

⁴ *Дементьев Г. Д.* Государственные доходы и расходы России и положение государственного казначейства за время войны с Германией и Австро-Венгрией до конца 1917 г. Пг.: Тип. изд-ва М-ва финансов, 1917. 54 с.

⁵ *Гольдштейн И. М.* Война, германские синдикаты, русский экспорт и наши торговые договоры. 2-е изд., испр. М.: Тип. А. И. Мамонтова, 1915. 68 с.; *Его же.* Война, германские синдикаты, русский экспорт и экономическое изолирование Германии. 3-е изд. М.: Типо-лит. Рус. т-ва печ. и изд. дела, 1916. 79 с.; *Его же.* Война, русско-германский торговый договор и следует ли России быть «колонией» Германии. 2-е изд. М.: Типо-лит. Рус. т-ва печ. и изд. дела, 1915. 87 с.; *Королькевич Б. П.* Финансовые и экономические законы и мероприятия Германии против держав Согласия за время нынешней войны. Пг.: Петрогр. совет раб. и крестьян. депутатов, 1918. 22 с.

⁶ *Гольдштейн И. М.* Немецкое иго и освободительная война: сб. ст. по вопр. о войне и нем. засилье в рус. торговле и пром-сти. М.: Типо-лит. Рус. т-ва печ. и изд. дела, 1915. 51 с.

⁷ *Исиханян Б.* Развитие милитаризма и империализма в Германии (историко-экономическое исследование). Пг.: Книга, 1917. 352 с.

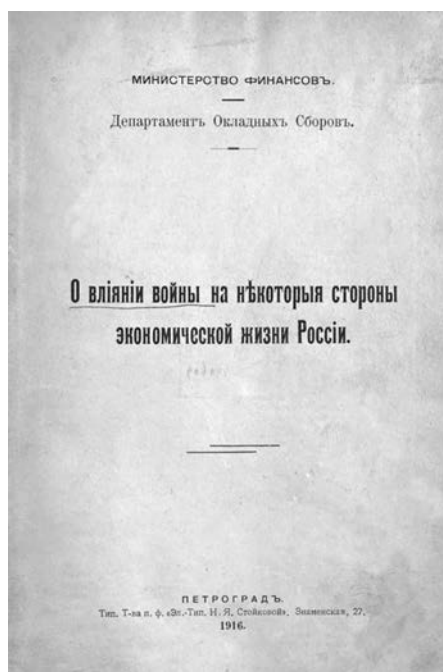
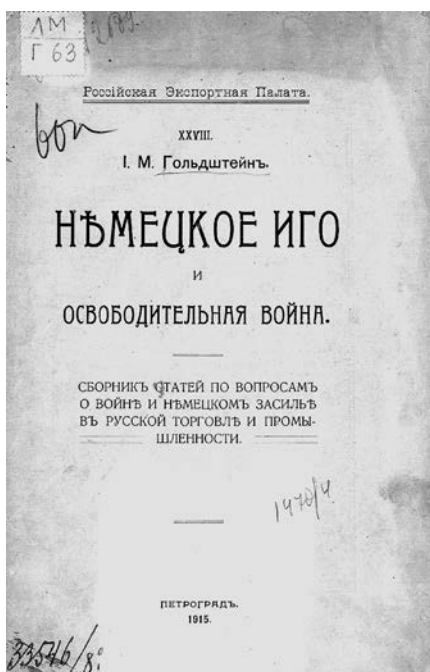

Заметное место вопросам народного хозяйства в годы войны отведено в сборнике «Вопросы мировой войны». К изданию его подготовил известный экономист М. И. Туган-Барановский, пригласивший к участию в нем ряд известных ученых-экономистов. В книге были помещены статьи «Влияние войны на народное хозяйство России, Англии и Германии» (М. И. Туган-Барановский), «Экономические причины войны» (В. А. Мукосеев), «Народное продовольствие в Германии» (А. А. Чупров), «Война и государственное хозяйство России» (М. И. Фридман), «Война и деньги» (М. И. Боголепов), «Влияние войны на городские и земские финансы» (В. Н. Твердохлебов), «Война и новые отрасли русской промышленности» (М. В. Новоруский)¹.

Среди более крупных трудов о российской военной экономике выгодно выделяется фундаментальная по всесторонности и глубине исследования публикация Министерства финансов России «О влиянии войны на некоторые стороны экономической жизни России»². Данные и выводы книги ограничиваются начальным периодом войны — с июля 1914 по апрель 1915 г. В поле зрения ее авторов вошли ключевые направления хозяйственной деятельности, непосредственно относящиеся к положению населения: сбор урожая, производство мясных продуктов, потребление и движение цен на них: *«Недостатка в хлебе на продовольствие и обсеменение полей сельское население не испытывало»,*

¹ Война и экономическая жизнь: очерки и материалы для характеристики нар. и гос. хоз-ва в связи с войной. М.; Пг.: Тип. «Правда», 1916–1917.

² О влиянии войны на некоторые стороны экономической жизни России / М-во фин. Деп. оклад. сборов. Пг.: Электро-тип. Н. Я. Стойковой, 1916. 517 с.

но «выступил целый ряд причин повышения цен на главнейшие продукты питания в городах в зависимости от обстоятельств военного времени». Спутниками дороговизны предметов первой необходимости в наиболее крупных городских потребительских центрах был временами острый недостаток продовольственных продуктов, доходивший, как отмечало исследование, до «полного отсутствия их на рынке», – в качестве примера назывались города Гродненской губернии Гродно, Белосток, Брест, Слоним¹. Заработки сельского и городского населения в целом по России были подвержены колебаниям, но во многих случаях возросли в связи с увеличением спроса на труд и отчасти – уменьшением рабочих рук.

В Гродненской губернии, например, если «одни заработки сократились, упали или даже вовсе прекратились, то одновременно с этим возникли новые доходные виды работ, которые при высоте расценки рабочего труда почти полностью покрыли убытки на первых»². Дана оценка эффективности пособий семьям солдат: «Достаточность пособия определяется численностью семьи и степенью ее собственной имущественной обеспеченности: в тех случаях, когда пособие является подспорьем к собственным средствам, оно оказывается достаточным; там же, где семья, особенно многочисленная, существует исключительно на казенное пособие, оно в большинстве случаев оказывается недостаточным»³. Рассмотрены состояние торговли и промышленности, где

¹ О влиянии войны на некоторые стороны экономической жизни России. С. 116.

² Там же. С. 174–175.

³ Там же. С. 200.

неблагоприятными факторами стали сокращение рабочей силы, вызванное призывом громадной части населения на войну, нарушение нормального товарообмена вследствие отвлечения подвижного состава железных дорог на перевозку войск и воинских грузов, затруднения во внешней торговле и получении иностранных кредитов, поступление налогов и сборов. В целом же в губерниях, отдаленных от театра военных действий, *«экономическая жизнь населения <...> оказалась весьма эластичною и обладающей большою приспособляемостью, а потому военные события и не вызвали в ней какого-либо резкого расстройств»*¹.

Отдельная глава посвящена влиянию прекращения продажи вина на народный быт и производительность труда. Запретил продажу спиртных напитков император Николай II повелениями от 16 июля и 22 августа 1914 г. Исследование утверждает, что запрет на продажу алкоголя позитивно изменил жизнь населения как в городе, так и в деревне. По официальным сообщениям с мест, проявилась большая забота об удовлетворении духовных потребностей, возросла религиозность, возник интерес к образованию, окрепли семьи, прекратился пьяный разгул, уменьшилась преступность, повысилась производительность труда, у населения появились свободные деньги и т. п. Однако запрет продажи спиртных напитков не был столь безоблачен: увеличилось потребление суррогатов, особенно денатурата – технического этилового спирта. Из Московского уезда сообщали: *«С прекращением торговли спиртными напитками пьянство в народе не прекратилось: вместо обычной прежде в земских лечебницах белой горячки, теперь приходится лечить от отравления денатурированным спиртом»*². Похожих сообщений было много, а фабричный инспектор из Могилевской губернии вполне обоснованно заключил: *«Покуда жизнь их (рабочих. – И. Ч.) не будет заполнена интересами, которые заставят их забыть о дешевом увеселении в виде казенного вина, эти рабочие тоже представляют из себя элемент ненадежный, прекративший пьянство только по принуждению»*³.

В целом исследование Министерства финансов представляет собой подробнейший обзор экономического положения России в первый год войны. Составленный в разрезе губерний по отраслям и видам производства на основе исчерпывающих статистических материалов, он дает отчетливое представление о богатейших экономических ресурсах страны, позволявших переносить тяготы военного времени. Сведения отчета дополнялись данными о хозяйственной жизни и экономическом положении населения России за первые 9 месяцев войны (июль 1914 г. – апрель 1915 г.), обобщенными Министерством финансов⁴.

¹ О влиянии войны на некоторые стороны экономической жизни России. С. 378.

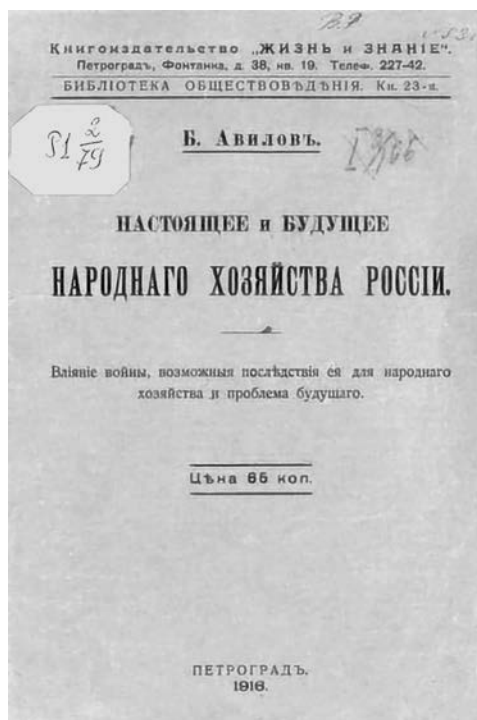
² Там же. С. 474.

³ Там же. С. 482.

⁴ Хозяйственная жизнь и экономическое положение населения России за первые 9 месяцев войны: (июль 1914 г. – апрель 1915 г.): по сведениям, доставленным учреждениями Гос. банка, Гос. дворян. зем. и крестьян. позем. банков и Инспекцией мелкого кредита. Пг.: Тип. ред. период. изд. М-ва финансов, 1916. 110 с.

Следует отметить еще один серьезный труд, появившийся в 1916 г. Его автор, социал-демократ Б. В. Авилов, опираясь на статистические данные, отметил несомненный промышленный прогресс в предвоенные годы. Справедливо полагая, что «самый характерный и чувствительный показатель промышленной конъюнктуры» – это выплавка чугуна, он приводит данные о его производстве: 283 млн пудов в 1913 г. против 177 млн в 1900 г., причем темпы роста были выше, чем в Западной Европе. О позитивных сдвигах свидетельствовало и существенное – от 1838 тыс. в 1909 г. до 2319 тыс. в 1913 г. – изменение численности рабочих фабрично-заводской промышленности, подчиненной надзору фабричной инспекции¹. Тем не менее он полагал, что вследствие недостаточности развития капитализма, который в России «не достиг еще размеров мирового масштаба», промышленность сама не в состоянии была обслужить внутренний рынок за счет использования богатых естественных ресурсов собственной страны, тогда как война совершенно расстроила внешний товарообмен. В 1913 г. российский экспорт составил 1634 млн руб., а импорт – 1536 млн руб.; в 1915 г. экспорт упал до 314 млн руб., а импорт – до 674 млн руб.²

Резкое сокращение вывоза зерна, масла, сахара, льна и пеньки, льняных и шерстяных изделий, кож, нефти и ее продуктов было компенсировано увеличением потребления их внутри страны. Ряд товаров – каменный уголь и кокс, изделия из железа и стали, фаянса и стекла, дерева и др. – объективно не мог пойти на экспорт и в то же время не попал в довоенном объеме на внутренний рынок. Такая же неблагоприятная ситуация с ввозом зарубежной продукции. До войны Россия получала значительное количество каменного угля и кокса по импорту. Заграничным углем, отмечает Авилов, обслуживалась вся промышленность Прибалтийского и Петроградского районов, часть польской промышленности и отчасти Юго-Западный край. С прекращением импорта рассчитывать можно было только на Донецкий угольный бассейн, но он не смог нарастить производство: с июля 1913 по июнь 1914 г. здесь было добыто

¹ Авилов Б. Настоящее и будущее народного хозяйства России: Влияние войны, возможные последствия ее для народного хозяйства и проблема будущего. Пг.: Тип. «Печатный труд», 1916. С. 12, 19.

² Там же. С. 25.

1291 тыс. пудов угля, с июля 1914 по июнь 1915 г. даже меньше – 1240 тыс. пудов. Недостаток угля неизбежно приводил к уменьшению размеров производства: за год, предшествовавший войне, выплавляли 285,8 млн пудов чугуна, за первый год войны – 234,9 млн пудов¹. Увеличению выплавки чугуна препятствовали недостаточное обеспечение сырым материалом – рудой, топливом, флюсами (примесями, добавлявшимися при выплавке металлов) и нехватка обученных рабочих. Выплавленный металл почти полностью шел на выполнение оборонных заказов, так что для частного рынка оставалось совсем немного. Поэтому неизбежно сократилось и даже прекратилось производство, не связанное непосредственно с нуждами обороны: строительство железных дорог, заводов, жилых домов и т. п. Это, в свою очередь, повлекло застой в изготовлении строительных материалов. Подобные тенденции наблюдались и в других промышленных отраслях.

Стали весьма ощутимыми последствия спада производства сельскохозяйственной продукции. Авилов приводит свидетельство органа либеральной московской профессуры и земских деятелей газеты «Русские ведомости»: *«В настоящее время, к концу сельскохозяйственного года (в декабре 1915 г. – И. Ч.), обнаружилось, с одной стороны, сокращение площади посева, а с другой – гибель снятого хлеба на полях вследствие невозможности его убрать... На Северном Кавказе его количество определяют в 40 % урожая»*. Он излагает сообщение Министерства земледелия, гласящее: вследствие недостатка рабочих рук и рабочего скота, высокой заработной платы, отказа крестьян от аренды земли значительно сократились площади озимых хлебов, главным образом у крупных землевладельцев: в Самарской, Саратовской, Уфимской, Оренбургской, Астраханской губерниях, на Северном Кавказе, в Западной Сибири и Средней Азии на 25–50 % и более. Та же ситуация в животноводстве. *«По данным ведомства земледелия, русское скотоводство сократилось в 1915 г. на 25 %, а в районах наибольшего производства мяса, по данным Министерства Внутренних Дел, на 50 %»*². В общем итоге, заключает Авилов, оказалось, что война вызвала расстройство снабжения страны необходимыми продуктами.

Произошли серьезные изменения в положении народных масс. Хотя безработица почти прекратилась, а заработная плата повысилась, чрезвычайное подорожание предметов потребления не только поглотило прирост заработной платы большинства категорий рабочих, но и уменьшило ее реальную покупательную способность. Снизилось благосостояние семей и в связи с потерей заработка мужчин, призванных в армию. На селе более состоятельные слои крестьянства выиграли от продажи продукции по высоким ценам, но и они несли потери от уменьшения числа рабочих рук, износа не восполнявшихся тягловой силы и инвентаря. Беднейшие слои крестьянства, мало ориентиру-

¹ Авилов Б. Настоящее и будущее народного хозяйства России: Влияние войны, возможные последствия ее для народного хозяйства и проблема будущего. С. 38, 41.

² Там же. С. 34–36.

ванные на рынок, ничего не получили от повышения цен, а «все отрицательные последствия войны испытывали еще в большей степени».

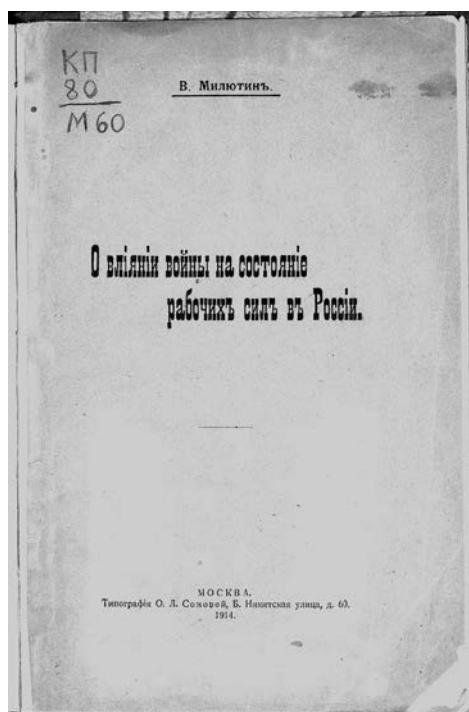
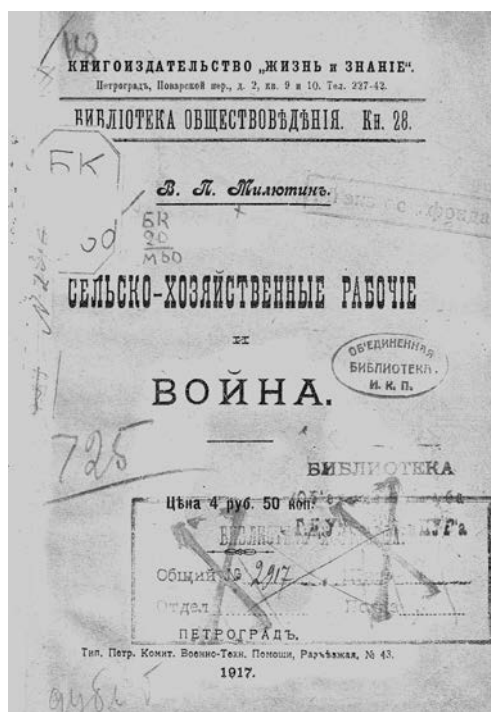
Что же ожидает Россию в будущем, после войны? Б. Авилов приводит суждения на этот счет многих экономистов (М. И. Туган-Барановского, М. И. Боголепова, И. Корзухина, М. И. Фридмана, П. П. Мигулина, И. В. Титова, И. М. Гольдштейна, С. О. Загорского). М. И. Туган-Барановский считал, что *«присоединение к России германских и австрийских территорий не может дать России значительных экономических выгод, а гораздо важнее в экономическом отношении разрешение русских исторических задач на Ближнем Востоке: историческое стремление России к открытию свободного выхода из Черного моря обещает на этот раз увенчаться полным успехом и это откроет блестящие перспективы для экономического развития всего нашего Юга. Именно в этом направлении Россия и может получить достойную награду за все понесенные ею в эту невероятно тяжелую войну великие жертвы»*¹. М. И. Фридман, в свою очередь, полагал, что *«излечение тех ран, которые будут нанесены нашему государственному хозяйству, может быть достигнуто <...> главным образом с помощью развития производительных сил страны в области народного хозяйства: развития внутреннего крестьянского рынка и расширения своего производства готовых изделий из сырья своей же добычи»*². Изложенные же самим Авиловым гипотезы также охватывали только экономические аспекты и, поскольку исходили из предположения о сохранении существовавшего в России социального, экономического и политического строя, опрокинутого свершившимися в стране революциями 1917 г., оказались несостоятельными.

В своих прогнозах более точными оказались российские социал-демократы, среди которых были крупные экономисты, активно рассматривавшие проблемы народного хозяйства в условиях войны. В. П. Милютин, один из видных членов РСДРП, о политическом весе которого можно судить по тому, что в 1917 г. он стал народным комиссаром земледелия в первом Советском правительстве, в ноябре 1914 г. опубликовал исследование «О влиянии войны на состояние рабочих сил в России»³. Он отметил, что колоссальные изменения в состоянии производительных сил вызвала мобилизация, нарушившая обычный ход хозяйственной жизни страны. Уменьшилось количество рабочих рук в промышленности и сельском хозяйстве, как следствие, более широкое применение получили женский и детский труд. Произошло сокращение производства, что вызвало рост безработицы, усугубляемой прекращением эмиграции и внутреннего массового переселения. Нарушение правильного товарооборота и перевозки товаров привело в промышленных центрах к непомерному

¹ Туган-Барановский М. И. Война и народное хозяйство // Чего ждет Россия от войны: сб. ст. С. 23.

² Фридман М. И. Война и финансы // Там же. С. 48.

³ Милютин В. П. О влиянии войны на состояние рабочих сил в России. М.: Тип. О. Л. Со-мовой, 1914. 28 с.

росту цен на продукты первой необходимости. Нейтрализацию этих негативных моментов Милютин усматривал в обследовании положения рабочих, расширении деятельности профессиональных союзов, развитии общественных работ и рабочей кооперации. В более широком плане его вывод сводится к тому, что «война реально вскрыла в яркой форме несостоятельность настоящих экономических отношений и резко подчеркнула необходимость и историческую неизбежность новых основ в экономической жизни»¹. В условиях цензурных ограничений Милютин, хотя и хотел, но не мог прямо призвать к коренному изменению основ социально-экономического и политического строя России – будь то революционным или хотя бы эволюционным путем, но не это ли он имел в виду?

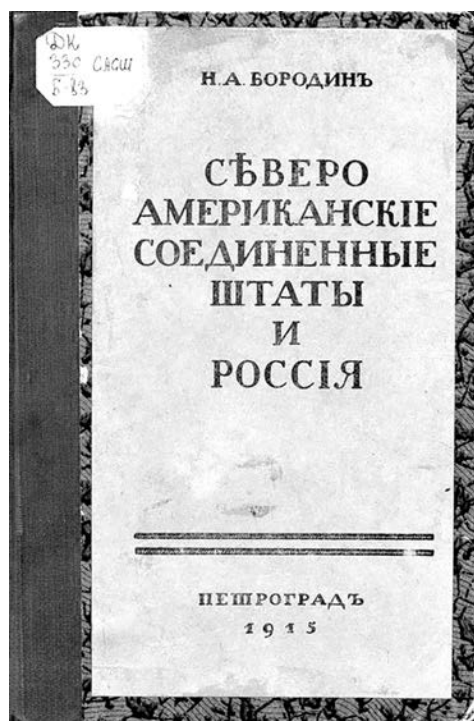
Не так рассматривали возможные перспективы экономисты либерального направления. И. Х. Озеров в статье «За что мы боремся» призывал к избавлению России от экономической зависимости, выражавшейся в преобладании импорта жизненно важных материалов и изделий во внешнеэкономических связях. Для этого у нее есть все возможности: «Россия потому и велика, что по своим естественным условиям она может сделаться самодовлеющей страной, и тогда для нее никакая война не будет страшна; в то время как под гром пушек могут рушиться хозяйства других стран, или опирающиеся на внешние рынки, или без того или другого продукта не могущие существо-

¹ Милютин В. П. О влиянии войны на состояние рабочих сил в России. С. 22.

вать, мы, при нашей огромной территории, громадном населении, наших богатствах, огромном потенциальном внутреннем рынке, можем быть **самодовлеющими**». И дальше: «Мы должны помнить, что поднятие производительных сил нашей страны является одним из лучших средств в борьбе с внешним врагом. При усложненном современном хозяйстве тот выдерживает натиск, кто хозяйственно дольше в состоянии будет его вынести»¹.

С началом войны в прагматически мыслящих слоях российского общества сложилось понимание невозможности возвращения к довоенному торгово-экономическому миропорядку. Вполне неизбежной представлялась потеря Германии как важного партнера России в торгово-экономической и технико-технологической сферах. В этом свете

следует оценивать появление в 1915 г. книги видного ученого и общественно-го деятеля Н. А. Бородин «Северо-Американские Соединенные Штаты и Россия»². По его словам, «Германия после войны, несомненно, не будет для России тем, чем она была, – экономической посредницей и поставщицей всевозможных фабричных фабрикатов, машин и проч. В этой роли ее должны заменить другие страны»³. И США в области машин и некоторых товаров имеют полную возможность заменить услуги Германии. Выбор им США вполне осознан. Это – «в сущности единственная в мире страна, с которой можно сравнить Россию по громадности территории, по широте размаха в области колонизации девственных мест, ведения сельского хозяйства и добывающей промышленности <...>: история развития ее экономической и сельскохозяйственной жизни должна быть для нас особенно поучительной, как пример того, что может дать страна с аналогичными естественными богатствами при лучших условиях политической и социальной жизни; изучая ее судьбы, мы можем с известной долей вероятия предвидеть, по какому пути может пойти дальнейшее развитие и нашего отечества»⁴. Другими

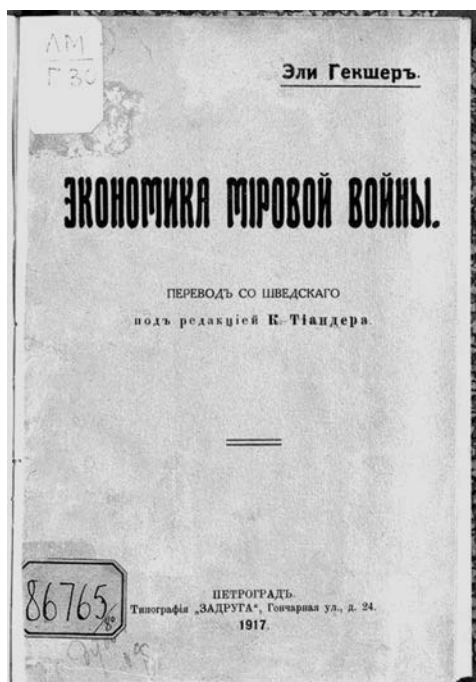

¹ Озеров И. Х. За что мы боремся // История великой войны [1914 года]: в 3 т. Т. 1. 1915. С. 70–71.

² Бородин Н. А. Северо-Американские Соединенные Штаты и Россия: с 29 диагр. и карт. Пг.: Огни, 1915. 324 с.

³ Там же. С. XII.

⁴ Там же. С. VIII.

словами, США привлекли внимание Бородина не только потенциальными возможностями заместить промышленной продукцией и технологиями предполагаемые потерянные германские поставки. Вопрос формулировался шире: найти в американском опыте механизмы преобразования аграрной страны в аграрно-индустриальную.

Не были проигнорированы и зарубежные труды. В 1917 г., спустя год после опубликования на родине, в России появился труд шведского экономиста и историка экономики Эли Гекшера, посвященный экономике мировой войны¹. На тот момент труд Гекшера представлял собой первый опыт освещения экономической жизни воюющих между собой стран. Материал для книги собирался в ходе командировок в Гол-

ландию, Англию, Францию и Германию. При этом в фокусе внимания Гекшера находились два главных противника – Англия и Германия, *«силы которых направлены не только к сокрушению военной мощи врага, но и к преодолению тех неслыханных затруднений, которые современная война создает для промышленности и торговли, для снабжения всем необходимым многомиллионных армий и для пропитания мирного населения»*². И хотя наблюдения Гекшера охватывали только первые полтора года войны, его труд был написан беспристрастно и с большим знанием вопроса.

Таким образом, осознание неизбежности в связи с развернувшейся войной перераспределения людских и материальных ресурсов в интересах обороны и обеспечения воюющей армии всем необходимым, прогнозируемое в связи с этим изменение в худшую сторону положения народа не могли не вызвать беспокойности и размышлений о новой экономической реальности.

¹ Гекшер Э. Экономика мировой войны / пер. со швед.; под ред. К. Тиандера. Пг.: Задруга, 1917. VI, [2], 216 с.

² Там же. С. VI.

ОБРАЗЫ СОЮЗНИКОВ И ВРАГОВ В РОССИЙСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ ВОЕННЫХ ЛЕТ

2.1. «Душа войны»: сражающаяся Франция на страницах печатных изданий

Ромен Роллан

На протяжении двадцати предвоенных лет межгосударственные отношения России и Франции были дружественными. Союз двух стран, оформившийся в 1891–1893 гг., представлялся естественным, был позитивно воспринят общественностью, его целесообразность не подвергалась критике. С первых дней своего существования он, как комментировал его Е. В. Тарле, являлся *«взаимным страхованием обеих держав от германской опасности»* и благодаря этому был прочным и жизнеспособным, *«несмотря на все препятствия и противоборствующие течения, обнаружившиеся и в обеих странах, и в наиболее заинтересованных посторонних державах»*¹.

Франция, прежде всего Париж с его репутацией «столицы Европы», была одним из главных пунктов «паломничества» российских любителей путешествий. Музеи, регулярные выставки привлекали в нее тысячи посетителей. Из Франции в Россию приходили новые веяния в литературе, изобразительном искусстве. В Париж, общепризнанный центр европейской художественной жизни, устремлялись молодые художники в поисках вдохновения и славы. На французскую моду равнялись, за ней следили. Французская культура глубоко проникла в российское общество. В России хорошо знали французскую литературу. С новыми явлениями в ней знакомили толстые литературные и общественно-политические журналы, имевшие рубрики «Новости иностранной литературы». Книги французских писателей читали в переводах на русский язык и в оригинале, в том числе и новой звезды – Романа Роллана, который в десяти книгах романа «Жан-Кристоф» (Нобелевская премия по литературе 1915 г.) через образ гениального композитора показал «новое поколение, переходящее от одной войны к другой: от 1870 года к 1914 году».

¹ Тарле Е. В. Франко-русский союз. Т. I: Зачатки современной войны, отд. I: Россия и ее союзники перед Великой войной. М., [1916]. С. 105.

С началом военных действий симпатии к Франции, и так широко распространенные среди образованного российского общества, получили дополнительный импульс. Происходившие события этому способствовали. Германские войска, захватив Люксембург и Бельгию, вторглись в глубь страны. Опасность нависла над Парижем: *«Теперь, когда кипит всемирная война / И гибнут в пламени бессильные народы, / О, Франция, купель священная свободы, / Да будешь ты судьбой навек сохранена»*, – взывал поэт-символист Д. Цензор¹. С 4 сентября начал подвергаться артиллерийскому обстрелу Реймский собор. Ценой огромных потерь в битве на Марне французы при поддержке английских войск не только остановили продвижение немцев, но и заставили их отступить. 13 сентября они вернули себе Реймс. Эти события нашли мгновенный живейший сочувственный отклик в среде творческой интеллигенции. *«Что сотворили вы над реймским братом?»* – риторическим вопросом заканчивалось стихотворение О. Мандельштама «Реймс и Кельн». Поврежденному в результате артобстрелов Реймскому собору адресовалось не одно проникнутое болью поэтическое посвящение. Среди них – стихи А. Мейснера (*«Пройдут века... Промчатся реки... / Ты, – чудо всех чудес старей, / Расскажешь о двадцатом веке / И назовешь его зверей...»*) и Н. Архангельского (*«Приди же, Франция, как к сыну дорогом, / К собору древнему – он в ранах изнемог. / Закрой глаза ему, разбитому, больному, / Прими молитвенно его последний вздох»*). Они в числе других, написанных в первые три месяца войны, попали на страницы сборника «Современная война в русской поэзии»².

Росту симпатий по отношению к Франции способствовали журналистские и книжные публикации, оперативно вышедшие в свет. «Наш Париж» – так назывался эмоциональный, помещенный на обороте обложки «Голоса жизни» очерк Е. П. Семенова, много лет прожившего во Франции: *«В нем природа, время и люди сосредоточили все, что нужно человеку, все источники жизни, знания, радостей бытия, тела и духа. Парижское небо, воздух, дома, улицы, площади, бульвары, Сена, каналы, сады, парки, Булонский лес, пригороды, холмы <...> музеи, театры, верхи церквей, триумфальных арок, башен и колонн, памятники славы военной, доблести гражданской, разностороннего гения всех областей творчества, – все это ярко, все это трепещет радостью, весельем, любовью, все это полно гармонии, вкуса, все это прекрасно <...> И этот Париж хотели взять немцы. <...> “Наш Париж” избежал нашествия и позора германских насилий и разрушения, избежал, правда, дорогой ценою. Он опустел, притих, притаился. Художественные, научные, исторические ценности увезены, спрятаны. Театры закрыты, как и учебные заведения <...> почти все мужское, способное носить оружие, население ушло на войну. Многие зажиточные и богатые семьи уехали на запад, особенно на юг. Население уменьшилось на две трети. <...> “Наш Париж” притаился и ждет возврата*

¹ Современная война в русской поэзии. Вып. [1–2] / [сост.] Б. Глинский. Пг.: Тип. т-ва А. С. Суворина «Новое время», 1915. Вып. 1. С. 177.

² Там же. С. 180, 183–184.

„НАШЪ ПАРИЖЪ“.

Статья Е. П. Семенова.

Такъ его называютъ мои парижскіе друзья въ своихъ письмахъ ко мнѣ. Письма теперь доходятъ правильно,—черезъ три недѣли, но доходятъ.

„Нашъ Парижъ“—такъ его называютъ и можетъ называть всѣми, кто его знаетъ, кто въ немъ жилъ, кто его любитъ.

Какой городъ, кромѣ а послѣ родного, а всегда и до родного,—лучше, выше, совершеннѣе Парижа! Какой городъ въ мірѣ можетъ даже просто сравниться съ нимъ?

Въ немъ природа, время и люди сосредоточили все, что нужно человѣку, всѣ источники жизни, знания, радостей бытія, тѣла и духа. Парижское небо, воздухъ, дома, улицы, площади, бульвары, Сена, каналы, сады, парки, Булонскій лѣсъ, пригороды, холмы: Монмартръ, Вюгъ-Шомонъ, Св. Женевьевъ—катакомбы, подземелья, музеи, театры, верхи церквей, триумфальныхъ арокъ, башенъ и колоннъ, памятники славы военной, доблести гражданской, разносторонняго гения всѣхъ областей творчества,—все это ядро, все это трепещетъ радостью, весельемъ, любовью, все это полно гармоніи, вкуса, все прекрасно, все говоритъ своимъ и чужимъ:

— Мы созданы французскою природою, во мы—ваша, для васъ, для людей, для человечества, для познания, для радости, для жизни, для счастья. Берите насъ. Насъ хватитъ для всѣхъ. Мы—ваша... Нашъ Парижъ“.

И этотъ Парижъ хотѣли взять иѣмцы. И армія Клука двигалась къ нему быстрыми переходами, а Вильгельмъ II, всю жизнь мечтавшій о немъ, хотѣлъ въ немъ позавтракать на-славу. И готовилось высшее злодѣйство, которое заставило бы содрогнуться весь міръ, ибо оно превзошло бы всѣ ужасы, когда либо пережитые міромъ: Лувръ, Реймсъ, Маламъ побѣдились въ памяти людей предъ этимъ новымъ бѣдствіемъ. По оно къ счастью было предотвращено гениемъ Жоффра и выдержкой французсовъ. „Нашъ Парижъ“ избежалъ нашествія и позора германскихъ нашествій и разрушенія, избежалъ, правда, дорогой цѣны. Онъ опустѣлъ, притихъ, притаился. Художественныя, научныя, историческія цѣнности увезены, спрятаны.

Театры закрыты, какъ и учебныя заведенія, какъ и всѣ переведенныя въ Бордо учрежденія, въ которыхъ всегда полнымъ темпомъ бѣгъ умственная и политическая жизнь страны. Редакціи влиятельныхъ газетъ раздвоены, главные силы ихъ находятся въ Бордо, а въ Парижѣ остались только замѣстители. Выходящіе нѣсколькими изданіями газеты выходятъ теперь только разъ въ день, причемъ разносчики ихъ—знаменитые камдо—не могутъ выкрикивать ни содержа-

нія. Если закрыты уже въ 9 час. вечера, и всегда шумный, веселый, бурлившій жизнью и настроеніемъ „нашъ Парижъ“ замираетъ въ темнотѣ и тишинѣ на всю ночь.

Но сумраченъ, сосредоточенно серьезенъ и озабоченъ онъ и въ течение цѣлаго дня.

Почти все мужское, способное носить оружіе, население ушло на войну. Многіе зажиточныя и богатыя семьи убѣжали на западъ, особенно на югъ. Население уменьшилось на двѣ трети. „Нашъ Парижъ“ въ извѣстные часы дня, особенно въ аристократическихъ кварталахъ Елисейскихъ полей, Насси, Отейль, принялъ обликъ степеняго провинціального города.

„Опустѣлъ нашъ великій Парижъ,—пишетъ мнѣ сынъ.—но варвары до него не добрались. Это—самое главное, самое важное. Жители начинаютъ уже возвращаться, но онъ все-таки пока обезкровленъ. Улицы пустыны. Когда ходишь по нимъ, то при малѣйшемъ необходимомъ шумѣ, поднимаешь голову въ ожиданіи увидѣть „грязную птицу“ (такъ парижане прозвали иѣмцевъ аэропланы системы Таубе). Это—единственное здѣсь, съ позволенія сказать, развлеченіе сѣчасъ. Другое развлеченіе—военные автомобили (другіе такъ рѣдки), въ которыхъ везутъ либо трофеи съ полей битвы,—но мы ихъ не видимъ: ихъ быстро провозятъ теперь прямо въ Домъ Инвалидовъ,—либо англискихъ офицеровъ, встрѣчаемыхъ всегда сочувственными возгласами и дружеской улыбкой.

„Благодаря правящимъ военнымъ губернаторамъ Парижа, генераламъ Галлиени, мѣрамъ, мировой городъ обезпечивъ сравнительно дешевыми пищевыми продуктами, которые въ изобилии и правильно возвозятся изъ окрестностей. А массовъ мы обезпечены надолго: весь Булонскій лѣсъ раздѣленъ на участки, забаррикадированные отъ публики и переполненные рогатымъ скотомъ и всякой живностью. Въ этомъ отношеніи, какъ и въ часто военномъ и стратегическомъ, Галлиени оказался на высотѣ, на которой, со времени завоеванія Мадагаскара, онъ стоялъ въ миѣнн французовъ. Населеніе въ него вѣрится слѣпо и его обожаетъ“.

„Нашъ Парижъ“ притаялся и ждетъ возврата счастливыхъ дней и лучшаго будущаго, въ которое твердо вѣритъ.

Не напрасны были жертвы и подвиги—„нашъ Парижъ“ спасенъ и иѣмцамъ не достался. Чистъ и великъ онъ остался для Франціи и для всего человечества.

И онъ, какъ былъ, будетъ и впредь—„нашъ Парижъ“ для всякаго культурнаго сына современнаго человечества, будетъ городомъ-свѣточемъ, залогомъ новой величайшей побѣды права надъ насиліемъ, культуры надъ варварствомъ. И вступать въ него не враги-побѣдители, а друзья и союзники на праздникъ міра. Ибо кто, какою другою городъ сможетъ устроить такой праздникъ, какой тогда устроитъ

счастливыхъ дней и лучшаго будущаго, в которое твердо верит. <...> И он, как был, будет и впредь — “Наш Париж” для всякого культурного сына современного человечества, будет городом — свѣточем, залогом новой и величайшей победы права над насиліем, культуры над варварством. И вступая в него не враги-побѣдители, а друзья и союзники на праздникъ мира»¹. Слова автора, незадолго до начала войны вернувшегося из Франціи в Россію и опубликовавшего книгу воспоминаній о ней², были обращены в самое сердце читателя.

Вышедшіе публикации претендовали на сиюминутный показ жизни французов в тылу и военных будней солдат на фронте. В них много эмоций, но немало и объективной информации, что было особенно злободневно. Таковы «Парижские впечатленія» театральнаго критика, редактора журнала «Нива» В. Я. Светлова³, оказавшагося в августѣ 1914 г. в столицѣ Франціи: «Мы, кото-

¹ Семенов Е. П. Наш Париж // Голос жизни. 1914. № 3.

² Семенов Е. П. В странѣ изгнанія: (Из записной книжки корреспондента): Из воспоминаній Е. П. Семенова. 2-е изд. СПб.: Европ. изд-во, 1912. [8], 213 с.

³ Светлов В. Я. Парижскіе впечатленія (Август 1914 г.) // Ист. вѣстн. Ист.-лит. журн. 1915. Т. 139. С. 826–838; Т. 140. С. 157–171.

рым довелось жить в Париже в эти исторические дни, никогда, я думаю, их не забудем. Мобилизация, которой так боялись наши скептики, вызвала такую силу общего энтузиазма, что в этом порыве, как в грандиозном костре, превратились в пепел все партийные раздоры и разделения. И вот, как по волшебству, исчезли социалисты, анархисты, радикалы и все остальные, и перед нами оказался единый в своей цельности, в своем патриотическом порыве благородный французский народ. Первый день мобилизации прошел как-то торжественно и благоговейно, точно весь народ присутствовал в храме. <...> На всех лицах какое-то сознание величия переживаемого исторического момента. Чинно, строго, с серьезными, но не печальными, а радостными лицами шли призывные в свои участки и отправлялись на вокзалы. Надо было видеть, с каким чувством, с каким молчаливым экстазом провожала их толпа на бульварах. Снимали шапки, махали платками. Кое-где, опять-таки сдержанно, чтобы не нарушить торжественность минуты, раздавались крики: – Vive la France! Vive la Russie! Vive l'armée!»¹

Неиссякаемый оптимизм, подчас выраженный в гипертрофированной форме, вообще характерен для многих очерков, написанных по горячим следам событий. Но он отражает уверенность французов в исторической правоте своей родины, которая, обороняясь от германской агрессии, защищала и европейскую культуру. В одной из книг, написанной русским, оказавшимся во Франции в начале войны, можно прочесть: «Что же сплотило нацию? Что создало этот неослабевающий подъем? Тот идеал французской нации, о котором за последние годы мы забыли, – свобода, равенство и братство, слова, поистине начертанные на храмах и общественных зданиях, но и в сердцах французов. За свободу маленьких стран, за равенство сильного и слабого, за братство людей, гибнувшее под натиском прусского кулака, поднялся весь французский народ, и неудержимая ненависть, давно тлевшая во Франции, ненависть к “les boches” (как зовут они немцев) разлилась по всей стране. Ни территориальные приобретения, ни какие-либо выгоды не нужны французам. Они хотят уничтожить преграду, поставленную немцами, мирному, культурному развитию народов»².

Среди появившихся публикаций были разные по глубине погружения в материал и широте попавших в поле зрения тем. Однако их актуальность, с учетом обстоятельств и времени их появления, была бесспорна. Такими были брошюра Б. И. Имшенецкого «Франция»³ или короткий очерк Е. Э. Сно «Наша союзница Франция», целиком занявший весь номер журнала «Война»⁴,

¹ Светлов В. Я. Парижские впечатления (Август 1914 г.). Т. 139. С. 833.

² Телепнев Б. В. По Европе во время войны. М.: Наша жизнь, 1916. С. 58.

³ Имшенецкий Б. И. Франция: Ее история в прошлом и настоящем, бытовая, экономическая и политическая жизнь, мировое значение, вооружение и мощь ее. Пг.: Тип. И. В. Леонтьева, 1914. 34 с.

⁴ Сно Е. Э. Наша союзница Франция: [Попул.-этногр. очерк Евгения С.] // Война. 1914. № 3. С. 3–14.

цветная обложка которого иллюстрировала его основной посыл: девушки – россиянка и француженка в обрамлении виньетки в цветах французского триколора – сплелись ладонями. С рассчитанной на абсолютно непросвещенного читателя книжкой «Франция и Россия» выступил известный педагог Б. Н. Жаворонков¹. «Много ли найдется таких, которые хорошо представляли себе Францию, знали бы, какова она, чем отличается от нашей родины, почему она в союзе с Россией и воюет с Германией?» – задает риторические вопросы автор и отвечает на них в самой доступной форме. Например, «у французов республика, т. е. нет государя, а управляет сам народ, выбирая депутатов и сенаторов, а те президента».

Что же делает президент? «Сносится с другими государствами», «следит, чтобы во Франции все было по закону», «президент живет в Париже, на берегу Сены, в Елисейском дворце, среди зеленого парка» и т. д. О причине мировой войны сказано так: «Француз войны не хотел... Сама Германия захотела воевать и с Францией, и с Россией. Ее смущало стремление французов расширять свои колонии и торговлю и нежелание России возобновлять торговый договор, приносивший немцам 1 миллиард дохода ежегодно». Содержащийся в брошюре рассказ об основных фактах истории Франции и русско-французских связей сориентирован на внушение благожелательного отношения к союзнице. Видимо, и такая литература была в то время полезна и востребована.

Более глубокими по своему содержанию были тексты, помещенные в сборнике «Франция» (1915). И неудивительно: принадлежали они известному экономисту и писателю А. С. Белевскому (псевдоним «Белорусов»)² – постоянно корреспонденту газеты «Русские ведомости» в Париже, автору очерков о Франции в журналах «Вестник Европы», «Русское богатство». Открывая сборник, он писал: «Книга эта – сборник статей, написанных до войны. В них не нашел своего выражения тот громадный духовный подъем, который в эти дни смертельной опасности охватил Францию и придал ей новую и возвышенную красоту. Оттого-то и звучит в моих писаниях скептическая нота. Но “Прекрасную Францию” я, тем не менее, ценю высоко и люблю, – и я был бы счастлив, если бы след переживаемого подъема оказался прочным...»³

¹ Жаворонков Б. Н. Франция и Россия. М.: Т-во «И. Н. Кушнерев и К^о», 1914. 31 с.

² Белорусов А. Франция: [сб. ст.]. М.: Кн. изд-во писателей, 1915. 308 с.

³ Там же. С. 1.

В разных изданиях, чаще всего в журнале «Современный мир» и в газете «Киевская мысль», печатались очерки Н. Тасина (Наума Когана). Он жил в Париже, собственными глазами наблюдал события, из первых рук получал информацию и трансформировал ее в многочисленные очерки. В расширенном виде они легли в основу его книги «По воюющей Франции»¹, охватывавшей период с конца июля 1914 до конца апреля 1915 г. Конечно, от нее, как и от других книг, вышедших по горячим следам событий, не стоит ожидать последовательного, научно выверенного изложения событий. Автор отдает себе в этом отчет и предупреждает: еще не настало время для истории Великой войны, но «оче-

*видцы отдельных эпизодов великой мировой драмы наших дней, – хотя бы поле наблюдения их ограничивалось одним каким-либо уголком охваченной войной огромной площади, – могут дать будущим историкам материал для уразумения этой войны, – тот живой, фактический материал, который составляет душу истории»*².

Тасин погружает читателя в жизнь Парижа последних предвоенных дней, лихорадочно возбужденного, растерянного, наполненного тревогой за будущее и распаленного убийством Жана Жореса. Но объявление войны все изменило – «во Франции исчезли партии и фракции, тушевались разногласия». Даже Эдуард Вальян, ветеран французского социализма, участник Коммуны 1870 г., «который еще неделю тому назад горячо проповедовал всеобщую забастовку на случай войны», теперь заявил: «На нас нападают – и мы должны исполнить свой долг перед отечеством и республикой». Густав Эрве, годами призывавший к открытому восстанию против буржуазного строя, «отложил в сторону красное знамя и заменил его трехцветным»³.

Изменился и быт парижан. Мобилизовали в армию множество мужчин: «Я знаю семьи, – пишет Тасин, – из которых ушло на войну пять, шесть и более человек». Мобилизованных трамвайных и поездных кондукторов заменили их жены. Закрылись многие конторы, фабрики, магазины, некоторые из них сообщали: «До возвращения из Берлина». Немецкие магазины и кафе попро-

¹ Тасин Н. (Коган Н. Я.). По воюющей Франции. Пг.: Книгоизд-во М. В. Попова, 1916. 175 с.

² Там же. С. 3.

³ Там же. С. 12–13.

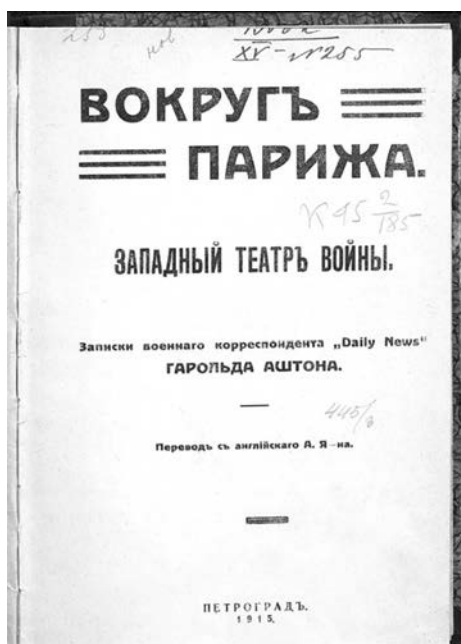
сту разгромили, а принадлежавшие французам обезопасили себя предупреждением: «*фирма французская*», «*владелец и почти все служащие мобилизованы*», «*да здравствует Франция*». С улиц исчезли взятые на войну автомобили, даже автобусы. Не стало ночного Парижа, световые рекламы запретили, театры и увеселительные заведения не работали, после 8 часов вечера улицы становились почти совершенно пустыми. Столицу покинули многие богатые люди, да и не только: в полицейской префектуре и в мэриях охотно выдавали желающим уехать бесплатные билеты – так стремились освободиться от тех, кто мешал бы выдерживать ожидавшуюся осаду. 2 сентября 1914 г. и само правительство переехало в Бордо. И тем не менее «*война эта популярна: мечта о реванше, которую французы лелеют с 1871 года, кажется близкой к осуществлению. Рана, которую немцы нанесли французам сорок три года назад и которая в последние годы, казалось, стала заживать, снова раскрылась, как будто Седан был только вчера*»¹. В начале войны еще сильна была вера в то, что французская армия победоносно дойдет до Берлина, и там будет диктовать условия мира. Боевые действия, а Тасин описывает их ход в районах Арраса, Компьена, Амьенна, Суассона, Марны, в других местах, поколебали уверенность в быстрой победе. Но тяжелые потери бельгийцев, англичан, французов, страдания и жертвы местного населения, оказавшегося в зоне сражений, не сломили волю к сопротивлению. В этом пафос книги.

Дефицит информации из воюющей Франции компенсировался переводом работ иностранных подданных, в частности британских военных корреспондентов. Так в 1915 г. на русском языке появилась книга очерков англичанина, военного корреспондента газеты «Daily News» Гарольда Аштона «Вокруг Парижа»². Его зарисовки точно передавали изменившуюся атмосферу жизни французов: «*Наконец, Париж. Не старый, веселый, ликующий Париж, оставшийся в моих легкомысленных воспоминаниях, а город, старающийся улыбнуться, и, несмотря на это, унылый. Вечер. Веселье бульваров теперь только мерцает маленьким огоньком. Улицы по ту стороны Сены темны, дома заперты, огни потушены; все лавки закрыты и грустные консьержки, сгорбившись, сидят у своих порогов*»³. Аштона интересует не только городской быт военного времени, но и сама война. Во фронтовых заметках Аштон приподнял, по его словам, крошечный уголок завесы войны, рассказал о неделе в Северном море и о длинном ряде дней, проведенных в Северной Франции. Пафос его очерков – в прославлении армии союзников, и особенно английского солдата: «*Мужество союзных войск беспредельно и изумительно. Братья по оружию, братья по несчастью, братья в победе, они сражаются с вдохновенной храбростью. И посреди всего этого – Томми, наш славный Томми, загорелый, закаленный, измощенный и запыленный, поддерживающий в своих*

¹ Тасин Н. (Коган Н. Я.). По воюющей Франции. С. 22.

² Аштон Г. Вокруг Парижа. Западнй театр войны: записки военного корреспондента.

³ Там же. С. 43.

товарищах высокое мужество, когда быстрые, молчаливые транспорты перебрасывают его на берега Франции...»¹

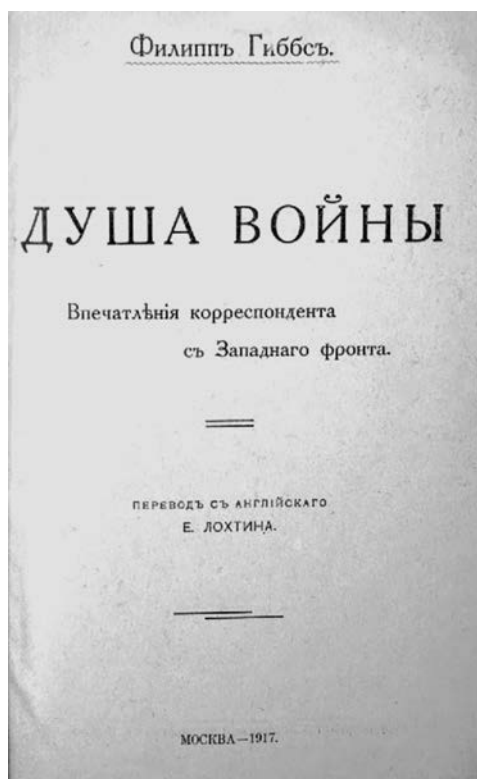
Значительно содержательней во всех отношениях книга наблюдений Ф. Гиббса, англичанина, не один месяц проведенного в воюющей Франции². Он пишет: «Немало французских деревень было захвачено страшным ураганом нашествия, и не одна бедная женщина поседела в это время. В продолжение длинных месяцев осадной войны на картах помещалась длинная черная полоса, и эти карты печатались по всему миру изо дня в день с удручающим однообразием. Интересно было бы знать, многие ли понимают значение этой полосы, обозначающей длину немецкого фронта во Франции, и многие ли представляют в своем уме черную полосу всех сожженных и разграбленных деревень в десять миль шириной. Не менее интересно знать, сколько людей, ищущих в газетах героических штыковых атак или леденящих кровь рассказов о том, как рядовой Джон Смит в единственном числе удерживал целый корпус с улыбкой на устах, представляли себе, хотя бы смутно, бегство несчастных жителей этой полосы, страх женщин и детей, попавших в эту адскую западню, и отвратительное зрелище длинных дорог Франции, где мертвые тела лежали и гнили под дождем и солнцем, а жилища крестьян представляли развалины от Артуа до Лотарингии»³.

¹ Аштон Г. Вокруг Парижа. Западный театр войны: записки военного корреспондента. С. 165–166.

² Гиббс Ф. Душа войны. Впечатления корреспондента с Западного фронта / пер. с англ. Е. Лохтина. М., 1917. 230 с.

³ Там же. С. 113–114.

Совместная борьба с немецким агрессором укрепляла симпатии к союзникам, и в этом значительную роль играли репортажи и очерки о военных действиях за рубежом в переводе на русский язык. В 1915 г. появился изданный штабом русской 12-й армии краткий обзор кампании 1914 г. на французо-бельгийском театре военных действий¹. Брошюра была составлена «известным французским военным писателем», как написано в предисловии к русскому изданию. Автор подробно останавливается на характере действий и замыслах противника – германской армии. Главная цель русского издания явствует из высказанного в предисловии убеждения, что русский читатель брошюры, «ознакомившись с этим искренним обзором прошедших событий, их причинами и последствиями, проникнется полным доверием к силе французской армии».

В 1916 г. в России вышел перевод книги журналиста и многолетнего депутата французского парламента Жозефа Рейнака «Война на Западном фронте»². Предисловие к русскому изданию, по просьбе посла России в Париже А. П. Извольского, написал президент Франции Р. Пуанкаре: «Франция гордится теперь присутствием на своей земле русских войск, связанных с нею узами братства и прибывших для завершения общей освободительной цели. Недавно я видел вместе с Вами этих чудесных солдат. Они достойны тех, которые в эти недавние дни достигли столь блестящих успехов в Воьлыни, Буковине и Галиции, равно как и тех, которые овладели Эрзерумом и Трапезундом. Так как мое письмо должно сопровождать книгу, излагающую боевую деятельность Франции и, следовательно, оно дойдет до храбрых Армий, столь блестяще сражающихся под Верховным Командованием Его Императорского Величества, то позвольте мне воспользоваться предоставленным Вами случаем для того, чтобы принести этим героическим войскам прочувствованную дань восхищения Франции»³.

Практику ретрансляции зарубежных публикаций продолжил известный литератор, автор многих книг Н. М. Лагов. В книге «Французские рассказы

¹ Кампания 1914 года на французо-бельгийском театре военных действий. 27 с.

² Рейнак Ж. Война на Западном фронте. 270 с.

³ Там же. С. VII–VIII.

с фронта» он, используя материалы французского Генерального штаба, ярко охарактеризовал французских военачальников, в том числе главнокомандующего армиями Севера и Востока Жозефа Жоффра (как отмечает Лагов, соотечественники *«любят его и питают к нему непоколебимое доверие»*), командующего группой армий «Север» Фердинанда Фоша (*«он из числа тех полководцев, которые умеют привязать к себе свои войска и добиваются от них высшей возможной работы»*), командующего 2-й армией, а затем группой армий при оборонительных боях в Шампани Ноэля де Кастельно (*«некоторые французские генералы уже питали опасения, но де Кастельно был непоколебим»*), заменившего де Кастельно при наступлении в Шампани Филиппа Петена (*«представляет собой одну из оригинальнейших и наиболее выдающихся личностей возрожденной героической Франции»*)¹. Лагов шаг за шагом описывает боевые операции французских и английских войск под руководством этих генералов, акцентирует внимание на героизме союзников, без тени сомнения заверяет в грядущей победе: *«Разгоряченные успехом союзные войска наступают с увлечением и уверенностью. Они знают, что встретят еще новые препятствия, которые задержат их наступление и даже, может быть, остановят его на некоторое время. Но у них есть и возможность, и желание*

¹ Французские рассказы с фронта: с начала войны по октябрь 1915 г.: [по документам французского Военного министерства] / обраб. и пер. Н. М. Лагов. 7-е (2-е ил.) изд. Пг.: Т-во А. С. Суворина «Новое время», 1916. 262 с.

победить. И никакие затруднения не смогут ослабить их усилия»¹. Официальные круги России высоко оценили воспитательный потенциал книги. Начальник российского Генерального штаба предписанием от 4 июня 1916 г. обязал командующих военными округами обеспечить возможно широкое ознакомление с книгой Лагова офицеров и нижних чинов. Министерство народного просвещения рекомендовало пополнять ею народные библиотеки и читальни, а Священный Синод допустил ее в библиотеки низших и средних духовно-учебных заведений.

Привлечению внимания к Франции способствовал и еще один поворот в российско-французских отношениях. На территории Франции воевали не только солдаты и офицеры Русского экспедиционного корпуса, но и российские волонтеры в Иностранном легионе. В него записались многие из тех, кого война застала во Франции и кто не имел по разным причинам возможности вернуться домой. О российских волонтерах во французской армии, их вкладе в совместную борьбу с немецкими агрессорами и цене, которую они заплатили за свою самоотверженность, рассказывает книга В. И. Лебедева². Он, выпускник Тифлисского пехотного училища, участник Русско-японской войны, с 1908 г. находился в эмиграции во Франции, являлся одним из редакторов эсеровского журнала «За народ». Когда началась Первая мировая война, Лебедев вступил добровольцем во французский Иностранный легион. Был военным корреспондентом французских газет, публиковался в «Русских ведомостях», его корреспонденции вылились в книгу, которую отличала несомненная компетентность автора.

Количество волонтеров, по рассказу Лебедева, было велико: *«Четыре тысячи русских поступили только до 1-го декабря 1914 г. в ряды армий Французской республики по своей свободной воле»*³. Состав волонтеров был разнороден, большую часть составляли эмигранты, но не только они. Перед В. И. Лебедевым, тоже вступившим во Французский легион, произведенным в лейтенанты и посланным командованием инспектировать положение волонтеров в различных местах размещения, по его словам, на собеседовании предстали россияне всех национальностей, положений и состояний: *«Инженеры, художники, еврейский драматург, студенты, директора контор, служащие в банках, строитель тоннеля сквозь Пиренеи, изобретатель по прожекторам, нотный издатель, эмигранты, рабочие, раньше работавшие в “немцах” и спасшиеся во Францию, матросы коммерческих судов, запасные, съехавшиеся из Англии, Бельгии, Швейцарии и иных нейтральных стран, из Африки и даже далекой Америки нарочито для поступления в армию, простые запасные русские солдаты, ни слова не понимающие по-французски, латыши, поляки, малороссы, велико-*

¹ Французские рассказы с фронта: с начала войны по октябрь 1915 г.: [по документам французского Военного министерства]. С. 262.

² Лебедев В. Из рядов французской армии. Русские волонтеры во Франции. Очерки французского фронта и тыла. В Македонии. 256 с.

³ Там же. С. 75.

россы, литовец, финлянец (так в тексте. – И. Ч.), несколько татар, грузин, армян, один чуваш, десяток казаков, и евреи, евреи без конца»¹. Француз-капрал хвастался: «У меня в отделении есть один депутат первой Думы *Онирко*». На самом деле Федот Матвеевич Онирко, опубликовавший «Записки волонтера»², был не единственным российским парламентарием во Французском легионе, состоял в нем и депутат 3-й Государственной думы Терентий Осипович Белоусов.

Зачислению во Французский легион не препятствовали политические взгляды. В книге Лебедева промелькнули имена анархиста Ростовцева, народника Волжина, социал-демократов Юрша, Попова, Глатенюка, Алуксинского и других солдат-легионеров с партийным прошлым. Особенно заметный след оставил капрал Французского легиона Зиновий Алексеевич Пешков – младший брат Я. М. Свердлова, который после революции 1917 г. стал председателем ВЦИК РСФСР. Фамилию Пешков он взял как приемный сын М. Горького. В боях под Аррасом Пешков потерял руку в результате ранения, после реабилитации был восстановлен в Легионе, продолжал служить, в 1943 г. получил звание генерала, в 1943–1949 гг. являлся главой французских дипломатических миссий в Китае и Японии в ранге посла.

Почему эти люди, разные по политическим взглядам и социальному положению, вступили во Французский легион? Лебедев задал этот вопрос солдатам и получил ответ: «Сражаться за правду», другой уточнил (он был евреем): «За еврейский народ»³. Но в большинстве объясняли желание идти на войну гуманистическими побуждениями. В начале войны эмигранты в Париже обсуждали линию поведения: надо ли придать участию во французской армии характер политического выступления или мотивом считать обязанность взяться за оружие во имя самообороны от агрессора? В. И. Лебедев пишет: «Германия огнем и мечом проходила ни в чем не повинные провинции. Наша обязанность – защитить их... Вот, несомненно, общее всем чувство»⁴. И, завершая размышления о нравственном подвиге русских волонтеров, Лебедев, может быть, патетически, но искренне говорит: «Мы идем до рокового, до самого “реального конца”, – идем за то же самое дело, которому отдали всю свою жизнь, и верим и уже видим великую пользу нашего шага...»⁵

Российское общество отвечало симпатией и участием сражающейся Франции. Это было отношение людей, которые глубоко восприняли французскую культуру и сопереживали французскому народу в связи с несчастьями, выпав-

¹ Лебедев В. Из рядов французской армии. Русские волонтеры во Франции. Очерки французского фронта и тыла. В Македонии. С. 47–48.

² Онирко Ф. М. Записки волонтера // Ежемес. журн. 1916. № 1. С. 241–256; № 2. С. 275–294.

³ Лебедев В. Из рядов французской армии. Русские волонтеры во Франции. Очерки французского фронта и тыла. С. 70.

⁴ Там же. С. 78–79.

⁵ Там же. С. 90.

шими на его долю из-за вторжения врага. Франция надеялась на Россию и не разочаровалась в своих надеждах на помощь с ее стороны в самые тяжелые моменты битвы за Париж, да и на протяжении всей войны. Так, в августе 1914 г., в разгар германского наступления на Париж, во исполнение союзнических обязательств 1-я и 2-я русские армии начали вторжение в Восточную Пруссию с тем, чтобы отвлечь на себя немецкие войска. Два немецких корпуса и конная дивизия были сняты с Французского и срочно отправлены на Восточный фронт. В конечном итоге германские войска проиграли сражение на Марне. Париж был спасен, а ведь Германия находилась в шаге от победы, – немецкие солдаты уже видели Эйфелеву башню. И еще: в марте 1916 г. Россия по просьбе Франции с целью помощи осажденному Вердену предприняла силами 10-й армии Нарочскую операцию. И хотя она не принесла русским войскам успеха, ее стратегическая цель была достигнута – натиск немецких войск на французский Верден удалось сдержать.

2.2. «Он наш союзник, мы связаны узами крови»: русская печать о Великобритании и английских солдатах

Отношения с Великобританией на государственном уровне в отличие от русско-французских зачастую были крайне недружественными, во многих международных конфликтах крайне напряженными, а российское общественное мнение относительно перспектив и последствий укрепления военно-политических связей с ней полярно расколото. В общественном сознании отчетливо проявлялись как пробританские, так и антибританские настроения, каждое из течений, англофильское и англофобское, характеризовалось своими политическими пристрастиями, культурными предпочтениями и экономическими интересами, в той или иной степени влиявшими на внешнюю политику и векторы ее развития, отнюдь не постоянные и в зависимости от обстоятельств менявшие свое направление.

Многие представители российской интеллигенции активно поддерживали укрепление связей с Великобританией, страной, которая накопила богатейшие традиции в гуманитарной сфере и охотно делилась ими с иностранцами. Этим широко пользовались подданные Российской империи. Постоянный интерес к себе вызывала британская литература, с ее новинками знакомили журналы. По меткому замечанию М. Е. Сороки, *«зная Англию по книгам и понаслышке, сентиментальные англофилы в своем воображении наделяли далекую страну теми качествами, которых им так недоставало на родине: уважение к человеческой личности, скрупулезная честность, справедливость разумных законов, сочувствие слабым и обездоленным. Те, кто сомневались в себе или в России и искали путей к самосовершенствованию, рано или поздно открывали английскую философию»*¹. Но не только философия.

¹ Сорока М. Е. «Просвещенные мореплаватели»: англичане в восприятии русских до и во время Первой мировой войны // Рос. история. 2010. № 5. С. 49.

Поучительный опыт развития и модернизации Великобритании (ее политическая история; проблемы конституционализма, парламентаризма, разделения властей и прав человека; колониальная политика и становление доминионов; социальные аспекты жизни, трудовые права, профессиональная самоорганизация рабочих, движение за женское равноправие; градостроительство и быт; народное образование от начального до университетского) раскрывался в работах, рассчитанных на широкого читателя. Вне конкуренции в этом отношении был неутомимый и страстный популяризатор английских общественных институтов и успехов британских доминионов П. Г. Мижуев, которого все эти темы интересовали не сами по себе, он постоянно проводил сравнения с российской действительностью, и английский опыт выступал у него тем образцом, который полезно перенять и в России¹. Англomanия Мижуева могла выглядеть даже чрезмерной в глазах самих симпатизантов Англии. *«Правда, нам кажется, что местами автор слишком уж восторженно относится к Англии»,* – отметил молодой тогда Е. В. Тарле в рецензии на одну из его книг. И далее: *«Мижуев увлекается, действительно, высоким государственным смыслом великого народа, который создал и утвердил личную и политическую свободу, внес разум и человечески-достойную жизнь в самые глухие дебри земного шара. Не одного Мижуева охватывало (и может охватить) чувство, близкое к благоговению, от сравнения некоторых сторон английской истории и действительности – с историей и действительностью континентальными. Нужно только не давать этому чувству ослеплять себя»*².

Словом, англomanия была распространена, и прежде всего в среде либеральных интеллектуалов, тех, кто не просто любил английскую культуру, но ценил британскую политическую систему с ее традициями и институтами. Это о них говорил П. Н. Милюков, утверждая, что благодаря очеркам из Лондона сотрудника «Русских ведомостей» И. В. Шкловского, печатавшегося под псевдонимом «Дионео», *«вся Россия следила за успехами прогрессивных идей в старой стране политической свободы»*³. Российские книгоиздатели массово издавали английскую художественную, научную и техническую литературу, студенты приезжали в английские университеты для завершения обучения, ученые повышали квалификацию, а добившиеся международного признания сами получали научные отличия. Курс на сближение с Великобританией был поддержан заметной и наиболее активной частью образованного российского общества.

В то же время значительная часть российского общества за много лет до начала Великой войны была пропитана англофобией. Ее широкое распро-

¹ См.: Чикалова И. Р. Знаторк англо-саксонского мира Павел Григорьевич Мижуев // И. Р. Чикалова. Великобритания: изучение в Российской империи (XIX – начало XX в.). СПб.: Алетейя, 2017. С. 314–361.

² Тарле Е. В. [Рецензия]: П. Г. Мижуев. История колониальной империи и колониальной политики Англии. СПб., 1902 г. // Мир Божий. 1903. № 1. С. 74–75.

³ Милюков П. Н. Воспоминания (1859–1917): в 2 т. / под ред. М. М. Карповича и Б. И. Элькина. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955. Т. 1. С. 216.

странение в обществе и устойчивый характер имели свои основания. В общественной памяти прочными были воспоминания о русско-британском враждебном противостоянии на протяжении всего XIX в. в Центральной Азии и на Среднем Востоке, о Крымской войне, неприкрытой враждебности Великобритании в годы Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Последующие англо-русские отношения также не были безоблачными: в Русско-японской войне 1904–1905 гг. антирусская политика поддерживавшей Японию Англии давала основания для резкого недовольства и критических выступлений. Эти нюансы отметил известный англовед того времени А. Н. Савин в работе «Англо-русское сближение в связи с образованием Тройственного соглашения»: *«Отношения России с Англией начались давно, триста шестьдесят два года тому назад, но англо-русская близость очень молода: ей нет еще и десяти лет»*¹.

В отличие от длительной истории тесных позитивных контактов с Германией период англо-русского сближения начался только после Русско-японской войны и революции 1905–1907 гг., когда потеряли основания английские опасения относительно русской гегемонии в Азии, а главное – в Европе перед Англией возникла угроза устрашающего роста немецкой военно-политической и хозяйственной мощи. 31 августа 1907 г. было подписано русско-английское соглашение, оно урегулировало отношения в Персии, Афганистане и Тибете, но его значение вышло далеко за рамки колониальных вопросов. Как писал А. Н. Савин, *«англо-русская вражда кончилась, началась англо-русская дружба и тесно переплелась с дружбой англо-французской. 31 августа 1907 года родилось тройственное согласие наших дней»*².

Однако, несмотря на подписание соглашения, в среде российских консерваторов англофобия не исчезла. Ее вызывало не только традиционное отсутствие доверия к политике Англии, но и неприятие английского политического устройства, английской модели конституционализма и парламентаризма, что побуждало консерваторов настороженно относиться к британской внешнеполитической стратегии и русско-английскому союзу из-за опасения гипотетически возможного перенесения английских политических порядков на российскую почву. Поэтому намерения улучшить отношения с Англией и установить с нею военно-политический союз в правительственных сферах и кругах консервативно настроенной общественности разделяли далеко не все.

Консервативные периодические издания в эмоциональном ключе награждали Англию уничижительными эпитетами и метафорами – «цивилизация Лондонской биржи», «страна торгашей», «англичанка гадит», «коварный Альбион», «варвары». Инфицирование «микробом» англофобии было весьма токсичным. Главный редактор (1897–1907) монархической газеты «Московские ведомости» В. А. Грингмут писал: *«Никогда англичане нас в своей дружбе*

¹ Савин А. Н. Англо-русское сближение в связи с образованием Тройственного соглашения // Россия и ее союзники в борьбе за цивилизацию. Т. I: Зачатки современной войны, отд. I, вып. 2. С. 107.

² Там же. С. 147.

не уверяли и всегда от души желали нам всякого зла»¹. В таком же ключе характеризовал Англию стоявший у истоков создания монархического «Союза русского народа» В. М. Пуришкевич: «Англии нужна Россия, как тот кулак, который должен во что бы то ни стало столкнуться с кулаком немецким во славу <...> английской гегемонии на море и сохранения за нею рынков мира. Результаты войны ей почти безразличны: разбитая Россия, вконец обезжизненная, хотя бы и победившая Германия, – обе они вынут каштаны только для Англии»².

Непримиримость англо-русских противоречий многие видные представители российской военно-политической элиты выводили из предположения о противостоянии морского (Англии) и континентального (России) государств. Дипломат и публицист Ю. С. Карцов утверждал: «С конца XVIII столетия, опасаясь усиления и соперничества России на море, Англия перестает быть другом России и становится ее врагом <...> исторический враг России – Англия»³, «государственные интересы России требуют союза не с Англией,

а с Германией, ибо война России с Германией привела бы к печальным результатам, ослабила бы не только Россию, но даже и всю континентальную Европу, и мало того, – чрезмерно усилила бы господство Англии»⁴. Эту концепцию активно поддерживали монархисты.

Война сделала актуальной задачу укрепления доверия российского общества к Великобритании как союзницы в общей борьбе с германским блоком. Помогать решать эту задачу призваны были прежде всего журналисты. Постоянный автор «Голоса жизни» Е. П. Семенов писал на его страницах в 1914 г.: «Роль и поведение Англии никогда не были так благородны и прекрасны, как именно в этой войне. Опуб-

¹ См.: Грингмут В. А. Объединяйтесь русские люди / сост. А. Д. Степанов; отв. ред. О. Платонов. М., 2008. С. 126.

² Цит. по: Иванов А. А. Владимир Пуришкевич: Опыт биографии правового политика (1870–1920). М.; СПб., 2011. С. 223.

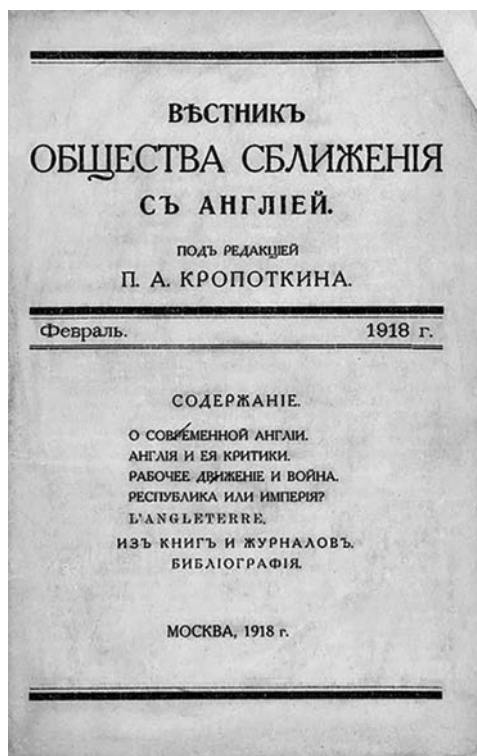
³ См.: Карцев Ю. (Карцов). В чем заключаются внешние задачи России (Теория внешней политики вообще и в применении к России). СПб., 1908. С. 16–17, 19.

⁴ Карцов Ю. С. Англия, Россия и Германия. Доклад 13 января 1912 г. в Главной палате Русского народного союза имени Михаила Архангела // Правые партии. 1911–1917 годы: в 2 т. М., 1998. Т. 2. С. 96.

ликованные “Оранжевая”, “Белая”, “Серая” и “Желтая” книги неопровержимо подтверждают, что Англия всегда предупреждала Германию о том, что она не даст в обиду Францию и сочтет нарушение бельгийского нейтралитета за *casus belli*. Только зарвавшиеся Гогенцоллерны, Бетманы-Гольвеги и К° могли думать, что Англия хитрит и смотрит на договор за своей подписью, как на “ключок бумаги”»¹. Этой же цели служили очерки писателя-беллетриста Е. Э. Сно в журнале «Война», рассказывающие о союзниках России. Один из них – «Наша союзница Англия» – представлял собой популярный этнографический рассказ о стране, изданный также отдельной брошюрой².

Дальнейшая работа в направлении укрепления доверия к союзнице виделась необходимой, ибо в сознании российского общества с самого начала войны присутствовало и такое настроение: «Союзники не понимают и не хотят понять Россию». З. Н. Гиппиус записала в своем дневнике в апреле 1915 г.: «Я люблю англичан. Но я так ярко понимаю, что они нас не понимают (и не очень хотят)»³. В ходе войны подобные настроения усиливались, получали новые подтверждения и только подогревали недоверие к союзникам. Поэтому пропаганда работала, хотя с гораздо меньшей интенсивностью по сравнению с германским направлением, и над формированием позитивного и достаточно наглядного образа союзника, с которым, как восторженно писал К. И. Чуковский, «мы связаны <...> узами крови»⁴. При этом для огромного числа россиян знакомство с Англией и англичанами было заочным, шанс встретиться с настоящим англичанином был невелик, и их представления о стране и ее жителях черпались не из личных наблюдений и были во многом мифологизированы.

Свою лепту в дело борьбы с недоверием к Англии внесли интеллектуалы. В Петрограде появилось «Общество английского флага», позднее переименованное в «Русско-английское общество» (ноябрь 1915 – февраль 1917). В апреле 1915 г. в Москве было осно-

¹ Семенов Е. П. Народ и армия джентльменов // Голос жизни. 1914. № 9. С. 3.

² Сно Е. Э. Наша союзница Англия: [Попул.-этногр. очерк Евгения С.] // Война. 1914. № 4. С. 3–14.

³ Гиппиус З. Н. Петербургские дневники. 1914–1919. М., 1990. С. 33.

⁴ Чуковский К. Англичане // Нива. 1915. № 16–17. С. 318.

вано «Общество сближения с Англией» во главе с М. М. Ковалевским, а после его кончины – П. Г. Виноградовым¹. На торжественном заседании по поводу открытия общества присутствовали видные общественные деятели, ученые. Их выступления были изданы отдельной брошюрой. В предисловии к ней А. К. Дживелегов отмечал: *«Интересы, которые связывают в настоящий момент Россию и Англию, огромны. Они только не осознаются всеми. В малосознательной части русского народа сидит еще старое недоверие, продукт Русско-турецкой войны и Берлинского конгресса, представление о том, что “англичанка гадит”. Эти настроения постепенно сжигаются в боевом огне и заменяются прямо противоположными. Но имеются более устойчивые настроения, враждебные Англии, и природа их такова, что их не истребит никакой пламень. Это – настроения германофильских реакционных кругов. <...> Этих противников Англии, конечно, невозможно убедить в том, что сближение с “коварным Альбионом” даст прекрасные плоды для России. Для России – не значит: для них»*². Присутствовал на заседании и депутат Государственной Думы Ф. И. Родичев. *«Симпатии между Англией и русским обществом плод недавнего сравнительно прошлого, но корни их глубоки и прочны, – утверждал он в своем выступлении, – и на всем последующем протяжении нашей общественной жизни отчетливо обозначилось совпадение усиления этих симпатий и английского культурного влияния с подъемами русской освободительной волны»*³.

16 октября 1916 г. на публичном заседании «Общества сближения с Англией» выступил известный юрист и политический деятель Ф. Ф. Кокошкин с докладом «Англия, Германия и судьбы Европы», целиком опубликованном по рукописи, найденной в личных бумагах после его трагического ухода из жизни⁴. Для широкой же публики отчет о состоявшемся событии был напечатан на следующий день в «Русских ведомостях», в котором была процитирована концовка выступления Кокошкина: *«Международная организация, не поглощающая своих составных частей, но оберегающая полноту их свободы, организация по принципу не принуждения, но убеждения, – вот новая миссия Англии. Но чтобы приступить к строительству, Англия должна выдержать испытание войны, в которой борется величайшая олигархия с величайшей демократией. <...> Рождается новая, светлая Европа, и родится она лишь при одном условии – при незыблемо крепком союзе России с Англией»*⁵. Создание обществ

¹ Вестник Общества сближения с Англией / под ред. П. А. Кропоткина. М., февр. 1918 г. [Вып. I и единств.].

² Россия и Англия. Речи, произнесенные на торжественном открытии Общества сближения с Англией в Москве, 22 мая 1915 года / под ред. и с предисл. А. К. Дживелегова. М., 1915. С. 4.

³ Там же. С. 16.

⁴ Кокошкин Ф. Ф. Англия, Германия и судьбы Европы. М.: Изд-во комит. по увековечению памяти Ф. Ф. Кокошкина и А. И. Шингарева; Т-во «И. Н. Кушнерев и К°», 1918. 33 с.

⁵ Цит. по: Там же. С. 32–33.

Моисей Яковлевич Острогорский

дружбы с Англией если прямо и не влияло на увеличение информационного потока, то все же было знаковым сигналом о желательности продолжения традиций издания книжной, журнальной и газетной продукции, рассказывающей об Англии.

На конструирование положительного образа военной союзницы должны были работать в том числе и научные издания (естественно, подготовленные в предшествующий войне период). В основе увидевшей свет в 1916 г. книги М. Я. Острогорского «Конституционная эволюция Англии в течение последнего полувека»¹ была серия его статей, опубликованных ранее в «Вестнике Европы». Была переиздана книга Д. М. Петрушевского «Великая хартия вольностей и конституционная борьба в английском обществе во второй половине XIII века»², появившаяся *«весьма своевременно ввиду ожидаемого оживления интереса в обществе к внутреннему строю жизни наших теперешних союзников, в частности, может быть, и к их конституциям»*³. Собственно, такая оценка отвечает и значению выхода в России работы американского ученого, президента Гарвардского университета А. Л. Лоуэлла⁴. Книга охватывала не только основы политического устройства, но и историю и организацию политических партий, местное самоуправление, народное образование, церковное управление, устройство колоний, организацию и деятельность судов. Эти темы рассматривались также в плане влияния государственных институтов на общественно-политическую жизнь страны. Знакомство с трудом Лоуэлла «необходимо для русских читателей», — писал рецензент в «Юридическом вестнике»⁵.

В этом ключе следует видеть и актуальность для текущего момента (не говоря об исключительной фундированности) появления из печати монографии С. А. Корфа «Автономные колонии Великобритании». В ней впервые были системно показаны характерные черты государственного строя Британской

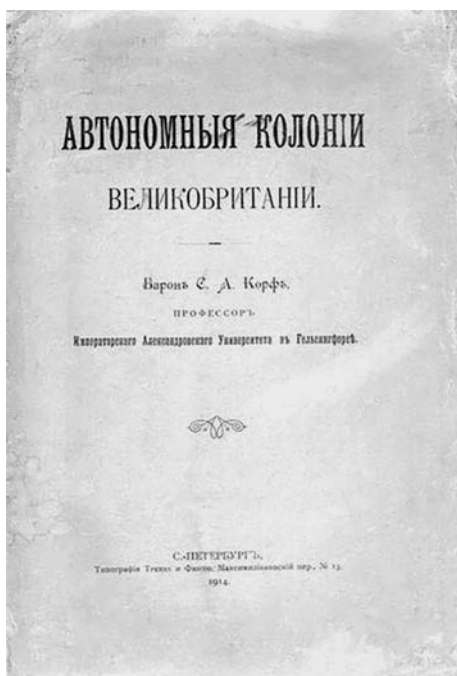
¹ Острогорский М. Конституционная эволюция Англии в течение последнего полувека. Пг.: Тип. П. П. Усова, 1916. 183 с.

² Петрушевский Д. М. Великая хартия вольностей и конституционная борьба в английском обществе во второй половине XIII века. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1915. IV, 176 с.

³ Библиографический листок // Вестн. Европы. 1915. Кн. 8. С. 421–422.

⁴ Лоуэлль А. Л. Государственный строй Англии / пер. с англ. М. Языковой; под ред. и с предисл. Ф. Кокошкина. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1915. Т. 1. XXVI, 511 с.

⁵ Шацкий Б. [Рецензия]: А. Л. Лоуэлль. Государственный строй Англии. Т. 1 // Юрид. вестн. 1915. Кн. X (II). С. 273.

империи и динамика взаимоотношений метрополии и периферии, политическое устройство доминионов, особенности местного самоуправления в доминионах. «Юридический вестник» поместил на нее хвалебную рецензию И. В. Лебединского, в которой тот резюмировал: «Среди нашей литературы, посвященной государственным соединениям <...> книга бар. Корфа займет выдающееся место и будет способствовать ознакомлению с вопросами федерального устройства <...> широкими кругами читающей публики»¹.

На разворот общественного мнения в сторону союзницы работали и рассчитанные на массового читателя брошюра Э. К. Пименовой «Англия накануне войны»², книги П. Г. Мижуева «Средняя школа в Англии и ее реформа в XX веке»³ и Г. Я. Виллиама «Англия и англичане»⁴. Лейтмотивом последней стало видение военной союзницы как страны свободы и порядка. О благоприятных условиях жизни англичан, комфорте, изобилии зеленых насаждений в городах и их окрестностях рассказывала хорошо проиллюстрированная книга П. Г. Мижуева «Сады-города и жилищный вопрос в Англии»⁵: в стране-союзнице

¹ Лебединский И. [Рецензия]: Барон С. А. Корф. Автономные колонии Великобритании. СПб., 1914 // Юрид. вестн. 1914. Кн. V (I)–VI (II). С. 325.

² Пименова Э. К. Англия накануне войны. М.: Т-во «И. Н. Кушнерев и К^о», 1914. 35 с.

³ Мижуев П. Г. Средняя школа в Англии и ее реформа в XX веке. СПб.: Изд-во журн. «Русская школа», 1914. 132 с.

⁴ Виллиам Г. Англия и англичане. М.; Пг.: Т-во «В. В. Думнов, насл. бр. Салаевых», 1915. 109 с.

⁵ Мижуев П. Г. Сады-города и жилищный вопрос в Англии. Пг.: Изд. т-ва А. С. Суворина «Новое время», 1916. 496 с.

в ближайшем будущем становилось государственной целью достижение нового идеала габитуса – частные городские дома на одну семью с палисадником и садом не только для зажиточных горожан, но и для рабочего класса.

Общественно-политические журналы накануне и в годы войны переполнены материалами, посвященными политической союзнице. Среди них выделяются как собственно научные изыскания, примером чему являются статьи И. И. Любименко в «Журнале Министерства народного просвещения»¹ и в «Русской мысли»², посвященные русско-английским связям XVII в., так и очерки популярного характера³. Например, на страницах «Исторического вестника» появилось подробное описание визита в Кембриджский университет группы российских подданных. Вполне доброжелательный очерк за подписью «К. И. Цветков» был проиллюстрирован фотографиями и изобилует интересными для русского читателя наблюдениями и детальными подробностями жизни студенческой и профессорской университетской корпорации Кембриджа⁴. Продолжили активную работу широко известные по довоенным публикациям лондонские корреспонденты российских газет и журналов, в частности Дионео⁵. Ранее опубликованные им в журналах очерки составили двухтомник «Меняющаяся Англия»⁶. Сборник, ставший ответом на возросший интерес в России к жизни страны-союзницы, был хорошо прорекламирован и настойчиво рекомендовался читателям. «Мы с увлечением читаем Дионео, влюбившего нас в англичан, сделавшего своими статьями и книгами для союза России и Англии больше, чем все дипломаты», – писал о нем К. И. Чуковский⁷.

Публицисты, не только Дионео, но и другие, внесли особый вклад в конструирование весьма идеализированного образа воюющего союзника. В конце 1915 г. К. И. Чуковский опубликовал выдержавшую за следующий год еще два переиздания книгу «Заговорили молчавшие! (Англичане и война)». Мотивы создания книги автор объяснил в предисловии к ее первому изданию: «Мы, русские интеллигенты, до всяких официальных трактатов, давно уже

¹ Любименко И. И. Переписка и дипломатические сношения первых Романовых с первыми Стюартами // Журн. М-ва нар. просвещения. 1915. № 7. Отд. 2. С. 53–103; *Ее же*. Торговые отношения России с Англией при первых Романовых // Там же. 1916. № 11. С. 1–32.

² Любименко И. И. Англичане в допетровской России // Русская мысль. 1915. № 3. С. 67–94.

³ Мижусев П. Г. Английские университеты: Действительность и идеалы: по поводу трудов Королевской комиссии о реформе Лондонского университета // Журн. М-ва нар. просвещения. 1915. № 2. С. 164–205; № 3. С. 1–50.

⁴ Цветков К. И. Поездка в Кембридж // Ист. вестн. 1916. Т. CXLIII. С. 257–278.

⁵ Дионео. Письмо из Лондона // Вестн. Европы. 1915. Кн. 2. С. 265–281; 1915. Кн. 5. С. 274–291; 1917. Кн. 4–6. С. 596–618; 1917. Кн. 9–10. С. 359–371; *Его же*. Из Англии // Русские записки. 1915. № 3. С. 285–308; № 4. С. 209–234; № 5. С. 178–202; № 6. С. 194–217; № 7. С. 221–245; № 8. С. 209–235; № 10. С. 170–193; № 12. С. 229–251.

⁶ Дионео. Меняющаяся Англия. М.: Книгоизд-во писателей в Москве, 1914–1915. Ч. I–II.

⁷ Чуковский К. Заговорили молчавшие! (Англичане и война). 3-е изд. Пг.: Т-во А. Ф. Маркс, 1916. С. 3.

в союзе с англичанами: английская литература, поэзия, живопись, не говоря уже о гениальной английской гражданственности, чаруют нас магнетически с юности. <...> Но широкие круги, обыватели, не знают и чуждаются Англии. Они все еще по старой привычке перешептываются о “коварном Альбионе”. Моя книжка предназначена для них... Задача этой незатейливой книжки – привлечь к английскому народу симпатии тех широких обывательских кругов, которым наша бульварная пресса внушала из года в год о британских интригах и кознях»¹.

В книге страна и народ с их традициями, обычаями, нравами показаны через письма британских солдат. Именно этот замысел и определил содержание 16 глав книги – англичане

на войне в зеркале писем с фронта: «Я вчитываюсь в эти английские письма. Конечно, они разноголосы и пестры, ибо так различны писавшие их, но все они сливаются в одно, и если читать их подряд, сотнями и сотнями тысяч, то уже не замечаешь ни Джонсов, ни Джонсонов, а видишь одного только автора, и этот автор – народ»². И это – «свободный и сильный народ», а английский солдат – «благородный» и «доблестный военный соратник» России, он «чувствует себя рыцарем». По своему духу книга Чуковского не могла не получить благожелательных рекомендаций официальных властей. И действительно, Министерство народного просвещения признало ее заслуживающей «внимания при пополнении ученических библиотек средних учебных заведений, учительских семинарий <...> бесплатных народных библиотек и читален, а также подлежащей допущению в ученические библиотеки высших начальных училищ»³. Военное министерство рекомендовало ее «для чтения в частях войск, учреждениях военного ведомства и лечебных заведениях»⁴.

По мере продолжения военных действий и накопления усталости от войны репутация англичан как союзников России была под угрозой. В общественном сознании вновь проявилась тенденция к недоверию англичанам, к подозрению их в стремлении переложить все жертвы и тяготы войны на русскую чашу весов. Граф Бенкендорф, посол России в Великобритании, для корректи-

¹ Чуковский К. И. Заговорили молчавшие: Томми Аткинс на войне (о письмах английских солдат с войны). Пг.: Т-во А. Ф. Маркс, 1915. С. 3.

² Там же. С. 6–7.

³ Рекламное объявление о новых изданиях // Журн. М-ва нар. просвещения. 1915. № 12.

⁴ Русский инвалид. 30 дек. 1915 г.

ровки ситуации высказал даже предложение ««стимулировать субсидиями» нужный тон российской прессы»¹. И для этого были предприняты специальные усилия со стороны обеих стран.

В феврале–марте 1916 г. по приглашению британского правительства группа русских журналистов и писателей совершила пятинедельную ознакомительную поездку в Англию. Гости встречались с государственными деятелями, военными руководителями, писателями и учеными, ездили на фронт. Все участники группы опубликовали свои впечатления в русских газетах и журналах. Отец будущего писателя и один из учредителей и руководителей кадетской партии В. Д. Набоков представлял газету «Речь», К. И. Чуковский – еженедельный журнал «Нива». Эта поездка, – отмечал Набоков, – *«не только открыла перед нами неисчерпаемые богатства Англии, умелость организации, силу и крепость духа, бодрую готовность англичан на дальнейшие жертвы, на новые усилия, ведущие к победе. Она – кроме всего этого – протянула между нами какие-то невидимые нити, сблизила нас в наших задушевных чувствах и стремлениях. Первая по времени, она заложила хорошее основание для дальнейшего, более тесного и всестороннего единения культурных сил наших двух народов»*².

Как и Набоков, часть вынесенных из поездки разнообразных впечатлений Чуковский собрал в книге путевых очерков «Англия накануне победы»³.

¹ Цит. по: Сорока М. Е. «Просвещенные мореплаватели»: англичане в восприятии русских до и во время Первой мировой войны // Рос. история. 2010. № 5. С. 54.

² Набоков В. Д. Из воюющей Англии: Путевые очерки. Пг.: Худ.-граф. заведение «Унион», 1916. С. 13.

³ Чуковский К. И. Англия накануне победы. Пг.: Т-во А. Ф. Маркс, [1916]. 146, [1] с.

На ее страницах Чуковский досказал то, чем не успел поделиться с читателями в своей книге «Заговорили молчавшие». И хотя в ней нет особой системы в отборе сюжетов, но повествуется об англичанах с теплотой и доброжелательностью. Книгу выделяет и еще одно отличие: детальный рассказ о массовой тяге англичан к постижению России, что должно было произвести самое теплое впечатление на российского читателя. По наблюдениям Чуковского, *«повторился потоп: всю Англию залило книгами о России, о русском народе!»*. Данная литература, российских авторов в переводе и собственно английская, став следствием всеобщего интереса к России, помогала англичанам найти в ней привлекательные черты, каких нет в европейских странах. Некто Гарстин в своей книге «Дружелюбная Россия» пришел к выводу: *«Много в России плохого, но она вся человечна, а ведь это важнее всего!»*¹.

Крупной пропагандистской акцией стал визит в Англию в апреле 1916 г. российской парламентской делегации из депутатов Государственной Думы и Государственного Совета. В Англии делегация посетила оружейные заводы, участвовала во множестве мероприятий, официальных и частных, включая прием в палате общин и аудиенцию у короля Георга V. Эта поездка нашла отражение в прессе. Немало деталей о поездке вошло в дневник П. Н. Милюкова, опубликованный журналом «Красный архив» в 1932 г.², и в его мемуары. Как сообщает Милюков, целью визита, помимо военной стороны, *«была, несомненно, и политическая мысль – реабилитировать в союзном мнении Россию, к которой общественные круги союзных стран относились без большой симпатии»*. Делегацию принял король Георг V, состоялись посещение Палаты общин и Палаты лордов, многочисленные встречи частного характера.

Контакты российских парламентариев выходили за рамки протокольных мероприятий, подчас затрагивали принципиальные вопросы межсоюзнических отношений и послевоенного устройства мира. Особое значение имела встреча Милюкова с министром иностранных дел Эдуардом Греем, в ходе которой обсуждался послевоенный передел территорий. Глава английского внешнеполитического ведомства доверительно поделился британскими условиями сговора между союзниками: *«Мы обязаны честью перед Бельгией. Затем мы желаем дорогу из Египта в Индию. На Европейском континенте у нас нет желаний. Вопрос о германских колониях – дело наших доминионов. Для Франции – первое необходимое условие – Эльзас и Лотарингия. Для вас – Константинополь и проливы. Что сверх этого, будет зависеть от степени нашего успеха в войне»*. Сверх этого, по словам Грея, подразумевалось, что *«Сербия получит Боснию и Герцеговину»*; польский вопрос – это *«дело России: мы, конечно, желали бы, чтобы она сама дала полякам автономию, но вмешиваться не можем»*; Румыния *«получит Трансильванию, когда пойдет с нами»*. На вопрос Милюкова:

¹ Чуковский К. И. Англия накануне победы. С. 125.

² Милюков П. Н. Дневник / предисл. Я. А. Берзина «По поводу дневника Милюкова»; текст дневника и примеч. подг. Н. А. Лапиным; под ред. Я. А. Берзина // Красный архив. 1932. Т. 5/6. С. 3–48.

«Надеется ли Грэй ввести Германию после войны снова в семью народов на началах нового международного права?» – Грей ответил: «Я к этому стремился до войны – и вернусь к этому, как только выяснится наша победа. Я надеюсь, что можно будет обязать народы отдавать свои споры на обсуждение держав, которые на это согласятся»¹. В словах Грея, сделал вывод Милюков, была заложена, пока еще в зародыше, идея послевоенной Лиги наций.

Наконец были предприняты меры для расширения научных связей России и Англии. С этой целью в мае 1916 г. Академия наук учредила специальную Комиссию и утвердила программу проведения совместных научных мероприятий. Так, английские историки посетили Петроград, а летом 1916 г. российские историки и общественные деятели – Кембриджский университет. На специальной церемонии А. С. Лаппо-Данилевский, П. Н. Милюков, П. Б. Струве и Р. В. Дмовский были удостоены звания его почетного доктора. На страницах кадетской газеты «Речь» ее постоянный корреспондент С. И. Рапопорт характеризовал прошедшие мероприятия в Кембридже: «Россия и русское настолько преобладало, что можно было подумать, что и само собрание было устроено главным образом из желания сделать комплимент России»², политической системе которой оставалось существовать совсем немного.

Тем временем в связи с распродажей тиража трех изданий книги К. И. Чуковского «Заговорили молчавшие» к печати было подписано ее четвертое издание, и оно вышло, но датированное 1918 г.³ На титульном листе по-прежнему сообщалось, что Главное управление военно-учебных заведений и Главный морской штаб рекомендовали ее для своих библиотек. Однако рекомендации уже потеряли силу: в России после Октябрьской революции к власти пришли большевики, и Британия более не союзник, а враг. История совершила свой круг. Под влиянием политических событий, военных столкновений, внутренних потрясений образ Англии и англичан как *Своего*, хотя и *Иного*, складывавшийся усилиями политиков и деятелей культуры, писателей и журналистов, трансформировался не просто в *Чужого* (ведь для англофилов, которые чаще встречались в консервативных кругах теперь уже бывшей императорской России, англичане и раньше были ими), а – в военно-политического *Врага*.

2.3. «Без чести, благородства и сердца»: трансформация образа Германии и немцев в России под влиянием событий войны

Вплоть до развязывания боевых действий в ходе Первой мировой войны в России были достаточно сильны германофильские настроения. Противники союза с Англией, представлявшие различные политические силы и общественные слои, откровенно заявили о себе как сторонники укрепления военно-

¹ Милюков П. Н. Воспоминания (1859–1917). Т. 2. С. 243–246.

² С. И. Р. Русский сезон в Кембридже (от нашего лондонского корреспондента) // Речь. 1916. № 232 (24 авг.). С. 2.

³ Чуковский К. И. Заговорили молчавшие: Томми Аткинс на войне (о письмах английских солдат с войны). 4-е изд. Пг.: Т-во А. Ф. Маркс, 1918. 171 с.

политических отношений с Германией. Это вполне объяснимо с учетом многовековых немецко-российских военных, экономических и культурных связей и наличия прочно обосновавшейся в России многочисленной немецкой диаспоры. Согласно официальным статистическим данным, в Российской империи «германцы» (этим понятием статистика объединяла шведов и немцев) составляли 1,6 % населения¹. Шведы концентрировались исключительно в южной и западной частях Финляндии. Немцев, группировавшихся главным образом в Привислинском и Остзейском краях², а также на Юго-Востоке России, в указанной группе было большинство.

В верхнем эшелоне государственной иерархии сказывались семейные отношения членов царствующих домов России и Германии. Если верить свидетельству статс-секретаря Германского морского министерства гросс-адмирала Альфреда фон Тирпица, *«сам Николай II лично относился к Германии благосклонно»*. И еще: *«Николай II, который в одной из последних моих бесед с ним сказал мне от себя лично: “Я уверяю вас, что никогда не буду вести войны с Германией”, также и в 1914 году не желал войны с нами»*³. Выходцы из Германии дворянского происхождения во множестве принимались на государственную службу.

Этническими немцами, уже родившимися в России и за поколения обрусевшими, были многие российские государственные деятели: премьер-министры М. Х. Рейтерн, Н. Х. Бунге, С. Ю. Витте, министры Г. П. Ольденбургский, А. Вюртембергский, К. Ф. Толь, Н. К. Шауфус, Э. Б. Кригер-Войновский, Б. Х. Миних, П. И. Меллер-Знакомельский, А. Ф. Редигер, А. В. Моллер, Ф. П. Врангель. III Отделением ведал Л. В. Дубельт, позже – А. Р. фон Дрентельн. Число же генералов и чиновников с немецкими родовыми корнями поистине неисчислимо. В российской армии в 1914 г. доля генералов немецкого происхождения составляла более 20 %. В Императорской академии наук в 1914 г. из 862 сотрудников 162, или 18,7 %, имели немецкие фамилии⁴.

Не только высший слой общества, в целом немецкая диаспора представляла значительную часть населения в стране. Этот фактор создавал психологически благоприятную почву для российско-германских контактов. Германию высоко ценили за высокий уровень науки и образования, доступного и для иностранцев, в том числе и русских. Множество состоятельных людей предпочитали отдыхать на немецких курортах. В среде российских интеллектуалов образ немца ассоциировался с носителем высоких идеалов культуры. Было достаточно и других, подчас еще более существенных, оснований военного, по-

¹ Статистический ежегодник России. 1913 г. (год десятый). СПб.: Изд-во ЦСК, 1914. С. 67.

² В Российской империи общее название губерний Царства Польского и губерний прибалтийских – Лифляндской, Курляндской, Эстляндской.

³ *Тирпиц А.* Из воспоминаний / пер. с нем. Д. П. Кончаловского; предисл. В. Гурко-Кряжина. М.; Л.: Гос. изд-во, 1925. С. 16, 19. (Библиотека мемуаров).

⁴ См.: Памятная книжка Императорской академии наук на 1914 год. Выпущена 20 марта 1914 года. СПб., 1914. С. 25–141.

литического, экономического и культурного свойства, чтобы стремиться к достижению союза с Германией. В их числе и опыт сравнительно недавних, вполне благоприятных межгосударственных отношений, и прогерманские настроения, исповедуемые частью правившей элиты.

Подчас складывались целые сообщества, объединяемые национальными корнями. А. А. Брусилов, выдающийся российский генерал, в 1911 г. получил назначение в Варшаву. Здесь на него произвела «странное впечатление» варшавская высшая администрация: *«Везде стояли во главе немцы: генерал-губернатор Скалон, женатый на баронессе Корф, губернатор – ее родственник, барон Корф, помощник генерал-губернатора Эссен, начальник жандармов Утгоф, управляющий конторой государственного банка барон Тизенгаузен, начальник дворцового управления Тиздель, обер-полицмейстер Мейер, президент города Миллер, прокурор палаты Гессен, управляющий контрольной палатой фон Мицлов, вице-губернатор Грессер, прокурор суда Лейвин, штаб-офицеры при губернаторе Эгельстром и Фехтнер, начальник Привисленской железной дороги Гескет и т. д. Букет на подбор. Я был назначен по уходе Гершельмана и был каким-то резким диссонансом: “Брусилов”. Зато после меня получил это место барон Рауш фон Траубенберг»*. Сам генерал-губернатор Привисленского края и одновременно командующий войсками Варшавского военного округа генерал-адъютант Скалон *«немец до мозга костей. Соответственны были и все его симпатии. Он считал, что Россия должна быть в неразрывной дружбе с Германией, причем был убежден, она должна командовать Россией»*. Брусилов заключает: *«Я знаю хорошо, что многие из этих людей с немецкими фамилиями были искренними русскими патриотами и честными людьми, но видимость этого подбора смущала многих»*¹.

Для подозрений были основания. К началу Первой мировой войны в России числилось 3504 торговых и промышленных предприятия, находившихся в руках немцев и австрийцев, немецкими из них были более 1100 с капиталом более 100 млн руб.² Впоследствии, когда война уже была в разгаре, выяснилось, что немецкие владельцы российских промышленных предприятий, во всяком случае некоторые из них, действовали с оглядкой на военные интересы германской армии. Генерал Лукомский рассказал в своих мемуарах: *«Мы столкнулись с очень интересным фактом. В Донецком бассейне оказалось много или чисто немецких предприятий, или построенных на арендных условиях на земле, принадлежавшей немцам. Оказалось, что нигде не установлено улавливателей каменноугольных газов; а в арендных условиях имелись особые пункты, воспрепятствовавшие установке этих приспособлений. Делалось это, конечно, с целью насколько возможно не допустить развития красочного производства в России; но допустимо считать, что здесь играли роль и более дальновидные сообра-*

¹ Брусилов А. А. Мои воспоминания. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. С. 46–47.

² Иоффе Я. А. Блокада и народное хозяйство в мировую войну. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. С. 38.

жения – поставить Россию, в случае войны, перед невозможностью быстро наладить толуоловое¹ производство»².

Численность этнических немцев в общей массе населения империи, хотя и составляла менее 1,6 %, стала питательной почвой для распространения после начала войны, особенно на фоне военных неудач, массовых слухов о шпионаже немецкой диаспоры в пользу Германии и Австро-Венгрии. При этом следует признать, что далеко не все шли на их поводу. Депутат Государственной Думы II, III и IV созывов В. В. Шульгин впоследствии комментировал будораживший Россию вопрос об «измене» населявших страну немцев: *«Я лично не верю ни в какие “измены” <...> нельзя всякого немца в России считать шпионом только потому, что он немец, памятуя о принцессе Алисе Гессенской, которая у нас государыней»*. Но с массовым поверьем, продолжил он, нельзя не считаться, *«когда все помешались на этом, когда последние неудачи на фронте приписывают тому, что некоторые генералы носят немецкие фамилии. Это нестерпимо глупо»*³. Измену воинскому долгу русских офицеров с немецкими семейными корнями отрицал и руководитель германской разведывательной службы Вальтер Николаи. По его свидетельству, попавшие в плен *«русские офицеры, включая и балтийских, были верны своей присяге. Они держались с солдатской простотой и отказывались от каких бы то ни было показаний»*. Более того, Николаи говорил об отсутствии с началом войны в России широкой базы для развертывания шпионажа: *«Германской разведке удалось еще до войны завязать в России и во Франции ценные связи и поддерживать их до возникновения войны. К чести французского и русского народов следует, однако, сказать, что все старые связи были порваны в самый момент возникновения войны и что прошло много времени, прежде чем удалось завязать новые»*⁴.

И все же германское стремление к мировому господству, проводившаяся в его русле политика «Drang nach Osten» вызывали стойкие опасения. Да и многие авторитетные современники личными наблюдениями могли подтвердить агрессивный характер германской идеологии. Летом 1914 г., незадолго до начала войны, генерал А. А. Брусилов находился на отдыхе в немецком курортном городе Киссингене, где стал свидетелем праздника в местном парке: *«Музыка гремела со всех сторон. Центральная же площадь, окруженная цветниками, была застроена прекрасными декорациями, изображавшими московский Кремль, церкви, стены и башни его. На первом плане возвышался Василий Блаженный. Нас это удивило и заинтересовало. Но когда начался грандиозный фейерверк с палъбой и ракетами под звуки нескольких оркестров, игравших*

¹ Толуол – исходный химический элемент для получения тринитротолуола (тротила), применявшегося для снаряжения артиллерийских снарядов.

² [Лукомский А. С.] Воспоминания генерала А. С. Лукомского. Т. 1. С. 69.

³ Шульгин В. В. Дни: [записки] / вступ. ст. и поясн. примеч. С. Пионтковского. Л.: Прибой, 1925. С. 59.

⁴ Николаи В. Тайные силы: Интернациональный шпионаж и борьба с ним во время войны и в настоящее время. М.: Разведыват. упр. штаба РККА, 1925. С. 121, 134.

“Боже, царя храни” и “Коль славен”, мы окончательно поразились. Вскоре масса искр и огней с треском, напоминавшим пушечную пальбу, посыпалась со всех сторон на центральную площадь парка, подожгла все постройки и сооружения Кремля. Перед нами было зрелище настоящего громадного пожара. Дым, чад, грохот и шум рушившихся стен. Колокольни и кресты церквей накренились и валялись наземь. Все горело под торжественные звуки увертюры Чайковского “1812 год”. Мы были поражены и молчали в недоумении. Но немецкая толпа аплодировала, кричала, вопила от восторга, и неистовству ее не было предела, когда музыка сразу при падении последней стены над пеплом наших дворцов и церквей под грохот фейерверка загрела немецкий национальный гимн. <...> Впечатление было сильное. “Но чья возьмет”? – подумалось мне»¹.

С приближением большой войны развернулась настоящая русско-германская «газетная война». Начало ей положила немецкая сторона. 2 марта 1914 г. «Кельнская газета» («Kölnische Zeitung»), официоз немецкого внешнеполитического ведомства, поместила статью «Россия и Германия», предупреждавшую немецкое общество о нависшей над ним опасности. Россия, отмечалось в статье, планирует совместно с французами расправиться с Германией не позднее осени 1917 г. К этому времени «Большая программа» перевооружения русской армии, разработанная под руководством военного министра В. А. Сухомлинова, будет выполнена, и русско-французский тандем получит существенное преимущество над Тройственным союзом. Единственный выход для немцев «Кельнская газета» видела в превентивной войне против России и Франции, еще не готовых полностью к военному столкновению. Эту идею сразу подхватили многие немецкие и австрийские издания, начавшие информационную войну против России². Ее содержание точно определил генерал А. А. Брусилов: *«Нравственная подготовка всех слоев германского народа к этой великой войне не только не была забыта, но была выдвинута на первый план, и народу, столь же упорно, как и успешно, всеми мерами внушалось, что Германия должна завоевать себе достойное место под солнцем, иначе она зачахнет и пропадет, и что великий германский народ, при помощи своего доброго немецкого бога, как избранное племя, должен разбить Францию и Англию, а низшую расу славян с Россией во главе обратить в удобрение для развития и величия высшей германской расы»*³.

Австрийская пропаганда в этом отношении ничем не отличалась. Австрийский военный писатель, выступивший под псевдонимом «Кассандер», в статье «Вооружения Европы и Австрия» обратился к населению двуединой империи со знаменательным призывом: *«Вооружайтесь, вооружайтесь. Приносите деньги лопатами и шапками, отдавайте последний грош, сплавляйте кубки и серебро, отдавайте золото и драгоценные камни на железо. Предоставляйте*

¹ Брусилов А. А. Мои воспоминания. С. 50–51.

² Котов Б. С. Образ врага накануне вооруженного конфликта: русско-германская «газетная война» марта 1914 года // Предпосылки Первой мировой войны: сб. докл. Междунар. конф. 9–11 июня 2013 г. Вильнюс, 2013. С. 104–105.

³ Брусилов А. А. Мои воспоминания. С. 70.

ваши последние силы на вооружение неслыханное, какого еще свет не видел, ибо дело идет о последнем решительном бое великой монархии. Дайте ружье в руки отрока и вооружайте старца. Вооружайтесь беспрестанно и лихорадочно, вооружайтесь днем и ночью, чтобы быть готовыми, когда настанет день решения. Иначе дни Австрии – сочтены»¹.

Российская пресса не отмалчивалась и ответила антигерманскими публикациями. Рупор партии конституционных демократов газета «Речь» заявила, что немецкие газетные выступления обусловлены противодействием России немецким планам захвата Малой Азии. Самая массовая в России газета «Русское слово», популярное со множеством читателей «Новое время», орган торгово-промышленных кругов «Утро России», газета партии октябристов «Голос Москвы» расценили немецкие угрозы как предостережение России от попыток изменения выгодного для Германии торгового соглашения 1904 г., установившего высокие торговые пошлины на импорт из России зерна и масла, но не защищавшего российскую промышленность от германских экспортеров. Ряд газет прямо предупреждал об угрозе перерастания конфликта в войну. «Голос Москвы» считал выступления немецких газет попыткой запугать Россию перспективой войны в случае отказа от условий будущего торгового договора, а «Новое время» предупреждало: война с Германией и Австрией может начаться в любое время, единственный выход – быть готовой к ней².

Не остались в стороне и официальные лица. «Биржевые ведомости» 12 марта 1914 г. опубликовали статью без указания автора под красноречивым названием «Россия хочет мира, но готова к войне». Статья отмечала, что «Россия <...> не думает о войне, но готова ко всяким случайностям», в статье подчеркивалось, что Военное министерство отказалось от оборонительной тактики: «Идея обороны отложена, и русская армия будет активной». И в заключение следовало недвусмысленное предостережение: «Если хочешь мира – готовься к войне. <...> Россия, в полном согласии со своим Верховным вождем, хочет мира, но она готова!»³ Подозревали, что статью инспирировал военный министр В. А. Сухомлинов с санкции Николая II. Сам Сухомлинов в мемуарах не отрицал свою причастность к появлению статьи⁴.

Статью из «Биржевых ведомостей» приветствовали многие российские газеты. «Новое время» отметило, что статья «сразу подняла престиж России на ту высоту, на которой он находился до Русско-японской войны. Она равносильна большой победе, одержанной на поле сражения»⁵. Одобрил статью «Голос Москвы», заявивший, что статья «решительна и определена»⁶. «Русское

¹ Цит. по: Павлович М. П. Империализм и мировая война // Энцикл. слов. рус. библиограф. ин-та Гранат. Т. XLVII. Стб. 26.

² Подробнее см.: Котов Б. С. Образ врага накануне вооруженного конфликта: русско-германская «газетная война» марта 1914 года. С. 104–115.

³ Биржевые ведомости. 1914. 12 марта (27 февр. по ст. ст.).

⁴ [Сухомлинов В.] Воспоминания Сухомлинова. Берлин: Рус. унив. изд-во, 1924. С. 298–299.

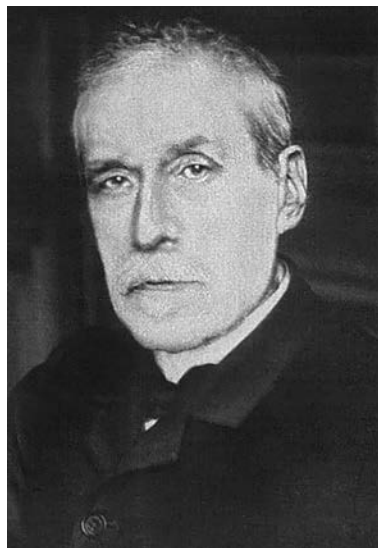
⁵ Новое время. 1914. 4 марта.

⁶ Голос Москвы. 1914. 1 марта.

слово» расценило статью как «обоснованный ответ на оскорбления и угрозы в адрес России»¹. Оценивая феномен «газетной войны», П. Н. Милюков² отметил как сухомлиновскую инициативу появления подобных публикаций, так и их провокационный характер: «В органе военного министерства “Разведчик” появилась на новый 1914 г. одна из сухомлиновских провокационных статей, в которой можно было прочесть (перевожу с французского перевода): “мы все знаем, что готовимся к войне на западной границе, преимущественно против Германии. <...> Не только армия, но и весь русский народ должен быть готов к мысли, что мы должны вооружиться для истребительной войны против немцев и что германские империи должны быть разрушены, хотя бы пришлось пожертвовать сотнями тысяч человеческих жизней”»³.

Считая дальнейшее нагнетание напряженности несвоевременным, ведомства иностранных дел обоих государств приняли меры, ведущие к прекращению полемики, но «газетная война» марта 1914 г. способствовала нарастанию в общественном настроении (это относится как к Германии, так и к России) взаимных антипатий и психологически подготавливала массы к восприятию предстоящего объявления войны с позиций национального патриотизма.

Разворачивавшиеся военные события имели своим откликом появление множества публикаций, большей частью популярного характера, направленных на формирование соответствующего имиджа участников конфликта. «Он наш соратник, сподвижник, мы связаны с ним узами крови», – писал К. И. Чуковский на страницах «Нивы» об английском солдате⁴. И, наоборот, – в отношении Германии и немцев сами названия публикаций давали ответ – «наши враги»⁵. Начало было положено вбросом идеи о несовместимости «гуманистического» мировоззрения союзников и идеологии «германизма». 15 октября 1914 г. французский философ Эмиль Бутру опубликовал в парижском

Эмиль Бутру

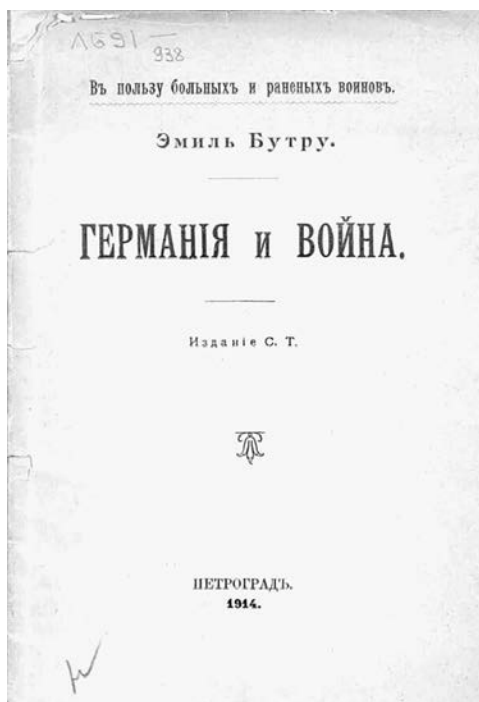
¹ Русское слово. 1914. 5 марта.

² Милюков П. Н. (1859–1943) – крупный русский историк, видный российский общественный деятель, лидер Партии конституционных демократов. Депутат Государственной Думы III и IV созывов. В марте–мае 1917 г. – министр иностранных дел Временного правительства, после Октябрьской революции один из вдохновителей Белого движения. С конца 1918 г. в эмиграции.

³ Милюков П. Н. Воспоминания (1859–1917). Т. 2. С. 172.

⁴ Чуковский К. Англичане // Нива. 1915. № 16–17. С. 318.

⁵ Ковалевский П. И., Сыромятников С. Н. (Сигма), Михайлов А. М. Наши враги. Очерки. Пг.: [Тип. «Содружество»], 1915. 72 с.

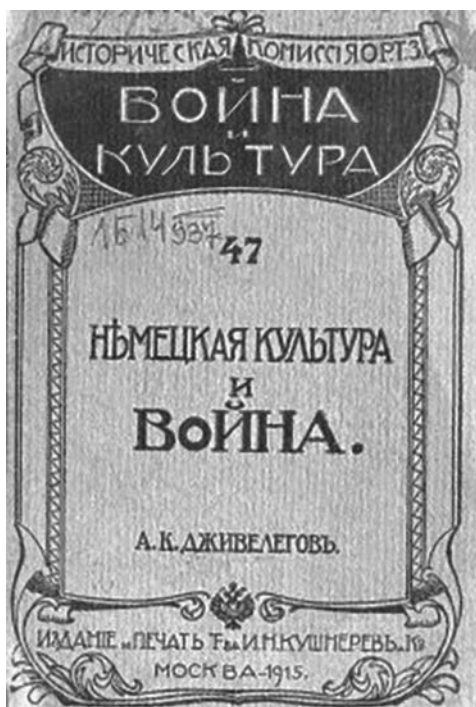
журнале «Revue des deux Mondes» письмо под заглавием «Германия и война». Оно сразу же было переведено на русский язык и помещено на страницах «Русского инвалида», «Военного сборника» и издано отдельной брошюрой. Представляя брошюру, ее издатель писал: *«Бутру противопоставляет мировоззрение латинских народов, мировоззрение гуманистическое и христианское, мировоззрению, господствующему ныне в Германии, в основе которого лежит апофеоз эгоизма и германизма»*¹.

Противопоставление «германизма» врагов и «гуманизма» союзников стало рефреном множества вышедших в России публикаций. Это были отдельные издания и серии брошюр «для народа», – например цикл «Война и культура», выходявший под эгидой Исторической комиссии Общества распространения технических знаний. Ее редакторами были историки А. К. Дживелегов, С. П. Мельгунов, В. И. Пичета. Одну из брошюр, «Немецкая культура и война», написал А. К. Дживелегов². В ней он попытался ответить на поставленные им самим вопросы: *«Почему исчез без остатка старый германский рыцарский*

¹ Бутру Э. Германия и война. Пг.: Изд-во С. Т., 1914. 40 с.; *Его же*. Германия и война // «Немецкое зло»: сб. ст., посвящ. вопросу о борьбе с нашей «внутренней Германией». М.: Тип. А. И. Мамонтова, 1915–1917. Вып. 2. 1917. С. 5–21; *Его же*. Германия и война // Германия и война: сб. ст. выдающихся французских писателей / [пер.] с фр. М. Крит. Пг.: Т-во В. А. Березовский, 1917. С. 1–43.

² Дживелегов А. К. Немецкая культура и война. М.: Изд-во «Печать т-ва “И. Н. Кушнерев и К^о”», 1915. 63 с.

дух и появилось злое коварство? Почему высокая культурность оказалась маской, из-под которой глядит теперь на всех, оскаля зубы, чуть не первобытное варварство? <...> Почему вспыхнувший было перед войной в рабочем классе порыв благородного идеализма погас так легко, и волны милитаристической горячки покатались из конца в конец по родине Канта, апостола вечного мира?»¹ Ответы на эти вопросы Дживелегов ищет в истории Германии. Начиная с объединения в 1870 г. Германия, считает автор, превратилась в Великую Пруссию и сохранила в имперской конституции стиль военного государства – нигде милитаризм не был так тесно связан с самим духом государственности, как в Германии. Был преобразован сам дух бюргерства. «Ему, наученному покорно выно-

сить все, дали почувствовать собственную силу: он стал наглым. Его, привыкшего постоянно терпеть поношения, сделали победителем: он проникся высокомерием. Его, еще недавно преклонявшегося перед культурой Франции, с триумфом провели через побежденную страну: он проникся верою в немецкий гений и в звезду Германии. Его, готовившегося наслаждаться миром, напугали идеей реванша и перспективой потери всех завоеванных благ: он сделался жесток»². Эти качества, заключает А. К. Дживелегов, сделались национальными, немец «возомнил себя царем мира». Германская империя смогла обеспечить династические интересы не только поддержкой юнкерства, но и буржуазии, а потому в угоду последней «захватываются колонии, открываются рынки на Ближнем Востоке, заводится торговый и военный флот»³. Более того, Вильгельм II, последний германский император, счел себя способным покорить мир. Характеристика милитаристской основы деятельности Вильгельма II позволила Дживелегову сделать вывод: «Конечно, воля Вильгельма не была причиною войны, но она действовала в одном направлении с причинами, толкавшими Европу на войну, и в этом смысле содействовала войне»⁴.

В потоке публицистических (и не только) разоблачений немецкого коварства прочно обосновалась тема немецкого засилья в России, потенциального

¹ Дживелегов А. К. Немецкая культура и война. С. 1–2.

² Там же. С. 58.

³ Там же. С. 17.

⁴ Там же. С. 53.

внутреннего предательства со стороны немецкой диаспоры и существования развернутой системы германского шпионажа. Тон ей задавал издатель массовой консервативной газеты «Новое время» Б. А. Суворин. В течение первых месяцев войны его газета ежедневно помещала в среднем по две статьи о немцах, проживающих на территории империи. Как пишет в своей работе Э. Лор, *«это был буквально поток публикаций, обвинявших немецкое меньшинство в шпионаже, расселении согласно заранее составленному германскому колонизационному плану, захвате всех значительных постов в экономике, угнетении русских рабочих и открытых симпатиях к врагу»*¹.

Убеждение о немецком засилье было столь широко распространено, что А. Н. Хвостов в Государственной Думе потребовал создать специальную комиссию для выработки мер по борьбе с ним во всех областях русской жизни². Вне Думы в этих целях было организовано «Общество 1914 года». Оно развернуло активную пропагандистскую и практическую деятельность, имевшую задачей «защищать родину внутри страны», избавиться от «немецкого засилья в России», потому что *«практически немцы приносят нам огромный вред, как активные германские пособники и как шпионы, причем такими шпионами являются не отдельные, небольшие единицы, а почти поголовно все немецкое население»*³. «Мирное завоевание России немцами» – с таким докладом, сразу же опубликованным отдельной брошюрой, выступил на чрезвычайном общем собрании членов «Общества» 13 марта 1915 г. И. И. Сергеев⁴. Он утверждал, что к началу войны около 70 прибалтийских немцев с дворянскими титулами и российским подданством состояли на военной службе в Германии⁵. «Золото Рейна» – в брошюре с таким названием сотрудник «Нового времени» А. М. Селитренников (псевдоним Андрей Ренников) на примере немцев-колонистов юго-запада России аккуратно подводил читателя к мысли, что все они являются агентами Германии⁶. С откровенно националистических позиций выражал надежду на конец немецкого влияния в России профессор Варшавского университета В. В. Есипов: *«Пришел уже конец засилью немцев в России. <...> Справилась Россия с алкогольным дурманом, справится и с дурманом немецким»*⁷.

¹ Лор Э. Русский национализм и Российская империя: кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны / пер. с англ. В. Макарова. М.: Нов. лит. обозрение, 2012. С. 37.

² [Хвостов А. Н.] Борьба с немецким засильем: речь члена Государственной Думы А. Н. Хвостова в заседании 3 августа 1915 г. Пг.: Тип. т-ва А. С. Суворина «Новое время», 1915. С. 3.

³ Поливанов Н. О немецком засильи. 2-е изд. Пг.: Книгоизд-во «Общество 1914 года», 1916. С. 2.

⁴ Сергеев И. И. Мирное завоевание России немцами: докл., прочитанный в чрезвычайном общем собрании членов «Общества 1914 года», 13 марта 1915 г. Пг.: Книгоизд-во «Общество 1914 года», 1915. 68 с.

⁵ Там же. С. 59–60.

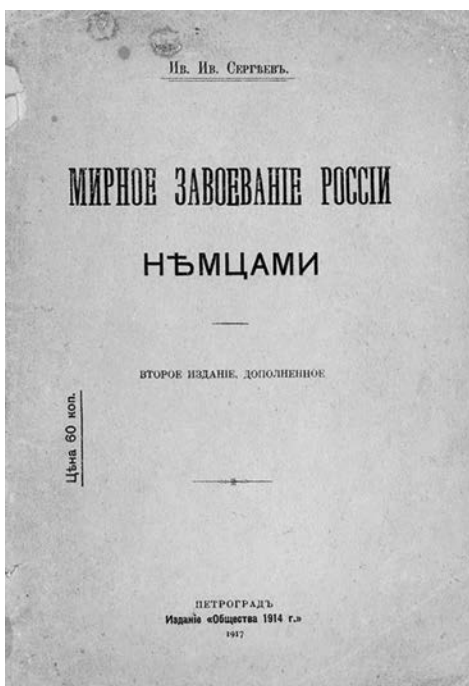
⁶ Ренников А. (Селитренников А. М.). Золото Рейна: О немцах в России. Пг.: Тип. т-ва А. С. Суворина «Новое время», 1915.

⁷ Есипов В. В. Германцы. I. Жестокий народ. II. Жестокое право. Варшава, 1915. С. 7.

Отказаться от иноземного влияния во всем, переименовать немецкие названия городов, очистить речь от немецких слов – предлагает В. В. Есипов на страницах первого выпуска сборника материалов, посвященных вопросу борьбы с «внутренней Германией». У сборника было весьма горящее название – «Немецкое зло»¹. В ряду обвинительных антинемецких публикаций был и сборник «Наши враги», составленный из статей П. И. Ковалевского («Немцы. Психологический очерк»), С. Н. Сыромятникова («Из русско-германских отношений»), А. М. Михайлова («О немецкой науке и немецком гипнозе»)². Бывший ректор Варшавского университета, а затем профессор Казанского и Петербургского университетов П. И. Ковалевский поставил диагноз всей немецкой нации, «скотские чувства» которой «ныне даже усилились»:

«чрезмерная жратва и широкое пьянство создали современного немца, тупого хищника, лжеца и бесстыдного», «поскоблите немца, он и ныне окажется варваром, и при том варваром низшего сорта, без чести, правды и порядочности», «порядочность для них – дело условное»³. Известный в свое время журналист С. Н. Сыромятников (Сигма) утверждал, что после начала войны «ни мы, ни Англия не ищем мирового господства, и честные, и умные люди наших обоих народов найдут возможность размежеваться, когда Европе перестанет угрожать железный кулак германских варваров»⁴. А. М. Михайлов констатировал: «Теперь уже не приходится говорить о пресловутой немецкой культурности. <...> Где тут культурность, если люди в отместку за свои неудачи сжигают веками славившуюся библиотеку и разрушают дивные памятники искусства и старины?»⁵.

В разоблачительную кампанию включились военные. Генерал-майор Н. Д. Поливанов истерично утверждал: «Современный немец, где бы он ни проживал, – к Востоку или Западу от нашей границы, в одинаковой степени нравственный

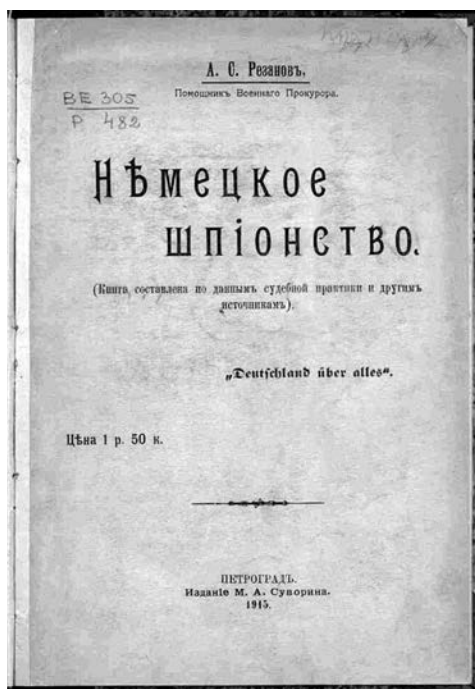
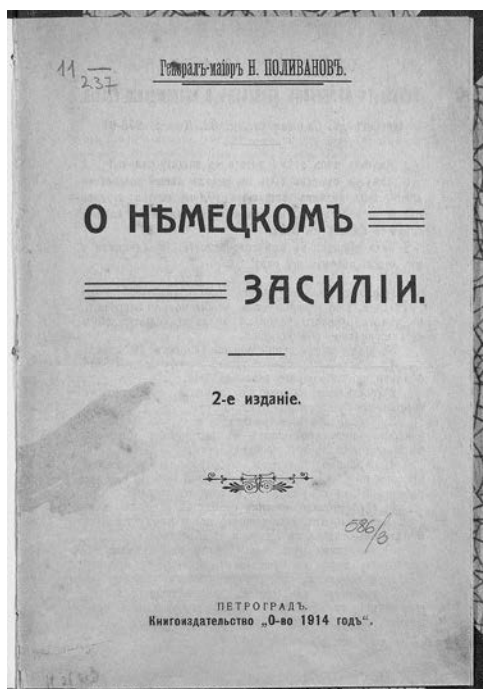
¹ Есипов В. В. Славяне и немцы // «Немецкое зло»: сб. ст., посвящ. вопросу о борьбе с нашей «внутренней Германией». М.: Тип. А. И. Мамонтова, 1915–1917. Вып. 1. 1915. С. 21.

² Ковалевский П. И., Сыромятников С. Н. (Сигма), Михайлов А. М. Наши враги. Очерки.

³ Ковалевский П. И. Немцы: [психологический очерк] // Ковалевский П. И., Сыромятников С. Н. (Сигма), Михайлов А. М. Наши враги. Очерки. С. 6, 9, 14.

⁴ Сыромятников С. Н. Из русско-германских отношений // Там же. С. 61.

⁵ Михайлов А. М. О немецкой науке и немецком гипнозе // Там же. С. 64.

выродок, дегенерат, физическое существо без моральной подкладки, без чести, благородства и сердца»¹. Поэтому доверять никому нельзя. «Германский шпионаж является всепоглощающей организацией еще мирного времени, во главе которой стоят посольства и все консулы. Взглянув на карту немецкого расселения за последние 45 лет, мы прежде всего увидим, что немцы селятся по известному, строго разработанному военному плану: они окружили вражескими кольцами все наши крепости, заняли важнейшие переправы, усеяли колониями все главнейшие стратегические направления. Уже один только характер расселения сам по себе исключает всякую возможность считать колонистов лояльными, не говоря о вопиющих фактах»².

Поливанов не был единственным, кто всячески продвигал идею германского шпионажа. В книге «Немецкое шпионство», составленной помощником военного прокурора А. С. Резановым, факты всепроникающего германского шпионажа не должны были оставить место сомнениям о существовании разветвленной немецкой шпионской сети³. На 336 страницах книги демонстрируются задачи, идеология (пангерманизм), цели, масштабы, организационные формы и методы немецкого шпионства в разных странах, в том числе и в ходе уже развернувшейся войны. Автор приводит множество деталей, в частности

¹ Поливанов Н. О немецком засилии. С. 8.

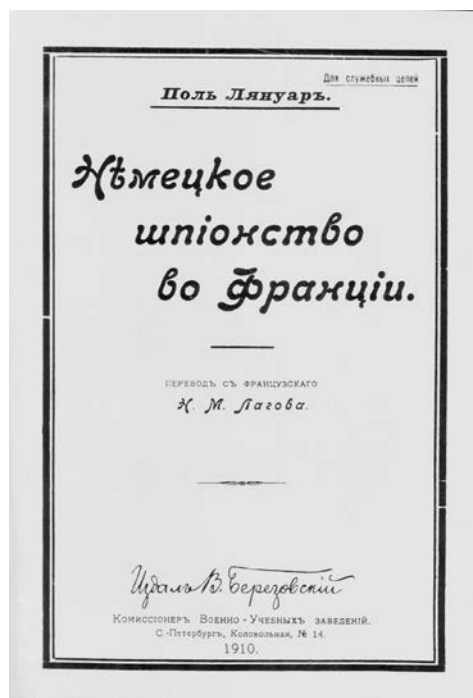
² Там же. С. 2–3.

³ Немецкое шпионство: (Кн., сост. по данным судеб. практики и др. источникам) / А. С. Резанов, пом. воен. прокурора. Пг.: М. А. Суворин, 1915. 336 с.

по использованию мирного населения в шпионской деятельности, формированию кадров шпионов из людей разного социального положения, роль в этом деле немцев-колонистов в России, особенно в Прибалтийском крае. В ряде случаев он ссылается на переведенную на русский язык книгу о немецком шпионстве во Франции П. Лянуара¹, который, по словам переводчика, «настолько углубил и расширил исследование вопроса, что читателю представляется совершенно отчетливая картина всей системы германского шпионства»².

Резанов не оставляет сомнений у читателя о том, что немецкое шпионство и накануне войны «преследовало значительно более широкие цели, выполняя задачи, поставленные не только германским генеральным штабом, но также и министерством иностранных дел. Вся внешняя политика немцев была основана на работе их шпионов, почему, исследуя эту область немецкой деятельности, порою бывает невозможно провести резкую черту между работой немецких политиков и немецких шпионов»³. «К сожалению, кодекс немецкой морали для многих стал понятен только после того, как разразившаяся война сорвала фиговый листок со всех немецких действий. Правила международной чести немецкие политические и военные деятели считали глупыми предрассудками, удобными лишь для того, чтобы служить маской немецкой официальной подлости»⁴. «Откуда же берется подобное пренебрежение нормами морали?» – задается вопросом А. С. Резанов. И сам на него отвечает: «Политики, ученые, публицисты, – одним словом, весь лагерь обнаглевших немцев, т. е. добрых $\frac{3}{4}$ современной Германии, считали, скажем недавними словами редактора “Zukunft’a” Гардена, что немцы – сверхнация, призванная господствовать над всем миром»⁵.

Уже начало войны показало, что немецко-австрийские войска не намерены придерживаться общепризнанных норм морали в отношении мирных граждан

¹ Лянуар П. Немецкое шпионство во Франции / пер с фр. Н. М. Лагова. СПб.: Изд. В. Березовский, 1910. 176 с.

² От переводчика // П. Лянуар. Немецкое шпионство во Франции. С. V.

³ Немецкое шпионство... С. 61.

⁴ Там же. С. 62.

⁵ Там же. С. 62–63.

захваченных территорий, оберегать очаги и памятники мировой культуры, попавшие в зону военных действий. Вторгнувшиеся в Бельгию германские солдаты 25–27 августа 1914 г. подожгли и превратили в пепел университетский город Левен и его знаменитую богатейшую библиотеку, а затем, уже на территории Франции, 20 сентября обстреляли из артиллерии Реймский собор – выдающийся памятник архитектуры и место коронации практически всех французских монархов. Возмущение и осуждение вызывали не только варварские методы ведения войны, но и согласие с ними в Германии. Даже немецкие ученые в обращении «К культурному миру», подписанном 93 интеллектуалами, пытались защитить милитаризм и обосновать правомерность агрессии: это неправда, что Германия виновница войны, «неправда, будто наши войска безжалостно обрушились на гор. Лёвен», «неправда, будто война ведется нами с нарушением требований международного права»¹. Мир эти оправдания не принял, расценив германских милитаристов как «современных тевтонов с новейшей техникой», «варваров XX века». Поднялась волна возмущений и протестов российских ученых не только в отношении методов германской армии, но и в связи с позицией немецких интеллектуалов.

С первых дней войны прессу заполнил поток сообщений о недопустимом в цивилизованном государстве отношении к русским, которых война застала в Германии. Там работало много сезонных рабочих. В 1910 г. в Германии проживали 137 697 русских подданных². К началу войны их, видимо, было больше, но сколько точно – трудно сказать. Газеты писали, что с началом войны в Германии задержали около 45 тыс. сельскохозяйственных рабочих из России³. Говорили о нескольких сотнях тысяч русских, оказавшихся на германской территории к моменту объявления войны⁴, и это близко к истине: по немецким данным, на территории Германии находились около 250 тыс. российских сезонных сельскохозяйственных рабочих. Они были интернированы.

Кроме того, в различных городах Германии, в том числе Берлине, оказалось множество русских, приехавших в Германию по делам предпринимательства, на учебу, отдых и курортное лечение⁵. Эти люди относились к российской политической, военной, научной и культурной элите. В Германии накануне войны находились многие видные сановники, генералы, профессора,

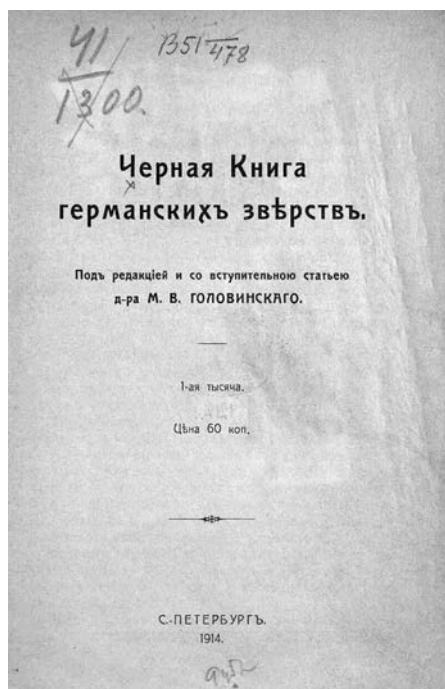
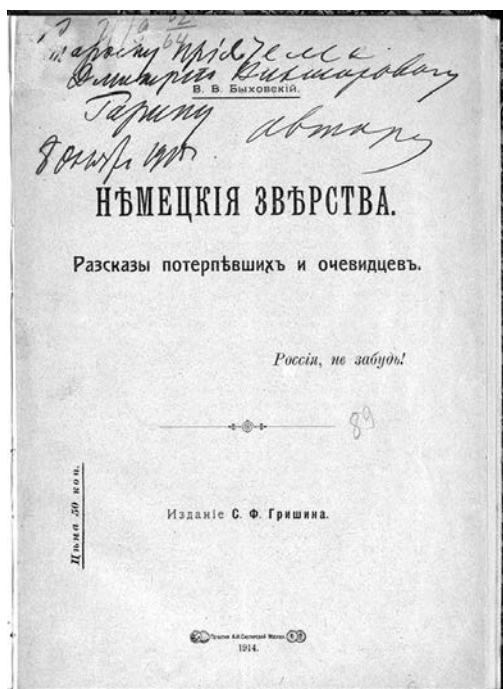
¹ Воззвание 93-х представителей к цивилизованному миру // Оправдание представителями германской интеллигенции нынешней войны и способа ее ведения Германией и Австро-Венгрией и Отповедь представителей интеллигенции во Франции, Англии и России / изд. В. И. Адамович, засл. проф. Пг.: Типо-лит. С. К. Пентковского, 1915. С. 6, 8.

² Карманная энциклопедия войны 1914 года. Пг., 1914. С. 54.

³ Милютин В. П. О влиянии войны на состояние рабочих сил в России. М.: Тип. О. Л. Сомовой, 1914. С. 14.

⁴ Карабчевский Н. П. Мирные пленники: В курортном плену у немцев: Впечатления и наблюдения. Пг.: Тип. т-ва Екатерингоф. печ. дело, [1915]. С. 8.

⁵ Список русских подданных, застигнутых войной за границей / М-во иностр. дел. Пг.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1914. Вып. I–IV.

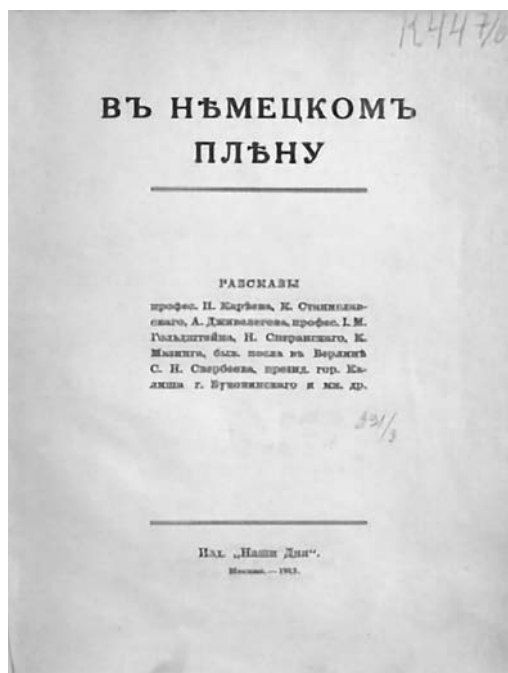

адвокаты. Наиболее информированные вовремя уехали. Те, кто недооценил опасность и не успел, уже на третий день войны были задержаны и под контролем властей высланы из страны. Но случилось это не скоро, а путь домой оказался полон унижений и издевательств. К тому же многие мужчины призывного возраста вообще были интернированы и оставались в Германии до конца войны.

В многочисленных газетных заметках, журнальных публикациях и брошюрах приводились рассказы очевидцев о злоключениях интернированных представителей разных социальных слоев и профессиональных групп, в том числе деятелей науки и культуры. М. А. Берг, составитель одной брошюры «Варварства германцев», ставшей доступной для читателей уже 8 августа 1914 г., привел свидетельства о злоключениях русских, вынужденных на территории Германии претерпевать издевательства и насилия, а подчас и быть жертвами убийств, совершенных не только обывателями, но и солдатами и офицерами¹. В. В. Быховский собрал под одной обложкой сборника «Немецкие зверства» материалы «о мучениях, испытанных русскими в Германии после объявления ею войны». Их он почерпнул со страниц газет «Новое время», «Московский курьер», «Утро России», «Речь», «Голос Москвы», «Московский листок», «Русское слово», «День», «Раннее утро», «Русские ведомости»². На основе газетных

¹ Варварства германцев / сост. М. А. Берг. СПб.: Тип. Н. Л. Ныркина, 1914. 25 с.

² Быховский В. В. Немецкие зверства: рассказы потерпевших и очевидцев. М.: Изд. С. Ф. Гришина, 1914. 108 с.

материалов вышла «Черная книга германских зверств»¹. О злоключениях русских рассказывали и другие издания².

Эмоциональное изложение событий, характерное для этих публикаций, не может быть основанием для игнорирования содержавшейся в них информации, приводившиеся в газетных публикациях и брошюрах факты сообщались очевидцами, а их было так много, что исключается сама мысль о возможной фальсификации. Тем более, что вышли не только пересказы свидетельств очевидцев, но и собственноручно написанные показания участников событий³.

¹ Черная книга германских зверств / под ред. и со вступ. ст. д-ра М. В. Головинского. СПб.: Тип. «Орбита», 1914. 56 с.

² А. З. Современные варвары: очерк. Ярославль: Тип. К. Ф. Некрасова, 1914. 32 с.; Немцы-варвары: творимые ими ужасы в наши дни над нашими отцами, матерями, братьями и сестрами. М.: Тип. П. В. Бельцова, 1914. 16 с.; Германские зверства. Одесса: Тип. «Одес. новости», 1914. 16 с.; *Заречный С.* Черная книга о жестокости немецкой. Пг.: Тип. т-ва «Грамотность», 1914. 96 с.; *Резанов А. С.* Немецкие зверства: кн. сост. по рассказам потерпевших и очевидцев, а также по офиц. док. Пг.: Изд. М. А. Суворина, 1914. 220 с.; 2-е изд., доп. Пг.: Изд. М. А. Суворина, 1915. 438 с.

³ *Шварц Г. В. (Бостунич).* Из вражеского плена: Очерки спасшегося. История мытарств русского журналиста в Германии. Пг.: Тип. Бондаренко и Гнездовского, 1915. 259 с.; *Могиленский Е. А.* Дневник заложника: 7 месяцев плена в Карлсбаде / предисл. М. М. Ковалевского. Пг.: Тип. «Двигатель», 1915. 226 с.; *Якубовский М. И.* 190 дней в Чертовой башне. Впечатления и переживания пленного русского чиновника в Вене, преданного в начале войны австрийскому военному суду. Пг.: Б-ка Великой войны, 1915. 80 с.; *Сергиевский Н. Н.* Записки пленника. Два с половиной месяца в плену у немцев. Пг.: Тип. «Сел. вестн.», 1915. 116 с.; *Дуров В. Л.* В плену у немцев. М.: Тип. «Культура», 1915. 16 с.; *Калин-*

Были опубликованы свидетельства Н. И. Кареева¹, сборник «В немецком плену» – воспоминания виднейших деятелей науки, культуры, государственных служащих, людей, не обремененных высокими званиями². Чтобы составить представление о книге, – два фрагмента из нее. Профессор Московского университета И. М. Гольдштейн был задержан при попытке уехать из Германии и почти два месяца провел в плену в Ростке: *«Нас поместили в комнате размером 6×9 аршин. Здесь спали на соломе вповалку 38 человек. Спали вместе мужчины, женщины, дети, здоровые и больные. Все было грязно и отвратительно. Жалобы имели своим единственным последствием грубую ругань. При этом немцы неизменно добавляли: – Русские свиньи привыкли к грязи у себя дома. Эти свиньи были: русские врачи, профессора, сановники в чине тайного советника и т. д. <...> Большие всего меня возмущали издевательства немцев, которые развлекались тем, что на глазах толпы русских делали театральные приготовления к расстрелу. Раздавали солдатам боевые патроны, выкатывали пушку, выносили траурные катафалки и т. п. Конечно, с дамами делались истерики, да и мужчины чувствовали себя не очень хорошо»³. Посол России в Германии С. Н. Сербеев свидетельствует: *«Я ехал впереди на автомобиле американского посла. Меня толпа не задела. Раздавались лишь враждебные возгласы. Но пассажиры следующих автомобилей были жестоко избиты толпой. Хотя Берлин официально опроверг факт избиения чинов русского посольства, но это было в действительности. Толпа избивала палками не только мужчин, но и дам. Серьезнее других пострадал г. Храповицкий – его избивали в кровь. В толпе, избивавшей русских, была не только берлинская чернь – преобладали интеллигенты. <...>**

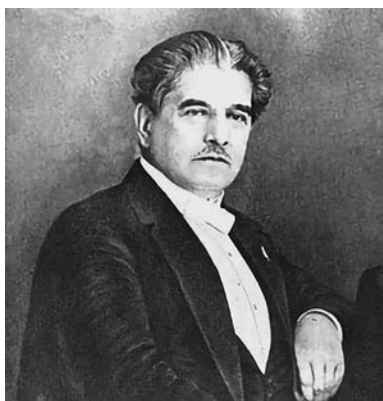
Иосиф Маркович Гольдштейн

ков П. В плену у немцев // Ист. вестн. 1915. Т. 141, № 9. С. 867–883; Моргенстиэртн И. Ф. Шесть месяцев в немецком плену // Там же. 1915. Т. 142, № 12. С. 854–864; Бируков Б. И. Отчет о заграничной поездке летом 1914 года: (В германском плену) // Изв. Николаев. ун-та. 1915. Т. 6, вып. 2, прил. С. 1–32; 1916. Т. 6, вып. 4, прил. С. 33–104; Его же. В германском плену: (отголоски пережитого). Саратов: Тип. Союза печ. дела, 1916. 104 с.; Боткин С. Д. Три последних дня пребывания императорского посольства в Берлине // Изв. М-ва иностр. дел. 1916. Кн. 1. С. 68–74; Фомин В. Б. Среди культурных варваров: 14 месяцев в германском плену. Пг.: Изд-во Скобелев. ком., 1916. 54 с.; Сонин М. В германском плену: (По личным наблюдениям) // Русские записки. 1917. № 1. С. 51–69; № 2/3. С. 92–113.

¹ Кареев Н. И. Пять недель в германском плену // Русские ведомости. 1914. № 209. 12 сент. С. 5; Его же. В недавнем немецком плену // Русские записки. 1914. № 1. С. 89–103.

² В немецком плену / рассказы проф. Н. Кареева, К. Станиславского, А. Дживелегова, проф. И. М. Гольдштейна, Н. Сперанского, К. Мазинга, бывш. посла в Берлине С. Н. Сербеева, президента гор. Калиша Буковинского [и др.]. М.: Наши дни, 1915. 184 с.

³ Проф. И. Гольдштейн в плену // Там же. С. 62–63.

Николай Платонович
Карабчевский

В пути нам не было предоставлено никаких удобств, и нам отказывали даже в стакане воды»¹.

Подобными фактами изобилуют и воспоминания других участников эвакуации из Германии. Н. П. Карабчевский, выдающийся адвокат, председатель Петербургского совета присяжных поверенных, описал свои личные впечатления о вынужденном пребывании в стране, с началом войны ставшей враждебной². Его первым шоком стало внезапное осознание краха, казалось бы, незыблемой формулы: право выше силы. *«Пока многие годы мы дивились показной германской культуре, пока систематиче-*

ски заполняли все его курорты и самые нехитрые неудобные закоулки, Немцы (так в тексте, с большой буквы. – И. Ч.) аккуратно, настойчиво, с лакейской обстоятельностью грабили нас на многие миллионы. <...> На своих “курортных гостей” Немцы так и смотрели: варвары ежегодно несут установленную дань германской культуре»³. С началом войны все изменилось: «курортные гости» превратились в «цивильных пленных». Соответственно, стало иным и отношение к русским: из предупредительного до угодничества моментально трансформировалось в оскорбительное, унижающее человеческое достоинство, сопровождаемое психическим и физическим насилием, необоснованными обвинениями в шпионаже и арестами. В ответ на столь явственную перемену в поведении немцев С. Д. Толь, супруга члена Государственного Совета и обер-егермейстера Высочайшего Двора С. А. Толя, издает книгу с говорящим названием – «Причины и последствия осатанения немцев»⁴. Сам С. А. Толь также описал свой опыт германского плена⁵.

Сергей Александрович Толь

¹ Из Германии в Россию. Рассказ нашего бывшего посла в Берлине С. Н. Свербеева // Там же. С. 79.

² Карабчевский Н. П. Мирные пленники: В курортном плену у немцев: Впечатления и наблюдения. 132 с.

³ Там же. С. 8.

⁴ Толь С. Д. Причины и последствия осатанения немцев: историческая справка. Пг.: Тип. ред. период. изд. М-ва финансов, 1916. 160 с.

⁵ Толь С. А. Подневольное житье в стране культурного народа: воспоминания о германском плене. Пг.: Тип. ред. период. изд. М-ва финансов, 1917. 153 с.

Если злключения выезжавших из воюющей Германии ограничивались «всего лишь» унижением, издевательствами и побоями, то судьба населения оккупированных немецкой армией территорий была трагичной. Огромный резонанс получила трагедия польского города Калиш¹. Буковинский, президент г. Калиша, центра Калишской губернии Царства Польского, рассказал о гибели возглавлявшегося им города и его жителей. Тотчас после захвата города последовал приказ: «Доставить для 820 человек продовольствие, состоящее из кофе, мяса и хлеба». Это было только начало: «На следующий день немцами была конфискована городская касса, из которой забрали около 30-ти тыс. наличными». Город пережил бы грабеж, но под предлогом защиты от какой-то неизвестной колонны «в течение 15-ти минут весь немецкий отряд выступил на улицы в полной боевой готовности, и спустя несколько минут раздались выстрелы из ружей и пулеметов. Стрельба с минуты на минуту усиливалась, и, как оказалось, жертвами этой стрельбы пали до 400 невинных жителей города». Затем «все имущество, все продукты, мебель, платья – все, что представляло какую-нибудь ценность, было вывезено немцами на фурах, принудительно доставляемых окрестными помещиками и крестьянами в Германию. Ограбленные же дома впоследствии были сожжены». И общий вывод главы города: «Число погибших невинных жителей трудно определить, так как сотни убитых сами пруссаки закапывали без малейшего содействия и без присутствия кого-либо из местных жителей. Но число это можно определить не менее как в 4000 жертв. Убивали целые семьи, не щадили ни маленьких детей, ни женщин. В одном лишь доме Щетинского перебили больше 40 людей»².

Австро-венгерская армия вела себя не лучше, что и отмечали авторы выходивших книг. А. Богданов сообщал, ссылаясь на ноту сербского правительства: австро-венгерская главная квартира приказала войскам уничтожить посе-вы,

¹ Страшные калишские и другие зверства немецких варваров. 1914 г. М.: Тип. М. Н. Шаропова, 1914. С. 3–14; Ужасные зверства немцев-варваров (Калиш, Туган-Барановская). М.: Сазонов, 1914. 16 с.; Касаткин И. Немецкие набеги: Калиш. Ужасы по рассказам очевидцев. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1914. 32 с.; Заречный С. Черная книга о жестокости немецкой. Пг.: Тип. т-ва «Грамотность», 1914. 96 с.; С. Г. На развалинах Калиша: (Записки очевидца). Пг.: Изд-во т-ва «Союз», 1915. 56 с.

² На развалинах Калиша. Рассказ президента г. Калиша Буковинского // В немецком плену: рассказы. С. 118, 122, 124.

поджигать деревни, убивать и вешать попадающихся им жителей. Во исполнение приказа в Шабаце австрийская армия разрушила и варварским образом разграбила город¹.

Полной противоположностью было отношение русских войск к населению захваченных вражеских территорий. К. Полаковский, штабной офицер гарнизона австрийской крепости Перемышль, как очевидец событий составил описание боев за крепость и ее капитуляции, в котором свидетельствовал: «В 8-м часов утра русские войска вступили в Перемышль. Это вступление произвело на гарнизон большое впечатление: войска вступали тихо, без шума и музыки. Австрийцы иначе представляли себе это вступление. С соблюдением полной тишины, были заняты все пункты, и вскоре русский двуглавый орел развевался над величайшей крепостью Австрии. Снаружи работали русские технические части, удаляли мины, проводили телефон, строили мосты, а быстро подвезенные съестные припасы стали доступны всем, как голодным австрийским солдатам, так и гражданскому населению»².

Названные и другие подобные им публикации развенчивали германофильство у тех, кто еще его сохранял. Такую же роль играли публикации рассказов

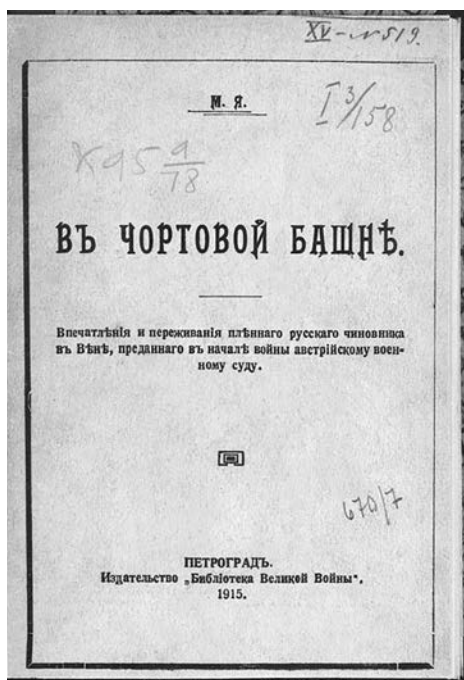
¹ Богданов Ал. Австро-Сербский фронт войны. Пг.: Тип. И. В. Леонтьева, 1914. С. 28.

² Полаковский К. С. Осада и падение Перемышля // История великой войны [1914 года]: в 3 т. Т. 3. 1916. С. 293.

русских солдат, офицеров, врачей, сестер милосердия, переживших германский или австрийский плен. Военный врач М. П. Базилевич собрал и письменными показаниями очевидцев закрепил бесчисленные случаи нарушения международных норм содержания военнопленных. Лично пережитое в лагере и показания еще 110 военных врачей, оказавшихся в таком же положении, и составили содержание книги о жизни русских солдат и офицеров в плену. М. П. Базилевич пишет: *«То, что мы увидели, то, что нам пришлось переживать, свидетелями каких страданий и унижений человеческого достоинства нам пришлось быть в долгие годы плена, живя в различных солдатских лагерях и рабочих командах, рассеянных по всей Германии, превосходило не только всякую смелую, но просто больную фантазию»*. И далее более 200 страниц показаний, лично написанных военнопленными. В них свидетельства ужасающих условий содержания, следствием чего стала массовая гибель от голода, эпидемий, истязаний и непосильного труда. По подсчетам Базилевича, в лагерях число умерших «уже теперь нужно исчислять не менее как в 400 000 человек»¹. Надо сказать, опубликованные по горячим следам рассказы военнопленных многочисленны², и все они отличаются лишь местом действия, но ни одно не свидетельствует о цивилизованном отношении в лагерях к солдатам и офицерам русской армии.

¹ Базилевич М. П. Положение русских пленных в Германии и отношение германцев к населению занятых ими областей Царства Польского и Литвы: (материалы, собранные М. П. Базилевичем в плену и среди 110 вернувшихся из плена русских врачей). Пг.: Тип. т-ва А. С. Суворина «Новое время», 1917. С. 3–4.

² См.: Григорьев С. Два месяца в германском плену: (впечатления, наблюдения, выводы). Одесса: Порядок, 1914. 104 с.; Курмояров И. Страшная повесть: (Рассказы русских солдат, бежавших из недр германского плена). Пг.: Грамотность, 1915. 19 с.; Маркозов В. В. Тяжелое недавнее прошлое: (О пребывании автора – врача Красного Креста в плену у немцев). Пг.: Тип. Биржевых ведомостей, 1915. 21 с.; Радониц Б. Дневник сестры милосердия, прожившей в германском плену без малого 4 месяца. Пг.: Тип. т-ва А. С. Суворина, 1915. 76 с.; В германском плену: записки сестер милосердия Е. Ч. и Н. К. Пг.: Гос. тип., 1915. 59 с. (Оттиск из «Вестника Красного Креста». 1915. № 6); Ульянов Н. В. В плену: рассказ А. Ульянова. [М., 1915]. 52 с.; Кривоцов А. Жизнь русских воинов в плену. 1916. 20 с.; Его же. Истязания и убийства русских раненых воинов. 1916. 32 с.; Навоев П. Е. Как живет наш пленный в Германии и Австро-Венгрии. Пг., 1915. 47 с.; 8-е изд., 1916. 48 с.; Моисеенко И. В плену у немцев. М.: Тип. штаба Моск. воен. окр., 1916. 55 с.; Румша К. Ю. Пребывание в германском плену и геройский побег из плена. Пг., [1916]. 107 с.; Русские в плену у австрийцев. Пг., 1916; Фомин В. Б. Среди культурных варваров: 14 месяцев в германском плену. Пг.: Изд-во Скобелев. ком., 1916. 54 с.; Якушев Д. П. В плену у немцев: письма и рассказы русских военнопленных. Пг., 1916. 38 с.; Наши воины в плену. Пг., 1917; Наши военнопленные в Германии и Австро-Венгрии: по дополнительным сведениям. Пг., 1917; Самсонова Е. А. Две командировки в Германию для осмотра военнопленных. Пг.: Центр. ком. по делам о военнопленных при Гл. упр. Рос. о-ва Красного Креста, 1917. 12 с.; Шамурин Ю. И. Два года в германском плену. М.: Образование, 1917. 47 с.; Кардо-Сысоев К. Н. Воспоминания о плене // Военнопленные врачи. М., [1918]. С. 3–25; Бузников А. Н. Из германского плена // Там же. С. 26–32.

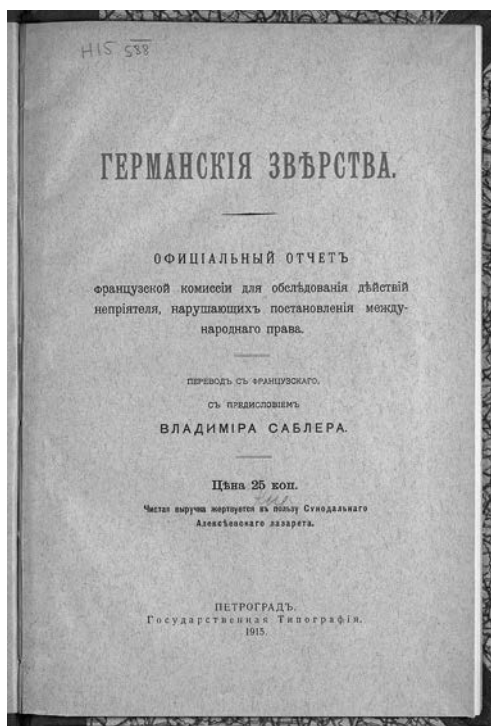
Собственно, таким же оно было и по отношению к гражданским лицам, имевшим несчастье попасть в жернова германской или австрийской административной или правовой системы. Об этом свидетельствуют воспоминания нештатного секретаря русского Генерального консульства в Вене М. И. Якубовского. При эвакуации посольства он остался в Вене, чтобы продолжать заниматься делами российских подданных через посольство Испании, которому передавалось представительство интересов России. Однако уже 1 августа 1914 г. указом императора Франца Иосифа со всех чиновников российских консульств была снята дипломатическая неприкосновенность, и в тот же день Якубовского арестовали. В одиночной камере венской тюрьмы, доведенный

до галлюцинаций, он провел 190 дней, прежде чем предстал перед военным судом. В качестве «обличающих» улик были предъявлены найденные у него список членов русской колонии, который объявили перечнем русских шпионов; обнаруженные русские и австрийские деньги, которые посчитали предназначенными для выплат шпионам; регулярное посещение одного венского питейного заведения, куда заходили австрийские солдаты, но в котором Якубовский никогда не бывал; клочки разорванной открытки, найденной в квартире при обыске, проведенном после ареста чиновника и без его присутствия. Суд освободил его как невиновного, и он смог вернуться в Россию¹.

Общественности быстро становилось известно о преступлениях германских войск на оккупированных территориях. К сбору информации о них и обнародованию ее подключились правительственные учреждения России и Франции. В обеих странах были созданы комиссии для расследования нарушений законов и обычаев ведения войны войсками противника. Документы французской комиссии, расследовавшей преступления германской армии на территории занятых департаментов Франции, были переведены на русский язык и опубликованы в 1915 г.² То, что нашли местные жители после ухода немецких войск,

¹ М. Я. [Якубовский М. И.] 190 дней в Чертовой башне. Впечатления и переживания пленного русского чиновника в Вене, преданного в начале войны австрийскому военному суду. Пг., 1915.

² Организованные преступления германской армии / пер. с фр. Н. М. Лагова. Пг.: Изд. В. А. Березовский, 1915. 103 с.; Германские зверства: Официальный отчет французской комиссии для обследования действий неприятеля, нарушающих постановления международного права / пер. с фр.; предисл. В. Саблера. Пг., 1915. 25 с.

отброшенных на сотню километров после битвы на Марне, «представляло собой картину такого опустошения и носило следы таких зверств, подобно коим нельзя найти на протяжении всей современной истории; когда же к этим немым свидетелям присоединились голоса пришедших в себя невольных очевидцев всего здесь происходившего под гнетом “культурных” германцев, то из всего этого получилась такая, поистине ужасающая, картина, которой до сих пор не могло, отказывалось допустить самое смелое, даже самое разнужданное воображение»¹.

Российская Чрезвычайная следственная комиссия, состав которой назначался императором, выпустила два тома документов о преступлениях немецких, австрийских, турецких и болгарских войск на оккупированных территориях, совершенных в апреле–декабре 1915 г.² К ним добавился еще один сборник показаний, выпущенный в 1917 г.³ Свидетели рассказывали о грабежах, о принудительном труде, об изоощренных наказаниях, о травле собаками и расстрелах, об особо жестоком обращении с казаками. Среди документов встречаем и такой: «В последних числах декабря 1915 г. партия, находившихся

¹ От переводчика // Организованные преступления германской армии. С. 5.

² «Наши враги»: Обзор действий Чрезвычайной следственной комиссии с 29 апреля 1915 года по 1 января 1916 года: [в 2 т.]. Пг.: Сенатская тип., 1916.

³ Наши военнопленные в Германии и Австро-Венгрии: (По доп. сведениям) / Чрезвычайн. следств. комиссия. Пг.: Сенат. тип., 1917. 49 с.

в г. Вильно русских пленных солдат, численностью до 300 человек, была отправлена к железнодорожной станции на р. Вилейке для разборки железнодорожного моста, взорванного русскими при отступлении. По прибытии на место работ оказалось, что под уцелевшей частью моста заложена невзорвавшаяся мина. Ввиду очевидной опасности от могущего ежеминутно произойти взрыва, пленные отказались приступить к работе. По распоряжению коменданта гор. Вильно всех пленных заперли тогда в станционный пакгауз, и последний был подожжен, причем пленным было объявлено, что они будут выпущены из горящего здания лишь тогда, когда выразят согласие подчиниться распоряжению и станут на работу. <...> Видя неминуемую гибель, пленные вынуждены были сдаться и выразили согласие приступить к опасной работе. <...> произошла давка, и около 50 человек, не успевших выскочить из объятых пламенем пакгауза, погибли, а около пятнадцати человек получили более или менее опасные ожоги. Погибшие были тут же наскоро преданы земле, а спасшиеся на следующий день приступили к разборке моста. Во время работ действительно произошел взрыв, и пятнадцать русских воинов увеличило собою общее число жертв германского варварства»¹.

Благодаря действиям самих немецких солдат на занятых территориях состоялась окончательная трансформация образа Германии и немцев в варвара

¹ «Наши враги»: Обзор действий Чрезвычайной следственной комиссии с 29 апреля 1915 года по 1 января 1916 года: [в 2 т.]. Т. 1. С. 22–23.

Владимир Михайлович Бехтерев

XX века. Столь драматическое перевоплощение культурных немцев заставило подключиться к оценкам поступков Вильгельма II и его подданных даже знаменитого психиатра академика В. М. Бехтерева. Он написал популярный очерк «Вильгельм – дегенерат нероновского типа», вошедший в первый том «Истории великой войны»¹ и вскоре изданный отдельной брошюрой². По В. М. Бехтереву, Вильгельм II «представляет собой личность не совсем обычную, и при том личность, которую вполне нормальной с строго научной точки зрения признать было бы трудно»³. Он хвастлив (в мире нет вопросов, которые решались бы без воли германского императора; где раз немецкий орел захватил владение и запустил свои когти в землю, там земля становится немецкой и немецкой останется), склонен ко лжи (на немцев напали), к цинизму и жестокости (пощады не давать, пленных не брать, поражать врагов среди своего же народа – и тогда стрелять в собственные семьи). *«Нужно ли еще, – заключает Бехтерев, – новых доказательств тому, что Вильгельм не только сторонник самых суровых мер, но и является представителем ярого деспотизма и жестокосердия?»*⁴ Бехтерев характеризует императора как человека с признаками психического вырождения и в этом отношении сравнивает его с римским императором Нероном, который отличался таким же психологическим типом с пониженным уровнем нравственности. При этом утверждения о психической ненормальности императора неосновательны. Ни сам император не был сумасшедшим, ни германский народ не был подвержен массовому психозу, как об этом говорят. В его деятельности всего лишь в концентрированном виде проявилась идеология милитаризма, что в полной мере соответствовало последовательно выраженному в течение нескольких десятков лет стремлению к мировому господству⁵. Но это, замечает В. М. Бехтерев, – систематическая работа германского ума, а не проявления сумасшествия, поэтому он *«не может подлежать освобождению от ответственности за свои поступки и действия ни перед современниками, ни перед*

¹ Бехтерев В. М. Вильгельм – дегенерат нероновского типа // История великой войны [1914 года]: в 3 т. Т. 1. 1915. С. 233–256.

² Бехтерев В. М. Вильгельм – дегенерат нероновского типа. М.: Наша жизнь, 1916. 45 с.

³ Там же. С. 10.

⁴ Там же. С. 10–12.

⁵ Там же. С. 7–9.

Вильгельм II,
император Германии

историей, и вместе с теми слоями германского общества, которые его поддерживают, должен нести на себе всю тяжесть моральной ответственности за все те бедствия, которые он причинил своей стране, воюющим с ней народам»¹.

Оставление русской армией после отступления огромной территории, большие потери, беженство и страдания мирных жителей, ухудшившееся продовольственное снабжение войск привели к смене настроений в обществе и особенно в армии. На смену алчному, циничному немецкому варвару пришел другой образ – простого германского солдата, сидевшего вплоть до февраля 1918 г. напротив русского в таких же окопах, тоже голодного и чрезвычайно уставшего от войны. В таких условиях пафос борьбы за культуру в союзе с демократическими нациями уступил место другому призыву – закончить войну, бороться с теми силами внутри страны, которые развязали войну. На смену врагу внешнему пришел враг внутренний.

¹ Бехтерев В. М. Вильгельм – дегенерат нероновского типа. С. 43.

ПИСЬМА, ДНЕВНИКИ, ВОСПОМИНАНИЯ РОССИЙСКИХ УЧАСТНИКОВ ВОЙНЫ

3.1. Эго-документы рядовых участников и свидетелей войны

Солдатские письма. Письма с фронта являются ценнейшим источником для изучения войны в разных ее проявлениях. В них отражалась сама повседневность войны: бои в наступлении и при отходах, фронтовой быт и смена солдатских настроений. Ценность такого источника, как письма с фронта, была понятна уже современникам. Именно солдатские письма, правда, английских солдат, К. И. Чуковский положил в основу своей книги путевых очерков по Англии «Заговорили молчавшие! (Англичане и война)», написанных в ходе пятидневной ознакомительной поездки в страну-союзницу в феврале–марте 1916 г. в составе группы русских журналистов и писателей. Эти письма, пишет Чуковский, *«разноголосы и пестры, ибо так различны писавшие их, но все они сливаются в одно, и если читать их подряд, сотнями и сотнями тысяч, то уже не замечаешь ни Джонсов, ни Джонсонов, а видишь одного только автора, и этот автор – народ»*¹. При этом цитаты из русских солдатских писем нередко встречались в английских публикациях, пишет Чуковский: *«Я даже перевел два отрывка. Не дико ли, что русские письма приходится разыскивать в Лондоне и печатать их в переводе с английского, а в России так-таки не нашлось никого, кто бы их собрал и издал»*².

Чуковский не вполне прав. Письма с фронта, фактически очерки и зарисовки, облеченные в определенную литературную форму, стали появляться с самого начала войны. Принадлежали они перу образованных участников боевых действий – офицерам действующей армии. Уже в 1914 г. в Петрограде была выпущена книга «В огне. Боевые впечатления участников войны». Она не что иное, как сборник фронтовых писем без указания каких-либо сведений об авторах и месте описываемых событий. Собственно, в одном из посланий есть и объяснение этому: *«Не назову части, где служу, не назову даже места, где мы дрались <...> нам воспрещено об этом говорить. <...> Но о том, что я пережил в бою, я могу вам рассказать»*³. И автор, артиллерийский офицер, выполняет свое обещание: *«Вижу немцы пошли в атаку... Один полк неприятеля расстрелян, расстрелян второй, а я все навожу и стреляю... Нервная*

¹ Чуковский К. И. Заговорили молчавшие! (Англичане и война). 3-е изд. С. 6–7.

² Там же. С. 125.

³ В огне. Боевые впечатления участников войны. Пг.: Тип. т-ва «Грамотность», 1914. С. 6.

дрожь исчезает, я прихожу в ярость и без всякого сострадания паля в неприятеля... А он все подступает, и все ложится. Я не понимаю вражеского маневра. Но что мне он сейчас? Я занимаю удачную позицию и кошу его, точно крепкий батрак, с косою в руках забравшийся на густое клеверное поле»¹. Таким же образом и другие тексты этого сборника позволяют представить человека на войне, его отношение к врагам и долгу по защите собственной страны.

Вышли и другие подобные публикации². Во втором полугодии 1916 г. в журнале «Северные записки» стали печататься очерки «Из писем прапорщика-артиллериста», написанные в госпитале после ранения и адресованные матери, жене и однополчанам³. Обозначены они были псевдонимом «Н. Лугин», настоящее же имя автора – Федор Степун. Он учился в Гейдельбергском университете, защитил докторскую диссертацию по философии Владимира Соловьева, в возрасте 30 лет попал на австрийский фронт, был ранен, лечился в госпитале. Впоследствии Ф. Степун стал известнейшим ученым. Целиком его письма впервые вышли в Праге в 1926 г.⁴, были переизданы в России в 2000 г.⁵ Первое письмо датировано 12 сентября 1914 г., последнее – 4 марта 1917 г. В письмах подробно запечатлены картины военного быта, потерь товарищей. 14 октября 1914 г. Степун пишет: *«Вот уже шестой час стоим мы у австрийской границы и не можем переправиться ввиду заваленности дороги военным грузом. Следы войны здесь, как открытые раны. Сожженные постройки, опаленные кусты, разбитые бронзовые пушки австрийцев, поезда с ранеными, пленными, и на каждой станции страшные рассказы санитаров и врачей. Все эти впечатления я уже не воспринимаю, а умело топлю в своей душе, привязывая каждому к шее тяжелый груз моего упорного нежелания знать»*⁶. *«Не приходило ли тебе в голову, читая и слыша, как много за последнее время умерло выдающихся людей, что умерли все не от болезней, а от того безумия и страдания, что война принесла в мир?»*, – пишет Ф. Степун матери 28 октября 1915 г.⁷

Очень быстро возникло понимание того, что письма рядовых участников военных событий понадобятся будущим исследователям. Начались попытки их сбора и систематизации. Действительный член Императорского русского

¹ В огне. Боевые впечатления участников войны. С. 6–7.

² *Бернацкий В. А.* Из писем артиллерийского офицера с австрийского фронта // Русская старина. 1915. Т. 162, № 4. С. 96–112; *Курмояров И.* Письма офицера с передовых позиций. Пг.: Тип. т-ва «Грамотность», 1915. 76 с.; На передовых позициях: из рассказов и писем участников сражений. М.: Т-во И. Д. Сытина, 1915. 32 с.; *Мамонтов Н. П.* Рассказы строевого офицера: Письма с войны. Пг.: Изд. Березовский, 1916. 184 с.

³ *Лугин Н.* Из писем прапорщика-артиллериста // Северные записки. 1916. № 7–9.

⁴ *Степун Ф.* Из писем прапорщика-артиллериста. Прага: Пламя, 1926. 267 с.

⁵ *Степун Ф. А. (Лугин Н.).* Из писем прапорщика-артиллериста. Томск: Водолей, 2000. 192 с. Книга почти полностью, но с некоторыми изменениями включена в двухтомные воспоминания Степуна «Бывшее и несбывшееся», написанные много позже.

⁶ *Степун Ф.* Из писем прапорщика-артиллериста. С. 13.

⁷ Там же. С. 154.

географического общества И. И. Ульянов со страниц брошюры «Клятвенные обещания в окопах» обратился с просьбой направлять солдатские письма и дневники в рукописное отделение Императорской академии наук в Петрограде¹. Е. В. Молостцова, блестяще образованная женщина, учившаяся во Франции и Италии, также действительный член Императорского русского географического общества, собрала на территории Казанской губернии, где проживала в родовом имении, коллекцию солдатских писем 1914–1916 гг., адресованных родителям, и опубликовала их отдельным сборником². Она страстно призывала: «Собирайте солдатские письма. В них – и мрак, и свет нынешней беспримерной войны. <...> Думаю, что помещаемые ниже выдержки из солдатских писем, несмотря на их отрывочность, не нуждаются в обобщении. Они ценны, как отдельные мазки, дающие в своей сложности яркую картину – образ самого художника – русского народа»³.

Предваряя сборник, Е. В. Молостцова пишет: «О солдатских письмах часто приходится слышать, что они однообразны и неинтересны: перечень родственных поклонов, краткие извещения о здоровье. Но такой взгляд ошибочен. Народ, несмотря на свою малограмотность, пишет красиво и содержательно, точным и образным языком. <...> Малограмотный солдат редко отступает от принятой деревней формы, но не вследствие неумения выражать свои мысли, а только потому, что подчиняется обычаю, еще сохранившему в его среде живой дух и смысл. Начинать письмо с передачи собственных переживаний и посторонних событий было бы проявлением непочтения к старшим и невнимания к остальным членам семьи. Оно вызвало бы порицание, подобное тому, как в светской гостиной заслужил бы человек, начинающий разговор прежде, чем поздороваться с присутствующими. В обоих случаях – требование вежливости, но в народе это требование – более глубокого внутреннего свойства: в нем кроется сущность сложных родственных отношений с тонкими и разнообразными оттенками, трудно доступными стороннему наблюдателю»⁴.

¹ Ульянов И. И. Клятвенные обещания в окопах. (Из материалов лично собранных). Пг.: Тип. МВД, 1915. С. 16.

² Молостцова Е. В. Солдатские письма. Казань, 1917. 98 с.

³ Там же. С. 9–10.

⁴ Там же. С. 4–5.

Е. В. Молостова реконструирует обстановку, в которой сосредоточенно и напряженно семья слушает чтение только что полученного письма:

«Дорогим и многоуважаемым моим родителям тятеньке Петру Васильевичу и маменьке Акулине Ивановне посылаю я свое глубочайшее сыновнее почтение и низкий поклон от бела лица и до сырой земли. И покорнейше прошу, дорогие родители, я Вашего родительского благословения, которое может существовать нерушимо по гроб моей жизни. И желаю я Вам доброго здоровья и хорошего успеха во всех делах рук Ваших. И еще я кланяюсь моим малым деткам сыночку Васе и дочке Настеньке, и посылаю я Вам, дорогие мои детки, свое родительское благословение, которое может существовать по гроб Вашей жизни». Следуют поклоны и пожелания остальным членам семьи, а также наиболее близким друзьям, и в заключение «*всем вообще родным и знакомым*». Бабы, растроганные, утирают слезы, и чтение продолжается: «*И еще уведомя Вас о себе, что в настоящее время я нахожусь жив и здоров, чего и Вам от души желаю*»¹.

*«Прошу вас, тятенька Иван Петрович и маменька Марфа Никитишина и дорогая супруга Василиса Федоровна и милый сыночек Паня, прошу вас, читайте при всех с вниманием. Больше обо мне не тужите и не плачьте, только молитесь Богу за мои тяжкие и огромные грехи, и чтобы Господь послал крепость моего духа и хранил бы меня во всяком нападении врага от вражеской пули, меча, картечи, снаряда и шрапнели, и чтобы Бог послал нам победить врага и защитить от лютотога врага вас, отечество, царя и родину. Будем биться до последней капли крови и безо всякой измены, как говорится во Св. Писании – “да благ тот воин, который не нарушит присяги, которая дается нами, каждым солдатом”»*².

По этому поводу Молостова замечает: «*Даже, если нет дальнейших подробностей, слушатели вполне удовлетворены. Узнали самое главное – жив, здоров, никого не позабыл, всем прописал поклон. Письмо несут соседям, оно переходит из кармана в карман, из избы в избу, и возвращается, захватанное, смятое, в масляных пятнах, с запахом овчины и дегтя. Старик бережно кладет его к образам, чтобы дети не разорвали на игрушки и не потерялся адрес для ответа. По получении следующего письма, старое – редко сохраняется, и еще реже перечитывается*»³. Молостова делится интересным наблюдением: «*Письма русского солдата безыскусственны и скромны, в них совершенно отсутствуют громкие выражения показных чувств, но ярко и правдиво отражается горячая любовь народа к родной земле и его душа, религиозная и терпеливая, полная смирения и покорности перед ниспосланными судьбою испытаниями. <...> Каждый солдат знает, что войну вызвал император германский Вильгельм, но почему Бог допустил совершиться такому злодеянию? – “За наши*

¹ Молостова Е. В. Солдатские письма. С. 4–5.

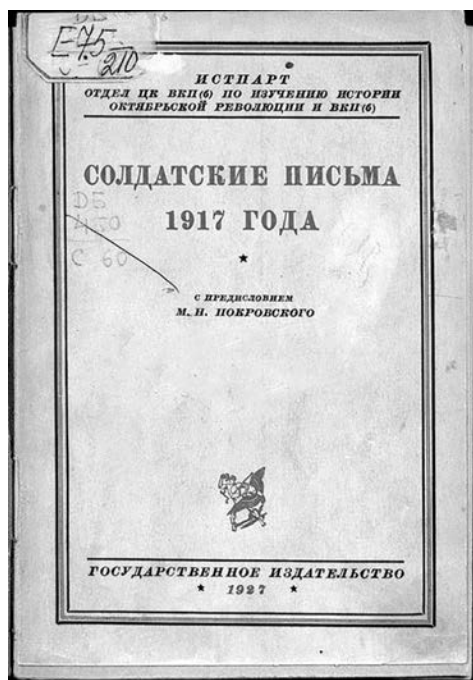
² Там же. С. 11–12.

³ Там же. С. 5.

тяжкие грехи наказует нас Господь”, – пишет солдат, – “за то, что забыли думать о Боге... Но Он же, Милосердный, дает и терпение и сохранит жизнь, его на то будет Его Святая Воля”»¹.

Молоствовва, собравшая и опубликовавшая несколько десятков подобных документов, с горечью отмечала: «Можно с уверенностью сказать, что через год после окончания войны памятки, написанные о ней солдатами, совершенно исчезнут из наших глухих деревень, и утратятся драгоценные человеческие документы, подлинное слово народа о пережитой им великой военной страде»². К счастью, эти опасения не оправдались. Многие солдатские письма разными путями попали в архивы. Сохранились они во многом благодаря институту военной цензуры, действовавшему во время войны, так как фрагменты или даже целые письма попадали в сводки цензоров, которые отложились в фондах архивохранилищ.

После Октябрьской революции и установления Советской власти ракурс интереса к солдатским письмам поменялся. Письма стали рассматриваться как важный источник по изучению трансформации настроений на фронте, радикализации солдатских масс. К 10-летию юбилею революции О. Н. Чаадаева подготовила и издала с предисловием М. Н. Покровского сборник «Солдатские письма 1917 года»³. В него вошло 129 писем, датированных мартом–ноябрем 1917 г. и адресованных частью в Петроградский Совет, частью во ВЦИК. Поскольку публикация писем приурочивалась к годовщине революции, целью сборника было показать, «как большевизировались массы в результате политики керенщины»⁴, на что прямо указывает издатель сборника Истпарт – Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б). Автор предисловия М. Н. Покровский отметил, что сводки цензоров о содержании писем показывают изменение настроений солдатских масс. При этом, обращает внимание

¹ Молоствовва Е. В. Солдатские письма. С. 6.

² Там же. С. 5.

³ Солдатские письма 1917 года / подг. к печати О. Н. Чаадаевой; предисл. М. Н. Покровского / Истпарт, Отдел ЦК ВКП(б) по изучению истории Октябрьской революции и ВКП(б). М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. 165 с.

⁴ Там же. С. 1.

Покровский, военное начальство, а цензура была ему подчинена, имело интерес *«представить настроение на фронте в благоприятном свете; стремление показать, что “все обстоит благополучно”, весьма явственно сквозит во всех цензорских сводках. Но тем ценнее то, что даже в них прорывалось»*. Да и солдаты, прекрасно зная о цензуре, в письмах, как правило, не откровенничали, чего *«не могли не понимать и сами цензоры»*: *«Сравнительная бесцветность корреспонденции, – замечает одна из сводок, – отчасти объясняется наличием цензуры, и наиболее верно отражающая истинный характер настроения переписка происходит помимо цензуры»*¹. *«Разумеется, – пишет Покровский, – цензура уверяла, что, в общем, “настроение бодрое” и “поднимается”. Но любопытно, что даже в серии “бодрых” цитат попадает такая: “Надоела до невозможности эта неразбериха. Желанный мир, говорят, еще долго не наступит, – пора бы одуматься и приступить к мирным переговорам”»*². В отчете за февраль цензор приводил выдержку из письма, написанного кем-то из казаков: *«Войне краю не видно. Бог знает, когда кончится это убийство несчастного люда. Надоело смотреть на эту губительницу народа. <...> Сколько сирот, вдов и калек, умирающих с голоду, а конца все нет и нет»*³. *«Тоскливую фразу “хотя бы поскорее был конец” мы встречаем даже в офицерском письме»*, – отмечает цензор⁴.

К 20-летию юбилею начала войны О. А. Чаадаева на страницах журнала «Красный архив» разместила еще одну подборку солдатских писем с фронта – всего 172 документа⁵, извлеченных из двух фондов – штабов главнокомандующих армиями Юго-Западного и Северного фронтов русской армии. В основном это выдержки из солдатских писем, попавшие в выборки военных цензоров. На этот раз временной охват писем был шире: 1915–1917 гг. Хотя в духе времени подборка писем должна была не столько восстановить картину положения и быта солдата царской армии, сколько *«проследить процесс нарастания революционного недовольства среди многомиллионной массы фронта»*, представленная в них тематика отличалась разнообразием⁶. Письма систематизированы по следующей схеме: довольствие фронта (пища, одежда, обувь); вооружение фронта, снаряды; армейский режим и взаимоотношения солдат и офицеров; болезни, содержание солдат в лазаретах; неудачи на фронте и влияние поражений на настроение солдат; недовольство войной и ожидание мира; сдача в плен, дезертирство; отказы от наступления и «забастовки» солдат; братание с противником; интерес к внутренним событиям и нарастание революцион-

¹ Покровский М. Н. Предисловие // Солдатские письма 1917 года. С. 6–7.

² Там же. С. 8–9.

³ Там же. С. 9.

⁴ Там же. С. 10.

⁵ Чаадаева О. А. Солдатские письма в годы мировой войны (1915–1917 гг.) // Красный архив. 1934. Т. 65–66. С. 118–163.

⁶ Там же. С. 118.

ного недовольства на фронте. Чаадаева подчеркивает, что цензоры «подбирали наиболее выигрышные с официальной точки зрения письма и потом уже давали выдержки, рисуящие проявления недовольства солдатской массой». Несмотря на то что содержание выдержек и отдельные замечания самих цензоров говорили об усталости от войны, недовольстве начальством, желании мира и т. п., цензорские отчеты механически повторяли: «Воля масс к победе остается непреклонной и неизменной»¹.

Идеологическая установка на показ революционизирования солдатских масс, отраженного в их личной переписке, отчетливо прослеживается в сборнике солдатских писем, изданном в 1932 г.² Отбор произведен таким образом, чтобы показать, по словам составителей (А. Максимов, Е. Медведев и Ш. Юсупов), что «никакого врожденного, стихийного монархизма и патриотизма русского крестьянина-солдата... не было. В патриотических письмах первого периода войны надо видеть, скорее, просто воинственный задор солдата, желавшего показать удаль»³. Какие же мотивы солдатских писем были идеологически неприемлемыми, заставлявшими составителей принизить их патриотическое звучание? А. Д. Иванов писал с фронта 20 сентября 1914 г.: «Видно так угодно Господу Богу, чтобы я стал в ряды войск, призванных защищать Царя Батюшку и родную Русь Матушку, со врагом я сражаюсь храбро и тем сильнее моя вера в Господа Бога, что уж близок час расплаты со врагом, дерзко напавшим на нашу святую Русь»⁴. В других письмах отражены впечатления о боях первых месяцев войны, 1915 и 1916 гг., о материально-бытовых условиях солдатской жизни, о начавшемся братании с немецкими солдатами, бунтах и восстаниях в армии, о назревавшей революции и событиях после Февральской революции 1917 г. Тональность их уже другая, упадническая. Из письма

¹ Чаадаева О. А. Солдатские письма в годы мировой войны (1915–1917 гг.). С. 122.

² Царская армия в период мировой войны и Февральской революции: (Материалы к изучению истории империалистической и гражданской войны) / вступ. ст. М. Вольфович; сост.: А. Максимов [и др.]; под ред. А. Максимова. Казань: Татиздат, [тип.] Татполиграф, 1932. 239 с.

³ Там же. С. 16.

⁴ Там же. С. 19.

Якова Сысолетина, например, можно сделать вывод о полном разложении армии, которую уже можно и не считать боевой силой (правописание автора): *«Дорогая сестрица Наташа, мы воюем так, как пойдем на немцев наступать так мы бросаем ружья и идем в плен, а почему, потому что у нас порядок очень скверный и офицеры тоже и еще нижних чинов очень награждают георгиевскими наградами. Убитых представляют к георгиевским крестам, а живых не надо, потому что они будут получать деньги за это, а сейчас за битого понабивают свои карманы и все измена и измена, а солдаты глядят-глядят из-за этого и сдаются в плен»*¹.

Представление о подлинном отношении к затянувшейся войне и назревавшей революции дают письма, не отфильтрованные цензурой. Журнал «Красный архив» опубликовал на своих страницах подборку, озаглавленную «Из офицерских писем с фронта в 1917 г.». Но это не «офицерские письма», т. е. письма нескольких человек, а письма одного офицера некоего гвардейского полка, действовавшего на Юго-Западном фронте. Ни в редакционном комментарии, ни в самих письмах не указаны ни номер или название полка, ни звание и фамилия самого офицера. Сами письма написаны между 1 марта и 3 июля 1917 г., а значит, охватывают события от Февральской революции до конца июньского наступления русских армий. Известие о революции, пишет автор, солдаты восприняли по-разному: *«Сознательное меньшинство довольно, но хочет отомстить вождям павшего режима, большинство же относится ко всему произошедшему с полным безразличием и хочет только одного – мира»*. Революция, отмечает автор в одном из писем, проложила пропасть между солдатами и офицерами: в глазах солдат *«произошла не политическая, а социальная революция, от которой мы, по их мнению, проиграли, а они выиграли»*. Военный и нравственный уровень армии резко упал: *«Армия погибает... Офицеров не слушаются, службу перестали нести исправно, очень возбуждены и очень недоверчивы. Собираются митинги и утром, и днем, и вечером – говорят, говорят и постепенно укрепляются в мысли, что никому нельзя верить... Наступать решили только по приказанию Совета рабочих и солдатских депутатов. Войну продолжать не хотят»*².

Названные публикации фронтовых писем, отразившие эволюцию солдатских настроений от первых дней войны до революции, на протяжении всего межвоенного времени и даже десятилетий после окончания Великой Отечественной войны оставались единственными опубликованными сборниками солдатского эпистолярного наследия. И только к столетию Первой мировой войны вышла подлинно народная летопись – фундаментальный труд «Письма с войны. 1914–1917 гг.», подготовленный А. Б. Астаховым и П. А. Симмонсом³.

¹ Царская армия в период мировой войны и Февральской революции: (Материалы к изучению истории империалистической и гражданской войны). С. 83.

² Из офицерских писем в 1917 г. // Красный архив. 1932. Т. 50–51. С. 197–198, 200, 206.

³ Письма с войны, 1914–1917 гг. / подгот., [коммент. и вступ. ст.]: А. Б. Астахов, П. А. Симмонс. М.: Новый хронограф, 2015. 794 с.

Дневники, зарисовки и мемуары. В годы войны¹ и после ее окончания² публиковались дневники и воспоминания рядовых участников войны – солдат, унтер-офицеров, офицеров в небольших чинах. Время и условия издания налагали существенные цензурные ограничения на описание событий, в первом случае по соображениям военной тайны, во втором – идеологические. В дневниковых записях особенно отчетливо проявляется личное восприятие войны, на основе пережитого опыта прослеживаются несколько главных тем: описание боевых действий в наступлении и оборонительных окопных боях; оснащение оружием, боеприпасами, снаряжением; солдатский быт, особенно питание; недовольство командованием; нарастание антивоенных настроений; антиправительственная пропаганда в армии; антиправительственные политические выступления; отказ от участия в войне и дезертирство; жизнь в плену.

Ежедневные записи сотрудника журнала «Голос Руси» О. Козельского за 22 августа 1914 – 21 декабря 1914 г. составили книгу «Записки батареино

¹ *Северцев-Полилов Г. Т.* На поле брани: эпизоды и рассказы из первой половины нынешней войны. Пг.: Тип. И. Шурухт, 1914. 233 с.; *Новиков.* Из дневника санитаря // Современный мир. 1914. № 12, отд. 2. С. 89–101; *Муйжель В. В.* С железом в руках, с крестом в сердце (На Восточно-Прусском фронте). Пг.: Т-во А. Ф. Маркс, 1915. 265 с.; *Окунев Я. М.* Воинская страда: боевые впечатления. Пг.: Тип. «Печ. труд», 1915. 192 с.; *Его же.* На передовых позициях: боевые впечатления. Пг.: Книгоизд-во бывш. М. В. Попова, 1915. 192 с.; *Панкратов А. С.* Кровавое зарево: Очерки войны. Ярославль, 1915; *Саянский Л. В.* Три месяца в бою: дневник казачьего офицера. М.: Тип. АО «Моск. изд-во», 1915. 144 с.; *Соколов С. А.* С железом в руках, с крестом в сердце: зап. офицера. Пг.: «Прометей» Н. Н. Михайлова, 1915. 156 с.; *Василевский Л. М.* По следам войны: впечатления военного врача. Пг.: Скобелевский ком., 1916. 82 с.; *Корелин Г. И.* В тылу: (из записок ополченца). 1916 г. Керчь: Тип. Я. Б. Нутиса, 1916. 38 с.; *Ксюнин А. И.* Народ на войне: из записок военного корреспондента. Пг.: Изд-во Б. А. Суворина, 1916. 242 с.; *Миронович В.* Из записной книжки воина (рассказ о жизни на позициях). Пг.: Постоянная комис. нар. чтений, 1916; *Тонконогов И. А.* Эпизоды войны: сб. рассказов участников войны и корреспондентов различных периодических изданий. Пг., 1916. 113 с.; *Афиногенов Н. А. (Степной Н. А.)* Записки ополченца. Пг.: Петрогр. совет рабочих и солд. депутатов, 1917. 88 с.

² *Чемоданов Г. Н.* Последние дни старой армии. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. 136 с.; *Кириш Ю. И.* Под сапогом Вильгельма (из записок рядового военнопленного № 4925). 1914–1918. М.; Л.: Гос. изд-во, 1925. 104 с.; *Войтоловский Л. Н.* По следам войны: Походные записки 1914–1917 / предисл. Д. Бедного. 2-е изд. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. 369, [2] с.; *Вавилов А.* Записки солдата / обраб. Б. Бродянский. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. 164 с.; *Оськин Д. П.* Записки солдата. М., 1929. 333 с.; *Его же.* Записки прапорщика. М.: Федерация, 1931. 349 с.; *Негробов Д.* Доброволец: воспоминания о войне и плене. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. 67 с.; *Дмитриев В.* Доброволец: воспоминания о войне и плене. М.; Л., 1929. 67 с.; *Левин К. Я.* Записки из плена: в Австрии в 1915–17 гг. 2-е изд., доп. М.: Федерация, 1930. 311 с.; *Падучев Вл.* Записки нижнего чина. 1916 год. [М.]: Моск. т-во писателей, 1931. 173 с.; *Фридланд Л. С.* Шесть баллов. Л.: Тип. Соколовой, 1932. 204 с.; *Дубинская Т.* Пулеметчица. Из дневника мировой войны. М.: Сов. писатель, 1936. 195 с.; *Макаров-Зареченец В. Г.* Егорьевские кавалеры: записки пулеметчика мировой войны 1914–1918 гг. М.: Сов. писатель, 1939. 176 с.; *Ульянский А. Г.* В плену. (1915–1918): [рассказы]. Л., 1924. 167 с.; *Его же.* Война и плен: [рассказы]. Л.: Гослитиздат, 1936. 254 с.

командира»¹. Дневник открывается записью от 22 августа 1914 г.: «В ночь на сегодня пришли в Вильну. Здесь узнали, бесконечно осчастливившую всех нас, радостную весть <...> о поражении миллионной австрийской армии, вошедшей в Люблинскую и Холмскую губернии и в Галиции; австрийцы отступают в полном беспорядке, бросая легкие и тяжелые орудия, артиллерийские парки и обозы. Наши трофеи огромны»². 11 сентября 1914 г. Козельский сделал запись: «Передают, что немцы идут к Неману в составе не менее девяти корпусов, занимая по фронту линию от Ковно до Гродно. У нас собраны, кажется, тоже большие силы и, надо думать, неприятелю не поздоровится. <...> Сейчас перед нами открывается величественная и страшная картина. На горизонте, а в некоторых местах, кажется, и совсем близко пылают пожары. Это германские полчища освещают проходимый ими путь. В воздухе стоит неумолчный гул, в котором смешивается и отдаленная пальба орудий, и легкая ружейная трескотня <...> и скрип наших обозов в тылу, и вдруг пронзающее эту своеобразную тишину близкое ржанье лошади. А все это покрывает сознание близости врага и смертельной борьбы с ним. <...> Вспоминается наш путь сюда, деревни, через которые мы вчера шли, люди, которые нас там встречали, и вся эта мирная сельская природа. Все это затянуто в водоворот кровавой войны, все это должно испытать ее ужасы – разорение, разрушение и смерть...»³ В дневнике Козельского – фронтовые будни, в бою под Лодзью автор был ранен, попал в госпиталь и был отправлен домой.

На страницах «Одесского листка» несколько очерков с фронта опубликовал П. М. Андрианов. Он, выпускник Николаевской академии Генерального штаба, имел чин полковника, до июня 1915 г. преподавал военные науки в Одесском военном училище, после чего был назначен на должность начальника штаба 105-й пехотной дивизии⁴. Первоначально опубликованные в «Одесском листке» девять небольших очерков П. М. Андрианова вышли отдельной брошюрой «Очерки войны (Письма из действующей армии)»⁵. Их отличает спокойный тон, уверенность в силе русской армии. «Все здесь сознают, что без решительной победы над врагом война не кончится, и если далеко от полей сражения иногда возникают мрачные предположения об исходе войны, то в армии, являющейся главным действующим лицом в грандиозной кровавой эпопее, таким сомнениям и предположениям нет места. Это, кажется, почувствовал противник, потерявший надежду на благополучный исход войны», – пишет

¹ Козельский О. Записки батареиногo командира / сост. по письмам, заметкам и рассказам участника войны: в 2 вып. Пг.: Изд-во Б. А. Суворина, 1915–1916. Вып. 1. 97 с.; Вып. 2. 77 с.

² Там же. Вып. 1. 1915. С. 3.

³ Там же. С. 23–24.

⁴ В дальнейшем П. М. Андрианов вырос до командующего 4-й армией (18.12.1917–28.02.1918).

⁵ Андрианов П. М. Очерки войны (Письма из действующей армии). Одесса: Тип. «Одесский листок», 1915. Вып. 1. 25 с.

Андреанов в завершение первого очерка¹. Не подрывало эту уверенность и наступление германских войск: *«Неприятельские полчища подвинулись до линии З. Двины, Немана, Буга, Золотой Липы и Днестра. Привисленский край наводнен вражескими войсками. Они упорно стремятся распространиться еще далее на восток, угрожая Риге, Ковне, Белостоку и нашим юго-западным областям. Еще нельзя с точностью установить полосу, до которой докатится волна неприятельского нашествия, но она – эта роковая для противника полоса – существует. Она обнаружится и обозначит собою грань неприятельского временного торжества. Она будет показателем истощения неприятельских усилий. В своем беспредельном пространстве Россия обретет спасение от вражеского нашествия, найдет не только свой верный, надежный щит, но и свой грозный карающий меч. Чем дальше на восток проталкивается волна вражеского нашествия, чем большие пространства она захлестывает и покрывает, тем труднее становится положение наших врагов, тем безнадежнее рисуется им окончательный исход грандиознейшей кампании»*².

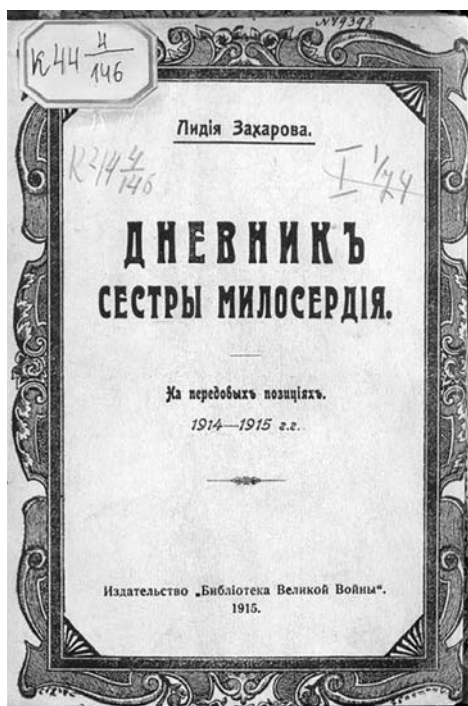
Публикации о войне принадлежали ее участникам и более низкого служебного положения. Пехотный подпоручик, сотрудник журналов «Нива», «Солнце России», газет «Биржевые ведомости», «Рижский курьер» и других изданий В. М. Белов опубликовал очерки о войне, собранные под одной обложкой в двух книгах: «Кровью и железом. Осень 1914 г. Впечатления офицера-участника» и «Лицо войны: записки офицера»³. Каждая из них представляет собой сборник лаконичных беллетризованных очерков о фронтовых буднях и конкретных эпизодах личного участия в сражениях солдат и офицеров. В них нет ни широких обобщений, ни привязки ко времени событий и месту конкретных боевых операций воинских подразделений, показана лишь психологическая реакция обозначенных лишь фамилиями солдат и офицеров, оказавшихся в необычных ситуациях между боями и в смертельно опасных схватках с противником.

Таких книг с описанием боев, состоявшихся неизвестно где и проходивших с участием неведомо каких частей, а то и просто бытовых жанровых зарисовок, было немало, издавались они не только в годы войны, но и в 20–30-е годы XX в. Отличие беллетризованных публикаций о боях и буднях войны лишь в том, что герои их названы по именам, а не обозначены инициалами, а действия в некоторых публикациях привязаны к конкретным городам и местностям, что делает авторские рассказы более реалистичными, приближенными к жизни. Сестра милосердия Лидия Захарова в военном дневнике, охватывающем события 1914–1915 гг., показывает судьбу простого человека на войне:

¹ Андреанов П. М. Глубокий тыл // П. М. Андреанов. Очерки войны (Письма из действующей армии). Вып. 1. С. 5.

² Там же. С. 10.

³ Белов В. Кровью и железом. Осень 1914 г. Впечатления офицера-участника. Пг.: Б-ка Великой войны, 1915. 154 с.; Его же. Лицо войны: записки офицера. Пг.: Книгоизд-во бывш. М. В. Попова, 1915. 182 с.

«В литературе, относящейся к настоящему переживаемому Россией историческому моменту, много появляется описаний мужества, героизма, подвигов наших богатырей-солдат, но я люблю своего солдата – человека и ему, моему учителю и воспитателю, в большую и серьезную эпоху моей жизни, посвящаю я настоящие записки»¹.

Военный врач Л. М. Василевский в своей записной книжке «По следам войны», которую, как он пишет, «вел очень нерегулярно», воспроизводит различные эпизоды войны, отмечает, как быстро человек привыкает к новым условиям, в частности к бомбардировкам. Свое знакомство с немецкими бомбами он описывает так: «Эпизод с бомбой произвел на меня жуткое впечатление. Но это только в первый раз: в течение пяти недель городок почти ежедневно

подвергался налетам, так что к бомбам мы привыкли очень скоро»². А в деревеньке под Гродно, куда врачей «забросил случай войны», они вдруг услышали стройное хоровое пение. Это были пленные солдаты австро-венгерской армии, поющие по-сербски. Оказывается, привезли сюда «около тысячи человек, из-за Днестра»: «“лоскутная” страна прислала сюда самый пестрый состав своих сынов, – мадьяр вместе с сербами, поляков с хорватами, чехами и словенцами. И эта разноязычная масса не смогла сговориться с нашими. Но вскоре человек шестьсот из них развезли по разным частям фронта, а здесь остались почти исключительно сербы, в большинстве православные к тому же...»³. Отношение местного населения к пленным дружелюбное: «Давно известно, что у нашего солдата нет никакой злобы к вчерашнему врагу, и никакие гнусности немцев по отношению к нашим пленным не вытравят в нем широты сердца. <...> Живется бывшим врагам у нас очень недурно: я интересовался этим как врач. Кормят их сытно, почти наравне с солдатским пайком, работой не слишком обременяют. Надзор над ними тоже легкий...»⁴

¹ Захарова Л. Дневник сестры милосердия: на передовых позициях: 1914–1915 гг. Пг.: Б-ка Великой войны, 1915. С. 173.

² Василевский Л. М. По следам войны: впечатления военного врача. Пг.: Скобелевский ком., 1916. С. 60–61.

³ Там же. С. 40–41.

⁴ Там же.

Пишет Василевский и о самих госпиталях, где «раненые – вперемежку с больными: тут не до строгого разделения тех от других, только бы разместить всех». «Я бы даже сказал, что здесь, у больничных коек, легче и вернее дается изучение нашей армии, ее души, ее чаяния и надежд, чем “там” – среди грохота и борьбы»¹. Так, в углу беседует группа, кажется, о чем-то духовном – «о жизни святого, о муках за веру... Но подойдите ближе, взгляните в блестящие взволнованные глаза слушателей – и вы изумитесь: “Жила-была козодереза, съела капусту три воза”, – рассказывает широкоплечий солдат с рукой на косынке». Взрослые, сильные главы семейств, отцы и мужья, «оторванные от привычной жизни, втянутые приводным ремнем в машину войны», оказавшись на больничной койке, с удовольствием слушали детские рассказы, как будто они могли вернуть их в мирное светлое довоенное время².

В годы войны печатались сборники военных зарисовок пропагандистского характера. Их составители в ряде случаев использовали уже опубликованные в прессе материалы. Один из них, Н. А. Каринцев, в предисловии написал: «Книга эта – не выдумка: в ее основание легли подлинные рассказы очевидцев, раненых офицеров и солдат, напечатанные в разных газетах и журналах, и составитель воспользовался ими, чтобы дать возможно полное описание того, чем полны все сердца, к чему устремлены мысли всех русских от мала до велика»³. Содержание сборника составляют очерки о боях («В поход!», «В окопах и в бою», «После сражения», «У походной кухни»); о героях («Герой Львова», «Геройская смерть Нестерова», «Подвиг поручика Парта», «Незаметные герои», «Женщины-герои»); о помощи раненым («Первые раненые», «С санитарным поездом», «Забытые госпитали», «Сестра Царя»), о зарубежных землях, на которые вступила русская армия («В Восточной Пруссии», «В походе по Галиции», «Львов»). Цель сборника вполне определена: показать тяжкий воинский труд солдат и офицеров, их самоотверженность в боях, вызвать сочувствие и поддержку армии в народе. Помимо указанных, вышли и другие сборники подобного содержания. Насколько достоверна информация в таких брошюрах? Как во всякой беллетристике, здесь возможно сочетание правды и вымысла, хотя некоторые авторы стремились уверить в правдивости рассказанного. В. Миронович, например, предваряет свою книжку словами: «Рассказ является правдивым описанием того, что пришлось видеть и испытать одному из участников теперешней великой войны»⁴.

Этой же теме, «человек на войне», полностью посвящена книга Софьи Федорченко «Народ на войне»⁵. Ее первая часть вышла в 1917 г. в форме коротких

¹ Василевский Л. М. По следам войны: впечатления военного врача. С. 49–50.

² Там же. С. 49.

³ Каринцев Н. А. За родину!: (картины войны): эпизоды из боевой жизни, собр. по рассказам и описаниям участников сражений. М.; Пг.: А. С. Панафикина, 1915. С. 8.

⁴ Миронович В. Из записной книжки воина (рассказ о жизни на позициях). Пг.: Постоян. комис. нар. чтений, 1916. С. 5.

⁵ Федорченко С. З. Народ на войне: фронтовые записи. Киев, 1917. 139 с.

высказываний русских солдат о Первой мировой войне, через восемь лет появилась вторая часть, охватившая период «керенщины». Автор, работая медицинской сестрой в госпитале, изо дня в день слышала рассказы и беседы находившихся на излечении солдат. Обладая исключительной памятью, записала их, распределила по темам и в конечном счете издала. В книге нет сквозного сюжета – только солдатские размышления, пересказать их полностью нет возможности, остается лишь процитировать несколько:

– *А то еще в 13, на Фоминой, пришел к нам дед из Питера. По многим местам ходил хожалым, бывалый мужик. Тот за верное принес что затевают наши министры войну с немцем, и что нужно де, ту войну провоеваться, – чтобы понял народ, какой он ни до чего не годный, и никаких себе глупостей не просил бы... Так оно и вышло (с. 9).*

– *А тут сразу нас под пулеметы угораздило. Совсем не похоже, как я-то боялся. Страху нет, отчаянности столько, просто до греха... Как вышел, так бы сквозь землю провалился. И туды голову, и сюды голову, хоть в... засунь голову, а не уйти. Как лежишь до атаки-то, так все думаешь, как бы убежать. А вышел, орать до того нужно, кишки сорвешь... Ну тут пусть немец не подвертывается. Семь смертей ему наделаю, а взять не позволю. Вот тебе и побег. Все другое (с. 13).*

– *Отцовская доля не легкая, коли с понятием ребят ждешь. Надо обо всем заботу иметь. Я вот думаю все, как бы деток до ученья приспособить. Грамоте обучу, а дальше то я наук не знаю. Верить никому не могу, как учить. Батюшке я не верю: живет блудом, и все стяжает, а других ученых и не знаю... (с. 15).*

– *Война, война! Пришла ты для кого и по чаяньи, а для кого и нечаянно. Неготовыми застала. Ни души, ни тела не пристроили, а просто на посмех всем странам погнали силу сермяжную, а разъяснить – не разъяснили. Жили, мол, плохо, не баловались, так и помереть могут не задля ча. На немца то, да с солонинкой! (с. 19).*

– *Мы без офицера, что без головы... Да беда, коль голова худа. Что хуже... У нас добрый был, и ее винен, а в морду бил... Правду сказать, не барствуй. Я и ем, и сплю по ночам, а он болезный, в земле одиннадцать суток... сапоги приросли... Как пришел, я ему сымать стал, чуть не с кожей... Ну не без того, чтобы сапогом в зубы не въехать... Да и то сказать, хучь бы мне довелось, избил бы стервеца... (с. 37).*

– *Я не могу сказать, что это страшно... Когда ранили, весь свет позабыл, лежу, кричу, стыда нет... И не то, что очень больно, а мысли такие, что ты на всем свете один теперь, и все значит можно... Лежу, кричу, а потом «мама» зову... Вот и все... Тут подобрали, рана легкая оказалась... (с. 38).*

Таких реплик, подчас афористичных, набралось на 140 страниц. Солдатские рассказы, взятые все вместе, выглядят как мозаичное полотно, обнажающее все грани человеческой души, позволяющее во всем многообразии понять настроения и мысли солдат о семье и доме, жизни и смерти, войне и обязанности защищать страну. Книга С. З. Федорченко привлекала пристальное внима-

ние критики 1920-х годов, называвшую ее и «выразительным художественным документом эпохи», и «подлинной правдой о войне, о русском народе», и «энциклопедией народной души».

Абстрактность и безличность изложения многих вышедших во время войны публикаций, приближающихся по своему характеру к мемуарной литературе или являющихся оперативным отражением событий, свидетелем которых были авторы, искупаются искренностью их намерений. Один из них, журналист А. М. Федоров, получивший тяжелое ранение на фронте, имел все основания написать в своей книге о войне: *«Все происходившее и переживаемое представляло настолько громадный психологический, бытовой, а главное – исторический интерес, что каждый миг наблюдений и впечатлений в этой всемирной войне должен быть важен и для нынешнего общества и для потомков, которые будут искать в малейшем свидетельстве очевидца отражений кровавой эпохи, несомненно – самой кровавой от века веков и доныне и несомненно неповторимой во веки веков и впредь»*¹.

Особый интерес представляют вышедшие после окончания войны дневники и воспоминания, в которых рассказывается о конкретных событиях, происходивших в точно обозначенных местах, в реальных временных координатах и с указанием непосредственных участников.

К такого рода публикациям относятся записки А. В. Шварца. Это был человек, сделавший имя как инженер-фортификатор. Получив специальность военного инженера в Николаевской инженерной академии, он во время Русско-японской войны проектировал и строил оборонительные сооружения в Порт-Артуре, по окончании войны участвовал в работе комиссии по ее описанию, преподавал в Инженерной академии. С началом Первой мировой войны возглавил инженерную службу крепости Ивангород, был произведен в генерал-майоры и стал комендантом крепости. Осенью 1914 г. успешно отбил попытку германских и австро-венгерских войск взять крепость, в июле 1915 г. вновь отразил двухнедельный штурм крепости и лишь в связи с общим отступлением русской армии взорвал укрепления и эвакуировал гарнизон со всем вооружением, продолжил службу в армии. В эмиграции служил профессором фортификации в аргентинских военных академиях, издал множество трудов. Но еще до этого, будучи во Франции, написал воспоминания, в 1922 г. изданные в Советской России². Причиной успеха первой защиты крепости в 1914 г., по мнению А. В. Шварца, *«стал необыкновенный энтузиазм, который воодушевлял в то время всю русскую армию и особенно нашу крепость»*, но при этом, отмечает автор, *«с нашей стороны было все сделано, чтобы создать в крепости условия, благоприятные для военных операций»*³. Успешно велась оборона крепости и в 1915 г. Но, сокрушается Шварц, *«с мая месяца главнокомандующий*

¹ Федоров А. М. С войны: очерки. М.: Моск. книгоизд-во, 1915. С. 4.

² Шварц А. В. Оборона Ивангорода в 1914–1915 гг. Из воспоминаний коменданта крепости Ивангород А. В. Шварца. М.: ГВИУ, 1922. 96 с.

³ Там же. С. 5.

решил эвакуировать Ивангород»¹. Это решение предопределило судьбу крепости. А. В. Шварц пишет: «Когда после чрезвычайных усилий дело обороны крепости начало клониться к тому, что неприятель был остановлен, а дух гарнизона, ободренного отбитием двухдневных атак, достиг весьма высокого уровня, когда все предвещало успех сопротивления и продолжительную остановку неприятеля перед Ивангородом, который не замедлит быть обойденным, прибыл приказ бросить все, все разрушить, все увести и отступить...»² Естественно, он был выполнен: 22 июля 1915 г. крепость была взорвана.

Информативны, конкретны и дают развернутое представление о боях на уровне отдельных подразделений и некоторые другие работы, в свое время представлявшие ценность для изучения опыта войны и выходившие под грифом Штаба РККА. К ним относятся труды командующего 10-й пехотной дивизии 10-й армии генерал-майора Д. Н. Надежного, давшего в двух брошюрах описание боев подчиненной ему дивизии³. В их оценке Надежный критичен: «Как для той, так и для другой стороны бой у поселка Лащев был первым боевым опытом, когда войска и их командование еще не успели отрешиться от навыков мирной маневренной практики, характеризующейся известной долей беспечности и халатным отношением к службе охранения, разведки и связи»⁴. Любопытно отношение издателя к трудам Надежного, выраженное в предисловии. С одной стороны, бой 10-й пехотной дивизии у Лащева, по заключению издателя, «закончился разгромом 15 австрийской дивизии», что было расценено как «крупный успех». Но с другой, командование русской дивизии «не проявило ни воли к победе, ни уменья»⁵. Кто же тогда обеспечил успех? Видимо, сказывалась предубежденность против бывшего царского генерала, хотя и перешедшего на службу в РККА.

Оставили воспоминания и участники войны, не являвшиеся профессиональными военными. Д. А. Фурманов, в будущем известный советский писатель, в 1914–1916 гг. побывал на многих фронтах в качестве брата милосердия и журналиста. Настроения солдат во время боя и солдатский быт, вообще все, что соприкасалось с боевыми действиями и фронтовой жизнью, нашло отражение в его дневнике⁶. В нем нет отзвуков политических событий и тенденций, чего не скажешь о других публикациях. В. В. Арамилев, выпускник Московского университета, добровольно ушедший на фронт вольноопределяющимся, в вос-

¹ Главнокомандующим Северо-Западного фронта в это время был генерал М. В. Алексеев.

² Шварц А. В. Оборона Ивангорода в 1914–1915 гг. ... С. 95.

³ Надежный Д. Н. Бои 10-й пех[отной] дивизии под Луцком в июле 1916 года. М.: Штаб РККА. Управление по исследованию и использованию опыта войны, 1926. 69 с.; Его же. Бои у Лащева 27/14 и 28/15 августа 1914 г. М.: Штаб РККА. Управление по исследованию и использованию опыта войны, 1926. 30 с.

⁴ Надежный Д. Н. Бои у Лащева 27/14 и 28/15 августа 1914 г. С. 28.

⁵ Предисловие // Надежный Д. Н. Бои у Лащева 27/14 и 28/15 августа 1914 г. С. 7.

⁶ Фурманов Д. А. Дневник (1914–1915–1916) / под ред. А. Фурмановой. М.; Л.: Моск. рабочий, 1929. 315 с.

поминаниях реалистично и в мельчайших деталях описывает окопную солдатскую жизнь и поведение солдат в экстремальных условиях боя, и это позволяет лучше понять фронтовую атмосферу того времени. Вместе с тем Арамилев постоянно перемежает свой рассказ текстами прокламаций РСДРП, разными путями переправлявшимися в действующую армию: *«Получил очередную посылку... Быстро вытряхиваю содержимое. Ищу на дне прокламацию. Друзья обещали снабжать меня духовной пищей регулярно. Да, вот так и есть. Опять ловко замаскированный серенький листочек бумаги, испещренный стройными рядами бунтарских строк. Листовка написана специально к первому мая»*¹. Мысль автора прозрачна: солдатскую массу большевики склоняли к революции, и она агитацию воспринимала. Естественно, Февральскую революцию автор встретил с восторгом, и сам, оставаясь в армии и оказавшись в Петрограде, начал обучать военному делу рабочие отряды Красной гвардии, активно поддержал Октябрьскую революцию, которая для него *«яркий факел революционного переустройства мира»*². В еще большей степени тему политизации армии развивает А. М. Пирейко, который окопной жизни избежал, но в меру своих возможностей стремился вести пропаганду среди солдат в большевистском духе. Но в отличие от В. В. Арамилева он не преувеличивал значение большевистской пропаганды. По его словам, *«агитаторов-большевиков, противников войны, можно было встретить тогда в армии очень мало. В армию попали рядовые партийцы, и в такой пропорции, что они там были незаметны»*³.

Отличительной стороной мемуаров рядовых участников войны является стремление оправдать отказ солдатской массы от войны. Один из авторов таких воспоминаний, сын зажиточного крестьянина В. Дмитриев, добровольцем пошел на фронт. По его рассказу, лишения фронтовой жизни, бои без снарядов и патронов (*«немцы наступали, а нам запрещали расходовать патроны: работайте штыком, патронов нет»*), унижительное и бесправное положение солдат (в чем можно усомниться, поскольку автора книги самого выдвинули из рядовых в командиры взвода) побудили его не только добровольно сдаться в плен, но и увести за собой подчиненных солдат. Вот его признание: *«Решил сдаться в плен. Случай скоро представился. Ночью на 7 июля я был послан со взводом в разведку. На восходе солнца мы с опушки леса увидели недалеко австрийские окопы. Подзываю земляков и говорю: идем, ребята, в плен... Побросали винтовки. Надели на штык белую рубаху и вышли на опушку леса...»*⁴ Подобное пренебрежение воинским долгом по защите Отечества, которое не может расцениваться иначе, как измена, и не вызвать осуждения, во времена СССР применительно к Первой мировой войне одобрялось и рассматривалось

¹ Арамилев В. В дыму войны. Записки вольноопределяющегося (1914–1917 г.). М.: Молодая гвардия, 1930. С. 119.

² Там же. С. 340.

³ Пирейко А. М. В тылу и на фронте империалистической войны: воспоминания рядового. Л.: Прибой, 1926. С. 24.

⁴ Дмитриев В. Доброволец: воспоминания о войне и плене. М.; Л., 1929. С. 18–19.

как доказательство большевизации солдат на пути к революции. Но не большевистская пропаганда была решающим фактором распада армии, которая разлагалась под воздействием многих других обстоятельств. Февральская же революция, открывшая всем партиям возможность политической работы в войсках, лишь добила армию, привела ее к окончательному краху. Рядовой солдат Пирейко констатировал: после Февральской революции *«армии как таковой уже не существовало. Кто хотел, тот без всякого разрешения уезжал к себе домой»*¹.

Вышел целый ряд воспоминаний русских участников боев во Франции². В научном плане к изучению истории Русского экспедиционного корпуса первым обратился Н. А. Валентинов в статье, опубликованной в «Трудах комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–18 гг.»³.

3.2. Мемуары политиков и военачальников как источники по истории войны

Начиная с 1920-х годов в СССР систематически публиковались воспоминания российских государственных и политических деятелей, военачальников Первой мировой войны. При этом следует отметить, что в СССР издавались мемуары только тех из них, которые после Октябрьской революции перешли на сторону Советской власти, служили в Красной Армии или по крайней мере в эмиграции не принимали активного участия в антисоветской борьбе.

Воспоминания являются ценнейшим историко-литературным памятником эпохи, позволяющим из первых рук, без посредников-интерпретаторов, узнать о личном восприятии авторами мемуаров событий эпохи, свидетелями и участниками которых они были, услышать исповедь о собственной причастности к ним, глубже и рельефнее понять первопричины принятия судьбоносных решений и их роли в изменении хода событий на глобальном и локальном уровнях, равно как и о переменах в судьбах государств, народов и отдель-

¹ Пирейко А. М. В тылу и на фронте империалистической войны: воспоминания рядового. С. 9.

² Шульц Э. Э. Об особенностях французского фронта: (Личные наблюдения) // Воен. сб. 1917. № 6. С. 61–80; Русские солдаты во Франции. М.: Гос. изд-во, 1919. 24 с.; Кидяев П. В кровавых лапах «прекрасной» Франции // Октябрь за рубежом: сб. воспоминаний. М., 1924. С. 31–47; Афиногенов Н. А. (Степной Н.) Белые рабы. Воспоминания о французском фронте / предисл. и под ред. Ф. Березовского. М.; Л.: Гос. изд-во, 1925. 48 с.; Новиков В. Н. Мытарства русских солдат: воспоминания русского солдата о пребывании во французских лагерях. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. 31 с.; Козлов А. Н. Проданные за снаряды: русские солдаты на Французском фронте в 1916 г. / предисл. Б. Бродянского. Л.: Ленингр. обл. изд-во, 1931. 130 с.; Вавилов А. Записки солдата / обраб. Б. Бродянский. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. 164 с.; Карев П. Ф. Нас не укротили: воспоминания об империалист. войне 1914–1917 гг. солдата рус. войска во Франции. Иваново: Гос. изд-во, 1937. 167 с.; Его же. Экспедиционный корпус / под ред. В. Е. Афанасьева и Р. Х. Гурвича. Куйбышев: ОГИЗ Куйбышев. изд-во, 1941. 152 с.

³ Валентинов Н. А. Русские войска во Франции и Салониках // Тр. комис. по исследованию и использованию опыта войны 1914–18 гг.: сб. науч. ст. М., 1920. Вып. 4. С. 3–23.

ных людей. При этом нельзя забывать и о некоторых особенностях мемуарной литературы. От нее не стоит ожидать систематизированного рассказа о последовательном ходе событий. А. А. Брусилов предупреждал своих читателей: *«Я никогда не вел дневника и сохранил лишь кое-какие записки, массу телеграмм и отметки на картах с обозначением положения своих и неприятельских войск в каждой операции, которую совершал. Великие события, участником которых я был, легли неизгладимыми чертами в моей памяти. Я не имею намерения писать связанных между собой подробных исторических воспоминаний о мировой войне, и тем более не в моих намерениях подробно описывать боевые действия тех армий, которыми мне пришлось командовать во время этой войны. Цель моих воспоминаний – более скромная. Она состоит в том, чтобы описать мои личные впечатления и переживания в тех великих событиях, в которых я был или действующим лицом, или свидетелем»*¹. Но в этом последнем – засвидетельствовать и оценить события с позиций их «действующего лица» – и есть наибольшая ценность мемуаров.

Конечно, надо учитывать, что авторы мемуаров зачастую не до конца откровенны. Один из них, бывший министр иностранных дел Австро-Венгрии О. Чернин, прямо заметил: *«Не все хотелось говорить. Много оставлено мною необъясненным, хотя оно и поддавалось объяснению. Время, отделяющее нас от описываемых событий, еще слишком коротко, чтобы срывать с них покровы»*².

Но умалчивание не единственное уязвимое место мемуаров. Мемуары, по самой сути этого жанра, выходили в свет спустя более или менее продолжительное время после того, как происходили освещаемые события. В связи с этим особенность мемуарной литературы не только в субъективности свидетельств, но и во вполне возможных пробелах памяти автора. Тот же П. Н. Милюков, взявшийся за создание мемуаров только на 82-м году жизни, а это был 1940 г., не скрывал наличия этой проблемы: *«Я приступаю к писанию при отсутствии всяких материалов, кроме запаса моей памяти. Говорят, что в старости восстает в памяти особенно ярко и точно самое отдаленное прошлое. В моем случае я этого не нахожу. Слишком многое забыто, в том числе, вероятно, и много существенного. Прошлое выплывает из памяти в разорванных обрывках, отдельных эпизодах, врезавшихся в память, и чтобы восстановить из этих обрывков какое-нибудь целое, нужно сразу перейти*

Павел Николаевич Милюков

¹ Брусилов А. А. Мои воспоминания. С. 55.

² Чернин О. В дни мировой войны: мемуары: [Воспоминания бывшего австрийского министра иностранных дел]. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. С. 16.

из годов младенчества к годам, когда возникает сознание о себе как части этого целого. Это сознание начинается довольно поздно, а складывается в общую картину еще позднее – и уже тогда, когда к *Wahrheit* примешивается значительное количество *Dichtung*¹. Но тогда эта *Dichtung* ретроспективно вмешивается и в попытки описать прошлое, пережитое в состоянии неполного сознания. Отсюда, рядом с неполнотой, и неизбежная недостоверность воспоминаний»².

В таком положении могли оказаться и другие мемуаристы, допускавшие неполноту и недостоверность воспоминаний вследствие ошибок памяти. Можно ли в таких обстоятельствах доверять авторам? Предвидя возможность подобных сомнений, многие из них сами

стремились их развеять. Генерал Я. М. Ларионов, например, предварил свои «Записки» уведомлением: «Фактическая часть “Записок” написана в период 1916–1918 года по имевшимся в моем распоряжении полевым документам и дневнику, а самые события и факты были еще свежи в памяти»³. Не только собственные воспоминания лежат и в основе книги генерала Данилова, который также счел нужным объяснить: «Я изучил ряд архивных материалов, имеющих в Париже; внимательно ознакомился со всей той, правда, скудной литературой, которая вышла по войне на русском фронте, и использовал любезное указание и рассказы некоторых участников былых событий»⁴. С возможными негативны-

Яков Михайлович Ларионов

¹ Die Wahrheit – истина, die Dichtung – вымысел.

² Милуков П. Н. Воспоминания (1859–1917): в 2 т. Т. 1. С. 7.

³ Ларионов Я. М. Записки участника мировой войны. 26-я пехотная дивизия в операциях 1-й и 2-й русской армии на Восточно-Прусском и Польском театрах в начале войны (сост. по дневнику и полевым документам). Харбин, 1936. С. I.

⁴ Данилов Ю. Н. Россия в мировой войне. 1914–1915 гг. Берлин: Книгоизд-во «Слово», 1924. С. II.

ми сторонами мемуарной литературы приходится мириться: преимущество получения эксклюзивной информации из первых рук превосходит недостатки замалчивания автором невыгодных для него сведений, ошибок памяти или субъективной интерпретации описываемых событий и поступков, свидетелем или участником которых довелось быть мемуаристу.

Ценность содержащейся в мемуарах информации часто превосходит возможное в некоторых случаях негативное отношение к автору. В этом отношении характерен пример М. К. Лемке. Этот мемуарист, по гражданской профессии журналист, в 1915–1916 гг. проходил службу в Ставке Верховного главнокомандующего русской армии в качестве военного цензора. О своем

пребывании в Ставке он и рассказывает в воспоминаниях¹. Лемке, по собственным признаниям, как только начал работать в Ставке, записывал все, что удавалось узнать за день из разговоров, – и не только: «Материалами для меня служили прежде всего бесчисленные документы, проходившие через или около меня, чаще же (и в очень большом числе) попадавшие мне под без усталости искавшую их руку. Все они тщательно копировались». Узнанное и скопированное Лемке переносил в записи, «которыми иногда были буквально переполнены мои бесчисленные офицерские карманы, расшифровывались дома, на покое, за несколькими запорами входных дверей, и вместе с копиями документов вносились в очередную тетрадь... Заполненные тетради отсылались в Петербург, где и хранились в надежном месте»².

Информацию Лемке, естественно, отсылал некоему неназванному лицу. А как этот хранитель полученных от Лемке документов обеспечивал их сохранность? Невольно приходится привести наблюдения генерала Лукомского: «Многое, что говорилось и делалось в центральных управлениях в Петрограде, и многие распоряжения высших штабов доходили до немцев скорее, чем до наших войск, до которых они относились. Известны случаи, когда на германских позициях выставлялись плакаты, в которых сообщалось о предстоящем передвижении частей, стоявших перед немцами. И действительно, через день-два такое распоряжение получалось. Впоследствии выяснилось, что гер-

¹ Лемке М. 250 дней в царской Ставке: (25 сентября 1915 – 2 июля 1916 г.). С. XIV.

² Там же.

манцы действительно были хорошо осведомлены не только о том, что делалось у нас на фронте, но и в глубоком тылу. Виноваты, конечно, были в этом прежде всего сами русские. Уж очень любим мы делиться всякими новостями, не соображаясь с их секретным характером»¹. Информационная цена документов Ставки была неимоверно высока, от нее зависели судьбы операций. Авторы мемуаров приводят на это счет множество примеров. 4 июня 1915 г. началось наступление Брусилова на Юго-Западном фронте, о котором Родзянко пишет: «Офицеры, участники наступления, считали, что успеху операции помогло то обстоятельство, что Брусилов начал наступление на полтора суток раньше назначенного Ставкой срока: в армии ходили упорные слухи, что в Ставке существует шпионаж и что враг раньше нас осведомлен о всех наших передвижениях. К сожалению, многие факты подтверждали это подозрение»².

Возвращаясь к мемуарам Лемке, следует признать, что сейчас уже не установить, были ли похищенные документы и полученные сведения использованы только им самим для написания воспоминаний или ими воспользовался кто-нибудь еще: интересующихся могло быть достаточно – документы-то касались управления войсками во время войны. Нет никаких данных, позволяющих подозревать Лемке, но возникают вопросы не только об этичности и законности действий автора, похищавшего военную информацию, надо полагать, во многих случаях секретную и не подлежащую оглашению. За давностью лет выяснение последствий деятельности Лемке ушло на второй план, а скрупулезная, систематическая и без изъятий фиксация событий повседневной внутренней жизни и решений Ставки сделала записи Лемке ценным историческим источником.

Субъективность воспоминаний в полной мере присуща и тем, кто писал вступительные статьи к изданиям авторов, и рецензентам, размещавшим свои материалы в общественно-политических и научных журналах. Особенно это характерно для мемуаров военных и политических деятелей эпохи Первой мировой войны, опубликованных в Советской России и СССР в 1920–1930-х годах. Практически каждому из них предпосланы предисловия с откровенно негативными оценками как личности автора, так и самих мемуаров.

Например, Л. Нежданов представляет советскому читателю министра иностранных дел России А. П. Извольского как одного из «вдохновителей мировой бойни», который «мог бы многое рассказать и о своей роли в подготовке мировой войны, и о других виновниках этой войны, о многом другом». Однако в «Воспоминаниях» «бывший царский дипломат старается скользить по поверхности», «кроме наивностей в воспоминаниях Извольского очень много вздора – сознательного или бессознательного, сказать трудно». И вообще, «читая его воспоминания, просто поражаешься, как может человек, занимавший еще недавно такой ответственный пост, сочинять на глазах всего мира

¹ [Лукомский А. С.] Воспоминания генерала А. С. Лукомского. С. 87.

² Родзянко М. В. Крушение империи. 2-е изд. Л.: Прибой, 1929. С. 162.

столько небылиц, и врать – выражаясь вульгарно – без зазрения совести»¹. Как относиться к этим уничижительным оценкам? С одной стороны, мемуары высокопоставленного чиновника низвергнутого режима, какими бы достоинствами они ни обладали, не могли получить не только благосклонного, но и более или менее лояльного, научно объективного отзыва от победившей власти. С другой – политический режим Советской власти еще не заостенел настолько, чтобы поставить жесткий цензурный запрет на публикацию материалов, принадлежавших идейным врагам. С третьей – желая взять на вооружение в изобилии содержащийся в мемуарах разоблачительный материал, вынуждены были публиковать тексты, вводя тем самым в широкий оборот огромный пласт свидетельств очевидцев и участников событий. Нежданов завершает свое разгромное «Предисловие» признанием: *«Воспоминания бывшего министра иностранных дел во многих отношениях представляют большой интерес. О многом мы узнаем из воспоминаний Извольского впервые. Многие, нам уже известные, он дополняет многими интересными подробностями»*. Тут его оценки совсем другие: «большой интерес» – о договоре в Бьёрке, «чрезвычайно интересен» – рассказ об инциденте в Доггер-банке, «немало интересного» – о совещаниях Милюкова со Столыпиным².

И это только немногие примеры из разряда «интересных». Так что, кроме «небылиц», по Нежданову, в мемуарах, по Нежданову же, есть и то, что заслуживает внимания. Подходы и многих других рецензентов периода 1918–1940 гг. зачастую сходны с теми, которые продемонстрировал Л. Нежданов.

Председатель Государственной Думы М. В. Родзянко предпослал книге «Крушение империи» вступление, в котором определил и свой творческий метод: *«Я буду базироваться на многих документах, имеющихся у меня, и на сохранившихся личных записках. Мне придется, однако, иногда приводить и бродившие в русском обществе слухи и рассказы, которые дают прямое отражение настроения умов описываемой эпохи»*³. «Слухи и рассказы», конечно, не могут быть достоверным историческим источником, но М. В. Родзянко прав, утверждая, что по ним можно судить об общественном настроении и представлениях широких масс о тех или иных явлениях. Подтверждение этому можно найти и у А. И. Деникина. Рассуждая о переменах в отношении армии к династии, он сделал вывод: *«В армии громко, не стесняясь ни местом, ни временем, шли разговоры о настойчивом требовании императрицей сепаратного мира, о предательстве ею в отношении фельдмаршала Китченера»*⁴, о поездке которого она, якобы, сообщила немцам, и т. д. Переживая памятью

¹ Нежданов Л. Предисловие к русскому изданию // А. П. Извольский. Воспоминания. Пг.; М., 1924. С. 5–6, 10–11.

² Там же. С. 10–11.

³ Родзянко М. В. Крушение империи. С. 10.

⁴ Китченер – военный министр Великобритании. 5 июня 1916 г. отплыл с визитом в Россию на крейсере «Хэмпшир». Корабль подорвался на mine, установленной германской подводной лодкой. Погибли почти все, в том числе Китченер.

минувшее, учитывая то впечатление, которое произвел в армии слух об измене императрицы, я считаю, что это обстоятельство сыграло огромную роль в настроении армии, в отношении ее и к династии, и к революции»¹. Можно сказать, мемуары, как никакой другой источник, передают дух эпохи во всем ее своеобразии.

Но далеко не всегда мемуарист передает этот «дух эпохи» так, как ощущал его в момент события, свидетелем которого был. Время приносит новые знания и новые толкования того, что мемуарист видел когда-то или в чем участвовал сам. Они могут быть принесены извне, продиктованы новыми политическими обстоятельствами или переосмыслены самим мемуаристом. Свидетельские показания о событии становятся его позднейшей интерпретацией. П. Н. Милюков в своих «Воспоминаниях» поставил перед собой вопрос: не видит ли сам историк-мемуарист, «с достигнутой временем высоты понимания, минувшие события в ином свете, нежели видел тогда, когда они совершались, – хотя и тогда они были предметом его наблюдения – или даже мотивом его поступков? <...> Не вносит ли он в оценку субъективного момента или не вносил ли его тогда, желая теперь быть объективным? По необходимости, он видит многое яснее, но в том ли же свете, как прежде? И если он берется описывать прошлое, в котором сам он был не только свидетелем, но и участником, то должен ли он вносить в теперешнее описание свое более ясное понимание или прикрывать рассказ завесой прежнего неполного знания?». Для себя Милюков ответ нашел: «Теперь, на далеком расстоянии от событий, мне не приходится менять позиций, а остается лишь углублять их понимание и уточнять их объяснение. Этот элемент новизны я должен признать в моем описании и не мог бы от него отказаться. Но я считаю себя вправе утверждать, что это – углубление понимания и не есть отказ от прошлого. Это – лишь результат привычки связывать факты в одно целое и искать в этой связи отношений причинности»².

Положенные в основу мемуаров документальные материалы и запечатленные личной памятью автора события дополняют письменные источники, а все вместе взятое позволяет объяснить смысл действий, сообщить детали и раскрыть нюансы, никакими документами не передаваемые, в целом погружают читателя в сферу реальной жизни, поступков автора и действий окружавших его людей. Это свойство искренне написанных мемуаров позволяет им не терять интереса и привлекать внимание, сколько бы времени ни прошло с их появления.

Значительный массив документов и материалов периода войны, Февральской и Октябрьской революций, Первой мировой и Гражданской войн издал журнал «Архив русской революции», вышедший в 22 томах в Берлине в 1921–1937 гг.³

¹ Деникин А. И. Очерки русской смуты: [в 5 т.]. Париж; Берлин: Я. Поволцкий; Слово, 1921–1926. Т. 1: Крушение власти и армии (Февраль – сентябрь 1917 г.), вып. 1–2. Париж, 1921. Вып. 1. С. 17.

² Милюков П. Н. Воспоминания (1859–1917): в 2 т. Т. 2. С. 154–155.

³ Архив русской революции: в 22 т. / изд. И. В. Гессеном. Берлин, 1921–1937.

Его издателем-составителем был известный политический деятель, член партии конституционных демократов И. В. Гессен. После Октябрьской революции он выступил против Советской власти, входил в Политический центр при штабе генерала Н. Н. Юденича, эмигрировал. В своем «Архиве» Гессен собрал тексты авторов, которые до эмиграции занимали различное социальное и служебное положение, а в политическом спектре придерживались подчас полярных взглядов – от монархистов до социалистов. Публикации «Архива» – дневниковые записи и воспоминания – субъективны, но в своей совокупности отражают разные точки зрения на реальное состояние страны и общества, в том числе содержат оценку политических и военных событий Первой мировой войны. В «Архиве» нашли место воспоминания политических деятелей, дипломатов, военачальников. Отцу писателя В. В. Набокова и сыну министра юстиции Д. Н. Набокова, одному из лидеров Конституционно-демократической партии Владимиру Дмитриевичу Набокову принадлежат воспоминания «Временное правительство»¹. Помещен труд председателя 4-й Государственной Думы М. В. Родзянко «Крушение империи»². Опубликованы воспоминания заместителя министра внутренних дел С. П. Белецкого³ и начальника Дворцовой охраны А. И. Спиридовича⁴. Включены мемуары генерала А. С. Лукомского⁵ и документы к ним⁶. Приведены записки армейских офицеров и генералов: С. В. Милицына⁷, В. М. Краснова⁸, Ю. Н. Данилова⁹. Обнародованы документы и материалы о деятельности Ставки¹⁰. На-

- ¹ Набоков В. Д. Временное правительство // Архив рус. рев. 1921. Т. 1. С. 9–96.
- ² Родзянко М. В. Крушение империи: (Зап. председателя русской Государственной Думы) // Там же. 1926. Т. 17. С. 5–169.
- ³ Белецкий С. П. Воспоминания // Там же. 1923. Т. 12. С. 5–75.
- ⁴ Спиридович А. И. При царском режиме // Там же. 1924. Т. 15. С. 85–206.
- ⁵ Лукомский А. С. Из воспоминаний // Там же. 1921. Т. 2. С. 14–44; 1922. Т. 5. С. 101–190; Т. 6. С. 81–160.
- ⁶ Документы к «Воспоминаниям ген. А. Лукомского» // Там же. 1921. Т. 3. С. 247–270.
- ⁷ Милицын С. В. Из моей тетради: (Последние дни Преображенского полка) // Там же. 1921. Т. 2. С. 170–193.
- ⁸ Краснов В. М. Из воспоминаний о 1917–1920 гг. // Там же. 1923. Т. 8. С. 110–165.
- ⁹ Данилов Ю. Н. Мои воспоминания об Императоре Николае II-ом и Вел. Князе Михаиле Александровиче // Там же. 1928. Т. 19.
- ¹⁰ Ставка 25–26 октября 1917 г.: [Документы и материалы] // Там же. 1922. Т. 7. С. 279–320.

печатаны записки участников Брест-Литовских переговоров О. Чернина¹ и Д. Г. Фокке². Эти материалы и документы существенно расширяют представления об эпохе и ее проблемах.

Вышедшие в 1920–1930-е годы в зарубежных издательствах на русском языке мемуары ряда генералов российской армии стали доступны массовому читателю только после распада Советского Союза либо через открывшиеся, ранее недоступные, фонды крупных библиотек, либо благодаря переизданиям прежде запрещенных книг.

Мемуары политических руководителей.

Важнейшие события международных отношений сквозь призму своего личного участия в них стремились раскрыть российские бывшие министры иностранных дел. В 1906–1910 гг. эту должность занимал А. П. Извольский, его мемуары вышли за рубежом одновременно на французском и английском языках, на русский были переведены с английского издания и опубликованы в 1924 г., в советское время были переизданы³. В его труде много места уделено российско-германским отношениям, особенно истории заключения и последовавшей вскоре денонсации российско-германского договора 1905 г., «Бьеркского соглашения», лично заключенного российским и германским императорами. В мемуарах настойчиво проводится мысль о том, что германский император Вильгельм II *«делал все возможное, чтобы подвигнуть царя на политику авантюры на Дальнем Востоке, пользовался в это время всяким удобным случаем, чтобы испортить отношения между Россией и Англией»*⁴. Значительное место отводит А. П. Извольский и отношениям с Францией, послом в которой он был в 1910–1917 гг.

Сменивший Извольского на посту министра иностранных дел С. Д. Сазонов возглавлял внешнеполитическое ведомство в 1910–1916 гг.⁵ Свое видение внешнеполитических проблем и практическую дипломатическую работу отразил в воспоминаниях, первоначально вышедших в Париже и Берлине⁶.

Александр Петрович Извольский

¹ Чернин О. Брест-Литовск: Из мемуаров // Архив рус. рев. 1921. Т. 2. С. 108–133.

² Фокке Д. Г. На сцене и за кулисами Брестской трагикомедии: (Мемуары участника Брест-Литовских мирных переговоров) // Там же. 1930. Т. 20.

³ Извольский А. П. Воспоминания / пер. с англ. Л. Сперанского; [предисл. Л. Нежданова]. Пг.; М., 1924. 191 с.

⁴ Там же. С. 31.

⁵ Сазонов С. Д. (1860–1927). На дипломатической службе с 1883 г., занимал должности посланника в США, товарища (заместителя) министра, управляющего МИД. Министр иностранных дел в 1910–1916 гг. В январе 1917 г. назначен послом в Великобритании, но в связи с Февральской революцией к работе в Лондоне не приступил.

⁶ Сазонов С. Д. Воспоминания. Париж: Книгоизд-во Е. Сияльской, 1927. 398 с.

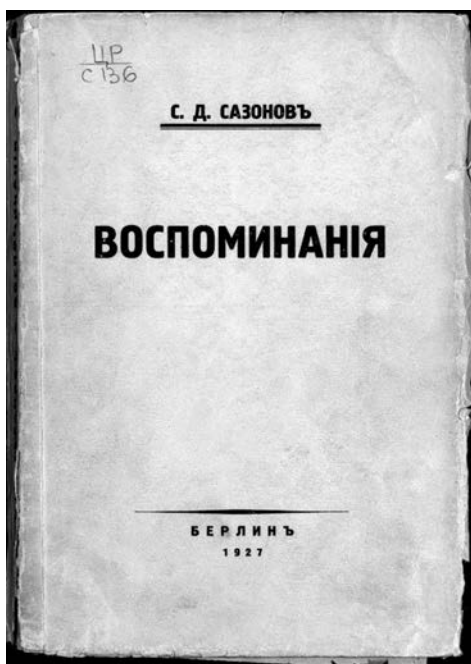

Сергей Дмитриевич Сазонов

В его мемуарах представлена широкая панорама международных отношений и роли в них России во временном отрезке от Боснийского кризиса 1908 г. до Первой мировой войны. Много места уделено международному кризису 1911 г. относительно Марокко и участию русской дипломатии в его разрешении. Нашли широкое отражение балканские дела – первая и вторая Балканские войны и их последствия. Показано германское проникновение на Ближний Восток. Три главы посвящены событиям, приведшим к возникновению Первой мировой войны и международным отношениям на ее протяжении: присоединение Турции к союзу Австрии и Германии, отход Италии и Румынии от политики нейтралитета и присоединение их к Антанте. Не обойдено вниманием и внутреннее положение России, в том числе

пагубные последствия решения императора возложить на себя верховное главнокомандование.

С. Д. Сазонов еще в начале войны, 14 сентября 1914 г., в предвидении победы Антанты изложил послам Франции и Великобритании Палеологу и Бьюкенену свою неофициальную программу послевоенного устройства мира. О ее содержании он рассказал в мемуарах. Проект Сазонова предусматривал уплату Германией и Австрией контрибуции, сокращение германской мощи, отторжение ряда германских земель в пользу ее противников по войне: Эльзаса, Лотарингии и части Рейнской области – Франции; Шлезвига и Гольштинии – Дании; приращение территории Бельгии, восстановление Ганноверского королевства. Германские колонии делились между Англией, Францией и Японией. Предполагалось преобразование Австро-Венгрии в триединую монархию в составе Австрии, Венгрии и Богемии. Намечался территориальный передел Европы по национальному принципу, и в этом контексте было выдвинуто требование присоединения к России нижнего течения Немана и Восточной

Галиции, а к зависимой от России Польше – Западной Галиции, Познани и Силезии. Территориально вознаграждались Италия, Сербия, Болгария, Греция¹. Позже Сазонов дополнил свой проект вопросом о проливах Босфор и Дарданеллы. Объясняя его актуальность для России, он писал: *«Я давно сознавал, что процесс исторического развития русского государства не мог завершиться иначе, как установлением нашего господства над Босфором и Дарданеллами, являющимися самой природой созданными воротами, через которые непрерывным потоком выливались на Запад природные богатства России, в которых Европа ощущает постоянную потребность, и вливаются обратно необходимые нам продукты ее промышленности. Всякая приостановка в этом обмене производит опасное расстройство в экономической жизни России, похожее на застой кровообращения в человеческом организме и требующее постоянного наблюдения и регулирования. Эта задача не может быть предоставлена доброй или злой воле соседа, действующего иногда под влиянием врага или самого являющегося врагом. Через эти же ворота вторгались в Россию и вражеские силы, внося войну и разорение в ее пределы»*². В 1914 г. предложения Сазонова о заключении союзнического соглашения были признаны несвоевременными, но впоследствии его идеи победители в войне реализовали, хотя и с некоторыми оговорками.

Многие российские политики в своих мемуарах в той или иной связи затрагивали военные вопросы. Одним из виднейших причастных к обороне деятелей был М. В. Родзянко – лидер праволиберальной политической партии «Союз 17 октября» (октябристов), председатель 3-й и 4-й Государственной Думы, активный участник Февральской революции, в ходе которой возглавил Временный комитет Думы. В годы войны он по роду своей деятельности часто контактировал и с императором Николаем II, и с генералами Ставки Верховного главнокомандующего. Будучи одним из самых информированных людей в стране, о многом из увиденного рассказал в трех книгах: «Государственная дума и Февральская революция 1917 г.», «За кулисами царской власти», «Крушение империи»³.

Ценным свидетельством эпохи являются дневник⁴ и мемуары П. Н. Милюкова.

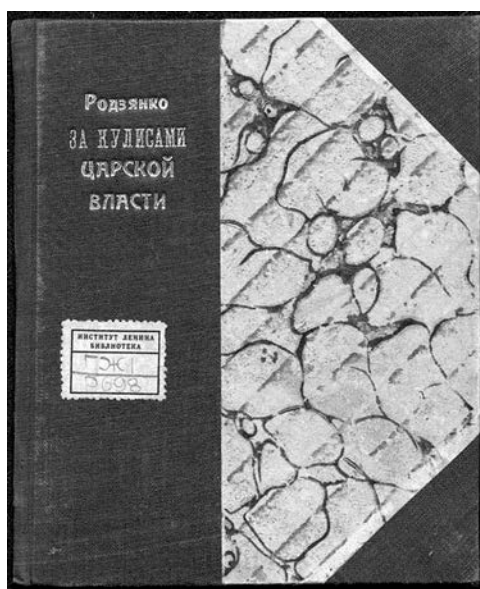
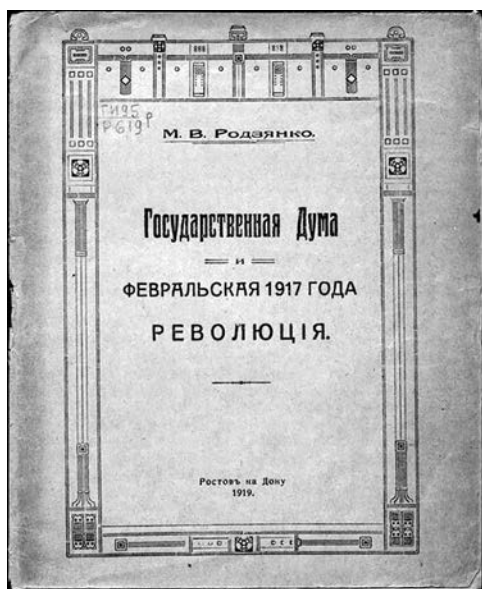
Михаил Владимирович Родзянко

¹ См.: История дипломатии. 2-е изд. М.: Изд-во полит. лит., 1965. Т. III. С. 16–17.

² Сазонов С. Д. Воспоминания. С. 299.

³ Родзянко М. В. Государственная дума и Февральская революция 1917 г. Ростов н/Д: [б. и.], 1919. 64 с.; *Его же*. За кулисами царской власти [Отрывки из воспоминаний]. М.: Гудок, 1926. 64 с.; *Его же*. Крушение империи. 272 с.

⁴ Милюков П. Н. Дневник. С. 3–48.

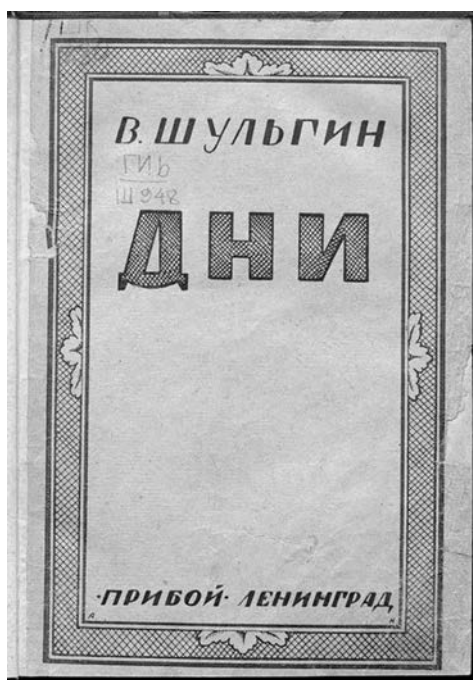

Он, историк по образованию и научным занятиям, служил приват-доцентом Московского университета. С 1916 г. являлся почетным доктором Кембриджского университета. Активно вел общественно-политическую работу, был одним из основателей Конституционно-демократической партии, стал председателем ее Центрального комитета и редактором газеты «Речь». Избирался депутатом Государственной Думы III и IV созывов. После Февральской революции в качестве министра иностранных дел вошел в первое Временное правительство. Октябрьскую революцию не принял, включился в Белое движение, закончил жизнь в эмиграции. Свои «Воспоминания» он начал писать в годы Второй мировой войны. Они состоят из девяти частей. В контексте настоящей работы особое внимание привлекают части восьмая («Четвертая Дума») и девятая («Временное правительство»)¹.

Депутат II, III и IV созывов Государственной Думы В. В. Шульгин, оказавшись в эмиграции, опубликовал в «Русской мысли» мемуары, которые в 1925 г. вышли в Ленинграде полностью, без сокращений и изменений². Его воспоминания представляют собой политическую историю России начала XX в. вплоть до крушения империи. В разделах о годах войны показано и благожелательное отношение Государственной Думы к требованиям армии увеличить поставки вооружений и боеприпасов. В намерении сделать все возможное в этом отношении Дума в 1915 г. образовала четыре «Особых совещания» — по государственной обороне, транспорту, топливу, продовольствию. Шульгин рассказывает о деятельности «Особого совещания по обороне», членом которого

¹ Милуков П. Н. Воспоминания (1859–1917): в 2 т.

² Шульгин В. В. Дни: [записки] / вступ. ст. и поясн. примеч. С. Пионтковского. Л.: Прибой, 1925. 228 с.

был. Военный министр Поливанов доложил: начальник штаба Ставки просит довести производство снарядов до 50 «парков»¹ в месяц. Запрашиваемый объем производства вызвал сомнения: *«Сейчас решится масштаб дела, а, следовательно, и масштаб войны. 50 “парков”, если считать на “полевые парки”, которые заключают в себе 30 000 снарядов, – это выходит полтора миллиона в месяц. Это много. Но достаточно ли?»*. Первым сомнение высказал Марков, предложивший увеличить производство вдвое. Его поддержали Родзянко, Львов, Милуков и другие. Решением было – производить 100 «парков» снарядов. Впоследствии оказалось, что и этого мало. Реакцией было постановление довести выпуск снарядов до 150 «парков»². Шульгин объективно освещает отношение Думы к просьбам армии об увеличении финансирования производства вооружений. Лукомский подтверждает: *«Я должен констатировать, что за все время работы 3-й и 4-й Государственных Дум ни одно из представлений военного министерства, касавшихся улучшения боеспособности армии или обороны страны, не было отклонено»*³.

Мемуары военных министров. Большой пласт мемуарной литературы составляют воспоминания военных министров. В рассматриваемый период – с начала войны и до Октябрьской революции – ими были В. А. Сухомлинов (11 марта 1909 – 12 июня 1915), А. А. Поливанов (13 июня 1915 – 15 марта 1916),

¹ Артиллерийские парки – базы, накапливавшие запасы артиллерийского вооружения и боеприпасов и обеспечивавшие ими действующие войска. Все парки полевой артиллерии расформированы в 1918 г.

² Шульгин В. В. Дни: [записки]. С. 54–55.

³ [Лукомский А. С.] Воспоминания генерала А. С. Лукомского. Т. 1. С. 29.

Д. С. Шуваев (15 марта 1916 – 3 января 1917), М. А. Беляев (3 января 1917 – 1 марта 1917). В должности морского министра состоял И. К. Григорович (19 марта 1911 – 1 марта 1917). Во Временном правительстве военное и морское ведомство возглавляли А. И. Гучков (2 марта 1917 – 30 апреля 1917), А. Ф. Керенский (5 мая 1917 – 30 августа 1917), А. И. Верховский (30 августа 1917 – 20 октября 1917). Все названные министры, кроме Шуваева и Беляева, оставили воспоминания.

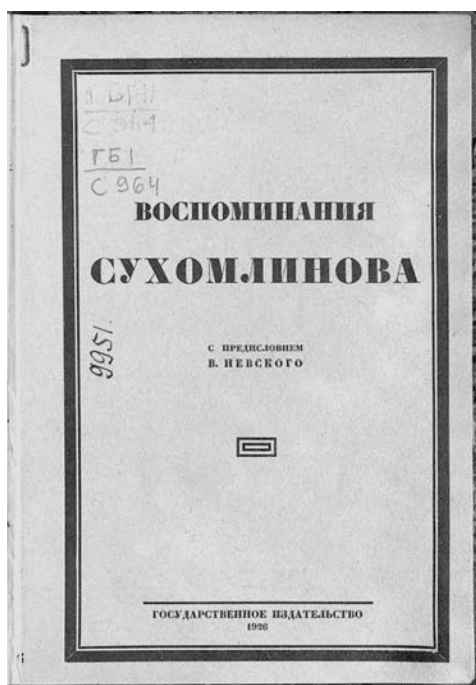
В. А. Сухомлинов (1848–1926) сделал блестящую карьеру, на вершине которой имел чин генерала от кавалерии. Образование получил в 1-м Петербургском кадетском корпусе, Николаевском кавалерийском училище, Николаевской академии Генерального штаба. Он приобрел боевой опыт в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., прошел школу командования на уровне командира полка и дивизии, командующего войсками Киевского военного округа, получил навыки военного планирования на посту начальника Генерального штаба, усвоил принципы административной работы, будучи киевским, волынским и подольским генерал-губернатором. Впечатляющий послужной список вполне оправдывал назначение его в марте 1909 г. военным министром. Однако Первая мировая война обнаружила серьезные провалы в обеспечении армии оружием и боеприпасами, в чем в большой степени был повинен военный министр. 11 июня 1915 г. Николай II уволил Сухомлинова и даже на шесть месяцев посадил под арест в Петропавловскую крепость. После Февральской революции Временное правительство отдало Сухомлинова под суд. По статье об измене и взяточничестве он был оправдан, по обвинению в «бездействии власти» приговорен к бессрочным каторжным работам. После Октябрьской революции Сухомлинова освободили по амнистии. Воспользовавшись этим, он бежал из страны.

Неоднозначная биография прямо-таки вынудила Сухомлинова написать книгу воспоминаний¹. Она посвящена службе в разные периоды военной карьеры, а также описанию тюремных злоключений после ареста. Прямой заботой и наиглавнейшей задачей Военного министерства было создание материально-технических резервов. В связи с обвинениями в срыве поставок в действующую армию вооружения и боеприпасов Сухомлинов попытался найти оправдание своим просчетам и бездеятельности. По его рассказу, уже военные маневры 1911 г., проходившие под Киевом, показали, что артиллерийских снарядов в расчете на одно орудие «нужны будут тысячи», а не по 500, как во время Русско-

Владимир Александрович
Сухомлинов

¹ [Сухомлинов В. А.] Воспоминания Сухомлинова. Берлин: Рус. универс. изд-во, 1924. 334 с.

японской войны, и об этом он говорил с премьер-министром Столыпиным в антракте спектакля в киевском театре буквально накануне его убийства, пообещав на следующий день представить соответствующие расчеты для доклада императору. Возможно и так, но проверить это по причине смерти Столыпина никак нельзя. А с преемником Столыпина В. Н. Коковцовым, как пишет Сухомлинов, «создались самые неприязненные отношения», отчего Коковцов «еще менее стал стесняться в сокращении кредитов, что продолжалось вплоть до смены его в 1914 г. Горемыкиным»¹. Мало того, Сухомлинов ссылается и на бюрократические проволочки: «Денежные ассигнования получали мы не в начале бюджетного года, а часто лишь

к концу последнего... Вследствие этого со средствами, действительно нам отпущенными, приходилось обращаться очень осторожно, и случалось иногда так, что отпущенные деньги мы не могли израсходовать вследствие наступления зимы, а затем закрытия кредита за истечением бюджетного года. Коковцов в таких случаях не стеснялся дерзко заявлять, что я не умею целесообразно распорядиться отпущаемыми средствами и расходом их»². Видимо, В. Н. Коковцов как председатель правительства и министр финансов был прав, упрекая военного министра в нераспорядительности. Лукомский также утверждал, что «военный министр не был достаточно настойчив, не ставил вопрос ребром, и соглашался на те урезки кредитов, которые требовались министерством финансов»³. Но и средства, которые выделялись, зачастую не осваивались. Деникин приводит потрясающий факт: «В течение управления Сухомлинова ведомство получило особый кредит в 450 миллионов рублей и не израсходовало из них 300 миллионов! До войны вопрос о способах усиленного питания армии боевыми припасами, после израсходования запасов мирного времени, даже не поднимался»⁴.

Срыв накопления стратегических запасов оружия Сухомлинов объясняет не только злонамеренными действиями Министерства финансов, но и запоздав-

¹ [Сухомлинов В. А.] Воспоминания Сухомлинова. С. 177.

² Там же. С. 178.

³ [Лукомский А. С.] Воспоминания генерала А. С. Лукомского. Т. 1. С. 28.

⁴ Деникин А. И. Очерки русской смуты: [в 5 т.]. Т. 1: Крушение власти и армии (февраль – сентябрь 1917 г.), вып. 1–2. Париж, 1921. Вып. 1. С. 29.

шим принятием программы перевооружения: «Мне удалось лишь в 1914 г. провести так называемую большую программу, результаты которой могли начать проявляться только с 1916 г., если бы всемирная война не вспыхнула раньше того»¹. И это при том, что Государственная Дума всегда поддерживала ассигнования на оборону, по признанию самого Сухомлинова, «отнеслась в полной мере сочувственно к дальнейшему усовершенствованию боевых наших сил, что зависело от тех средств, которые могли быть нам на это ассигнованы»².

Несоответствующим своей роли военного министра выглядит Сухомлинов и в оценке Брусилова: «Сухомлинова я знал давно, служил под его начальством и считал, да и теперь считаю, его человеком, несомненно, умным, быстро соображающим, и распорядительным, но ума поверхностного и легкомысленного. Главный же его недостаток состоял в том, что он был, что называется, очковтиратель и, не углубляясь в дело, довольствовался поверхностным успехом своих действий и распоряжений... Помимо того, он восстановил еще против себя, в угоду правительственному течению, всю Государственную Думу. А это был большой промах, ибо Дума всеми силами старалась развить военную мощь России, поскольку это от нее зависело»³.

А. А. Поливанов (1855–1920). Генерал от инфантерии. Окончил Николаевскую инженерную академию и Николаевскую академию Генерального штаба. Участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. С 1899 г. служил в Главном штабе, в том числе в 1905–1906 гг. его начальником. В 1906–1912 гг. помощник военного министра. С 1912 г. в отставке, в том же году введен в состав Государственного Совета, в котором состоял до 1915 г. В июне 1915 – марте 1916 г. военный министр, уволен в отставку. После Февральской революции являлся председателем Особой комиссии по реорганизации армии на демократических началах и Комиссии по улучшению быта военных чинов. С февраля 1920 г. служил в Красной Армии. Во время советско-польских мирных переговоров 1920 г. в Риге исполнял обязанности военного эксперта.

Мемуары А. А. Поливанова впервые были изданы в 1924 г. в неполном виде: из предпо-

Алексей Андреевич Поливанов

¹ [Сухомлинов В. А.] Воспоминания Сухомлинова. С. 182; О самой программе см.: Зайончковский А. М. Подготовка России к мировой войне в международном отношении / предисл. и под ред. М. П. Павловича. [Л.]: Воен. тип. Упр. делами Наркомвоенмор и РВС СССР, 1926.

² [Сухомлинов В. А.] Воспоминания Сухомлинова. С. 181.

³ Брусилов А. А. Мои воспоминания. С. 58.

Александр Иванович Гучков

лагавшихся двух томов вышел только первый. Его содержание составили дневниковые записи за 1907–1913 гг. и первые четыре главы труда «Девять месяцев во главе Военного министерства. 13 июня 1915 года – 13 марта 1916 года»¹. Продолжение работы опубликовал журнал «Вопросы истории» в 1994 г.² Высокое положение Поливанова в военно-политической иерархии страны вызывает несомненный интерес к его взглядам на события в стране, деятельности по перестройке военной промышленности и увеличению производства вооружений. Поливанов показывает обстоятельства несвоевременного и недостаточного снабжения армии и обосновывает программу деятельности по обеспечению ее боевыми и материаль-

ными ресурсами; представляет свою версию причин военных неудач в начале войны, негативно оценивает принятие Николаем II поста Верховного главнокомандующего.

А. И. Гучков (1862–1936). Богатейший предприниматель и лидер либерально-консервативной партии «Союз 17 октября», Гучков был одним из крупнейших политических деятелей России начала XX в. Окончив историко-филологический факультет Московского университета, совершил путешествие в Тибет. В 1898 г. служил на Дальнем Востоке офицером казачьей охраны строительства Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). В 1899 г. воевал на стороне буров в Англо-бурской войне, был тяжело ранен. Участвовал в македонском восстании 1903 г. против Османской империи. В годы Русско-японской войны находился в действующей армии как уполномоченный Красного Креста. Под Мукденом попал в плен, не желая оставить находившихся в госпитале раненых. Вернувшись в Россию, осенью 1905 г. вместе с Д. Н. Шиповым основал «Союз 17 октября». Потерпел поражение на выборах в Государственную Думу I и II созывов, но в 1907 г. вошел в Государственный Совет от Москвы. Избранный в 3-ю Государственную Думу, стал ее председателем, но 5 марта 1911 г. отказался от поста в знак протеста в связи с временным (12–15 марта 1911 г.) роспуском Думы, предпринятым для принятия одного из нужных Столыпину решений указом императора. Участвовал в Первой балканской войне в рядах болгарской и сербской армий. Выборы в 4-ю Думу проиграл, но от активной деятельности не отошел. Во время Первой мировой войны стал уполномо-

¹ Поливанов А. А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника 1907–1916 г. Т. 1 / под ред. А. М. Зайончковского; предисл. М. Павловича. М.: Высш. воен. ред. совет, 1924. Т. I. 240 с.

² Поливанов А. А. Девять месяцев во главе Военного министерства / под ред. В. В. Поликарпова // Вопросы истории. 1994. № 2–11.

моченным Красного Креста на фронте, председателем Центрального военно-промышленного комитета, членом Государственного Совета. Был одним из активнейших организаторов Февральской революции. Вместе с Шульгиным участвовал в принуждении Николая II к отречению от трона. В марте–мае 1917 г. занимал должность военного и морского министра в первом составе Временного правительства. Провел масштабную чистку командного состава. Ушел в отставку из-за неспособности противостоять анархии и разложению армии. После Октябрьской революции активно участвовал в Белом движении в качестве представителя Деникина в странах Антанты. В эмиграции выступал за военный переворот в СССР.

Свое участие в политической жизни России А. И. Гучков раскрыл в беседах с Н. А. Базили, известным в годы войны в военных и дипломатических кругах человеком¹. В ноябре 1932 – феврале 1933 г. Базили взял в Париже у Гучкова десять интервью, стенограммы которых были просмотрены и подписаны Гучковым. В августе–сентябре 1936 г. парижская газета «Последние новости» опубликовала их под названием «Из воспоминаний А. И. Гучкова». В 1991 г. стенограммы под редакцией В. И. Старцева поместил на своих страницах журнал «Вопросы истории»². В 1991 г. они вышли отдельным изданием³. «Беседы» представляют собой не последовательное изложение событий, а ответы на конкретные вопросы, которые интересовали Базили для собственных исследований. В «Беседах» Гучков высказался по многим вопросам политической эволюции России, приведшей к Февральской революции. Он оценил деятельность Временного правительства и свою собственную как военного министра. Значительное место занял показ негативных явлений в области строительства вооруженных сил до начала Великой войны. По его мнению, существовало (речь идет о времени, когда Гучков был председателем 3-й Государственной Думы) *«совершенно непреодолимое препятствие для возрождения нашей военной мощи и для поднятия ее на ту высоту, чтобы представлять Россию, – это участие великих князей в военном управлении»*. Гучков попытался обосновать свое мнение: *«Во главе всей обороны (потому что там были не только сухопутные, но и морские дела) стоял великий князь Николай Николаевич... в то время он тоже скорее представлял из себя рутину, не было у него настоящего понимания нужд армии, что нужно очень круто переменить подбор людей и порядки, чтобы поставить нашу военную мощь на должную высоту»*. И далее:

¹ Базили Н. А. (1883–1963). Член Совета российского МИД. В 1914–1917 гг. являлся дипломатическим представителем МИД при Ставке, в 1917 г. – директор дипломатической канцелярии при Верховном главнокомандующем. По поручению генерала М. В. Алексева составил проект акта об отречении Николая II. С июня 1917 г. советник Российского посольства в Париже. После окончания Гражданской войны занимался литературной деятельностью. С осени 1939 г. жил в США.

² Александр Иванович Гучков рассказывает... Беседы А. И. Гучкова с Н. А. Базили / под ред. В. И. Старцева // Вopr. истории. 1991. № 7–12.

³ [Гучков А. И.] Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания Председателя Государственной Думы и военного министра Временного правительства. М., 1993.

«Главным препятствием для военного министра был Совет государственной обороны. Во главе отдельных главных управлений стояли: во главе учебного ведомства – великий князь Константин Константинович; во главе Главного артиллерийского управления – великий князь Сергей Михайлович; Военно-инженерного управления – Петр Николаевич. Эти люди, во-первых, мешали, а затем, они снимали с военного министра ответственность, и не было известно, кто начальник». Положение исправила реформа военного ведомства: «Рядом с начальниками главных управлений были созданы должности генерал-инспекторов, и вот те великие князья, которые занимали должности начальников главных управлений, делались генерал-инспекторами. Это была очень высокая и почетная должность, они могли инспектировать это управление сверху донизу, но не имели никаких прав по распоряжению. Все смотрят они должны были докладывать военному министру»¹.

В «Беседах» А. И. Гучков неоднократно затрагивал проблему соответствия руководителей и военачальников занимаемым должностям. Алексеев – *«человек большого ума, большого знания... широкого государственного ума»*, однако полностью раскрыть себя ему препятствовали *«недостаточно развитая воля, недостаточно боевой темперамент для преодоления тех препятствий, которые становились по пути. Работник усердный, но разменивающий свой большой ум и талант часто на мелочную канцелярскую работу»*. Брусилов вообще вызывал у Гучкова отторжение: *«Я был очень низкого мнения о Брусилове как о человеке, как о стратеге. У него были большие свои успехи, которые я приписывал не столько ему, сколько обстановке и хорошим сотрудникам»*. И, напротив, о Корнилове в совсем другом тоне: *«Он... завоевал в революционном гарнизоне высокое моральное положение. Против него бунтовали, но с ним считались. Человек он большого мужества, [не] считали, что он есть агент реакции, расправы, верили, что он новый строй признал воистину, так что он не вызывал против себя той злобы, тех подозрений, которые мог бы другой генерал вызвать, ему подтягивание гарнизона давалось легче, чем другому. Главное дело, у него был моральный авторитет»².*

Негодны, как полагал Гучков, были военные министры. При царе Сухолинов стал главным препятствием преобразования армии³. Поливанов очень умный, знающий, очень много пользы принес в свое время, но у него *«не было гражданского мужества, чувства долга»⁴*. Во Временном правительстве военные министры также оказались не на высоте: *«Верховский не был сторонником революции, а был профитером революции. Ему казалось, что можно не мелкий свой карьеризм [удовлетворить, а] сыграть большую роль. Ему казалось, что если он к этой революционной стихии подойдет, то сумеет ее вовремя*

¹ Александр Иванович Гучков рассказывает... Беседы А. И. Гучкова с Н. А. Базили // Вopr. истории. 1991. № 9–10. С. 195–196.

² Там же. № 7–8. С. 200–202.

³ Там же. № 9–10. С. 200.

⁴ Там же. № 11. С. 191–192.

захватить и на этой волне продвинуться»¹. Можно добавить, что и сам Гучков, проработав военным министром менее двух месяцев и осознав свою неспособность справиться с разложением армии, добровольно ушел в отставку.

А. Ф. Керенский (1881–1970). После окончания в 1904 г. юридического факультета Петербургского университета занимался адвокатской практикой. Являлся депутатом 4-й Государственной Думы. Возглавлял в ней фракцию трудовиков. В результате Февральской революции в первом составе Временного правительства получил пост министра юстиции, одновременно был заместителем председателя Петроградского совета. 9 мая 1917 г. обнародовал «Декларацию прав солдата». После отставки Гучкова возглавил Военное министерство, инициировал июньское 1917 г. наступление на фронте, закончившееся провалом. Ввел на фронте смертную казнь и учредил военно-революционные суды. В июле 1917 г. заменил Львова на посту министра-председателя с сохранением обязанностей военного и морского министра. С 30 августа 1917 по 3 ноября 1917 г. являлся Верховным главнокомандующим. После Октябрьского вооруженного восстания бежал в Англию, затем жил в Париже и США. Написал мемуары «Россия на историческом повороте», смысл которых в попытке оправдать свою политическую и военную деятельность и горьком признании, что *«никому не суждено уйти от ответственности за свои деяния... за маккиавеллиевскую политику, которая учит, что политика и мораль не имеют ничего общего и что все, что считается аморальным, преступным в жизни одного человека, не только допустимо, но даже необходимо во имя блага и мощи государства»*².

А. И. Верховский (1886–1938). Его жизненный путь был извилист. Выходец из старинного аристократического рода, за осуждение расправы с демонстрацией 9 января 1905 г. был исключен из Пажеского корпуса и отправлен унтер-офицером на Русско-японскую войну. По его собственному рассказу, *«когда 9 января 1905 года (а я в это время был фельдфебелем гусарской роты и камер-пажем императора) в корпус приехали уланы, бывшие пажи, и показали окровавленные в стычке с рабочими клинки, я возмущен: "Оружие нам дано для того, чтобы защищать родину, а не для борьбы со своим народом". За это я был разжалован и сослан в действующую против Японии армию»*³. Но дальше карьера А. И. Верховского

Александр Иванович Верховский

¹ Александр Иванович Гучков рассказывает... // Вопр. истории. 1991. № 9–10. С. 206.

² Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары / пер. с англ. М.: Республика, 1993. С. 382.

³ Верховский А. И. На трудном перевале. М.: Воениздат, 1959. С. 21.

шла по восходящей линии. За боевые отличия он получил орден и был произведен в подпоручики. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба. В годы Первой мировой войны служил в штабах фронтовых подразделений. После Февральской революции вступил в Партию социалистов-революционеров (эсеров). В 1917 г. произведен в генерал-майоры. В мае–августе 1917 г. командовал войсками Московского военного округа. Став военным министром Временного правительства (с 30 августа по 21 октября 1917 г.), проводил политику обновления высшего командного состава путем выдвижения молодых офицеров. В декабре 1918 г. начал службу в РККА. Входил в качестве военного эксперта в состав советской делегации на Генуэзской международной конференции 1922 г. В 1929–1931 гг. являлся начальником штаба Северо-Кавказского военного округа. В 1936 г. получил звание комбрига, работал в военных академиях РККА, стал профессором, написал ряд военно-теоретических трудов. Верховский официально отказался от политической деятельности и тем не менее не избежал преследований: с 1918 г. его пять раз подвергали аресту, а в 1938 г. расстреляли. Реабилитирован в 1956 г.¹

Еще в 1918 г. А. И. Верховский издал «Походные дневники 1914–1918 г.»². Его наблюдения основаны на живых личных наблюдениях и беседах с участниками событий самого разного служебного положения, среди которых и офицер Генерального штаба капитан Рябцев, и председатель военной комиссии Временного комитета Государственной Думы Б. А. Энгельгардт, и многие другие. Знание людей и обстановки позволило ему дать острые характеристики очень заметным персонам, например главнокомандующему Юго-Западным фронтом генералу Иванову. Верховский рассказывает о своем восприятии начавшейся войны, рассматривает причины поражений в Восточной Пруссии в 1914 г. и Галиции в 1915 г., делится впечатлениями о войне на Черном море в 1916 г. и о вступлении в войну Румынии, показывает общественно-политическую ситуацию накануне крушения монархии и обстановку в контексте «буржуазия в борьбе с пролетарской революцией» в тех городах России, где ему самому довелось быть, – в Севастополе, Петрограде, Москве. Завершает повествование раздел о кризисе Временного правительства, победе пролетарской революции и решении перейти на сторону Советской власти.

В 1937 г. А. И. Верховский завершил работу над воспоминаниями, опубликованы они были в 1959 г. под названием «На трудном перевале». Выше был приведен рассказанный в них эпизод из биографии Верховского. Диапазон книги широк – это и личное восприятие начавшейся войны, и рассказы о тех событиях, в которых автор участвовал, включая разгром в Восточной Пруссии в 1914 г., сражение в Галиции 1915 г., боевые действия на Черном море и в Ру-

¹ См. о нем: *Полтораки С. Н., Голубев А. А.* Александр Иванович Верховский: первый опыт анализа историографии // Клио. 2006. № 1. С. 54; *Сафронов Ю. И.* Дневник Верховского. М., 2014; *Бондарь М. М.* Голгофа генерала Верховского // Воен.-ист. журн. 1993. № 10.

² *Верховский А. И.* Россия на Голгофе: (Из походного дневника 1914–1918 гг.). Пг.: 5-я гос. тип., 1918.

мынии. Через собственное восприятие показаны события Февральской революции, как они разворачивались в Петрограде и Севастополе, где Верховский служил. Дана оценка корниловскому выступлению и политике Временного правительства, результатам своего участия в нем и причинам своего ухода из правительства.

Воспоминания генералов. После завершения войны мемуары написали многие генералы, составившие имя в военной истории России и занимавшие ключевые должности Верховного главнокомандующего, главнокомандующих фронтами, командующих армиями, служившие под их началом начальники штабов и квартирмейстеры. В их воспоминаниях дана развернутая картина принятия стратегических решений и тактических действий по их осуществлению. Участники войны в генеральских чинах, занимавшие сравнительно невысокие должности – командиров корпусов, дивизий, бригад, начальников штабов воинских подразделений этого уровня, также создали значительный пласт мемуарной литературы. Внимание этих авторов привлекают сражения, в которых они лично участвовали, описания ограничены масштабами действий подчиненных им подразделений и основаны на личных впечатлениях. В воспоминаниях командиров дивизий и бригад зачастую не найти глубокого анализа решений командования в масштабе армии и тем более фронта, но результаты осуществления замыслов высшего командования они ощущали на боевой судьбе своих частей, и это давало основания для оценки и критики вышестоящих начальников.

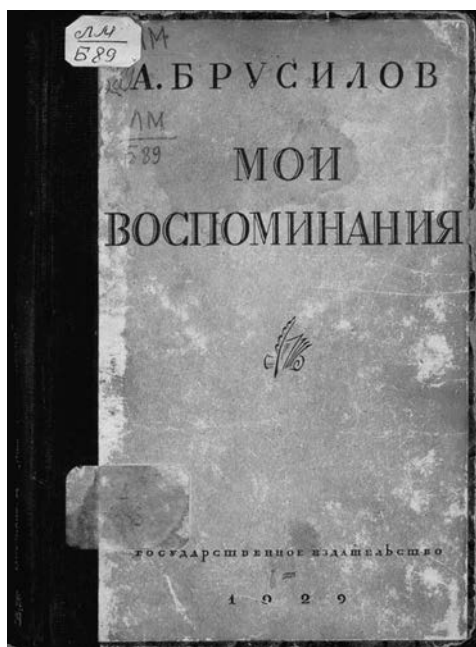
В зависимости от степени участия в описываемых событиях генералы концентрируют свои воспоминания на нескольких ключевых темах. Это собственно боевые операции: Восточно-Прусская, Галицийская, Варшавско-Ивангородская, Лодзинская, Нарочская, наступление Юго-Западного фронта летом 1916 г., попытка июньского наступления 1917 г. Кроме того, постоянно присутствуют рассуждения о профессиональных качествах военного руководства – Верховного главнокомандующего, военных министров, главнокомандующих фронтами, командующих армиями и корпусами, даже командиров дивизий, о провалах в обеспечении армии вооружением и кадровыми резервами, негативных послед-

ствиях принятия Николаем II обязанностей Верховного главнокомандующего вооруженными силами России, отречении императора, разложении армии накануне и после Февральской революции, ее отношении к революции.

А. А. Брусилов (1853–1926). Генерал от кавалерии. Был одним из наиболее успешных полководцев Первой мировой войны. Потомственный военный, вышедший из семьи генерала и сам ставший генералом от кавалерии, Брусилов прошел все ступени военной карьеры. Окончил Пажеский корпус, участвовал

Алексей Алексеевич Брусилов

в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. В ходе службы командовал кавалерийской дивизией, армейским корпусом. В 1912–1913 гг. – помощник командующего войсками Варшавского военного округа. В начале Первой мировой войны командовал 8-й армией, участвовал в Галицийском сражении. С марта 1916 г. возглавлял Юго-Западный фронт, войска которого осуществили прорыв австро-германской обороны. В мае–июле 1917 г. являлся Верховным главнокомандующим. После Октябрьской революции отказался вступить в Белое движение, с 1920 г. служил в Красной Армии.

Каждая из глав его мемуаров посвящена событиям 1914, 1915, 1916 и 1917 гг.¹ Ни одна состоявшаяся в эти годы воен-

ная операция, к которой был причастен автор, им не упущена. Позже о них, как и о затронутых Брусиловым ключевых военных и политических событиях, будет еще сказано. Февральскую революцию А. А. Брусилов поддержал. Назначенный Временным правительством Верховным главнокомандующим, он, «видя полный развал армии и не имея ни сил, ни средств переменить ход событий, поставил себе целью хоть временно сохранить относительную боеспособность армии и спасти офицеров от истребления»². Объясняет Брусилов и свое принципиальное решение не эмигрировать из страны: «В самом начале революции я твердо решил не отделяться от солдат и оставаться в армии, пока она будет существовать или пока меня не сменят... считаю долгом каждого гражданина не бросать своего народа и жить с ним, чего бы это ни стоило»³.

В. И. Гурко (1864–1937). Сын генерал-фельдмаршала И. В. Гурко и сам генерал от кавалерии, входил в силу служебного положения в круг высшего военного и политического руководства страны. Он окончил Николаевскую академию Генерального штаба, участвовал в Русско-японской войне 1904–1905 гг., возглавлял Военно-исторический комитет по ее описанию. В Первую мировую войну вступил начальником 1-й кавалерийской дивизии армии генерала Ренненкампа, действовавшей в Восточной Пруссии. Командовал армией в наступательной Нарочской операции в марте 1916 г. Во время болезни генерала М. В. Алексеева

¹ Брусилов А. А. Мои воспоминания. 249 с.

² Там же. С. 211.

³ Там же. С. 222.

Василий Иосифович Гурко

исполнял обязанности начальника штаба Верховного главнокомандующего. После Февральской революции Временное правительство назначило его главнокомандующим войсками Западного фронта. Однако Гурко остался верен своим монархическим идеалам. Через четыре дня после отречения Николая II В. И. Гурко обратился к нему с посланием, в котором заявил: «Мною движет исключительно преданность русскому самодержцу, унаследованная мной от предков»¹. Твердость представлений о воинской дисциплине и принципах построения взаимоотношений между рядовым и начальствующим составом вооруженных сил обусловили его несогласие с принятой Вре-

менным правительством «Декларацией прав военнoслужащих», что привело к острому конфликту с военным министром А. Ф. Керенским. 5 июня 1917 г. Временное правительство отстранило Гурко от должности главнокомандующего Западным фронтом в связи с личным заявлением об отсутствии у него возможности следовать правительственному курсу. Расплатой был арест по приказу Керенского, заключение в Петропавловскую крепость, а затем и высылка в Англию, где он впервые опубликовал мемуары на английском языке, затем они вышли на русском – в Берлине².

В мемуарах, названных «Война и революция в России», В. И. Гурко прикоснулся к широкому спектру вопросов – от повседневной жизни и боев подчиненных ему подразделений до неумолимо нараставшего политического кризиса в стране, переросшего в свержение монархии. Исходный постулат Гурко о происхождении войны состоит в утверждении, что «все войны, в которых участвовали цивилизованные народы, тем или иным способом были подготовлены германской дипломатией, направлявшейся этим “богом войны” императором Вильгельмом»³. Неминуемость провоцируемой Вильгельмом II войны сделала неизбежными мобилизацию русской армии и ее вынужденные действия против начавшей войну Германии и ее союзников.

А. И. Деникин (1872–1947). Деникин относится к числу наиболее успешных российских военачальников. Он был одним из немногих генералов, чей отец

¹ Цит. по: Гурко В. И. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914–1917. СПб.: ЗАО «Центрполиграф», 2007. С. 211.

² Gourko V. Memories and Impressions of War and Revolution in Russia 1914–1917. London: John Murray, 1918; Гурко В. И. Россия 1914–1917 гг. Воспоминания о войне и революции. Берлин, 1922.

³ Гурко В. И. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914–1917. С. 4.

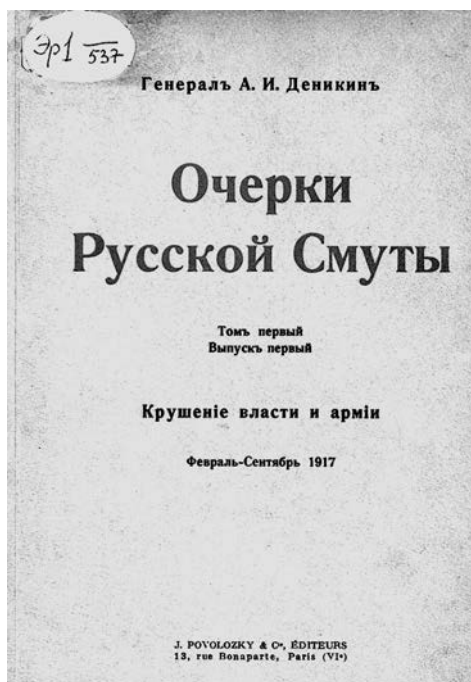

Антон Иванович Деникин

был крестьянином, дослужившимся в армии до чина майора¹. Выдающиеся личные способности позволили Деникину, несмотря на происхождение, окончить Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Русско-японской войны. По восходящей линии шла его служебная карьера. Служил на штабных должностях, в июне 1910 г. назначен командиром 17-го пехотного Архангелогородского полка, которым командовал до назначения в марте 1914 г. генералом для поручений при Командующем войсками Киевского военного округа. В июне 1914 г. произведен в чин генерал-майора. В начале Первой мировой войны назначен генерал-квартирмейстером 8-й армии, в сентябре переведен на должность командира 4-й стрелковой бригады, развернутой в августе 1915 г. в дивизию. Успешно проявил себя в ходе Луцкого («Брусиловского») прорыва 1916 г. В 1916 г. стал генерал-лейтенантом и был назначен командующим 8-м корпусом на Румынском фронте. Принял Февральскую революцию. В апреле–мае 1917 г. являлся начальником штаба Ставки Верховного главнокомандующего, затем главнокомандующим Западным и Юго-Западным фронтами. 28 августа 1917 г. арестован за поддержку выступления генерала Л. Г. Корнилова. Содержался в Быховской тюрьме по обвинению в мятеже, вместе с другими генералами бежал. В годы Гражданской войны один из главных руководителей Белого движения 1918–1920 гг. Возглавлял Добровольческую армию, а после включения в нее Войска Донского стал Главнокомандующим Вооруженными силами Юга России. Верховный Правитель России А. В. Колчак 24 июня 1919 г. назначил Деникина своим заместителем, но фактически Деникин эту должность не исполнял. В связи с крахом Белого движения в апреле 1920 г. эмигрировал в Англию.

В эмиграции Деникин издал мемуары в пяти томах под общим названием

Генераль А. И. Деникинъ
**Очерки
Русской Смуты**
Томъ первый
Выпускъ первый
Крушение власти и арміи
Февраль–Сентябрь 1917
J. POVOLOZKY & Co, ÉDITEURS
13, rue Bonaparte, Paris (VI*)

¹ Чин майора в российской армии существовал до 1884 г.

«Очерки русской смуты». Все они вышли на русском языке. Первый том «Крушение власти и армии (февраль–сентябрь 1917 г.)» вышел в Париже в 1921 г. Второй том «Борьба генерала Корнилова» – в Париже в 1922 г. В нем Деникин дает свою интерпретацию таких событий, как выступление генерала Корнилова, попытки утверждения новой власти через созыв Учредительного собрания, Октябрьская революция, Брестский мир. В третьем томе «Белое движение и борьба Добровольческой армии», охватывающем вторую половину 1917 – начало 1918 г., показаны создание и боевые действия Добровольческой армии. Этот том вышел в Берлине в 1924 г. Два завершающих тома посвящены Гражданской войне и краху Белого движения в хронологических рамках 1919–1920 гг. Они впервые опубликованы тоже в Берлине в 1925 и 1926 гг.

В контексте настоящей работы наибольший интерес представляет первый том¹. В нем Деникин исследует сложившиеся еще до Первой мировой войны идеологические устои русской армии, основанные на постулатах «вера, царь и отечество», показывает разрушение их Февральской революцией путем «демократизации армии», деятельность Ставки Верховного главнокомандующего и роль Николая II как Верховного главнокомандующего, военные реформы Временного правительства, стратегическое положение Русского фронта к весне 1917 г., деятельность Брусилова в качестве Верховного главнокомандующего и наступление русских армий летом 1917 г., собственную службу в должности главнокомандующего армиями Западного и Юго-Западного фронтов. «Больные» для армии, государства и общества вопросы Деникин рассматривает на фоне политических событий в стране, которым дает острые оценки, не избегая и характеристик ведущих политических и военных деятелей, с которыми соприкасался по службе.

Ю. Н. Данилов (1866–1937). Генерал от инфантерии. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба. В начале Первой мировой войны назначен генерал-квартирмейстером штаба Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича. В 1915 г. после перевода его на Кавказ покинул Ставку и занимал ряд должностей в действующей армии: был командиром корпуса, начальником штаба Северного фронта, командующим V армией. В 1918 г. служил в Красной Армии, возглавлял группу военных экспертов советской делегации на переговорах в Брест-Литовске, возражал против заключения Брестского мира. Выйдя в отставку, примкнул к Белому движению, эмигрировал. Исследования Данилова

Юрий Никифорович Данилов

¹ Деникин А. И. Очерки русской смуты: [в 5 т.]. Т. 1: Крушение власти и армии (февраль–сентябрь 1917 г.), вып. 1–2. Париж, 1921.

Александр Сергеевич
Лукомский

«Россия в мировой войне» и «Русские отряды на французском и македонском фронтах» дополняет ряд других трудов: «Мои воспоминания об императоре Николае II и великом князе Михаиле Александровиче»¹, «Великий князь Николай Николаевич»², наконец, опубликованные в 1928 г. в Германии на немецком языке мемуары «На пути к крушению». В России полный текст вышел в 1992 г., затем несколько раз переиздавался³.

А. С. Лукомский (1868–1939). Генерал-лейтенант. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба. Служил начальником мобилизационного отдела Генерального штаба, по-

мощником начальника канцелярии военного министерства. С апреля 1916 г. был на фронте, занимая должности командира пехотной дивизии, генерал-квартирмейстера штаба Верховного главнокомандующего, командира армейского корпуса, начальника штаба Верховного главнокомандующего, когда им был генерал Брусилов, а затем генерал Корнилов. Поддержал выступление Корнилова в августе 1917 г. Снят с должности и по приказу А. Ф. Керенского арестован вместе с Корниловым и Деникиным в Могилеве, заключен в Быховскую тюрьму, откуда вместе с другими генералами бежал на Дон. Участвовал в Белом движении. В 1920 г. выехал за границу.

Предваряя свои «Воспоминания»⁴, Лукомский пишет о себе: «Я прослужил, будучи офицером генерального штаба, 12 лет в Киевском военном округе и через мои руки проходили все вопросы, касающиеся подготовки войск Киевского военного округа к мобилизации и к боевым действиям. Четыре года я был начальником главного управления генерального штаба и руководил подготовкой к мобилизации всей армии. С начала войны я был начальником канцелярии военного министерства, а с лета 1915 года до апреля 1916 года помощником военного министра и через меня проходили все вопросы по снабжению армии. В апреле 1915 г. я был назначен начальником 12 пехотной дивизии, причем имел честь командовать этой дивизией, когда она, прорвав фронт австрийцев

¹ Данилов Ю. Н. Мои воспоминания об императоре Николае II-ом и Вел. кн. Михаиле Александровиче // Архив русской революции. 1928. Т. 19.

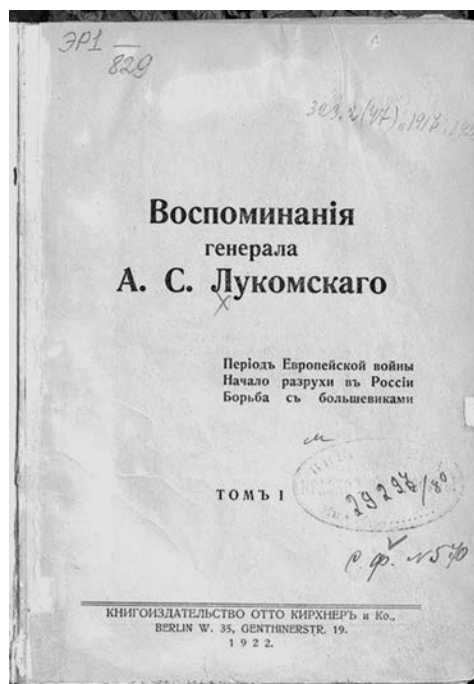
² Данилов Ю. Н. Великий князь Николай Николаевич. Париж: Imprimerie de Navarre, 1930. 370, [3] с., [3] л. ил.

³ Данилов Ю. Н. На пути к крушению: Очерки из последнего периода русской монархии. М.: Воениздат, 1992. 288 с.; *Его же*. На пути к крушению: Очерки последнего периода русской монархии / сост., предисл. и коммент. В. А. Авдеев. М.: XXI век – согласие, 2000. 400 с., 8 л. ил.

⁴ [Лукомский А. С.] Воспоминания генерала А. С. Лукомского. Период европейской войны. Начало разрухи в России. Борьба с большевиками: в 2 т. Берлин: Отто Кирхнер и К°, 1922.

22 мая 1916 года и составляя один из авангардов 9-й армии, заняла Черновцы и продвинулась в Карпаты. Потом я был начальником штаба 10-й армии и, с ноября 1916 по апрель 1917 г., генерал-квартирмейстером Верховного Главнокомандующего. На этой должности я в Ставке был свидетелем всех событий начала революции. В апреле 1917 г. я принял 1-й армейский корпус, а с 3-го июня 1917 г. я был начальником штаба при Верховных Главнокомандующих Брусилове и Корнилове. После так называемого «Корниловского выступления» я, с Корниловым, Деникиным и другими, был арестован и сидел в Быховской тюрьме. 19 ноября 1917 г. вместе с другими арестованными бежал на Дон. Во время гражданской войны я был одно время начальником штаба у генерала Корнилова, а при генерале Деникине был начальником военного управления, помощником главнокомандующего и, с июля 1919 года по январь 1920 года, был председателем Особого Совещания, исполнявшего функции правительства. В период генерала Врангеля я был его представителем при союзном командовании в Константинополе. Думаю, что мои воспоминания представляют интерес и для современников, и для будущих историков»¹. Нельзя не согласиться с правомерностью ожиданий А. С. Лукомского.

В контексте истории Первой мировой войны вызывают интерес первые две части воспоминаний – «Период, предшествовавший европейской войне и подготовка к ней» и «Период европейской войны и государственный переворот». Отраженные в них военные и политические события позволяют составить более полное представление о работе командования и штабов разных уровней по разработке и осуществлению оборонительных и наступательных операций, о причинах трагических провалов и громких побед. Следует отметить также, что Лукомский не замыкается в круге чисто военных вопросов, а стремится объяснить связь принимавшихся решений о масштабах и направлениях военных действий с политической ситуацией, в том числе у союзников. Когда в начале декабря 1916 г. обнаружилось, что Германия, почувствовавшая истощение своих возможностей, не против начать переговоры о мире, Россия заняла непримиримую позицию. Она была изложена в приказе Верховного главнокомандующего императора Николая II от 12/25 декабря 1916 г. А. С. Лу-

¹ [Лукомский А. С.] Воспоминания генерала А. С. Лукомского. Период европейской войны. Начало разрухи в России. Борьба с большевиками: в 2 т. Т. 1. С. 6–7.

комский его приводит в полном объеме. Отказ от переговоров мотивировался и тем, что «достижение Россией созданных войною задач, обладание Царьградом и проливами, равно как создание свободной Польши из всех трех ее ныне разрозненных областей, еще не обеспечено»¹. Текст этого приказа составил генерал Гурко, бывший на тот момент начальником штаба Ставки, так что, надо полагать, высшие генералы полностью разделяли сформулированные в нем политические цели и планировали военные действия исходя из них.

В. Ф. Джунковский (1865–1938). Становление Джунковского как военного вполне традиционно. Окончил Пажеский корпус, после двух лет службы в Преображенском полку произведен в офицеры. В 1891–1905 гг. был адъютантом московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича, затем занимал в Москве должности вице-губернатора и губернатора. В 1913–1915 гг. являлся заместителем (по тогдашней терминологии – товарищем) министра внутренних дел и командующим Отдельным корпусом жандармов. В августе 1915 г. из-за расследования деятельности Г. Распутина по личному указанию императора Николая II был отстранен от службы. По личной просьбе был направлен в действующую армию. Воевал с полной отдачей сил. Придя на фронт командиром бригады в чине генерал-майора, был повышен до командира 8-й Сибирской стрелковой дивизии, а затем, произведенный в генерал-лейтенанты, стал командиром 3-го Сибирского корпуса. После установления Советской власти вышел в отставку, подвергался репрессиям, в 1918–1921 гг. находился в заключении, по освобождении работал церковным сторожем, давал уроки французского языка, писал воспоминания. В 1938 г., несмотря на незаметное положение без всякой политической активности и преклонный возраст, был расстрелян. Первый и второй тома мемуаров вышли в 1997 г.², третий том, охватывающий 1915–1917 гг., – в 2015 г.³

Завершающая часть мемуаров сконцентрирована на событиях, связанных с участием Джунковского в боевых действиях. Собственный опыт службы в армии у него был небольшим, но прирожденные способности и осознание ответственности за реализацию замыслов командования позволили быстро

Владимир Федорович
Джунковский

¹ [Лукомский А. С.] Воспоминания генерала А. С. Лукомского. Период европейской войны. Начало разрухи в России. Борьба с большевиками: в 2 т. С. 115.

² Джунковский В. Ф. Воспоминания. М.: Изд-во им. М. и С. Сабашниковых, 1997. Т. 1–2.

³ Джунковский В. Ф. Воспоминания (1915–1917). М.: Изд-во им. М. и С. Сабашниковых, 2015. Т. 3.

стать вровень с боевыми генералами, профессионально руководить, несмотря на промахи в решениях высшего командования. В этом плане показательна его оценка Нарочской операции, в которой он лично участвовал, командуя дивизией. Это сражение в описании Джунковского предстает как образец героизма и мужества солдат и офицеров, обреченных на поражение из-за неразберихи в действиях штабов, не сумевших должным образом подготовить наступление. Как и другие мемуаристы, Джунковский высказывает свое отношение ко многим руководителям армии. Нельзя при этом не учитывать, что Джунковский принадлежал к числу убежденных монархистов, и это, надо полагать, наложило отпечаток на его характеристики. Деникин, оставшийся верным «белой» идее, вызывает у него симпатию; Брусилов, перешедший на сторону Советской власти, – личную неприязнь. Естественно, и роль военного министра и председателя Временного правительства А. Ф. Керенского, не только не приостановившего, но и усилившего развал армии, в оценке В. Ф. Джунковского, крайне отрицательна.

Д. В. Баланин (1857–?). Баланин встретил войну командиром 18-пехотной дивизии, действовавшей в составе 4-й армии на Юго-Западном фронте. С первых дней войны быстро пошел на повышение. Был назначен командиром 27-го армейского корпуса 20-й армии, принимал участие в Варшавско-Ивангородской и Лодзинской операциях, в ликвидации в сентябре 1915 г. Свенцянского прорыва и бое за Вилейку. Эти события описаны Баланиным в очерках «Молодечно» и «Вилейка». Они по горячим следам опубликованы в 1916 г. в «Военном сборнике»¹. С 20 декабря 1916 г. Баланин, ставший к тому времени генералом от инфантерии, командовал 11-й армией Юго-Западного фронта. 4 мая 1917 г. был уволен в отставку. Воспоминания Баланина охватывают июль–сентябрь 1914 г. Эти временные рамки ограничи-ли содержание мемуаров характеристикой взглядов военных на политическую обстановку накануне войны, освещением особенностей проведенной мобилизации, продовольственного снабжения армии и военного быта. Дано описание военных действий в районе Люблина, под Красником, на Белжицкой позиции, у деревень Липа и Майдан, переправы через реку Сан у Развадова².

Дмитрий Васильевич Баланин

В общем можно сказать, что многие генералы, служившие в российской армии при импе-

¹ Баланин Д. В. Молодечно // Воен. сб. 1916. № 9. С. 41–49; *Его же*. Вилейка. Бой 10 сентября 1915 года // Там же. 1916. № 10. С. 41–52, схемы.

² Баланин Д. В. «На боевых полях»: (Воспоминания участника Великой войны) // Воен. сб. 1917. № 1. С. 33–52; № 2. С. 31–50; № 3. С. 17–44.

раторе Николае II, в период Временного правительства и при Советской власти сочли важным в воспоминаниях подвести итоги служения армии или высветить наиболее яркие моменты своего жизненного пути. Естественно, повествования велись в контексте боевых действий и общественно-политических событий в армии и во всей стране. Вряд ли следует пытаться воспроизвести оценки стратегических замыслов штабов и их тактические воплощения строевыми командирами в конкретных сражениях – это задача военного специалиста. Для того, кто им не является, целесообразнее ограничиться констатацией конечных результатов операций и обратиться к тем разделам мемуаров, где показаны сама военная среда, условия, в которых действовала армия, влияние на нее событий в стране и собственная реакция автора на них.

3.3. Важнейшие боевые операции по воспоминаниям участников

После трагических событий на фронте в 1914 г. и кровопролитного отступления лета–осени 1915 г. российско-германо-австрийский фронт протянулся по огромной территории от Балтийского моря до границы с Румынией. Многие российские военачальники в опубликованных воспоминаниях дали описание и оценку стратегических замыслов и результатов их осуществления, эффективности деятельности верховного главнокомандования и собственной роли в проведенных операциях, компетентности нижестоящих командиров и боеспособности войск. Особую ценность этим воспоминаниям придает личная причастность авторов к описываемым событиям.

Восточно-Прусская операция. Главные виновники катастрофы – главнокомандующий Северо-Западным фронтом Я. Г. Жилинский и командующие армиями П. К. Ренненкампф и А. В. Самсонов мемуаров не оставили. Самсонов погиб в бою, Жилинский был убит в 1918 г. в Крыму, Ренненкампф расстрелян большевиками в 1918 г. в Таганроге. Но воспоминания о тяжелом поражении русских армий оставили другие участники сражения. Акцент они справедливо делали на выявлении причин трагедии. Их усматривали в том, что больше всего бросалось в глаза, – в ошибках и просчетах высшего командования. Генерал Я. М. Ларионов¹ командовал пехотной бригадой в армии Ренненкампфа и дал подробное описание боев в книге «Записки участника мировой войны». В ней в подробностях, день за днем, описаны передвижения и бои бригады. Причины военной катастрофы объяснил ошибками командующих армиями, не имевших, по его мнению, стратегического мышления и неспособных руководить войсками². А. И. Верховский, в будущем военный министр

¹ Ларионов Я. М. (04.10.1858–?). Генерал-майор. С 09.11.1913 г. командовал 2-й бригадой 26-й пехотной дивизии, воевавшей в Восточной Пруссии и Польше в 1914 г. В ноябре 1914 г. освобожден от должности по болезни. Оставаясь в армии, служил в тыловых частях вне фронта. Участник Белого движения.

² Ларионов Я. М. Записки участника мировой войны. 26-я пехотная дивизия в операциях 1-й и 2-й русской армии на Восточно-Прусском и Польском театрах в начале войны / сост. по дневнику и полевым документам. Харбин, 1936. Переизд.: М., 2009.

Временного правительства, с 3 сентября 1914 г. в составе 3-й Финляндской стрелковой бригады находился на территории Восточной Пруссии. Здесь у него состоялся разговор с офицером Генерального штаба капитаном Рябцевым.

Его рассказ – свидетельство очевидца: *«Наши войска вошли в Восточную Пруссию с двух сторон: с востока, со стороны Вильно, – генерал Ренненкампф и с юга, со стороны Варшавы, – генерал Самсонов. 20 августа генерал Ренненкампф одержал победу у Гумбинена, и Жилинский вообразил, что немцы разбиты и бегут на запад, за Вислу. Он стал тормозить Самсонова, требуя, чтобы тот отрезал немцев. Но дело было не так просто. Во-первых, армии Самсонова пришлось по пескам, по плохим дорогам и без тыловых учреждений пройти более ста верст. Войска были так измотаны нелепым маршем и к тому же без пищи, что солдаты одной дивизии на привале в знак протеста воткнули штыки в землю. Но не это главное. Когда Самсонов перешел границу Пруссии у Нейденбурга, то оказалось, что немцы вовсе не разбиты и не бегут, а просто, бросив Ренненкампфа, сосредоточиваются против Самсонова. Видя это, Самсонов... просил у Жилинского разрешения остановить армию на дневку, разобраться в положении и подтянуть тылы. К тому же и силы солдат, тащивших на руках артиллерию через пески, были истощены. Жилинский резкой телеграммой потребовал продолжения наступления. 23 августа Самсонов узнал, что против его левого фланга сосредоточиваются крупные силы немцев. Он снова попросил разрешения остановиться и сначала разбить врага, угрожавшего его тылам, а потом уже продолжать марш на север. Жилинский послал в ответ оскорбительную телеграмму, заявив, что путь перед армией свободен, что Самсонов своими малодушными и нерешительными действиями дает противнику возможность ускользнуть за Вислу... Самсонов направил для личного доклада генералу Жилинскому своего ближайшего помощника – генерал-квартирмейстера. Но Жилинский даже не захотел выслушать его. “Передайте генералу Самсонову, что ему грезится враг там, где его нет. Пусть генерал Самсонов проявит побольше храбрости, и все будет благополучно”. 27 августа Самсонов завязал бой по всему фронту. Левый фланг был атакован превосходящими силами немцев. На правом фланге армии наши войска дрались также с превосходящими силами противника. В обоих случаях успех немцев определился. И только в центре русские корпуса еще вели бои с переменным успехом. Нужно было немедленно выводить армию из боя. Мне потом говорили офицеры штаба, что надвигающаяся катастрофа была всем ясна как день, но никто, кроме одного из молодых офицеров штаба, не нашел в себе гражданского мужества сказать это. Не сделал этого и Самсонов». Решение Самсонова атаковать было губительным: «Центральная группа войск во главе с Самсоновым была окружена. Войска в беспорядке стали отступать. Офицеры пытались остановить наступление. Напрасно! Солдаты бросали оружие... Самсонов со штабом пытался пробиться через леса на юг, к своим, или делал вид, что пытается. А ночью в лесу он покончил с собой выстрелом из револьвера... Самодур, командовавший фронтом, играя на всех*

струнах человеческого самолюбия, затащил армию Самсонова в мешок и предал своего подчиненного. Ни разведки, ни охранения, ни связи, и над всем – царящее тупоумие и военная безграмотность», – завершил свой рассказ офицер¹.

В мемуарах нашли отражение не только просчеты командования. Генерал В. И. Гурко, сам известный военачальник, повествуя о боях в Восточной Пруссии, в которых он возглавлял дивизию в составе 1-й армии генерала Ренненкампа, свидетельствует о применении немцами химического оружия: *«Примерно в конце декабря (1914 г. – И. Ч.) германцы впервые применили средство поражения, до той поры никогда не применявшееся в войнах между цивилизованными государствами, – снаряды, начиненные удушающими газами».* Детализируя эту информацию, Гурко рассказывает: *«На моем правом фланге стояла 55-я дивизия, занимавшая оборону вблизи от Боржимовицкого леса на небольшом удалении от вражеских позиций. Примерно 28 декабря там успешно отразили несколько германских атак. После полудня траншеи дивизии, тянувшиеся приблизительно на километр вдоль леса, вновь подверглись сильному обстрелу. С приближением сумерек германцы пошли в атаку и, к изумлению начальника нашей дивизии, без особых трудностей заняли лес».* Когда контратакой позиции были восстановлены, оказалось, что *«наши траншеи буквально завалены трупами русских и германских солдат».* На следующее утро Гурко получил дополнительное донесение: *«В лесу обнаружены тела солдат, находящихся в бессознательном состоянии и почти не подающих признаков жизни и что еще примерно двести человек в подобном же состоянии отправлено в тыл... Офицеры медицинской службы доложили, что от одежды доставленных к ним в полубессознательном состоянии людей исходит отчетливый запах формалина. Уцелевшие в бою подтвердили, что во время артиллерийского обстрела тот же самый запах был намного сильнее... Германские солдаты, укрывшиеся в захваченных ими русских траншеях, чтобы спастись от нашего огня, по всей видимости, также подверглись действию удушающего газа».* Противник *«через месяц повторил свой эксперимент в значительно большем масштабе».* На этом химические атаки не прекратились: *«Другой инцидент такого рода произошел в середине мая 1915 года... когда под газовую волну попал один из моих полков»*². И если немецкое командование массово не применило на Восточном фронте химическое оружие, то это можно объяснить только одним: зависимость от направления ветра приводила к изменению направления газового облака и многочисленным жертвам среди самих немецких солдат.

И еще один момент из истории войны. Поражения порождали слухи об измене. Гурко привел циркулировавшие по стране домыслы о Ренненкампе: *«Когда военное счастье ему изменило, публика вспомнила о его немецком происхождении. Сообщали даже, что его родной брат будто бы служил в германской*

¹ Верховский А. И. На трудном перевале. С. 28.

² Гурко В. И. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914–1917. С. 61–62, 111.

армии. Так или иначе, он пострадал точно так же, как и многие другие, от которых отвернулась удача. Общественное мнение в поисках причин и оправданий военного поражения неизбежно прибегает к слову “изменник” и ищет подтверждения даже в тех случаях, когда это обвинение заведомо безосновательно». Несмотря на то, что «немецкое происхождение генерала Ренненкампа было неоспоримым фактом, – продолжил Гурко, – следует помнить, что всякий, кому приходилось с ним общаться, неизбежно проникался убеждением, что все его симпатии отданы России, в особенности – ее армии, в которой он прослужил сорок лет и приобрел репутацию блестящего военачальника... Я могу утверждать, что его отличали большая смелость, настойчивость и решительность при планировании боевых операций. Несомненно, Франция должна быть благодарна ему за свою победу на Марне, а, следовательно, и за спасение Парижа от германского нашествия». Да и Самсонов, по мнению Гурко, «во время Маньчжурской войны, в ходе которой он в основном командовал кавалерийскими частями, заработал себе отличную репутацию», и претензии к нему можно предъявить только в том, что «ему никогда не доводилось проявить силу характера или решительность»¹.

Лодзинская операция. Генерал Ф. Ф. Новицкий² в 1914 г. был участником Лодзинской операции в должности начальника штаба I армейского корпуса, в связи с чем имел возможность в мемуарах оценить ее ход и причины поражения русских войск не по документам, а по собственному опыту. Замысел операции, проходившей в октябре–ноябре 1914 г., предусматривал вторжение войск Северного фронта в Силезию с последующим продвижением в направлении Берлина, что создавало предпосылки для победного окончания войны в 1914 г. В войсках это порождало чувство эйфории, и Новицкий это признает: «Настроение в общем было у нас повышенное. Внезапное бегство немцев, в связи с ложными слухами о захвате нами Калиша, несколько переоценивало наши успехи; ввиду этого широковещательная директива главнокомандующего Северозападным фронтом (генерала Жилинского. – И. Ч.) о том, что “пришла и наша очередь для глубокого вторжения в Германию”, не была воспринята с тем скептицизмом, которого эта директива по существу заслуживала»³. События пошли не так, как планировало командование, наступление было сорвано. По мнению Новицкого, Лодзинская операция «наравне со многими другими операциями маневренного периода мировой войны на русском фронте... ярко подчеркнула полную неспособность старой армии вести полевую войну против хорошо организованного, умело руководимого, стойкого и инициативного про-

¹ Гурко В. И. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914–1917. С. 12.

² Новицкий Ф. Ф. (1870–1944). Генерал-майор Русской армии, генерал-лейтенант Красной Армии. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба. В период Первой мировой войны командовал бригадой, дивизией, корпусом. В Гражданской войне участвовал на стороне Красной Армии.

³ Новицкий Ф. Ф. Лодзинская операция в ноябре 1914 г. (Из личных воспоминаний участника) // Война и революция. 1930. № 6. С. 112.

тивника. Интерес этой операции... заключается в демонстрировании полной оперативной немоги тогдашних русских войск и бесталанности и инертности нашего командования. <...> Вряд ли в военной истории найдется еще один такой пример, когда успех, можно сказать, сам лез в руки одной из сторон, в данном случае – русской, и когда эта сторона, благодаря своему военному убожеству, сделала, по-видимому, все, чтобы этим успехом не воспользоваться»¹.

Еще один генерал, Н. С. Новиков, дал краткое, но насыщенное фактами описание боев 6-й Сибирской стрелковой дивизии с группой немецких войск генерала Шеффера под Лодзью. Напряженность боевой обстановки не мешала ему зафиксировать ход и сделать выводы о причинах неудачи. Как видно из опубликованных записей Новикова, «наиболее существенными причинами, объясняющими несовершенство работы русских войск и ярко выразившимися в рассматриваемой операции, вообще, а в действиях 6 Сиб. стр. дивизии, в частности, является... неуклюжее управление соединениями из всех родов войск со стороны высшего командного состава и штабов». Называет Новиков и конкретных виновников неудачного исхода сражения: «Ген. Рузский, односторонне оценив обстановку в дурную для русских сторону, отдает распоряжение о приостановке наступления... и об общем отходе армий в ночь на 24 (11) ноября на восток, вместо того, чтобы закончить окружение группы ген. Шеффера... Вместо того, чтобы захватить в плен 1,5 корпуса ген. Шеффера, что представлялось весьма осуществимым при более совершенном руководстве и исполнении, немцам, хотя и понесшим громадные потери в живой силе, была оставлена возможность выбраться из полного окружения со всеми обозами, артиллерией и трофеями»².

Карпатская операция. С конца декабря 1914 г. началась подготовка операции Юго-Западного фронта по вторжению в Венгрию через Карпаты. Главную роль должны были сыграть VIII армия генерала Брусилова и IX армия генерала П. А. Лечицкого. А. А. Брусилов в своих мемуарах относительно кратко упоминает о проведенной им Карпатской операции, не акцентируя на ней особого внимания. «Во второй половине ноября (1914 г. – И. Ч.) VIII армия, беря одну неприятельскую позицию за другой, разбила противника и заставила его отступить на южную сторону Карпат; но эти бои, чрезвычайно тяжелые и ожесточенные, которые притом нужно было вести с наивозможно меньшей тратой снарядов и патронов, выбивая шаг за шагом противника с одной вершины на другую, дорого стоили нашим войскам, и потери наши были значительными»³. Живые наблюдения о действиях IX армии содержат воспоминания Верховского, после ранения и выздоровления получившего назначение в оперативный отдел штаба IX армии. Он связывает неудачи не только с ошибоч-

¹ Новицкий Ф. Ф. Лодзинская операция в ноябре 1914 г. (Из личных воспоминаний участника). С. 111.

² Новиков Н. В боях под Лодзью с 18 (5) по 24 (11) ноября 1914 г. М.: Госвоениздат, 1925. С. 25, 40.

³ Брусилов А. А. Мои воспоминания. С. 105.

ными решениями главнокомандующего Юго-Западным фронтом генерала Иванова, но и с просчетами командиров более низкого уровня.

В связи с этим А. И. Верховский характеризует действия генерала Корнилова, командовавшего 48-й дивизией, входившей в состав VIII армии генерала Брусилова¹. По его мнению, *«человек смелый и решительный, он не обладал ни широким военным кругозором, ни способностью верно оценивать положение. К этому надо прибавить его большую самонадеянность и презрительное отношение к окружающим людям. Он был одержим идеей движения вперед и не хотел понять, что русская армия весной 1915 года была совершенно неспособна к ведению наступательных действий. В первом же сражении, в котором участвовала дивизия Корнилова, он вылез без надобности вперед, имея против себя превосходящие силы противника, не выполнил приказа отойти и был спасен от окружения лишь мужественной атакой 12-й кавалерийской дивизии. 48-я дивизия потеряла в бою 28 орудий и много пулеметов. Вскоре после этого Корнилов при атаке противника в Карпатах опять не выполнил приказа. Когда ему было предписано остановиться, он один спустился на южный склон к Гуменному, где был окружен противником, и, оставив всю артиллерию и обозы, тропинками бежал в тыл. Его авантюристические выходки этим не ограничились. Личное мужество создавало ему известный ореол в обстановке, где такое мужество было редким явлением среди высшего командования. Оно давало ему также некоторое основание относиться с презрением к окружающим. В трудные минуты боя войска видели его под огнем и за это прощали ему ошибки в руководстве, обвиняя за неудачи соседей... Корнилов связи с соседями не поддерживал и не выполнял даже прямых указаний на этот счет своего командира корпуса. В условиях общего отхода это привело к тому, что он, не зная, как отходят его соседи, был окружен. Пытаясь прорвать кольцо окружения, Корнилов снова оказался впереди своих войск и был ранен, но открыть себе дорогу дивизия не смогла и сдалась. Сам Корнилов с группой штабных офицеров бежал в горы, но через несколько дней, изголодавшись,*

¹ Корнилов Л. Г. (1870–1918). Генерал от инфантерии. Из семьи казачьего офицера, выслужившегося из солдат. Получил образование в Симбирском кадетском корпусе и Михайловском артиллерийском училище. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба. Служил в штабе Туркестанского военного округа. Участвовал в Русско-японской войне 1904–1905 гг. В 1907–1911 гг. военный агент в Китае. В 1912–1914 гг. командир 8-го пехотного Эстляндского полка, начальник 2-го отряда Заамурского округа пограничной стражи, командир бригады. Во время Первой мировой войны командовал 48-й пехотной дивизией, попал в окружение и 12 мая 1915 г. вместе со всем своим штабом сдался в австрийский плен. Совершил побег в июле 1916 г. Назначен командиром 25-го корпуса, 2 марта 1917 г. – главнокомандующим войсками Петроградского военного округа. В мае 1917 г. назначен командиром 8-й армии Юго-Западного фронта, 7 июля – командующим Юго-Западного фронта, 19 июля – Верховным главнокомандующим. 25 августа двинул войска на Петроград. 27 августа отстранен от должности, а Верховным главнокомандующим стал сам А. Ф. Керенский. Был арестован вместе с рядом других генералов, содержался в Быхове, откуда бежал на Дон. Участник Белого движения. Убит в бою под Екатеринодаром (Краснодаром).

спустился вниз и был захвачен в плен австрийским разъездом... Генерал Иванов пытался найти хоть что-нибудь, что было бы похоже на подвиг и могло бы поддержать дух войск. Сознательно искажая правду, он прославил Корнилова и его дивизию за их мужественное поведение в бою. Из Корнилова сделали героя на смех и удивление тем, кто знал, в чем заключался этот "подвиг"»¹.

Попытка перейти Карпаты не удалась, пришлось сдать Перемышль, отойти к границе. Потери были ужасающе большие: в русской армии около 1 млн человек, в австро-немецкой – 800 тыс. солдат и офицеров. Брусилов в связи с этим заметил: *«Я заботился только о том, чтобы в руки врага не могли попасть артиллерия, парки, обозы, транспорты, чтобы он захватил возможно менее пленных»*².

Луцкий (Брусиловский) прорыв. На май 1916 г. по инициативе А. А. Брусилова Ставка запланировала наступление Юго-Западного фронта. Имелось в виду, что оно будет отвлекающим, способствующим наступлению двух фронтов – Западного генерала Эверта³ и Северного генерала Куропаткина⁴. Предполагалось соединенными действиями трех фронтов решить исход войны. Брусилов замысел операции осуществил: его армии, начав наступление 22 мая, к 30 июля взяли в плен 8255 офицеров, 370 153 солдата, захватили 496 орудий, 644 пулемета, 367 бомбометов и минометов, громадное количество винтовок, снарядов, патронов, другой военной добычи. Но главное состояло не в количестве пленных и трофеев. С окончанием операции армий Юго-Западного фронта *«нами была взята обратно значительная часть нашей территории... вновь завоевана часть Восточной Галиции и вся Буковина. Непосредственным результатом этих удачных действий был выход Румынии из нейтрального положения и присоединение ее к нам»*⁵. Подводя общие итоги прорыва, Брусилов замечает: *«При дружном воздействии на противника нашими тремя фронтами являлась полная возможность, – даже при тех недостаточных технических средствах, которыми мы обладали по сравнению с австро-германцами, – отбросить все их армии далеко к западу... Были все основания полагать, что решительный перелом в кампании на всем нашем фронте совершится в нашу пользу, что мы выйдем победителями, и была вероятность, что конец нашей войны значительно ускорится – с меньшими жертвами и без тяжелых испы-*

¹ Верховский А. И. На трудном перевале. С. 64–65.

² Брусилов А. А. Мои воспоминания. С. 134.

³ Эверт А. Е. (1857–1918). Генерал от инфантерии. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Русско-японской войны. С началом Первой мировой войны командовал X и IV армиями. В 1915–1917 гг. главнокомандующий Западным фронтом. В 1918 г. уволен в отставку. Был арестован, при этапировании убит конвоирами.

⁴ Куропаткин А. Н. (1848–1925). Генерал от инфантерии. В Русско-японскую войну командующий вооруженными силами, действовавшими против Японии. В Первую мировую войну командующий V армией Северного фронта, главнокомандующий Северным фронтом. С 1916 г. туркестанский генерал-губернатор. В 1917 г. смещен с этого поста.

⁵ Брусилов А. А. Мои воспоминания. С. 187.

таний, которые впоследствии пришлось пережить»¹. Но Эверт и Куропаткин под надуманным предлогом невозможности преодолеть сильно укрепленные позиции противника активных действий не предприняли. А. А. Брусилов пишет: «К 1 августа для меня уже окончательно выяснилось, что помощи от соседей, в смысле их боевых действий, я не получу»². По мнению Брусилова, объяснение этому следует искать как в личных интересах главнокомандующих Западным и Северным фронтами, так и в слабости верховного главнокомандования. Подтверждение первому из этих выводов Брусилов нашел не только в бездействии главнокомандующего Западного фронта Эверта, но и во мнении командующего IV армии Западного фронта генерала Рагозы, полагавшего, что Эверт боялся быть скомпрометированным в случае неуспеха и находил более верным воздержаться от боевых действий, «дабы не восстановить против себя общественного мнения»³. Что касается верховного главнокомандования, то, утверждает А. А. Брусилов, «верховного главнокомандующего у нас не было, а его начальник штаба, невзирая на весь свой ум и знания, не был волевым человеком, да и по существу дела и вековечному опыту начальник штаба заменить своего принцепала не может»⁴.

Авторы мемуаров дали оценку успешным военным операциям. Роль генерала Брусилова в проведении Луцкого (Брусиловского) прорыва мая–июня 1916 г. показал В. И. Гурко: «В начале войны фамилия Брусилова была в русской армии почти совершенно неизвестна, но его изобилующая победами карьера на первом же месте боевой службы быстро выдвинула генерала в первые ряды наиболее популярных личностей. Но разумеется, наибольшее внимание привлекло его победоносное наступление весной 1916 года, которое было призвано облегчить положение Италии в момент, когда эта страна оказалась под угрозой разгрома австрийской армией. Его восходящая звезда достигла тогда зенита, его действия в нынешней войне показывают, что он, несомненно, обладает определенными военными дарованиями. Он не лишен способности воодушевлять своих людей, что неоднократно проявлялось в ситуациях, когда подчиненные ему войска попадали в трудное положение»⁵.

Мемуары показывают и просчеты в руководстве войсками. В неудаче победоносно начавшегося и трагически закончившегося наступления войск Юго-Западного фронта мая–июня 1916 г. его участники обвиняют главнокомандующего Западным фронтом А. Е. Эверта и саму Ставку, а в ней – персонально начальника штаба Алексеева и Верховного главнокомандующего Николая II. Генерал Лукомский, перешедший из Военного министерства на фронт и командовавший дивизией в составе IX армии, прямо указывает на них как виновни-

¹ Брусилов А. А. Мои воспоминания. С. 190.

² Там же. С. 188.

³ Там же. С. 183.

⁴ Там же. С. 191.

⁵ Гурко В. И. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914–1917. С. 12.

ков отказа от столь много обещавшей операции: «Генерал Алексеев доложил обстановку Государю Императору, и было решено от предполагавшегося и уже подготовленного главного удара на участке Западного фронта отказаться»¹. Генерал Деникин, сам участвовавший в Брусиловском прорыве тогда в качестве командира дивизии, обличал высшее руководство в грубейших просчетах. Он пишет: «Когда армии Юго-Западного фронта в мае перешли в наступление, увенчавшееся огромным успехом – разгромом нескольких австрийских армий, когда после взятия Луцка моя дивизия большими переходами шла к Владимир-Волынку, – я, да и все мы, считали, что в нашем маневре – вся идея наступления, что наш фронт наносит главный удар. Впоследствии оказалось, что нанесение главного удара предназначено было Западному фронту, а армии Брусилова производили лишь демонстрацию. Штаб хорошо сохранил тайну. Так, в направлении на Вильну собраны были большие силы, небывалые еще у нас по количеству артиллерия и технические средства. Несколько месяцев войска готовили плацдармы для наступления. Наконец, все было готово, а успех южных армий, отвлекая внимание и резервы противника, сулил удачу и западным». Но главнокомандующий Западного фронта Эверт в наступление не перешел, сообщив начальнику штаба Верховного главнокомандующего Алексею: «В успехе не уверен, позиции противника очень сильны». И Деникин заключает: «Операция, так долгожданная, с таким методическим упорством подготавливавшаяся, рухнула. Западные корпуса к нам опоздали. Наше наступление захлебнулось. Началась бессмысленная бойня... между прочим, прибывшая гвардия потеряла весь цвет своего состава». А скоординированные действия обоих, Юго-Западного и Западного, фронтов могли решить судьбу войны. То, что такая координация не была обеспечена, безусловная вина Ставки. Деникин приводит реакцию Людендорфа: «Это было критическое время; мы израсходовали все наши средства и мы хорошо знали, что никто не придет нам на помощь, если русские пожелают нас атаковать»².

3.4. Вооружение и кадровый состав армии в оценке мемуаристов

С самого начала войны предметом особой озабоченности командиров всех уровней стала нехватка вооружений. Недоставало сложных видов военной техники – самолетов, автомобилей и броневозов, артиллерии, пулеметов, средств связи. Мал был запас боеприпасов. В срыве накопления запасов оружия и боеприпасов были повинны высшие военные органы, не сумевшие правильно определить характер будущей войны. По свидетельству А. С. Лукомского, «представлялось, что война на западном фронте будет носить

¹ [Лукомский А. С.] Воспоминания генерала А. С. Лукомского. Т. 1. С. 103.

² Деникин А. И. Очерки русской смуты: [в 5 т.]. Т. 1: Крушение власти и армии (февраль – сентябрь 1917 г.), вып. 1–2. Париж, 1921. Вып. 1. С. 22–23.

чисто полевой характер с отдельными позиционными участками – преимущественно в районе крепостей. Это мнение в значительной степени повлияло впоследствии на то, что на заблаговременную заготовку или на приобретение за границей артиллерии крупного калибра не было обращено должного внимания. Считалось, что крупнее 6-дюймового калибра для полевой войны артиллерию иметь не надо. Потребуется же артиллерия более крупного калибра лишь при взятии крепостей»¹.

Серьезные просчеты в планировании потребности в разного вида вооружений были допущены вследствие ориентации на опыт Русско-японской войны 1904–1905 гг. В соответствии с ним были определены средние количества артиллерийских орудий и снарядов к ним, винтовок и патронов, необходимых для ведения войны. В начале 1914 г. российский Генеральный штаб прогнозировал, что исход предстоящей войны решится в одном-двух сражениях, а сама война продлится 4–5 месяцев. Генерал Лукомский спрогнозировал ее максимальный срок в два-три года². Еще в мирное время сделали прикидку о количестве снарядов, которым надо запастись для будущей войны. По расчетам, выходила потребность на каждое артиллерийское орудие в 500 снарядов, для верности увеличили ее до 1 тыс., но в реальной войне и этого оказалось мало, а расширить производство вооружений не успели, что самым негативным образом сказалось на снабжении действующей армии.

Генерал Гурко, касаясь в мемуарах вопроса о наличии технических средств ведения войны, отметил: *«Соответствующие запасы боевого снаряжения и техники были накоплены Россией еще в мирное время. Когда незадолго до начала войны расчетное количество военных запасов было приготовлено, правительственные военные заводы сократили производство, причем была уволена даже часть квалифицированных рабочих. Насколько известно, на случай объявления войны не существовало никаких планов мобилизации военной промышленности... В первые два месяца войны при наличии довольно крупных запасов вооружения любые требования на огнестрельные припасы для артиллерии и стрелкового оружия удовлетворялись безоговорочно, но уже в октябре был выпущен циркуляр, призывавший к самой строгой экономии артиллерийских выстрелов. Однако не прошло после этого и двух месяцев, как обнаружилась острая нехватка боеприпасов, и прежде всего – артиллерийских. Пик этого кризиса, безусловно, пришелся на 1915 год. Месяцами находившиеся на боевых позициях батареи получали не более четырех снарядов на орудие... Бывали случаи, когда батареи расстреливали из своих резервов все снаряды до последнего»³.*

Столь же плохо просчитанной была потребность в стрелковом оружии. Мало было винтовок, основного оружия рядового бойца. Армия испытыва-

¹ [Лукомский А. С.] Воспоминания генерала А. С. Лукомского. Т. 1. С. 24.

² Там же. С. 58.

³ Гурко В. И. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914–1917. С. 68.

ла винтовочный голод. Даже в начале войны их недостаток был катастрофичен. Янушкевич писал Сухомлинову: «Трагическое положение: 700 т[ысяч] обучен[ных] и едва 50–70 т[ысяч] винтовок»¹. О том, что множество солдат не имело оружия, упоминают все, кто писал о войне. По наблюдениям Брусилова, пополнения «прибывали невооруженными, а у нас для них не было винтовок»². Об этом же говорит и Деникин: «Уже к октябрю 1914 года иссякли запасы для вооружения пополнений, которые мы стали получать на фронте сначала вооруженными на 1/10, потом и вовсе без ружей»³. Организатор оружейно-патронного производства и руководитель ряда российских оружейных заводов генерал-лейтенант А. П. Залюбовский приводит исчерпывающие статистические данные относительно вооружений. По расчетам Генерального штаба, для укомплектования штатного состава войск и для «мобилизационного запаса» следовало иметь 4 млн 559 тыс. винтовок, фактически на 2 августа 1914 г. имелось 4 млн 652 тыс., т. е. необходимый расчетный запас винтовок был создан, но уже мобилизации первого года войны довели численность армии до 5 млн 400 тыс. человек⁴. При этом следует иметь в виду, что огромное число оружия терялось на поле боя, а сбор его, пока не осознали катастрофическую нехватку винтовок, не проводился.

Мало что делалось и для обеспечения поставок оружия союзниками. Сазонов рассказывает: «Вскоре после начала войны французский посол затронул в разговоре со мной вопрос о вооружении наших войск... Говоря со мной о своих опасениях на этот счет, г-н Палеолог сообщил мне, что он, по просьбе французского военного министерства, писал генералу Сухомлинову, уведомляя его о желании Франции придти нам на помощь для пополнения недостававшего нам военного материала. На это предложение Сухомлинов ответил послу письмом, в котором заявлял, что Россия ни в чем не нуждается и снабжена всем в изобилии на долгий срок»⁵. Полученное от Палеолога письмо Сазонов показал Николаю II. Вскоре последовало увольнение Сухомлинова.

Последствия просчетов Военного министерства в полной мере испытали войска в боях. А. А. Брусилову, с началом войны вступившему в командование VIII армией Юго-Западного фронта, первое, что бросилось в глаза, – недостаточность вооружения: «Пехота была вооружена хорошо соответствующей винтовкой, но пулеметов было у нее чрезмерно мало» – в каждой дивизии по 32, тогда как требовалось 160. Проявились недостатки в количестве и структуре артиллерийских частей. «Мы имели на 32-батальонный корпус 96 легких орудий

¹ Переписка В. А. Сухомлинова с Н. Н. Янушкевичем // Красный архив. 1923. Т. 2. С. 142.

² Брусилов А. А. Мои воспоминания. С. 132.

³ Деникин А. И. Очерки русской смуты: [в 5 т.]. Т. 1: Крушение власти и армии (февраль–сентябрь 1917 г.), вып. 1. С. 29.

⁴ Залюбовский А. П. Снабжение русской армии в Великую войну винтовками, пулеметами, револьверами и патронами к ним. Белград: Центр. правление О-ва офицеров артиллеристов за рубежом, 1936. С. 41, 74–75.

⁵ Сазонов С. Д. Воспоминания. Париж: Кн. изд-во Е. Сияльской, 1927. С. 355.

и 12 гаубиц, а всего 108 орудий, тогда как немцы, например, имели на 24-батальонный корпус 166 орудий, из коих 36 гаубиц и 12 тяжелых орудий, которых у нас было чрезвычайно мало». К тому же «ужасающей бедой» была ограниченность огнестрельных припасов¹.

В составе армии Брусилова одной из дивизий командовал генерал Деникин. Он конкретизирует: «Помню сражение под Перемышлем в середине мая (1915 г. – И. Ч.). Одиннадцать дней жестокого боя 4-ой стрелковой дивизии... Одиннадцать дней страшного гула немецкой тяжелой артиллерии, буквально срывавшей целые ряды окопов вместе с защитниками их. Мы почти не отвечали – нечем. Полки, измотанные до последней степени, отбивали одну атаку за другой – штыками или стрельбой в упор; лилась кровь, ряды редели, росли могильные холмы... Два полка почти уничтожены – одним огнем... Когда после трехдневного молчания нашей единственной шестидюймовой батареи ей подвезли **пятьдесят снарядов**, об этом сообщено было немедленно всем полкам, всем ротам, и все стрелки вздохнули с радостью и облегчением»².

В срыве поставок оружия, боеприпасов, других видов снаряжения обвинили Сухомлинова. Но были и те, кто призывал возложить ответственность на непосредственных руководителей соответствующих военных подразделений. Лукомский пишет: «Надо признать, что в смысле подготовки к войне, за период с 1908 года, т. е. за шесть лет (из них Сухомлинов военным министром был пять лет), сделано столько – сколько не было сделано за все предыдущие двадцать лет. Могут сказать, что надо было сделать еще больше; надо было добиться, чтобы наша промышленность была подготовлена к снабжению армии во время войны; надо было принять меры, чтобы армия не ощущала недостатка в винтовках, орудиях, снарядах... Да, конечно, все это надо было сделать; особенно последнее. Но надо учесть и то, что никто не предвидел такого расхода в огнестрельных припасах и винтовках... никто не предвидел, что война примет такой затяжной и позиционный характер. Военный министр, конечно, во всем этом виновен. Но виновны, одинаково с ним, и бывшие начальники генерального штаба, виновны генерал-инспектор артиллерии и начальник главного артиллерийского управления... Надо было привлечь к судебной ответственности и тех, на непосредственной обязанности коих (и это установлено законом) лежало определение норм запасов и их заготовление»³. Лукомскому легко было сокрушаться, сидя в эмиграции, а легко ли было карать названных военных руководителей даже в разгар кризиса вооружений и боеприпасов? С 1905 г. должности генерал-инспектора артиллерии и начальника Главного артиллерийского управления занимал двоюродный брат императора Николая II великий князь Сергей Михайлович Романов.

¹ Брусилов А. А. Мои воспоминания. С. 59–61.

² Деникин А. И. Очерки русской смуты: [в 5 т.]. Т. 1: Крушение власти и армии (февраль–сентябрь 1917 г.), вып. 1. С. 30.

³ [Лукомский А. С.] Воспоминания генерала А. С. Лукомского. Т. 1. С. 89–90.

Тем более что к весне 1916 г. положение улучшилось. Генерал Поливанов, сменивший отданного под суд Сухомлинова, приложил много усилий, чтобы обеспечить армию оружием за счет увеличения поставок со стороны англо-французских союзников. 12 сентября 1915 г. у него состоялась беседа с послом Великобритании Бьюкененом: *«Я изложил состояние деятельности у нас по снабжению армии и обратил его внимание на то критическое для нас обстоятельство, что, при наличии громадных укомплектований, которые, начиная с конца сентября, мы можем вливать в армию для пополнения ее убыли, количество винтовок, на получение которых мы можем рассчитывать до конца года, всего около 300 000, а между тем к весне наша армия должна быть не только пополнена, но, по возможности, и усилена в своем штатном составе... Сэр Бьюкенен обещал мне обратить внимание своего правительства на всю важность безотлагательной помощи России в деле снабжения войск винтовками»*¹. Усилия по поиску оружия принесли результаты. *«Настойчивые переговоры, которые еще с осени я вел с великобританским и французским послами, доказывая им всю неотложность снабжения нас винтовками, хотя бы прежних, но, разумеется, скорострельных образцов, имели результатом заявление об уступке и отправке нам 1 141 000 винтовок с патронами французских систем Гра, Гра-Кропача, Лебеля и итальянских – Веттерли, первый транспорт коих прибыл морским путем в Архангельск. Японский же посол подтвердил мне сказанное им еще ранее о невозможности для японской армии дальнейших уступок нам винтовок свыше тех 400 000, которые были переданы ранее... прибывающие французские и итальянские винтовки должны поступить на вооружение войск тыловых и действующих армий и войск, расположенных внутри Империи, с заменой ими наших трехлинейных винтовок, которые должны пополнить некомплект их в перволинейной пехоте»*².

На заседании Государственной Думы в феврале 1916 г. Поливанов сообщил: *«Количество русских военно-промышленных предприятий, изготовляющих средства для обороны, увеличилось ныне в три с половиной раза по сравнению с тем их числом, которое было занято этим делом перед началом войны, и это не считая многочисленных предприятий работающих по заказам всероссийского земского и городского союзов; производство же в России главнейших, необходимейших средств обороны возросло от двух до пяти с половиной раз»*³. Только осенью 1915 г. и в начале 1916 г. союзники поставили в Россию свыше 1 млн винтовок, а всего за годы войны – около 4 млн. В самой России было произведено в 1915–1916 гг. более 2 млн винтовок, а за всю войну – 3,5 млн винтовок⁴. К весне 1916 г. российская армия не испытывала недостатка в этом виде стрелкового оружия, так что оружейный голод начала войны был пре-

¹ Поливанов А. А. Девять месяцев во главе Военного министерства // Вопр. истории. 1994. № 2. С. 155.

² Там же. № 8. С. 130–131.

³ Там же. № 10. С. 141.

⁴ Мировая война в цифрах. М.; Л.: Госвоениздат, 1934. С. 39.

одолен¹. Армия это сразу ощутила, а Деникин отметил: *«Я по непосредственному опыту, а не только по цифрам имею полное основание утверждать, что уже к концу 1916 г. армия наша, не достигнув, конечно, тех высоких норм, которые практиковались в армиях союзников, обладала все же вполне достаточными боевыми средствами, чтобы начать планомерную и широкую операцию на всем своем фронте»*².

Много места в публикациях о войне занимает вопрос о личном составе армии, ее боевой подготовке и способности успешно воевать. Продолжительность военных действий привела к понижению профессионального уровня офицерских кадров. Брусилов об этом говорит так: *«Кадровых офицеров... в строю было очень мало, примерно 5–6 человек на полк; остальной состав офицеров, также в недостаточном количестве, состоял из прапорщиков, наскоро и плохо обученных, из части которых уже впоследствии на практике выработались хорошие командиры. Были не только роты, но и батальоны, во главе которых находились малоопытные прапорщики. Старых унтер-офицеров также почти не было, а пополнялись унтер-офицеры восстановленными полковыми учебными командами, из которых ускоренным курсом выпускались столь же малоопытные унтер-офицеры. В каждой роте можно было найти в среднем 4–6 рядовых старого состава, все же остальные нижние чины были в сущности плохо обученные милиционеры, а не настоящие солдаты регулярной армии»*³.

Огромные потери солдат на протяжении всей войны удавалось компенсировать путем новых наборов. По словам Поливанова, только *«в течение трех осенних месяцев (1915 г. – И. Ч.) в армию было отправлено громадное количество укомплектований, а именно: в сентябре – 1933 маршевые роты, в октябре – 1351, в ноябре – 1481 маршевая рота. Итого 5765 маршевых рот, что составило около 1 100 000 молодых солдат»*⁴. Другими словами, удалось мобилизовать нужное для восполнения убыли количество солдат. Но подготовлены к военной службе они были плохо.

В связи с утратой в результате боевых действий кадрового состава и замещением его запасными качественный уровень армии снизился. Брусилов это явление оценил, не приукрашивая действительность: в начале войны войска были обучены, дисциплинированы и послушно шли в бой. Но всего за год войны *«обученная регулярная армия исчезла, ее заменила армия, состоявшая из неучей»*, т. е. мало было компенсировать недостаток винтовок и мобилизовать нужное для восполнения потерь количество солдат, следовало обучить их военному делу и внедрить в сознание чувство долга защиты родины. Но властям, военным

¹ Подробнее см.: Залюбовский А. П. Снабжение русской армии в Великую войну винтовками, пулеметами, револьверами и патронами к ним.

² Деникин А. И. Очерки русской смуты: [в 5 т.]. Т. 1: Крушение власти и армии (февраль–сентябрь 1917 г.), вып. 1–2. С. 37.

³ Брусилов А. А. Мои воспоминания. С. 137–138.

⁴ Поливанов А. А. Девять месяцев во главе Военного министерства // Вопр. истории. 1994. № 8. С. 141.

и гражданским, это не удалось. Наоборот, понятие дисциплины, ответственности, долга у солдат как бы исчезли. Характерен факт: во время зимы 1916–1917 гг. в войсках стало не хватать сапог. Брусилов в связи с этим рассказывает: *«Добавлю со своей стороны, что недостаток сапожного товара к 1917 году произошел не оттого, что было его слишком мало, а вследствие беспорядков в тылу: чуть ли не все население России ходило в солдатских сапогах, и большая часть прибывших на фронт людей продавала свои сапоги по дороге обывателям, часто за бесценок, а на фронте получала новые. Такую денежную операцию некоторые искусники умудрялись делать два-три раза. То же самое происходило и с одеждой, которую, не стесняясь, отправленные из тыла вполне снаряженными и отлично одетыми и обутыми, на фронт приходили голыми. Против таких безобразий мер никаких не принималось, или же меры были недостаточные и не дававшие никаких благих результатов»*¹. Более того, Н. Н. Янушкевич 5 февраля 1915 г., т. е. еще будучи начальником штаба Верховного главнокомандующего, сокрушался: *«Резервисты прямо шли “продавать винтовки за 7 р.”»*². Участились нарушения дисциплины. Деникин отмечает: *«В частях, и особенно в тыловых, начала сильно развиваться карточная игра с дурными последствиями для солдат, имевших на руках казенные деньги или причастных к хозяйству»*³.

Если не смогли принять меры против преступного расхищения казенного солдатского обмундирования, то тем более не нашли сил предотвратить антиправительственную агитацию в армии. Российский историк Н. Н. Смирнов обратил внимание на удивительный факт: фронт стараниями самих властей оказался наводнен революционно настроенными контингентами. *«После объявления мобилизации департамент полиции МВД подготовил секретный циркуляр, позднее разосланный во все правительственные учреждения империи. Он касался взаимоотношений администрации и специалистов, уличенных в политической неблагонадежности. Последних предлагалось отправлять в действующую армию незамедлительно, дабы в условиях военного времени соблюсти в тылу должную “нравственность” и “лояльность”. Администраторы в полной мере использовали представившуюся возможность избавиться от тлетворного влияния смутьянов. В результате армейские части изо дня в день, месяц за месяцем пополнялись не просто “нарушителями общественного спокойствия”, но высокообразованными людьми, на протяжении долгого времени боровшимися с ненавистной им государственной системой. Обладая даром пропагандистов и агитаторов, эти люди привнесли политику туда, откуда, по логике, ее необходимо было изгонять любыми способами. Эсеры и меньшевики, большевики и анархисты, националисты и либералы неожиданно для себя получили новое поле действий и развернули работу невиданными темпами.*

¹ Брусилов А. А. Мои воспоминания. С. 204.

² Переписка В. А. Сухомлинова с Н. Н. Янушкевичем // Красный архив. 1922. Т. 3. С. 29.

³ Деникин А. И. Очерки русской смуты: [в 5 т.]. Т. 1: Крушение власти и армии (февраль–сентябрь 1917 г.), вып. 1. С. 63.

Каждая неудачно проведенная операция, каждый промах тыловиков интерпретировался “партийными интеллигентами”, одетыми в солдатские шинели, как бездарность царской камарилы. Антиправительственные, антиимперские лозунги падали на благодатную почву и с нарастающим темпом разлагали армию»¹.

Офицерский корпус действующей армии разлагающей пропаганде противостать не мог. Это произошло потому, что сам он претерпел изменения, стал качественно другим. Кадровые офицеры, подготовленные до войны в военных учебных заведениях и имевшие опыт командования, в основной своей массе погибли в боях. В декабре 1914 г. Янушкевич признал: «Офицеров... теперь в некоторых полках 7–10 (!!!) человек»². Этот факт отметил Деникин: мобилизации «влили в офицерский состав большое число лиц свободных профессий, принесших с собой новое мирозерцание». Кроме того, «громадная убыль кадрового офицерства заставила командование поступиться несколько требованиями военного воспитания и образования, введя широкое производство в офицеры солдат как за боевые отличия, так и путем проведения их через школы прапорщиков с низким образовательным цензом. Последние два обстоятельства, неизбежно присущие народным армиям, вызвали два явления: понизили, несомненно, боевую ценность офицерского корпуса и внесли некоторую дифференциацию в его политический облик, приблизив еще более к средней массе русской интеллигенции и демократии»³. Увеличившийся слой «демократизированных» офицерских кадров менял политическую атмосферу в армии, в связи с этим «сторонним разрушительным влиянием в армии не противопоставлялось разумное воспитание». И этому были свои причины: воспитательная работа не велась «отчасти, по крайней неподготовленности в политическом отношении офицерского корпуса, отчасти, вследствие инстинктивной боязни старого режима внести в казармы элементы “политики”, хотя бы с целью критики противогосударственных учений. Этот страх относился, впрочем, не только к социальным и внутренним проблемам русской жизни, но и к вопросам внешней политики. Так, например, незадолго до войны был издан высочайший приказ, строго воспрещавший воинским чинам где бы то ни было вести разговор на современную политическую тему (Балканский вопрос, австро-сербская распря и т. д.). Накануне неизбежно предстоявшей отечественной войны старательно избегали возбуждения здорового патриотизма, разъяснения целей и задач войны, ознакомления со славянским вопросом и вековой борьбой нашей с германизмом»⁴. Деникин был прав, отмечая полное отсутствие хотя бы элементарного политического воспитания солдатской массы.

¹ Смирнов Н. Н. Война и российская интеллигенция // Россия и Первая мировая война / редкол.: Н. Н. Смирнов [и др.]. СПб.: Дмитрий Буланов, 1999. С. 264.

² Переписка В. А. Сухомлинова с Н. Н. Янушкевичем // Красный архив. 1922. Т. 2. С. 144.

³ Деникин А. И. Очерки русской смуты: [в 5 т.]. Т. 1: Крушение власти и армии (февраль–сентябрь 1917 г.), вып. 1. С. 12.

⁴ Там же. С. 27.

В 1915 г. третьим изданием вышла официально одобренная брошюра полковника В. И. Бацова «Беседы о воинском воспитании», адресованная юнкерам военных училищ и рекомендованная официальным циркуляром по военнo-учебным заведениям. В ней разъясняется, каким должен быть офицер в нравственном отношении, с точки зрения физической подготовки, в условиях боевых действий. Требования воспитывать личную высокую нравственность и физическую готовность вопросов не вызывают. С третьим – сложнее. Комплекс рекомендуемых «Беседами» качеств, необходимых для боевой работы, предусматривал овладение определенными навыками отношений с подчиненными. В соответствии с ними офицер, имея дело с солдатом, должен *«воспитать и обучить его в духе современных требований, прилагая к нему практические приемы воспитания и обучения для сохранения экономии в труде и во времени»*¹. Другими словами, солдат должен стать профессионалом, выполнять боевые приказы с минимальной затратой усилий и быстро. Политическое же воспитание подчиненной солдатской массы – не дело офицеров и в рекомендациях даже не упоминается. Результатом пренебрежения воспитательной работой были случаи, когда солдаты плохо представляли своих союзников и противников по войне. О характерном примере рассказывает очевидец. В экспедиционный корпус для отправки во Францию отбирали лучших, в беседе одного из солдат спросили: «Кто наш враг?» Ответом было: «Турция, Германия, Франция, Австрия»². И это на третьем году войны, нужны ли комментарии?

О нравственно-политических просчетах в подготовке России к войне говорит и Брусилов. По его словам, перед войной, *«если бы в войсках какой-нибудь начальник задумал объяснить своим подчиненным, что наш главный враг – немец, что он собирается напасть на нас и что мы должны всеми силами готовиться отразить его, то этот господин был бы немедленно выгнан со службы, если бы не был предан суду. Еще в меньшей степени мог бы школьный учитель проповедовать своим питомцам любовь к славянам и ненависть к немцам. Он был бы сочтен опасным панславистом, ярким революционером и сослан в Туруханский или Нарымский край. Очевидно, немец, внешний и внутренний, был у нас всесилен, он занимал самые высшие государственные посты, был persona gratissima при дворе. Кроме того, в Петербурге была могущественная русско-немецкая партия, требовавшая во что бы то ни стало, ценой каких бы то ни было унижений крепкого союза с Германией. Какой же при таких условиях могла быть подготовка умов народа к этой заведомо неминуемой войне, которая должна была решить участь России и Европы? Очевидно, никакая или скорее отрицательная, ибо во всей необозримой России, а не только в Петербурге, немцы царили во всех отраслях народной жизни»*³. Брусилов отме-

¹ Бацов В. И. Беседы о воинском воспитании. Пг., 1915. С. 29.

² Афиногенов Н. А. (Степной Н.) Белые рабы. Воспоминания о французском фронте / предисл. и под ред. Ф. Березовского. М.: Л. Гос. изд-во, 1925. С. 11.

³ Брусилов А. А. Мои воспоминания. С. 70–71.

часть, что при отсутствии нравственной подготовки к войне нельзя было «ожидать подъема духа и вызвать сильный патриотизм в народных массах. Чем был виноват наш солдат, что он не только ничего не слышал о замыслах Германии, но и совсем не знал, что такая страна существует... Солдат не только не знал, что такое Германия и тем более Австрия, но он понятия не имел о своей матушке России. Он знал свой уезд и, пожалуй, губернию, знал, что есть Петербург и Москва, и на этом заканчивалось его знакомство со своим отечеством. Откуда же было взяться тут патриотизму, сознательной любви к великой родине!»¹

Армейский политический индифферентизм способствовал разложению армии. По признанию Поливанова, «армия в настоящее время не та по составу, какой она была в начале войны: десятки тысяч офицеров и сотни тысяч нижних чинов принадлежат ныне к элементам, входившим до поступления в ряды войск в близкое соприкосновение с политическими вопросами, а потому поддаются политическим настроениям, созданным в тылу армии»². Это следует понимать таким образом, что новые маршевые роты приходили на фронт с размытым пониманием долга защиты отечества, склонные к восприятию антивоенной агитации и революционных лозунгов. И как результат, считает Брусилов, «к февралю 1917 года вся армия, – на одном фронте больше, на другом меньше, – была подготовлена к революции. Офицерский корпус в это время также поколебался и, в общем, был крайне недоволен положением дел»³. Ускорявшееся погружение армии в политические процессы констатируют и другие виднейшие представители армейской элиты. Гучков привел слова Корнилова: «Во всех воинских частях, где быстро и глубоко пошло разложение, надо искать причины в командном составе, и это в большинстве случаев не слабость, а революционный карьеризм»⁴.

3.5. Высшее командование по отзывам в армейских кругах

Ставка Верховного главнокомандующего. Вступление в войну потребовало реформирования руководства армии. Были сформированы Ставка Верховного главнокомандующего армии, три штаба главнокомандующих фронтами – Северо-Западным, Юго-Западным и Кавказским. Верховным главнокомандующим армии и флота стал великий князь Николай Николаевич (младший). Он был профессиональным военным, образование получил в Инженерном училище и Николаевской академии Генерального штаба, прошел все ступени служебной лестницы, занимая должности командира полка, начальника дивизии,

¹ Брусилов А. А. Мои воспоминания. С. 71–72.

² Поливанов А. А. Девять месяцев во главе Военного министерства // Вопр. истории. 1994. № 2. С. 129.

³ Брусилов А. А. Мои воспоминания. С. 208.

⁴ Александр Иванович Гучков рассказывает... Беседы А. И. Гучкова с Н. А. Базили // Вопр. истории. 1991. № 11. С. 190.

генерал-инспектора кавалерии, главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа, участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Его высоко ценили в армейских кругах. А. А. Брусилов, один из выдающихся русских генералов, сам при Временном правительстве Верховный главнокомандующий, впоследствии писал: *«В это время лучшего верховного главнокомандующего найти было нельзя... Это – человек несомненно всецело преданный военному делу и теоретически, и практически знавший и любивший военное ремесло... Назначение его верховным главнокомандующим вызвало глубокое удовлетворение в армии. Войска верили в него»*¹. В. И. Гурко, генерал, сыгравший видную роль в Первой мировой войне и даже побывавший главнокомандующим Западным фронтом, был такого же мнения: *«Несмотря на то, что его высочество имел репутацию начальника сурового и вспыльчивого, а временами даже теряющего над собой контроль, он пользовался любовью в войсках, которыми ему доводилось командовать. В своем качестве генерал-инспектора русской кавалерии он был в той или иной степени знаком со всеми крупными кавалерийскими начальниками и практически со всеми заметными офицерами, поскольку все они, получая назначение на новую должность, приезжали в Петербург и представлялись великому князю по его должности главнокомандующего столичным военным округом. Его назначение Верховным главнокомандующим русской армией было с удовлетворением встречено всей без единого исключения русской прессой»*². Так считали не только генералы высокого ранга. Работавший в Ставке М. К. Лемке свидетельствовал: *«Прошло три-четыре месяца войны – и Николай Николаевич стал уже просто популярен. В армии о нем говорили не иначе, как с восторгом, и часто с благоговением; всепрощающее общество охотно дарило ему свое искреннее расположение»*³.

Начальником штаба Верховного главнокомандующего назначили генерала Н. Н. Янушкевича⁴, приход которого в армии вызвал осуждение. Брусилов вообще считал: *«Фатально было то, что начальником штаба верховного главнокомандующего был назначен бывший начальник Главного управления*

¹ Брусилов А. А. Мои воспоминания. С. 66.

² Цит. по: Гурко В. И. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914–1917. С. 8.

³ Лемке М. 250 дней в царской Ставке: (25 сентября 1915 – 2 июля 1916 г.). С. 82.

⁴ Янушкевич Н. Н. (1868–1918). Генерал от инфантерии. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба. В Русско-японской войне не участвовал. Никогда не занимал командных должностей, за исключением необходимого для продвижения по службе цензового командования ротой и батальоном, каждое по году. Был на различных должностях в Военном министерстве. С 20 января 1913 г. начальник Николаевской военной академии. С 5 марта 1914 г. начальник Генерального штаба. 19.07.1914 г. получил должность начальника штаба Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича. После назначения последнего наместником на Кавказе был его помощником по военным вопросам и начальником снабжения Кавказской армии. Временным правительством уволен в отставку. В начале 1918 г. арестован и отправлен в Петроград, но по пути убит конвоирами.

Генерального штаба¹ Янушкевич, человек очень милый, но довольно легкомысленный и плохой стратег. В этом отношении должен был его дополнять генерал-квартирмейстер Данилов, человек узкий и упрямый. Его доклады несомненно влияли в значительной степени на стратегические соображения верховного главнокомандующего, и нельзя не признать, что мы иногда действовали в некоторых отношениях наобум и рискованно разбрасывались – не в соответствии с теми силами, которыми мы располагали². Гурко разделял эти оценки: Янушкевич «совершенно не имел боевого опыта и, что вполне естественно, по всем вопросам, имевшим касательство к стратегическим комбинациям, полностью подпал под влияние своего ближайшего товарища по службе... генерала Данилова»³. В рядах сомневавшихся в способностях Янушкевича и Данилова решать ответственные задачи на занимаемых ими высоких постах был и генерал-лейтенант Я. М. Ларионов, который о руководителях штаба Верховного главнокомандующего отзывался словами: «В истории русской армии не было случая, чтобы начальник штаба Верховного главнокомандующего вооруженными силами государства имел строевой командный стаж только батальонного командира, а батальоном командовал всего 4 месяца, да и только в 1904 году». Точно так же генерал-квартирмейстер Данилов «имел строевой командный ценз командира полка. Должностей начальника штаба дивизии и штаба корпуса оба генерала не проходили». Следствием слабости фронтового руководства, полагает Ларионов, и стали поражения: «Солдаты, строевые офицеры и многие генералы с честью выполнили свой долг и своей кровью и жизнью десятков тысяч воинов исправляли ошибки и промахи неподготовленных в стратегическом отношении руководителей, а если и подготовленных, то только теоретически, но лишенных стратегического дара»⁴.

Негодование в войсках имело основания. Н. Н. Янушкевич во главе штаба Верховного главнокомандующего представлял собой удивительное явление. Он не участвовал в войнах и не имел боевого опыта. Его служба в войсках ограничилась цензовым командованием ротой и батальоном⁵. В Военном министерстве Янушкевич занимался административными вопросами, не связанными с оперативной работой: по последней должности был всего лишь по-

¹ В 1905 г. Генеральный штаб был выделен в самостоятельный орган во главе с независимым от Военного министра начальником и официальным названием «Главное управление Генерального штаба».

² Брусилов А. А. Мои воспоминания. С. 66–69.

³ Гурко В. И. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914–1917. С. 9.

⁴ Ларионов Я. М. Записки участника мировой войны. 26-я пехотная дивизия 1-й и 2-й русских армий на Восточно-Прусском и Польском театрах в начале войны / сост. по дневнику и полевым документам. С. 122.

⁵ В русской армии для получения должности в Генеральном штабе следовало не менее года командовать ротой. Для назначения командиром полка необходимо было пройти четырехмесячное цензовое командование батальоном.

мощником начальника канцелярии. Попутно читал лекции в военных учебных заведениях, что, видимо, подготовило почву для назначения начальником Николаевской военной академии Генерального штаба¹. Затем и вообще стал начальником Генерального штаба, а с началом Первой мировой войны – начальником штаба Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича. В этом качестве передоверил вопросы оперативного руководства своему генерал-квартирмейстеру Ю. Н. Данилову, а сам занимался административными и политическими вопросами. Янушкевич удержался на посту начальника штаба ровно столько, сколько Верховным главнокомандующим был великий князь Николай Николаевич. Перемещенный императором на Кавказ, он забрал с собой и Янушкевича.

Начальником штаба Верховного главнокомандующего, когда им провозгласил себя император Николай II, стал генерал от инфантерии М. В. Алексеев (1857–1918). Он имел богатый боевой опыт. Участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Окончив Николаевскую академию Генерального штаба, служил в Главном штабе, в Военно-ученом комитете, одновременно был профессором академии. Русско-японскую войну провел в должности генерал-квартирмейстера штаба 3-й Маньчжурской армии. С 1908 по 1912 г. являлся начальником штаба Киевского военного округа. В 1912 г. получил в командование 13-й армейский корпус. В начале Первой мировой войны назначен начальником штаба Юго-Западного фронта, затем повышен до командующего Северо-Западным фронтом. Возглавив в 1915 г. штаб Верховного главнокомандующего при бездействовавшем Николае II, фактически руководил боевыми действиями русской армии. В марте–мае 1917 г. Временным правительством назначен Верховным главнокомандующим. После Октябрьской революции участвовал в Белом движении.

Можно сказать, что Алексеев в высшем руководстве армии, не в пример Янушкевичу, был далеко не случайным человеком, квалифицированным военачальником. Это признавали те, кто соприкасался с ним по службе. Брусилов, в частности, писал: *«Начальником штаба при государе состоял ген. Алексеев... он обладал умом, большими военными знаниями, быстро соображал, и, несомненно, был хороший стратег. Считаю, что в качестве начальника штаба у настоящего главнокомандующего он был бы безупречен, но у такого верховного вождя, за которого нужно было решать, направлять его действия, поддерживать его постоянно колеблющуюся волю, он был совершенно непригоден, ибо сам был воли недостаточно крепкой и решительной. Кроме того, он не был человеком придворным, чурался этой сферы и ему под напором различных влияний со всевозможных сторон было часто не под силу отстаивать*

¹ Высшее военное учебное заведение. Имело названия: Императорская военная академия (1832–1855); Николаевская академия Генерального штаба (1855–1909); Императорская Николаевская военная академия (1909–1918). В июле 1918 г. переименована в Военную академию РККА. Однако часть ее состава отделилась и приняла участие в Белом движении, продолжив работу в Екатеринбурге, Томске, Омске и Владивостоке. Последний выпуск ее слушателей состоялся в конце 1921 г.

свои мнения и выполнять надлежащим образом те боевые задачи, которые выпадали на русскую армию»¹.

В обстановке, когда император как Верховный главнокомандующий бездействовал, Алексеев фактически исполнял функции по руководству войсками. В войсках его авторитет был исключительно высок. Об этом можно судить и по мемуарам генерала Гурко, который оценивает деятельность Алексеева еще более высоко, чем Брусилов: *«Даже на самых высоких постах он сохранил необыкновенную скромность, доступность и простоту, о которых с теплотой вспоминают все, кому довелось общаться с ним непосредственно. Его невозможно упрекнуть в излишней мягкости, поскольку он умел с необходимой жесткостью принимать меры для выполнения однажды принятых решений. Если и имелись в его характере недостатки, то они касались исключительно его общения с ближайшими помощниками и коллегами, на ошибки которых он был склонен смотреть с излишней терпимостью. Но, как известно, даже на солнце есть пятна, и генерала Алексеева в основном упрекали за то, что он стремился переделать все дела сам. Он вплоть до мельчайших деталей прорабатывал множество вопросов и проделывал массу подготовительной работы вместо того, чтобы распределить эти задачи между своими подчиненными, возложив на них ответственность за их безукоризненное и вдумчивое исполнение. Вполне естественно, что такие методы работы доставляли ему много неудобств и, возможно, заставляли его перенапрягаться, что и стало причиной болезни, которая незаметно подкралась к нему в октябре 1916 года и через несколько дней едва не свела в могилу. Только после четырех месяцев отдыха в солнечном Крыму он оправился достаточно для того, чтобы вновь приступить к исполнению своих обязанностей начальника штаба Ставки. Это произошло всего за несколько недель до революции. Позднее, хотя только на короткое время, он становится Верховным главнокомандующим русских армий. В этом качестве характер его деятельности изменился только очень незначительно, поскольку, будучи начальником штаба, он практически исполнял обязанности Верховного главнокомандующего в те периоды, когда Николай II отвлекался для отправления других государственных дел»*².

Труднообъяснимые просчеты штаба Верховного главнокомандующего привели к парадоксальной ситуации, когда даже командующие армиями не имели представления о стратегическом плане войны. Обращаясь к важнейшему вопросу о перспективном планировании военных действий верховным главнокомандованием, Брусилов отмечает: *«С начала войны я никак не мог узнать плана кампании. Когда я занимал должность помощника командующего Варшавского военного округа, выработанный в то время план войны с Германией и Австро-Венгрией мне был известен; он был строго оборонительный и во многих отно-*

¹ Брусилов А. А. Мои воспоминания. С. 142–143.

² Гурко В. И. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914–1917. С. 10.

шениях, по моему мнению, был составлен неудачно. Он и не был применен в действительности, а по создавшейся обстановке мы начали наступательную кампанию, которую не подготовили. В чем же заключался наш новый план войны, – представляло для меня какую-то тайну, которой не знал, по-видимому, и главнокомандующий фронтом. Легко может статься, что и никакого нового плана войны составлено не было, и действовали лишь случайными задачами, которые вырабатывались обстановкой¹. В том, что сложилась такая ситуация, несомненная вина Ставки и ее штаба.

Главногокомандующие фронтами. Главнокомандующими армиями фронтов в самом начале войны были: Северо-Западного, развернутого против Германии, – Я. Г. Жилинский, потом Н. В. Рузский; Юго-Западного, действовавшего против Австро-Венгрии, – Н. И. Иванов; Кавказского, противостоявшего Турции, – И. И. Воронцов-Дашков. Близко соприкасавшиеся с ними по службе генералы – командующие армиями и корпусами, начальники штабов высокого уровня – не преминули в своих воспоминаниях дать оценку их полководческим способностям.

Я. Г. Жилинский. Генерал от кавалерии. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Русско-японской войны. С 22 февраля 1911 по 19 июля 1914 г. начальник Генерального штаба. С 4 марта 1914 г. командующий войсками Варшавского военного округа и Варшавский генерал-губернатор. С началом Первой мировой войны главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта.

Генерал Гурко характеризует его весьма сдержанно: *«Когда стал вакантным пост главнокомандующего войсками и генерал-губернатора в Варшаве, Жилинский использовал все свое влияние для того, чтобы занять его, и в том преуспел. Должен с огорчением отметить, что это лишний раз доказывает – в тот период назначение на наиболее ответственные и важные посты производилось по самым различным причинам, самой последней из которых по значимости являлась пригодность назначаемого лица. Став командующим Варшавским военным округом, он в случае войны с Германией назначался главнокомандующим расквартированными в округе войсками, хотя его военные способности, продемонстрированные на Русско-японской войне, делали его непригодным для этой должности. Последующие события только подтвердили впечатление о его неспособности занимать ответственный пост главнокомандующего. При открытии кампании, когда его действия должны были быть направлены на согласование операций генералов Самсонова и Ренненкампа, он оказался совершенно не в состоянии выполнять то, что от него требовалось»*². Поражение в Восточной Пруссии остановило карьеру Жилинского: в сентябре 1914 г. он был снят с должности главнокомандующего армиями Северо-Западного

¹ Брусилов А. А. Мои воспоминания. С. 104.

² Гурко В. И. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914–1917. С. 11.

фронта и в дальнейшем влияния на ход военных действий не оказывал, а в 1915–1916 гг. представлял русское командование в Союзном совете во Франции¹. После Октябрьской революции арестован в Крыму и расстрелян.

Н. В. Рузский. Генерал от инфантерии. Окончил Константиновское военное училище, Николаевскую академию Генерального штаба. Участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Был начальником штаба 32-й пехотной дивизии, начальником штаба Виленского военного округа. Во время Русско-японской войны начальник штаба 2-й Маньчжурской армии. В начале Первой мировой войны командовал 3-й армией. После смещения Жилинского назначен главным командующим армиями Северо-Западного фронта. Из-за болезни в марте 1915 г. покинул фронт, но затем вновь получил назначение главнокомандующим Северным фронтом. После Февральской революции снят с этого поста. В 1918 г. арестован и убит в Пятигорске.

Рузский, заменивший Жилинского, также подвергся критике за просчеты в руководстве Лодзинской операцией октября–ноября 1914 г. Начальник штаба Верховного главнокомандующего Н. Н. Янушкевич 15 ноября 1914 г. писал военному министру В. А. Сухомлинову: *«Очень огорчил меня Н. В. Р. (Рузский. – И. Ч.) за эту операцию. В чем дело понять не могу. Но как-то сильно сдал в руководстве. Разведки не было, руководство ускользнуло, связь потеряли и едва вновь восстановили и никак не могут выяснить, потеряли ли мы 50–100–200 тысяч и при том в честном бою или в позорном плену»*². О генерале Рузском высказался и Брусилов: *«Человек умный, знающий, решительный, очень самолюбивый, ловкий и старавшийся выставлять свои деяния в возможно лучшем свете, иногда в ущерб своим соседям, пользуясь их успехами, которые ему предвзято приписывались»*³.

Н. И. Иванов. Мало хорошего в характеристике генерала Иванова, которую дал ему Брусилов. Его главной чертой, по мнению Брусилова, была непозволительная для полководца нерешительность: *«Это был человек вполне преданный своему долгу, любивший военное дело, но в высшей степени узкий в своих взглядах, нерешительный, крайне мелочный и, в общем, бестолковый, хотя и чрезвычайно самолюбивый. Он был одним из участников несчастливой Японской кампании, и думаю, что постоянные неудачи этой злосчастной войны влияли на него и заставляли его непрерывно сомневаться и пугаться зря, так что даже при вполне благополучной обстановке он постоянно опасался разгрома и всяких несчастий»*⁴. Такие качества не позволили Иванову остаться на вершинах военной власти: его на посту командующего Юго-Западным фрон-

¹ Февральская революция 1917 года (Документы Ставки Верховного главнокомандующего и штаба главнокомандующего армиями Северного фронта) // Красный архив. 1927. Т. 21. С. 68–70.

² Переписка В. А. Сухомлинова с Н. Н. Янушкевичем. 1923. Т. 2. С. 135.

³ Брусилов А. А. Мои воспоминания. С. 66–69.

⁴ Там же. С. 68.

том в марте 1916 г. заменил генерал Брусилов. Сам же Иванов стал генерал-адъютантом при особе императора¹ и оставался им до конца войны.

И. И. Воронцов-Дашков. Еще менее, можно сказать, вообще не проявил командные качества наместник на Кавказе генерал от кавалерии И. И. Воронцов-Дашков. Он состоял на военной службе с 1856 г., участвовал в военных действиях на Кавказе в 1859–1862 гг. и в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Занимал должности командира полка, бригады, дивизии. Был начальником личной охраны Александра III, министром императорского двора. С февраля 1905 г. являлся наместником на Кавказе, главнокомандующим войсками Кавказского военного округа, с началом Первой мировой войны до 23 августа 1915 г. был главнокомандующим Кавказской армией. Однако практически не принимал участия в разработке операций и руководстве войсками, передав командование армией своему помощнику – генералу А. З. Мышлаевскому и после его смещения – начальнику штаба генералу Н. Н. Юденичу.

Перемещения в командовании фронтами шли только на пользу делу, чего не скажешь о главной перемене в военном руководстве России: 23 августа 1915 г. император Николай II сместил великого князя Николая Николаевича с должности Верховного главнокомандующего и сам стал им. Но об этом – в следующем подразделе.

3.6. Николай II как Верховный главнокомандующий в оценке генералитета

Император грезил о роли Верховного главнокомандующего еще до войны, намеревался им стать сразу после начала военных действий, но тогда протесты с разных сторон остановили его². Военный министр Сухомлинов рассказал, как это происходило в 1914 г.: *«Так как Николай II решил сам стать во главе действующей армии, то, ввиду предстоящего отъезда на фронт, состоялось заседание совета министров под председательством самого государя в Петергофе»*. На заседании правительства Николай II заявил о своем намерении стать во главе армии и предложил председателю Совета Министров И. Л. Горемыкину высказать свое мнение. *«Старик “премьер-министр” чуть ли не со слезами на глазах просил государя не покидать столицу ввиду политических условий, создавшихся в стране, и той опасности, которая угрожает государству – отсутствие его главы из столицы в критическое для России время»*. Министр земледелия и государственных имуществ Кривошеин энергично высказался за то, чтобы *«государь оставался в центре всей административно-государственной машины»*. Министр юстиции И. Г. Щегловитов *«увлек всех нас своим*

¹ Генерал-адъютант свиты императора – почетное звание, которого удостоивались генералы и адмиралы за воинские заслуги и государственную деятельность.

² Хрусталев В. Н. Пролог трагедии. К истории противодействия принятию государем императором Николаем II верховного главнокомандования / предисл. Н. А. Лохвицкого. Париж, 1930. 47, [1] с.

убежденным докладом о том, почему государю необходимо оставаться у кормила правления... После него решительно все остальные члены заседания высказались в том же смысле»¹. Тогда император от своего замысла отступил и от главнокомандования воздержался. Теперь, в разгар войны, Николай II вернулся к своему маниакальному желанию. Совет Министров вновь попытался убедить императора не принимать пагубное для страны и династии решение. С. Д. Сазонов рассказывает: «В заседании, бывшем 20-го августа 1915 года под председательством Государя, все мы, поочередно, выразили по этому поводу свои мнения в смысле, противоположном его желанию»². Не помогло, не убедили.

Император Николай II не был подготовлен для руководства армией в качестве ее Верховного главнокомандующего. Он получил домашнее образование по специальной программе: первые восемь лет изучал предметы расширенного гимназического курса, последующие пять – военные, юридические и экономические науки по курсам Академии Генерального штаба и в объеме университетских требований. Лекции читали ученые с мировым именем – Н. Н. Бекетов, Н. Н. Обручев, Ц. А. Кюи, М. И. Драгомиров, Н. Х. Бунге, К. П. Победоносцев и другие, но контролировать усвоение наследником трона учебного материала они права не имели. Практический опыт будущего императора ограничился службой младшим офицером Преображенского полка и эскадронным командиром лейб-гвардии гусарского полка, в августе 1892 г. был произведен в полковники. Так что с 23 августа 1915 по 11 марта 1917 г. Верховным главнокомандующим вооруженными силами России был человек, мало подготовленный к этой роли.

Удаление великого князя Николая Николаевича и принятие императором должности Верховного главнокомандующего, как свидетельствует председатель Государственной Думы М. В. Родзянко³, «считалось в думских кругах и в обществе большой ошибкой. Легко можно было себе представить все последствия подобного безумства. Под влиянием неудач в народе уже и без того наряду с правдой распространялись самые вздорные слухи и все чаще и чаще называлось имя царицы». Но проблема была не только во «вздорных слухах» (Родзянко имеет в виду слухи о шпионаже в интересах Германии), речь шла о перераспределении функций управления государством: «Государь уехал в армию, а делами внутренней политики стала распоряжаться императрица. Министры, особенно И. Л. Горемыкин, ездили к ней с докладами, и создавалось впечатление, что она негласно была назначена регентшей»⁴. Сбылись опасения Сазо-

¹ Сухомлинов В. А. Воспоминания. С. 229–230.

² Сазонов С. Д. Воспоминания. Париж: Книгоизд-во Е. Сияльской, 1927. С. 361.

³ Родзянко М. В. (1859–1924). Лидер партии «Союз 17 октября» (октябристов). Председатель Государственной Думы III (1907–1912) и IV (1912–1917) созывов. Председатель Временного комитета Государственной Думы – чрезвычайного органа государственной власти, сформированного 27 февраля 1917 г. после отречения Николая II и действовавшего до формирования 2 (15) марта Временного правительства.

⁴ Родзянко М. В. Крушение империи. 2-е изд. С. 128, 131.

нова, который в личных докладах старался убедить императора, что отъезд из столицы был бы опасен, поскольку *«место его не могло остаться пустым, и что оно было бы неизбежно занято лицами, непризванными к этому и что это должно было увеличить сложность и неясность внутреннего положения и дать повод ко многим злоупотреблениям, совершаемым под прикрытием его имени. Я не ставил точек над i и не назвал ничьего имени... Мне самому было тяжело касаться опасной роли, которую Императрица начала играть с тех пор, как Распутин овладел ее разумом и волей»*¹. Николай II понял, кого имел в виду С. Д. Сазонов, но намерений не изменил, а своего министра иностранных дел вскоре отправил в отставку.

Крайне негативной была реакция в военных кругах. О всеобщем разочаровании свидетельств много. Пишет о нем и генерал Ю. Н. Данилов. После начала Первой мировой войны он получил назначение на должность генерал-квартирмейстера штаба Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича и в силу высокого служебного положения был осведомлен о многих закулисных сторонах деятельности высших сфер государственной власти. Данилов рассказывает об опасениях, которые вызывало намерение Николая II стать Верховным главнокомандующим уже с самого начала войны: *«В первые дни по объявлении войны ходили довольно упорные слухи о том, что Государь имеет в виду лично стать во главе действующих армии и флота. Я склонен думать, что эти слухи имели под собой реальные основания и что таковыми действительно были намерения Государя. Не скрою, что я очень сожалел о наличии такого предположения и в этом отношении я разделял лишь мнение многих других. Немало самых глубоких сомнений возникало по сему поводу... Крайне неосторожно было бы ставить авторитет Главы Государства в какое-либо соотношение со всегда возможными колебаниями на фронте... Должна была смущать и недостаточность военного опыта у Государя, не успевшего в бытность Наследником на практике пройти через высшие командные должности»*². Оттого *«не по плечу и не по знаниям ему было и непосредственное руководство войною»*³. Но что не случилось в 1914 г., произошло в 1915-м, когда Николай II возложил на себя верховное главнокомандование.

Пытаясь понять мотивы этого шага, Данилов полагает, что *«среди этих причин играли не последнюю роль мистическое понимание Государем своих обязанностей, любовь к углублениям в великое историческое прошлое России, едва ли правильно ему освещавшееся, а может быть и некоторые слабости общечеловеческого характера. Но я не могу не остановиться перед недоуменным вопросом, как могли окружающие Государя лица, пользовавшиеся его доверием, не только не противодействовать столь неосторожному шагу, но даже укреплять в сознании Государя необходимость и своевременность такового.*

¹ Сазонов С. Д. Воспоминания. С. 362–363.

² Россия в мировой войне. 1914–1915 гг. Берлин: Слово, 1924. С. 106.

³ Данилов Ю. Н. Мои воспоминания об Императоре Николае II-ом и Вел. князе Михаиле Александровиче: в 22 т. // Архив рус. рев. Т. 19. С. 213.

Как велика должна была быть недалекость и ослепление этих людей, не оценивших всей тяжести предстоявших событий и считавших возможным связать с ними уже колебавшийся авторитет Царской власти!»¹. Мотивы рокового для страны и самого императора решения А. И. Деникин, один из наиболее успешных боевых генералов, усматривает не в неких мистических представлениях, а во вполне практических опасениях популярности великого князя Николая Николаевича: «Ходила, между прочим, молва, впоследствии оправдавшаяся, что решение государя вызвано отчасти и боязнью кругов императрицы перед все более возрастающей, невзирая на неудачи армии, популярностью великого князя Николая Николаевича»².

Свою версию произошедшего представил генерал В. И. Гурко, по своим политическим взглядам – убежденный монархист. Перемену Верховного главнокомандующего он интерпретировал так, чтобы оставить впечатление некоей ее вынужденности. «Очевидно, перемена руководства произошла по многим причинам, среди которых было недовольство управлением военными операциями и, что самое главное, недостаток опыта и знаний у части ближайших помощников великого князя, с которыми он тем не менее расстаться не пожелал». К тому же «основной довод приближенных государя состоял в том, что царь, принимая на себя верховное руководство, поднимет собственный престиж и укрепит любовь к себе народа и армии». Но и Гурко не смог не признать наличие мотивов отнюдь не государственной необходимости: «Некоторые из людей, близких ко двору, рассказывали, будто случившееся явилось результатом влияния лиц из ближайшего окружения императора, которые желали ближе приобщиться к непосредственному управлению боевыми действиями в надежде, что и на них в таком случае отразится часть славы военных побед». Кроме того, «намекали еще, что смена руководства армией произошла не без участия императрицы Александры Федоровны. Ее считали властной и амбициозной женщиной, рассчитывавшей, что в случае, если ее муж будет всецело поглощен руководством военными действиями, он, вероятно, если и не полностью вверит ей вопросы общего управления империей, то, во всяком случае, ее влияние в этой области сильно укрепит»³.

Разочарование переменами верховного главнокомандования испытали многие военачальники. С одной стороны, великого князя Николая Николаевича считали вполне соответствующим для занятия высшего поста в армии. Генерал А. А. Брусилов в своих воспоминаниях писал: «Вся армия, да и вся Россия, безусловно верила Николаю Николаевичу. Конечно, у него были недочеты и даже значительные, но они с лихвой покрывались его достоинствами как полководца». С другой стороны, знали о неподготовленности Николая II как военачальника.

¹ Данилов Ю. Н. Россия в мировой войне. 1914–1915 гг. Берлин: Слово, 1924. С. 384–385.

² Деникин А. И. Очерки русской смуты: [в 5 т.]. Т. 1: Крушение власти и армии (февраль–сентябрь 1917 г.), вып. 1. С. 33.

³ Гурко В. И. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914–1917. С. 101.

Брусилов продолжил: *«Даже при необходимости сместить вел. кн. Николая Николаевича, чего в данном случае не было, никому в голову не приходило, что царь возьмет на себя при данной тяжелой обстановке обязанности Верховного главнокомандующего. <...> Было общеизвестно, что Николай II в военном деле решительно ничего не понимал и что взятое им на себя звание будет только номинальным, а за него все должен будет решать его начальник штаба... В сущности отсутствие настоящего Верховного главнокомандующего очень сказалось во время боевых действий 1916 года, когда мы, по вине верховного главнокомандования, не достигли тех результатов, которые могли легко повести к окончанию вполне победоносной войны и к укреплению самого монарха на колебавшемся престоле»*¹.

Негативная роль Николая II как Верховного главнокомандующего проявилась в безразличии к делам фронта. На военном совете, проходившем 1 апреля 1916 г. под председательством императора, рассматривалась программа военных действий на 1916 год. По рассказу Брусилова, на нем *«председательствовавший Верховный главнокомандующий прениями не руководил, а обязанностями эти исполнял Алексеев. Царь же все время сидел молча, не высказывая никаких мнений, а по предложению Алексеева своим авторитетом утверждал то, что решалось прениями военного совета, и выводы, которые делал Алексеев»*². Брусилов к теме аморфности царя возвращается постоянно: *«Царь фронтом интересуется мало и ни в какой мере не принимает участия в исполнении столь сложных обязанностей, каковые возложены по закону на Верховного главнокомандующего. В действительности царю в Ставке было скучно»*³. В декабре 1916 г. в Ставке состоялся еще один военный совет. И снова Брусилов обратил внимание на пассивность императора: *«Царь был еще более рассеян, чем на предыдущем военном совете, и беспрерывно зевал, ни в какие прения не вмешивался... На следующий день... заседание продолжалось, но с таким же малым толком, тем более, что нам было сообщено, что царь, не дожидаясь окончания военного совета, уезжает в Царское Село, и видно было, что ему не до нас и не до наших прений»*⁴.

В своих оценках Брусилов не был одинок. Деникин из заседания Военного совета, собранного в Ставке в конце 1916 г. под председательством Николая II и с участием всех главнокомандующих фронтами и других высших чинов, при рассмотрении вопросов высшей стратегии и обсуждении плана кампании 1917 г. вынес впечатление о полной безучастности государя – Верховного главнокомандующего⁵. Военный министр А. А. Поливанов также был удивлен отсутствием у императора интереса к важнейшим вопросам обеспечения армии:

¹ Брусилов А. А. Мои воспоминания. С. 143.

² Там же. С. 167.

³ Там же. С. 172.

⁴ Там же. С. 202.

⁵ Деникин А. И. Очерки русской смуты: [в 5 т.]. Т. 1: Крушение власти и армии (февраль–сентябрь 1917 г.), вып. 1. С. 35.

«Первая встреча нового Верховного главнокомандующего после двух недель управления им армиями с военным министром могла бы, по-видимому, внести в обычный шаблон делового приема какую-нибудь более живую струю, должна была появиться какая-нибудь инициатива в вопросах о том, что делается для армии в тылу ее. Но этого не обнаружилось»¹.

Даже близкие к Николаю II люди были удручены безразличием царя к действиям руководимой им армии. Великий князь Александр Михайлович, по родственной линии двоюродный дядя Николая II, связанный с царем сорокалетней дружбой, а по службе – с декабря 1916 г. генерал-инспектор военно-воздушных сил при Верховном главнокомандующем, не смог не отметить: *«Докладывая Государю об успехах нашей авиации и наших возможностях бороться с налетами немцев, я замечал, что он только и думал о том, когда же я наконец окончу мою речь и оставлю его в покое, наедине со своими думами»².* Да и все время препровождение царя в Ставке отличалось удивительной пассивностью. По словам П. Н. Милюкова, *«с отъездом в ставку, в уединении Могилева, личность царя как бы стусевалась. Он мог быть даже доволен переменой, зажив по своему вкусу. Никакой не стратег, он не мог, конечно, руководить военными действиями. Его рабочий день сложился однообразно и спокойно. До 10 часов утра он был предоставлен самому себе; ни интриги и сплетни петербургского двора, ни пушечная стрельба на фронте до него не доходили. В 10 часов он шел к начальнику штаба генералу Алексееву и оставался там до 11. Алексеев осведомлял его по большой стенной карте при помощи флажков о перемещениях войск за сутки и излагал свои соображения насчет дальнейших действий. Это была скорее информация, нежели совещание, и царю оставалось соглашаться. К завтраку доклад кончался. За завтраком следовал чай. После семи часов получалась петербургская почта с письмами императрицы, которая день за днем сообщала о политических событиях, давала советы и диктовала решения, которые по своей определенности и настойчивости не уступали планам Алексеева. За счет царя с этого времени на первый план выдвинулась царица... Она принимала министерские доклады и все более уверенно входила во вкус государственного управления»³.*

Податливость Николая II внешним влияниям, особенно супруги, пагубно сказывалась на деятельности Ставки. Великий князь Николай Николаевич, еще будучи главнокомандующим, поделился с Родзянко, насколько это дезориентировало Ставку, а Родзянко довел информацию до читателей его воспоминаний: *«Великий князь жаловался на пагубное влияние императрицы Александры Федоровны. Он откровенно говорил, что она всему очень мешает. В Ставке государь бывает со всем согласен, а приехав к ней, меняет свое решение».* Когда же Николай II стал Верховным главнокомандующим, *«императрица*

¹ Поливанов А. А. Девять месяцев во главе Военного министерства // Вопр. истории. 1994. № 2. С. 134.

² Романов А. М. Книга воспоминаний. М.: АСТ; СПб.: Полигон, 2009. С. 303.

³ Милюков П. Н. Воспоминания (1859–1917): в 2 т. Т. 2. С. 222–223.

все чаще ездила в Ставку, а когда находилась в Царском – к ней ездили министры с докладами»¹. Но Александра Федоровна вмешивалась не только в управление гражданскими ведомствами. Деникин приводит рассказ Алексеева: «При разборе бумаг императрицы (разговор состоялся весной 1917 г. – И. Ч.) нашли у нее карту с подробным обозначением войск всего фронта, которая изготовлялась только в двух экземплярах – для меня и для государя. Это произвело на меня удручающее впечатление. Мало ли кто мог воспользоваться ею. Больше ни слова. Переменил разговор»². При этом вопрос об «измене» императрицы напрочь исключался. Зачем же ей была нужна карта строжайшей секретности? Не потому ли, что она ощущала себя истинным руководителем государства?

Ставка при Николае II не стала полноценным высшим руководящим военным органом. Недаром в связи с переменами в высшем руководстве враги ликовали. Э. Людендорф так прокомментировал перемены в высшем военном руководстве России: «На пути к победе мы сделали новый большой шаг вперед. Обладаящий стальной волей великий князь был отстранен. Царь встал во главе войск»³.

Пассивность Николая II, как показало дальнейшее развитие событий, оправдала опасения генералов: и руководство войсками шло плохо, и дела внутри страны пошли вразнос. По словам Брусилова, «принятие на себя должности Верховного главнокомандующего было последним ударом, который нанес себе Николай II и который повлек за собой печальный конец его монархии»⁴.

Мемуары ряда участников событий детально фиксируют драматические моменты последних дней пребывания императора в Ставке и процедуру его отречения от трона. Их ценность в том, что авторы в силу служебного положения являлись непосредственными свидетелями событий. Генерал-квартирмейстер размещенного в Могилеве штаба Верховного главнокомандующего генерал-лейтенант А. С. Лукомский одним из первых показал немаловажную, если не решающую, роль высшего русского генералитета в юридическом оформлении краха Российской империи. Лукомский обрисовал ситуацию, в которой оказалось военное руководство: «В Ставке мы получали из Петрограда одну телеграмму за другой, которые рисовали полный разгар революционного движения, переход почти всех войск на сторону революционеров, убийства офицеров и чинов полиции, бунт и убийства офицеров в Балтийском флоте, аресты всех мало-мальски видных чинов администрации. Волнения начинались в Москве и других крупных центрах, где были расположены запасные батальоны. Пехотные части, отправленные с Северного фронта в Петроград, в Луге были

¹ Родзянко М. В. Крушение империи. С. 104.

² Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1, вып. 1. С. 17.

³ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг.: в 2 т. / пер. с 5-го нем. изд.; под ред. [и с предисл.] А. Свечина. М.: Высш. воен. ред. совет. Гос. изд-во, 1923–1924. Т. 1. С. 138.

⁴ Брусилов А. А. Мои воспоминания. С. 143.

встречены делегатами от местных запасных частей, стали сдавать свои винтовки и объявили, что против своих драться не будут». Лукомский отвергает возможность применения в этих обстоятельствах военной силы: *«Решение подавить революцию силой оружия, залить кровью Петроград и Москву не только грозило прекращением борьбы с врагом на фронте, а было бы единственно возможным именно только с прекращением этой борьбы, с заключением позорного сепаратного мира. Последнее же было так ужасно, что представлялось неизбежным сделать все возможное для мирного прекращения революции»*. К тому же, заключает Лукомский, *«это могло бы временно приостановить революцию, но она, конечно, вспыхнула бы с новой силой в самое ближайшее время, вероятно, в период демобилизации армии, и смела бы не только правительство, но и династию»*¹.

Генерал Алексеев запросил мнение главнокомандующих фронтами об их отношении к отречению императора. Брусилову (Юго-Западный фронт) по прямому проводу 2 марта 1917 г. (по старому стилю) он сообщил: Председатель Государственной думы опасается, *«что теперь династический вопрос поставлен ребром, и войну можно продолжать до победоносного конца лишь при исполнении предъявляемых вновь требований относительно отречения от престола»*. Брусилов ответил: *«Колебаться нельзя. Время не терпит. Совершенно с вами согласен»*. Генерал Лукомский аналогичный разговор провел с Сахаровым (Румынский фронт): *«Генерал Алексеев говорит с генералом Брусиловым, генерал Клембовский говорит с генералом Эвертом, мне поручено доложить вам и передать в Тифлис»* (великому князю Николаю Николаевичу. – И. Ч.). Сахаров в ответ: *«По-видимому, как ни грустно, а придется согласиться с этим единственным выходом»*. В продолжение разговора, Лукомский: *«Должен доложить, что генерал-лейтенант Рузский, по-видимому, с этим согласен. Генерал Клембовский сейчас мне передает, что генерал Эверт (Западный фронт. – И. Ч.), по-видимому, не находит другого выхода»*². Рузский (Северный фронт. – И. Ч.) изначально выступал за отречение, согласился с ним и великий князь Николай Николаевич (Кавказский фронт. – И. Ч.). Записи переговоров и переписка высшего генералитета по поводу ситуации в Петрограде показывают, что в отречении императора главнокомандующие фронтами видели единственный путь к выходу из кризиса.

Свою позицию главнокомандующие фронтами подтвердили телеграммами на имя Николая II. Все они требовали отречения императора.

Великий князь Николай Николаевич: *«Я как верноподданный считаю... необходимым молить ваше императорское величество спасти Россию и вашего наследника... передайте ему ваше наследие. Другого выхода нет»*.

Брусилов: *«Прошу вас доложить государю императору... что в данную минуту единственный исход, могущий спасти положение и дать возможность*

¹ [Лукомский А. С.] Воспоминания генерала А. С. Лукомского. Т. 1. С. 133, 135.

² Февральская революция 1917 года (Документы Ставки Верховного главнокомандующего и штаба главнокомандующего армиями Северного фронта). 1927. Т. 21. С. 68–70.

далее бороться с внешним врагом... отказаться от престола в пользу государя наследника цесаревича при регентстве великого князя Михаила Александровича. Другого исхода нет».

Эверт: *«Средств прекратить революцию в столицах нет никаких. Необходимо немедленное решение... согласованное с заявлением председателя Государственной думы».*

Сахаров: *«Учтя создавшуюся безвыходность положения... вынужден сказать, что, пожалуй, наиболее безболезненным выходом для страны и для сохранения возможности продолжать биться с внешним врагом является решение пойти навстречу уже высказанным условиям».*

Алексеев переслал телеграммы императору, выразив свою солидарность с генералами: *«Соизволите принять решение, которое может дать мирный и благополучный исход из создавшегося более чем тяжелого положения»*¹.

Заключения командующих фронтами были переданы Рузскому, который доложил о мнении генералов императору и получил от него приказание составить проект манифеста об отречении. Об этом Рузский проинформировал Ставку. Последующие события, снова по рассказу Лукомского, развивались следующим образом: *«О полученном распоряжении я доложил генералу Алексееву и он поручил мне, совместно с начальником дипломатической части в Ставке г. Базили, срочно составить проект манифеста. <...> ...составленный проект был доложен генералу Алексееву и передан по прямому проводу генералу Рузскому. ...об этом было сообщено в Петроград председателю Государственной Думы»*².

Отречение Николая II от российского престола в пользу своего младшего брата Михаила Александровича произошло 2 марта 1917 г. В манифесте этот акт был выражен в следующих словах: *«Признали мы за благо отречься от престола государства Российского и сложить с себя верховную власть. Не желая расстаться с любимым сыном нашим, мы передаем наследие наше брату нашему великому князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на престол государства Российского».* Эти расчеты оказались несостоятельными.

Естественен вопрос о мотивах главнокомандующих фронтами, подтолкнувших императора к отречению. Свои предположения высказал генерал Деникин: *«Едва ли нужно доказывать, что громадное большинство командного состава было совершенно лояльно по отношению к идее монархизма и к личности государя. Позднейшие эволюции старших начальников-монархистов вызывались чаще карьерными соображениями, малодушием или желанием “надеть личину” и удержаться у власти для проведения своих планов. Реже – крушением идеалов, переменой мировоззрения или мотивами государственной целесообразности».*

¹ Февральская революция 1917 года (Документы Ставки Верховного главнокомандующего и штаба главнокомандующего армиями Северного фронта). С. 73–74.

² [Лукомский А. С.] Воспоминания генерала А. С. Лукомского. Т. 1. С. 138.

ности»¹. Мнение Деникина, по-видимому, больше эмоциональное, чем основанное на реальной оценке обстоятельств того времени. Сами главнокомандующие фронтами вовсе не стремились к низвержению монархии как государственно-го строя России. Они были согласны с передачей власти великому князю Михаилу Александровичу, а необходимость отречения Николая II объясняли невозможностью при продолжении его царствования сохранения российской государственности и ведения войны до победного конца. 3 марта 1917 г. Эверт направил телеграмму Родзянко: *«Объявив войскам армий вверенного мне Западного фронта манифест государя императора Николая II и вознеся вместе с ними молитвы всевышнему о здравии государя императора Михаила Александровича...»*²

Лишь нарастание революции заставило высших военачальников подчиниться требованию восставших. Родзянко по телеграфу информировал Рузского: *«Вспыхнул неожиданно для всех нас такой солдатский бунт, которому я подобных еще не видел... началось во многих частях избиение офицеров; к этому присоединились рабочие, и анархия дошла до своего апогея. В результате долгих переговоров с депутатами от рабочих удалось прийти только к ночи сегодня к некоторому соглашению, которое заключалось в том, чтобы было созвано через некоторое время Учредительное Собрание для того, чтобы народ мог высказать свой взгляд на форму правления, и только тогда Петроград вздохнул свободно... но провозглашение императором Михаила Александровича подольет масла в огонь, и начнется беспощадное истребление всего, что можно истребить. Мы потеряем и упустим из рук всякую власть, и усмирить народное волнение будет некому»*³. В конечном счете великий князь Михаил Александрович 3 марта 1917 г. отказался от трона. Расчеты высшего генералитета на сохранение монархии ценой отречения Николая II и перехода трона к его брату не оправдались.

Свидетельства высокопоставленных генералов дополняют воспоминания рядовых офицеров⁴. В мемуарах полковника В. М. Пронина, очевидца последних дней пребывания Николая II в Ставке, зафиксирована процедура отречения Николая II от трона. Этот офицер окончил Академию Генерального штаба, служил в войсках, был штаб-офицером для поручений и начальником оперативного отделения в управлении генерал-квартирмейстера штаба Верховного главнокомандующего А. С. Лукомского. Его воспоминания сопровождаются

¹ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1: Крушение власти и армии (февраль–сентябрь 1917 г.), вып. 1. С. 10.

² Копия телеграммы ген. Эверта Родзянко 3 марта 1917 г. // Красный архив. 1927. Т. 22. С. 31.

³ Разговор по прямому проводу ген. Рузского с Родзянко и кн. Львовым 3 марта 1917 г. // Красный архив. 1927. Т. 22. С. 28.

⁴ Тихменев Н. М. Из воспоминаний о последних днях пребывания императора Николая II в Ставке. Ницца: Изд-во Кружка ревнителей рус. прошлого, 1925.

множеством документов, относящихся к отречению императора. Особенно контрастным представляется оценка весьма информированного офицера боевых возможностей армии и политической позиции высшего генералитета. Он пишет: *«Русская армия к этому времени (февралю 1917 г. – И. Ч.), благодаря усиленному производству отечественной промышленности и поддержке союзников, располагала огромными материальными и техническими средствами; она была ими богата как никогда с начала войны... В общем же, однако, нужно признать, что русская армия начала 1917 г., прочно державшая свыше чем 1000 вер[стный] фронт, представляла внушительную силу и могла быть использована не только для продолжения пассивной обороны, но и для наступления, что, при наличии упомянутых выше огромных технических средств, сулило успех»*¹.

Тем не менее в связи с развитием политического кризиса в Петрограде начальник штаба генерал Алексеев, другие высшие генералы (Пронин приводит телеграммы главнокомандующих фронтами: Кавказским – великого князя Николая Николаевича, Юго-Западным – Брусилова, Западным – Эверта, Румынским – Сахарова) не только согласились с требованием отречения Николая II, но и сами настаивали на нем. Прав оказался этот штабной офицер и в том, что дух армии «оставлял желать лучшего», если он понимал под «духом армии» ее верность присяге царю. Узнав об отречении императора, служивший его охраной *«георгиевский батальон в полном составе с музыкой впереди, направляясь в город, проходил мимо штаба... Государь (уже отрекшийся. – И. Ч.), стоя у окна, мог наблюдать, как лучшие солдаты армии, герои из героев, имеющие не менее двух георгиевских крестов, так недавно составлявшие надежную охрану Императора, демонстративно шествуют мимо окон Его, проявляя свою радость по случаю свержения Императора...»*². Последним дням Николая II как российского императора и его отречению посвящены и многие другие труды, составленные теми, кто имел возможность лично наблюдать за агонией императорской власти³.

Император, отрекшийся от престола, в результате Февральской революции 1917 г. находился под домашним арестом в Царском Селе. Летом 1917 г. по решению Временного правительства был отправлен с семьей и приближенными в Тобольск, весной 1918 г. перемещен большевиками в Екатеринбург, где в июле 1918 г. был расстрелян вместе с семьей. Монархия, сметенная Февральской революцией, пала, и времени до того трагического момента, когда рухнет разваленный революциями весь Восточный фронт, оставалось немного.

¹ Пронин В. М. Последние дни Царской Ставки: (24 февраля – 8 марта 1917 г.). Белград, 1929. С. 7.

² Там же. С. 51.

³ См.: Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев. Л., 1927; Белевская (Летягина) М. Ставка Верховного Главнокомандующего в Могилеве. 1915–1918: личные воспоминания. Вильно, 1932. 48 с.; Бубнов А. Д. В царской ставке. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955; Кондзеровский П. К. В Ставке Верховного. 1914–1917. Париж, 1967 и др. изд.

3.7. Генералы о состоянии армии после Февральской революции

Февральская революция в России не принесла стране мира, война продолжалась, но условия, в которых она велась, решительно изменились – армию поразили процесс разложения. 1 марта 1917 г. Совет рабочих и солдатских депутатов отдал приказ № 1 по гарнизону Петроградского округа, всем солдатам гвардии, армии, артиллерии и флота – для немедленного и точного исполнения, а рабочим Петрограда – для сведения. Он привел к фактическому переходу военной власти к солдатским комитетам и избранию солдатами начальников. Процесс развала армии стал необратимым.

Приказ предписывал: 1) во всех ротах, батальонах, полках, парках, батареях, эскадронах и отдельных службах разного рода военных управлений и на судах военного флота – немедленно выбрать комитеты из выборных представителей от нижних чинов вышеуказанных воинских частей; 2) во всех воинских частях, которые еще не выбрали своих представителей в Совет рабочих депутатов, избрать по одному представителю от рот, – которым и явиться с письменными удостоверениями в здание Государственной Думы к 10 часам утра, 2-го сего марта; 3) во всех своих политических выступлениях воинская часть подчиняется Совету рабочих и солдатских депутатов и своим комитетам; 4) приказы военной комиссии Государственной Думы следует исполнять только в тех случаях, когда они не противоречат приказам и постановлениям Совета рабочих и солдатских депутатов; 5) всякого рода оружие, как то: винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее, – должно находиться в распоряжении и под контролем ротных и батальонных комитетов и ни в каком случае не выдаваться офицерам, даже по их требованию; 6) в строю и при отправлении служебных обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину, но вне службы и строя, в своей политической, общегражданской и частной жизни солдаты ни в чем не могут быть умалены в тех правах, коими пользуются все граждане. В частности, вставание во фронт и обязательное отдавание чести вне службы отменяется; 7) равным образом отменяется титулование офицеров – ваше превосходительство, благородие и т. п. – и заменяется обращением: господин генерал, господин полковник и т. д. Грубое обращение с солдатами всяких воинских чинов и, в частности, обращение к ним на «ты» воспрещается, и о всяком нарушении сего, равно как и о всех недоразумениях между офицерами и солдатами, последние обязаны доводить до сведения ротных комитетов.

Во Временном правительстве реагировать на этот приказ пришлось Гучкову, ставшему к тому времени военным министром. Он впоследствии рассказывал: *«Моим распоряжением по фронтам было указано, что это самовольный шаг... я подумал передать этот вопрос на обсуждение комиссии. Я образовал комиссию реформ при Военном министерстве. Во главе стоял генерал Поливанов, входило несколько офицеров Генштаба от разных управлений, потом она пополнилась представителями с фронтов. От фронтов были посланы предста-*

вители главнокомандующего¹. На этом совещании я не участвовал потому, что был занят другими делами, но знаю, что единогласно они пришли к заключению, что, хотя у этого компромисса есть отрицательные стороны, но лучше дать на него согласие. Тогда появился Приказ № 2, но с фразой, что это делается по соглашению с военным министром, что Приказ № 1 относится только к тылу, что он не относится к Действующей армии»². По рассказу Гурко, ряд высших военных руководителей пришел к выводу, что «принятие новых правил приведет к увеличению числа нарушений военных законов, а главное – к еще большему упадку дисциплины»³. К мнению генералов, а среди них были Алексеев и главнокомандующие фронтами, не прислушались, и права военнослужащих получили юридическое узаконение.

Приказ № 1 ускорил разложение армии, дал импульс новым решениям, окончательно разрушившим ее как боеспособную силу. 7–17 апреля 1917 г. в Минске состоялся Съезд рабочих и солдатских депутатов армии и тыла Западного фронта. На нем присутствовали командующий Западным фронтом генерал Гурко, Родзянко, хотя и недолго, – Гучков. Съезд в числе других документов рассмотрел и одобрил так называемую «Декларацию прав солдата». Решение фронтового съезда было направлено в Военное министерство. Гучков как военный министр поручил рассмотреть полученный документ в комиссии генерала Поливанова, которую сам еще раньше создал в связи с Приказом № 1, рассчитывая, что комиссия декларацию «похоронит» как «совершенно непригодную». Но все пошло не по задуманному. Хотя не только Гучков, но и командующие фронтами, мнение которых запросили, были решительно против, комиссия единогласно одобрила документ. Замена Поливанова генералом Новицким не помогла изменить ситуацию. Комиссия во главе с Новицким также проголосовала за декларацию. Гучков отказался поставить свою подпись, предпочтя уйти в отставку⁴.

Свое решение он объяснил в письме от 1 мая 1917 г. главе правительства князю Львову. Письмо это цитирует Керенский: *«Ввиду тех условий, в которые поставлена правительственная власть в стране, в частности власть военного и морского министра в отношении армии и флота; условий, которые я не в силах изменить и которые грозят роковыми последствиями армии и флоту, и свободе, и самому бытию России, – я по совести не могу далее нести обязанности военного и морского министра и разделять ответственность за тот тяжкий грех, который творится в отношении Родины, и потому прошу Временное*

¹ Официальное название: Комиссия по пересмотру законов и установлений, относящихся к прохождению воинской службы.

² Александр Иванович Гучков рассказывает... Беседы А. И. Гучкова с Н. А. Базили // Вопр. истории. 1991. № 9–10. С. 205.

³ Гурко В. И. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914–1917. С. 192.

⁴ Подробнее см.: Александр Иванович Гучков рассказывает... Беседы А. И. Гучкова с Н. А. Базили. 1991. № 11. С. 191–192.

правительство освободить меня от этих обязанностей». По мнению Керенского, Гучков «рассчитывал объединить вокруг себя тех фронтовых офицеров, которые вследствие крушения монархии оказались в весьма затруднительном, а порой и невыносимом положении... не завоевав при этом популярности среди солдат и матросов»¹. Новым военным министром стал А. Ф. Керенский.

Он поддержал «Декларацию прав солдата» и 9 мая 1917 г. издал приказ по армии и флоту, претенциозно названный «Декларация прав солдата». Гучков мотивы его уступчивости объясняет полным политическим растворением в революционной стихии: *«Керенский окружил себя младотурками, молодыми полковниками Генерального штаба, которые делали определенную демагогически-революционную карьеру. Они сейчас же доложили ему об этом документе. Керенский утвердил, и я должен сказать, что не могу поставить это ему в вину, потому что его положение было хуже моего. Он сын этой революции. Генералы и полковники сказали “да”, а он скажет “нет”? Я думаю, что он тоже должен бы сказать “нет”, но ему было труднее; с его стороны это был бы акт политического самоубийства»².*

Согласно «Декларации прав солдата», каждый военнослужащий получил возможность быть членом любой политической, национальной, религиозной, экономической или профессиональной организации, общества или союза, т. е. в армии была разрешена политическая деятельность. Солдаты получили право *«свободно и открыто высказывать и исповедовать устно, письменно или печатно свои политические, религиозные, социальные и прочие взгляды»*, т. е. была открыта дорога всяческой, в том числе антивоенной, антиправительственной и социалистической агитации. Приказ предписал беспрепятственно передавать солдатам все без исключения печатные издания, значит, и с призывами к неповиновению. Обязательное отдание чести отменялось, этим уничтожались традиционные и неотъемлемые понятия армейской субординации и уважения. На выборные войсковые организации, комитеты и суды возлагались функции внутреннего самоуправления, наложения взысканий и контроля, чем до основания был подорван принцип единоначалия³. Социалист-революционер Керенский руководствовался благими намерениями. Выступая 9 мая 1917 г. перед членами Исполнительного комитета Гельсингфорса, ныне Хельсинки, он заявлял: *«Порыв наших душ и наших чувств вы должны суметь превратить в организованную стальную машину государственного творчества и выковать новые формы свободной демократической жизни, новое демократическое государство»⁴.*

¹ Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары / пер. с англ. М.: Республика, 1993. С. 184.

² Александр Иванович Гучков рассказывает... Беседы А. И. Гучкова с Н. А. Базили. 1991. № 11. С. 192.

³ Керенский А. Ф. Декларация прав солдата. М.: Книгоизд-во «Идея», 1917. С. 2–6.

⁴ Керенский А. Ф. Об армии и войне. Пг.: Народная воля, 1917. С. 4–5.

Не превратили. Не выковали. Наоборот, внедряемые в армию извращенно трактуемые принципы демократии разрушали армию. Характерен пример, касающийся генерала Плешкова, который на протяжении всей войны командовал 1-м Сибирским корпусом. По рассказу Гурко, *«отношения между нижними чинами и любимым ими командиром корпуса были здесь необычайно теплы и искренни. Казалось, на таких солдат можно во всем положиться. Однако обнаружения Временным правительством в конце мая так называемых прав военнослужащих оказалось вполне достаточно, чтобы в значительной степени дезорганизовать даже такую крепкую воинскую часть. В начале июля... комитет выразил генералу Плешкову недоверие, обвинив его в излишнем честолюбии и в своекорыстии, вследствие чего генерал был вынужден сдать командование»*¹.

Солдатская масса, уставшая от потерь и тягот фронтового быта, разочарованная поражениями, с энтузиазмом восприняла заигрывания Временного правительства с армией. Быстро потеряв боевые качества, она стала инструментом в борьбе политических сил. Состояние армии в этот период Брусилов охарактеризовал как неуправляемое, неподвластное командирам: *«Корпус офицеров, ничего не понимавший в политике, мысль о которой была ему строжайше запрещена, находился в руках солдатской массы, и офицеры не имели на эту массу никакого влияния; возглавляли же ее разные эмиссары и агенты социалистических партий, которые были посланы Советом рабочих и солдатских депутатов для пропаганды мира “без аннексий и контрибуций”. Солдат больше сражаться не желал и находил, что раз мир должен быть заключен без аннексий и контрибуций и раз выдвинут принцип права народов на самоопределение, то дальнейшее кровопролитие бессмысленно и недопустимо. Это было, так сказать, официальное объяснение; тайное же состояло в том, что взял верх лозунг: “Долой войну, немедленно мир во что бы то ни стало и немедленно отобрать землю у помещика” – на том основании, что барин столетиями копил себе богатство крестьянским горбом и нужно от него отобрать это незаконно нажитое имущество. Офицер сразу сделался врагом в умах солдатских, ибо он требовал продолжения войны и представлял собой в глазах солдата тип барина в военной форме.*

Сначала большинство офицеров стало примыкать к партии кадетов, а солдатская масса вдруг вся стала эсеровской, но вскоре она разобрала, что эсеры с Керенским во главе проповедуют наступление, продолжение союза с Антантой и откладывают дележ земли до Учредительного собрания, которое должно разрешить этот вопрос, установив основные законы государства. Такие намерения совершенно не входили в расчеты солдатской массы и явно противоречили ее вождениям. Вот тут-то проповедь большевиков и пришлась по вкусу и понятиям солдатам. Их совершенно не интересовал Интернационал, коммунизм и тому подобные вопросы, они только усвоили себе следующие начала будущей свободной жизни: немедленно мир во что бы

¹ Гурко В. И. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914–1917. С. 189–190.

то ни стало, отобраение у всего имущественного класса, к какому бы он словию ни принадлежал, всего имущества, уничтожение помещика и вообще барина. Теперь станет вполне понятно, как случилось, что весь командный состав сразу потерял всякое влияние на вверенные ему войска и почему солдат стал смотреть на офицера как на своего врага»¹.

Не только Брусилов, но и другие генералы выражали крайнюю озабоченность. Лукомский, назначенный командующим 1-м армейским корпусом Северного фронта, прибыв к месту службы, обнаружил, что в «хорошем виде еще были артиллерийские и инженерные части, в которых вследствие меньшей убыли во время войны было много кадровых офицеров и солдат. Дисциплина в этих частях еще держалась. Что же касается всех трех пехотных дивизий, то они были на пути к полному развалу»². Брусилов также столкнулся с фактом, когда «вновь сформированная 2-я Кавказская гренадерская дивизия выгнала все свое начальство, грозя убить каждого начальника, который вздумал бы вернуться к ним, и объявила, что идет домой»³.

В развале были виновны не один только Керенский и его политические сподвижники. Разложению армии способствовала и часть офицерства. Генерал Лукомский, по своей службе в Военном министерстве и фронтовых штабах хорошо знавший обстановку в армии, вынужден был констатировать: «В Петрограде, в Военном министерстве с первых же дней революции выделилась группа молодых офицеров Генерального штаба (прозванных “младотурками”), которые, желая выделиться и выдвинуться в период революции, начали проповедовать необходимость радикальной ломки “старых”, отживших и не революционных отношений между офицерами и солдатами; требовали введение всюду комитетов и комиссаров, уничтожение погон и прочее. И в среде более пожилых, и в генеральских чинах, накануне ярых монархистов, появилось много убежденных “республиканцев”. Их прозвали мартовским эсерами»⁴. Многие фронтовые генералы были того же мнения. Деникин сообщает: «Военный совет, состоявший из старших генералов – якобы хранителей опыта и традиций армии, – в Петрограде, в заседании своем 10 марта постановил доложить Временному правительству: “Военный совет считает своим долгом засвидетельствовать полную свою солидарность с теми энергичными мерами, которые Временное правительство принимает в отношении реформ наших вооруженных сил, соответственно новому укладу жизни в государстве и армии, в убеждении, что эти реформы наилучшим образом будут способствовать скорейшей победе нашего оружия и освобождению Европы от гнета прусского милитаризма”»⁵.

Военный министр во Временном правительстве А. И. Гучков по согласованию с начальником штаба Верховного главнокомандующего генералом Алек-

¹ Брусилов А. А. Мои воспоминания. С. 210.

² [Лукомский А. С.] Воспоминания генерала А. С. Лукомского. Т. 1. С. 152.

³ Брусилов А. А. Мои воспоминания. С. 215.

⁴ [Лукомский А. С.] Воспоминания генерала А. С. Лукомского. Т. 1. С. 148.

⁵ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1: Крушение власти и армии (февраль–сентябрь 1917 г.), вып. 1. С. 63–64.

сеевым уволил со службы 150 генералов из числа занимавших высшие командные должности, в том числе 8 главнокомандующих фронтами и командующих армиями, 35 командиров корпусов (из 68) и 75 начальников дивизий (из 240). Это, в свою очередь, вызвало колоссальное перемещение и на более низких должностях. Проводить массовую чистку командного состава, не отказываясь от продолжения войны, было рискованной операцией. Как отметил Лукомский, *«среди старших начальников были действительно такие, которых надо было убрать, но военный министр принялся за это слишком решительно и довольно неосмотрительно»*¹.

Комплекс негативных факторов быстро разрушал армию. Наиболее видимым проявлением этого процесса было массовое дезертирство – 1,5 млн человек за годы войны². При этом следует отметить: размывание морально-политической мотивации самоотверженно воевать не было единственной основой массового дезертирства. На еще одну причину – экономическую – обратил внимание генерал Гурко. Он в своем анализе переживаемых армией трудностей отметил, что сказалась *«реализация экономической реформы, направленной на перевод крестьянства от общинной формы собственности на землю к единоличной, фермерской, и действие, производимое этой реформой на громадные массы русского населения. Достаточно упомянуть, что реформа заставила каждого крестьянина, владеющего землей, зафиксировать новые границы своего надела. В большинстве случаев это влекло за собой необходимость обмена земельных участков, что для большей части крестьянства означало, в конечном счете, перенос на новое место своих подворий. Хотя это едва ли очевидно для чужестранца, такая далеко идущая реформа в очень большой степени затрагивала интересы громадного сельского населения России, которое составляло более 90 процентов подлежащих призыву на военную службу. Указанные обстоятельства на протяжении всех трех военных лет сильнейшим образом влияли на морально-психологическое состояние русской армии. Только твердая дисциплина, привычка к повиновению своим начальникам и врожденный фатализм русского крестьянина заставляли его исправно выполнять свой воинский долг, несмотря на то, что мысленно он при всех обстоятельствах оставался в своей деревне. При этих условиях легко вообразить себе его чувства в период разрастания революции, когда он наконец осознал, что все поддерживавшие его прежде опоры рухнули. Доминирующим в сознании большей части солдат стало неодолимое желание вернуться домой и принять участие в устройстве основ своей будущей хозяйственной жизни»*³. Жертвовать жизнью ради победы для достижения целей, представлявшихся все более расплывчатыми, солдаты больше не хотели, а общее падение дисциплины, последовавшее за на-

¹ [Лукомский А. С.] Воспоминания генерала А. С. Лукомского. Т. 1. С. 149.

² Россия в мировой войне 1914–1918 гг. в цифрах / ЦСУ, Отд. воен. статистики. М.: ЦСУ, 1925. С. 30.

³ Гурко В. И. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914–1917. С. 2.

делением Временным правительством солдат «правами и свободами», создало благоприятные условия для практически безнаказанного дезертирства.

Признавая факт дезертирства и пытаясь найти ему объяснение в экономических побудительных мотивах, Гурко попытался приуменьшить его масштабы: *«Я должен еще упомянуть об упорно циркулировавших как в обществе, так и в среде бюрократии слухах, согласно которым число дезертиров, скрывавшихся по деревням, достигло непомерной величины – от одного до двух миллионов человек... Количество дезертиров в любом случае сильно преувеличено. Конечно, число солдат, прибывших из действующей армии и живущих внутри страны или путешествующих по железным дорогам, временами было огромно; начиная с 1915 года количество нижних чинов, получивших отпуск, колебалось от 2 до 5 процентов списочного состава частей. Следовательно, бывали моменты, когда одновременно в отпуске находилось до полумиллиона солдат. Если добавить сюда выздоравливающих раненых, получивших разрешение перед возвращением в строй посетить свои деревни, и нижних чинов, посланных по служебным делам во внутренние районы страны, то нет ничего удивительного в том, что огромные массы солдат, временно живущих по домам илидвигающихся по железным дорогам, приводили к распространению легенд об огромном числе дезертиров»*¹. Но у него среди современников были оппоненты. Верховский приводит данные председателя военной комиссии Временного комитета Государственной Думы во время Февральской революции Б. А. Энгельгардта: *«Два миллиона сдались в плен и два миллиона находились в бегах»*.

Генерал Деникин в мемуарах затронул тему продолжения войны после перехода власти к Временному правительству. Военное командование должно было руководствоваться опубликованной им 27 марта 1917 г. декларацией о задачах войны, в которой говорилось, цитирует Деникин, о *«полном соблюдении обязательств, принятых в отношении наших союзников»*. Вспомнил Деникин и ноту от 18 апреля министра иностранных дел Милюкова союзным державам с заверением о стремлении *«отразить врага, вторгнувшегося в самые пределы нашей Родины»*. Обстановка для возобновления активных боевых действий была неблагоприятной. По оценке Деникина, *«стремление к победе в народе, в армии не только не усилилось, но шло значительно на убыль, как результат с одной стороны усталости и падения патриотизма, с другой – чрезвычайно интенсивной работы противоестественной коалиции, заключенной между представителями крайних течений русской революционной демократии и немецким генеральным штабом – коалиции, связанной невидимыми, но ясно ощущаемыми психологическими и реальными нитями. <...> ...разрушительная работа, по циммервальдовской программе в пользу прекращения войны»*² нача-

¹ Гурко В. И. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914–1917. С. 145.

² Международная социалистическая конференция, состоявшаяся 5–8 сентября 1915 г. в швейцарской деревне Циммервальд, выступила против Первой мировой войны. В ее ходе В. И. Ленин 4 сентября 1915 г. организовал международную группу революционных социалистов.

лась задолго до революции, исходя как извне, так и изнутри». В связи с распространением антивоенных настроений, как считал Деникин, «идея наступления не могла быть особенно популярной в армии. Развал в войсках ширился все более, и терялась уверенность не только в упорстве наступления, но даже и в том, будет ли исполнен приказ – удастся ли сдвинуть армию с места»¹.

Вопрос, удастся ли сдвинуть армию с места, был более чем уместен. Генерал-лейтенант В. Г. Болдырев, командующий 5-й армией Северного фронта, – один из тех, кто был осведомлен о замыслах верховного командования и непосредственно причастен к их осуществлению². В дневниковых записях, датируемых 27 февраля – 25 октября 1917 г., он рассказал, что происходило в армии между Февральской и Октябрьской революциями. Журнал «Красный архив» опубликовал выдержки из них³. Главный лейтмотив – потеря управляемости армией вследствие полного разложения войск. Записи настолько выразительны, что заслуживают цитирования:

«5.III.1917 г. Пропаганда междоусобий между офицерским составом и нижними чинами распространяется по всему фронту... Только что арестовали начальника гарнизона ген. Ушакова... Войска выведены на парад, о котором я не имел никакого понятия, выведены без оружия в виде какой-то сборной команды... Дошли слухи, что на месте парада собралась огромная толпа, настроение крайне тревожное, ген. Ушакова тащат топить... Вечером опять беспорядки; на улице схватили адм. Коломийцева и на автомобиле буквально потащили под арест. Вот когда почувствовалось, что власть главнокомандующего свелась к нулю. Адмирала, георгиевского кавалера, волокут и оскорбляют солдаты, а главнокомандующий бессилен что-либо сделать. Сила принадлежит солдату, и он проявляет ее так, как указывают ему новые вожди. Одним словом, мы над пропастью анархии»;

«6.III.1917 г. Загорелся революционный пожар в Двинске, где арестовали ген. Безладнова, – все усилия Драгомирова⁴ оказались тщетными... Пожар охватывает все большие и большие районы, причем везде убивают или арестуют, главным образом, комендантов, начальников гарнизонов и командиров частей»;

¹ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1: Крушение власти и армии (февраль–сентябрь 1917 г.), вып. 1. С. 175.

² Болдырев В. Г. (1857–1933). Генерал-лейтенант. После окончания Николаевской академии Генерального штаба и участия в Русско-японской войне стал профессором академии, разработал передовое на то время направление военной теории – применение в боевых действиях автомобильного транспорта. Первую мировую войну начал начальником штаба дивизии. Быстро продвинулся по службе: был командиром полка, генералом для поручений при командующем 4-й армией, генерал-квартирмейстером штаба армий Северного фронта. После Февральской революции 1917 г. назначен командиром 43-го армейского корпуса, затем командующим 5-й армией. Участник Белого движения.

³ [Болдырев В. Г.] Из дневника ген. Болдырева // Красный архив. 1927. Т. 23. С. 250–273.

⁴ Драгомиров А. М. (1868–1955) – с 14 августа 1916 по 29 апреля 1917 г. командующий 5-й армией Северного фронта, затем до 1 июня 1917 г. главнокомандующий армиями Северного фронта.

«17.III.1917 г. Политика охватила и нас... В различных комнатах заседают: офицеры-эсеры, или просто офицеры, офицеры-республиканцы и т. д., и все это без программы без идей»;

«4.VI.1917 г. Был на позиции первой латышской бригады у Гренгофа... оказалось, революция развалила и их – они сплошь большевики и, конечно, за “мир без аннексий и контрибуций”... Последнее крупное событие – отказ 3 сибирской стр. дивизии идти на позиции. Содействие Искосола¹ не привело ни к чему»;

«9.VII.1917 г. 2 Сибирский корпус все еще не может решиться, идти ему или не идти на позиции»;

«25.VII.1917 г. Армия... воевать не хочет, потому что она устала, потому что большевики ее уверили, что война ей не нужна, что это затея капиталистов и буржуев, потому что в ней убила патриотизм идеей интернационализма, потому что, просидев три года в окопах, она сознает несправедливость, видя миллионы бездельников в тылу, обделяющих свои личные делишки и не спешащих сменить ее на фронте. “Душа армии улетела с фронта”, как образно и справедливо заявил ген. Парский»;

«17.IX.1917 г. Из XIX корпуса получил донесение, что какие-то две роты хотят сдать г. Двинск врагу»².

Брусилов также рисует безрадостную картину: *«К маю (1917 г. – И. Ч.) войска всех фронтов совершенно вышли из повиновения и никаких мер воздействия предпринимать было невозможно. Да и назначенных комиссаров слушались лишь постольку, поскольку они потворствовали солдатам, а когда они шли им наперекор, солдаты отказывались исполнять и их распоряжения. Например, VII Сибирский корпус, отодвинутый с позиций в тыл для отдыха, наотрез отказался, по окончании отдыха, вернуться на фронт и объявил комиссару корпуса Борису Савинкову, что бойцы корпуса желают идти для дальнейшего отдыха в Киев; никакие угрозы и уговоры Савинкова не помогли»³. Собственно, и Временное правительство это понимало, Керенский впоследствии писал: «Несмотря на значительное укрепление морального состояния армии и авторитета офицеров среди солдат, немало офицеров разных званий были настроены крайне скептически относительно наступления на той стадии войны»⁴.*

Невзирая на практически потерянную управляемость армией, пришедшее 5 мая 1917 г. к власти первое коалиционное правительство князя Г. Е. Львова, в котором военным министром был Керенский, подтвердило свою готовность продолжать войну. В специально принятой декларации провозглашалось: *«Временное правительство, отвергая в согласии со всем народом всякую мысль о сепаратном мире, открыто ставит своей целью скорейшее достижение всеобщего мира... В убеждении, что поражение России и ее союзников не только явилось бы источником величайших бедствий для народов, но и отодвинуло бы*

¹ Искосол – Исполнительный комитет солдатских депутатов.

² [Болдырев В. Г.] Из дневника ген. В. Г. Болдырева. С. 258–259, 263, 265, 267, 269.

³ Брусилов А. А. Мои воспоминания. С. 214.

⁴ Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. С. 192.

или сделало невозможным заключение всеобщего мира на указанной выше основе, Временное правительство твердо верит, что революционная армия России не допустит, чтобы германские войска разгромили наших союзников на Западе, обрушились всей силою своего оружия на нас»¹.

В соответствии с принятым курсом в июне–июле 1917 г. под общим руководством генерала Брусилова, который с конца мая 1917 г. являлся Верховным главнокомандующим, была предпринята попытка наступления войсками всех фронтов. Главный удар планировалось нанести на Юго-Западном фронте. Северный, Западный и Румынский фронты должны были провести вспомогательные операции. Удачно начавшееся наступление войск Юго-Западного фронта вскоре остановилось: специально сформированные отборные ударные батальоны были выбиты в первых боях, а остальные пехотные части потеряли военный облик, превратились в неуправляемую вооруженную толпу, стали митинговать, обсуждать приказы в «комитетах», отказывались наступать. Наступление было прекращено ввиду невозможности заставить войска идти вперед. Австрийско-германская армия нанесла контрудар, вынудив российские войска отступить. Не добились успеха и войска других участвовавших в наступлении фронтов. Приведенное Керенским донесение командующего 11-й армии генерала Эрдели дает представление о том, что случилось: *«Несмотря на наши успехи, достигнутые 18 и 19 июня, которые могли бы поднять боевой дух солдат и вдохновить их на дальнейшее наступление, в действительности в большинстве полков никакого воодушевления не наблюдалось, а в некоторых возобладало убеждение, что задачу свою они уже выполнили и нет смысла продолжать далее наступление»*. Керенский счел нужным добавить: *«К ссылкам на пораженческие настроения солдат генерал мог бы с полным правом добавить нескрываемое удовлетворение офицеров в ряде полков по поводу того, что наступление выдохлось. Но, быть может, главная причина провала наступления заключалась в том, что если в период блистательного наступления генерала Брусилова в 1916 году ему противостояли австрийские полки, многие из которых были укомплектованы военными служащими из славян, мечтавших сдаться русским в плен, то в 1917 году перед русской армией стояли отборные германские части, поддержанные мощной артиллерией»².*

Провал наступления привел к очередным перестановкам в командовании. Генерала А. Е. Гутора на посту главнокомандующего Юго-Западным фронтом заменил генерал Л. Г. Корнилов. Верховный главнокомандующий А. А. Брусилов тоже потерял должность – 18 июля 1917 г. им стал быстро возвысившийся Корнилов. Но перестановки высшего руководства уже ничего не могли изменить. Сменявшие друг друга главнокомандующие, будь то фронтами, будь то всеми вооруженными силами, стремительно теряли остатки управления войсками.

¹ Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. С. 187–188.

² Там же. С. 199.

РУССКОЯЗЫЧНЫЕ ПЕРЕВОДЫ МЕМУАРОВ И ТРУДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ ВОЕННЫХ И ПОЛИТИКОВ

4.1. Воспоминания военных и политических деятелей

4.1.1. Страны Антанты

В 1920–1930-е годы были переведены и опубликованы зарубежные мемуары и исследования о политических аспектах Первой мировой войны, боевых действиях на суше и на море, крушении монархий и возвышении победителей. Военно-исторические издания ввели в научный оборот многочисленные факты о причинах мирового конфликта, ходе военных действий, подвели итоги войны и определили векторы последующего мирового развития, как их понимали авторы. Воспоминания тех, кто занимал политические и командные посты, снимают завесу с закрытой сферы межгосударственных отношений и внутренней политики, руководства военными действиями, с определяющих судьбы стран и народов решений.

Франция. На русский язык были переведены труды Раймонда Пуанкаре. Он член Французской академии, в 1912 – январе 1913 г. премьер-министр, в 1913–1920 гг. президент Франции, а 1922–1924 и 1926–1929 гг. вновь премьер-министр Французской республики. Был одним из влиятельнейших участников мировой политики. Пуанкаре в труде о происхождении мировой войны представил свой взгляд на конфликты европейских держав и противостояние стран Антанты и Тройственного союза, завершившиеся силовым разрешением европейского политического кризиса¹. Пуанкаре опирается на литературные источники и, главное, на личные воспоминания и документы, к которым по своей должности имел неограниченный доступ и которые использовал в оправдание французских действий. Характеризуя франко-германские отноше-

¹ Пуанкаре Р. Происхождение мировой войны / предисл. И. Н. Бороздина; вступ. ст. М. Н. Покровского. М.: Изд. т-ва «Мир», 1924. 256 с.

ния после войны 1870–1871 гг., он утверждает, что Франция не была во власти идеи реванша и не планировала новую войну. При анализе франко-русских отношений приводит текст военной конвенции 1875 г. и другие относящиеся к ней документы. По поводу значения конвенции Пуанкаре счел нужным подчеркнуть: *«То, что тогда вызывало удовлетворение у людей, стоящих у власти, и радость среди населения, это отнюдь не было, я удостоверяю, тайной надеждой на реванш, – это было законное чувство национальной гордости, это была мысль, что благодаря соглашению между Францией и Россией тревоги 1873, 1875 и 1887 годов¹ больше не возобновятся и что наше спокойствие будет отныне обеспечено»²*. В рассказе о Марокканском кризисе осуждает германский империализм. Аннексия Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины, в оценке Пуанкаре, показала полную неподготовленность России к войне, следствием этого стало признание ею аннексии этих провинций. В последних главах («Трагические дни», «Попытки сохранить мир. Война») Пуанкаре в развязывании войны полностью обвиняет Германию и лично кайзера Вильгельма II, пытается доказать непричастность Франции к войне, утверждая: *«В течение долгих лет ее правительство делало все возможное, чтобы устранить катастрофу, которая готова была разразиться над Европой»³*.

Еще более широкую панораму предвоенных и военных лет Р. Пуанкаре представил в 10 томах мемуаров, первые 4 тома которых освещают события 1912–1914 гг., т. е. предысторию войны, а 5–10-й тома – собственно военных лет. Эти последние были изданы в переводе на русский язык⁴. По форме изложения мемуары Пуанкаре представляют собой хронологические, день за днем, записи. Чтобы было понятнее, вот взятый наугад фрагмент: *«Воскресенье. 23 августа 1914 г. <...> День проходит, а я ничего не знаю о наступлении, на которое главная квартира возглавляла такие большие надежды. Только к девяти часам вечера офицер принес мне сводку для печати и прибавил несколько незначительных деталей. Через полтора часа ко мне пришел полковник Пенелон, и на его лице, обычно веселом и улыбающемся, я с первого взгляда прочел разочарование и тревогу. “Поражение?” – спрашиваю я. – “Да, господин президент”, – отвечает он, не пытаясь скрыть истину, и рассказывает мне, что произошло»⁵*. Разумеется, эта цитата, взятая произвольно, приведена лишь для демонстрации формы подачи материала. Значимость мемуаров Пуанкаре определяет богатство фактического материала, досконально отражающего ход военных действий и отношения между союзниками. Исключительно ценно содержание бесед и переписки с главами стран и правительств, дипломатами

¹ Военно-политические кризисы, возникшие из-за угрозы новой войны между Францией и Германией.

² Пуанкаре Р. Происхождение мировой войны. С. 70.

³ Там же. С. 256.

⁴ Пуанкаре Р. На службе Франции. Воспоминания за девять лет: в 2 кн. / пер. с фр. Ф. Капелюша. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1936. Кн. 1. X, 526, 2 с.; Кн. 2. 426, [1] с.

⁵ Там же. Кн. 1. С. 82, 85.

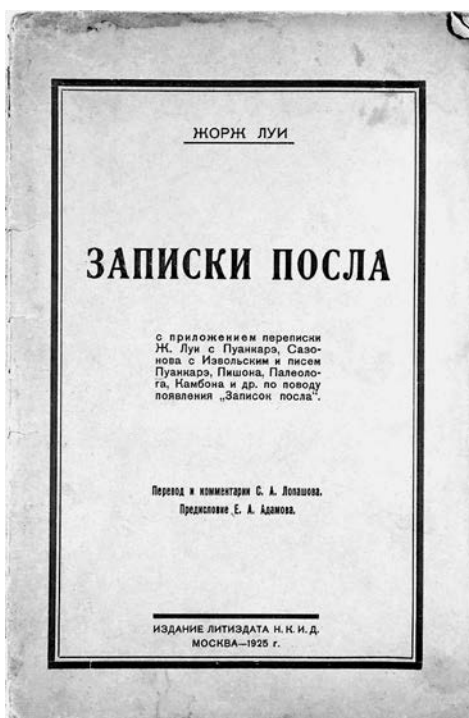
и общественными деятелями, приведенными практически дословно. В книге много аналитики, хотя политические оценки, продиктованные стремлением оправдать действия Франции в различных обстоятельствах, подчас субъективны и далеко не всегда отражают подлинный смысл событий. Тем не менее взгляды и мнения одного из ведущих политических лидеров эпохи не могут не вызывать интерес.

Важным источником по дипломатической истории времени, предшествующего Первой мировой войне, являются записки Жоржа Луи – французского посла в России в 1909–1913 гг.¹ В дневниках дипломата неприглядно выглядят многие – Пуанкаре, Палеолог, Извольский, Сазонов и другие. После смерти автора его сын вывез рукописи в Швейцарию, и они были частично изданы.

Первые публикации вызвали скандал во Франции, так как многие из описываемых фигур совсем не хотели выглядеть виновниками войны. Эти тексты и были переведены на русский язык и изданы в 1925 г.

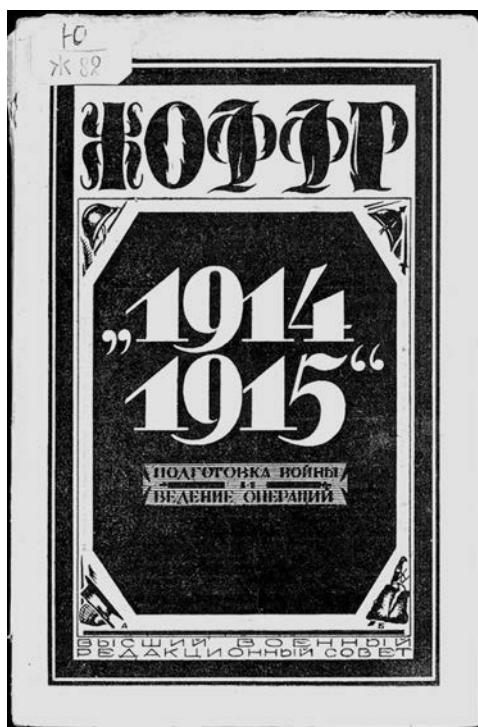
Двумя годами раньше были изданы дневниковые записи о пребывании в России Мориса Палеолога, посла Франции в Петрограде (январь 1914 – июнь 1917). Первая их книга охватывает время от прибытия в Петроград 20 июля 1914 г. президента Французской республики Пуанкаре до 31 декабря 1915 г.; вторая доводит дневниковые записи (в такой форме изданы книги) до февральской революции 1917 г.² Как и следует ожидать от профессионального дипломата, в дневниках внимание посла сконцентрировано на ключевых моментах жизни страны, общества, царского двора, характеристике политических и военных деятелей, разъяснении подоплеки дипломатических переговоров, и все это под углом зрения защиты французских интересов, включая проведение операций на Восточном фронте.

На русском языке изданы мемуары французских военачальников – Жозефа Жоффра, Анри Филиппа Петена, Фердинанда Фоша.

¹ Луи Ж. Записки посла / с прил. переписки Ж. Луи с Пуанкаре и Сазонова с Извольским и писем Пуанкаре, Пишона, Палеолога, Камбона и др. по поводу появления «Записок посла»; пер. и коммент. С. А. Лопашова; предисл. Е. А. Адамова. М.: Литиздат НКВД, 1925. 87 с.

² Палеолог М. Царская Россия накануне революции / пер. с фр. Д. Протопопова и Ф. Ге. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923; *Его же*. Царская Россия во время мировой войны / пер. с фр.; предисл. М. Павловича. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923.

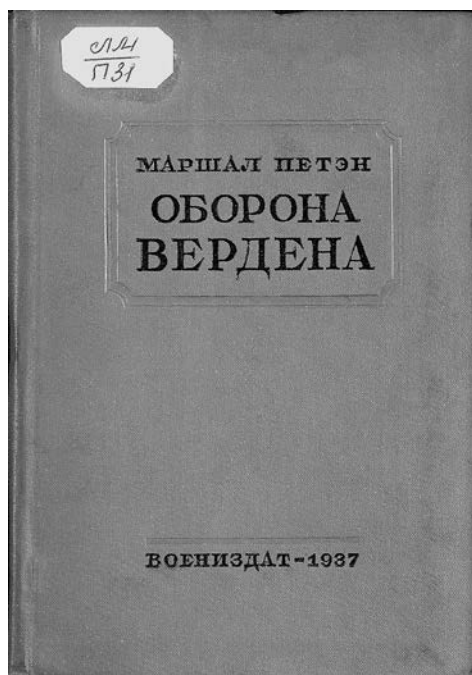
Ж. Жоффри в начале Первой мировой войны был назначен главнокомандующим армиями Севера и Северо-Востока, руководил союзными войсками в сражении на Марне. Назначенный в декабре 1915 г. Верховным главнокомандующим всеми французскими войсками, находился на этой должности до декабря 1916 г., когда был смещен из-за неудач под Верденом и на реке Сомме. Оставил небольшую работу «Подготовка войны и ведение операций»¹, изданную также в переводе на русский язык. В первой ее части на 20 страницах текста раскрыты намерения французского высшего командования по мобилизации и сосредоточению войск и планированию операций в период от начала войны до завершения сражения на Марне, «когда зимой 1915 г. фронт всюду установился». Вторая часть представляет собой подборку документов Главной квартиры. Многие из них, особенно связанные с нарушением бельгийского нейтралитета, вызывают интерес. Известно, что предлогом для вторжения немецкой армии 4 августа 1914 г. в Бельгию было ложное утверждение о переходе бельгийской границы французскими войсками. Французские документы это опровергают. Приводится директива, подписанная Жоффром 5 августа 1914 г. между 7-ю и 8-ю часами утра, разрешающая французским самолетам, дирижаблям и небольшим конным отрядам проникать на бельгийскую территорию с целью разведки, и только в 12 часов 20 минут этого же дня Жоффри

¹ Жоффри Ж. 1914–1915: подготовка войны и ведение операций / пер. с фр. М. Брагинского. М.: Высш. воен. ред. совет, 1923. 66 с.

телеграммой снял ограничения, «т. к. война объявлена»¹. Из этих документов ясно – не французы первыми вторглись в Бельгию.

Маршал А. Ф. Петен возглавлял французские войска, отразившие в 1916 г. германское наступление на Верден. В своей работе «Оборона Вердена»² он показал Верденское сражение как один из поворотных пунктов в ходе войны. Издатели книги в СССР предпослали ей выразительную оценку: *«Автор раз-
вертывает живую и яркую картину упорной борьбы и того необычайного ма-
териального, физического и морального напряжения, какое потребовалось не
только от войск и командования, но и от всей Франции, чтобы довести эту
борьбу до успешного конца»*. Но ценность труда Петена не только в увековечи-
вании героизма и стойкости французской армии, но и в пересмотре устояв-
шихся догм о ненужности долговременных сооружений в позиционной войне. Из опыта Верденского сражения он сделал вывод: *«Долговременные укрепле-
ния сами по себе недостаточны, чтобы остановить противника, но они во
много раз увеличивают силу сопротивления тех войск, которые умеют их
применить»*³. Видимо, Петен был прав: консервация долговременных укреп-
лений на западной границе СССР дорого стоила Советской армии в начале
Великой Отечественной войны.

В 1939 г. были переведены на русский язык и изданы «Воспоминания»
маршала Ф. Фоша, прошедшего путь от командира корпуса в Лотарингии,

¹ Жоффр Ж. 1914–1915: подготовка войны и ведение операций. С. 29–30.

² Петен А. Ф. Оборона Вердена. М.: Госвоениздат, 1937. 84 с.

³ Там же. С. 82.

командующего группой и армией в Марнском сражении, помощника главнокомандующего по северному участку Западного фронта и главнокомандующего всеми вооруженными силами Антанты. Он сам свидетельствует: *«Повествование может охватить весь Западный фронт лишь за последний год войны»*¹, т. е. лично ему принадлежит описание событий только 1914 и 1918 гг. Текст о его роли в руководстве войсками в 1915–1917 гг. составлен редакцией французского издания, чтобы показать, *«какие почти непрерывно восходящие ступени привели его к верховному командованию союзными армиями»*². В книге детально рассматриваются планирование и подготовка союзными войсками операций на Западном фронте, включая накопление резервов и сосредоточение сил, определение направления главных ударов, а затем и их проведение. Освещение Фошем методов боевого управления войсками представляло значительный интерес для своего времени, сейчас книга привлекает в познавательном плане. Так, новым для французской военной литературы было признание Фоша, что русская армия *«своим активным вмешательством отвлекла на себя значительную часть сил и тем позволила нам одержать победу на Марне»*. Фош принимал непосредственное участие в разработке условий перемирия с Германией и 11 ноября 1918 г. в своем штабном вагоне в Компьене подписал соглашение о перемирии. Мемуары содержат подробный рассказ о самих переговорах и относящиеся к ним переписку и документы.

Великобритания. В СССР была издана коллекция мемуаров британских политических деятелей. Среди них военные мемуары в шести томах Дэвида Ллойд Джорджа³, одного из виднейших деятелей Либеральной партии, многие годы находившегося на вершине политической власти (в 1905–1916 гг. в различных кабинетах возглавлял министерства торговли, финансов, вооружений, был военным министром, а в 1916–1922 гг. руководил правительством как премьер-министр). Он от имени Великобритании в 1919 г. подписал Версальский мирный договор. 1-й и 2-й тома (в одной книге) воспоминаний охватывают события с момента заключения в 1904 г. англо-французского соглашения и привлечения Ллойд Джорджа в 1905 г. в правительство Кэмпбелл-Баннермана до заключения Компьенского перемирия. Каждый том русского издания предваряют развернутые «Предисловия», написанные известным советским историком Ф. А. Ротштейном.

Объясняя намерение написать мемуары, Ллойд Джордж отметил: *«Я не претендую на то, что мне известны все факты, но некоторые из них знакомы мне лучше, чем моим современникам. На страницах моих воспоминаний я стараюсь по мере сил точно изложить их. Я вношу свою лепту не как опытный автор, а как свидетель, дающий показания о том, что осталось у него*

¹ Фош Ф. Воспоминания (война 1914–1918 гг.) / пер. с фр. М.: Гос. воен. изд-во, 1939. С. 11.

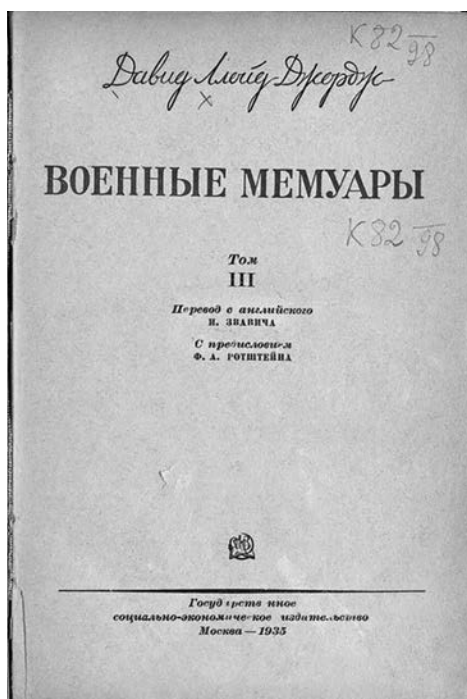
² От французского издателя // Ф. Фош. Воспоминания (война 1914–1918 гг.). С. 197.

³ Ллойд Джордж Д. Военные мемуары: в 6 т. М.: Соцэкгиз, 1934–1938. Т. 1–2. 1934; Т. 3. 1935; Т. 4. 1935; Т. 5. 1938; Т. 6. 1937.

в памяти об этих огромных событиях»¹. В силу положения и роли Ллойд Джорджа в британской правящей элите его свидетельства весьма ценны.

В мемуарах и дополняющем их сборнике речей, произнесенных во время войны, Ллойд Джордж, определяя круг виновников войны, полагает, что Россия не входила в их число: она «*больше всего жаждала мира... И во всяком случае в настоящей войне она не была нападающей стороной. Она хотела мира, она нуждалась в мире и жила бы в мире, если бы ее оставили в покое*»². В какой мере он объективен как свидетель? В той, какая ему представлялась необходимой для создания благоприятного впечатления о его руководстве правительством в самое тяжелое для Англии время. Он утверждает, что конец 1916 г., а именно тогда Ллойд Джордж стал

премьер-министром, «*отмечен наихудшим положением союзников; перспективы были мрачными как со стратегической, так и с дипломатической точки зрения. Три союзные державы – Бельгия, Румыния и Сербия – были совершенно разгромлены; четвертая – одна из великих держав – была фактически выведена из строя. С другой стороны, коалиция центральных держав сохранялась в целостности. Перспективы, стоявшие перед нами, в момент, когда я стал премьером, могли поколебать решимость любого человека или группы людей. В результате ряда ошибок мы отдали одно за другим преимущества союзников – в области материальных ресурсов, потенциальных людских резервов и стратегических возможностей, – пока в конце концов мы не оказались в худшем положении в сравнении с неприятелем как в отношении сил, так и в отношении стратегии. Даже наше превосходство на море находилось все время под нарастающей угрозой*». Положение усугубляли ошибки стратегического руководства: «*Мы должны были довольствоваться тем, чтобы лишь сдерживать немцев на западном фронте, не пытаясь прорваться там; это значило, что тех, кто в дальнейшем был послан на заклание в бесплодных атаках во Франции и Фландрии, следовало послать на поддержку балканской конфедерации для нападения на самый слабый пункт в защите центральных держав; это значило, что часть снаряжения, впусую истраченного во Франции, нужно*

¹ Ллойд Джордж Д. Военные мемуары: в 6 т. Т. 1–2. С. 31.

² Ллойд Джордж Д. Речи, произнесенные в годы войны. Через ужасы к победе! / пер. с англ.; под ред. С. И. Цедербаум. Пг.: Книгоизд-во бывш. М. В. Попова, 1916. С. 61, 90.

было использовать для того, чтобы помочь России и балканским государствам». К тому же «к концу 1916 г. вследствие недостатка военного снаряжения, которое легко могли быть ей доставлены Францией и Англией, Россия почти перестала играть для союзников активную роль в общем балансе. От русской революции нас отделяло лишь несколько недель, а после революции военное значение России для союзников должно было вовсе исчезнуть. Русские солдаты, отчаявшиеся и недовольные, потеряли какую бы то ни было способность к серьезному сопротивлению»¹.

Допущенные просчеты Ллойд Джордж не склонен связывать с действием непреодолимых сил, а объясняет личными качествами высших руководителей: «Не будь войны, правительство Асквита вошло бы в анналы мудрого, плодотворного и счастливого управления в качестве одного из лучших правительств нашей страны». Но требованиям войны Асквит не соответствовал: «Можно вообще сомневаться в его пригодности для роли министра в величайшей из войн, известных мировой истории... его полная неспособность выполнять эту ответственную задачу при данных обстоятельствах не могла возбуждать сомнений и споров». Морской министр Великобритании в 1915 г. и министр без портфеля в 1917–1918 гг. Эдуард Карсон «не имел ни природных дарований, ни опыта, создающих хорошего администратора»². Верховный главнокомандующий союзными войсками Жозеф Жоффр «был человек, обладавший непреклонной волей, безграничной уверенностью в себе и лишь посредственными умственными способностями», «если бы его умственные способности соответствовали его силе воли, он был бы крупнейшим деятелем войны»³. На этом фоне сам Ллойд Джордж выглядит куда как выигрышнее. Не считая возможным самому выпячивать свою компетентность, он предоставляет такую возможность другим. «Один старый товарищ времен войны, – пишет Ллойд Джордж, – напомнил мне, что я был единственным государственным деятелем, стоявшим у власти с момента объявления войны до подписания мира... Нет никого (и я часто вспоминаю об этом с ужасом), кто был бы так интимно знаком с вопросами руководства войной, как я»⁴.

В третьем томе мемуаров Ллойд Джорджа наряду с вопросами войны и международных отношений, ключевым событием которых стало вступление США в войну, много места уделено русской революции. Ее описание он предпочел начать в мифологическом стиле: «Затем наступил потоп. Русский ковчег не годился для плавания. Этот ковчег был построен из гнилого дерева, и экипаж был никуда не годен. Капитан ковчега способен был управлять увеселительной яхтой в тихую погоду, а штурмана избрала жена капитана, находившаяся в капитанской рубке. Руль захватила беспорядочная толпа советни-

¹ Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. Т. 1–2. С. 670, 672.

² Там же. С. 656–657, 663.

³ Там же. Т. 3. С. 283.

⁴ Там же. Т. 1–2. С. 30–31.

ков, набранных из Думы, советов солдатских матросских и рабочих депутатов, политических организаций всех мастей и направлений, которые растратывали большую часть времени и сил на споры о том, куда направить ковчег, пока в конце концов ковчег не был захвачен людьми, которые хорошо знали, куда его вести»¹. Не составляет труда в этом изображении узнать Николая II, его жену Александру Федоровну и прочих. Далее следует пространное, на 22 страницах, описание событий в России вплоть до провала намерения эвакуировать царскую семью за пределы страны, в чем, по утверждению Ллойд Джорджа, Англию винить нельзя: само русское правительство не было готово отпустить царя. Другого от него как премьер-министра в то время трудно было ожидать.

Ллойд Джордж не только показывает видимые и закулисные стороны международной жизни и военных действий, но и высказывает свои взгляды на внутрисполитическую ситуацию в самой Англии. Он обращает внимание на необходимость принятия в интересах обороны чрезвычайных мер: «Мы поставили рабочих и работодателей под государственный контроль в невиданных еще и притом революционных формах. Государство присвоило себе в промышленности верховное право управления, контроля, ограничений; оно могло даже упразднить отдельные отрасли промышленности, если того требовали национальные интересы»². Это не исключило подъема в 1917 г. волнений среди рабочих. Ллойд Джорджа удивило не то, что волнения широко разлились по стране, а то, что они на фоне всеобщего мирового хаоса, рухнувшей России, мятежей во французских войсках, восстания в германском флоте не приняли еще более широких размеров.

Ллойд Джордж доводит изложение до конца войны, и ее итог ему совсем не кажется радостным: «Война не оправдывает затрат. Она губит обе стороны. Гибель десяти миллионов и неполноценность еще двадцати миллионов лучших людей поколения – слишком большая цена, это слишком большие издержки в судебном процессе, который должен был установить ответственность и кару за убийство двух лиц, как бы высоко они ни стояли на лестнице рангов. Если к этому добавить пятьдесят миллиардов фунтов стерлингов, истраченных на убийства и опустошения, полную разруху во внешней торговле всего мира, безработицу в невиданных еще размерах, крушение демократии в большей части Европы, обострение международных распри, которые грозят ввергнуть мир в еще большую катастрофу, – мы должны прийти к заключению, что война слишком дорогой и слишком варварский метод разрешения споров между нациями на земле»³.

Огромное количество фактического и документального материала, личных свидетельств и наблюдений позволяет характеризовать мемуары Ллойд Джорджа как первоклассный источник по истории Первой мировой войны.

¹ Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. Т. 3. С. 372.

² Там же. Т. 4. С. 137.

³ Там же. Т. 6. С. 25.

Библиотеку внешней политики пополнили мемуары британских послов: в Париже – Ф. Берти¹ и в Петрограде – Дж. Бьюкенена².

Френсис Берти снискал имя как один из виднейших британских дипломатов «викторианской эпохи». Начав службу в 1863 г., прошел все ее ступени. Вершиной его карьеры стали должности посла в Италии с 1903 по 1905 г. и Франции с 1905 по 1918 г. Происходившие события он фиксировал в обычных для посла текущих дневниковых записях. Часть из них, начинающихся 26 июля 1914 г. и заканчивающихся 19 июля 1919 г., т. е. отражающих время Первой мировой войны, Берти опубликовал. Ценность его записей не столько в обычно скрытых от непосвященных деталях дипломатии, сколько в оценках важнейших событий и изложении

мотивов лиц, принимавших решения. Он защищает официальное обоснование вступления Англии в войну: собственных интересов она не преследовала, но Германия грубо нарушила международные договоры и вторглась в Бельгию, нейтралитет которой наряду с другими был гарантирован и Англией, поэтому Бельгию надо было защитить. Однако Берти раскрыл и более далекие цели: *«У нас, думается мне, надеются, что французы выиграют войну без нашей помощи. Но если это случится, а это сомнительно, то с нами мало будут считаться при заключении мира по окончании войны; а если немцы окажутся в роли завоевателей, какова будет тогда наша судьба?»*³ Другими словами, место Англии в мире после войны и будут ли с ней считаться при переделе территорий – вот тот мотив, которым руководствовались, решая вопрос о вступлении в войну. Что же касается виновников войны, то это Россия: *«Я не думаю, что германский император и его правительство желают войны. Однако, если российский император станет поддерживать абсурдную и устаревшую пре-*

¹ Берти Ф. Л. За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже (1914–1919 гг.) / пер. Е. С. Берлович. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. 232 с.

² Бьюкенен Дж. Моя миссия в России. Воспоминания дипломата / пер. с англ. Д. Я. Блох. Берлин: Обелиск, 1924. Т. 1–2; *Его же*. Мемуары дипломата. Со ст. А. Керенского «Временное правительство и царская семья» / пер. с англ. С. А. Алексеева и А. И. Рубена; предисл. В. Гурко-Кряжина. М.: Гос. изд-во, 1924; 2-е изд. М.: Гос. изд-во, 1925. 311 с.

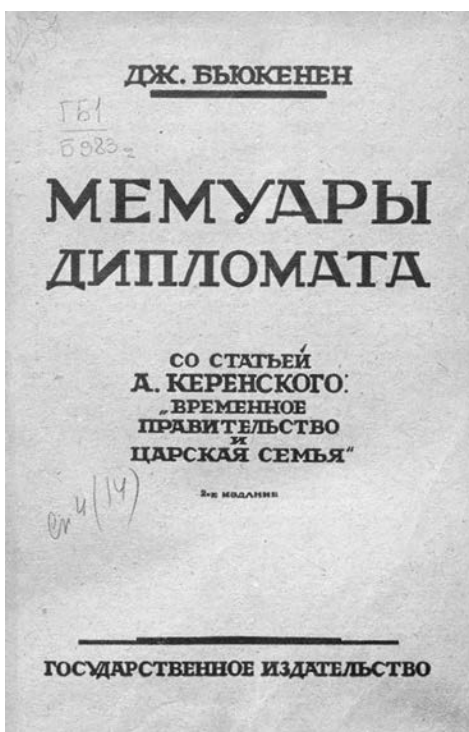
³ Берти Ф. Л. За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже (1914–1919 гг.). С. 21.

тензию России на роль покровительницы всех славянских государств, как бы плохо они ни вели себя, война станет вероятной. Германия обязана будет поддержать Австрию, а Франция должна будет помочь России»¹.

На протяжении 1910–1918 гг. послом Великобритании в России был Джордж Бьюкенен. Не будет преувеличением сказать, что Бьюкенен находился в центре событий, связанных с узлом противоречий на Балканах и нарастанием европейского кризиса международных отношений, вылившегося в Первую мировую войну. Он поддерживал тесные контакты со многими активными участниками и организаторами Февральской революции, следил за ходом Октябрьской революции в России. Бьюкенен много о чем знал и оставил воспоминания, подавляющая часть которых посвящена балканскому кризису, выразившемуся в двух войнах 1912–1913 гг. и «российскому» периоду посольской службы. В балканских событиях Бьюкенен, по его словам, «обозрел все последовательные фазы этого кризиса: сербско-болгарский союзный договор 1912 г.; образование балканской федерации; первую балканскую войну, столкновение австрийских и русских претензий, едва не вовлекшее в конфликт всю Европу; заключение мира на условиях, представлявших триумф славянского дела, и последовавшую затем безумную ссору балканских союзников из-за добычи; вторую балканскую войну и бухарестский мир, уничтоживший все, что было достигнуто после первой войны». Относительно своих наблюдений о развитии июльского кризиса 1914 г. Бьюкенен утверждает: «Я опроверг... обвинения некоторых германских писателей и показал всю необоснованность их представлений о том, что будто Россия желала войны, а мы ее к тому побуждали, обещая нашу вооруженную поддержку. Что касается самой войны, то я касался течения военных операций лишь затем, чтобы показать их влияние на внутреннее положение, в особенности после того, как армия, оставленная почти без защиты перед неприятелем, терпела в 1915 году поражение за поражением»².

¹ Берти Ф. Л. За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже (1914–1919 гг.). С. 18.

² Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. Со ст. А. Керенского «Временное правительство и царская семья». С. 22–23.

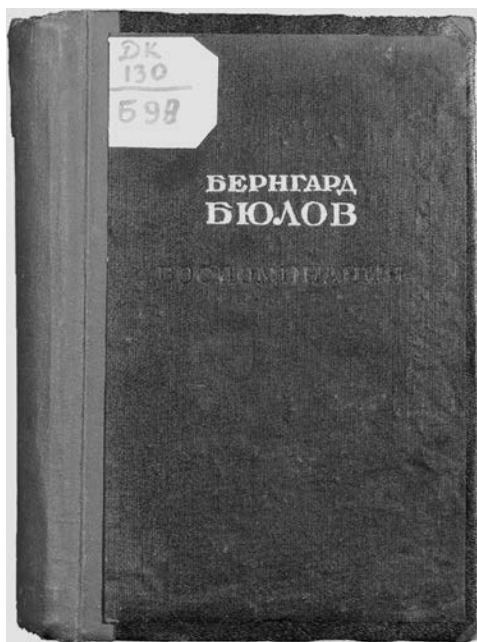

4.1.2. Страны блока Центральных держав

Германия. Коллекция мемуаров германских политических и военных деятелей в русскоязычных изданиях достаточно велика, разнообразна по тематике и масштабам освещавшихся событий. Незадолго до начала мировой войны рейхсканцлер Германии Бернгард фон Бюлов издал труд «Внешняя политика Германии». На российском книжном рынке эта работа появилась в 1915 г., когда в Одессе был издан сокращенный перевод этой книги¹. В Петрограде книга вышла целиком в издательстве «Освобождение» под названием «Державная Германия»². В 1917 г. появился ее новый перевод³. Б. Бюлов затрагивает многие проблемы внутренней жизни Германии, такие как национальный дух и политические партии, государственное хозяйство, политика на восточных землях. Что касается внешней политики, то и здесь Бюлов поднимает множество тем: Германия как мировая держава и характер германской мировой политики; необходимость военного флота и его строительство; взаимоотношения Германии с Англией, США, Японией, Турцией, Россией, Францией; Тройственный союз; Антанта; боснийский кризис; марокканский вопрос; польский вопрос.

Каждая из них имела ключевое значение для мировой истории.

Опубликованы и мемуары Б. Бюлова⁴. Печатаая их в 1935 г., советские издатели исходили из того, что воспоминания канцлера Германской империи в 1900–1909 гг., а затем, в 1914–1915 гг., посла в Италии являются важным источником по истории Германии и международных отношений. Мемуары дают возможность судить об оценке Бюловым всех ключевых событий международной политики периода его канцлерства и роли в них политических лидеров европейских стран. Бюлов откровенен в характеристиках, в его мемуарах «Вильгельм II больше прислушивался к голосу своего тщеславия... нежели руководствовался государственными

¹ Бюлов Б. Внешняя политика Германии / пер. под ред. и с предисл. прив.-доц. П. Бицилли. Одесса: А. А. Ивасенко, 1915. 75 с.

² Бюлов Б. Державная Германия: Обзор политических и государственных стремлений Германии за последнее десятилетие / пер. с англ. М. И. Брусняниной. Пг.; М.: Освобождение, 1915. 240 с.

³ Бюлов Б. Германская политика / пер. В. Я. фан дер Флита. Пг.: [б. и.], 1917. 266 с.

⁴ Бюлов Б. Воспоминания / под ред. и с предисл. В. М. Хвостова. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1935. 562 с.

соображениями или требованиями политической мудрости и разума... Вильгельм II столь же мало был пригоден для ведения и контролирования нашей политики, как и для военного командования во время какой-нибудь войны. Что он считал себя высоко компетентным в обеих этих областях, свидетельствует, к сожалению, лишь о неправильности его суждения. Когда он отставил графа Альфреда Вальдерзее от должности начальника генерального штаба... он в припадке самомнения, как мне об этом рассказывал сам Вальдерзее, сказал ему свысока, что ему, Вильгельму II, не нужно никакого начальника генерального штаба, потому что во время войны он сам будет руководить войсками, и сам будет все решать, как это делал Фридрих Великий, а в мирное время ему достаточно иметь просто интеллигентного лакея»¹. В действительности же, заключает Б. Бюлов, ему в высшей степени необходим был учитель, советник и руководитель, который был бы всегда на своем посту и умел бы держать его в руках; ему нужен был опекун, который направлял бы его на верный путь. И это не единственное критическое замечание.

На русском языке вышли мемуары Теобальда фон Бетман-Гольвега, в 1909–1917 гг. канцлера Германии². В изображении Бетман-Гольвега император Вильгельм II хотел видеть германский народ сильным и могущественным, но миссия Германии должна быть миссией труда и мира. Его, Вильгельма II, «неустанной заботой было, чтобы этот труд и этот мир не были нарушены подстерегающими нас со всех сторон опасностями»³. Бетман-Гольвег уверяет: «Явный вымысел, будто бы Германия вызвала войну... германская политика не использовала многих относительно более благоприятных случаев вызвать войну, но каждый раз искала и находила мирное разрешение вопроса». Но вместе с тем России присуще стремление овладеть проливами (Босфором и Дарданнелами), хотя бы ценой войны⁴. Написавший предисловие к мемуарам В. А. Гурко-Кряжин, на тот момент редактор журнала «Новый Восток», охарактеризовал мемуариста как

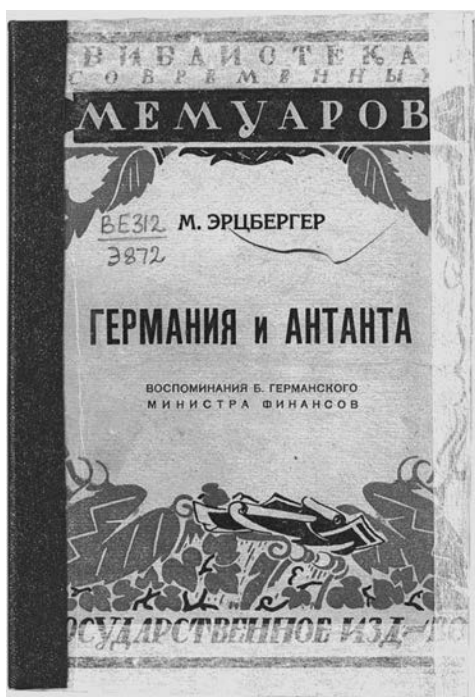

¹ Бюлов Б. Воспоминания. С. 387–388.

² Бетман-Гольвег Т. Мысли о войне / пер. с нем. В. Н. Дьякова; предисл. В. Гурко-Кряжина. М.; Л.: Гос. изд-во, 1925. 120 с.

³ Там же. С. 8.

⁴ Там же. С. 65, 113–114.

неспособного, растерявшегося политического деятеля, провалившегося в своей политике компромиссов.

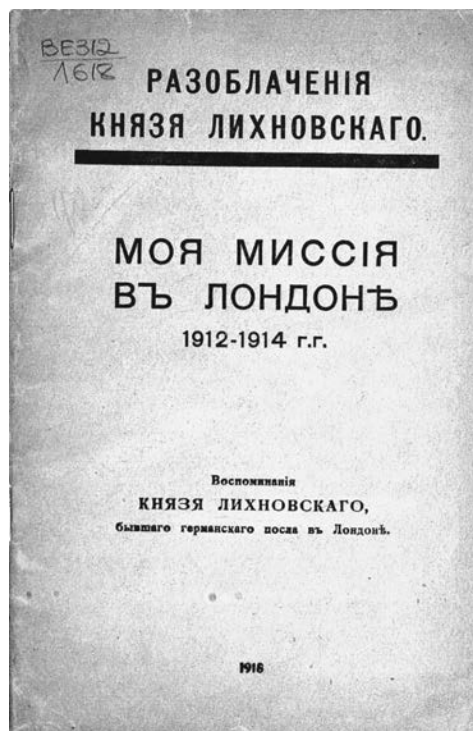
Представляют интерес воспоминания Маттиаса Эрцбергера¹. До начала Первой мировой войны он руководил пропагандой Германской империи за рубежом, в 1918 г. в качестве главы немецкой делегации поставил подпись под Компьенским перемирием, а в 1919–1921 гг. являлся министром финансов Веймарской республики. Его мемуары отличаются глубоким погружением в политическую жизнь Германии и осведомленностью автора о скрытых сторонах международных отношений, что позволило ему высказать свои суждения относительно места и роли в событиях военных лет многих стран – Ватикана, Бельгии, Австрии, Италии, Турции, внутренних проблем ряда других стран и территорий, в том числе Болгарии, Румынии, Польши, Литвы, Армении. Среди многих тем – и переход Германии к парламентскому режиму. Показан ход принятия решений по таким ключевым моментам, как объявление подводной войны и вступление в войну США. Много внимания уделено переговорам в Брест-Литовске, перемирию в Компьене и пути к заключению мира.

Книга германского посла в России в 1907–1914 гг. Фридриха Пурталеса охватывает всего 8 дней лета 1914 г.: от 24 июля – дня предъявления Австро-Венгрией ультиматума Сербии до 1 августа, когда Германия объявила войну

¹ Эрцбергер М. Германия и Антанта: мемуары / пер. с нем. Е. Федотовой; вводн. ст. В. Кряжина «Крушение германского империализма». М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. 356 с.

России¹. В ней Пурталес день за днем приводит всю российско-германскую переписку этого краткого, но решающего периода, в том числе германскую ноту об объявлении войны. Своим трудом Пурталес стремился доказать, «что руководящие русские круги вели дело к войне, и что за спиною у царя они приступили к общей мобилизации русской армии как раз в тот момент, когда, благодаря посредничеству Германии, открылись благоприятные виды мирного улаживания конфликта. Таким образом, общая мобилизация в России явилась сознательным и намеренным вызовом Германии, которая не хотела войны, вызовом, имевшим целью добиться войны, которой в противном случае еще, может быть, представлялось бы возможным избежать»².

В предвоенные 1912–1914 гг. послом Германии в Великобритании был князь Карл Макс Лихновский, принадлежавший к знатному и богатому роду, представители которого входили в высшую элиту страны. Сам Лихновский, по его словам, пользовался постоянным расположением императора. Начав военную службу, дослужился до чина майора, но оставил армию и перешел в дипломатическое ведомство. После нескольких лет работы счел неудовлетворительным свое положение поверенного в делах при австро-венгерском императоре и в 1904 г. вышел в отставку. Это не помешало ему в 1912 г. стать послом в Лондоне. Принадлежность к кругу тех высших чиновников, которые были самым тесным и непосредственным образом причастны к осуществлению внешнеполитического курса, дала Лихновскому знание во всей полноте и глубине стратегических намерений и расчетов руководства своей страны. Он затрагивает многие события международной жизни, характеризует английских политических деятелей, с которыми общался в силу служебных обязанностей. Но наиболее интересны в его мемуарах оценки внешнеполитического курса Германии. Далеко не все решения Берлина К. М. Лихновский разделял, многие подходы к разрешению кризисных ситуаций считал ошибочными. Политику Тройственного Союза он вообще назвал безумной и показал, почему она заслуживает такой оценки: «*1. Мы по-*

¹ Пурталес Ф. Между миром и войной: Мои последние переговоры в Петербурге в 1914 году / пер. с нем. М. Алексеева; предисл. В. Кряжина. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. 80 с.

² Там же. С. 18.

ощряли гр. Бертольда¹ напасть на Сербию, хотя этого не требовали германские интересы, и нам была известна опасность мировой войны... 2. В дни между 23 и 30 июлем 1914 года, когда Сазонов определенно заявил, что Россия не потерпит нападения на Сербию, мы отклонили английское предложение посредничества, хотя Сербия, под давлением России и Англии, приняла ультиматум почти целиком, и хотя соглашение по поводу обоих спорных вопросов было легко достижимо, и даже гр. Бертольд был готов удовлетвориться сербским ответом. 3. 30 июля, когда гр. Бертольд хотел прийти к соглашению, и, несмотря на то, что на Сербию еще никто не напал, мы в ответ на мобилизацию в России послали в Петроград ультиматум, а 31 июля объявили русским войну, несмотря на то, что царь своим словом гарантировал, что он не позволит двинуться ни одному человеку, пока ведутся переговоры. Таким образом мы сознательно уничтожили возможность мирного разрешения конфликта. После этого нечего удивляться, что ввиду таких бесспорных фактов вне Германии весь культурный мир считает нас виновниками мировой войны»².

Лихновский написал мемуары в 1916 г., он не предназначал их для печати и лишь конфиденциально познакомил узкий круг приближенных. Этим объясняется их предельная откровенность.

Оставили воспоминания высшие военачальники кайзеровской Германии. Старший сын германского императора Вильгельма II, кронпринц, т. е. наследник императорского германского и королевского прусского тронов, по имени тоже Вильгельм, активно участвовал в Первой мировой войне. Уже 2 августа 1914 г. он был назначен командующим 5-й армией. В 1916 г. командовал войсками в Верденском сражении, будучи командующим группой армий «Кронпринц Вильгельм». В связи с поражением Германии и падением монархии Гогенцоллернов 1 декабря 1918 г. отрекся от прав на трон. Оставил мемуары, вскоре после войны переведенные на русский язык³.

Мемуары кронпринца Вильгельма повествуют и о действиях войск, которыми он командовал, и о последних днях Германской империи и отречении Вильгельма II. Кронпринц не был причастен к выработке стратегических внешнеполитических решений и не касался процесса их принятия. Но как высокопоставленный военачальник прекрасно ориентировался в положении на фронте, и его суждения о германской армии весьма профессиональны. Кронпринц Вильгельм высочайшим образом оценивает роль начальника Главного полевого штаба генерал-фельдмаршала Гинденбурга и генерал-квартирмейстера его штаба генерала Людендорфа в руководстве армией. В глазах кронпринца Вильгельма Гинденбург – идеал военного вождя, символ германских побед,

¹ Леопольд фон Бертольд – в 1912–1915 гг. министр иностранных дел Австро-Венгрии.

² Лихновский К. М. Моя миссия в Лондоне. 1912–1914 гг. Воспоминания князя Лихновского, бывшего германского посла в Лондоне / пер. с нем.; под ред. и с предисл. Н. Нордмана. Б. м.: [б. и.], 1918. С. 34, 36–37.

³ Воспоминания кронпринца Вильгельма: на основании заметок, документов, дневников и бесед составил Карл Роснер. Берлин: Слово, 1922. 302 с.

Людендорф – один из самых выдающихся немецких военачальников. Как пишет кронпринц, «гармоническое их единение, оставаясь всегда неколебимым, создало сильную волю, руководимую одной целью». Вильгельм соотносит и место каждого в этом тандеме: «Уже и во время войны было распространено мнение, – теперь оно имеет еще больше сторонников, – что генерал-фельдмаршал за время своей деятельности на верховном военном посту рядом с генералом Людендорфом, бывшим подлинным *spiritus rector* (духовным наставником. – И. Ч.) верховного военного командования, играл большие декоративную роль. Этот взгляд я, зная прекрасные отношения между обоими вождями, должен назвать ошибочным. Во всяком случае он совершенно неправилен по отношению к тому времени, когда генерал-фельдмаршал еще был в полном обладании своими физическими силами»¹.

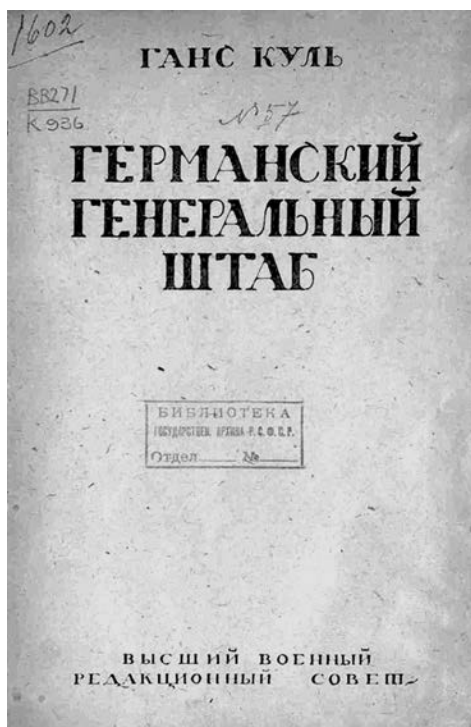
В ряду мемуаров заметное место занимают работы Эриха фон Фалькенгайна. Одна из них – «Верховное командование 1914–1916 гг. в его важнейших решениях» – была переведена на русский язык. Автор занимал ключевые посты в военной иерархии Германии – военного министра в 1913–1914 гг. и начальника Генерального штаба в 1914–1916 гг., что дало возможность ему с глубоким знанием дела показать действия немецкого высшего военного командования по руководству операциями 1914–1916 гг. на Восточном и Западном фронтах². В Германии книга Фалькенгайна вышла в августе 1918 г., т. е. сразу после войны, так что он основывал свои суждения не только на бумагах, как это часто бывает у мемуаристов, но и на личных воспоминаниях, а память Фалькенгайна знавшие его хвалили. Русский генерал-лейтенант и командир корпуса в годы войны, а в советское время начальник Академии Генерального штаба РККА и военный теоретик А. Е. Снесарев отметил, что в мемуарах Фалькенгайна «должны видеть очень своеобразный, оригинальный и ценный труд, который придется поставить выше многих военных трудов, относящихся к мировой войне»³. Попутно стоит заметить, что о работе германского Генерального

¹ Воспоминания кронпринца Вильгельма; на основании заметок, документов, дневников и бесед составил Карл Роснер. С. 181–182.

² Фалькенгайн Э. фон. Верховное командование 1914–1916 гг. в его важнейших решениях: [мемуары] / пер. с нем. М.: Изд-во Высш. воен. ред. совета, 1923. 280 с.

³ Снесарев А. Предисловие к русскому переводу // Э. фон Фалькенгайн. Верховное командование 1914–1916 гг. в его важнейших решениях. С. 8.

штаба как высшего руководящего органа армии есть и другие труды в переводе на русский язык. Автор одного из них Ганс Куль проработал в Генеральном штабе в общей сложности 22 года, т. е. имел полное право сказать: *«В моих воспоминаниях я исхожу главным образом из личных переживаний и опыта»*¹.

Генерал-фельдмаршал Пауль фон Гинденбург, с конца августа 1916 г. начальник Генерального штаба, фактически главнокомандующий вооруженными силами Германии (номинально им был германский император Вильгельм II), также оставил мемуары, в сокращенном виде в 1922 г. изданные на русском языке². Повествование о службе на высших должностях в германской армии он начал с момента назначения в августе 1916 г. на должность начальника Генерального штаба германской армии. По его оценке, военное, политическое

и экономическое положение Германии к этому времени значительно ухудшилось: *«Верден не попал в наши руки, не осуществилась также надежда на уничтожение французской армии сильным орудийным огнем. Все менее вероятным становился здесь успех нашего наступления... На востоке русское наступление дошло до самого гребня юго-восточных Карпат, этой последней защиты Венгерской страны... Австро-венгерское наступление со стороны южного Тироля должно было быть остановлено ввиду поражения на галицийском фронте. Итальянцы также перешли в наступление на фронте Изонцо. Эти бои поглощали большое количество австро-венгерской армии... Начатое болгарами в Македонии наступление должно было остановиться после первых успехов... В это время успех всюду был на стороне наших противников... Длительность боев на всех фронтах обширного театра войны вызвала такой колоссальный расход патронов и оружия, который мог стать для нас непосильным»*.

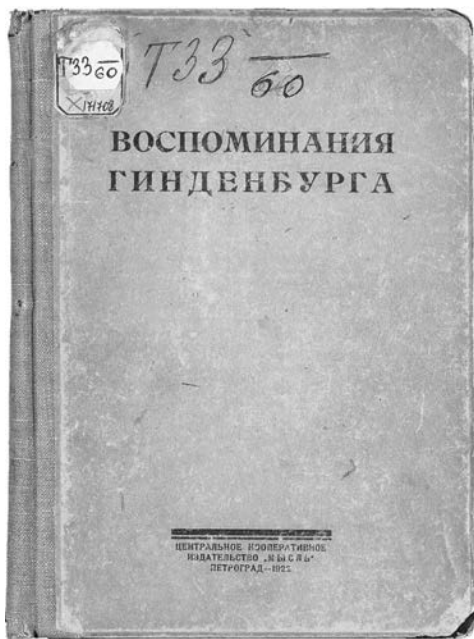
Слабость политического положения страны Гинденбург усматривал в том, что Германия не имела силы удержать союзные государства, поскольку *«эти государства не были связаны с нами свободной волей или страхом за свое су-*

¹ Куль Г. Германский Генеральный штаб: его роль в подготовке и ведении мировой войны / пер. с нем.; под ред. К. Берендс; РСФСР, Высш. воен. ред. совет. [М.]: Гос. изд-во, 1922. С. 4.

² [Гинденбург П.] Воспоминания Гинденбурга / сокращ. пер. с нем. Л. Щегло. Пг.: Мысль, 1922. 120 с.

ществование». Гинденбург констатирует, что «самой трудной задачей для высшего командования было не проведение больших операций, а примирение различных интересов отдельных союзников». Характеризуя австро-венгерскую армию, генерал-фельдмаршал отмечает, что в результате сражений в Галиции и Польше «русское войско после испытанных тогда потерь оправилось, а австро-венгерское – никогда. Напротив, храбрость и предприимчивость австро-венгерских войск сильно поколебалась под влиянием нанесенного им русскими поражения. Все попытки высшего австро-венгерского командования восстановить положение встречали непреодолимые препятствия». Обобщая, Гинденбург заключает: «В человеческих ли силах вызвать новый национальный подъем и возбудить жажду борьбы в народе после того, как поколеблено его доверие к своим силам?»¹

В своих внешнеполитических ориентирах Гинденбург исходил из опасности для Германии независимой Польши: «Только при отсутствии патриотического инстинкта и знания хода политического развития можно было бы не видеть в возрождении Польши большой опасности для моей родины... Никогда чувство благодарности, поскольку оно вообще может быть признано в политике, не удержало бы восстановленную Польшу от взрыва в пограничных с нами областях». Вызывали опасения территориальные требования Болгарии: «При заключении нашего союза мы в свое время дали широкие обещания Болгарии увеличить ее территорию и присоединить к ней прежние области, – обещания, которые мы могли выполнить только в случае полной победы. Болгария, однако, не удовлетворилась этими обещаниями. Она беспрерывно увеличивала свои претензии, совершенно не задумываясь – может ли она, как маленькое государство, в политическом и хозяйственном отношении справиться с новыми задачами, которые поставит перед ней увеличение территории». Сложную проблему для стран германского блока создала Турция. По словам Гинденбурга, с одной стороны, «изумительное возрождение турецкой военной силы и героизм, с каким велась борьба за существование», но с другой – «самые темные стороны турецкого государства: я говорю о действиях против армянской части населения. Армянский вопрос заключал в себе одну из труднейших проблем для Турции... Способ раз-

¹ [Гинденбург П.] Воспоминания Гинденбурга. С. 3, 5–6, 8.

решения этих проблем турецкими фанатиками занимал весь мир во время войны. Нас, немцев, хотели связать с жестокостями, происходившими во всей Турции»¹. Гинденбург уверяет, что Германия пыталась вмешаться, но ее старания не увенчались успехом.

В полной мере поддержал Гинденбург объявленную Германией неограниченную подводную войну: *«Мы должны желать проведения подводной войны по общим военным соображениям»*. Нарушение снабжения неприятельских армий сырьем и предметами первой необходимости, полагал Гинденбург, должно было поставить страны Антанты перед дилеммой: *«...или протянуть нам руку для примирения, или потерять свое положение в мировом хозяйстве... Подводная война должна была определить ход войны. Даже больше – в начале 1917 года это было единственным средством, которое мы могли применить, чтобы победоносно окончить войну»*. Расчет на победный результат подводной войны не оправдался, но Гинденбург оправдывает риск, на который пошло военное руководство Германии: *«Почти все решительные шаги... связаны с большим риском. Величие какого-нибудь дела главным образом и заключается в величине ставки. Если полководец ведет в бой свои последние резервы, то он совершает только то, что в праве требовать от него родина, то есть он смело берет на себя полную ответственность за последний решительный шаг, без которого не может быть достигнута победа»*².

Февральская революция 1917 г. в России поставила перед германским командованием вопрос о ситуации на Восточном фронте. Гинденбург не скрывает сомнений, препятствовавших принятию решения о дальнейших военных действиях, отвечавшего новым военно-политическим реалиям: *«Было ли свержение царя победой мирных или воинственных стремлений? <...> Пока поведение русского войска не давало ясного ответа на этот вопрос, наше положение по отношению к России оставалось неопределенным. Русское государство было несомненно охвачено процессом разложения... Наш план с самого начала состоял в том, чтобы не мешать событиям»*³.

События же развивались таким образом, что 18 июня 1917 г. началось последнее в Первой мировой войне наступление российской армии. Основной удар нанесли войска Юго-Западного фронта, Северный, Западный и Румынский фронты провели вспомогательные операции. Несмотря на личное участие в подготовке военного министра А. Ф. Керенского и сосредоточение значительных сил – превосходство над противником в пехоте было в 3, а в артиллерии в 2 раза, наступление не привело к успеху и 14 июля 1917 г. было остановлено. 19 июля началось немецкое контрнаступление.

Пришедшие к власти в России в результате Октябрьской революции Советы, руководимые РКП(б), взяли курс на заключение мира. Германии это дало дополнительные возможности для концентрации сил на Западном фронте.

¹ [Гинденбург П.] Воспоминания Гинденбурга. С. 27, 29–31.

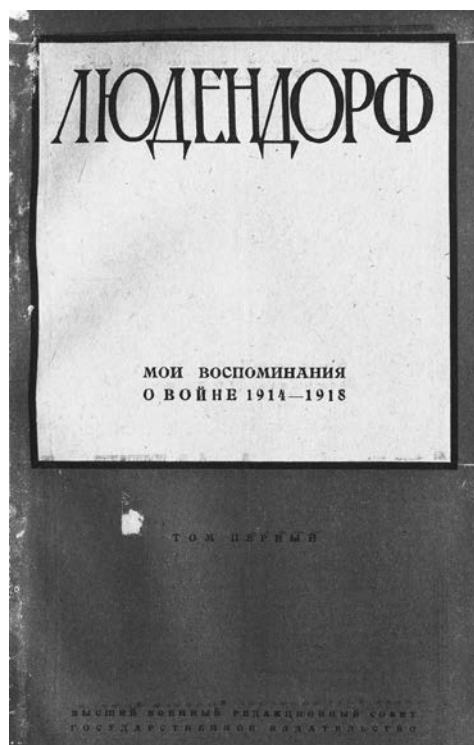
² Там же. С. 40–41.

³ Там же. С. 46.

Гинденбург об этой новой ситуации пишет: «15 декабря на русском фронте было заключено перемирие. Ввиду разложения русской армии мы еще раньше отвели оттуда большую часть наших боевых сил». Тем более после подписания Брестского мира «мы ничего не упустили, чтобы собрать по возможности все наши боевые силы для решительной битвы на западе... Мы могли без всякой помехи обратиться к западному фронту и взяться за оружие против него»¹.

Но расчеты Гинденбурга на высвободившиеся ресурсы не оправдались. В мемуарах генерал-фельдмаршала подробно рассмотрен ход боевых действий на Западном фронте в 1918 г. Германская армия провела ряд наступательных операций, прорывала оборону союзников, продвигалась на значительную глубину, оказалась даже в 70 км от Парижа, но не смогла разгромить союзников. Летом 1918 г. английские и французские войска перешли в контрнаступление. Истощав возможности сопротивления, из войны вышли Болгария, Турция, Австро-Венгрия. Гинденбургу остается только признать: «Какое бы противодействие ни оказывало противнику немецкое мужество, как бы ни ослабевали Франция и Англия, как бы бесплодно ни истекала кровью Америка, наши силы все же явно слабеют... Мы (Гинденбург и Людендорф. — И. Ч.) докладываем Его Величеству Государю о нашем предложении сделать шаг к мирным переговорам. На меня возложено — предложить высшему военачальнику картину военного положения для обоснования этого политического акта. Серьезность положения уже известна Государю. Его Величество стойко соглашается с тем, что мы предлагаем»². 11 ноября 1918 г. было подписано Компьенское перемирие между Германией и союзниками.

Генерал Эрих Людендорф в начале Первой мировой войны был оберквартирмейстером штаба 2-й немецкой армии, участвовал в осаде и взятии Льежа. С назначением генерал-фельдмаршала Гинденбурга командующим 8-й армии на Восточном фронте стал у него начальником штаба. Известность военачальникам принесла победа в Восточно-Прусской операции. Когда Гинденбург в августе 1916 г. стал начальником германского Полевого генерального штаба, Людендорф получил в этом

¹ [Гинденбург П.] Воспоминания Гинденбурга. С. 66, 68.

² Там же. С. 112–113.

штабе должность Первого главного генерал-квартирмейстера. Фактически именно он руководил всеми операциями германской армии. Неудача в октябре 1918 г. генерального наступления на Западном фронте вынудила Людендорфа уйти в отставку. Людендорф написал двухтомные мемуары, получившие широкую известность, в том числе в СССР¹. Он представил развернутое описание сражений, участником которых был: взятие Льежа, разгром русских армий в Восточной Пруссии, бои у озера Нарочь. Относительно последних Людендорф признает, что *«германское фронтальное наступление (весной 1916 г. – И. Ч.) медленно продвигалось вперед»*, в результате *«еще хватило сил достигнуть района непосредственно западнее Сморгони, Западной Березины и района Барановичей и Пинска»*. Здесь немецкие части *«должны были устраиваться на зиму и нашли выгодную опору на линии озер Вишнев – Нарочь – Дрисвяты»*. Этот район и стал театром русской наступательной Нарочской операции в марте 1916 г. Людендорф признает: *«10-я армия подверглась сильному удару восточнее озера Нарочь»*². И хотя Нарочская операция не принесла русским войскам успеха, была достигнута стратегическая цель – ослабить натиск немецких войск на французский Верден.

Второй том посвящен военным действиям на Западном фронте, закончившимся поражением Германии. Их анализом завершаются воспоминания Людендорфа: *«В марте 1918 года мы перешли в наступление при столь выгодном соотношении сил, как это еще ни разу не представлялось в эту войну для Германии. Но этих сил оказалось достаточно только для больших побед, а не для быстрого общего решения. Германия стала ослабевать...»* Ноябрьская революция завершила развал: *«9-го ноября Германия, лишенная твердого управления и какой бы то ни было воли, и оставшаяся без своих монархов, развалилась, как картонный домик. Исчезло все, для чего мы жили, и для чего истекали кровью в течение тяжелых четырех лет. У нас больше не было отечества»*³. Таков эпилог дела, которому верно служил Людендорф.

Мемуары Людендорфа высоко оценил А. А. Свечин, занимавший пост главного руководителя военных академий РККА по истории военного искусства и по стратегии. В предисловии к русскому изданию книги он, хотя и отметил, что *«Людендорф нам дает не образец ведения войны, а только высоко законченные детали военного искусства»*, признал: *«...на отдельных решениях, проведенных в жизнь Людендорфом, лежит печать гениальности»*, *«частные победы Людендорфа по своему объему и блеску превосходят успехи, имеющиеся в активе других великих полководцев»*, *«у него можно многому поучиться: его оперативная мысль отливается в ясную, отчетливую форму»*, *«оценка обстановки Людендорфом, принятие решения, проведение его в жизнь получают чисто классическую чеканку»*. В целом же, как заключает Свечин,

¹ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг.: в 2 т.

² Там же. Т. 1. С. 137.

³ Там же. Т. 1. С. 8; Т. 2. С. 310.

«Воспоминания» представляют исторический документ, стоящий в центре всех материалов по мировой войне»¹.

Генерал Макс Гофман в германской армии считался специалистом по России: после окончания военной академии получил квалификацию переводчика с русского языка, шесть месяцев стажировался в России, работал в русском отделении Генерального штаба, во время Русско-японской войны находился в японской армии в качестве наблюдателя. Всю Первую мировую войну провел на Русском фронте, сначала начальником оперативного управления 8-й армии, а с конца 1916 г. начальником штаба германского Восточного фронта. Руководил германской делегацией на переговорах в Брест-Литовске.

Основным трудом Гофмана об истории мировой войны является книга его воспоминаний «Война упущенных возможностей», вышедшая в русском переводе в 1925 г.² Мемуары сконцентрированы на тех событиях, участником которых он был сам, – боевых действиях на Восточном фронте. Много внимания уделено разгрому армий Самсонова и Ренненкамппа, но и в этом сражении не обошлось без ошибочного решения верховного главнокомандования о переброске двух корпусов с Западного фронта на Восточный, под Танненберг, где в них не нуждались. Из действий на территории Беларуси упоминаются бои в районе Нарочи, Постав, Сморгони в марте 1916 г. Отмечена ошибочность смещения великого князя Николая Николаевича с поста Верховного главнокомандующего и принятия этой должности императором Николаем II: «При современных условиях деятельность полководца полностью поглощает силы человека. Уже один недостаток времени должен помешать монарху большого государства управиться с такой ответственной задачей. Следовательно, в результате пострадает или одно или другое – управление государством или военное командование»³. Гофман в этом конкретном случае оказался прав наполовину: пострадали обе функции – и государственная, и военная. Гофман попытался уверить, что несколько раз можно было добиться победы на Восточном фронте

¹ Свечин А. От редакции // Э. Людендорф. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг.: в 2 т. Т. 1. С. 5–6.

² Гофман М. Война упущенных возможностей / предисл. В. Гурко-Кряжина; пер. с нем. Б. Кулакова. М.; Л.: Гос. изд-во, 1925. 203 с.

³ Там же. С. 98.

и вывести Россию из строя: войска были на высоте, но главное командование и начальник Генерального штаба Германии в 1914–1916 гг. Фалькенгайн проявили нерешительность. Мемуары наполнены упреками в их адрес: «Если бы верховное командование предоставило нам в свое время шесть дивизий для взятия рижского тет-де-пона,¹ то, вероятно, русское наступление не состоялось бы и лето 1916 г. закончилось бы на Восточном фронте большим для нас успехом». И это только одна из многих претензий к военному руководству². Гофман сыграл ключевую роль в заключении Брестского мира, переговорам и их результатам посвящены многие страницы книги.

Дополняет «Войну упущенных возможностей» еще одна книга – «Записки и дневники», также посвященная событиям 1914–1918 гг.³ Первую часть этой публикации составляет все та же «Война упущенных возможностей», вторую – собственно «Военные дневники». Начальная запись датирована 7 августа 1914 г., в ней тяжелые предчувствия: «Перед нами трудная задача, такая трудная, что вряд ли можно найти нечто подобное в военной истории». Последняя сделана 31 декабря 1918 г. Она как констатация итога: «Войска не хотят сражаться». Чему же удивляться? 11 ноября 1918 г. было подписано перемирие в Компьене. Война фактически закончилась.

Следует отметить работу прусского генерала от инфантерии Гуго фон Фрейтаг-Лорингофена. Он с началом Первой мировой войны был назначен генерал-квартирмейстером Ставки, заняв один из важнейших постов в германском Верховном главнокомандовании. Получил известность и как военный писатель, автор нескольких трудов, в том числе книги «Выводы из мировой войны»⁴. В Германии она стала популярной, во всяком случае русский перевод сделан с ее 20-го немецкого издания.

На русском языке были изданы мемуары германских высокопоставленных военно-морских руководителей. Среди них воспоминания адмирала Альфреда фон Тирпица. В 1920 г. их опубликовал в кратких извлечениях «Морской сборник»⁵, а затем, в 1925 г., последовал перевод их шести глав⁶. Полное издание датируется 1957 г.⁷ Тирпиц с 1897 по март 1916 г. возглавлял Имперское морское ведомство, занимая в нем высшую должность статс-секретаря. Он сыграл

¹ Тет-де-пон – предмостное укрепление, плацдарм для создания защитного периметра, в котором могут размещаться войска.

² Гофман М. Война упущенных возможностей. С. 114.

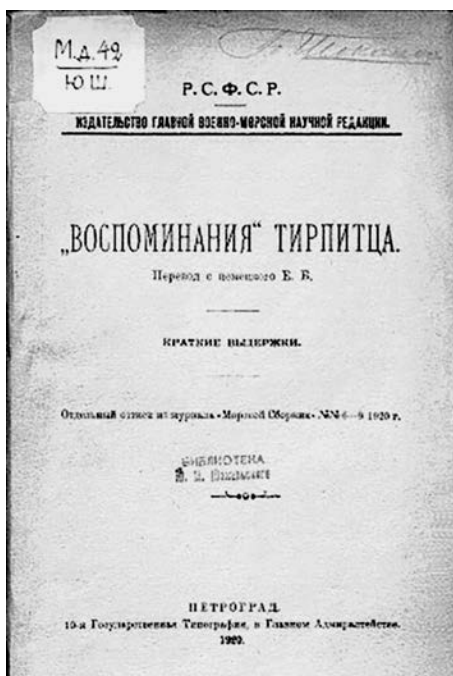
³ Гофман М. Записки и дневники. 1914–1918 гг. / пер. с нем.; предисл. Р. Эйделяма. Л.: Красная газета, 1929. 264 с.

⁴ Фрейтаг-Лорингофен Гуго фон. Выводы из мировой войны / пер. с нем.; под ред. Е. И. Мартынова. М.: Высш. воен. ред. совет, 1923. 80 с.

⁵ [Тирпиц А.] Воспоминания Тирпица: краткие выдержки / пер. с нем. Е. Б. // Морской сб. 1920. № 6–9. Отд. отд. из журн. Пг.: 10-я гос. тип., 1920. 87 с.

⁶ Тирпиц А. Из воспоминаний / пер. с нем. Д. П. Кончаловского; предисл. В. Гурко-Кряжина. М.; Л.: Гос. изд-во, 1925. XVI, 246 с.

⁷ Тирпиц А. Воспоминания / пер. с нем. и коммент. В. Я. Голанта; под ред. проф., адмирала В. А. Алафузова. М.: Воениздат, 1957. 656 с.

наиважнейшую роль в наращивании морского могущества Германии, создании ее военно-морского флота. Хотя последний и уступал британскому количественно, подчеркнул Тирпиц, качественно он его превосходил: *«Наши орудия действовали эффективнее и при меньшем калибре имели почти такую же мощь, как более крупные английские, а также обладали целым рядом других преимуществ»*, что в значительной мере компенсировало малочисленность германских морских сил¹. По словам Тирпица, *«самое очевидное доказательство боевых качеств нашего флота и его высокой оценки противником лежит в том факте, что англичане, чем более длилась война, тем определеннее избегали столкновения с ним. Несмотря на свое растущее превосходство числа, они ни разу не напали преднамеренно на наши морские силы»*². Впоследствии не все с этим утверждением соглашались. Советский адмирал В. А. Алафузов вообще полагал, что обе воюющие стороны, Англия и Германия, были готовы вступить в бой, каждая в своем районе (Англия – в Северной Атлантике, Германия – в Южной), а поскольку районы эти не совпадали, никаких шансов на решительный бой не существовало. Поэтому *«германский флот, на создание которого было затрачено столько сил и средств, оказывался ненужным»*³. Если бы Тирпиц мог вступить в дискуссию, он бы, вероятно, ответил словами из своей же книги: *«Одними собственными силами наш флот обеспечил*

¹ Тирпиц А. Из воспоминаний. С. 164.

² Там же. С. 165.

³ Алафузов В. А. Гросс-адмирал Тирпиц и его «Воспоминания» [предисл.] // А. Тирпиц. Воспоминания. М., 1957. С. 39.

*от всякого вражеского нападения наш длинный, растянутый берег от Мемеля и до Эмса; против нашего берега неприятель не сделал ни одного выстрела»*¹. Тирпиц убежден, что Германия могла достичь приемлемого мира: морские силы дважды имели возможность подвести к нему – осенью 1914 г. с помощью надводного флота и весной 1916 г. с помощью подлодок, но они не были использованы.

Ряд воспоминаний политиков, дипломатов и военачальников завершают мемуары императора Вильгельма II. Написал он их после отречения от трона в результате Ноябрьской революции 1918 г., когда жил в изгнании в Нидерландах. В России мемуары были изданы в 1923 г.² Вильгельм Гогенцоллерн оценивает деятельность имперских канцлеров Бисмарка, Каприви, Гогенлоэ, Бюлова, Бетман-Гольвега, характеризует своих ближайших сотрудников второго ряда – адмирала Тирпица и руководителей других ведомств, рассказывает о своем отношении к армии и флоту, церкви, науке и искусству, рассуждает о «перевороте», имея в виду революцию, свергнувшую его с трона, прогнозирует для Германии *«роль государства, наиболее продуктивного в производственном отношении»*, которое *«снова будет победоносно идти впереди всех в области техники, науки и искусства, принося пользу не только себе, но и всем народам мира»*³, умалчивая при этом о возможности возрождения германского милитаризма.

Отдельные разделы мемуаров посвящены началу мировой войны и его, бывшего императора, пониманию вопроса о ее виновниках. Сам он, разумеется, никакого участия в ее развязывании не принимал: *«В то время как царь предрекал к лету войну, я занимался в Корфу археологическими раскопками, затем поехал в Висбаден, и, наконец, в Норвегию»*. Да и между германскими дипломатическим и военным ведомствами царил разброд: Министерство иностранных дел *«совершенно исключало из своих расчетов войну как возможное средство политики Антанты и недооценивало становившихся все более явными признаков грядущей катастрофы»*, а *«начальник Генерального штаба генерал фон Мольтке придерживался мнения, что война безусловно начнется»*. Но и эту недопустимую нескоординированность позиций важнейших ведомств Вильгельм использует для собственной реабилитации. Император, находясь за границей, черпал информацию *«не из Берлина даже, а из норвежской прессы»*, об австрийском ультиматуме Сербии он также узнал из нее. И все эти рассуждения для того, чтобы уверить: *«Как мало мы в июле 1914 г. думали о войне, не говоря уже о том, чтобы готовить ее»*, тогда как *«весной и летом 1914 г., когда у нас еще никто не думал о нападении Антанты, в России, Франции, Бельгии и Англии война уже готовилась»*. Вильгельм пытается представить дело так, что *«цели Антанты могли быть достигнуты лишь посредством*

¹ Тирпиц А. Из воспоминаний. С. 166.

² Вильгельм II. Мемуары. События и люди. 1878–1918 / пер. Д. Триуса; предисл. А. В. Луначарского. М.; Пг.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1923. [2], VII–XIX, 177, [1] с.

³ Там же. С. 166.

войны, Германия же могла добиться своих целей, только избежав войны»¹. Усилия Вильгельма доказать невиновность Германии в возникновении мировой войны обесцениваются уже тем, что в его мемуарах нет даже попытки оправдать нарушение нейтралитета Бельгии и неспровоцированный захват ее территории, равно как и объявление войны России, сделанное под предлогом гипотетической русской угрозы. Своеобразным дополнением к мемуарам Вильгельма II стали воспоминания его адъютанта Альфреда фон Дона-Шлобиттена².

Австро-Венгрия. На русский язык были переведены мемуары графа Оттокара Чернина, министра иностранных дел Австро-Венгрии в декабре 1916 – апреле 1918 г. На русском языке выходили они дважды: сначала в берлинском эмигрантском журнале «Архив русской революции»³, а затем и в Советской России⁴. Чернин был приверженцем идей австрийского абсолютизма, отчего даже в Австрии слыл *«человеком семнадцатого века, который не понимает времени, в котором живет»*. Он вынашивал проект сепаратного мира с Антантой, который позволил бы Австро-Венгрии сохранить территориальную целостность, и даже пытался вести по этому поводу переговоры с президентом Франции Р. Пуанкаре, что привело к вынужденному уходу из министерства.

Хотя Чернин стал министром иностранных дел в разгар войны и формально к ее развязыванию не имел отношения, положение в Габсбургской монархии как советника эрцгерцога Франца Фердинанда, а затем посла в Румынии делает его причастным к тайнам австрийской дипломатии. С учетом этого обстоятельства небезынтересно, до какой степени тенденциозности может дойти интерпретация событий, в данном случае происхождения мировой войны. По Чернину, *«влиятельные круги Германии никогда не стремились к мировому господству»*; *«последние годы перед войной Германия все еще имела возможность избежать ее. Она должна была лишь разрушить*

¹ Вильгельм II. Мемуары. События и люди. 1878–1918. С. 121–122, 151.

² Дона-Шлобиттен А. фон. Из дневника адъютанта Вильгельма II графа фон Дона-Шлобиттена (фон Хилиуса): 1906–1912. М.: Голос минувшего, 1918 (обл. 1919). 63 с.

³ Чернин О. Брест-Литовск: Из мемуаров // Архив рус. рев. 1921. Т. 2. С. 108–133.

⁴ Чернин О. В дни мировой войны: мемуары: [Воспоминания бывшего австрийского министра иностранных дел] / пер. с нем. М. Константиновой. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. 296 с.

назревшее в европейском общественном мнении подозрение об ее стремлении к мировой гегемонии». Австрия – как Германия: *«Наша судьба была... связана с судьбой Германии, и мы сами не замечали, как союз с ней увлекал нас за собой»*. Что касается держав противостоящего блока, то *«ни Франция, ни Англия в четырнадцатом году не хотели никакой войны»*. С Россией сложнее – *«в России был царь, который не знал, чего хотел, и не мог выполнить, что хотел, и военная партия, которая толкала к войне, несмотря ни на что»*. Чернин уточняет: *«Могущественная военная партия, возглавленная великим князем Николаем Николаевичем, начала эту войну с полным удовлетворением»*. Как же это у нее получилось? Ответ прост: война была *«вызвана кучкой сербских убийц, а затем и русских воинствующих генералов, создавших положение, при котором монархи и государственные люди великих держав оказались застигнуты врасплох событиями»*. Другими словами, Россия и только Россия виновница войны, именно она *«создала безвыходное положение и вызвала мировую войну»*¹. Трудно ждать объективности от политика, поставившего целью снять вину с правящих кругов своего государства, но и в этих обстоятельствах в защите оказался изъясн.

В воспоминаниях Чернина много внимания уделено главам государств – императору Францу Иосифу и его наследнику, убитому в Сараево эрцгерцогу Францу Фердинанду, кайзеру Вильгельму II и румынскому королю Карлу (Каролю I), американскому президенту Вильсону, военным руководителям Гинденбургу и Людендорфу, ряду видных политических деятелей. Нашли отражение многие важнейшие события эпохи, в том числе заключение сепаратных мирных договоров с УНР, РСФСР и Румынией в Брест-Литовске, где Чернин возглавлял австро-венгерскую делегацию. Нарисовав доступную его возможностям и пониманию картину военной эпохи, Чернин страшится запроектованного в Версале будущего: *«Случилось то, что случилось. Был заключенный насильственный мир, носящий самый злостный характер, и этот мир положил основу дальнейших бесконечных смут, осложнений и войн»*².

4.2. Военно-исторические исследования

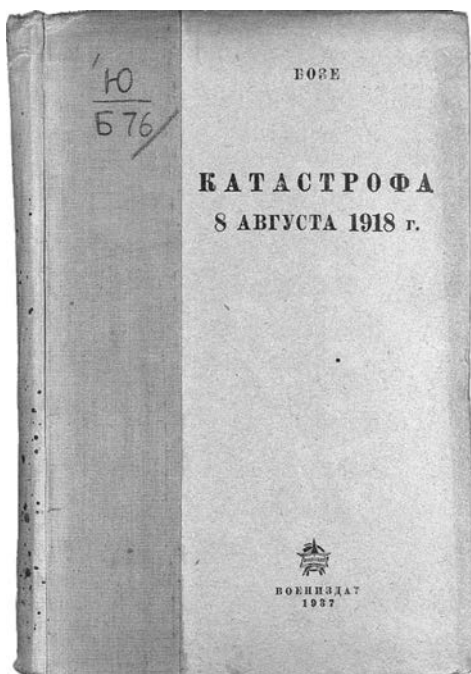
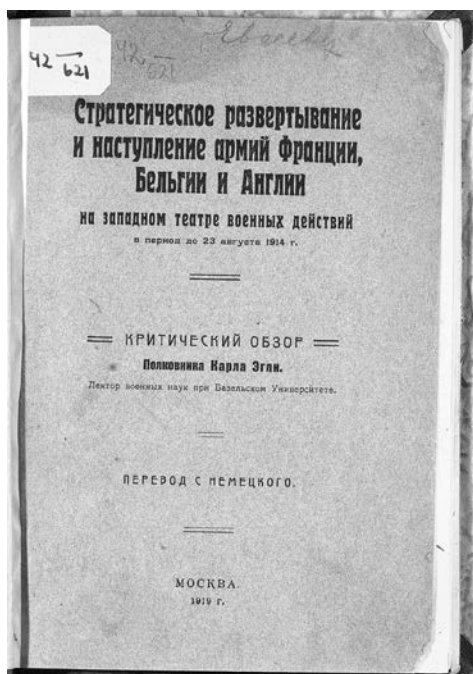
После окончания Первой мировой войны перед военно-исторической мыслью встала задача подвести ее итоги, изучить опыт проведения широкомасштабных боевых операций. Особенно это относилось к тем из них, которые состоялись в 1917–1918 гг., когда приняло массовые масштабы использование авиации и танков как новых технических средств борьбы, артиллерия усовершенствовала способы огневого воздействия на противника, в наступление бросались огромные массы людей, на море пришли в столкновение крупнейшие флоты и развернулась подводная война. В странах – участницах войны были

¹ Чернин О. В дни мировой войны: мемуары: [Воспоминания бывшего австрийского министра иностранных дел]. С. 18–19, 25.

² Там же. С. 291.

созданы официальные или полуофициальные обобщающие труды. Некоторые из них были переведены на русский язык.

В Германии на протяжении 1925–1944 г. вышли «Мировая война 1914–1918 гг. Военные операции на суше» и 10-томная «Великая война 1914–1918 гг.». В СССР эти труды изданы не были. Для массового читателя германский Рейхархив выпустил серию из 36 томов в 38 книгах «Сражения мировой войны». Из помещенных в них работ русскоязычному читателю стали известны только две – книги Т. Боze и А. Штенгера¹. Из других немецких публикаций, переведенных на русский язык, можно отметить исследования О. Мозера «Краткий стратегический обзор мировой войны 1914–1918 годов»² и В. Балка «Развитие тактики в мировую войну»³, труд О. Швинка о боях в Бельгии и Франции осенью 1914 г.⁴, работу Т. Иохима «Боевые операции и тыловые сообщения 1-й германской армии в сражении на Марне в 1914 г.»⁵, упоминавшуюся выше книгу

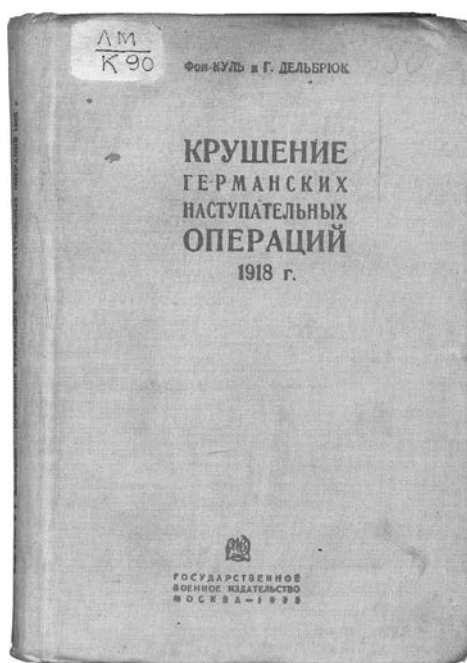
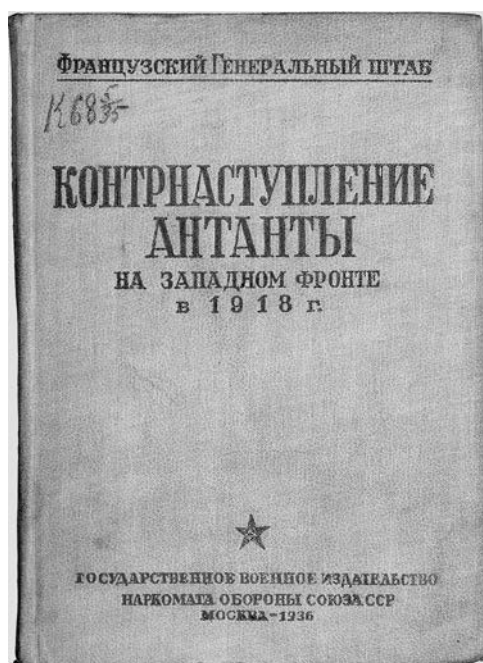
¹ Боze Т. Катастрофа 8 августа 1918: из серии «Сражения мировой войны», издаваемой Герм. гос. архивом / пер. с нем. М.: Гос. воен. изд-во, 1937. 280 с.; Штенгер А. От Марны до Веля. 1918 г. / пер. с нем. М.: Воен. изд-во, 1941. 174 с.

² Мозер О. Краткий стратегический обзор мировой войны 1914–1918 годов / пер. с нем. А. И. Мялковского. М.: Высш. воен. ред. совет, 1923. 160 с.

³ Балк В. Развитие тактики в мировую войну: [с 8 черт. в тексте] / пер. с нем. А. Дуниной [и др.]. Пг.: Воен. изд-во Петроград. воен. округа, 1923. 388 с.

⁴ Швинк О. Бои на р. Изер и у Ипра осенью 1914 г. / пер. с нем. соч. О. Швинка; с доп. по тр. П. Дозе и Э. Гамилтона. Пб.: Гос. изд-во, 1922. 95 с.

⁵ Иохим Т. Боевые операции и тыловые сообщения 1-й германской армии в сражении на Марне в 1914 г. / пер. с нем. С. Браверман. М.: Гос. воен. изд-во, 1935. 182 с.

Г. Куля «Германский генеральный штаб: его роль в подготовке и ведении мировой войны» и его труд, подготовленный в соавторстве с Г. Дельбрюком, – «Крушение германских наступательных операций 1918 г.»¹

Во Франции в 1922–1939 гг. выпустили официальный труд «Французские армии в Великой войне» в 11 томах, составленных из 22 книг описаний и 57 книг документов. Дополнением к нему стала пятитомная работа А. Томази «Французский морской флот в Великой войне», изданная в 1927–1929 гг. Эти две многотомные публикации на русском языке не выходили, как и многотомная официальная история Первой мировой войны, изданная историческим отделом французского Генерального штаба. Исключение было сделано в отношении только VII тома последней, из которого был издан на русском языке раздел, посвященный описанию подготовки и проведения операций вооруженных сил Антанты на Западном фронте в период с 18 июля по 7 августа 1918 г.² Среди других работ в СССР опубликовано лишь несколько книг. Труд Ж. Б. Микеля посвящен стратегическим и тактическим урокам войны³. Авторы других переведенных работ сконцентрированы на отдельных операциях: А. Корда оха-

¹ Куль Г. Германский генеральный штаб: его роль в подготовке и ведении мировой войны. 224 с.; Куль Г., Дельбрюк Г. Крушение германских наступательных операций 1918 г. / пер. с нем. А. Зелениной; предисл. С. Будкевича. М.: Гос. воен. изд-во, 1935. 348, [3] с.

² Контрнаступление Антанты на Западном фронте в 1918 году (18 июля – 7 августа) / Фр. генер. штаб; пер. с фр. А. О. Зелениной. М.: Гос. воен. изд-во, 1936. 174, [1] с., [6] л. схем.

³ Микель Ж. Б. Стратегические и тактические уроки войны 1914–1918 гг. / пер. с фр. Е. И. Мартынова; сокр. излож. Н. М. Потапова. М.; Л., 1928. 222 с.

рактизовал бои на французском, итальянском и македонском театрах войны в 1918 г.¹; А. Грассе показал действия в Марнском сражении 9-й французской армии Фоша в районе Сен-Гондских болот и операции 5-й французской армии совместно с английской армией в период англо-французского контрнаступления²; Р. Турнэс рассмотрел сражения 1918 г. с точки зрения оперативного искусства и роли Фоша в организации военного разгрома Германии³; Л. Луазо посвятил труд германской стратегии в 1918 г.⁴, при этом он во многом опирался на отмеченный выше труд Г. Куля и Г. Дельбрюка.

Вышедший в Великобритании фундаментальный труд под общим названием «История великой войны» включает 49 томов, в СССР они также не публиковались.

Обобщая, следует отметить, что французская, британская и немецкая версии истории Первой мировой войны во всех ее аспектах в Советском Союзе были доступны лишь узкому кругу военных и гражданских специалистов, в своих исследованиях рассматривавших зарубежные труды в критическом ключе. Массовый читатель мог познакомиться лишь с описанием отдельных, хотя и важных, но локальных операций⁵. Иначе обстояло дело с публикациями о действиях военно-морских флотов, переоснащенных dreadnoughtами, крейсерами, миноносцами и подводными лодками, несравнимо превосходившими броненосцы и корабли других классов времен Русско-японской войны. Особое внимание привлекали танки и авиация как новый вид оружия. Ограниченный собственный опыт, а применительно к танковым войскам и полное его отсутствие побуждали в интересах укрепления обороны страны широко распространять зарубежные наработки по практике боевых действий указанных и других видов вооруженных сил.

Следует сказать и еще об одной работе обобщающего содержания. Это книга немецкого военного теоретика М. Шварте «Техника в мировой войне». В ней рассматривается состояние и развитие немецких вооружений, но держится в фокусе весь их комплекс, что создает обобщенное представление о средствах борьбы, которыми располагала Германия. Книгу выпустил в 1927 г. Отдел военной литературы Государственного издательства. Предваряя работу, автор предисловия и координатор русского издания А. Буров отмечает: *«Шварте – новый тип литературного и военно-научного деятеля; лично сам он почти ничего не пишет, кроме вступительных статей, “военных заданий” и т. п. Однако он организует литературную деятельность десятков ученых*

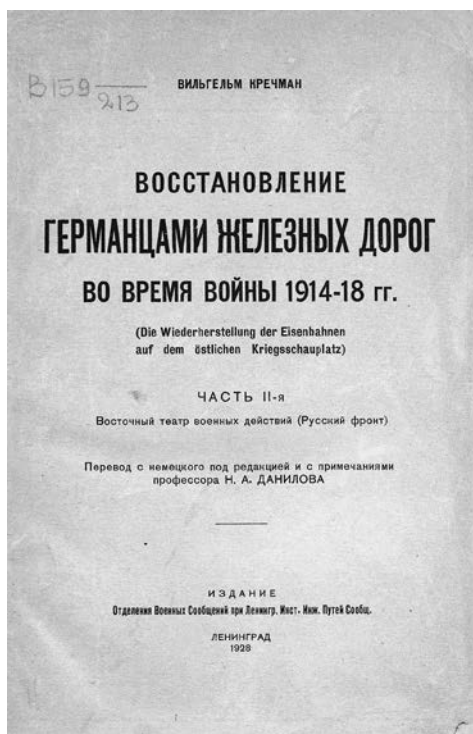
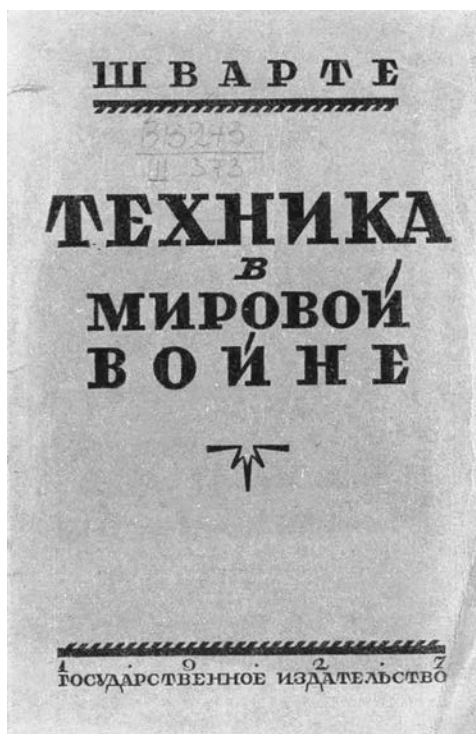
¹ Корда А. Мировая война. Операции на суше в 1918 году. М.: Госвоениздат, 1924. 126 с.

² Грассе А. Сен-Гондские бои (5–10 сентября 1914 г.). М.: Воениздат, 1939. 192 с.; Его же. Сражение на двух Морэнах. Франше-д'Эспера на Марне 6–9 сентября 1914 года. М.: Воениздат, 1940. 163 с.

³ Турнэс Р. Фош и победа союзников 1918 года. М.: Госвоениздат, 1938. 263 с.

⁴ Луазо Л. Германская стратегия в 1918 году / пер. с фр. М. Брагинского; [предисл. Вейган]. М., 1936. 134 с.

⁵ Вульфен К. Сражение под Лодзью: Описание, составленное по официальным данным, с 19 схемами / пер. с нем. М.: Изд-во Разведпура Штаба РККА, 1921. 90 с., 18 л. ил.

специалистов; его организаторским дарованиям обязана своим появлением настоящая книга – “Техника в мировой войне”, в составлении которой принимало участие 45 известнейших военных специалистов инженеров и профессоров Германии¹. В русское издание внесли вклад и советские специалисты. Кроме перевода и комментирования, продолжает Буров, «в пополнении книги свежим материалом принимали участие крупнейшие специалисты СССР, как Агокас, Руппенейт, Рдултовский, Жуковский, Деньгин, Серчевский, Озеров, М. К. Омысловский и др.»² В книге приведены сведения о всех видах военной техники (кроме военно-морского флота), состоявшей на вооружении германской армии. Рассмотрены с точки зрения технических характеристик и тактических возможностей ручное оружие – винтовки и пулеметы; оружие ближнего боя – ручные гранаты, гранатометы и минометы; артиллерийские орудия и боеприпасы к ним; оптические приборы – прицельные приспособления, дальномеры, прожекторы и сигнальные приборы; средства воздушной борьбы и разведки – аэростаты, дирижабли, аэропланы и оружие воздушного боя; боевые машины – броневые автомобили и танки; химическое оружие; средства сообщения – железные дороги, водные пути, автомобильный транспорт; средства связи – телеграф и телефон, оптические устройства; инженерные средства –

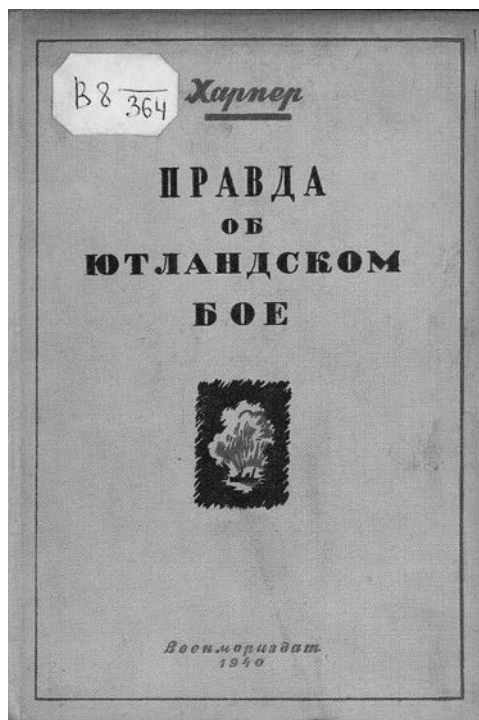
¹ Шварте М. Техника в мировой войне: Краткое извлечение А. Букова из сборника «Die Technik im Weltkrieg». М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. 215 с.

² Буров А. Предисловие // М. Шварте. Техника в мировой войне... С. 9.

окопы и другие укрытия, проволочные заграждения, минные поля, мосты и переправы. Авторы показали назначение и место каждого из отдельных видов вооружений и технических средств в общей системе боевого обеспечения. Во многих случаях достоинства и недостатки вооружений определены в сопоставлении с аналогичными образцами армий стран Антанты. Вне сомнения, книга дает целостное представление об уровне боевой техники времен мировой войны и той базовой платформе, на которой строилась ее дальнейшая эволюция.

На Первую мировую войну пришелся пик эры линейных кораблей. Ютландский бой был последним в военно-морской истории сражением, когда в непосредственном единоборстве противостояли крупнейшие соединения дредноутов и тяжелых крейсеров. Британский Гранд-Флит и германский Флот открытого моря¹ не смогли добиться решающей победы, но в действие вступили подводные лодки. Оба эти события оказали серьезное воздействие на дальнейшую эволюцию военно-морских вооружений. Вполне естественно поэтому, что опыт морских сражений Первой мировой войны стал объектом пристального изучения.

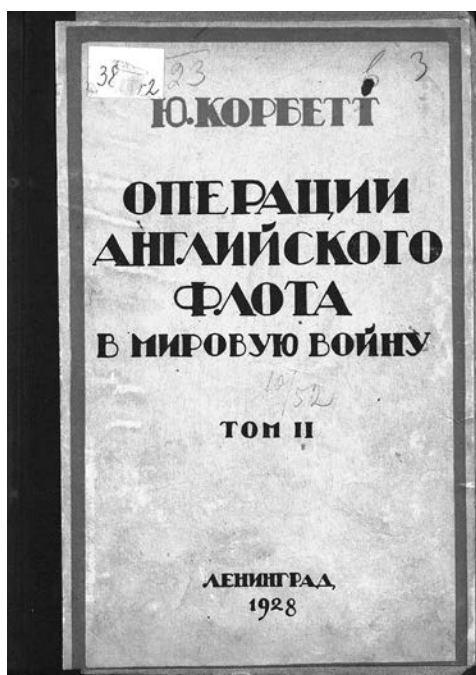
Великобритания. Переведены на русский язык и опубликованы наиболее значимые работы авторитетных британских морских специалистов. С официального издания английского Адмиралтейства переведен труд «Ютландский бой»,

¹ Флот открытого моря был сосредоточен в Северном море, с февраля 1913 г. находился под командованием адмирала фон Ингенюля, состоял из трех эскадр линкоров, соединения крейсеров и семи флотилий миноносцев.

посвященный морскому сражению 31 мая – 1 июня 1916 г. в Северном море между главными силами германского и британского военно-морских флотов¹. Это сражение вылилось в столкновения отдельных соединений и кораблей. Германские потери составили 1 дредноут, 1 линейный крейсер, 4 легких крейсера, 5 эсминцев, свыше 2500 убитых и свыше 500 раненых; английские потери – 3 линейных крейсера, 3 броненосных крейсера, 8 эсминцев, около 6100 убитых, свыше 500 раненых, свыше 170 пленных. Не добившись решающего успеха, германский флот укрылся на своих базах, а британский флот ушел на север. В Ютландском сражении сторонам не удалось достичь поставленных стратегических целей – решительно изменить ход войны в свою пользу, но в конечном итоге выиграла Великобритания, так как затягивание войны вело к поражению Германии. Ютландский бой считается самым крупным морским сражением в истории человечества по общему водоизмещению и огневой мощи участвовавших в нем кораблей.

Издан труд в 5 томах о действиях английского флота на всех морских театрах Первой мировой войны, выполненный по заказу английского Адмиралтейства². Это исследование истории морских сражений и операций, по всеобщему

признанию, было одним из наиболее обстоятельных, оно представляет собой британскую официальную историю войны. Первые 3 тома написал английский морской историк и теоретик «доктрины владения морем» Юлиан Корбетт. Автор поставил задачу «дать в повествовательной форме, свободной от излишних технических подробностей, не только непосредственное описание самих морских операций, но и их взаимную связь с политикой, с военно-сухопутными операциями и с действиями дипломатии»³. Его первый том посвящен борьбе за господство на море, в результате которой германский флот был заблокирован в своих базах, а Германия отрезана от моря. Действия английского флота освещаются как неизменно успешные,

¹ Ютландский бой / пер. с офиц. изд. англ. Адмиралтейства Е. Е. Шведе. Л.: РИО военно-морских сил РККФ, 1925. 168 с.

² Корбетт Ю. Операции английского флота в мировую войну: в 3 т. / пер. М. Л. Бертенсона [и др.]. Л., 1927–1930. Т. I. 1927; Т. II. 1928; Т. III. 1930; Ньюболт Г. Операции английского флота в мировую войну / пер. М. Л. Бертенсона [и др.]. Л., 1931. Т. IV–V.

³ Корбетт Ю. Операции английского флота в мировую войну. Т. I. С. 22.

за исключением одного только эпизода – пропуска в Дарданеллы немецких крейсеров «Гебен» и «Бреслау», что изменило обстановку на Черном море и побудило Турцию вступить в войну на стороне Центральных держав. Последующие тома продолжают описание военно-морских операций английского флота вплоть до 1918 г. Во втором томе дается подробное описание закончившейся провалом Дарданелльской операции, проводившейся Англией и Францией с 19 февраля 1915 по 9 января 1916 г. с целью захвата Константинополя и вывода Турции из войны. Значительное внимание уделено также развернутой Германией подводной войне, торпедированию немецкой подводной лодкой британского пассажирского лайнера «Лузитания». Из 2000 пассажиров и членов команды погибли 1198, в том числе множество женщин и детей. Были там и 128 американских граждан, смерть которых стала впоследствии поводом для вступления США в Первую мировую войну. Анализ морских операций, имевших место с весны 1915 г., составляет содержание третьего тома. В нем дается описание Ютландского боя британского Гранд-Флита и германского Флота открытого моря. На третьем томе завершается авторство Юлиана Корбетта. Едва успев окончить его, он скончался.

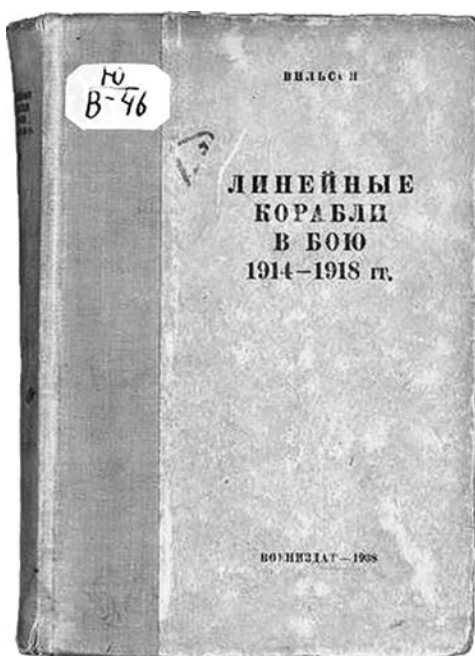
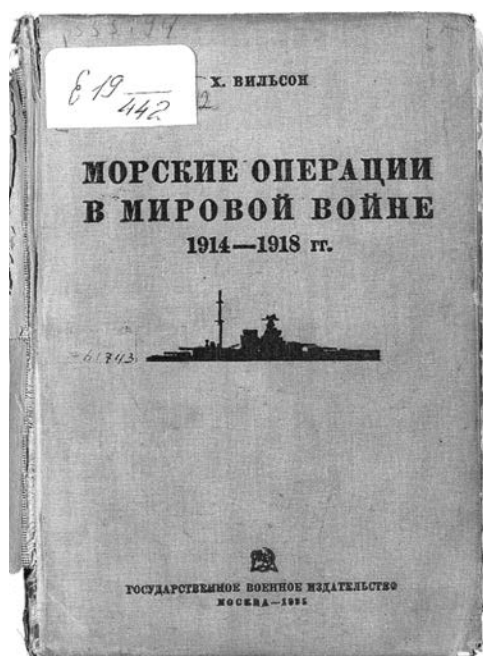
Последние два тома создал тесно сотрудничавший с Корбеттом при подготовке предыдущих томов Генри Ньюболт. Завершающий, пятый, том посвящен событиям 1917–1918 гг. В нем на видное место вышла оценка новых средств и методов борьбы, в частности действий подводных лодок, и в связи с большими потерями от них – развитие системы конвоев. Показана английская интервенция на Севере Советской России, осуществленная под предлогом того, что *«вполне вероятным представлялись требования изгнания английских сил и сдачи Мурманска (немцам. – И. Ч.), который был бы затем обращен в базу для подводных лодок»* – немецких, разумеется¹. И в заключение рассказ о разоружении и интернировании немецкого флота в Скапа-Флоу – главную базу британского военно-морского флота.

Английский морской историк Герберт Рисли Вильсон в 1926 г. издал труд «Линейные корабли в бою». На русском языке он вышел в 1935 г. под названием «Морские операции в мировой войне 1914–1918 гг.»² Третье русское издание называлось, как и в Англии, «Линкоры в бою 1914–1918 гг.»³ По оценке автора предисловия П. А. Трайнина, эта книга *«содержит более свежие сведения, чем остальные труды, и, наконец, в пользу Вильсона говорит то обстоятельство, что в отличие от официальных составителей трудов о морских операциях, как Корбетт, Ньюболт и др., он не выступает в своем труде адвокатом британского адмиралтейства, а дает иной раз место и довольно строгой*

¹ Ньюболт Г. Операции английского флота в мировую войну. Т. V. С. 340.

² Вильсон Г. Р. Морские операции в мировой войне 1914–1918 гг. / пер. с англ. Е. М. Т.; предисл. П. Трайнина и прим. Н. Новикова. М.: Воениздат, 1935. 340 с.

³ Вильсон Г. Р. Линейные корабли в бою 1914–1918 гг. / пер. с англ. Е. М. Т.; предисл. кап. 2-го ранга Н. Трайнина; примеч. кап. 2-го ранга Н. Новикова. М.: Гос. воен. изд-во, 1936. 463 с.; 3-е изд. М.: Воениздат, 1938. 484 с.

критике действий последнего»¹. В своем исследовании Вильсон представил сжатую историю военных действий на всех морских театрах, уделив при этом основное внимание операциям британского флота. Естественно, подробно описаны важнейшие сражения, и в первую очередь Ютландский бой, последнее в эту войну серьезное боевое столкновение между надводными кораблями. В результате сражения *«британский флот вернулся в свои порты, не принудив противника к решительному бою и понеся более тяжелые потери»*. Тем не менее, утверждает Вильсон, *«хотя сражение не дало решительных результатов, вернее — именно потому, что оно их не дало, — и потому, что германский флот ушел от такого могущественного противника, как главные силы британского флота. Это сражение оказало серьезнейшее влияние на дальнейший ход войны... Моральный эффект большого морского поражения на германский народ, в совокупности с неудачей под Верденом и колоссальными потерями в сражении на Сомме, был бы таков, что мог бы привести к поражению Германии еще в 1916 г.»*²

Новым явлением в Первой мировой войне было массовое применение подводных лодок для борьбы с надводными боевыми кораблями и транспортным судоходством. Ответной мерой стала разработка средств и методов противолодочной борьбы. Развернулась ожесточенная война подводных и надводных сил. Ее особенности и итоги получили освещение в ряде работ, переведенных

¹ Трайнин П. Предисловие // Г. Р. Вильсон. Морские операции в мировой войне 1914—1918 гг. М., 1935. С. 5.

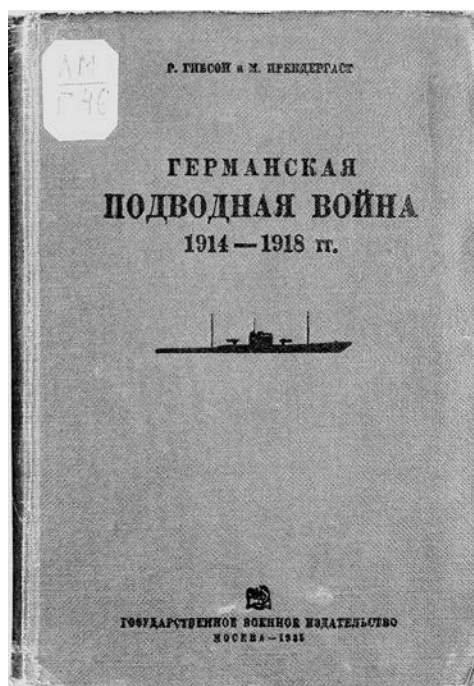
² Вильсон Г. Р. Линкоры в бою 1914—1918 гг. 3-е изд. М.: Гос. воен. изд-во, 1938. С. 247, 253.

на русский язык. В их числе фундаментальный труд бывшего командующего британским Гранд-Флитом и Первого морского лорда, другими словами, главы военно-морских сил Великобритании Д. Джеллико «Подводная опасность»¹.

Не менее известен труд английских ученых Р. Гибсона и М. Пендергаста «Германская подводная война», вышедший на русском языке в 1935 г.², затем дважды переизданный. Созданный ими труд написан в полном соответствии со взглядами британского адмиралтейства, о чем, в частности, свидетельствует и предисловие, написанное адмиралом Джеллико. Он отметил, что память о войне и роли в ней подводной войны «должна служить нам воспоминанием о той судьбе, ко-

*торая неизменно постигнет Империю, если когда-нибудь будет позволено забыть о нашей зависимости от безопасности наших морских сообщений»*³. И действительно, как показали Гибсон и Пендергаст, уже на первом этапе войны «немцы увидели у себя в руках оружие, которым они могли наносить противнику удары с такой свободой, какая была недоступна надводным кораблям: подводные силы заставили Гранд-Флит отступить с якорных стоянок Северного моря. Немцы натолкнулись на средство борьбы с неприятельской торговлей. Подводные лодки доказали, что они обладают значительно большей способностью к длительным действиям в море, чем им приписывали»⁴.

Труд Гибсона и Пендергаста содержит разнообразный фактический материал, всесторонне и красочно освещающий ход операций германских подводных лодок и параллельно показывающий развитие противолодочных средств борьбы. Выявлены методы и результаты торпедных атак подлодок по военным и транспортным кораблям, подробно рассказано о гибели от торпедных атак множества торговых судов, в том числе потоплении подводной лодкой U-20

¹ Джеллико Д. Подводная опасность / пер. с англ. Лучинский. М.: Гос. воен. изд-во, 1937. 1937 с.

² Гибсон Р., Пендергаст М. Германская подводная война 1914—1918 гг. / пер. с англ. А. Ждан-Пушкина. М.: Гос. воен. изд-во, 1935. 314 с.; 2-е изд. М.: Гос. воен. изд-во, 1937. 514 с.; 3-е изд. М.: Гос. воен. изд-во, 1938. 432 с.

³ Джеллико Д. Предисловие к английскому изданию // Р. Гибсон, М. Пендергаст. Германская подводная война 1914—1918 гг. М.: Гос. воен. изд-во, 1935. С. 22.

⁴ Гибсон Р., Пендергаст М. Германская подводная война 1914—1918 гг. С. 38.

лайнера «Лузитания». Расширение масштабов подводной войны против мировой морской торговли до неограниченной поставило перед Германией сложную проблему. Как отмечают Гибсон и Пендергаст, *«если бы можно было установить, что неограниченная подводная война позволит выиграть войну прежде, чем вмешательство Соединенных Штатов скажется на военном фронте, решение следовало бы принять, не стесняясь никакими пустяками, вроде этики, и никакими рассуждениями о гуманности»*¹. Германия пренебрегла гуманностью, пошла на неограниченную подводную войну, *«разразился тайфун террора в океане и проливах»*. Союзники усилили противолодочную оборону, эффективность которой повысилась в связи с организацией конвоев транспортных судов и применением судов-ловушек. Действенность их использования проиллюстрирована фактами гибели множества германских подлодок. Авторы утверждают, что Англия самостоятельно справилась с подводной войной, без решающей помощи союзников – США и Франции.

Германия. Адмирал Рейнгард фон Шеер в начале Первой мировой войны командовал соединением линкоров, в январе 1916 г. был назначен командующим Флотом открытого моря, в мае того же года руководил флотом в Ютландском сражении, разработал стратегию неограниченной подводной войны и обеспечил ее широкое развертывание. Все эти ключевые события нашли отражение в написанных после окончания войны мемуарах, изданных в СССР в 1940 г.²

Как пишет Шеер, флот должен был нанести удар, если этому будут благоприятствовать условия, поэтому он должен был вступить в бой с английским флотом только после того, как удастся уравнивать силы путем «малой войны». В соответствии с этой концепцией в начале войны немецкий флот придерживался пассивного образа действий против британцев, ограничиваясь боевыми столкновениями локального характера. На Балтийском море, по словам Шеера, операции *«имели в высшей степени благоприятное влияние на наше общее положение в тылу. Не отвлекая от флота крупных сил и не ослабляя флот, мы сумели с помощью имеющихся ограниченных средств держать русский флот под постоянной угрозой, так что с моря не было сделано ни одного выстрела по германским берегам и беспрепятственно продолжалось столь необходимое для военных нужд торговое судоходство»*³.

Шеер детально описывает величайшее морское сражение Второй мировой войны – Ютландский бой, в котором ни одна из сторон не добилась решающего преимущества. Шеер даже полемизирует с английским командующим адмиралом Джеллико, утверждая, что Гранд-Флит понес значительно большие потери, а Флот открытого моря готов к новому бою и сможет нанести противнику чувствительный урон. Вместе с тем Шеер пришел к выводу и докладывал

¹ Гибсон Р., Пендергаст М. Германская подводная война 1914–1918 гг. С. 69.

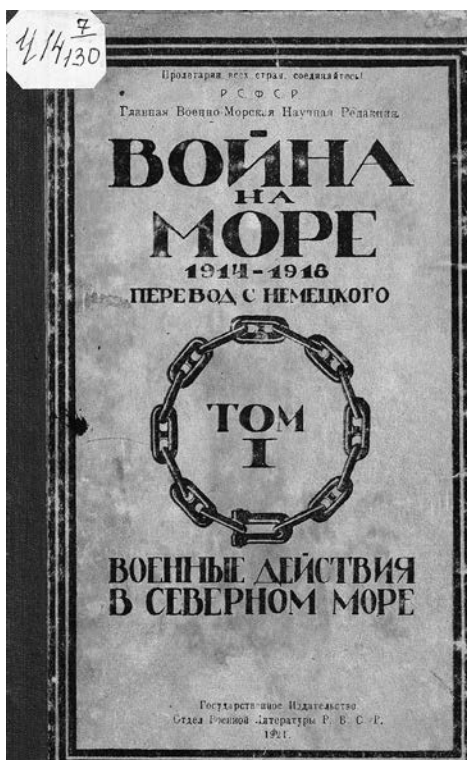
² Шеер Р. Германский флот в мировую войну / пер. с нем. М.; Л.: Военмориздат, 1940. 338 с.

³ Цит. по: Там же. С. 70.

об этом императору Вильгельму II, что «не может быть никакого сомнения в том, что в настоящей войне даже самый счастливый исход морского боя не сможет принудить Англию к миру. Невыгоды нашего военно-географического положения в борьбе против островного государства, обладающего значительным экономическим превосходством, не могут быть постепенно уравнены с помощью флота, и, в противовес направленной против нас блокаде, мы не сможем сами повелевать судьбой островного государства, если все наши подводные лодки будут предназначены лишь для выполнения боевых задач. Добиться в видимый срок победоносного окончания войны можно только путем глубокого подрыва основ хозяйственной жизни Англии, для чего подводные лодки должны вести борьбу против английской торговли»¹.

Шеер полностью оправдывал развязанную Германией подводную войну против пассажирско-торгового судоходства. Позицию английской прессы, осуждавшей торпедирование 8 мая 1915 г. «Лузитании», он представлял ханжеской, обусловленной не сочувствием к загубленным человеческим жизням, а нарушением их торговых интересов. В то же время он признал, что «подводная война в корне изменила экономические условия в Англии... если подвоз пострадал не настолько, чтобы можно было говорить об острой нужде, то все же подводная война несла с собой значительное ухудшение, так как не мог быть удовлетворен значительно возросший спрос из-за необходимости снабжать армию. К концу года (1916. – И. Ч.) потери в грузовом тоннаже стали ощущаться уже в очень острой форме»². Тем не менее неограниченная подводная война не привела к кардинальному изменению баланса сил и не спасла кайзеровскую Германию от военно-политического краха.

Капитан 1-го ранга Отто Гроос в книге «Война на море»³ представил свое видение хода и результатов боевых морских операций и дал собственную оценку действиям флота: «Германский флот продержался всю мировую войну,

¹ Цит. по: Шеер Р. Германский флот в мировую войну. С. 166.

² Там же. С. 217.

³ Гроос О. Война на море. 1914–1918 гг. / под ред. Е. Ф. Мантея; пер. с нем. Е. А. Беренса. Пг.: Гос. изд-во, 1921. Т. I: Военные действия в Северном море от возникновения войны до начала сентября 1914 г. 252 с.

не будучи побежденным противником. Противостоя сильному давлению железного кольца блокады, флот оказался в состоянии охранить морские границы своего отечества, прикрыть фланги сражающихся во Фландрии и Курляндии армий и одновременно с блестящим успехом нес тяжелую работу в “малой войне” и войне против неприятельской торговли при помощи новейшего оружия – подлодок»¹. Это оказалось возможным, потому что, по мнению Грооса, английская стратегия с самого начала была выжидательной, а затем очень скоро перешла к полной обороне. Что касается упомянутой «малой войны», т. е. операций наступательного характера с применением легких сил без участия линкоров и линейных крейсеров, то она не была достаточна, чтобы побудить противника выйти из состояния стратегической обороны и искать

боя. Боязнь же подводных лодок была всеобщей, «уже простого донесения о неприятельской подлодке было достаточно, чтобы удержать от выходов в открытое море не только большие боевые суда, но и легкие крейсера»². В 1930 г. в СССР вышел еще один труд Грооса – «Учение о морской войне в свете опыта мировой войны»³.

В серии трудов германской исторической комиссии при Морском архиве в Берлине вышел труд Р. Фирле, посвященный описанию военных действий на Балтийском море в 1914 г. В СССР это исследование издавалось дважды⁴. Российские переводчики опустили лишь те фрагменты книги, в которых автор время от времени обращается к патриотизму немецкого читателя. Предисловие к первому русскому изданию, стремясь нивелировать односторонность изложения немецкого автора, написал

¹ Гроос О. Война на море 1914–1918 гг. Т. I: Военные действия в Северном море от возникновения войны до начала сентября 1914 г. С. 5.

² Там же. С. 136.

³ Гроос О. Учение о морской войне в свете опыта мировой войны. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. 344 с.

⁴ Фирле Р. Война на Балтийском море. Т. I: От начала войны и до прекращения в феврале 1915 года навигации / вступ. ст. и примеч. М. А. Петрова; пер. с нем. П. В. Гельмерсен и А. В. Тимонова. Л.: Изд. ред.-изд. отд. МС РККФ, 1926. 296 с.; Его же. Война на Балтийском море / пер. с нем. П. В. Гельмерсен и А. В. Тимонова; под ред. флагмана 2-го ранга Ю. Ралль; предисл. капитана 2-го ранга В. Алекина. [2-е изд.]. М.: Гос. воениздат, 1937. 387 с.

М. А. Петров. Ему же принадлежат и многочисленные пояснительные примечания к тексту подлинника, дополняющие германскую версию данными из русских официальных документов, собранных в Архиве войны 1914–1918 гг. на море. Р. Фирле сыграл негативную роль в провоцировании Турции к вступлению в войну на стороне Центральных держав: именно он командовал германо-турецкими миноносцами при набеге на Одессу 14 сентября 1914 г., тенденциозен он и при описании действий германского флота на Балтике. Тем не менее в СССР книгу издали, признавая, что она содержит ценный исторический материал. Фактическим продолжением книги Фирле является работа Г. Ролльмана о морских операциях на Балтийском море в 1915 г.¹ Интерес к ней автор предисловия В. Алекин усматривает в наличии ценного материала для изучения боевого опыта операций флота, особенно когда они проводились совместно с армией. По его словам, операции на Балтийском море сыграли большую роль в изменении взглядов на методы ведения войны в подобных условиях.

Следом за книгами Фирле и Ролльмана в СССР издали труд отставного контр-адмирала германского флота Г. Лорея². В нем автор, который командовал в 1915 г. турецким линейным кораблем «Хайреддин Барбаросса» и затем до 1917 г. линейным кораблем «Торгут Рейс», описывает деятельность морских сил, действовавших под турецким флагом и бывших в подчинении германо-турецкого морского командования, находившегося на крейсере «Гебен». В эту же серию книг берлинского Морского архива входит и труд П. Кеппена, обобщающий накопленный за годы войны опыт строительства боевых кораблей, совершенствования их технических характеристик и возможностей в соответствии с предъявляемыми войной требованиями. Эволюции каждого класса кораблей – линкоров, крейсеров, миноносцев и т. д. – посвящена отдельная глава, а их качество сравнивается с зарубежными, преимущественно английскими, аналогами³.

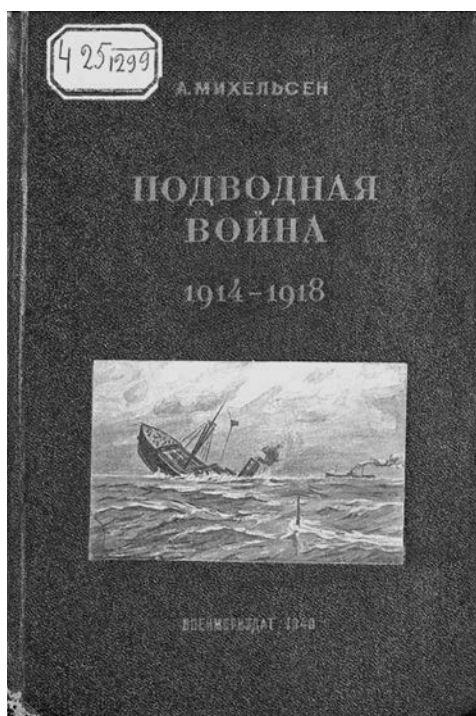
Взгляд на допустимость и необходимость для Германии неограниченной подводной войны попытался обосновать вице-адмирал Андреас Михельсен. В Первую мировую войну он был командиром крейсера на Балтике, в Ютландском сражении командовал всеми эсминцами Флота открытого моря, с 4 июня 1917 г. возглавлял подводный флот Германии и в этом качестве координировал его действия в ходе неограниченной подводной войны. Ему было что сказать, и он сделал это в книге о подводной войне в 1914–1918 гг., изданной в 1940 г. в СССР⁴.

¹ Ролльман Г. Война на Балтийском море. 1915 год / пер. с нем. Ю. Ралль. М.: Гос. воен. изд-во, 1935. 341 с.

² Лорей Г. Операции германо-турецких морских сил в 1914–1918 гг. / пер. с нем. Е. Шведе; предисл. И. Лудри; примеч. Н. Новикова. М.: Гос. воен. изд-во, 1937. 498 с.

³ Кеппен П. Надводные корабли и их техника в войну 1914–1918 гг. / пер. с нем. М.: Гос. воен. изд-во, 1937. 414 с.

⁴ Михельсен А. Подводная война 1914–1918 гг. / пер. с нем. М.; Л.: Гос. воен.-мор. изд-во, 1940. 138 с.

Михельсен всесторонне характеризует место и роль подводного флота в системе военно-морских вооружений, подводную войну с военной точки зрения, тактику действий подводных лодок, способы противолодочной обороны. Командующий подводными силами называет по годам и в целом общий тоннаж потопленных торговых и пассажирских судов неприятельских и нейтральных государств. Он был впечатляющ и явился следствием неограниченной подводной войны, официально объявленной 4 февраля 1915 г., когда в официальных правительственных газетах Германии появилось оповещение: *«1. Воды, омывающие Великобританию и Ирландию, включая Английский канал, объявляются военной зоной. Всякое встреченное в них неприятельское торговое судно подлежит утоплению,*

причем жизнь и безопасность экипажа и пассажиров не может быть гарантирована по обстоятельствам военного времени.

2. Ввиду постоянного злоупотребления противником нейтральными флагами и неизбежности ошибок во время военных действий, не исключена возможность атак нейтральных судов, вместо неприятельских; поэтому все корабли невоюющих держав предупреждаются о том, что в объявленной зоне они подвергают себя вышеуказанной опасности»¹.

Естественно, угроза торговому и пассажирскому судоходству с неминуемыми человеческими жертвами не могла не поставить вопрос: была ли подводная война бесчеловечна, выходит ли она из обычных рамок войны и не отличается ли способ ее ведения особым варварством и жестокостью. Ответ Михельсена отрицателен: немецкие подводники не вышли за границы общепринятых в военно-морских кругах представлений. В подтверждение он приводит письмо британского Первого морского лорда Фишера немецкому адмиралу Тирпицу, которое содержит признание, что он, Фишер, не обвиняет Тирпица из-за подводной войны: *«Я бы точно так же поступил, только наши идиоты в Англии не хотят этому верить»*². Аргументы Михельсена не ограничиваются ссылками на якобы признанную Англией целесообразность подводного террора. Он утверждает, что немцы начали подводную войну в ответ на установлен-

¹ Михельсен А. Подводная война 1914–1918 гг. С. 12.

² Там же. С. 120–121.

ную Англией голодную блокаду Германии. Начатая в феврале 1915 г. подводная война была актом самозащиты.

Оценивая торпедирование подводной лодкой U-20 английского пассажирского лайнера «Лузитания», Михельсен утверждает: *«В данном случае командир лодки поступил по всем правилам, так как судно было неприятельское, находилось в запрещенной зоне и, кроме того, числилось в списках вспомогательных крейсеров адмиралтейства и, как таковое, несомненно, подлежало атаке лодки»*¹. Более того, англичане поступали точно так же: 5 мая 1915 г., за два дня до гибели «Лузитании», английская подводная лодка торпедировала турецкое пассажирское судно «Стамбул», о чем нигде не упоминалось. У Михельсена есть и еще один удивительный довод в защиту подводной войны: *«Всего жертв подводной войны круглым счетом 30 000 человек, из коих около половины моряков английского торгового флота. Другая половина – служащие иностранных коммерческих флотов и небольшое число пассажиров»*. Последнее, иногда с женами и детьми, *«преступно легкомысленные»*, а значит, сами виноваты, поскольку не посчитались с опасностью плыть кораблями. Да и вообще, *«что значит 30 000 и среди них минимальное количество непричастных к войне. Война на суше поглотила несравненно большее количество частных граждан, не успевших бежать из своих разоренных гнезд и ставших жертвами ужасов войны»*². Печально осознавать, что в милитаристском сознании тридцатитысячная жертва вообще принимается за величину, не стоящую внимания.

4.3. Анализ применения новых видов вооружения

4.3.1. Авиация

Широкое применение авиации как оборонительного и наступательного оружия побудило после окончания войны оценить ее эффективность и определить возможности и сферы применения в будущем. Аналитические труды были изданы во всех странах, активно использовавших военно-воздушные силы. Некоторые из них появились в переводе на русский язык.

Уже в январе 1919 г. вышел официальный отчет Британского воздушного министерства, в 1921 г. он был опубликован в Москве³. Отчет сообщает, что уже 13 августа 1914 г. четыре авиационных отряда из 56 самолетов были переправлены во французский Мобеж и приступили к боевым действиям в координации с английским экспедиционным корпусом. Всего же самолетов в стране было 272. Дальнейшее развитие военно-воздушных сил обеспечило наращивание материальной базы авиации, что стало возможным потому, что страна к 1918 г., по утверждению отчета, обладала *«обширнейшей и лучшей авиацион-*

¹ Михельсен А. Подводная война 1914–1918 гг. С. 16–17.

² Там же. С. 123.

³ Британские воздушные силы в мировой войне: 1914–1918 гг.: Официальный отчет Британского воздушного министерства от 10 января 1919 г. / пер. с англ. М.: Гос. изд-во, 1921. 32 с.

ной промышленностью во всем мире», что позволило в 1918 г. иметь в строю 26 685 самолетов. Английская авиация не испытывала недостатка и в летном составе: за годы войны были обучены 21 957 летчиков и летчиков-наблюдателей. И в этом отношении, как утверждалось в отчете, *«британская система обучения оказалась лучшей из существующих»*. Располагая большим парком самолетов и обученным летным составом, авиация вела активные боевые действия. С июля 1916 по 11 ноября 1918 г. на Западном фронте она уничтожила 7054 неприятельских аэроплана, сбросила 6942 тонны бомб, выпустила более 10 млн патронов по земным целям. Одновременно были приняты меры по защите Лондона от налетов вражеской авиации¹. Англия помогала и союзникам развивать военную авиацию. О российском направлении сотрудничества отчет сообщает: *«В 1916 году была послана миссия в Россию для помощи в деле обучения и для организации Русского Летного Корпуса и в течение последней половины 1916 и 1917 г. Россия была снабжена 251 самолетом»*².

«Отчет» не содержал рекомендаций о перспективах послевоенного развития авиации. Это сделали военные теоретики. Действия английской авиации были досконально исследованы в вышедшей под редакцией Г. Джонса и У. Релея шеститомной серии «Война в воздухе», а также в ряде других трудов, но они в СССР не публиковались³. Исключение составляет труд генерала Эдуарда Бейли Ашмора «Воздушная оборона Англии в настоящее время и в мировую войну», вышедший в СССР двумя изданиями⁴. Автор был весьма компетентен в рассматривавшейся теме, поскольку до самого конца войны руководил воздушной обороной Лондона, а после войны занимал командные должности в военно-воздушных силах страны. Ашмор оценил эффективность действий на протяжении войны всех видов авиации – дирижаблей, бомбардировщиков, истребителей, пассивных средств защиты наподобие аэростатов заграждения – и пришел к выводам, противостоявшим возобладавшей в то время концепции воздушной войны итальянского генерала Джулио Дуэ. Согласно взглядам этого теоретика, противовоздушную оборону нельзя обеспечить силами истребительной авиации, зенитной артиллерии и других пассивных средств. Единственной защитой может быть только уничтожение активными бомбардировками авиационных заводов, баз и авиации противника, которое даст господство в воздухе и обеспечит победу. Ашмор, наоборот, утверждал, что такая стратегия не принесет успеха и только результативная противовоздушная оборона, наносящая противнику большие потери, способна предотвратить налеты бомбардировочной авиации.

¹ Британские воздушные силы в мировой войне: 1914–1918 гг.: Официальный отчет Британского воздушного министерства от 10 января 1919 г. С. 5–6, 9, 28–30.

² Там же. С. 28.

³ История Первой мировой войны. 1914–1918 гг.: в 2 т. М.: Наука, 1975. Т. 1. С. 5, 26, 28.

⁴ Ашмор Э. Б. Воздушная оборона Англии в настоящее время и в мировую войну / сокр. пер.-обработ.; под ред., с предисл. и примеч. Е. Татарченко. М.: Гос. воен. изд-во, 1932. 144 с.; 2-е изд., доп. и перераб. М.: Изд-во и 1-я тип. Гос. воен. изд-ва, 1936. 254 с.

Генерал Эрнст фон Геппнер был первым начальником воздушных сил Германии. Назначение на этот пост он получил в 1916 г., когда все авиационные, воздухоплавательные и противовоздушные силы Германии были объединены под одним командованием. Сразу после войны Геппнер издал книгу «Война Германии в воздухе», вскоре опубликованную в России¹ и затем дважды в СССР – в 1924 и 1936 гг.² В ней показано развитие германской авиации от предвоенного времени до конца войны, а основное внимание уделено использованию ее в боевых действиях. Как сообщает Геппнер, к 1 апреля 1927 г. *«германская авиация в отношении организации, обучения и снабжения стояла на большой высоте. 37 истребительных отрядов, включая один морской, находились на западном фронте, готовыми для боя с неприятельскими воздушными силами. Тыл снабдил их самолетами, летные качества и вооружение которых в то время не были превзойдены ни одним из неприятельских аппаратов»*. Летчики сражались успешно: *«Особенно отличился 11-й истребительный отряд под командой барона Рихтгофена. Он добился за период с 23 января по 22 апреля 1917 года ста подтвержденных воздушных побед»*. Эффективно действовала бомбардировочная авиация. Геппнер сообщает: *«26 мая 1917 г. германские сухопутные самолеты впервые напали днем на важные военные сооружения на юго-восточном побережье Англии; 5 июня 1917 г. налет был повторен, а 13 июня 1917 г. в полдень над Лондоном появились 17 германских самолетов "G", которые сбросили на портовые сооружения и доки этого столь важного для военной промышленности Антанты города до 4400 кг бомб»*³. Из оценок Геппнера следует, что Германия располагала хорошими самолетами и авиационным вооружением, имела подготовленных летчиков, лучшую зенитную артиллерию. Это помогло ей противостоять противнику, обладавшему численным превосходством в воздухе.

4.3.2. Танки

Боевые действия танковых подразделений и показанная в ряде крупнейших сражений Первой мировой войны их важная, даже решающая, роль в достижении успеха побудили военных теоретиков Англии, Франции, Австрии обобщить опыт использования танков в боях в трудах, получивших широкую известность в разных странах, в том числе и в СССР. Профессиональный военный Джон Фуллер в ходе Первой мировой войны был назначен в штаб вновь сформированного Британского танкового корпуса, и с этого времени его военная карьера была связана с танковыми войсками. Войну Фуллер закончил

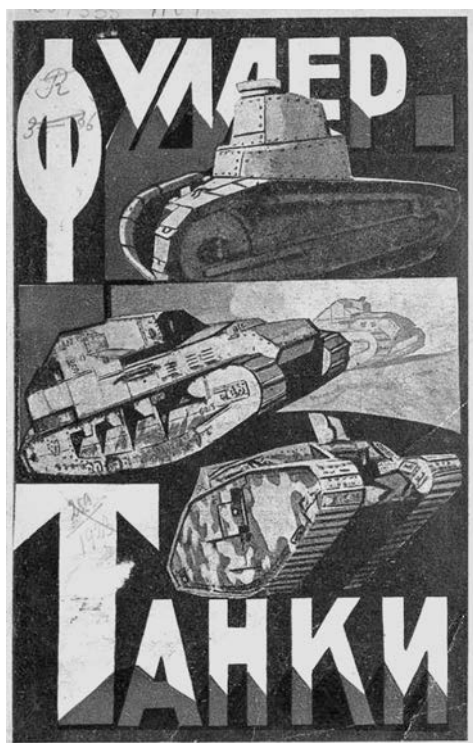
¹ *Хеппнер Э. В. А. фон. Война Германии в воздухе / обраб. пер. с нем.; под ред. и с доп. А. Лапчинского. М.: Гос. воен. изд-во, 1919. 217 с.*

² *Хеппнер Э. В. А. фон. Война Германии в воздухе / пер. с нем.; под ред. и с предисл. А. Лапчинского. М.: Гос. воен. изд-во, 1924. 184, [2] с.; Хеппнер Э. Война Германии в воздухе / пер. с нем.; под. ред. А. Лапчинского. 2-е изд. М.: Гос. воен. изд-во, 1936. 217 с.*

³ *Хеппнер Э. Война Германии в воздухе. С. 112, 114, 121.*

в должности начальника штаба танкового корпуса, что позволило ему выработать широкое понимание возможностей использования нового вида вооруженных сил как высокоподвижного и хорошо оснащенного средства боевых действий.

Позднее, уже после окончания войны, свои взгляды Фуллер изложил в труде «Танки в Великой войне 1914–1918 гг.», в 1923 г. переведенном на русский язык¹. В нем показан и первый опыт их боевого применения, состоявшийся 15 сентября 1916 г. в сражении на Сомме. В оценке Фуллера, атака танков «не была особенно успешной с точки зрения действия танков. Из 49 танков только 32 дошли до исходных пунктов; 9 двигались во главе пехоты и причинили неприятелю значительные потери, а 9 других, хотя не вошли в связь с пехотой, хорошо поработали по очистке пунктов, где неприятель еще держался. У 9 из остальных 14 испортился механизм, и они вышли из строя, а 5 увязли в грязи»². Однако вскоре обозначился «поворот к новым приемам тактики». В одном из боев два танка «успели направить огонь своих 6-фунтовых пушек и пулеметов на назначенный им укрепленный пункт; это оказало такое сильное действие, что вскоре занимавшие его германцы сдались: 400 пленных

¹ Фуллер Дж. Танки в Великой войне 1914–1918 гг. / пер. с англ.; под ред. В. Ф. Новицкого. М.: Высш. воен. ред. совет, 1923. 264 с.

² Там же. С. 50.

было взято командой танка, состоявшей из 2-х офицеров и 14 нижних чинов»¹.

Объяснить это чем-либо иным, нежели ужас при столкновении с новой, невиданной прежде, техникой невозможно. Накопленный в ряде боевых столкновений опыт позволил перейти к массированному использованию танков. 20 ноября 1917 г. в районе французского города Камбре в бой был введен танковый корпус из 476 машин, обеспечивший всего за 12 часов боя прорыв германского фронта и победу в сражении англо-французских союзников. Фуллер сравнивает: такие же результаты во время третьего сражения у Ипра (31 июля – 10 ноября 1917 г.) были достигнуты за три месяца боев, в течение которых непосредственный прорыв занял 19 дней. Таким образом, при Камбре была продемонстрирована высокая эффективность танков в преодолении позиционных укреплений противника с большими потенциальными возможностями роста. Более того, обобщая опыт этого танкового боя, Фуллер констатировал приход новой эпохи – начало машинной войны².

Фуллер не только изложил историю применения танков в сражениях, но и развил идеи ведения войны малыми профессиональными армиями, оснащенными авиационной, морской и танковой техникой. Он предрекал танкам исключительное место в будущей иерархии вооружений: *«Танк находится еще в периоде детства, но он будет расти и в один прекрасный день сравняется в механическом совершенстве и действительности с сверхредноутами. Что же тогда? Тогда произойдет тесное взаимодействие между крупными видами механического оружия, – морским, воздушным и сухопутным судами или, что все равно, между кораблем, аэропланом и танком. Эти виды оружия будут сближаться и объединяться, образуя не три, а один род оружия»*³. Но и это не предел. В его прогнозах *«идеальная армия, к которой надо стремиться, это – не вооруженный народ, а один человек, притом не какой-нибудь сверхученый, но просто человек, способный нажать кнопку или вынуть пробку и тем привести в действие машины, изобретенные лучшими умами науки в мирное время. Такой армии нет надобности занимать театр военных действий; человек, который ее представляет, может быть спрятан за тысячи миль, хотя бы на Камчатке, и вести сражение на западном фронте. Разве это невозможно?»*⁴ Оказалось, что Фуллер был прав: ныне живущие являются свидетелями реализации его прогнозов в новых технологиях войны.

Танковый опыт французской армии не уступал английскому. Количество действующих танков у французов было больше, чем у англичан, особенно в конце войны. Именно во Франции, где начиная с 1917 г. развернулись наиболее важные операции, ни одно более или менее крупное сражение не проходило без участия танков. Поэтому военные специалисты считали необходимым

¹ Фуллер Дж. Танки в Великой войне 1914–1918 гг. С. 51.

² Там же. С. 128.

³ Там же. С. 260.

⁴ Там же. С. 254–255.

изучение французской практики применения танков в наступательных и оборонительных сражениях в условиях максимальной плотности фронтов и в сложных системах оборонительных полос. Такой анализ провел Ф. Митчел, показавший развитие танковых войск не только в Англии, но и во Франции¹. В его труде содержатся технические характеристики бронетехники на разных этапах ее совершенствования, рассмотрены методы применения танков в боях на Сомме, Камбре и в других сражениях.

Митчел обращает внимание на конструктивное несовершенство танков: английский М-IV передвигался со скоростью около 8 км в час с радиусом действия в 40 км, а его достоинством, подчеркивает Митчел, была способность легко менять направление и разворачиваться на уклоне. Заменявший его танк М-V был совершеннее: мог переходить через окопы, насыпи и стенки, двигаться по вспаханному полю и сквозь проволоочные заграждения. Эффективность действий танков была высока. Один из примеров, который приводит Митчел, – это второе сражение на Марне, когда 225 танков начали атаку без предварительной подготовки, отбросили немцев назад и окончательно сломили их наступательную мощь. Единственным участком фронта, где немцы отбили все атаки, была 11-я французская армия, не имевшая танков. Танки, полагал Митчел, доказали свою ценность не только страшной разрушительной силой, но и как транспортное средство: способностью возить с собой около 4 тонн боевых припасов и воды для пехоты. Но условия для экипажей были тяжелейшими: *«Палящее солнце снаружи и ужасная температура внутри делали пребывание внутри танка М-V больше трех часов невозможным. Вентиляция была плоха, отработанные и пороховые газы быстро пропитали всю атмосферу, водители слабели на своих сиденьях, артиллеристы падали в обморок около своих пушек, некоторых тошнило, а другие бредили. Часто жара и газы становились настолько невозможными, что экипажи были вынуждены выходить из танков. Все испытывали головную боль, головокружение и болезненное сердцебиение, но выполняли свою работу»*².

Обобщая опыт применения танков, Митчел подчеркивает: *«Танки не выиграли войны, но они создали условия, сделавшие возможной победу. Они одни оказались в состоянии прорвать наиболее укрепленные позиции и сокрушить всякое сопротивление. Работа, которую пехота могла бы проделать в течение многих недель с огромными усилиями и потерями, проделывалась танками в один день и с небольшими потерями в людях. Они вернули также войне элемент внезапности, так как атаковали без предварительной артиллерийской подготовки»*³. Он полагал, что *«благодаря росту механизации танки в буду-*

¹ Митчел Ф. Танки на войне: история развития танков в мировой войне 1914–1918 гг. / сокр. пер. с англ. С. Браверманна; под ред. и с предисл. К. Степного. М.: Гос. воен. изд-во, 1935. 100 с.

² Там же. С. 82.

³ Там же. С. 88.

*щей войне будут играть большую роль. В боевых действиях будут участвовать танковые “эскадры”, а потому на суше найдет применение морская тактика. Легкие быстроходные разведчики (двухместные танки) будут высылаться вперед для разведки и вызова огня противника. Средние танки под прикрытием дымовой завесы будут атаковать во фланг неприятельские танки, а тяжелые танки, быстро двигаясь по полю боя, откроют огонь по своему противнику»*¹.

Прогнозы Митчела ныне не столь уж и важны, его книга интересна как памятник военно-теоретической мысли, пытавшейся осмыслить опыт применения в бою нового вида оружия. Это же можно сказать и о трудах других теоретиков. Французская армия имела больше танков, чем английская, и успешно их применяла. Французский опыт действий танковых войск обобщил Л. Дютиль, в годы войны служивший в чине капитана². Нашлись заинтересованные в овладении опытом танковых боев и в странах, не преуспевших в создании танковой техники. Австрийский генерал артиллерийской службы Людвиг фон Эймансбергер подробнее рассмотрел применение танков в сражениях Первой мировой войны, интерпретировав их ход и результаты под углом зрения подготовки к будущей войне³. Ведущим родом войск, по его мнению, станут танки, только они смогут привести к решающей победе в отдельном бою и в войне в целом. Остальные роды сухопутных сил будут лишь содействовать танковым войскам и использовать их достижения в своих целях. Доминирующая роль танков должна изменить и место других видов вооруженных сил. Пехота должна защитить себя мощным противотанковым оружием, артиллерия обеспечить подавление противотанковой обороны противника.

Рассказывает Митчел и о танках Германии, подчеркивая их несовершенство по сравнению с английской и французской бронетехникой. Немецкий военный писатель М. Шварте акценты расставляет по-другому, подчеркивая только, что *«первоначальное появление танков недооценивалось германским генеральным штабом, так что к 1918 г. немцы имели только 20 танков против нескольких сотен неприятельских»*. В техническом отношении он усматривал недостаток танков исключительно в одном: *«Немецкий танк был несколько тяжел»*, зато быстроходен (до 12 км в час!), поворотлив, хорошо бронирован. Окончание войны не позволило проверить немецкие танки в деле. Отказ от производства танков, полагал М. Шварте, хотя и не был причиной, но являлся предвестником общего краха военной мощи Германии⁴.

¹ Митчел Ф. Танки на войне: история развития танков в мировой войне 1914–1918 гг. С. 98.

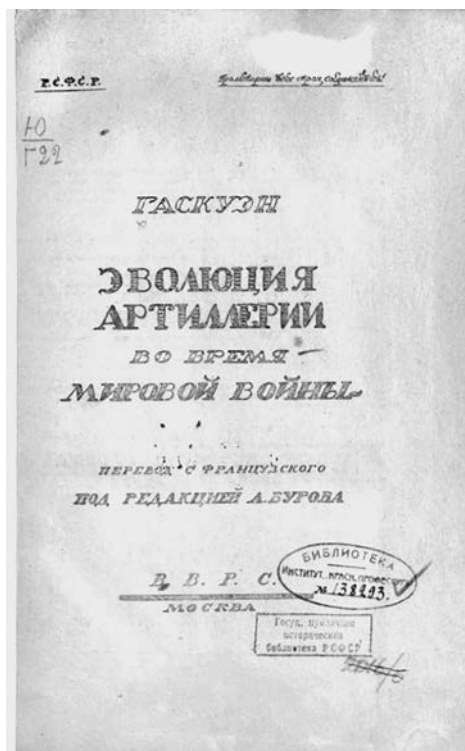
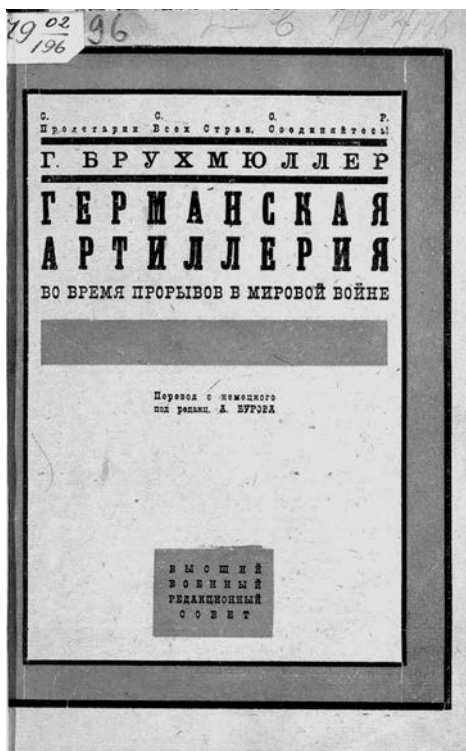
² Дютиль Л. Танки [Создание и боевое применение танковых сил во фр. армии во время войны 1914–1918 гг.] / пер. с фр.; под ред., с предисл. и примеч. К. Степного. М.: Гос. воен. изд-во, 1934. 242 с.

³ Эймансбергер Л. Танковая война / пер. с нем. 3-е изд. М.: Гос. воен. изд-во, 1937. 344 с.

⁴ Шварте М. Техника в мировой войне... С. 156–157, 160.

4.3.3. Артиллерия

Эволюцию службы артиллерии в германской армии показал Г. Брухмюллер в книге «Германская артиллерия во время прорывов в мировой войне»¹. Он занимал видное место в военной иерархии: в разные годы войны был командиром батальона, командиром полка полевой артиллерии, начальником артиллерии дивизии, привлекался к разработке почти всех наступлений на Восточном фронте, служил инспектором артиллерии при верховном командовании на Западном фронте, а потому его суждения как авторитетного специалиста привлекли внимание не только в Германии, но и в других странах. Брухмюллер сам объяснил свой замысел: *«Я намерен описать приемы наступательных действий артиллерии в позиционной войне, отметить их характерные особенности и поделиться личными впечатлениями о деятельности артиллерии при прорывах»*². Содержанием труда и является анализ мероприятий по управлению артиллерией на фронте дивизии, на участке армейского корпуса, на фронте армии, на фронте группы армий и под непосредственным руководством верховного командования. Поставленные Брухмюллером вопросы и ответы на них представляют интерес только для военных специалистов, ко-

¹ Брухмюллер Г. Германская артиллерия во время прорывов в мировой войне / пер. А. Таубе. М.: Высш. воен. ред. совет, 1923. 165 с.

² Там же. С. 20.

торые оценивали идеи этой работы как крупнейшее звено в развитии тактики артиллерии во время Первой мировой войны.

Французский генерал Фирмен Эмиль Гаскуэн накануне мировой войны был профессором Военной академии, а с ее началом – начальником артиллерии дивизии и армейского корпуса. Исходя из своего опыта, издал книгу «Эволюция артиллерии во время мировой войны»¹. Компетенция Гаскуэна была столь неоспорима, что его работа сразу после выхода во Франции получила широкую известность, была переведена на иностранные языки, в том числе на русский. В оценке Гаскуэна, в начале войны *«мы имели действительно численное преимущество в полевой артиллерии, превосходство как в числе орудий, так и главным образом в числе батарей, приходившихся на армейский корпус»*. Превосходила немецкий аналог и французская 75-мм пушка, которая была *«более точна и по дальности, и по направлению; обслуживание проще и не дает случаев задержки стрельбы»*. В то же время *«поразительное превосходство германской тяжелой артиллерии; у нас ее не было ни в дивизии, ни в корпусе, в армии же – только в зачаточном состоянии»*². Оценив материальную часть французской артиллерии, охарактеризовав личный состав и подготовку артиллерийских подразделений, Гаскуэн показал важнейшую роль артиллерии во всех фазах войны – и в обороне, и в наступлении. В то же время французский генерал критичен и не склонен преувеличивать ее роль: *«Если эта война закончилась победой, то только благодаря неистощимым промышленным и материальным ресурсам наших союзников, а не вследствие образцового использования нашего вооружения и системы нашей артиллерии»*³.

Основополагающей идеей труда Гаскуэна является необходимость на основе опыта Первой мировой войны подготовиться к будущей войне, которая *«защитила бы наши границы против наступления не только центральных держав, но даже всего востока, если бы оно началось»*. Для этого, продолжает Гаскуэн, *«мы должны быть у себя безусловными хозяевами и использовать все, что дала эта война в смысле тактики и техники, – все, что материально возможно и относительно полезно. Цена, которую надо заплатить, чтобы завоевать гектар земли, сильно поднялась, – вот один из выводов войны»*⁴. Однако, как показала Вторая мировая война, Франция не очень восприняла советы своего военного ученого и боевого генерала.

4.4. Мемуары и труды руководителей спецслужб

В Советском Союзе было издано несколько работ, написанных сотрудниками и руководителями спецслужб стран – участниц войны. Для чего это делалось? В СССР было широко распространено мнение о начавшейся уже

¹ Гаскуэн Ф. Э. Эволюция артиллерии во время мировой войны / пер. с фр.; под ред. А. Бурова. М.: Гос. изд-во, 1921. 140 с.

² Там же. С. 11–13.

³ Там же. С. 138.

⁴ Там же. С. 7.

в 1935 г. Второй мировой войне. И в этих условиях – «*происходящей второй империалистической войны*» – нужно было, как говорилось в редакционном предисловии к книге Дж. Астона о британской контрразведке, «*удесятерить бдительность*», «*нужно весь наш народ держать в состоянии мобилизационной готовности перед лицом опасности военного нападения, чтобы никакая “случайность” и никакие фокусы наших внешних врагов не могли застигнуть нас врасплох*»¹. Эту задачу и решали выпуском ряда книг об организационной структуре и деятельности зарубежных спецслужб.

Великобритания. Книга сотрудника британских разведывательных и контрразведывательных служб Эдвина Вудхолла «Разведчики мировой войны» была издана в СССР в 1938 г. и переиздана в 1943 г.² В ней автор не делает широких теоретических обобщений о методах работы военной и политической разведок, но раскрытые им эпизоды разведывательной работы показывают важнейшую роль в принятии решений негласно добытой информации. Он пишет, не раскрывая имен, о немецком шпионаже во время боев 1914 г. в Восточной Пруссии: «*Это была женщина исключительной красоты. К тому же она была ловка и обаятельна. Благодаря ее информации по некоторым вопросам Гинденбургу удалось задержать русское наступление в Восточную Пруссию. Как только русские стали наступать, германская контрразведка послала эту шпионку в Восточную Пруссию для получения сведений от русских офицеров. И действительно, “докторше” удалось передать контрразведке шенденбургской армии очень важные секреты русской армии. Из своей гостиницы, расположенной позади русского фронта, она посылала с почтовым голубем в генеральный штаб германской армии информацию о ходе наступления русских. Внезапным нападением на центр и фланги германцы вбили клин между обеими русскими армиями, которые стали поспешно отступать. Этот удар привел, в конечном счете, к катастрофе у Мазурских озер*»³. Примером хорошо сохраненной тайны явилось применение танков на франко-германском фронте. Как пишет Вудхолл, «*в течение некоторого времени танки буквально парализовали врага. Неожиданность появления этого оружия была для немцев настолько потрясающей, что если бы танк тогда имел более совершенную конструкцию, то союзные армии, наверное, могли бы немедленно приступить к победоносному окончанию войны*»⁴.

Затрагивает Вудхолл и внешнеполитическое направление разведывательной деятельности. Английская разведка, например, была осведомлена о германо-турецких отношениях, но не поделилась информацией с Россией: «*Германская военная контрразведка держала в абсолютной тайне союз Германии с Турцией.*

¹ Гермаидзе Г. Предисловие // Д. Астон. Британская контрразведка в мировой войне / пер. с англ. М.: Соцэкгиз, 1939. С. 4, 13.

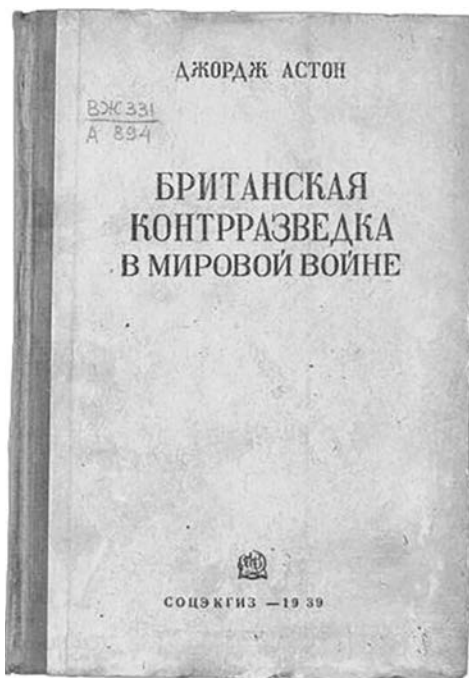
² Вудхолл Э. Разведчики мировой войны / пер. с англ. М.: Воениздат, 1938. 144 с.; 2-е изд. М.: Воен. изд-во Нар. ком. обороны, 1943. 140 с.

³ Вудхолл Э. Разведчики мировой войны. М.: Воениздат, 1938. С. 59.

⁴ Там же. С. 103.

Англия знала об этом союзе, но чтобы не нарушить международных законов и нейтралитета, позволила “Гебену” и “Бреслау” выйти в море»¹. Успехом английской разведки был перехват и публикация в печати в феврале 1917 г. письма германского министра иностранных дел Циммермана германскому посланнику в Мексике Экхарду. В нем говорилось: «С 1 февраля мы начинаем неограниченную подводную войну. Однако мы намерены сохранить нейтралитет Америки. Если наши усилия в этом направлении окончатся неудачей, то мы предложим содействие Мексике на следующих условиях: мы будем воевать и заключать мир сообща; мы обеспечим финансовую поддержку и будем содействовать возвращению Мексике потерянных ею провинций – Нью-Мексико и Аризона. Подробности договора будут выработаны Вами. Позондируйте Карранцу² в самой строгой интимной обстановке, и как только станет известно с достоверностью, что мы начинаем воевать с Америкой, укажите ему, чтобы он по своей собственной инициативе вошел в контакт с Японией, заручился ее сотрудничеством и предложил свое посредничество для переговоров между Японией и Германией. Обратите внимание Карранцы на тот факт, что переход к неограниченной подводной войне может заставить Англию броситься нам в ноги и привести к миру в несколько месяцев. Циммерман»³. Другими словами, Германия приглашала Японию и Мексику вторгнуться своими армиями в США. Публикация письма заставила Мексику и Японию все отрицать и подтвердить верность союзникам. Этими и другими примерами Вудхолл стремился показать, что разведка и контрразведка были существенным элементом успеха как при проведении внешнеполитических комбинаций, так и в осуществлении крупнейших военных операций.

Джон Астон, генерал и один из руководителей британской военно-морской разведки, воплотил свой богатейший опыт в труде «Британская контрразведка в мировой войне», изданный в СССР в 1939 г.⁴ В отличие от Вудхолла, который ограничился описанием отдельных эпизодов из практики разведки

¹ Вудхолл Э. Разведчики мировой войны. С. 33.

² Венусимано Карранса – в 1914–1917 гг. глава правительства Мексики.

³ Вудхолл Э. Разведчики мировой войны. С. 38–39.

⁴ Астон Д. Британская контрразведка в мировой войне / пер. с англ. М.: Соцэкгиз, 1939. 248 с.

и контрразведки, Астон создает более цельное представление об истории развития, методах и результатах деятельности разведывательных служб Великобритании. Автор излагает в сжатом виде историю создания военной разведывательной службы и ее деятельности в 1865–1914 гг., опираясь на многочисленные свидетельства и свой личный опыт работы в военно-морской разведке в годы мировой войны. При этом Астон заранее объявил о существенном самоограничении: события мировой войны, объем и содержание информации, которой располагал командный состав во время важнейших операций на суше и на море, а также способы, какими эта информация добывалась, он намерен раскрывать, «*насколько это возможно без ущерба для интересов нации*»¹. В ряде случаев даже имена участников событий обозначены псевдонимами: «*В этой трагедии участвовали офицер британской разведки, которого назовем “Миннерингом”, и его противник из германской разведки “фон Фриц”*». Этого и следовало ожидать, обращаясь к книге о событиях и решениях, многие из которых все еще оставались засекреченными. Сам Астон на примере неудачной Дарданелльской операции 1915 г. показывает важность сохранения тайны, когда же противник осведомлен о намерениях противостоящей стороны, операция обречена на провал. Накануне Дарданелльской операции секретность не была обеспечена. Астон отмечает: «*В Портсмуте, где я в то время находился, эта тайна была у всех на устах*». Отсутствие секретности, по его мнению, было одной из непосредственных причин, приведших «*к кровавой бойне на побережье. Это наиболее яркий пример плохо сохраненной военной тайны*»².

Астон обратился и к такому немаловажному явлению, как широко распространявшиеся слухи. Он пишет: «*Слухи и тайна их происхождения занимают во время войны важное место в работе разведывательной службы, потому что слухи оказывают значительное влияние как на армию, так и на население в тылу, а это отражается на моральном состоянии армии*»³. Рассказывает он и о тематике ходивших по городам и поселкам Великобритании измышлений: «*Возникавшие слухи были самого разнообразного свойства: сигнализация враждебным воздушным силам; выращивание голубей – несомненно, почтовых; взрывы военных заводов; разрушение железнодорожных мостов; таинственные автомобили, нарушавшие правила освещения... В аристократических семьях оказывались подозрительные швейцарские гувернантки. О людях, игравших большую роль в общественной жизни, рассказывалось, что они заключены в Тауэр... В одном заслуживающем доверия докладе я прочитал, что в лондонскую полицию ежедневно поступали доносы примерно на 400 человек, обвинявшихся в шпионаже*»⁴. Парадоксально, но, по оценке Астона, «*распространение ложных слухов, которые могли сбить с толку врага, было бесполезным*.

¹ Астон Д. Британская контрразведка в мировой войне. С. 14.

² Там же. С. 80–81.

³ Там же. С. 69.

⁴ Там же. С. 73.

Возьмите, например, слух о массах русских войск, высаживающихся в Шотландии и тайно отправляемых на юг в запечатанных вагонах... Я считал инициатором этого слуха лорда Китченера». Согласно этому слуху, «по одной версии четыре русских армейских корпуса или даже 250 тыс. русских солдат были будто бы доставлены в Шотландию и Англию через Архангельск (и при наличии однокорейной железнодорожной линии на севере России!)». Пользу подобных слухов Астон усматривает во введении в заблуждение врага. «Упоминая об этом слухе, я воспользуюсь случаем воздать должное одному германскому шпиону высшего типа, тоже поверившему этому слуху и передавшему его своему начальству с живописными подробностями о проезжавших через Англию бородатых людях огромного роста в сапогах, еще покрытых снегом»¹. Астон имел в виду Карла Лоди².

Вполне естественно, что в книге о разведке и контрразведке многие страницы посвящены разоблачению вражеской агентуры. Он отмечает, что в ее составе было немного немцев. Об одном из них, Карле Мюллере, Астон подробно рассказывает в отдельной главе – «Опасный шпион». Большинство же немецких шпионов, орудовавших в Англии, были выходцами из нейтральных стран и работали только за деньги. Астон уделил немало внимания теме использования женщин в деле выведывания секретов, в том числе знаменитой танцовщицы Маргариты Гертруды Маклеод, выступавшей под именем Мата Хари, что на индонезийском и малайском языках означает «око утренней зари».

Выше приводилось изложение Вудхоллом истории международного скандала, вызванного телеграммой министра иностранных дел Германии Циммермана посланнику в Мексике Экхарду, что явилось одним из поводов вступления США в войну. Астон также не прошел мимо этого события, рассказав о нем более развернуто. Он, отдав должное работе британских дешифровщиков, «чья изнурительная работа... в большинстве случаев не давала результатов», ибо «в 99 случаях из 100 заводи́ла в безвыходный тупик», особенно подчеркнул, что работа по расшифровке этой телеграммы увенчалась успехом и «это было одним из самых поразительных достижений в работе разведки за годы войны»³. Астон приводит и еще одну телеграмму Циммермана от 5 февраля 1917 г., в которой он инструктировал Экхарда: «При условии, что нет риска выдачи секрета Соединенным Штатам, предлагаем вашему превосходительству уже сейчас поднять перед мексиканским правительством вопрос о союзе. Однако окончательное заключение союза зависит от возникновения войны между Германией и Соединенными Штатами». Расшифрованные телеграммы министр иностранных дел Англии Бальфур передал американскому

¹ Астон Д. Британская контрразведка в мировой войне. С. 73–74.

² Карл Лоди – офицер запаса германского флота, с мая 1914 г. работал на германскую военно-морскую разведку, передавал информацию о британском военно-морском флоте, но в Англии был разоблачен контрразведкой, арестован и военным трибуналом приговорен к смертной казни. В нацистской Германии был объявлен национальным героем.

³ Астон Д. Британская контрразведка в мировой войне. С. 137–138.

послу в Лондоне. По мнению Астона, расшифрованные секретные документы Циммермана «явились последней каплей, переполнившей чашу»: произошел перелом в пацифистски нейтральных настроениях в США¹.

Астон выразил надежду, что его книга позволит читателям составить мнение о деятельности британской разведки в собственном тылу, в морских сражениях, на сухопутных фронтах во Франции и на Ближнем Востоке. Он прав в том, что его работа может рассматриваться как важный первоисточник, заслуживающий внимания. В то же время в аннотации к российскому изданию труда Д. Астона прямо указывалось на первичную цель его выхода в свет в СССР: «Книга <...> знакомя советского читателя и наших военных специалистов с методами разведочной и контрразведочной работы, будет способствовать укреплению мобилизационной готовности советского читателя в условиях международного капиталистического окружения и повышению его политической бдительности»².

Германия. Работу германской военной разведки и контрразведки накануне и в период Первой мировой войны раскрыл в воспоминаниях Вальтер Ни-

Вальтер Николаи

колаи, звезда первой величины среди руководителей спецслужб XX в., с 1913 по 1919 г. возглавлявший германскую разведывательную службу. В Берлине труд Николаи появился в 1923 г., а в 1925 г. вышел на русском языке под названием «Тайные силы: Интернациональный шпионаж и борьба с ним во время войны и в настоящее время»³.

Редактор перевода и сам историк спецслужб К. К. Звонарев⁴ в предисловии отметил, что книга Николаи «является весьма ценным вкладом в литературу по вопросам разведки», в ней «много весьма поучительных фактов и примеров»⁵. Эта оценка вполне оправданна: Николаи на примере деятельности германской и европейских разведывательных служб затронул широкий круг вопросов,

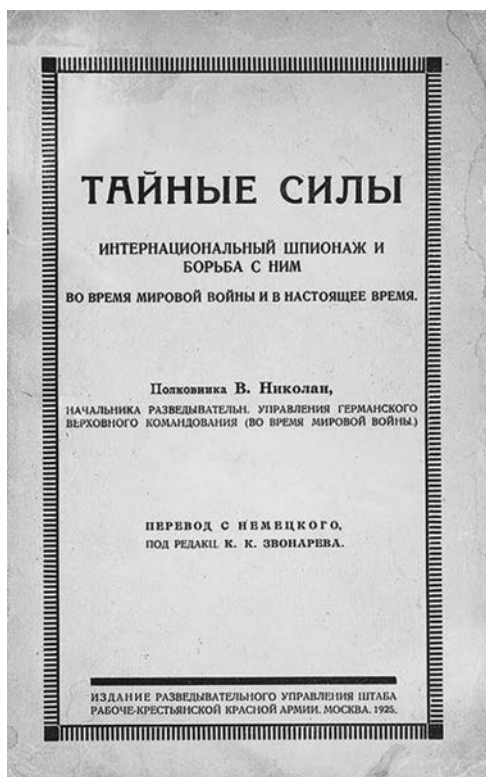
¹ Астон Д. Британская контрразведка в мировой войне. С. 141–143.

² Там же. С. 2.

³ Николаи В. Тайные силы: Интернациональный шпионаж и борьба с ним во время войны и в настоящее время. 141 с.

⁴ Звонарев К. К. Агентурная разведка. М.: IV упр. Штаба РККА. Т. 1: Русская агентурная разведка всех видов до и во время войны 1914–1918 гг. 1929. 215 с.; Т. 2: Германская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг. 1931. VIII, 163 с.

⁵ Звонарев К. К. Предисловие редактора к русскому изданию // В. Николаи. Тайные силы: Интернациональный шпионаж и борьба с ним во время войны и в настоящее время. С. 53.

раскрывающих все аспекты разведывательной деятельности. В его книге нашли отражение вопросы исторического развития службы разведки, роли разведывательных служб Антанты и Тройственного союза накануне мировой войны, организации и методов разведывательной и контрразведывательной работы на театрах военных действий и в тылу воюющих стран. Общая оценка Николаи сводится к утверждению: применительно ко времени мировой войны германская разведка стояла выше в военном отношении, союзническая – в политическом и хозяйственном. Высокую степень интереса, по крайней мере в познавательном плане, труд Николаи сохранил до нашего времени.

Австро-Венгрия. В СССР несколькими изданиями вышли мемуары Максимилиана Ронге «Разведка и контрразведка»¹. Ронге, генерал-майор, в 1908–1914 гг. руководил Разведывательным отделом австро-венгерского Генерального штаба. В годы Первой мировой войны был заместителем начальника, а с 1917 г. – руководителем разведывательного управления. После войны служил в дирекции охраны общественного порядка. С присоединением Австрии к Третьему рейху оказался как политически неблагонадежный в концентрационном лагере Дахау,

¹ Ронге М. Разведка и контрразведка. М.: Разведыват. упр. РККА, 1936. 183 с.; *Его же*. Разведка и контрразведка. М.: Воениздат, 1937. 295 с.; *Его же*. Разведка и контрразведка / [пер. с нем.]. 2-е изд. М.: Воениздат, 1939. 244 с.; *Его же*. Разведка и контрразведка: (военный и промышленный шпионаж) / пер. с нем. 3-е изд. М.: Воениздат, 1943. 234 с.

но по ходатайству адмирала Канариса был освобожден. После Второй мировой войны консультировал создание в Австрии новой системы спецслужб.

Мемуары Ронге детально раскрывают методы и конкретные результаты австрийских разведывательных и контрразведывательных подразделений на протяжении предшествующих войне лет и всего времени, пока она продолжалась. В книге «Разведка и контрразведка» показаны методы выявления и анализа намерений противника путем сбора политических, экономических и военно-оперативных сведений с использованием различных информационных каналов, вербовки агентуры, применения авиаразведки, радиоперехвата и прослушивания телефонных линий, опроса пленных и перлюстрации корреспонденции. Не меньше внимания уделено способам защиты информации о собственной стране и армии через внедрение шифровального дела, всеобщей цензуры печатных изданий, входящей и исходящей почтовой корреспонденции.

Все стороны работы разведывательных и контрразведывательных органов Ронге иллюстрирует конкретными примерами успехов и просчетов разведок противостоявших сторон. Один из них – выявление в 1913 г. предательства начальника агентурного отделения разведывательного бюро австрийского Генерального штаба полковника Альфреда Редля, с 1903 г. сотрудничавшего с русской разведкой. Ронге, участвовавший в его разоблачении, подробно рассказал о развитии этого события в отдельной главе книги «Военный и промышленный шпионаж». Его интерпретация «дела Редля» легла в основу работ многих других авторов.

Завершая свой труд, Ронге констатирует: *«Задачи разведывательной службы во время мировой войны вышли далеко за первоначальные рамки. Повсюду, вовне и внутри, она должна была иметь глаза и уши в области военной политики, экономики и техники. В этой гигантской борьбе, не ограничившейся одними рамками полей сражений, было бесчисленное множество уязвимых пунктов, требовавших использования или защиты. Эта задача легла на разведывательную службу»*¹. Труд Ронге стал одним из наиболее значительных в ряду других книг по истории разведывательных служб.

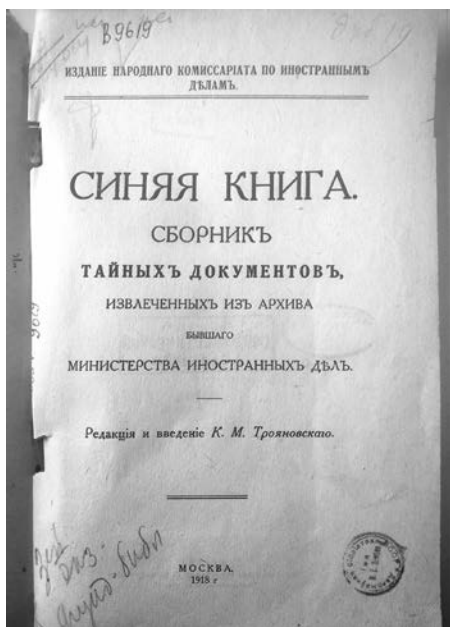
¹ Ронге М. Разведка и контрразведка. М.: Воениздат, 1937. С. 240.

ПО СВЕЖИМ СЛЕДАМ: ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В СОВЕТСКИХ ТРУДАХ МЕЖВОЕННОГО ПЕРИОДА

5.1. Международные отношения предвоенного времени

5.1.1. Публикации дипломатических документов

В Советской России приняла широкий размах публикация дипломатических документов. Поначалу обнаружением секретных дипломатических документов по личному указанию В. И. Ленина руководил матрос-балтиец большевик Н. Маркин, который командовал отрядом, взявшим под контроль здание Министерства иностранных дел и его архив. До января 1918 г. на страницах газеты «Известия» и в «Газете Временного рабочего и крестьянского правительства» было опубликовано более 100 документов из архивов царского МИД, на страницах «Правды» – около 50. Параллельно за период с декабря 1917 по февраль 1918 г. в Петрограде было издано 7 выпусков «Сборника секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел». В общей сложности в них вошло свыше 100 документов, частично уже опубликованных большевиками в газетах, но в большинстве случаев известных только лицам, причастным к их созданию и исполнению. Это были тексты заключенных накануне и в годы войны договоров, дипломатическая переписка и протоколы секретных совещаний

в Министерстве иностранных дел России¹. Первый выпуск был начат публикацией договора «Военная конвенция, заключенная между Францией и Россией и подписанная в С.-Петербурге 17-го августа 1892 г.»². До настоящего времени сохранил познавательное значение сборник «Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях», подготовленный Ю. В. Ключниковым и А. В. Сабаниным³.

Журнал «Красная новь» в 1922 г. опубликовал записку лидера группы правых в Государственном Совете П. Н. Дурново императору Николаю II, поданную ему в феврале 1914 г.⁴ В ней была изложена позиция традиционалистов, выступавших за союз с Германией и развивавших идею континентального блока. *«Центральным фактором переживаемого нами периода мировой истории, — писал Дурново, — является соперничество Англии и Германии. И трудно уловить какие-либо реальные выгоды, полученные Россией в результате сближения с Англией, которое в будущем неизбежно сулит вооруженное столкновение с Германией. <...> Жизненные интересы России и Германии нигде не сталкиваются и дают полное основание для мирного сожительства этих двух государств. Будущее Германии на морях, то есть там, где у России, по существу наиболее континентальной из всех великих держав, нет никаких интересов. Заморских колоний у нас нет и, вероятно, никогда не будет, а сообщение между различными частями империи легче сухим путем, нежели морем. Избытка населения, требующего расширения территории, у нас не ощущается, но даже с точки зрения новых завоеваний, что может дать нам победа над Германией? <...> Очевидная цель, преследуемая нашей дипломатией при сближении с Англией — открытие проливов, но, думается, достижение этой цели едва ли требует войны с Германией. Ведь Англия, а совсем не Германия, закрывала нам выход из Черного моря. <...> Английская ориентация нашей дипломатии по своему существу глубоко ошибочна. С Англией нам не по пути, она должна быть предоставлена своей судьбе, и ссориться из-за нее с Германией нам не приходится. <...> Даже победа над Германией сулит России крайне неблагоприятные перспективы»⁵.*

Будущее для России Дурново видел не в Антанте, а в тесном сближении с Германией, примиренной с ней Францией и связанной с Россией оборонительным союзом Японией: «Такая лишенная всякой агрессивности по отношению к прочим государствам политическая комбинация на долгие годы обеспечит

¹ Сборник секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел. Пг., 1917–1918. Вып. 1–7; Синяя книга: сб. тайных док., извлеченных из архива бывшего Министерства иностранных дел / Нар. комиссариат по иностр. делам; ред. и введение К. М. Трояновского. М., 1918. 115 с.

² Сборник секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел. Декабрь 1917 г. № 1. С. 3–4.

³ Ключников Ю. В., Сабанин А. В. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях: в 3 ч. М., 1925–1926.

⁴ Дурново П. Н. Записка Дурново со вступительной статьей Мих. Павловича // Красная новь: лит.-худ. и науч.-публицист. журн. 1922. № 6 (10). С. 178–199.

⁵ Там же. С. 182, 189–190, 194, 199.

*мирное сожительство культурных наций, которому угрожают не воинственные замыслы Германии, как силится доказать английская дипломатия, а лишь вполне естественное стремление Англии во что бы то ни стало удержать ускользающее от нее господство над морями. В этом направлении, а не в бесплодных исканиях почвы для противоречащего самым своим существом нашим государственным видам и целям соглашения с Англией, и должны быть сосредоточены все усилия нашей дипломатии»*¹. Как известно, «Записка Дурново» не вызвала практической реакции вечно колеблющегося императора, была оставлена без ответа и отправлена в канцелярию. Тогда взгляды Дурново и его единомышленников разделяли далеко не все. Но время показало, что Дурново, предсказавший в России революцию, причем социалистическую, предупреждая императора об опасностях военно-политического сближения с Англией, оказался пророчески прав.

Публикация архивных источников по истории международных отношений велась учрежденным в 1922 г. журналом «Красный архив»². Тематика размещенных в нем документов чрезвычайно широка — она охватывает и вопросы международных отношений кануна войны³, и самой Первой мировой войны⁴.

Журнал вместе с Центрархивом составил и выпустил отдельными изданиями ряд тематических сборников⁵, которые должны были дать «возможность

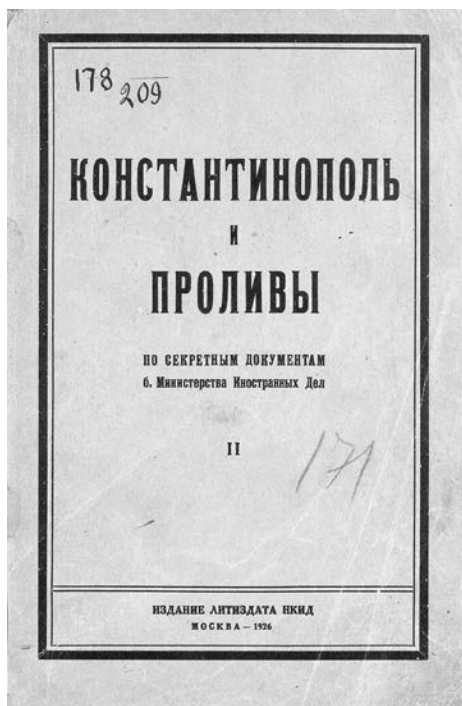
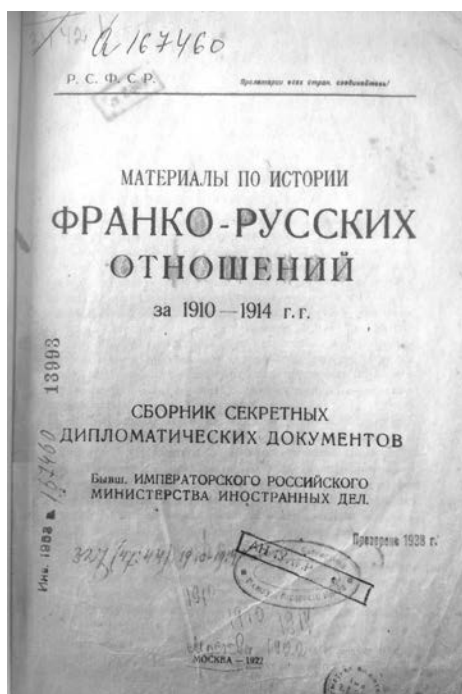
¹ Дурново П. Н. Записка Дурново со вступительной статьей Мих. Павловича. С. 199.

² Перечень опубликованных в журнале материалов см.: Красный архив. 1922–1941. (Аннотированный указатель содержания) / под ред. проф. В. В. Максакова. М., 1960.

³ Русско-германские отношения. Секретные документы / предисл. М. Н. Покровского, подг. Ф. В. Кельин // Красный архив. 1922. Т. 1. С. 1–208; Русско-германский договор 1905 г., заключенный в Бьерке // Там же. 1924. Т. 5. С. 5–49; Константинополь и проливы // Там же. 1924. Т. 6. С. 48–76; Т. 7. С. 32–54; Вокруг аннексии Боснии и Герцеговины // Там же. 1925. Т. 10. С. 41–53; Дипломатическая подготовка балканской войны // Там же. 1925. Т. 18. С. 3–48; К истории англо-русского соглашения 1907 г. // Там же. 1935. Т. 69–70. С. 3–39.

⁴ Переписка Е. А. Сухомлинова с Н. Н. Янушкевичем // Красный архив. 1922. Т. 1. С. 209–272; 1922. Т. 2. С. 130–175; 1923. Т. 3. С. 29–74; Эпизоды из боевых действий русской авиации в 1914–1917 гг. // Там же. 1939. Т. 95. С. 121–147; Февральская революция 1917 г. (Документы Ставки) // Там же. 1927. Т. 21. С. 3–78; Т. 22. С. 3–70; Из дневника генерала В. Г. Болдырева // Там же. 1927. Т. 23. С. 250–273; Восстание русских войск во Франции // Там же. 1931. Т. 44. С. 152–161; 1940. Т. 99. С. 52–71; Из офицерских писем в 1917 г. // Там же. 1932. Т. 50–51. С. 194–210; Армия в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции // Там же. 1937. Т. 84. С. 135–187.

⁵ Русско-германские отношения. 1873–1914. Документы из секретного архива бывшего МИД. М.: Изд-во Центрархива, 1922; Материалы по истории франко-русских отношений за 1910–1914 гг.: сб. секретных дипломат. док. бывш. Импер. рос. м-ва иностр. дел. Т. 1; Европейские державы и Греция в эпоху мировой войны по секретным материалам бывш. М-ва иностр. дел с прил. копий дипломатических документов / Нар. комиссариат по иностр. делам; под ред. и со вступ. ст. Е. А. Адамова. М.: Тип. ГПУ, 1922. 90, 240, VI с.; Константинополь и проливы. По секрет. док. бывш. М-ва иностр. дел / под ред. А. Адамова. М.: Изд-во Литиздата НКВД, 1925–1926; Царская Россия в мировой войне: сб. материалов и док. Л.: Гос. изд-во, 1925. Т. 1: [документы по вопросу о вовлечении в войну Турции, Болгарии, Румынии и Италии]. Л., 1925. 301 с.; Европейские державы и Турция во время мировой войны: раздел Азиат. Турции. По секрет. док. бывш. М-ва иностр. дел / под ред. Е. А. Адамова. М.: Литиздат. НКВД, 1924. 384 с.

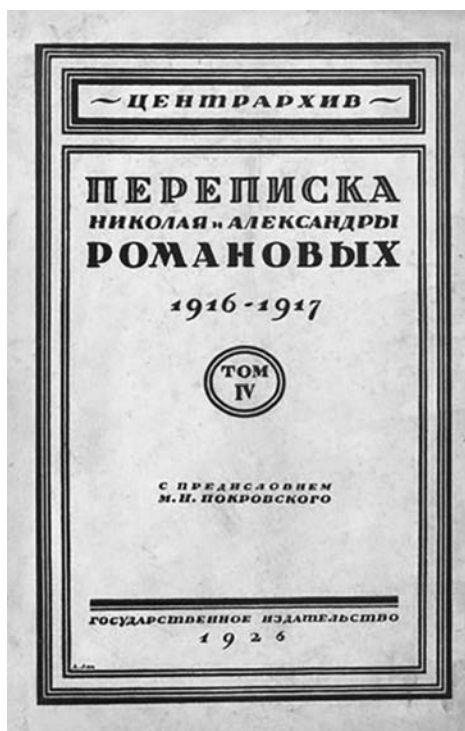

восстановить пролог империалистической войны», раскрыть события накануне и в ходе ее. Помещенные в них документы должны были прочно закрепить в массовом сознании характеристику Первой мировой войны как «империалистической» и побудить воспринимать внешнеполитические интересы России и ее союзников как захватнические. В основу этого взгляда легло положение, выдвинутое В. И. Лениным в работе «Империализм, как высшая стадия капитализма»: на этапе монополистического капитализма разворачивается борьба между «великими державами» за передел уже поделенного мира. И Первая мировая война стала итогом этой схватки.

В предисловии, предваряющем сборник документов по российско-германским отношениям, которым Центрархив начинал серию публикаций, заместитель наркома просвещения РСФСР М. Н. Покровский писал: *«Было бы, конечно, величайшей наивностью считать таким прологом дипломатическую переписку, ведущуюся главными кабинетами Европы в июле месяце 1914 г. Именно в расчете на наивность публики эта переписка и выдвигалась вперед в различных “синих”, “желтых”, “оранжевых” и иных цветов книгах. Это было необходимо, чтобы уверить простодушных людей, что война была чем-то столь же выходящим из нормы, как преступление в общегражданском быту. Годами охраняли мир – и вот, по вине такого и такого-то (имена “виновников” менялись в зависимости от того, из какого лагеря исходила та или другая публикация) полилась кровь... На самом деле годами готовились к войне. Годами собирали горячий материал, чтобы бросить в него спичку в тот момент, когда ветер потянет на соседа. Но делали это тайком, под величайшим секретом – ниже читатели найдут, как образчик, одну конвенцию, о существовании которой на земном шаре знали всего шесть человек. О другой конвенции (тоже нами воспроизводимой), хотя она впоследствии просочилась-таки в газеты, в первое время знали не все министры и посланники тех государей, которые ее подписали. Читатели поймут, почему столь невыносимо для старого мира дерзким было требование русской революции – опубликовать секретные договоры»*¹. Тогда же Центрархивом была опубликована переписка Вильгельма II и Николая II², значение обнародования которой для изучения международных отношений рубежа XIX–XX вв. трудно переоценить. М. Н. Покровский в предисловии к изданному сборнику обращал внимание на то, что письма, написанные даже до 1907 г., показывают, как *«глубоко уходят в прошлое корни мировой войны»*. *«Линия Вильгельма заключалась в том, чтобы столкнуть лбами Россию и Англию на Дальнем Востоке – и тем создать почву для создания континентальной коалиции, направленной против Англии. “Обработка” Николая в этом направлении начинается письмом от 10 июля 1895 г., где Вильгельм распространяется*

¹ Покровский М. Предисловие // Русско-германские отношения. 1873–1914. Док. из секретного арх. бывш. МИД. С. 5.

² Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1904–1917 гг. / Центрархив; предисл. М. Н. Покровского: М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. VIII, 198, [10] л. факс., [4] с.

о “великой роли” России “в деле насаждения культуры в Азии и в деле защиты креста и старой христианской европейской культуры против вторжения монголов и буддизма”»¹.

В 1930-е годы публикация дипломатических документов велась с еще большим размахом. В 1931–1938 гг. под руководством Комиссии ЦИК СССР по изданию документов эпохи империализма во главе с М.Н. Покровским были изданы три серии сборников под общим заглавием «Международные отношения в эпоху империализма: документы из архивов царского и Временного правительств». События мировой войны нашли отражение в материалах, вошедших в 3-ю серию из 10 томов, хронологически охватывающую время с 14 января 1914 по 13 апреля 1916 г.²

К 20-летию Первой мировой войны редакция газеты «Правда» обнародовала коллекцию секретной переписки правительств Антанты и Тройственного союза за период от 28 июня 1914 г., дня убийства в Сараево австрийского престолонаследника Франца Фердинанда, и до 4 августа 1914 г., когда в войну вступила Великобритания. Сборник включил отрывки дипломатических документов, фрагменты мемуаров крупнейших политических деятелей, выдерж-

¹ Покровский М. Предисловие // Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1904–1917 гг. С. III–IV.

² Международные отношения в эпоху империализма: док. из арх. царского и Временного правительств 1878–1917 гг. Сер. 3: 1914–1917. М.; Л., 1931–1938. Т. 1–10.

ки из газет. В приложении помещены германские документы 1914–1917 гг. о целях, которых Германия могла бы добиться при помощи победоносной войны. Прежде всего это касалось территориальных приобретений в широких масштабах. Приведенные в сборнике документы подобраны с таким расчетом, чтобы показать виновность Германии и Австро-Венгрии: *«В сложившихся к лету 1914 г. условиях инициатива развязывания империалистической войны с самого начала находилась в руках Германии и ее австрийской союзницы, которые считали тогда момент особенно благоприятным для военной развязки противоречий со своими основными соперниками»*¹.

Представленные документы прокомментированы составителями. Естественно, их анализ носит отпечаток времени. Так, по поводу сараевского убийства составители утверждают, что германские историки и публицисты *«старательно забывают роль австро-германского империализма в возникновении войны и в создании той обстановки провокаций, одной из жертв которой оказался один из ее вдохновителей – сам Франц Фердинанд»*². В подтверждение приводится эпизод встречи Вильгельма II, адмирала Тирпица и Франца Фердинанда в поместье последнего – Конопинште. Там, пишут составители сборника, *«по сведениям столь авторитетного лица, как начальник оперативного отдела австрийского генштаба, германский император советовал своим союзникам воспользоваться создавшейся ситуацией и крепким ударом по Сербии окончательно утвердиться на Балканах»*³. Авторы более поздних советских трудов от подобных категорических утверждений воздерживаются.

В такой стилистике идет и дальнейшая публикация в хронологической последовательности, буквально по дням, дипломатической переписки, докладных записок, телеграмм, других документов из Петербурга, Парижа, Лондона, Берлина, Вены с последующими критическими оценками. Последние документы датированы 4 августа 1914 г. Это британская нота о разрыве дипломатических отношений с Германией, телеграмма российского посла в Токио о намерении Японии выполнить свои обязательства, вытекающие из союзного договора с Англией, и телеграмма министра иностранных дел России Сазонова послу в Париже Извольскому об условиях Италии, на которых она согласна примкнуть к Антанте.

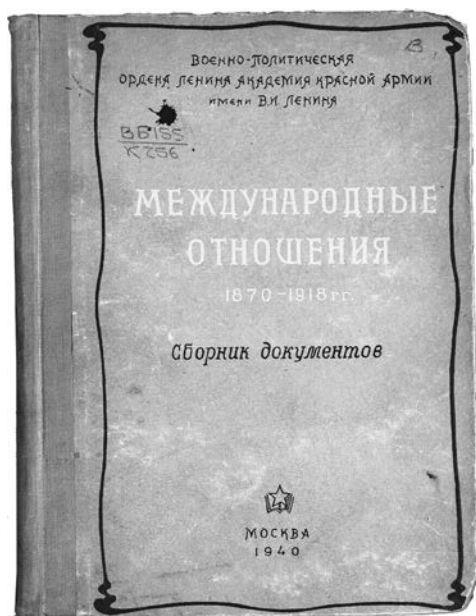
Собранные в одной книге под заглавием «Заговор против мира» разноплановые документы как свидетельства драматических событий прошлого представляют несомненный интерес.

Заключительным аккордом стал сборник документов, составленный А. Г. Королевым и О. Н. Фрейфельдом в качестве учебного пособия для слушателей

¹ Заговор против мира: как была развязана империалистическая война в 1914 году: факты и документы: сб. / сост. под рук. И. Ерухимовича; при участии А. Ерусалимского, Л. Волинского, Ф. Котовича. М.: Изд-во ред. «Правда», 1934. С. 12.

² Там же. С. 16.

³ Там же.

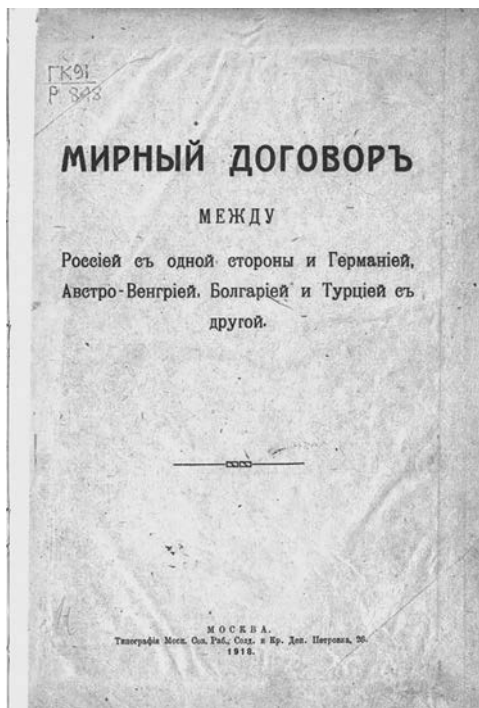
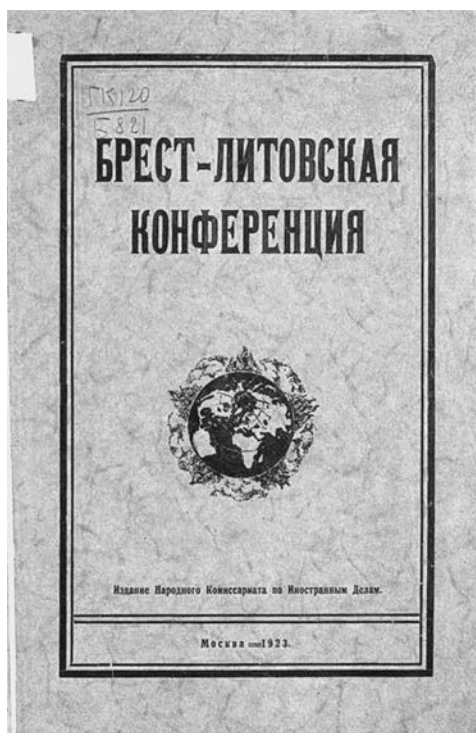
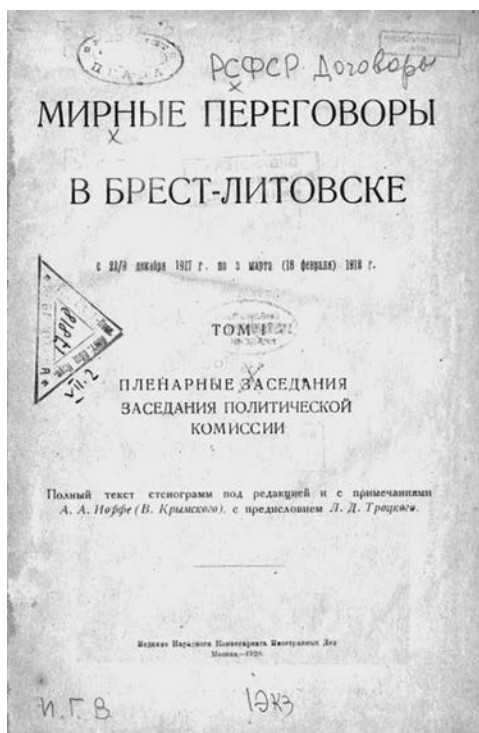
Военно-политической академии Красной Армии¹. Он содержит документы разных видов: международные договоры, ноты, инструкции; отрывки из дневников и мемуаров, газетные корреспонденции, речи политических деятелей. Материалы сгруппированы по главам: 1-я охватывает международные отношения 1870–1890-х годов, формирование противостоящих группировок – Тройственного союза, включавшего Германию, Австро-Венгрию, Италию, и франко-русского союза; 2-я отражает возникновение англо-германского антагонизма; 3-я посвящена Русско-японской войне, англо-русскому соглашению 1907 г., завершившему оформление Антанты; 4-я концентрирует материа-

лы по международным отношениям 1908–1909 гг., включая боснийский кризис 1908–1909 гг., марокканский кризис 1911 г. и балканские войны; 5-я раскрывает подготовку к войне 1914–1918 гг.; 6-я освещает дипломатическую борьбу в годы Первой мировой войны. Сборник, ориентированный на узкий круг слушателей военной академии, достаточно информативен, позволял познакомиться с историческими фактами, отобранными с меньшей тенденциозностью.

Почему Советская власть продолжила начатую в царской России в первые месяцы войны работу и столь активно публиковала дипломатическую международную переписку и другие секретные документы? Ответ на этот вопрос в духе своего времени дал историк-большевик, глава марксистской исторической школы М. Н. Покровский. Он характеризовал обнародование секретной дипломатической документации как *«неразрывную часть всей системы разоблачения “демократического обмана” – неразрывную часть социалистической революции»*². Это объясняет, почему дипломатические документы царского и Временного правительств стали публиковаться быстро и в больших количествах. В то же время обнародование дипломатической переписки и ее доступность сегодня имеет важное значение для понимания целей, последовательности и направления действий европейских государств, окончательно трансформировавших мир в войну, из которой большевистская Россия вышла, подписав 3 марта 1918 г. сепаратный мир. В Европе война закончилась спустя несколько месяцев. Ее итоги зафиксированы международными документами,

¹ Королев А. Г., Фрейфельд О. Н. Международные отношения 1870–1918 гг.: сб. док. [М.]: Воен.-полит. акад. Красной Армии, 1940. 404 с.

² Покровский М. Н. Опубликование тайных договоров // М. Н. Покровский. Империалистическая война: сб. ст. М.: Гос. изд-во, 1934. С. 355.

опубликованными отдельными изданиями (стенограммы мирных переговоров в Брест-Литовске¹, сам мирный договор между Россией и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией, Турцией, известный как Брестский мир², и Версальский мирный договор)³.

5.1.2. Исследования по истории международных отношений

Тема соперничества главных европейских акторов по поводу разделов сфер влияния, подготовки и развязывания Первой мировой войны, активно дискутировавшаяся в годы войны, и после ее окончания оставалась в фокусе науч-

Федор Аронович Ротштейн

ного интереса. Тон ей задавали крупные специалисты-международники. Среди них проживший тридцать лет, вплоть до 1920 г., в Англии Ф. А. Ротштейн⁴. После приезда в Россию дальнейшая его судьба была целиком связана с работой в советских учреждениях. Он стал одним из крупнейших работников Народного комиссариата иностранных дел – именно он подготовил советско-иранский договор, по которому РСФСР отказывалась от всех владений, полученных по англо-российскому соглашению 1907 г. в Персии. В 1921–1922 гг. Ротштейн был полномочным представителем РСФСР в Персии, где подписал этот договор. Его книга «Разорение Египта» вышла в Лондоне в 1910 г.⁵; в 1925 г. в дополненном виде она была издана в России⁶. Ротштейн, сам специализировавшийся на колониальной пробле-

¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске с 22/9 дек. 1917 г. по 3 марта (18 февр.) 1918 г. / под ред. и с примеч. А. А. Иоффе (В. Крымского); предисл. Л. Д. Троцкого. М.: Нар. комиссариат иностр. дел, 1920. Т. 1: Пленарные заседания. Заседания политической комиссии, 1920. 268 с.; Брест-Литовская конференция: заседания экономической и правовой комиссий: [протоколы] / под ред. и со вступит. ст. Б. Е. Штейна. М.: Нар. комиссариат иностр. дел, 1923. 154 с.

² Мирный договор между Россией с одной стороны и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией с другой. М.: Изд-во Моссовета, 1918. 150 с.

³ Версальский мирный договор / полн. пер. с фр. подлинника / под ред. проф. Ю. В. Ключникова и А. Сабанина; со вступ. ст. проф. Ю. В. Ключникова и предметным указ. М.: Изд-во Литиздата НКВД, 1925. XXXI, 199 с.

⁴ В 1920 г. Ротштейна привлекли к работе советской мирной делегации в Англии. С ней он приехал в Москву, но затем как участник создания Компартии Великобритании и организатор комитета «Руки прочь от России» уже не смог получить разрешение от британских властей вернуться обратно.

⁵ Rotstein Rh. Egypt's Ruin: A Financial and Administrative Record. London: A. C. Fifield, 1910.

⁶ Ротштейн Ф. А. Захват и закабаление Египта / пер. с англ.; под ред. и с доп. автора. М.; Л.: Гос. изд-во, 1925. 308 с.

матике, стал инициатором издания серии книг «Библиотека международной политики». Она выходила под его общей редакцией и с его предисловиями в 1923–1926 гг. В ней были изданы в переводе на русский язык работы французских и немецких авторов, посвященные предвоенному колониальному соперничеству европейских стран¹. Серию отличала четкая последовательность отбора тем. Открывал ее сборник, посвященный одной из ключевых для российской дипломатии проблеме – проливам Босфор и Дарданеллы между Черным и Средиземным морями². В него вошли статьи К. Хассерта «Константинополь и проливы», Р. Пинона «Черное море и вопрос о проливах», М. Хошилера «Экономическое значение Дарданелл» и в качестве дополнительной – Е. А. Адамова «Константинополь и проливы». Закрывал серию труд В. Шетцеля «Политические итоги мирных договоров (1919–1925 гг.)»³.

Тему международных отношений во время мировой войны советская историческая литература выделила как одну из важнейших и первоочередных. Уже в 1920 г. вышла книга Н. В. Валентинова о межсоюзнических контактах российского военно-политического руководства⁴. Этот труд представляет собой аналитический обзор сотрудничества России с союзниками по вопросам военно-политического характера от начала войны до Октябрьской революции, или, как сказано в книге, «октябрьского переворота». Эта заданность темы исключила рассмотрение специальных вопросов, относящихся к работе предприятий, снабжению продовольствием и промышленными изделиями, организации перевозок, блокаде неприятеля. Точно так же не рассматриваются

¹ Лемонен Э. Очерк истории англо-французских отношений / пер. с фр. А. М. Сухотина; с предисл. Ф. Ротштейна. М.: Красная новь, 1923. 100 с.; *Его же*. Англия и Германия / пер. с фр. А. М. Сухотина; предисл. Ф. Ротштейна. М.; Л.: Гос. изд-во, 1925. 132 с.; Руир А. М. Ф. Англо-русское соперничество в Азии в XIX веке / пер. с фр. А. М. Сухотина. М.: Красная новь, 1924. 180 с.; Анжера Ф. Лотарингские границы и сила Германии / пер. с фр. Е. П. Колгановой. М.: Красная новь, 1924. 192 с.; Шульце Э. Борьба за персидско-месопотамскую нефть / пер. с нем. Н. М. Качкачева; предисл. Ф. Ротштейна. М.: Красная новь, 1924. 96 с.; Морель Э. Д. Десять лет секретной дипломатии / пер. С. Антропова. М.: Гос. изд-во, 1924. 204 с.; Гельферих К. Т. Накануне мировой войны / пер. с нем. Н. Качкачева; предисл. Ф. Ротштейна. М.: Красная новь, 1924. 154 с.; Сен-Морис. Банки и займы – орудия иностранной политики / пер. с фр.; предисл. Ф. А. Ротштейна. М.; Л.: Гос. изд-во, 1925. VIII, 94 с.; Каутский К. Эльзас-Лотарингия: (Ист. очерк) / пер. с нем. Б. Зелькиной; предисл. Ф. Ротштейна. М.: Красная новь, 1924. 148 с.; Пейеримгоф А., Гебар П. Финансовые интересы Франции / пер. с фр.; предисл. Ф. Ротштейна. М.: Красная новь, 1924. 77 с.; Дармитеттер П. История раздела Африки (1870–1919 гг.) / пер. с нем. Н. Качкачева; [предисл.: Ф. Ротштейна]. М.; Л.: Гос. изд-во, 1925. 179 с.; Албанский узел: сб. ст. М.; Л.: Гос. изд-во, 1925. 185 с.

² Проливы: сб. / предисл. Ф. Ротштейна, доп. ст. Е. А. Адамова. М.: Красная новь, 1923. 101, [2] с.

³ Шетцель В. Политические итоги мирных договоров (1919–1925 гг.) / пер. с нем. В. П. Зелькиной; доп. и ред. проф. Ю. В. Ключникова; предисл. Ф. Ротштейна. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. 216 с.

⁴ Валентинов Н. В. Сношения с союзниками по военным вопросам во время войны 1914–1918 гг. М., 1920. Ч. 1.

чисто военные вопросы из области морских операций и разведывательной деятельности. Исключены из исследования и такие направления, как беспроволочная связь, пути сообщения. По замечанию автора, эти области сношений между союзниками должны найти своих историков.

В книге отбор документов подчинен определенному замыслу – показать степень согласования действий союзников в борьбе с общим врагом. По оценке Н. В. Валентинова, все ведение войны с самого ее начала до октября 1917 г. представляется как постепенное развитие практики согласования действий во все более сложенных формах. Неудачи союзных войск побуждали иметь более совершенную общесоюзническую организацию. Ее контуры были обозначены в военных конференциях в Шантильи, где размещалась

Ставка генерала Жоффра. Первая из них собралась в ноябре 1915 г., вторая – в марте 1916 г. Важность конференций заключалась в связующей силе принятых на них обязательств. В отсутствие координации военные операции проходили разрозненно или в лучшем случае согласовывались в связи со случайными, частичными и временными планами. Межсоюзнические конференции изменили положение. Начало проведения в жизнь общего плана наступления Валентинов соотносит с военной конференцией 1916 г. Первой серьезной попыткой выполнить этот план автор считает наступление русских войск весной 1916 г. Вместе с тем Валентинов полагает, что при осознании пагубности разобщенности действий союзники обнаружили неспособность ее преодоления, обеспечения нужной согласованности и роста единения с Россией. Валентинов отмечает: «...правительства и штабы Франции и Англии, а также руководящие в этих странах общественные круги были часто склонны принимать интересы своего фронта или даже фронта каждой из этих стран в отдельности за интересы всего союзного дела. Этим нередко наносился ущерб последнему и в частности интересам России, весьма добросовестно стремившейся не отделять своих нужд и потребностей от целей всех союзников»¹. Эта разобщенность так и не была преодолена вплоть до выхода России из войны.

¹ Валентинов Н. В. Сношения с союзниками по военным вопросам во время войны 1914–1918 гг. С. 12–13.

В числе первых историков мировой войны в Советской России был М. П. Павлович (Мих. Вельтман), член РСДРП с 1898 г., меньшевик, в эмиграции во Франции сотрудник французских и российских журналов. В 1913 г. вышла его книга «Великие железнодорожные и морские пути будущего», составленная из статей, опубликованных автором в шести номерах «Современника» за 1912–1913 гг. и в американском журнале «The New Review»¹. Павлович исходил из идеи экономической экспансии и захватнической политики империалистических держав, развивавшейся в четырех направлениях: малоазиатском, связанном с борьбой за окончательный раздел *«ущелевшего наследства Османской империи»*; среднеазиатском,

Михаил Павлович Павлович

затрагивающем прежде всего Россию и Англию, тесно связанным *«с проблемой Багдадского пути»*; африканском, в котором были *«заинтересованы почти все первоклассные западноевропейские государства и некоторые второстепенные, как, например, Бельгия и Португалия»*; наконец, тихоокеанском, *«ставящем вопрос о гегемонии на всем побережье и в водах гигантского океана, омывающего три континента»*. В связи с этими направлениями экспансии автор и остановился на тесно связанной с ними теме развития мировых коммуникаций – великих железнодорожных и морских путей будущего, за которые и ведут борьбу ведущие мировые державы². Работа Павловича одновременно вышла и на французском языке. Трижды – в 1919, 1922, 1925 гг. – ее переиздавали³.

Вернувшись в Россию летом 1917 г., Павлович продолжал активно публиковаться, издал две книги о предвоенной Франции: «Франция накануне мировой войны» и «Колониальная политика и экономическое развитие Франции»⁴. Но главным его вкладом в историческую науку стали труды, составившие серию «Империализм и мировая политика последних десятилетий». В ее тематических рамках он опубликовал исследование «Империализм»⁵, в 1918 г. выпустил труды «Азия и ее роль в мировой войне», «Мировая война и борьба

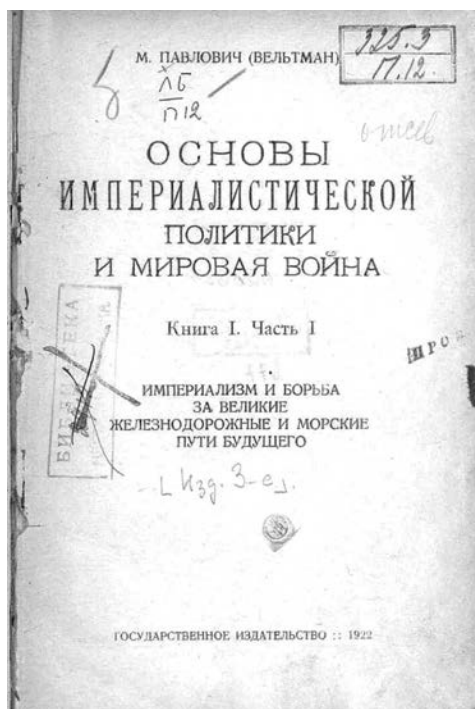
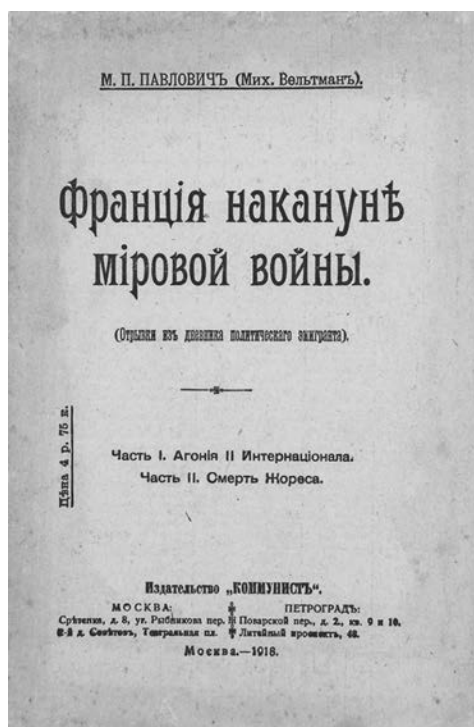
¹ Павлович М. П. Великие железнодорожные и морские пути будущего: [Багдадская дорога. Трансперсидский путь. Трансафриканские пути. Панамский канал]. СПб.: Тип. Б. М. Вольфа, 1913. 234 с.

² Там же. С. VII.

³ Павлович Мих. Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего // Мих. Павлович. Собр. соч. М.; Л.: Гос. изд-во РСФСР. Т. II.

⁴ Павлович М. П. Франция накануне мировой войны: (Отрывки из дневника полит. эмигранта). М.: Коммунист, 1918. 154 с.; Его же. Колониальная политика и экономическое развитие Франции. Пг.: Жизнь и знание, 1918. 79 с.

⁵ Павлович Мих. Империализм. Курс лекций, читанных в Академии Генерального штаба в 1922–1923 гг. // Мих. Павлович. Собр. соч. Т. I.

за раздел черного континента», «Итоги мировой войны», «Милитаризм, маринизм и война 1914–1918 гг.»¹.

В труде «Милитаризм, маринизм и война 1914–1918 гг.» М. П. Павлович поставил целью показать, и сделал это убедительно, на базе исчерпывающих статистических данных, что с наступлением XX ст. «военные расходы во всех европейских государствах растут со сказочной быстротой. Все государства одно за другим втягиваются в какой-то заколдованный круг... где расходы одного государства немедленно же вызывают соответствующее финансовое напряжение в целом ряде других государств»². Высочайший уровень милитаризации бюджетов финансово обеспечил бешеную гонку сухопутных и морских вооружений европейских государств.

Продолжил «военный» цикл труд Павловича «Мировая война 1914–1918 гг. и грядущие войны», изданный в 1925 г. Он составлен из двух ранее опублико-

¹ Павлович М. П. Азия и ее роль в мировой войне. Пб.: Изд-во газ. «Новая жизнь», 1918. VIII, 72 с.; *Его же*. Мировая война и борьба за раздел черного континента: (Монополистический капитализм). М.: Изд-во ВЦИК Совета р., с., к. и к. депутатов, 1918. 112 с.; *Его же*. Милитаризм, маринизм и война 1914–1918 гг.: (Военные бюджеты и военные силы европейских государств накануне войны). М.: Жизнь и знание, 1918. 128 с.; *Его же*. Итоги мировой войны. М.: Изд-во ВЦИК Совета р., с., к. и к. депутатов, 1918. 138, [1] с.

² Павлович М. П. (Мих. Вельтман). Милитаризм, маринизм и война 1914–1918 гг.: (Военные бюджеты и военные силы европейских государств накануне войны). С. 9.

вавшихся работ: «Интернационал смерти и разрушения (военная промышленность в Англии, Франции и Германии до и во время войны)» и «Милитаризм, маринизм и война 1914–1918 гг.». В них еще раз показана высочайшая степень милитаризации и безумной гонки вооружений в Англии, Франции и Германии накануне и в годы войны. Отличие от предыдущих изданий состоит в добавлении двух глав: одна — о связи между военной и мирной химической промышленностью и попытках Англии, Франции и США установить «химическую» гегемонию, другая — о послевоенных взаимоотношениях между капиталистическими державами, чреватых новой мировой войной. В своей работе Павлович отмечает «незавершен-

ность» прошедшей мировой войны с точки зрения ее участников. *«В результате мировой войны ни одна великая держава не считает себя “насыщенной”. Империалистическое государство всегда находится в стадии расширения. От этого расширения своей территории не желают отказаться ни Япония... ни С. Штаты, ни Англия, ни тем более Франция, ни Польша, ни Италия, ни Югославия, ни Греция, ни даже Румыния»*¹. В связи с этим его опасения вызывает *«рост милитаризма и маринизма в государствах Антанты, в США и Японии, тратящих, несмотря на глубокий промышленный кризис, переживаемый всеми странами, главную часть своих государственных доходов и займов на армии и флоты», что «является фактором, приближающим момент наступления войны»*².

Стержнем научной полемики 1920-х годов, а затем и в последующие годы, стал вопрос о виновности Антанты либо Тройственного союза в развязывании войны: кто из них «напал» и кто «защищался». Исходным пунктом дискуссии была позиция самих держав-победительниц, которые после окончания войны виновником объявили Германию. В статье 231 Версальского мирного договора зафиксировано: *«Союзные и объединившиеся правительства заявляют, а Германия признает, что Германия и ее союзники ответственны за причинение всех потерь и всех убытков, понесенных союзными и объединившимися правительствами и их гражданами вследствие войны, которая была*

¹ Павлович М. П. (Мих. Вельтман) Мировая война 1914–1918 гг. и грядущие войны. Л.: Гос. изд-во, 1925. С. 279.

² Там же. С. 277.

им навязана нападением Германии и ее союзников»¹.

Одним из активнейших участников дискуссии был Е. В. Тарле, виднейший русский до-революционный и советский историк. Его труд «Европа от Венского конгресса до Версальского мира. 1814–1919»² имел большой успех, был переиздан под названием «Очерк новейшей истории Европы (1814–1919)»³. Не меньшую известность получила его монография «Европа в эпоху империализма», в которой преобладающую часть составили главы о внешней политике Франции, Великобритании и Германии, складывании Тройственного союза и Антанты, международных кризисах начала XX в., о самой Первой мировой войне и ее итогах.

Евгений Викторович Тарле

В развязывании войны Тарле не снимал вины с Германии и ее кайзера Вильгельма II. Он отмечал: «Объявление войны явно усиливало в необычайной степени ответственность Вильгельма и перед своим народом и вне Германии. Роль нападающего окончательно осталась за Германией». В то же время Тарле поставил вопрос в той плоскости, что спор о «моральной вине» не нужен и научно не интересен, поскольку оба лагеря враждебных держав «были способны провоцировать вооруженное столкновение, оба стремились к завоеваниям; оба способны были в тот момент, который показался бы выгодным, зажечь пожар, придравшись к любому предлогу, который показался бы наиболее подходящим. В этом смысле, конечно, вожди

¹ Версальский мирный договор / пер. с фр. подлинника; под ред. проф. Ю. В. Ключникова и А. Сабанина; вступ. ст. проф. Ю. В. Ключникова и предметным указ. М.: Изд-во Лит-издата НКВД, 1925. С. 84.

² Тарле Е. В. Европа от Венского конгресса до Версальского мира. 1814–1919. Пг.: Сеятель, 1924. 200 с.

³ Тарле Е. В. Очерк новейшей истории Европы (1814–1919). 2-е [3-е] изд. Л.: Прибой, 1929. 208 с.

Антанты нисколько не превосходили в “моральном” отношении вождей Австрии и Германии»¹. Далее Тарле констатировал: «Англии и Франции невыгодно, неудобно, рискованно было начинать войну именно уже летом 1914 г.; даже России, где говорилось и писалось много воинственного и легкомысленного в последние месяцы, тоже невыгодно было немедленно выступить уже летом 1914 г.». И, напротив, «в Германии и в Австрии... показалось совсем верным и выгодным делом раздавить Сербию»; «если же Россия и Франция вмешаются в дело, то и для войны с ними лучшего времени может не найтись; не следует к этому открыто стремиться, но нечего этого и бояться: Англия, самый могучий из противников, не захочет и не сможет в данный момент воевать»². С точки же зрения военно-политической «вопрос с конца 1913 г. собственно шел уже о том, что для кого выгодно: отложить выступление еще на некоторое время или ударить немедленно». И далее: «Вся обстановка сложилась так, что соблазн поскорее “начать” (losschlagen) должен был неминуемо охватить в 1913 г. (в конце его) или в 1914 г. именно Германию и Австрию, а не Антанту». Так и случилось, но могло быть иначе: «Если бы мир продержался, например, до 1916 или 1917 г., то есть все основания думать, что не Германия, а Антанта сочла бы для себя более целесообразным выступить первой»³.

¹ Тарле Е. В. Европа в эпоху империализма (1871–1919 гг.). М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. С. 117, 122–123, 125, 127.

² Там же. С. 257–258.

³ Там же.

Для первых лет изучения вопросов, связанных с Первой мировой войной, характерно многообразие подходов, подчас диаметрально противоположных. Не так, как Тарле и его сторонники, определял причины и предпосылки войны один из известнейших советских историков с непростой научной судьбой Н. П. Полетика¹. Он завершил свою деятельность в СССР профессором кафедры истории Нового и Новейшего времени Белорусского государственного университета (1953–1972), а раньше, в 1920–1930-е годы, был корреспондентом ленинградских газет и журналов, преподавателем в Ленинградском институте гражданского воздушного флота и на историческом факультете Ленинградского университета. Именно тогда он опубликовал несколько работ о причинах и виновниках Первой мировой войны, став одним из ведущих специалистов в этой области исследований². Полетика стремился доказать непосредственную ответственность России и других стран Антанты в конфликте, развязавшемся на Балканах в результате сараевского убийства австрийского наследника эрцгерцога Франца Фердинанда. В работе 1930 г. «Сараевское убийство» он писал: *«Сербия выполнила “социальный заказ” Антанты создать повод для войны с Тройственным союзом. Сараевское убийство являлось организованным Антантой секретным нападением на Австро-Венгрию, и поэтому тезис Германии “на нас напали” совершенно правилен»*. Далее следовал завершающий вывод: *«Вина Германии менее значительна, чем любой из других развязавших войну держав»*³.

Николай Павлович Полетика

Подобные взгляды Полетика высказывал и в своей главной работе – книге «Возникновение мировой войны», опубликованной в 1935 г. В ней он утверждал, что сербские националисты готовили покушение на Франца Фердинанда с полным пониманием, что оно ведет прямым путем к общеевропейской войне, и тем не менее поставили убийство эрцгерцога в программу деятельно-

¹ О нем см.: Давидсон А. Б. Николай Павлович Полетика (1896–1988) // Российские и славянские исследования: науч. сб. Минск: БГУ, 2009. Вып. 4. С. 287–297.

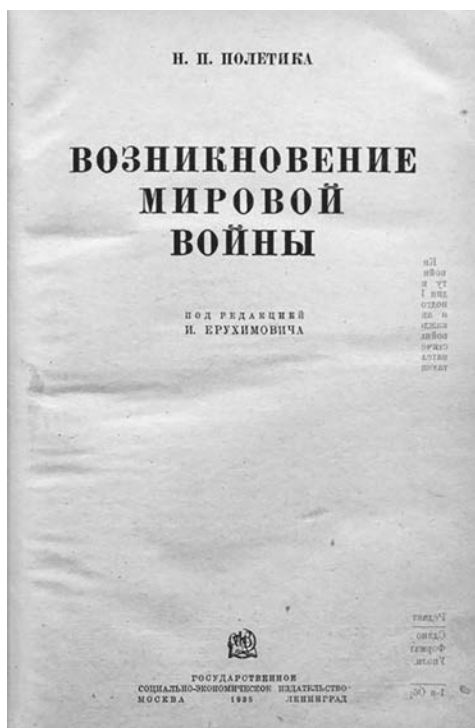
² Полетика Н. П. Сараевское убийство как дипломатический повод к войне // Историк-марксист. М., 1929. Т. 2; *Его же*. Сараевское убийство: исследование по истории австро-сербских отношений и балканской политики России в период 1903–1914 гг. / предисл. К. П. Шелавина. Л.: Красная газета, 1930. 443 с.; *Его же*. Возникновение мировой войны. М.; Л.: Соцэкгиз, 1935. 728 с.; *Его же*. Гросс-адмирал Тирпиц и германские планы войны [предисл.] // А. Тирпиц. Воспоминания. М.: Воениздат, 1957. С. 3–29.

³ Полетика Н. П. Сараевское убийство: исследование по истории австро-сербских отношений 1903–1914 гг. Л.: Красная газета, 1930. С. 411–412, 423.

сти сербских патриотических обществ как ударную задачу политического момента. Сербское же правительство было осведомлено о работе тайных националистических организаций, но предпринимавшиеся им меры должны были лишь снять подозрение в причастности к планировавшемуся покушению¹. Виновницей Полетика считал и Россию. Объявленная ею всеобщая мобилизация, по его утверждению, «превращала австро-сербский конфликт в европейский, т. е. создавала необходимую предпосылку для “игры союзов”, которая должна была бы вызвать европейскую, точнее, мировую войну»².

В трактовке Полетики, ничего не сделала для предотвращения войны и Франция. Свой вывод он основывает на предположении о целях визита президента Пуанкаре в Россию, состоявшегося спустя две недели после сараевского убийства. Другими словами, французские правящие круги, предпринимая визит, «не могли не знать о том, что австрийцы готовят нападение на Сербию». Зная это, «если французский империализм действительно не хотел войны, следовало сидеть спокойно дома и переждать тревожный период»³. В свою очередь, «английский империализм не мог пропустить даже такого ничтож-

ного и невесомого, с точки зрения его интересов, повода, как сараевское убийство, для организации мировой войны в 1914 г.»⁴. Безусловные виновники войны – Австро-Венгрия и Германия. Относительно первой Полетика замечает: «Только уверенностью австрийских империалистов в помощи германских штыков, в случае если дело дойдет до мировой войны, следует объяснить истинную причину решимости Вены довести австро-сербский конфликт до военной развязки, несмотря ни на что»⁵. Что касается Германии, то «германское правительство искало в 1914 г. “великого решения”, к которому оно готовилось десятки лет, и считало необходимым развязать именно в этот год “большую войну”... используя для этой цели такой предлог, как сараевское убийство»⁶.

¹ Полетика Н. П. Возникновение мировой войны. С. 279–280, 285.

² Там же. С. 444.

³ Там же. С. 392.

⁴ Там же. С. 605.

⁵ Там же. С. 380.

⁶ Там же. С. 497, 499.

Когда в 1964 г. эту книгу выпускали вторично, издатели пошли на изменение акцентов, что выразилось в новых формулировках названий глав. Они говорят сами за себя: глава «Австро-сербский конфликт» стала называться «Австро-Венгрия провоцирует мировую войну», глава «Великое решение Германии» – «Германия развязывает мировую войну», глава «Франция в июльские дни 1914 г.» – «Франция подталкивает Россию к вступлению в войну», глава «Тактика Англии» – «Английская провокационная политика “невмешательства” и форсирование войны». Скорректирован и общий вывод: в развязывании войны на первое место следует поставить Германию, на второе – Англию, а *«царская Россия была последней в смысле желания развязать войну»*. И еще: *«Австро-германский блок сделал для развязывания войны не меньше, чем Антанта»*¹. Скорректирован и общий вывод: в развязывании войны на первое место следует поставить Германию, на второе – Англию, а *«царская Россия была последней в смысле желания развязать войну»*. А в целом виноваты все: *«Австро-германский блок сделал для развязывания войны не меньше, чем Антанта»*².

Михаил Николаевич Покровский

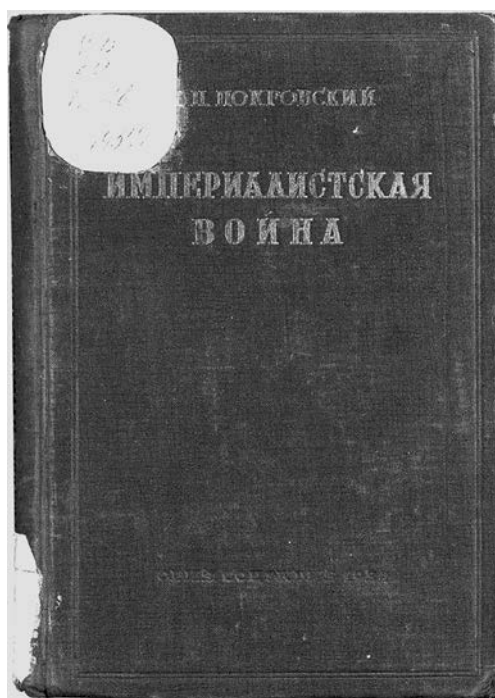
Непримиримым оппонентом Тарле был М. Н. Покровский. В отличие от Тарле, все еще сохранявшего либеральные воззрения, Покровский – большевик, во время Октябрьской революции 1917 г. комиссар Московского военнореволюционного комитета по иностранным делам и редактор газеты «Известия Московского Совета рабочих депутатов» стремился обличить царский режим, возложить первоочередную ответственность за войну на Антанту, особенно на царскую Россию. Свои обвинения России в развязывании войны он повторял во многих работах. Например, во вступительной статье к книге К. Каутского «Как возникла мировая война» он утверждал: *«Война непосредственно была спланирована русской военной партией»*³. Покровский недооценивал агрессивную роль Германии, которую, по его мнению, спровоцировали на войну.

Проблема международных отношений и внешней политики России привлекала Покровского еще до Октябрьской революции. Первая статья по этой

¹ Полетика Н. П. Возникновение первой мировой войны (Июльский кризис 1914 г.). М.: Мысль, 1964. С. 576, 603.

² Там же.

³ Покровский М. Н. Как же возникла мировая война? // К. Каутский. Как возникла мировая война: по документам германского Министерства иностранных дел / пер. с нем. А. Пригожина; под ред. С. Шерера; предисл. и вступ. ст. М. Покровского. М.: Красная новь, 1924. С. 29.

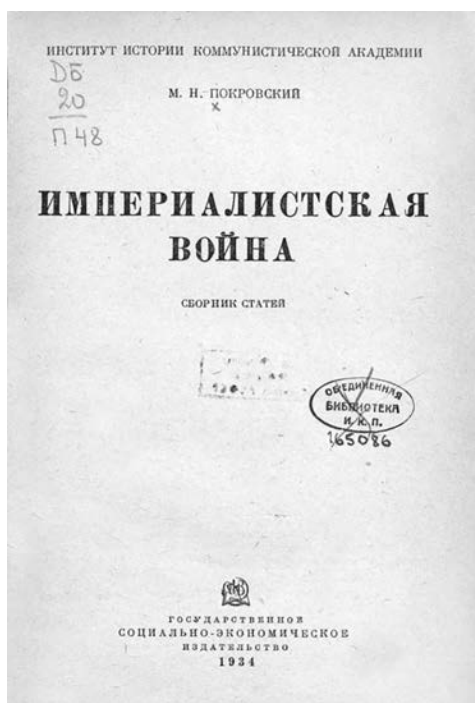

теме («Русский империализм в прошлом и настоящем») была опубликована в 1914 г. Затем последовали другие, они были многочисленны и разнообразны по жанрам. Наиболее значимые статьи были собраны воедино и переизданы в сборниках¹. Переиздания, по признанию самого Покровского, объяснялись «устарелостью» некоторых статей: они освещали международные отношения не столько в свете *«реальных экономических интересов различных социальных групп»*, сколько в плане их идеологии². В последний из сборников (1934), наиболее полный, вошли статьи из предыдущих книг, а также несколько новых. Он увидел свет под названием «Империалистическая война»³. Статьи в нем сгруппированы по тематическим разделам: «На путях к империалистической войне», «Возникновение войны», «Царская Россия и война», «Октябрьская революция и империалистическая война», «Советская публикация документов». Кроме того, в него включены четыре лекции, прочитанные в Свердловском университете и на курсах партийных работников и опубликованные впервые в 1926 г. под заглавием «Внешняя политика России в XX веке».

¹ Покровский М. Н. Внешняя политика: сб. ст. (1914–1917). М.: Денница, 1918. 192 с.; Его же. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии: сб. ст. М., 1923. 392 с.; Его же. Империалистическая война: сб. ст. 1915–1927. М., 1928. 296 с.; Его же. Империалистическая война: сб. ст. 1915–1930. 2-е изд., доп. М., 1931. 336 с.

² Покровский М. Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. С. 390.

³ Покровский М. Н. Империалистическая война: сб. ст. / Ин-т истории Коммунист. акад. М.: Соцэргиз, 1934. 448 с.

Стержнем предложенной Покровским концепции происхождения и начала войны является утверждение, что первоочередным и главным виновником развязывания войны являются российский империализм и царское правительство. Этот вывод он обосновывал своей трактовкой сущности российского капитализма. В понимании Покровского в отличие от В. И. Ленина Россия в начале XX в. не была страной монополистического капитализма¹. Он создал теорию «торгового капитализма», в системе которого царское самодержавие является его «политической организацией». Покровский внутриполитический кризис в стране объяснял столкновением интересов торгового и промышленного капиталов — отечественная торговая буржуазия, по его мнению, склонялась к миру с Германией, промышленная же требовала войны до победы, даже путем смены режима². Он писал: «Мы ничего не поймем в Февральской революции 1917 г., если позабудем, что ее исходной точкой была война»³. Сам же царизм проводил внешнюю политику, которая «отвечала интересам той общественной группировки, которую представляло самодержавие внутри страны, — интересам блока крупного землевладения с купеческим капиталом. Появляющиеся

¹ Покровский М. Н. Внешняя политика России в XX веке // М. Н. Покровский. Империалистическая война: сб. ст. С. 379, 381, 400.

² Покровский М. Н. Очерки русского революционного движения XIX–XX вв. М.: Красная новь, 1924. С. 185.

³ Покровский М. Н. Октябрьская революция: сб. ст. 1917–1927 / Коммунист. акад., О-во историков-марксистов. М.: Изд-во Коммунист. акад., 1929. С. 109.

в последнее время в нашей литературе попытки доказать, что в последние десятилетия своего существования самодержавие представляло собою политически не эту группировку, но интересы нового общественного слоя, промышленной буржуазии, не кажутся автору ни в малой степени убедительными»¹.

Позже, в 1930-е годы, Покровский пересмотрел свои взгляды на проблему империализма, признав, что Россия накануне 1914 г. все же была «страной монополистического капитала, страной империалистической», хотя и сопровождал это признание оговоркой: российский крупный капитал «был опутан всякого рода докапиталистическими пережитками», «самые наиновейшие формы капитализма перепутывались с формами весьма примитивными»². Последнее несомненно было отзвуком его теоретических построений о торговом капитализме. Отсюда и сведение внешней политики дореволюционной России к борьбе за торговые пути. Под этим углом зрения он и рассматривал мировую войну, которая, по его мнению, велась за торговые пути, в частности за черноморские проливы. Эта тема настолько овладела Покровским, что он посвятил исследованию дипломатических демаршей России относительно соглашения с Англией и Францией о проливах Босфор и Дарданеллы специальный раздел «Царская Россия и война» в указанном выше сборнике об империалистической войне.

Рассматривая историю вопроса, Покровский приводит записку министра иностранных дел Сазонова, который еще в ноябре 1913 г. доказывал Николаю II необходимость захвата проливов. Он писал: «Тот, кто завладеет проливами, получит в свои руки не только ключи морей Черного и Средиземного, он будет иметь ключи для поступательного движения в Малую Азию и для гегемонии на Балканах»³. Желание получить проливы Россия надеялась удовлетворить при поддержке стран Антанты, дипломатическая переписка между ними (Покровский приводит тексты нот) завершилась благоприятным для России результатом: российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов 7 марта 1915 г. секретной телеграммой поручил послу в Лондоне выразить благодарность английскому правительству. Покровский приводит ее текст: «Благоволите высказать Грею⁴ глубокую признательность императорского правительства за полное и окончательное согласие Великобритании на разрешение вопроса о проливах и Константинополе согласно желаниям России»⁵. К Англии присоединилась и Франция. По окончательному соглашению Великобритания и Франция согласились передать Константинополь с черноморскими проливами России в обмен на земли в азиатской части Османской империи. По поводу этого соглашения Покровский иронизирует: «Фактически, это была только

¹ Покровский М. Н. Внешняя политика России в XX веке. С. 375.

² Покровский М. Н. По поводу некоторой путаницы // Историк-марксист. 1932. Т. 1–2. С. 20.

³ Покровский М. Н. Царская Россия и война. М.: Гос. изд-во, 1924. С. 8.

⁴ Эдуард Грей – в 1905–1916 гг. министр иностранных дел Великобритании.

⁵ Покровский М. Н. Царская Россия и война. С. 85.

бумага. До Царьграда англичанам было так же далеко, как и русским». Конечно, говоря его же словами, в марте 1915 г. «ни Николаю, ни Сазонову не могло прийти в голову», что империя рухнет, а Брестский мир выведет Россию из войны.

Но это случилось в 1917–1918 гг., когда расчеты царской России были похоронены, а накануне войны, в другой ситуации, заинтересованная в приобретении проливов Россия и стала, по Покровскому, главной виновницей войны. Она знала о подготовке убийства австрийского эрцгерцога в Сараево, но не предотвратила его. Покровский недооценивал степень виновности других участников конфликта, агрессивные устремления Германии в Европе и колониях, равно как и экспансию Австро-Венгрии на Балканах, не принимал в расчет британо-германский антагонизм, даже полагал, что Германия боится начать войну. Подход Покровского был явно тенденциозным, он не учитывал многосторонности европейской в целом и российской в частности внешней политики. Россия и сама, кроме притязаний на проливы, Константинополь и другие турецкие территории, добивалась присоединения польских территорий, входивших в состав Австро-Венгрии (Галиции) и Германии (земель по нижнему течению Немана, Познани и Силезии). С этих позиций Покровский вступил в полемику с академиком Е. В. Тарле, поместив в журнале «Историк-марксист» разгромную рецензию на книги Тарле с текстами о Первой мировой войне. Е. В. Тарле ответил своей статьей – так началась дискуссия, в которую оказались вовлечены многие историки.

Покровский, имея возможность влиять на развитие исторической науки (как академик и «глава марксистской исторической школы в СССР») и направленность образования в целом (он до конца жизни был заместителем наркома просвещения РСФСР), усиленно продвигал свои взгляды, поддерживал сторонников и устранял оппонентов. Покровский был инициатором чисток в Академии наук СССР и «Академического дела» 1929–1930 гг., когда органами ОГПУ по обвинению в создании контрреволюционной группы была арестована большая группа историков, под следствием оказались более 100 научных работников, многие были отправлены в ссылку, в том числе Е. В. Тарле. В конце 1930 – начале 1931 г. в Москве и Ленинграде прошли дискуссии «Буржуазные историки Запада в СССР», в ходе которых разгрому подвергли крупнейших ученых, сохранивших либеральные взгляды. Положение в исторической науке изменилось лишь после смерти Покровского в 1932 г. и выхода в 1934 г. постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) о развитии исторической науки и преподавании гражданской истории. По инициативе «сверху» был организован разгром «школы Покровского» в статьях сборников «Против исторической концепции М. Н. Покровского» (1937) и «Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского» (1940). Историков обвинили в том, что их научные взгляды приводили к политическим ошибкам, которые стали «*базой для вредительства со стороны врагов народа... ловко маскировавшихся при помощи вредных антиленинских концепций М. Н. Покровского*». С признанием в конце 1930-х годов

И. В. Сталина единственным корифеем и основоположником советской исторической науки репрессивная кампания закончилась, но и вектор исследований был жестко определен.

В 1938 г. вышел «Краткий курс истории ВКП(б)», составленный при личном участии Сталина и не допускавший никаких произвольных толкований. Относительно Первой мировой войны в нем было сказано: *«Эта война подготовлялась Германией, Австрией, с одной стороны, Францией, Англией и зависимой от них Россией – с другой»*. Эту зависимость Сталин объяснял тем, что *«перед 1914 годом важнейшие отрасли промышленности России находились в руках иностранного капитала, главным образом французского, английского и бельгийского, то есть стран Антанты... Все эти обстоятельства плюс миллиардные займы, заключенные царем во Франции и Англии, приковали царизм к англо-французскому империализму, превратили Россию в данницу этих стран, в их полуколонию»*¹. Поражения русской армии Сталин объяснял изменой: *«Уже во время войны раскрылась измена царского военного министра Сухомлинова, оказавшегося связанным с немецкими шпионами. Сухомлинов выполнял задание немецкой разведки – сорвать снабжение фронта снарядами, не давать фронту пушек, не давать винтовок. Некоторые царские министры и генералы сами втихомолку содействовали успехам немецкой армии: вместе с царицей, связанной с немцами, они продавали немцам военные тайны. Неудивительно, что царская армия терпела поражение и вынуждена была отступать»*².

Сталинская концепция Первой мировой войны не согласовывалась с фактами, но советские историки в трудах, вышедших после 1938 г., были вынуждены ею руководствоваться вплоть до развенчания культа личности вождя, хотя им были хорошо известны объяснения руководителей немецкой (В. Николаи) и австрийской (М. Ронге) разведок. Последний, например, писал: *«Нашу осведомленность русские объясняли предательством высших офицеров, близко стоявших к царю и к высшему армейскому командованию. Они не догадывались, что мы читали их шифры. В общей сложности нам пришлось раскрыть около 16 русских шифров. Когда русские догадались, что их радиogramмы их предают, они подумали, что мы купили их шифры. Русское шпионоискательство принимало своеобразные формы. Лица, которые ими были арестованы и осуждены, как, например, жандармский полковник Мясоедов, Альтишуллер, Розенберг, председатель ревельской военной судостроительной верфи статс-секретарь Шпан, военный министр Сухомлинов и др., не имели связи ни с нашей, ни с германской разведывательной службой. Чем хуже было положение русских на фронте, тем чаще и громче раздавался в армии крик: “предательство!” В первую очередь подозревались офицеры с немецкими фамилиями. Это зашло так далеко, что ставка (Верховного главнокомандующего россий-*

¹ История Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков). Краткий курс. М.: Госполитиздат. С. 155–156.

² Там же. С. 166–167.

скими вооруженными силами. – И. Ч.) вынуждена была 26 июля 1915 г. *принять решительные меры против этого бессмысленного подозрения*»¹.

Непредвзятый взгляд на этот эпизод истории войны позволил и российской историографии дать ему совсем другую оценку. В фундаментальном труде «Мировые войны XX века» утверждается: «В целях самозащиты от обвинений в укрывательстве шпионов властями было раскрыто сфальсифицированное дело по обвинению в измене полковника С. Н. Мясоедова, арестованного в феврале 1915 г. и приговоренного затем к расстрелу. Мишенью для нападок стал и военный министр В. А. Сухомлинов. В июне 1915 г. он был отстранен от занимаемой должности, а в 1916 г. арестован и предан суду. В 1917 г. уже при Временном правительстве обвинения в шпионаже с него были сняты, тем не менее за плохую подготовку армии к войне и неудовлетворительное руководство работой своего министерства Сухомлинов был приговорен к пожизненному тюремному заключению. В 1918 г. его освободили по старости и болезни... Следует подчеркнуть, что германская разведывательная агентура действительно вела в России активную работу. Однако справедливости ради нужно сказать, что в высших эшелонах российской власти, и тем более в царской семье, немецких агентов не было, хотя слухи о “шпионке-царице” получили в народе довольно широкое распространение»². Таким образом, обвинения Сухомлинова, растиражированные Сталиным, а еще до него В. А. Апушкиным в книге «Генерал от поражений В. А. Сухомлинов»³, современная историография дезавуировала.

5.2. Военно-исторические исследования

5.2.1. Сухопутные боевые операции

Для историков, прежде всего военных, важной задачей становилось написание обобщающих трудов по истории войны. В Советской России военное руководство понимало это и уже в 1918 г. при Главном штабе образовало Комиссию по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг. Ее первым председателем был В. Н. Клембовский, в годы войны входивший в состав высшего руководства российской армии. Он в разное время был начальником штаба Юго-Западного фронта, командующим 11-й армией, начальником штаба Верховного главнокомандующего, главнокомандующим войсками Северного фронта. Весной и летом 1918 г. был в заключении, после освобождения зачислен в РККА, но в Гражданской войне не участвовал. Клембовский возглавлял Комиссию всего три месяца, его сменил А. А. Свечин. Клембовский вновь был арестован и погиб в заключении. Свечин же руководил Комиссией до ее ре-

¹ Ронге М. Разведка и контрразведка / [пер. с нем.]. 2-е изд. М.: Воениздат, 1939. С. 108.

² Мировые войны XX века: в 4 кн. М.: Наука, 2002. Кн. 1: Первая мировая война: ист. очерк. С. 371–372.

³ Апушкин В. А. Генерал от поражений В. А. Сухомлинов. Л.: Былое, 1925. 133 с.

организации в мае 1921 г. в Военно-историческую комиссию. Сам Свечин также оставил заметный след службой в Российской армии и развитием военной науки в РККА. Первую мировую войну провел на фронте в должностях командира полка и дивизии, начальника штабов дивизии и армии. В Красной Армии занимал пост главного руководителя военных академий РККА по истории военного искусства и стратегии. Был репрессирован, реабилитирован¹.

Деятельность Военно-исторической комиссии, преемницы Комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг., также отличалась высокой интенсивностью. Тем не менее с апреля 1924 г. научно-исследовательскую работу возложили на Военно-исторический отдел Штаба РККА (с 1935 г. – Генерального штаба). Но и Военно-исторический отдел не раз реорганизовывали, его преемники – Управление по исследованию и использованию опыта войны, Научно-уставной отдел, Научный военно-исторический отдел – координировали и обеспечивали выпуск военной литературы до 1946 г. Изучением опыта

войны занимались военные академии. Статьи о войне печатали журналы «Война и революция», «Военная мысль», «Военный вестник», «Морской сборник». В 1939–1941 гг. выходил «Военно-исторический журнал».

Ранние советские труды о военных действиях Первой мировой войны публиковались в сборниках. Первый из них, «Краткий стратегический очерк войны 1914–1918 гг.», вышел уже в 1918 г. В статьях сборника рассмотрены темы: «Начальный период войны», «Вторжение в пределы Восточной Пруссии», «Самсоновская катастрофа», «Поражение 1-й армии генерала Ренненкампа», «Галицийская битва». В описаниях сражений буквально по дням отражены события начального периода войны с 19 июля по 1 сентября 1914 г.² В дей-

¹ Подробнее см.: *Тархова Н. С.* Как создавалась история Первой мировой войны (о деятельности Комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг.) // Последняя война Российской империи: Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов: материалы Междунар. науч. конф., 7–8 сент. 2004 г. М., 2006. С. 27–38.

² Краткий стратегический очерк войны 1914–1918 гг. М., 1918. Вып. 1: Русский фронт. События с 19 июля по 1 сентября 1914 г. Начальный период войны. Вторжение в пределы Восточной Пруссии. Самсоновская катастрофа. Поражение 1-й армии ген. Ренненкампа. Галицийская битва.

ствиях командования, приведших к катастрофическому разгрому армии Самсонова в сражении при Танненберге, авторы сборника усматривают, в частности, «поразительное сочетание во всех трех высших инстанциях – в Ставке, во фронте, в армии – слабости стратегического ведения армии... кто же в ней мог сомневаться при случайном наборе начальников русского генерального штаба?»¹.

Еще более значителен по охвату событий «Стратегический очерк войны 1914–1918 гг.» в 7 частях². Он содержит общий обзор военных действий на Русском фронте с их начала и почти до конца войны. Его авторами были Я. К. Цихович (ч. 1: «Период от объявления войны до начала сентября 1914 года: Первое вторжение русских армий в Восточную Пруссию и Галицийская битва»); Г. К. Корольков (ч. 2: «Период с 1 (14) сентября по 15 (28) ноября 1914 года: Августовское сражение, Варшавско-Ивангородская, Краковская и Лодзинская операции, операции в Галиции и Карпатах, Хыровское сражение»); А. А. Незнамов (ч. 3–4: «Период с 12 (25) ноября 1914 г. по 15 (28) марта 1915 г.»); В. Н. Клембовский (ч. 5: «Период с октября 1915 г. по сентябрь 1916 г.: Позиционная война и прорыв австрийцев Юго-Западным фронтом»); А. М. Зайончковский (ч. 6: «Период от прорыва Юго-Западного фронта в мае 1916 г. до конца года»). Отдельным томом вышло описание боевых действий на Румынском фронте³.

Комиссия по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг. под руководством В. Н. Клембовского и А. А. Свечина также провела значительную работу. Плодом ее деятельности стала публикация серии сборников «Труды военно-исторической комиссии», поступавших в открытый доступ⁴.

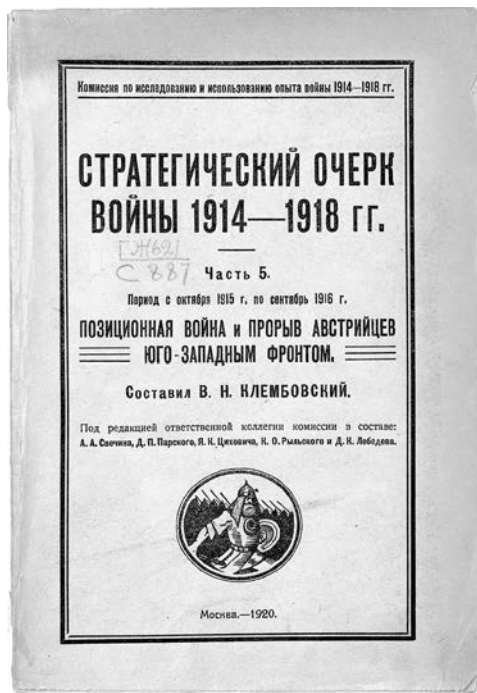
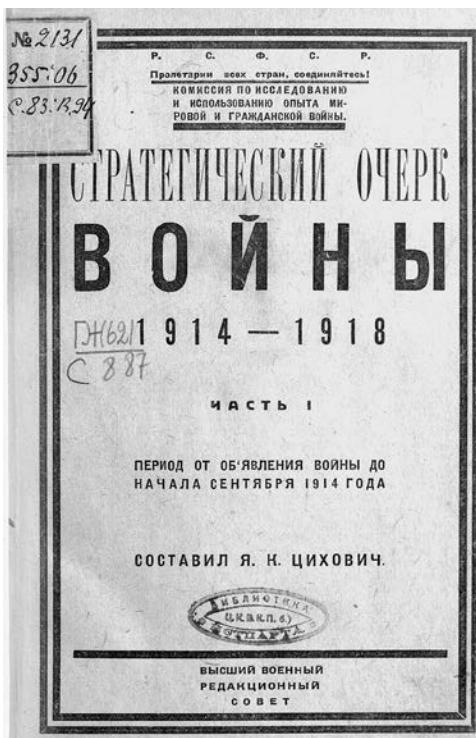

¹ Краткий стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Вып. 1: Русский фронт. События с 19 июля по 1 сентября 1914 г. Начальный период войны. Вторжение в пределы Восточной Пруссии. Самсоновская катастрофа. Поражение 1-й армии ген. Ренненкампа. Галицийская битва. С. 108.

² Стратегический очерк войны 1914–1918 гг.: в 7 ч. М.; Пг.: Высш. воен. ред. совет, 1920–1923.

³ Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Румынский фронт / сост. Ф. И. Васильев. М.: Высш. воен. ред. совет, 1922. 131 с.

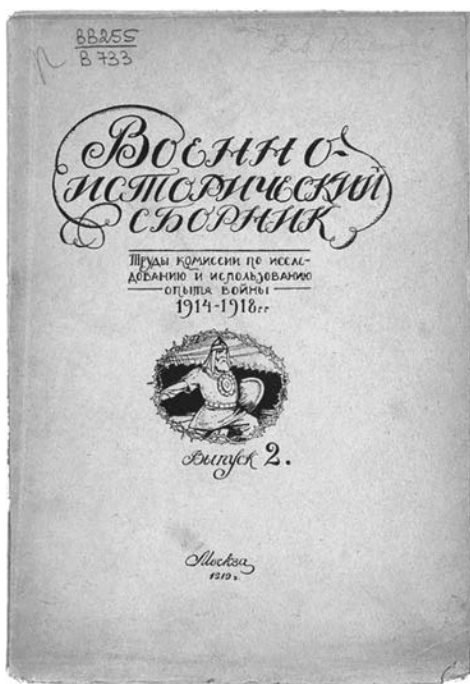
⁴ Военно-исторический сборник. М., 1919–1920 (Труды комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг. Вып. 1–4); Военно-исторический бюллетень. М., 1935–1936. № 1–3.

В первом выпуске поместили свои статьи Клембовский, Свечин, ряд других авторов. Опубликованные материалы освещали частные операции, но в сборник был включен и документ, резко отличающийся от традиционных статей с описанием действий армейских подразделений. Это был «Дневник Штукатурова» – до войны рабочего Путиловского завода, а в войну – младшего унтер-офицера, погибшего в бою 16 декабря 1915 г. Предваряя дневник, Свечин отметил: «Штукатуров – лучший боец, которого выдвинул в великой войне русский народ: он добровольно и сознательно отдает свою жизнь за государственные идеалы... Дневник его открывает нам душу этого старого, молчаливого и послушного строя русских людей. Как ошибались те на-

чальники, которые считали его бездушным, не рассуждающим, как заблуждались наши западные союзники, рисовавшие себе русскую армию как холодную машину, как огромный каток или паровой пресс, наваливающийся с востока на Германию»¹. Завершил публикацию дневника редакционный комментарий: «Со Штукатуровым умирал солдат старой русской армии, которого крепко держали в своих тисках религиозные и монархические идеи, который по своему духовному развитию оказался гораздо выше уровня, на который рассчитывали наши враги, но в психологии которого проскальзывают уже искры будущей революции»². Последующие выпуски придерживались взятого курса: во втором завершили печатание «Дневника Штукатурова» и опубликовали заметки Д. П. Парского «Воспоминания и мысли о жизни и службе в Ямбургском отряде Красной армии в марте–апреле 1918 г.»³. Очерк, написанный Парским, представляет собой документ эпохи, свидетельство представителя другого, нежели унтер-офицер Штукатуров, социального слоя русского народа, но столь же патриотичного и глубоко озабоченного судьбами страны.

Д. П. Парский, по званию генерал-лейтенант, в 1917 г. командовал 12-й и 3-й армиями. Германское наступление после срыва брест-литовских переговоров

¹ Штукатуров. Дневник / предисл. А. Свечина // Воен.-ист. сб. Тр. комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг. М., 1919. Вып. 1. С. 132.

² Штукатуров. Дневник. М., 1919. Вып. 2. С. 193.

³ Парский Д. Воспоминания и мысли о жизни и службе в Ямбургском отряде Красной армии в марте–апреле 1918 г. // Воен.-ист. сб. Тр. комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг. М., 1919. Вып. 2. С. 194–218.

Дмитрий Павлович Парский

побудило его возобновить военную службу в Красной Армии¹. В «Воспоминаниях» он рассказывает: *«Сознание, что старый враг вновь грозит поверженной в прах родине, заставило забыть всю горечь перенесенного... Я не выдержал и в последних числах февраля бросился в Штаб Верховного главнокомандующего, а затем и в Смольный, где и заявил о желании служить на фронте в этот ответственный момент. Через два дня я получил назначение ехать к Нарве и объединить командование войсками, действующими в районе р. Нарвы и Чудского озера»*. Выехавший на фронт Парский и его помощники по пути *«были задержаны почти непрерывным и крайне беспорядочным движением остатков различных частей старой армии и эшелонов красноармейцев, ехавших из-под Нарвы»*. Парский отмечает: *«Оставление Нарвы произошло преимуще-*

*ственно потому, что не было общего руководства и связи в действиях, оттого, что слабо или даже вовсе почти неподготовленные отряды водили в бой неумело, и они несли излишние потери (больше других потерпели матросы); наконец, на настроение войск оказало, по-видимому, известное влияние и создавшееся тогда положение как бы между войной и миром, что волновало людей и способствовало уменьшению их стойкости»*².

Покинули расположение и матросы под командованием П. Е. Дыбенко. Нарва была оставлена, но Парскому удалось создать боеспособное формирование, что и дало ему право с удовлетворением заявить: *«Теперь у нас есть сильная армия, а тогда были лишь отдельные слабые отряды и части, весьма разнообразные по своему происхождению и крайне пестрые по составу, численности и боевому достоинству. Мы имеем сейчас правильную воинскую организацию, единство командования, располагаем штабами и прочими учреждениями, а в то время, ведь, не было собственно ничего, все приходилось наскоро создавать вновь, разыскивать, собирать, налаживать. Определенные стремления и планы, сознание и полная ориентировка руководит в настоящее время*

¹ О нем см.: Новицкий В. Памяти Д. П. Парского // Военная наука и революция. Воен.-науч. журн. 1922. Кн. 1; Стебакова Л. Д. П. Парский (к 100-летию со дня рождения) // Воен.-ист. сб. 1966. № 10; Ганин А. В. Первый красный боевой генерал: Дмитрий Павлович Парский // Рус. сб.: Исследования по истории России. М., 2014. Т. 16.

² Парский Д. Воспоминания и мысли о жизни и службе в Ямбургском отряде Красной Армии в марте–апреле 1918 г. // Воен.-ист. сб. Тр. комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг. М., 1919. Вып. 2. С. 196, 198, 201.

*каждым органом, каждым отдельным работником; повсюду идет более или менее систематическое строительство. В марте же 1918 года каждый участник действовал почти исключительно по своему усмотрению и на свой страх, руководясь чутьем и здравым смыслом; общего управления и указаний почти не было. Если теперь мы можем вести военные действия в широких размерах, можем успешно наступать, то тогда приходилось думать лишь о том, как бы только удержаться, да и на это надежды было мало...»*¹ В сентябре–ноябре 1918 г. Парский командовал Северным фронтом. Его несомненно можно считать одним из создателей Красной Армии.

В межвоенный период были изданы разнообразные по форме и назначению книги о войне в ее боевом, политическом, экономическом, бытовом и прочих обликах. Вышли базовые для научных исследований сборники документов². Значительный пласт литературы составили обобщающие труды, очерки, обзоры военных действий на суше и на море, описания отдельных операций на Восточном и Западном фронтах, исследования опыта применения различных родов войск и новой техники, воспоминания участников войны.

Может показаться странным столь быстрое появление крупных обобщающих трудов. Но ничего удивительного здесь нет. Все дело в компетентности авторов: все они бывшие царские генералы в больших чинах и должностях, перешедшие на службу в Красную Армию. Чтобы составить представление о роли, которую они играли в годы мировой войны, достаточно назвать хотя бы по одной должности из многих, которые они занимали. Я. К. Цихович – командующий армией, Г. К. Корольков – командир корпуса, А. А. Незнамов – генерал-квартирмейстер³ штаба 7-й армии и Румынского фронта, В. Н. Клембовский – главнокомандующий армиями Северного фронта, А. М. Зайончковский – командир корпуса. М. Д. Бонч-Бруевич – генерал-квартирмейстер штаба 3-й армии Юго-Западного фронта, а затем генерал-квартирмейстер штаба Северо-Западного фронта. Нужны ли другие доказательства их осведомленности?

Наличие широкого круга владеющих темой профессионалов, поначалу дореволюционных генералов, а затем и подготовленных в советское время специалистов, объясняет столь быстрое появление большого числа трудов о наиболее важных сражениях на всех театрах военных действий: европейском

¹ *Парский Д.* Воспоминания и мысли о жизни и службе в Ямбургском отряде Красной Армии в марте–апреле 1918 г. С. 194.

² Сношения с союзниками по военным вопросам во время войны 1914–1918 гг. / сост. Н. Валентинов; редкол.: А. А. Свечин [и др.]. М., 1920. Ч. I. 136 с.; Варшавско-Ивангородская операция: сб. док. мировой империалистической войны на Русском фронте (1914–1917 гг.) / Ген. штаб РККА. М.: Воениздат, 1938. 512 с.; Восточно-Прусская операция: сб. док. мировой империалистической войны на Русском фронте (1914–1917 гг.). М.: Воениздат, 1939. 612 с.; Горлицкая операция: сб. док. мировой империалистической войны на Русском фронте (1914–1917 гг.). М.: Воениздат, 1941. 408 с.

³ Генерал-квартирмейстер возглавлял в штабах разработку и планирование военных операций.

Западном¹, Балканском², русско-германо-австрийском³, Кавказском⁴, Румынском⁵ фронтах. По общей направленности исследований их можно определить как военно-исторические. При этом следует иметь в виду, что книги и статьи, опубликованные в различные периоды развития страны, корректировали оценки многих событий в связи с идеологическими требованиями и условиями времени. Обратимся к трудам авторов, оставивших наиболее заметный след в изучении истории войны.

Крупным исследователем операций на русско-германском, русско-австрийском, франко-германском фронтах был А. К. Коленковский. Он успешно окончил Николаевскую академию Генерального штаба, получил боевой опыт, участвуя в Русско-японской и Первой мировой войнах. Добровольно вступил в РККА, занимал командные должности, в том числе начальника Оперативного отдела Штаба РККА, стал генерал-лейтенантом. Добился успеха и на работе в Военной академии имени М. В. Фрунзе, о чем свидетельствуют степень доктора наук

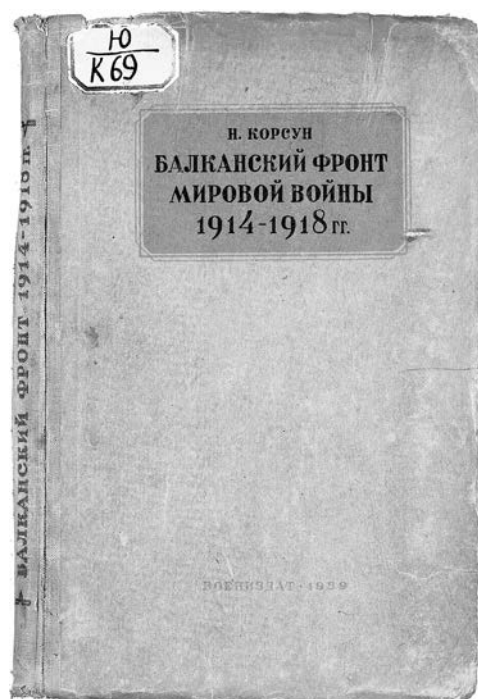
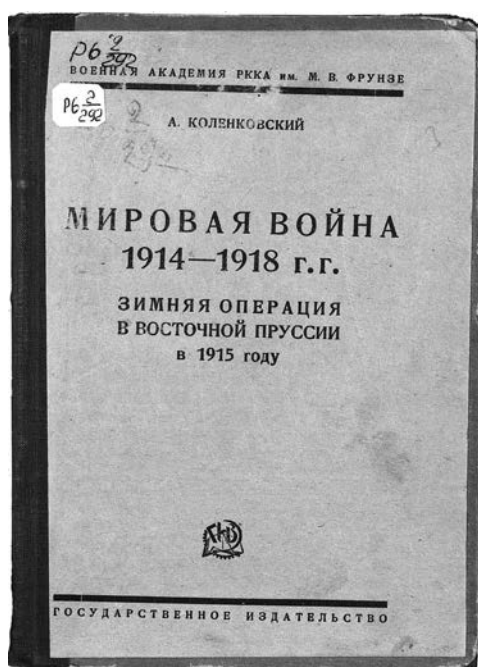
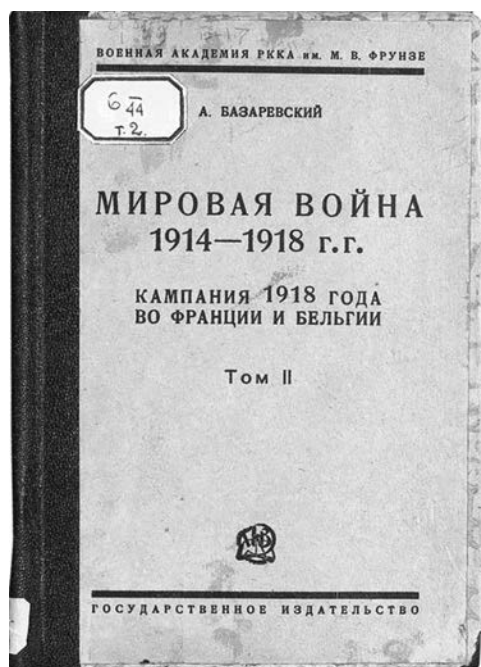
¹ *Базаревский А. Х.* Мировая война 1914–1918 гг. Кампания 1918 года во Франции и Бельгии: в 2 т. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927; *Коленковский А. К.* Марнская операция. М., 1933; *Его же.* Дарданелльская операция. 2-е изд. М.: Воениздат, 1938. 136 с.; *Его же.* Мартовское наступление в Пикардии в 1918 г. М.: Воениздат, 1938; *Его же.* Маневренный период первой мировой империалистической войны 1914 г. М.: Воениздат, 1940. 367 с., 90 л. схем, влож. в футляр; *Меликов В. А.* Марна, Висла, Смирна. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. 468 с.; *Галактионов М.* Марнское сражение. М., 1938. 80 с.; *Новицкий В. Ф.* Мировая война 1914–1918 гг. Кампания 1914 г. в Бельгии и Франции. 2-е изд. М.: Воениздат, 1938. Т. 1–2; *Попов В. Т.* Бои за Верден. М.: Воениздат, 1939. 80 с.; *Корсун Н. Г.* Заключительное наступление союзников и капитуляция Германии. Сентябрь–ноябрь 1918. М.: Типо-лит. ВА им. М. В. Фрунзе, 1939. 152 с.; *Оберюхтин В. В.* Операция под Камбрэ в 1917 г. М.: Воениздат, 1936. 244 с.

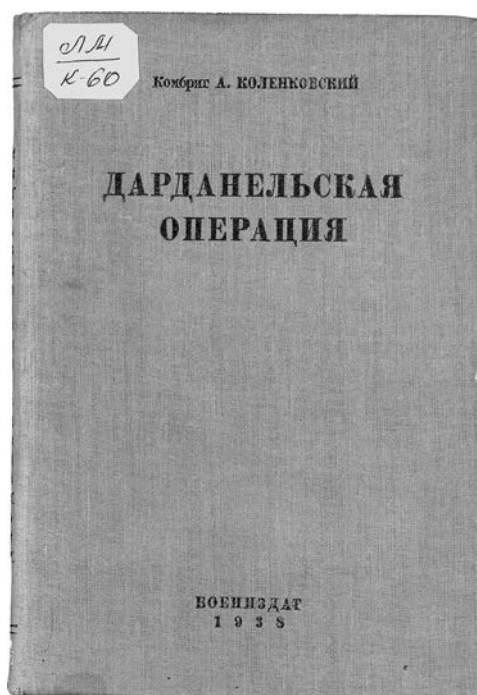
² *Корсун Н. Г.* Балканский фронт мировой войны 1914–1918 гг. М.: Воениздат, 1939. 123 с.

³ *Корольков Г. К.* Варшавско-Ивангородская операция. М.: Высш. воен. ред. совет, 1923. 283 с.; *Его же.* Праснышское сражение. Июль 1915 года: такт. исслед. М.; Л.: Гос. изд-во, Отд. воен. лит., 1928. 154 с.; *Его же.* Лодзинская операция 2 ноября – 19 декабря 1914 г. М.: Госвоениздат, 1934. 296 с.; *Воронков В. М.* Лодзинская операция: (оператив. очерк). М.: Типо-лит. им. К. Ворошилова, 1932. 52 с.; *Величко К. И.* Русские крепости в связи с операциями полевых армий в мировую войну: (крит.-стратег. этюд по арх. материалам и воспоминаниям). Л.: Воен.-техн. акад. РККА им. т. Дзержинского, 1926. 116 с.; *Меньчуков Е. А.* Бои под Логишиным в 1915 г. Наступательная операция 31-го армейского корпуса. М.: Воениздат, 1937. 73 с.; *Храмов Ф. А.* Восточно-Прусская операция. М.: Воениздат, 1929. 252 с.; *Яковлев В. В.* Борьба за крепости: (крат. очерк боевых действий под крепостями в войну 1914–18 гг.). М., 1920. Ч. 1. 89 с.; *Черкасов П.* Штурм Перемышля 7 октября (24 сентября) 1914 года. Л.: Изд-во Воен. тип. Упр. делами НКВМ и РВС СССР, 1927. 175 с.; *Коленковский А. К.* Зимняя операция в Восточной Пруссии в 1915 году. М.; Л.: Гос. изд-во, Отд. воен. лит., 1927. 154 с.

⁴ *Корсун Н. Г.* Сарыкамышская операция на Кавказском фронте мировой войны в 1914–1915 году. М.: Воениздат, 1937. 161 с.; *Его же.* Эрзерумская операция. М.: Воениздат, 1938. 170 с.; *Его же.* Алашкертская и Хамаданская операции на Кавказском фронте мировой войны в 1915 году. М.: Воениздат, 1940. 200 с.

⁵ *Васильев Ф. И.* Румынский фронт: стратегический очерк войны 1914–1918 гг. / вступ. ст. А. С. Казанова «Румыния в мировой войне». М.: Высш. воен. ред. совет, 1922. 131 с.

и звание профессора. Написал ряд военно-исторических трудов, наиболее важным из которых является исследование «Маневренный период первой мировой империалистической войны 1914 г.»¹. Автор, верный принципу научной корректности, сообщает при этом, что главу I («Причины и характер войны») и главу XIX («Операции на Кавказско-турецком театре») написали Таленский и Корсун; материалы к главам XVII («Попытка русского командования наступать на Берлин»), XVIII («Контрманевр германцев против наступления русских на Берл») и XXI («Операции на Дальнем Востоке») предоставили Рыбин и Бушманов. В общем объеме (23 главы) эти 5 глав составляют не такую уж и большую часть. В целом же труд Коленковского охватывает широчайший спектр тем. Автор согласен с утверждением автора первой главы, что «война возникла из империалистических противоречий Германии и Австро-Венгрии с одной стороны и Англии, Франции и России – с другой»². Коленковский раскрывает планы и меры по подготовке войны, включая мобилизацию, сосредоточение и развертывание вооруженных сил сторон. Детально показывает первоначальные действия воюющих сторон на Западном и Восточном европейских театрах, в том числе пограничное и Марнское сражения во Франции, операции на Восточно-Европейском театре войны с акцентом на действия 1-й и 2-й русских армий в Восточной Пруссии, наступлении русских армий Юго-Западного фронта

¹ Коленковский А. К. Маневренный период первой мировой империалистической войны 1914 г. 368 с.

² Там же. С. 10.

в Галиции. Он не оставил без внимания бои на Кавказско-Турецком театре военных действий, на Балканах и Дальнем Востоке, отдельную главу посвятил войне на море английского, французского и русского флотов.

Из хода военных операций первого года войны А. К. Коленковский сделал главный вывод: *«Важнейшие результаты за 1914 год выразились в том, что Германия принуждена была от наступления перейти к обороне, что закладывало фундамент будущего ее поражения»*¹. В стратегическом отношении война стала выдвигать новые требования, которые делались непосильными для Германии. Австро-Венгрия, уже теряя последние силы, потребовала поддержки от своего союзника. В то же время в распоряжении стран Антанты находились средства почти всего мира, которые могли быть использованы для усиления их материальной мощи против Центральных держав. Рассматривая собственно военные операции, Коленковский значительную долю вины за поражения немецкой армии возложил на германский Генеральный штаб. По его мнению, *«особенно порочна была переоценка возможности для Германии выйти путем военных побед из тисков, которые налагала на нее отечественная экономика в виде ограниченности продовольственной и промышленной сырьевой базы. Это самомнение, связанное с пренебрежительным отношением к оперативным и тактическим взглядам противника, и было главной причиной поражения германцев не только в 1914, но и в последующие годы войны»*². Оценка итогов 1914 г. для русской армии также негативна, но лишь диктатом идеологии можно объяснить утверждение: *«В кампании 1914 г. на полях сражений лег кадровый состав русской армии, на пополнение которой прибыли переодетые в солдатские шинели рабочие и крестьяне, не прошедшие казарменной муштры, а это обстоятельство способствовало осуществлению политики, выдвинутой большевиками, – поражению своего правительства в империалистической войне и приближению осуществления лозунга “превращения войны империалистической в войну гражданскую”*»³. Однако такого рода ритуальные заклинания не снижают информационно-аналитический уровень анализа военных аспектов в труде Коленковского, который мужественно воевал на фронтах Первой мировой войны и честно служил Советской власти.

Серьезным исследованием военной кампании 1918 г. во Франции и Бельгии стал двухтомный труд выпускника Полоцкого кадетского корпуса и Николаевской академии Генерального штаба А. Х. Базаревского⁴. Несмотря на то что книга заявлена как разбор военной кампании 1918 г. во Франции и Бельгии, она охватывает значительно больший спектр тем. Представляя свою книгу

¹ Коленковский А. К. Маневренный период первой мировой империалистической войны 1914 г. С. 343.

² Там же. С. 344.

³ Там же. С. 352.

⁴ Базаревский А. Х. Мировая война 1914–1918 гг. Кампания 1918 года во Франции и Бельгии: в 2 т. / Воен. акад. РККА им. М. В. Фрунзе. М.; Л.: Гос. изд-во, Отд. воен. лит., 1927. Т. 1. 266 с.; Т. 2. 233 с.

Михаил Дмитриевич
Бонч-Бруевич

читателям, Базаревский отмечал, что, «имея столь крупное значение, кампания 1918 года до сих пор, однако, на русском языке почти не описана. Имеются лишь коротенькие стратегические очерки и перевод книги Корда, достаточно поверхностной, устарелой и смотрящей на события 1918 года с точки зрения француза-шовиниста»¹. Базаревский открывает свою работу обзором театра военных действий, рассмотрением вооруженных сил сторон – отдельно Германии, Франции, Англии, США, Бельгии. Третью главу первого тома посвящает политическому и экономическому состоянию сторон на конец 1917 – начало 1918 г. – Германии и Антанты. Остальной материал книги посвящен самим военным операциям, вплоть до заключения перемирия в Компьене и начала демобилизации в Германии, Франции, Англии.

М. Д. Бонч-Бруевич² в военной науке известен трудом о Карпатской операции войск Юго-Западного фронта, проведенной в декабре 1914 – июне 1915 г. Ее целью был прорыв через Карпаты для вторжения в Венгрию. Главную роль должна была сыграть 8-я армия генерала Брусилова. Австро-венгерская армия, в свою очередь, намеревалась своим ударом деблокировать осажденную русскими крепость Перемышль. Начавшиеся почти одновременно встречные наступления привели к тяжелым боям. Русские войска взяли Перемышль и овладели несколькими карпатскими перевалами, но перейти Карпаты не смогли, т. е. не достигли цели наступления. Последствия были тяжелыми: русские войска потеряли около 1 млн, австрийцы и немцы – 800 тыс. человек.

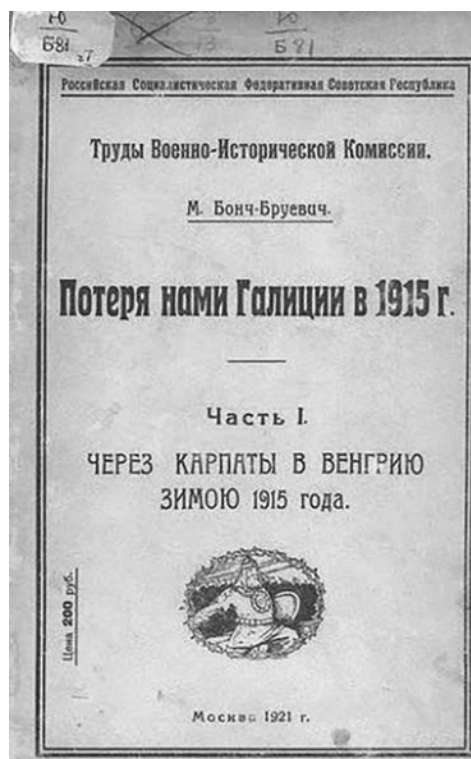
Эти события получили критическое осмысление в двухтомном труде М. Д. Бонч-Бруевича³. Первый том посвящен «подготовительному» этапу Карпатской операции, второй – ее «исполнительному» периоду. Эту операцию Бонч-Бруевич расценивает как крупную катастрофу русской армии. Он полагает:

¹ Базаревский А. Х. Мировая война 1914–1918 гг. Кампания 1918 года во Франции и Бельгии. Т. 1. С. 2.

² Бонч-Бруевич Михаил Дмитриевич (1870–1956), брат Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича, управляющего делами Совнаркома. Генерал-майор российской армии, генерал-лейтенант Красной Армии. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба. В августе 1914 г. назначен генерал-квартирмейстером штаба 3-й армии Юго-Западного фронта. В марте 1915 – феврале 1916 г. начальник штаба Северо-Западного фронта. После Февральской революции начальник Псковского и Могилевского гарнизонов. Первым из числа генералов перешел на сторону Советской власти. Занимал командные должности, был на научной и педагогической работе в военных академиях.

³ Бонч-Бруевич М. Д. Потеря нами Галиции в 1915 г.: в 2 т. М.; Л., 1920–1926. Т. 1: Через Карпаты в Венгрию зимой 1915 года. 1921; Т. 2: Катастрофа в 3-й армии. 1926.

«В конечном счете, эта операция привела к разгрому лучшей половины всей действующей русской армии, которая после нее надолго лишилась наступательного порыва. При таком значении – Карпатская операция явилась “началом конца” военного могущества России»¹. Причины поражения Бонч-Бруевич усматривает в бездарном руководстве командующего Юго-Западным фронтом генерала Иванова, начальника его штаба генерала Алексеева и командующих армиями. «Главными причинами Карпатского погрома являются: а) полное несоответствие генерал-адъютанта Иванова роли главнокомандующего фронтом; б) несоответственные боевому делу духовные качества начальника штаба армий Ю.-З. фронта генерала Алексеева; в) неудачный подбор командующих армиями этого фронта с точки зрения их нравственного ранжира и обладания военным искусством; г) мало к чему пригодное верховное главнокомандование; д) бедность в отношении боевых средств»². Подчеркивая слабость Иванова как главнокомандующего фронтом, Бонч-Бруевич отмечает: «Оперативные замыслы полководца Ю.-З. фронта не углублялись далее общей формулы “такой-то армии или таким-то группам сдерживать противника на таком-то фронте, а таким-то частям действовать во фланг противнику в таком-то направлении”. В эту формулу выливалось все оперативное творчество в течение всего Карпатского похода. Эта формула, не выражая ровно никакого оперативного замысла, является для крупных сил задачей, просто невыполнимой»³. Расширяя масштаб своих выводов, Бонч-Бруевич выходит за фронтовые рамки и возлагает долю ответственности за поражение и на верховное главнокомандование. По его мнению, Ставка слабо координировала планы фронтов и не подчиняла их действия решению общей стратегической задачи. По его словам, «операция, задуманная главнокомандующим того или иного фронта, обыкновенно, страдала несоответствием общему положению дел на всем фронте и казалась целесообразной только с точки зрения местных фронто-

¹ Бонч-Бруевич М. Д. Потеря нами Галиции в 1915 г.: в 2 т. Т. 2: Катастрофа в 3-й армии. С. 7.

² Там же. Ч. 1: Через Карпаты в Венгрию зимой 1915 года. С. 116.

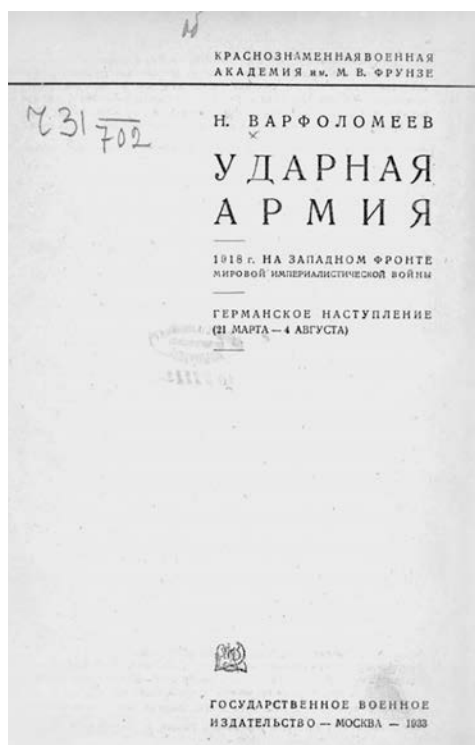
³ Там же. С. 113.

вых интересов. Бывали такие периоды, когда оперативные замыслы фронтов даже исключали друг друга»¹.

М. Д. Бонч-Бруевич утверждает, что верховное главнокомандование не проявило в должной мере свою роль при проведении наступления в Карпатах, что и способствовало поражению. Он пишет: «...основными причинами обращения Карпатской операции в разгром большей части вооруженных сил России являются: во-первых, отсутствие определенного твердо проводимого в жизнь оперативного плана у Верховного главнокомандующего; во-вторых, искание замысла Карпатской операции не в стратегической обстановке на всем театре военных действий, а в политических соображениях относительно привлечения на сторону держав Согласия нейтральных государств Румынии и Италии, — без достаточного взвешивания значения их выступлений; <...> в-четвертых, неизменное давление западных союзников на верховное главнокомандование»².

Н. Е. Варфоломеев, кадровый военный с подготовкой в Николаевской академии Генерального штаба, а в СССР научный сотрудник Военной акаде-

мии имени М. В. Фрунзе, исследовал 1-е (март–апрель), 2-е (май), 3-е (июль, вторая битва на р. Марна) наступления германской армии и контрнаступление союзников (июль) на Западном фронте в 1918 г., когда обе стороны пытались покончить с позиционной борьбой, чтобы перейти к широкой маневренной войне³. Эти попытки не удались ни одной из сторон. Стратегического прорыва фронта немцы не добились, но, как пишет Варфоломеев, «германские наступления... ознаменовались неоспоримым крупнейшим тактическим успехом. Десятки разгромленных союзных дивизий, тысячи квадратных километров захваченного пространства, большие трофеи определили итог тактического успеха германских ударных армий»⁴. Нельзя не отметить, что на выводах автора сказались условия времени. В его духе он объясняет не-

¹ Бонч-Бруевич М. Д. Потеря нами Галиции в 1915 г.: в 2 т. Т. 1: Через Карпаты в Венгрию зимой 1915 года. С. 110.

² Там же. Т. 2: Катастрофа в 3-й армии. С. 6.

³ Варфоломеев Н. Е. Ударная армия: 1918 г. На Западном фронте мировой империалистической войны: германское наступление (21 марта – 4 августа). М.: Гос. воен. изд-во, 1933. 203 с.

⁴ Там же. С. 152.

успех французского контрнаступления: *«Одной из решающих причин неудачи французского наступления 18 июля 1918 г. явилось отчетливо выразившееся нежелание сражаться со стороны французской пехоты. Эта небоеспособность французской армии – результат и показатель роста классового самосознания одетых в военные шинели французских рабочих и крестьян... Это определенно сказалось в революционных выступлениях французской армии»*¹.

Наиболее полным описанием подготовки стран Антанты и Тройственного союза к войне, планов сторон и собственно военных действий на всех фронтах стал вышедший тремя изданиями труд А. М. Зайончковского «Мировая война 1914–1918 гг.»², дополненный схемами военных операций, изданными отдельной брошюрой³. Зайончковский скончался в 1926 г., поэтому в подготовке и переработке второго издания принимали участие преподаватели кафедры мировой войны Военной академии имени М. В. Фрунзе под руководством И. И. Вацетиса, на то время «старшего руководителя по истории войн». Третье издание 1938–1939 гг. вышло в трех томах, два из которых содержат полное описание военных действий, а третий – схемы военных операций, выполненные старшим преподавателем кафедры военной истории Военной академии РККА им. М. В. Фрунзе А. Н. Де-Лазари. Ценны и другие работы А. М. Зайончковского⁴. Даже спустя значительное время, имея возможность давать оценки с учетом уроков Второй мировой войны, специалисты в положительном свете характеризовали исследования Зайончковского. Военный историк генерал-майор А. А. Строков отзывался так: *«Капитальный труд А. Зайончковского высоко оценен советской историографией. Он сыграл большую роль в пропаганде опыта войны,*

Андрей Медардович
Зайончковский

¹ Варфоломеев Н. Е. Ударная армия: 1918 г. На Западном фронте мировой империалистической войны: германское наступление (21 марта – 4 августа). С. 152.

² Зайончковский А. М. Мировая война 1914–1918 гг. Общий стратегический очерк. М.: Гос. воен. изд-во, 1924. 457 с.; *Его же*. Мировая война 1914–1918 гг., 2-е изд., перераб. и доп. М.: Гос. воен. изд-во, 1931. 456 с.; *Его же*. Мировая война 1914–1918. М.: Гос. воен. изд-во, 1938–1939. Т. 1–3.

³ Де-Лазари А. Н. Атлас схем к труду Зайончковского. М.: Гос. воен. изд-во, 1924. 8 с. (49 л.)

⁴ Зайончковский А. М. Подготовка России к империалистической войне (Очерки военной подготовки и первоначальных планов) / вступ. ст. М. Н. Тухачевского. М.: Гос. воен. изд-во, 1926. 446 с.; Подготовка России к мировой войне в международном отношении / предисл. и под ред. М. П. Павловича. [Л.]: Воен. тип. Упр. делами Наркомвоенмор и РВС СССР, 1926. 398 с.

служил основным пособием в военных академиях»¹. И. И. Ростунов, научный сотрудник Института военной истории Министерства обороны СССР, отметил: «Труд А. М. Зайончковского до сих пор является самым полным описанием Первой мировой войны, которое имеется в советской историографии»². О сохранившемся интересе к исследованию Зайончковского свидетельствует переиздание его книги о мировой войне в 2000 г.

Крупные труды создал И. И. Вацетис – примечательная фигура в Красной Армии. В годы войны он командовал полком, а с 1 сентября 1918 по 9 июля 1919 г. был главнокомандующим Вооруженными силами РСФСР. С 1921 г. работал в Военной академии РККА имени М. В. Фрунзе. Исследовав сражения начального периода войны, в 1923 г. издал труд о боевых действиях в Восточной Пруссии летом 1914 г.³ Затем он еще раз обратился к анализу сражений начала войны⁴, когда на восточной границе Германии русский Северо-Западный фронт провел Восточно-Прусскую, Ивангород-Варшавскую и Лодзинскую операции. Они продолжались более четырех месяцев. В военных действиях на территории Восточной Пруссии, Польши и Западной Галиции сражались около

¹ Строчков А. А. Вооруженные силы и военное искусство в Первой мировой войне. М.: Воениздат, 1974. С. 8, примеч. 1.

² История Первой мировой войны. 1914–1918 гг.: в 2 т. М.: Наука, 1975. Т. 1. С. 13.

³ Вацетис И. И. Боевые действия в Восточной Пруссии в июле, августе и в начале сентября 1914 г. Стратегический очерк: действия 1 и 2 русских армий и 8 германской армии. М.: Высш. воен. ред. совет, 1923. 105 с.

⁴ Вацетис И. И. Операции на восточной границе Германии в 1914 г. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. Ч. 1: Восточно-Прусская операция. 339 с.

миллиона солдат и офицеров. По оценке Вацетиса, «единая по своей стратегической идее, беспримерная по гибкости и последовательности оперативного творчества, грандиозная по своим историческим последствиям трилогия из Восточно-Прусской, Ивангород-Варшавской и Лодзинской операций сыграла роль генерального сражения между царской Россией и Германией»¹. Свое исследование И. И. Вацетис сконцентрировал на первой из указанных операций. Проведя детальный разбор действий войск и командования, он подчеркнул просчеты последнего: «Мы должны признать правдивость распространенного в армии мнения, что в Ставке даже высокие посты заняли люди, которые мало соответствовали своему назначению»². Историческими последствиями поражения в генеральном сражении начала войны, отметил И. И. Вацетис, было крушение всякого смысла для продолжения войны между Германией и Россией и переход доминирующей роли в войне к экономически могущественной Англии.

Иоаким Иоакимович Вацетис

¹ Вацетис И. И. Операции на восточной границе Германии в 1914 г. Ч. 1: Восточно-Прусская операция. С. 2.

² Там же. С. 320.

Иван Алексеевич Хольмсен

Тематически в одном ряду с исследованием Вацетиса стоит труд И. А. Хольмсена. В Первую мировую войну И. А. Хольмсен вступил командиром бригады 53-й пехотной дивизии. В феврале 1915 г. во время Августовской операции¹ вместе с частями 20-го армейского корпуса попал в окружение и был взят в плен. После окончания войны написал труд об операции в Восточной Пруссии зимой 1915 г.² По словам автора, подлинных документальных данных достать было нельзя, поскольку они были утрачены в обозах корпуса. Тем не менее, уверяет автор, личные воспоминания явились твердым основанием для работы и передачи настроений и взглядов на обстановку в разные фазисы операции. Точно так же, сообщает автор, он воспользовался указаниями и воспоминаниями своих соратников. Общую картину развития событий

Хольмсен получил из официальной германской истории мировой войны, где, как он утверждает, можно было найти единственное на то время описание боев против русского Северо-Западного фронта. Хольмсен и попытался представить русскую версию сражения войск этого фронта под командованием Н. В. Рузского, действия которого стали причиной катастрофы 10-й армии. В результате, признает Хольмсен, *«к весне 1915-го года фельдмаршал Гинденбург хотя и далеко не достиг тех целей, которые он себе поставил, но все же ему удалось окончательно вытеснить нас из Восточной Пруссии и перейти на 1½–2 перехода за государственную границу... Морально и материально мы сильно пострадали, и противник грозного тучей навис над правым флангом нашего общего фронта, что давало ему выгодное исходное положение для развития еще в 1915-м году дальнейших операций, но еще в большем масштабе против русской армии»*³.

Борис Михайлович Шапошников

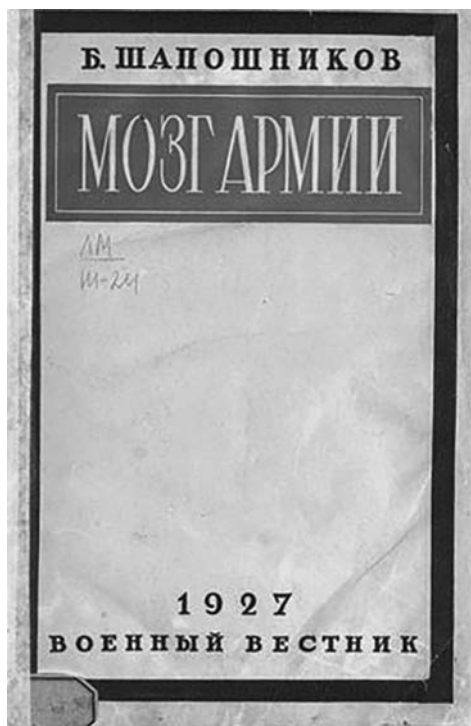
¹ Наступательная операция 10-й и 8-й германских армий против русской 10-й армии, проведенная зимой 1915 г. северо-западнее Августова (Мазурия, Польша). В результате русские войска были окончательно вытеснены из Восточной Пруссии.

² Хольмсен И. А. Мировая война: наши операции на Восточно-Прусском фронте зимой 1915 г.: воспоминания и мысли. Париж: Тип. В. Бейлинсона, 1935. 314 с.

³ Там же. С. 288.

Выдающемуся русскому и советскому военачальнику, крупнейшему военному теоретику, Маршалу Советского Союза Б. М. Шапошникову события Первой мировой войны послужили исходным материалом для создания труда «Мозг армии»¹. Мировую войну он закончил полковником, командиром полка. В Красной Армии прошел путь до высших должностей: в 1937–1940, 1941–1942 гг. был начальником Генштаба РККА.

Книга Б. М. Шапошникова раскрывает структуру и функции Генерального штаба как органа верховного главнокомандования и через его деятельность дает возможность глубже понять масштабы и влияние Первой мировой войны на жизнь общества и военное дело, роль полководцев и требования к органам оперативного управления. Все три тома книги Шапошникова посвящены анализу деятельности австрийского Генерального штаба как органа управления войсками и его роли во внешней политике государства. Особое, можно сказать, центральное, место во всех трех томах уделено его начальнику – генерал-фельдмаршалу Конраду фон Хетцендорфу. В отдельных главах раскрыты военные и политические взгляды, личные качества генерал-фельдмаршала. Охарактеризованы личности императора Франца Иосифа и кронпринца Франца Фердинанда, взаимоотношения Конрада с императором, наследником трона и политическими деятелями монархии. Показана деятельность Генерального штаба в целом и «в лицах», т. е. через словесные портреты ведущих сотрудников.

¹ Шапошников Б. М. Мозг армии: в 3 кн. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927–1929.

Описание австро-венгерского Генерального штаба выводит Шапошникова на обобщающий уровень – он повествует о взглядах на полководческое искусство выдающихся военных деятелей прошлого: Наполеона, Шлиффена, Мольтке (старшего), Клаузевица, Гинденбурга, Людендорфа, марксистского теоретика Энгельса.

Исследование роли в стране и армии Генерального штаба, его начальника и аппарата штаба проведено на широком историческом фоне, включая социально-экономическое развитие Австро-Венгрии в начале XX в., ее место и политику во внешнеполитических отношениях с Германией, Италией, Россией и на Балканах. В связи с этим привлекают внимание главы, посвященные аннексии Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины, а также Балканским войнам. Освещены состояние австро-венгерской армии и флота в начале XX в., подготовка двуединой монархии к войне. В оценке Шапошникова, внутри- и внешнеполитические тенденции развития Габсбургской монархии влекли ее неминуемую смерть.

Составной частью русской исторической школы о Первой мировой войне следует считать труды военных историков русского зарубежья. Выше уже упоминался генерал Ю. Н. Данилов. В эмиграции жил в Париже, издал ряд военно-исторических трудов. Среди них выделяется книга «Россия в мировой войне»¹. Данилов не переоценивал значения своей работы и в «Предисловии» подчеркивал: *«Моя книга – прежде всего воспоминания. Она не претендует*

¹ Данилов Ю. Н. Россия в мировой войне. 1914–1915 гг. Берлин: Слово, 1924. I–II, 396 с.

на исторический труд по двум основаниям: я слишком связан с событиями персонально – это, во-первых; а во-вторых, – во время моей работы по составлению книги я был оторван обстановкой от первоисточников, которые должны составлять основу всякого исторического труда»¹. Но и недооценивать ее не стоит: свидетельства не просто генерала, а одной из ключевых фигур военного руководства русской армии немалого стоят.

Из поля зрения Данилова не выпали масштабные вопросы международной политики, общей картины и отдельных эпизодов войны. Как и все авторы трудов о Первой мировой войне, Данилов ожидаемо увидел в Германии главного виновника ее развязывания: *«Главнейшей угрозой для мира являлось то новое международное положение, которое пожелала занять Германия после ряда победоносно веденных ею войн 1864–71 гг.»*² Ненасытная жажда владычества на главнейших мировых водных путях и мировой гегемонии овладела ею. Составной частью этого курса был и «Drang nach Osten», непосредственно направленный против России и покровительствуемого ею славянства. Политика Германии отбросила в ряды ее непримиримых противников Англию. Старые счеты с Германией имелись у Франции. Это противостояние создало почву для войны, развязанной Австро-Венгрией при поддержке Германии, воспользовавшихся сараевским убийством как поводом. Россия же *«выявила в полной мере свое мирное настроение готовностью примкнуть к любому предложению, которое способствовало бы достойному выходу из создавшегося для всех участников конфликта трудного положения»*. И даже *«мобилизация наших вооруженных сил не закрывала дальнейших переговоров»*, а отмена ее, как на том настаивала Германия, потребовала бы *«не менее двух-трех месяцев, чтобы наладить заново весь мобилизационный аппарат, в течение какового времени боевая готовность нашей армии не могла бы считаться обеспеченной»*³. Мобилизация, естественно, не была остановлена и прошла успешно, Россия вступила в войну. Ее ход на Восточном фронте до конца 1915 г. в контексте действий союзников и стал предметом анализа в книге русского военачальника. Анализируя Лодзинскую операцию октября–ноября 1914 г., он отмечает, что она *«закончилась общим отступлением 9-й германской армии генерала Макензена. Мы не дали развиваться этой операции до намеченного нашим противником конца, и, в этом смысле, вырисовался наш успех. Мы имели также право констатировать тот факт, что, притянув с Западного фронта на себя, в период Лодзинских боев, четыре германских корпуса и несколько кав. дивизий, мы оказали этим вторично серьезную помощь нашим союзникам – французам, а на сей раз и англичанам, отняв у немцев возможность продолжать наступательные действия и принудив их на западном фронте надолго зарыться в окопы. Кому известно, насколько опасались в Англии занятия немцами Дюнкирха,*

¹ Данилов Ю. Н. Россия в мировой войне. 1914–1915 гг. С. I–II.

² Там же. С. 1.

³ Там же. С. 11, 22–23.

Владимир Николаевич
Доманевский

который мог стать базой для неприятельских подводных лодок, и дальнейшего продвижения немцев к Калэ, тот по достоинству должен оценить значение этой нашей помощи»¹.

Обобщением опыта войны занимался генерал В. Н. Доманевский. Его боевая биография включает командование полком, участие в Белом движении на Дальнем Востоке. В эмиграции преподавал на Высших военных курсах в Париже, написал несколько военно-исторических книг. Наиболее известен из них труд «Мировая война. Кампания 1914 г.», вышедший в двух томах². Доманевский попытался дать представление о военных действиях на фронтах Первой мировой войны как целостном едином процессе, в котором усилия сторон взаимосвязаны и взаимозависимы. Первый том книги посвящен подготовке войны и оперативным

планам российского и австро-венгерского Генеральных штабов, а также началу военных операций на Западном фронте. Во втором томе рассмотрена августовская кампания 1914 г., негативные последствия уязвимости контактов России с внешним миром: выход к западу через Балтийское море прегражден Германией, кратчайшие связи через Турцию невозможны из-за ее союза с Германией, сообщение с Владивостоком затруднено в связи с протяженностью более чем в 9 тыс. километров железнодорожного пути. При этом стратегическое планирование Антанты не учитывало опасность разрыва для России ее экономических связей.

Генерал-лейтенант, профессор Николаевской академии Генерального штаба Н. Н. Головин годы Первой мировой войны провел на фронте командиром Гродненского гусарского полка, генерал-квартирмейстером штаба 9-й армии, начальником штаба 7-й армии. В эмиграции создал капитальный труд по истории кампании 1914 г., выделяющийся наиболее полным и развернутым анализом кампаний

Николай Николаевич Головин

¹ Данилов Ю. Н. Россия в мировой войне. 1914–1915 гг. С. 245.

² Доманевский В. Н. Мировая война. Кампания 1914 г.: Достижения сторон за первый месяц кампании – август. Париж, 1929.

1914 г. в Восточной Пруссии и Галиции¹. Собственный опыт, широко использованные наблюдения многих русских офицеров и генералов, сопоставление российского взгляда на течение и результаты сражений с выводами германских и австро-венгерских военачальников дали возможность всесторонне и полно показать успехи русского командования и, несмотря на существенные его промахи, которых тоже было немало, – героизм войск в отдельных боях и крупных войсковых операциях. Главный труд Головина – «Военные усилия России в мировой войне»².

Крупным событием в историографии Первой мировой войны стали исследования А. А. Керсновского. Он в 12-летнем возрасте вступил в Добровольческую армию генерала Врангеля, вместе с ней бежал из Крыма, скитался по Европе, в Вене окончил Консульскую академию, во Франции учился в Дижонском университете и военной школе в Сен-Сире, окончательно обосновался в Париже, где жил уроками и разноской почты. Участвовал в составе французской армии во Второй мировой войне, был ранен. Умер от туберкулеза.

Несмотря на тяжелые жизненные обстоятельства, Керсновский активно занимался военной историей и быстро стал крупным специалистом в этой

¹ Головин Н. Н. Из истории кампании 1914 года на Русском фронте и операции в Восточной Пруссии: в 2 кн., 4 т. Прага: Пламя, 1926. Кн. 1, т. 1: План войны, т. 2: Начало войны и операции в Восточной Пруссии; Кн. 2, т. 3: Галицийская битва: первый период, т. 4: Дни перелома Галицийской битвы; Картографическое прил.

² Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне: в 2 т. Париж: Т-во объедин. издателей, 1939.

Антон Антонович Керсновский

области. Издатель белградского еженедельника «Русский военный вестник» (с 1918 г. — «Царский вестник») Н. П. Рклицкий, впечатленный творческими способностями Керсновского, предоставил ему возможность печататься. Керсновский этим предложением сполна воспользовался, опубликовав до 1940 г. более 500 различных статей по истории и современному состоянию вооруженных сил, внутренней и внешней политике государств, особенно Германии начала 1930-х годов. Среди трудов Керсновского особое место занимает вышедшая в Белграде в 1933–1938 гг. четырехтомная «История русской армии»¹. В постсоветское время этот труд неоднократно переиздавали².

В двух завершающих томах Керсновский подробнейшим образом, шаг за шагом, прослеживает состояние русской армии в предвоенные годы и ее боевые действия в войне. Нет ни одного сколько-нибудь значимого события, которому Керсновский не уделит бы внимания. Его оценки промахов критичны, но объективны, как в случае с операцией в Восточной Пруссии и поражением армий Самсонова и Ренненкампа: *«Идея удара по Германии была правильна. Для общего хода войны важно было облегчить французов как можно скорее, а этой срочности можно было добиться лишь непосредственным ударом войсками Северо-Западного фронта»*. Эта операция имела не только локальное значение. Как полагал Керсновский, *«восточно-прусская похода знаменовал потерю войны для Германии. Никакие эфемерные “Танненберги” не могли искупить рокового промаха германской стратегии. Но этот наш крупнейший политический и стратегический успех мог быть и должен был быть куплен не столь дорогой ценою»*. В том, что потери были чрезмерно велики, виновны составители плана войны, не сумевшие распорядиться силами Северо-Западного фронта, — главнокомандующий генерал Жилинский и генерал-квартирмейстер генерал Данилов, не сумевшие объединить действия вверенных им армий; что до генерала Самсонова — то *«никогда еще русские войска не велись так плохо, как несчастная 2-я армия в августе*

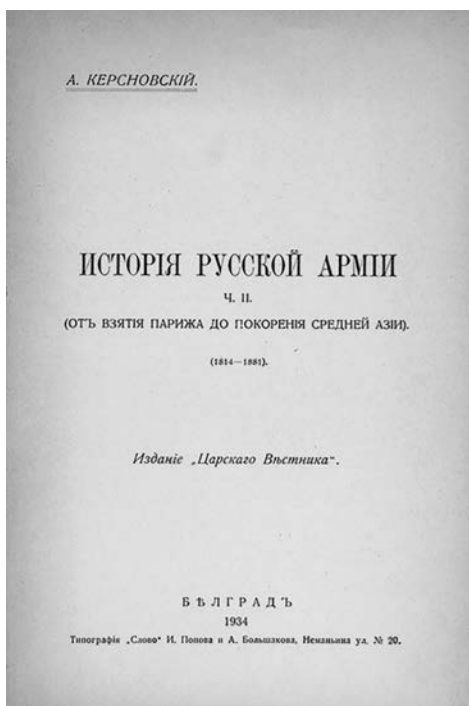
¹ Керсновский А. А. История русской армии: в 4 ч. Белград: Царский вестн., 1933–1938.

² Керсновский А. А. История русской армии / публ. В. Хлодовского; коммент. С. Нелиповича. М.: Голос, 1991–1994. Т. 1: От Нарвы до Парижа. 1700–1814 гг. 1992; Т. 2: От взятия Парижа до покорения Средней Азии. 1814–1881 гг. 1993; Т. 3: 1881–1915 гг. 1994; Т. 4: 1915–1917 гг. 1994; *Его же*. История русской армии. М.: Воениздат, 1999; *Его же*. История русской армии: в 4 ч. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2017; *Его же*. История русской армии. Избранные главы. М.: Абрис, 2018.

1914 года! Она была брошена на произвол судьбы в самую трагическую минуту своей борьбы»¹.

Тема высшего военного руководства российской армии проходит через весь труд Керсновского. С одной стороны, он характеризует руководство армией на стратегическом уровне и тактическое воплощение замыслов командования непосредственно войсками, и в этом плане он показывает не только неудачи, но и громкие успехи российской армии. С другой же – выявляет политические позиции генералитета накануне и после победы Февральской революции. В его интерпретации либеральная оппозиция, консолидированная Государственной Думой, Земско-городским союзом и Военно-промышленным комитетом и готовившая государственный переворот, сумела воспользоваться

недовольством высшего генералитета ролью и деятельностью Николая II, которого генералы считали плохим правителем. «К осени 1916 года “триумvirату” Родзянко – Львов – Гучков² удалось наложить свою руку на российскую вооруженную силу в лице ее вождей. Одни из них были посвящены в заговор, другие взяты под контроль соответственно подобранным окружением». Даже наместник на Кавказе великий князь Николай Николаевич, получив приглашение участвовать в заговоре, отклонил его лишь как слишком рискованное предприятие. Другие – согласились: «Самым важным приобретением “триумvirата” было согласие на участие в заговоре ближайшего доверенного сотрудника Государя генерал-адъютанта Алексеева»³. Одно это, подчеркивает Керсновский, почти целиком обеспечивало успех: уместно напомнить, что Алексеев являлся начальником штаба Верховного главнокомандующего. Всецело поддерживал оппозицию генерал Поливанов, в июне 1915 – марте 1916 г. бывший военным министром. О его политической ориентации дает возможность судить сообщенный Керсновским факт, что именно Поливанов причастен к созданию «Декларации прав солдата», забившей, по словам генерала Алексеева, «последний гвоздь в гроб нашей вооруженной силы»⁴.

¹ Цит. по: Керсновский А. А. История русской армии. М.: Голос, 1994. Т. 3. С. 199, 201.

² М. В. Родзянко – председатель Государственной Думы, Г. Е. Львов – председатель Земско-городского союза, А. И. Гучков – председатель Военно-промышленного комитета.

³ Цит. по: Керсновский А. А. История русской армии. Т. 4. С. 240.

⁴ Там же. С. 276.

На третий год войны, как показывает Керсновский, пехота, выбитая в боях, переменяла шесть составов. Многие части – значительно больше: *«Добрая треть наших дивизий 1-й и 2-й очереди, особенно дравшиеся на Юго-Западном фронте, переменяли свой состав за войну 10 раз и более... Через лейб-гвардии гренадерский полк с начала войны по август 1917 года прошло, по словам генерала Рузского, 44 000 человек – 11 полных составов»*. Новые контингенты изменили облик армии: *«Офицеры и солдаты в подавляющем большинстве носили мундир всего только несколько месяцев, а то и несколько недель. Ни те, ни другие не получили надлежащего военного образования и воинского воспитания. Прошедший трехнедельный, в лучшем случае – двухмесячный курс учения в запасном полку, солдат попадал под команду офицеру, прошедшему столь же поверхностное учение в школе прапорщиков или на ускоренном курсе военного училища. Сами по себе эти русские люди были храбрыми, выносливыми, способными при случае на подвиг отваги и самопожертвования. Со всем этим они представляли совершенно сырую, необработанную массу. Это далеко еще не были солдаты, подобно тому, как их наскоро произведенное начальство далеко не могло считаться господами офицерами... Вчерашний гимназист, а то и недоучка-полуинтеллигент в прапорщичьих погонах командовал ротой в полтора-два мужиков в солдатских шинелях. Он мог повести их в атаку, но не был в состоянии сообщить им воинский дух, той воинской шлифовки и воинской закалки, которой сам не обладал»*¹.

Последнее замечание Керсновского об офицерском составе может вызвать сомнение: как это вчерашний гимназист, а в армии всего лишь прапорщик, подготовленный лишь как командир взвода, командовал ротой. Но реальность была именно такой. Фронтовой офицер прапорщик Бакулин оценивал ситуацию января 1915 г. сходным образом: *«Теперь в войсках на позициях все основано на прапорщиках; ротных командиров, кроме прапорщиков и подпоручиков, нет, у нас в дивизии даже некоторыми батальонами командуют поручики»*². Успех двух российских революций 1917 г. во многом был связан с изменением облика армии, оказавшейся предельно восприимчивой к политическому разложению в связи с резкими переменами в кадровом составе.

Между Первой и Второй мировыми войнами в военной эмигрантской среде труд Керсновского был высоко оценен. Генерал бывшего царского Генерального штаба Б. А. Штейфон отметил, что в работах Керсновского *«явно проявились оригинальность и дисциплина мысли, интересный выбор тем и определенно выраженный публицистический темперамент. Все вместе создавало ощущение свежего, несомненного дарования, усиленного серьезными знаниями военного дела... Силою своего таланта он в короткий срок сумел обратить на себя внимание не только русских, но и иностранных военных авторитетов»*³.

¹ Цит. по: Керсновский А. А. История русской армии. Т. 4. С. 248–250.

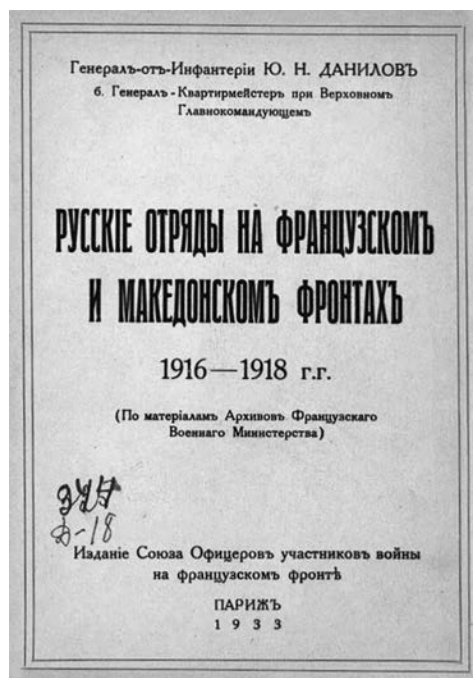
² Из дневников офицера русской армии Бакулина // Голоса истории. Материалы по истории Первой мировой войны: сб. науч. тр. М., 1999. Вып. 24, кн. 3. С. 152.

³ Штейфон Б. Об авторе «Истории русской армии» // А. А. Керсновский. История русской армии. М.: Голос, 1994. Т. 4. С. 333, 335.

Нельзя того же сказать о политической эмиграции, которая не восприняла труд Керсновского в связи с его откровенно монархическими взглядами. В Советском Союзе имя Керсновского вообще не упоминалось, и лишь с распадом СССР, как было отмечено выше, начался бум публикаций его главного труда.

Появились работы о русском экспедиционном корпусе во Франции. Первым монографическим исследованием о русских во Франции стала книга Ю. Н. Данилова «Русские отряды на французском и македонском фронтах»¹. Ценность работы Данилова — в широком привлечении архивных материалов Французского военного министерства, что дало возможность увидеть события, связанные с действиями и судьбой русского экспедиционного корпуса во Франции, глазами современников.

Весной и летом 1916 г. по просьбе французского правительства во Францию были направлены две русские пехотные бригады. В апреле 1917 г. бригады приняли участие в боях между Реймсом и Суассоном, солдаты и офицеры, по оценке французского командования, проявили себя героически, но и потери были большими: по разным источникам от 4,5 до 6 тыс. убитыми, ранеными и без вести пропавшими. Бригады отвели на переформирование в лагерь Ла-Куртин. Здесь на фоне известий об отречении Николая II и образовании Временного правительства начались волнения. Российский посол в Париже А. П. Извольский в телеграмме в Министерство иностранных дел 17 мая 1917 г. так определяет их причины: *«Естественное брожение умов между солдатами вследствие последних событий, и разногласие, особенно опасное при количественном и качественном недостатке офицерского состава, отсутствие прямых и подробных сведений о том, что происходит в России, внушающее солдатам подозрение, что начальство их обманывает, тяжелые условия наших раненых во французских госпиталях, вследствие неудовлетворительных и непривычных материальных условий, и непонимание языка, контраст между только что введенными у нас новыми формами воинской дисциплины и соответствующими формами дисциплины во французских войсках и т. д. Все это*

¹ Данилов Ю. Н. Русские отряды на французском и македонском фронтах. 1916–1918 гг. (По материалам архивов Французского военного министерства). Париж: Изд-во Союза офицеров участников войны на Французском фронте, 1933. 285 с.

приводит не только к трениям и недоразумениям, но быстро развивает взаимное раздражение и даже озлобление между русскими и французами и может привести к опасным столкновениям»¹.

То, чего опасался Извольский, состоялось. Представитель Ставки Верховного главнокомандующего и Временного правительства генерал-майор М. И. Занкевич 9 июля 1917 г. докладывал: *«Брожение в дивизии на почве ярко выраженного желания немедленного возврата в Россию в последние дни приобрело особо резкий характер. При этом часть солдат заявила, что они безусловно подчиняются Временному правительству и готовы продолжать сражаться во Франции, если будет отказано возвращаться в Россию. Другая часть солдат заявила, что при полной готовности драться на русском фронте они больше не желают сражаться во Франции. Отношения между обеими группами настолько обострились, что грозили вооруженным столкновением»².*

Произошел раскол: одна из бригад, укомплектованная бывшими рабочими и особенно деморализованная, вышла из подчинения и потребовала возвращения на родину. Другая бригада, оставшаяся верной присяге, была выведена из лагеря, а сам лагерь оцеплен: как говорилось в одном из донесений, *«роты заняли укрепленный участок заставами, выставив полевые караулы; пулеметами заняли места с хорошим обстрелом дорог, тропинок и подступов к заставам»³.* Блокаду установили и французские войска. Временное правительство, в свою очередь, не считая возможным возвращение солдат в Россию *«как с общей точки зрения, так и... ввиду недостатка тоннажа, ибо перевозка войск пойдет в ущерб доставке в Россию, в Англию и Францию военных материалов»*, потребовало восстановить порядок *«самыми решительными мерами, не останавливаясь перед применением вооруженной силы и руководствуясь... положением о военно-революционных судах с правом применения смертной казни»⁴.* Из 9 тыс. мятежных солдат только менее тысячи, по донесению Занкевича, сложили оружие. Непокорные солдаты были лишены денежного довольствия и переведены на уменьшенное продуктовое обеспечение, а бригада объявлена расформированной. Российское командование экспедиционного корпуса попыталось провести переговоры с мятежниками, а после их провала применило силу. Сохранившие верность Временному правительству части, применив артиллерию, подавили солдатское выступление и восстановили воинский порядок. Французские власти, сославшись на отсутствие транспорта для возвращения русского контингента на родину, предложили выбор: перейти во французскую армию в качестве волонтеров, работать на оборонных предприятиях Франции или завербоваться во французский Иностранный легион. Продолжить службу на фронте согласились 252 солдата, пойти на заводы – 11 522 человека, завербоваться в Иностранный легион в Северной Африке – 4746 солдат.

¹ Восстание русских солдат во Франции в 1917 г. // Красный архив. 1940. Т. 99. С. 56.

² Там же. С. 57.

³ Там же. С. 62–63.

⁴ Там же. С. 58.

Среди тех, кто предпочел Иностранный легион, был Р. Я. Малиновский, будущий командующий фронтами в Великой Отечественной войне, Маршал Советского Союза и министр обороны СССР. В своих мемуарах он отразил и трагическую судьбу русского экспедиционного корпуса во Франции¹.

5.2.2. Боевые действия на белорусских землях

Военные события на территории Беларуси стали продолжением Великого отступления русской армии. 13 (26) августа 1915 г. была сдана противнику Брест-Литовская крепость. Трагическую картину происходящего зафиксировал в своем дневнике военный врач, журналист Л. Н. Войтоловский: *«Уходим с последними остатками ошалело бегущей армии. С трудом продираемся сквозь бушующее пламя. Огненные языки полыхают жаром в лицо. Сбросив всадников, десятки лошадей в одичалом безумии с топотом мчатся по горящим улицам Бреста. На станции поезда удирают, не дожидаясь пассажиров. Отбившиеся одиночки-солдаты, сестры милосердия, беженцы – бросаются в первый попавшийся вагон и бегут неведомо куда и зачем. За вокзалом чуть синеют в тумане далекие леса, прорезанные золотыми блесками бивачных костров. С высокого пригорка в последний раз открывается пылающий Брест. В вечернем небе скачет и мечется широкое огненное зарево. Мглистый воздух, наполненный криками и гарью, гудит и вздрагивает от взрывов: это с грохотом взлетают последние форты»².*

Боевые действия на территории Беларуси в ее этнических границах вели армии Северо-Западного фронта (оборона крепости Осовец, 1915 г.), а после его разделения – Западного фронта, на счету которого крупные сражения: противодействие Виленской операции немецких войск (сентябрь–октябрь 1915 г.), в результате которого было остановлено их наступление в глубь России, и ликвидация Свенцянского прорыва немецкой кавалерии, что обеспечило стабилизацию фронта; Нарочская операция (март 1916 г.), проведенная по просьбе Франции, чтобы помочь осажденному Вердену, и ставшая первой попыткой выбить немецкие части с территории Беларуси; Барановичская операция (июль 1916 г.), предпринятая с целью нанести решительное поражение германским войскам; Кревская операция (июль 1917 г.), приведшая к уничтожению артиллерийским огнем оборонительных рубежей противника. В той или иной степени эти боевые действия нашли освещение в работах, вышедших еще в годы войны.

После окончания войны действия Северо-Западного и Западного фронтов на территории Беларуси в ее этнических границах нашли отражение в общих трудах о Первой мировой войне, таких как исследования В. Н. Клембовского «Стратегический очерк войны 1914–1918 гг.» и А. М. Зайончковского «Первая мировая война», а также в мемуарах бывшего офицера Ставки М. К. Лемке.

¹ Малиновский Р. Я. Солдаты России. М.: Воениздат, 1969. 452 с.

² Войтоловский Л. Н. По следам войны: Походные записки. 1914–1917 / предисл. Д. Бедного. Л.; М.: Гос. изд-во худ. лит., 1931. С. 388.

Помимо них специально к этой теме обращались Д. В. Баланин, Н. Евсеев, Н. Подорожный, М. С. Свечников, В. Я. Буняковский, С. А. Хмельков, А. Н. Де-Лазари. О трудах этих авторов будет сказано дальше.

В ряде работ нашла отражение знаменитая оборона крепости Осовец. 24 июля (6 августа) 1915 г. ее защитники подверглись газовой атаке германских войск. В. Никитский опубликовал очерк об этом в сборнике «Военная наука и революция»¹. А. Н. Де-Лазари посвятил газобаллонной атаке в районе Осовца раздел в своей книге о химическом оружии на фронтах Первой мировой войны. Он утверждает, что сами немцы в ходе атаки потеряли от отравления газовым облаком до 1000 человек².

Еще одно исследование обороны Осовца принадлежит С. А. Хмелькову³. Его труд заслуживает особого внимания в связи с личностью автора. Он, выпускник Николаевской инженерной академии, военный инженер, в годы Первой мировой войны участвовал в обороне крепости Осовец, в боях за которую был дважды контужен и перенес газовую атаку. В 1918 г. перешел на службу в РККА, с 1919 г. преподавал в Военно-инженерной академии РККА. В 1920 г. защитил диссертацию, посвященную обороне Осовца. Стал профессором, генерал-лейтенантом инженерных войск, основоположником теории построения фортификационных оборонительных сооружений, занимал должность начальника кафедры сухопутной фортификации и укрепленных районов Военно-инженерной академии. Опубликованная им в 1939 г. книга является сокращенным и переработанным изложением ее материалов.

Как отметил С. А. Хмельков, фортификационная подготовка крепости имела существенные недочеты, не была мощной и на много лет отставала в этом отношении от таких крепостей, как Верден, Антверпен, Гродно. Тем не менее немецкие части потерпели неудачу в попытке принудить крепость к сдаче массированными обстрелами тяжелой артиллерии. Стремясь любой ценой открыть путь на Белосток, немцы 6 августа 1915 г. открыли сильнейший артиллерийский огонь и одновременно провели газовую атаку, рассчитывая на успех, поскольку гарнизон крепости не имел никаких средств химической защиты. Потери гарнизона Осовца были тяжелыми: *«Газы нанесли огромные потери... 9, 10 и 11 роты Землянского полка погибли целиком, от 12 роты осталось около 40 человек при одном пулемете; от трех рот, защищавших Бялогронды, осталось около 60 человек при двух пулеметах... Все живое на открытом воздухе на плацдарме крепости было отравлено насмерть... не участвующие в бою люди спаслись в казармах, убежищах, жилых домах, плотно заперев двери и окна, обильно обливая их водой»*⁴. Однако сопротивление не было

¹ Никитский В. Отражение газовой атаки под Осовцом 24.7.15 г. // Воен. наука и революция: в 2 кн. М., 1921. Кн. 2.

² Де-Лазари А. Н. Химическое оружие на фронтах мировой войны 1914–1918 гг.: крат. ист. очерк / под ред. и с предисл. Я. Л. Авиновицкого; Хим. акад. РККА им. К. Е. Ворошилова. М.: Гос. воен. изд-во, 1935. С. 32.

³ Хмельков С. А. Борьба за Осовец. М.: Воениздат, 1939. 96 с.

⁴ Там же. С. 78, 80.

сломлено: по приказу коменданта крепости, «батареи крепостной артиллерии, несмотря на большие потери в людях отравленными, открыли стрельбу», а «13 и 8-я роты, потеряв до 50 % отравленными, развернулись по обе стороны железной дороги и начали наступление; 13-я рота, встретив части 18-го ландверного полка, с криком “ура” бросились в штыки. Эта “атака мертвецов”, как передает очевидец боя, настолько поразила немцев, что они не приняли боя и бросились назад, много немцев погибло на проволочных сетях перед второй линией окопов от огня крепостной артиллерии»¹. Причина поражения германцев, отмечает Хмельков, «заключается в огромной выносливости русского солдата, его поразительной выдержке, стойкости и беззаветной храбрости»². После 190 дней сопротивления в связи с общим отступлением войск Северо-Западного фронта гарнизон крепости по приказу командования прекратил сопротивление, взорвал укрепления и отошел, соединившись с основными силами.

Еще в годы войны вышла брошюра А. А. Носкова, посвященная описанию противодействия Виленской операции германских войск³, в ходе которой, как отмечал ее автор, скрывавшийся под псевдонимом «Вещий», недостатки снабжения русской армии «достигли наивысшего предела», но «вступление с началом операции в Верховное командование всеми силами страны» императора «послужило новым толчком в проявлении войсками полного напряжения сил физических и моральных, помогшего им с честью выйти из тяжелого испытания»⁴. После окончания войны Виленскую операцию немецких войск в ее хронологической последовательности воспроизвел А. М. Зайончковский⁵. По его описанию, на виленском направлении 10-я германская армия, взяв 22 августа Ковно, начала продвигаться главными силами к Вильно, а остальными частями взаимодействовала с наступавшей вдоль Августовских

¹ Хмельков С. А. Борьба за Осовец. С. 79.

² Там же. С. 80.

³ Носков А. А. (Вещий). Вильна-Молодечненская операция. Август—сентябрь 1915 г.: (схема) / Пг.: Изд-во Б. А. Суворина, 1916. 15 с., [1] л. схем.

⁴ Там же. С. 3—4.

⁵ Зайончковский А. Мировая война 1914—1918 гг. Общий стратегический очерк. VI, 457 с.; Его же. Мировая война 1914—1918 гг. 2-е изд., перераб. и доп. 456 с.; Его же. Мировая война 1914—1918: в 2 т. М.: Воениздат, 1938—1939.

лесов на Гродно 8-й армией. В то же время левофланговая Наревская германская армия продвигалась к Гродно вдоль реки Бобр. Обе армии вошли в тесную маневренную связь и 2 сентября заняли Гродно.

10-я русская армия и виленская группа развернулись западнее железной дороги Вильно – Гродно, но после ряда упорных боев и под угрозой обхода флангов к 18 сентября отошли на линию Михалишки – Лида, оторвавшись от левого фланга 5-й армии, отошедшей к Двинску и закрепившейся вдоль железной дороги.

Германское командование, используя после отхода 10-й русской армии образовавшийся между Двинском и Вильно разрыв, бросило в направлении Свенцяна кавалерийские части. 9 сентября германский конный корпус из трех дивизий во главе с генералом Гарнье прорвался в тыл 3-го корпуса и развил наступление в глубокий тыл русских в районе Вилейка – Молодечно – Сморгонь с целью разрушения железных дорог и захвата Молодечно.

Германская кавалерия 14 сентября заняла Вилейку, 19 сентября достигла линии Минск – Смоленск, разрушила путь в районе ст. Смолевичи, уничтожала склады и разгоняла этапные батальоны. В качестве ответной меры главнокомандующий Западным фронтом генерал Эверт перебросил части 2-й армии от Лиды на фронт Ошмяны – Молодечно. Это позволило начать вытеснение германской кавалерии из района Молодечно. 21 сентября русские войска заняли Сморгонь, в районе Вилейки захватили германскую конную артиллерию. Ко 2 октября немецкий Свенцянский прорыв был окончательно ликвидирован, русские войска прочно заняли фронт по линии озеро Дрисвяты – озеро Нарочь – Сморгонь – Делятичи на Немане. Наступление немецких войск в сентябре–октябре 1915 г. было остановлено, но Литва была потеряна. Обе стороны перешли к позиционной войне на всем фронте от Балтийского моря до румынской границы.

Вскоре после войны драматизм этой операции раскрыл в воспоминаниях «250 дней в царской Ставке» М. К. Лемке, известный журналист, в 1915–1916 гг. служивший военным цензором в Ставке Верховного главнокомандующего. Он показал разительный контраст между официальными сообщениями штаба Верховного главнокомандующего и реальным положением на фронте. Сообщения успокоительно информировали: *«В общем наши армии твердо и точно выполняют свое планообразное движение и уверенно смотрят в будущее»* (27 августа), *«в общем мы продолжаем выполнять наш план, с каждым днем улучшающий положение наших армий»* (30 августа), *«действия австро-германцев направлены к стремлению сохранить за собой видимость наступательных действий, что стоит им несоразмерных с результатами потерь»* (31 августа). Постепенно сообщения становятся более тревожными, но все еще не вызывают опасений: *«В Виленском районе наши войска, после боев на переправах средней Вилии, отодвинулись несколько на восток. В районе с.-в. линии Вилейки – Молодечно во многих местах бои за переправы на реке Вилии продолжаются. Во встречных боях с германцами наши войска постоянно выказывают высо-*

кие боевые достоинства, действуя спокойно и уверенно в самых тяжелых обстоятельствах» (7 сентября). «Удар германцев в направлении Вилейки был решительно отбит, и план их расстроен. В многодневных тяжелых боях... противник был последовательно остановлен, поколеблен и, наконец, отброшен. Глубокий клин германцев, примерно по линии фронта Солы – Молодечно – Глубокое – Видзы, был последовательно уничтожен, причем зарвавшегося врагу нанесен огромный удар. Планомерный переход наших войск от отступления к наступлению был совершен с умением и настойчивостью, доступными лишь высоко доблестным войскам» (19 сентября)¹.

Однако реальная ситуация была сложнее, нежели представленная в сообщениях Ставки. Лемке характеризует ее следующим образом: «Стык Западного и Северного фронтов в районе озера западнее Свенцяны был занят только слабыми отрядами кавалерии... Естественно, ими (германскими войсками. – И. Ч.) был предпринят прорыв в направлении железной дороги Вильна – Двинск, на Свенцяны. Нам поневоле пришлось загнать во внутрь обнажившиеся фланги. В образовавшийся коридор немцами была брошена вся масса кавалерии... 1 сентября она захватила ст. Свенцяны, а вскоре сеть ее разъездов, поддержанных конной артиллерией, была уже на железном пути Молодечно – Полоцк... Мы, однако, успели занять Молодечно и, как бы игнорируя окружение этого узла с трех сторон и бомбардировку его немецкой артиллерией, задерживали их наступление и оттаивали занятое... Каждый понимает, что грозило армиям Западного фронта: они должны были бы пробиваться в узкий проход между Минском и Полесьем, неся страшные потери»².

В оценке Лемке, срыв в сентябре–октябре 1915 г. Виленской операции и Свенцянского прорыва немецких войск был «лебединой песней» русской армии, которая после нее «уже не знала ни побед, ни удачных выходов из трудных положений»³.

Свенцянскому прорыву посвящены очерк А. Певнева⁴ и специальное исследование Н. Евсеева⁵. Последний, комбриг, преподаватель Военной академии имени Фрунзе, детально исследовал ход боевых действий, сконцентрировав внимание на чисто военных аспектах операции: соотношении сил, обеспечении войск, эффективности руководства ими, конечных результатах. Но книга интересна и показом нараставших в ходе войны трудностей, с которыми пришлось столкнуться военному руководству обеих сторон. «Свенцянский прорыв»

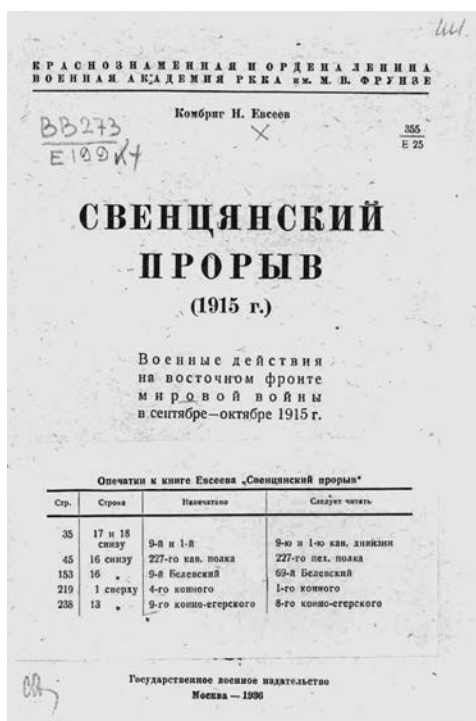
¹ Лемке М. 250 дней в царской Ставке: (25 сентября 1915 – 2 июля 1916 гг.). Пг., 1920. С. 52–54.

² Там же. С. 55.

³ Там же. С. 70.

⁴ Певнев А. Л. Конница: по опыту мировой и гражданской войн. М.: Гос. воен. изд-во, 1924. 39 с.; Его же. Конница в Свенцянском прорыве // Война и революция. 1929. №. 12. С. 74–92.

⁵ Евсеев Н. Свенцянский прорыв (1915 г.): Военные действия на восточном фронте мировой войны в сентябре–октябре 1915 г. М.: Гос. воен. изд-во, 1936. 272 с.

отличался от других операций мировой войны прежде всего тем, что противоборствующие войска вели эту операцию в условиях серьезного истощения сил. Евсеев пишет: «Немцы задались целью окружить 10-ю русскую армию и правый фланг 1-й армии, т. е. окружить десять русских корпусов, до того уже истощенных и представляющих, в общем, примерно десять дивизий по числу штыков, пулеметов и орудий, если сравнить со штатной их численностью. Для этой операции немцы располагали, примерно, такими же силами и, примерно, в такой же степени истощенными»¹. Истощение резервов стало острой проблемой воюющих армий.

Отражение Свенцянской наступательной операции немцев, по оценке Ю. Н. Данилова, помогло и союзникам России: немцы «приступили к оттяжке

части своих сил обратно на западный фронт, чтобы обеспечить там свое положение от готовившегося против них наступления наших союзников»².

Пристальное внимание привлекла Нарочская операция. Следует отметить, что в марте 1916 г. шли напряженные бои у Вердена, из-за этого германское командование, нуждаясь в резервах, надеялось взять их на Русском фронте, но не смогло этого сделать в связи с наступлением русской армии в районе Нарочи.

Книги, написанные военными историками, критичны в разборе этой операции, возлагают вину за неуспех на высший командный состав, но подчеркивают стойкость и храбрость русского солдата. А. М. Зайончковский в работе «Мировая война 1914–1918 гг.» отметил, что климатические условия марта делали невозможным ведение в России каких-либо наступательных операций, тем не менее «русское верховное командование решило провести таковую в широком размере для отвлечения на себя сил с французского фронта и для дальнейшего развития наступления в случае удачи до пределов вытеснения германской армии за русскую границу». Наступательная операция была плохо подготовлена, войска действовали несогласованно. Зайончковский пишет: «Атака началась... несмотря на то, что сосредоточение к этому времени не было закончено, а артиллерию не успели даже подтянуть к фронту. Наступление

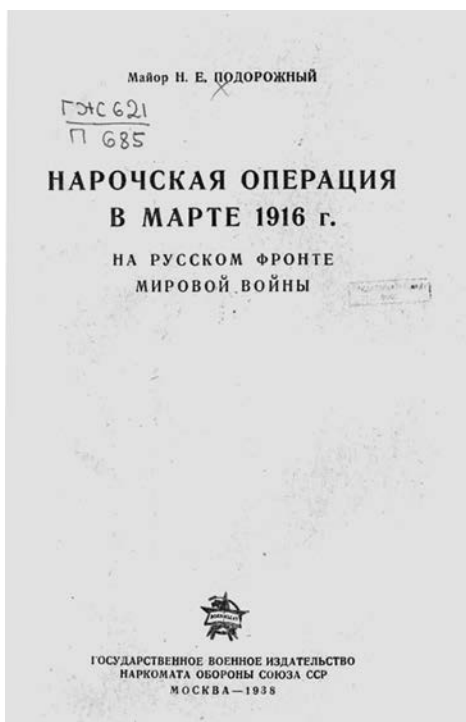
¹ Евсеев Н. Свенцянский прорыв (1915 г.): Военные действия на восточном фронте мировой войны в сентябре—октябре 1915 г. С. 226.

² Данилов Ю. Н. Россия в мировой войне. 1914–1915 гг. Берлин: Слово, 1924. С. 388.

велось в большую весеннюю распутицу разрозненно, отдельными корпусами, без общей связи друг с другом, так что, когда один корпус атаковал, то другой подготавливал атаку артиллерийским огнем или закреплялся, и, как и следовало ожидать, при подобном способе ведения операций оно не привело ни к чему, несмотря на значительное упорство, по свидетельству Людендорфа, русских войск в бою». Смысл этой операции Зайончковский усматривал в существенной помощи Франции: «Немцы увидели, что они ошиблись в ожидаемом ими ослаблении боеспособности русской армии, почему вопрос об уменьшении германских войск на русском фронте отпал»¹.

Н. Подорожный, как было обозначено на обложке книги, имевший майорское звание, преподаватель военной академии, в работе о Нарочской операции особо отмечает: «Атаки русских у озера Нарочь в марте 1916 года окончились неудачно. Их отбили не немцы, а по существу русские генералы, которые погубили операцию в самом процессе ее организации. Немцы лишь подтолкнули то, что падало и без них»². Его характеристики генералитета, причастного к Нарочской операции, уничижительны. Операция закончилась неудачей, потому что генералы плохо подготовили войска к выполнению задач по прорыву, выбрали неподходящий участок для атаки, войска не были ознакомлены с местностью, необходимое количество снарядов определили наугад, оборудование местности на направлениях атаки не обеспечили, маневр артиллерии отсутствовал и ей ставились непосильные задачи. Атаки пехоты отличали бессознательная храбрость и недостаточная осторожность, что приводило к большим потерям. Позитивным, как считал Подорожный, было лишь то, что нарочский опыт позволил стряхнуть беспечность и неповоротливость в руководстве войсками, что дало возможность в Брусиловской операции под Луцком добиться большого успеха.

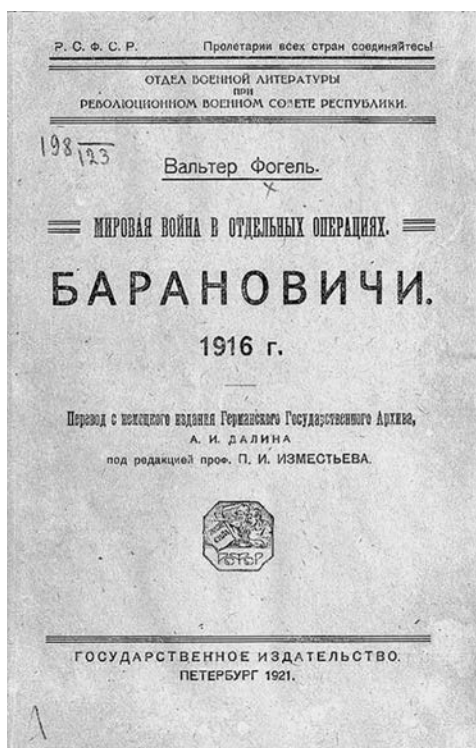
Развернутое описание боев у озера Нарочь оставил Э. Людендорф, который признал, что «германское фронтальное наступление (весной 1916 г. – И. Ч.) медленно продвигалось вперед», в результате «еще хватило сил достигнуть района непосредственно западнее Сморгони, Западной Березины и района

¹ Зайончковский А. Мировая война 1914–1918 гг. Общий стратегический очерк. С. 254–256.

² Подорожный Н. Нарочская операция в марте 1916 г. на Русском фронте мировой войны. М.: Воениздат, 1938. С. 174.

Барановичей и Пинска». Здесь немецкие части «должны были устраиваться на зиму и нашли выгодную опору на линии озер Вишнево – Нарочь – Дрисвяты». Этот район и стал театром русской наступательной Нарочской операции в марте 1916 г. Людендорф признает: «10-я армия подверглась сильному удару восточнее озера Нарочь»¹. И хотя Нарочская операция не принесла русским войскам успеха, была достигнута ее стратегическая цель – ослабить натиск немецких войск на французский Верден. Высокую оценку этой союзнической помощи дал главнокомандующий французской армией Жоффр. В телеграмме русскому командованию 1 (14) апреля 1916 г. он признал: «Последнее русское наступление заставило немцев, располагающих лишь незначительными общими резервами, ввести в дело все эти резервы и, кроме того, притянуть этапные войска и перебросить целые дивизии, снятые с других участков»².

События Барановичской операции впервые нашли отражение на страницах очерка «Барановичи» Вальтера Фогеля, переведенного с немецкого языка и вышедшего в серии «Мировая война в отдельных операциях»³. В нем представлен взгляд немецкой стороны на военную операцию, отражены тактические детали боевых действий, анализ душевного состояния бойцов. Упоминается Барановичская операция в «Стратегическом очерке войны 1914–1918 гг.»⁴ и книге А. М. Зайончковского «Мировая война 1914–1918 гг.»⁵ В 1935 г. вышла работа В. И. Оберюхтина «Барановичи. 1916»⁶.

В. Н. Клембовский, в то время начальник штаба Юго-Западного фронта,

¹ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. М.: Высш. воен. ред. совет, Гос. изд-во, 1923. Т. 1. С. 137.

² Наступление Юго-Западного фронта в мае–июне 1916 г.: сб. док. М., 1950. С. 45.

³ Фогель В. Барановичи. 1916 г. / пер. с нем. изд. германского Гос. арх. А. И. Далина; под ред. П. И. Измestьева. Пг.: Гос. изд-во, 1921. 57 с.

⁴ Стратегический очерк войны 1914–1918 гг.: в 7 ч. / сост. В. Н. Клембовский. М.; Пг.: Высш. воен. ред. совет, 1920–1923. Ч. 5: Позиционная война и прорыв австрийцев Юго-Западным фронтом. 1920. 123 с.

⁵ Зайончковский А. М. Мировая война 1914–1918 гг.: в 3 т. М.: Воениздат, 1938. Т. 2: Кампания 1916–1918 гг.

⁶ Оберюхтин В. И. Барановичи. 1916: военно-исторический очерк: схемы. М.: Науч.-ист. отд. Воен. акад. РККА им. М. В. Фрунзе, 1935. 156 с.

впоследствии так оценил итоги операции: «За 9 дней три артиллерийских подготовки, три перегруппировки, три штурма, четыре отсрочки штурмов, захват и удержание за собой небольшого участка неприятельской позиции... – вот в какой форме вылилось наступление Западного фронта. Общая цифра потерь доходила до 80 000 человек». К тому же «вопреки предположениям главнокома (главнокомандующего Западным фронтом. – И. Ч.) противник не перешел в наступление ни на Полоцком, ни на Молодечненском направлении, и не усилил ни одной частью свои войска в Барановичском районе, точно угадав, что здесь серьезная опасность ему не грозит»¹. Как неудачную расценивал Барановичскую операцию и офицер управления генерала-квартирмейстера штаба главнокомандующего Западным фронтом В. И. Оберюхтин: «В результате атак наступающий овладел 1–2 рядами окопов на нескольких участках обороны, но ни удержать, ни развить успеха не мог. Обороняющийся удержал свои укрепленные позиции, успев собрать необходимые резервы и средства. Общие потери сторон: русских – до 120.000 человек убитыми, ранеными и пленными, из которых до 50.000 человек убитыми»². Барановичи остались за немецкими и австро-венгерскими войсками. Поражение имело далекоидущие последствия. Ими, по словам того же Оберюхтина, был отказ от всяких активных действий на Западном фронте и расширявшееся революционное движение, захватившее все части.

Сражение под Крево 27 июля 1917 г. 10-й русской армии – последняя крупная операция русской армии на Западном фронте в ходе Первой мировой войны. Согласно плану действий на 1917 г., на участке Западного фронта от Крево до Сморгони был предпринят масштабный удар по германским позициям, с тем чтобы, прорвав оборону противника, выйти к Вильно. Несмотря на то что мощная артиллерийская подготовка была проведена наилучшим образом и укрепленная оборонительная линия противника была разрушена, в целом операция закончилась неудачно, так как линию фронта сдвинуть не удалось.

Главнокомандующий армиями Западного фронта генерал А. И. Деникин в связи с этим вспоминал: «Никогда еще мне не приходилось драться при таком перевесе в числе штыков и материальных средств. Никогда еще обстановка не сулила таких блестящих перспектив. На 19-верстном фронте у меня было 184 батальона против 29 вражеских, 900 орудий против 300 немецких, 138 моих батальонов введены были в бой против перволинейных 17 немецких. И все пошло прахом»³. Потери 10-й армии в Крево были очень значительны. Эвакуировано 30 000 раненых, около 6000–7000 человек были убиты и пропали без вести. Примерно 30 процентов от общего количества были ранены в пальцы или кисти

¹ Стратегический очерк войны 1914–1918 гг.: в 7 ч. Ч. 5: Период с октября 1915 г. по сентябрь 1916 г. Позиционная война и прорыв австрийцев Юго-Западным фронтом. С. 66.

² Оберюхтин В. И. Барановичи. 1916: военно-исторический очерк. С. 128–129.

³ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1: Крушение власти и армии (февраль–сентябрь 1917 г.), вып. 1–2. Париж, 1921. Вып. 2. С. 180–181.

рук, т. е. оказались «самострелами». Впервые в истории позиционной войны Западного фронта, продолжавшейся два года, в Крево удалось прорвать укрепленную полосу обороны противника, но из-за сложной ситуации в армии и революционных настроений в войсках не смогли не только продолжить атакующие действия, но и сохранить отвоеванные позиции, несмотря на значительное численное преимущество русской армии. Русское командование было разочаровано провалом блестяще подготовленной операции. И Брусилов, и Деникин, и многие другие генералы были сняты со своих постов.

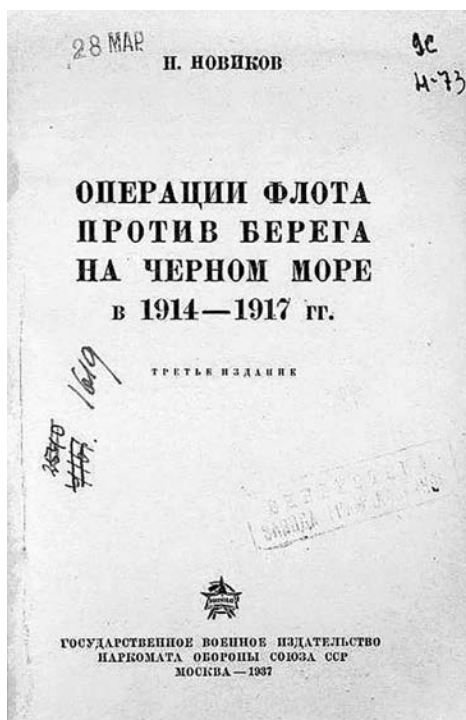
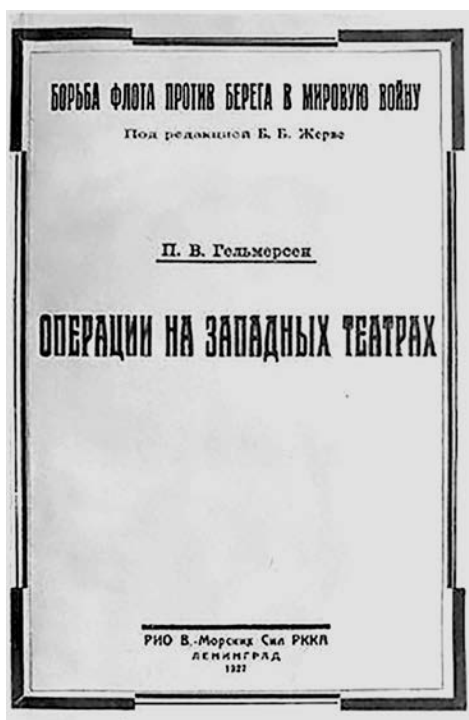
5.2.3. Война на море

В Советской России изучение опыта боевых действий военно-морских сил в период Первой мировой войны начали практически сразу после ее завершения, не дожидаясь даже окончания Гражданской войны. Уже осенью 1918 г. при Военно-морской академии в Петрограде была образована Морская историческая комиссия по исследованию опыта войны на море 1914–1918 гг. (Мориском). Ее председателем стал начальник академии Н. Л. Кладо, а в состав сотрудников вошли известные адмиралы и офицеры бывшего Российского императорского флота И. К. Григорович, А. И. Русин, М. К. Бахирев, преподаватели академии М. А. Петров, Б. Б. Жерве, Л. Г. Гончаров, А. В. Шталь и другие. В 1923–1926 гг. Комиссия на правах морского отдела входила в состав единой Военно-исторической комиссии при Реввоенсовете республики. Она имела своим назначением создать историю войны на море, всесторонне изучить уроки войны, чтобы обогатить им советский флот. В 1920–1930-х годах началось создание собственных и публикация переводных трудов военных теоретиков о практике боевых действий крупных флотов Англии, Франции и Германии, об операциях русского Балтийского и Черноморского флотов. Уже в 1921 г. вышла книга «Война на море 1914–1918 гг.»¹

В обстоятельствах роста интереса к военно-морской тематике как нельзя кстати оказался творческий потенциал бывших российских морских офицеров. Один из них, П. В. Гельмерсен, обладал большим опытом службы, в императорском флоте получил чин капитана I ранга, в 1914–1916 гг. командовал эсминцем «Охотник», участвовал в большинстве боевых операций Балтийского флота, был награжден многими орденами. В советское время стал одним из наиболее активных сотрудников Морской исторической комиссии, был редактором ее оперативного отдела, написал ряд трудов, в том числе книгу «Операции на Западных театрах»². Она была задумана как первый том серийного

¹ Война на море 1914–1918 гг. М.: Гос. изд-во, 1921. Т. 1: Военные действия в Северном море от возникновения войны до начала сентября 1914 г. 254 с.

² Гельмерсен П. В. Операции на Западных театрах / под ред. и с введ. Б. Б. Жерве. Л.: Изд-во Воен.-мор. акад. РККА, 1927. XXXIV, 310 с. (Борьба флота против берега в мировую войну; т. 1).

издания «Борьба флота против берега в мировую войну» — описания операций флота на Балтийском и Черном морях¹. Работу Гельмерсена ее издатели расценивали как наиболее полное и объективное исследование операций флота на иностранных театрах против прибрежных территорий противника, полагая, что этот опыт представляет большую практическую ценность ввиду подготовки к обороне морских границ СССР. Гельмерсен обстоятельно изложил ход и результаты действий английского флота по обстрелу войск и укреплений на занятых противником территориях, в том числе обстрел Фландрского побережья в 1914 г. Он показал ход Дарданелльской операции, развернутой англо-французским флотом в феврале 1915 — январе 1916 г. с целью захвата Константинополя, вывода Турции из войны и открытия морского пути в Россию. Обстрел турецких укреплений Дарданелл не нанес существенного вреда турецким оборонительным сооружениям, не принесла успеха и высадка десанта на полуостров Галлиполи. Анализ этой операции позволил Гельмерсену обосновать вывод о трудности борьбы флота с береговыми укреплениями, «конечный

¹ В этой серии вышли книги: *Новиков Н. В.* Операции на Черном море и совместные действия армии и флота на побережье Лазистана. Л.: Изд-во Воен.-мор. акад. РККА, 1927. 235 с.; *Его же.* Операции флота против берега на Черном море в 1914—1917 гг. М.: Воен.-издат НКО СССР, 1937. 264 с.; *Косинский А. М.* Моонзундская операция Балтийского флота 1917 года / под ред. и с введ. Б. Б. Жерве. Л.: Изд-во Воен.-мор. акад. РККА, 1928. 164 с., [4] л. карт.

успех остался на стороне последних... борьба флота с берегом без участия армии малопродуктивна»¹. Значение работы Гельмерсена и в том, что она на примере Дарданелльской операции раскрыла «технологию» организации и проведения высадки крупных войсковых десантов.

Еще одним советским историком войны на море был М. А. Петров. Он также в годы Первой мировой войны служил в офицерских должностях на кораблях, в 1919 г. был возвращен на службу. В 1921–1923 гг. был начальником Военно-морской академии, издал ряд трудов, наиболее крупные из них – «Подготовка России к мировой войне на море» и «Трафальгар (1805), Цусима (1905), Ютландский бой (1915): критико-исторический очерк трех великих морских сражений». В первой из названных работ (1927) Петров показал развитие Балтийского и Черноморского флотов с 1881 по 1904 г., охарактеризовал реформы морского ведомства в период 1905–1909 гг., оценил судостроительные программы 1909–1912 гг. и планы развития морских сил России непосредственно перед войной. Анализ подготовки России к войне в контексте модернизации военно-морского флота подвел Петрова к выводу: *«Морское ведомство упорно боролось за создание флота, и в рассмотренный промежуток времени (1880–1914 гг.) два раза ему удавалось достичь крупного судостроения: перед японской войной и перед мировой. Но оба раза его усилия не завершались успехом: в первом – флот, не закончивший сосредоточения, был вовлечен и разбит, во втором – темп политики совершенно опередил создание флота, только что развернувшего свое судостроение»*. И далее: *«Русская морская стратегия не имела под собой надежного фундамента. План подготовки к войне, как единое детально разработанное задание для армии и флота, нормирующее всесторонне их деятельность, отсутствовал»*².

М. А. Петров, используя официальный отчет английского Адмиралтейства, воспоминания немецкого адмирала Шеера и донесения русского военно-морского атташе в Лондоне, составил описание Ютландского боя, поместив его в ряд с двумя другими крупнейшими морскими сражениями – Трафальгаром и Цусимой. Что касается Ютландского сражения, автор подробнейшим образом рассмотрел действия сторон, английской и германской, по его подготовке и в ходе самого боевого столкновения, попытался сформулировать уроки, вытекающие из опыта применения крупных военно-морских соединений, ударную силу которых составляли линкоры и линейные крейсера. Петров исходил из того, что и после Ютландского сражения, *«несмотря на развитие техники и изменившихся боевых средств флота, сущность боя на море осталась той же»*³.

Этот теоретический вывод оказался в основе советских программ военного судостроения, а они были грандиозны. В начале 1930-х годов в СССР на высшем

¹ Гельмерсен П. В. Операции на Западных театрах. С. 281–282.

² Петров М. Подготовка России к мировой войне на море. М.; Л.: Гос. воен. изд-во, 1926. С. 252.

³ Петров М. А. Трафальгар (1805), Цусима (1905), Ютландский бой (1915): критико-исторический очерк трех великих морских сражений. М.: Гос. воен. изд-во, 1926. С. 134.

уровне возникла идея создания «большого советского флота», включающего тяжелые артиллерийские корабли – линкоры и крейсера. В 1936 г. было принято постановление «О программе крупного морского судостроения», затем начал осуществляться еще более масштабный «Десятилетний план строительства кораблей ВМФ» на 1938–1947 гг. Поэтому и оказался востребованным опыт боевого применения морских соединений, но в СССР его не было: в ходе Первой мировой войны в крупных морских сражениях русский флот, тем более линкоры Балтийского и Черноморского флотов, не участвовали. Естественным было обращение к опыту зарубежных стран, в первую очередь Великобритании, Франции, Германии. Поэтому труды Гельмерсена, Петрова и других были весьма своевременными. Однако Ютландский бой стал последним в истории морских войн столкновением линкоров в составе эскадр. В годы Второй мировой войны линкоры все еще применялись, но больших генеральных сражений линейных сил с целью завоевания господства на море не было. С конца 1940-х годов их строительство во всех странах мира полностью прекратилось: линейные корабли оказались весьма уязвимыми перед ударами авиации и подводных лодок. Высокая результативность действий подводных лодок против надводных боевых кораблей и на морских торговых коммуникациях была показана в ряде трудов 1930-х годов, обобщивших практику подводной войны и показавших перспективы развития этого вида морских вооружений¹.

¹ Александров А. П., Исаков И. С., Белли В. А. Операции подводных лодок. Т. 1. Л.: Изд-во Воен.-мор. акад. РККА, 1933. 486 с.; Данилов Н. А. Смешанная операция в Рижском заливе в июне–августе 1916 г. Л.: Воен.-мор. акад. РККА, 1927. 350 с.; Гончаров Л. Г. Использование мин в мировую империалистическую войну 1914–1918 гг. М.; Л.: Военмориздат, 1940. 176 с.; Сурин В. С. Боевые действия подводных лодок: по опыту мировой войны 1914–1918 гг. М.: Гос. воен. изд-во, 1936; Томашевич А. В. Подводные лодки в операциях русского флота на Балтийском море в 1914–1915 гг. М.; Л.: Военмориздат, 1939. 282 с.; Шталь А. Развитие методов операций подводных лодок в войну 1914–1918 гг. М.: Гос. воен. изд-во Наркомата обороны СССР. 215 с.; Его же. Черчилль – первый лорд Адмиралтейства в мировом кризисе 1911–1915 гг. Пг.: Изд-во Мор. ведомства, 1923. 128 с.

5.3. Анализ применения новых видов вооружения

5.3.1. Авиация

К началу Первой мировой войны авиация прошла ничтожно малый, исчисляемыйдесятью годами, срок развития, если отсчитывать его от первого полета самолета братьев В. и О. Райт. Конструкторские разработки по авиастроению в России начались позже, чем в США и Европе. Тем не менее интерес к созданию собственной авиации все же проявился и был достаточно результативным. Великий князь Александр Михайлович, двоюродный дядя Николая II, с согласия императора ставший координатором авиационного дела в России, организовал закупку во Франции аэропланов Блерио и Вуазена, направил во Францию группу офицеров для обучения летному делу, открыл в Севастополе первую русскую авиационную школу¹. Сложившаяся в стране атмосфера общественной поддержки воздухоплавания способствовала и развитию авиационного конструирования. В 1910 г. И. И. Сикорский поднял в воздух первый самолет собственной конструкции, а в 1912–1914 гг. создал в Петербурге выдающиеся для своего времени самолеты «Русский витязь» и «Илья Муромец», положившие начало многомоторной авиации.

Высшее военное руководство практически всех стран огромные перспективы военной авиации осознавало медленно. В августе 1914 г. Германия располагала 232 самолетами, Франция – 156, Англия – 30 (в первой линии), Россия – 263 аэропланами². Даже когда началась война, российское командование еще не имело твердой позиции относительно эффективности применения авиации. Военный министр В. А. Сухомлинов 24 ноября 1914 г. в письме начальнику штаба Верховному главнокомандующему Янушкевичу сомневался: *«Что касается воздушных кораблей типа “Илья Муромец” – то, по-моему, надо произвести серьезный боевой опыт, чтобы решить, как с ними быть»*³.

Война расставила приоритеты нужным образом, использование авиации стало массовым. На протяжении 1914–1918 гг. Германия обеспечила поставку в армию 47,7 тыс., Франция – 52,1, Англия – 47,8, Россия – 3,5 тыс. самолетов⁴. Быстро проявившиеся возможности авиации заставили военное руководство всех стран отдать ей должное как эффективному средству нападения, защиты и разведки. И если российская авиация была численно несопоставима как с авиацией союзников, так и – противников, то это объяснялось лишь технико-экономическими обстоятельствами. Отставание России определялось слабостью машиностроения, которое не только выпускало самолеты по лицензиям на сня-

¹ Романов А. М. Книга воспоминаний. М.: АСТ; СПб.: Полигон, 2009. С. 267–268.

² Эпизоды из боевых действий русской авиации. 1914–1917 гг. // Красный архив. 1939. Т. 96. С. 120.

³ Переписка В. А. Сухомлинова с Н. Н. Янушкевичем // Красный архив. 1922. Т. 2. С. 138.

⁴ Мировая война в цифрах / Ин-т мир. хоз-ва и мир. политики (Москва). М.; Л.: Гос. воен. изд-во, 1934. С. 38–41.

тые с производства французские образцы, но и не могло обеспечить объемы их выпуска в нужном количестве. Поэтому приходилось восполнять самолетный парк за счет зарубежных поставок. К ноябрю 1916 г. от союзников было получено 883 самолета, но устаревших образцов. Как следствие, армия России имела самолетов в 13,5 раза меньше германской.

Разумеется, основная часть германского воздушного флота сражалась против французских и английских противников, но это не мешало ему и на фронтах России иметь количественное преимущество над российской авиацией.

Произведенный на своих заводах и закупленный по импорту российский самолетный парк в количественном отношении был совершенно недостаточен. Генерал Гурко вынужден был признать: *«При начале военных действий, когда наши авиаторы и их воздушные машины были распределены между десятью армиями на фронте длиной в 1300 километров – за вычетом Кавказского фронта, мы повсеместно оказывались слабее своих противников. Со временем, когда количество германских аэропланов постепенно возрастало, наши воздушные силы постоянно то увеличивались, то сокращались, поскольку поступающая техника не всегда могла заменить выбывшие из строя. Соответственно, мы были вынуждены очень заботиться о сбережении своих аэропланов и использовать их почти исключительно для разведывательных целей... впервые мы смогли применить аэропланы для корректировки артиллерийского огня весной 1916 года»*¹.

Подобных свидетельств много. М. В. Родзянко, например, отметил, что такие авторитеты, как Брусилов, Каледин и Сахаров, просили обратить самое серьезное внимание на авиацию: *«В то время как немцы летают над нами, как птицы, и забрасывают нас бомбами, мы бессильны с ними бороться; неприятель знает наше расположение, как свои пять пальцев, а у нас воздушная разведка почти совершенно отсутствует»*.

Широкое использование в войне авиации – истребительной, бомбардировочной, разведывательной, морской – вызвало и появление литературы, отражавшей ее боевое применение. В то же время в 1920–1930-е годы о военной авиации писали все еще мало. Специалистов, причастных к авиации и хорошо знавших авиационное дело, явно не доставало. Первая по счету книга вышла в 1921 г. – это была популярная, не претендовавшая на широкие обобщения брошюра В. М. Вишнева «Роль авиации в современной войне»². Две работы о боевом применении авиации опубликовал российский авиационный инженер, историк и популяризатор авиации К. Е. Вейгелин. Но и они не были аналитическими, ограничивались описанием частных воздушных операций. В первой – «Авиация в мировой войне» – рассмотрены действия бомбардировочной, штурмовой, истребительной и морской авиации по наземным целям и в воздушных боях, во второй – «Воздушный флот в мировой войне» – показано

¹ Гурко В. И. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914–1917. СПб.: ЗАО «Центрполиграф», 2007. С. 95.

² Вишнев В. М. Роль авиации в современной войне. М.: Гос. изд-во, 1921. 41 с.

использование авиации в интересах сухопутных сил для проведения разведки, наблюдения, корректировки артиллерийского огня, обеспечения связи¹.

Назначение этих работ – донести до читателя зарубежный опыт применения военной авиации. Собственно Вейгелину принадлежат только вводные статьи, а сами книги представляют собой сборники текстов, написанных германскими и английскими летчиками, участниками боевых действий и скомпонованных по направлениям использования авиации. В качестве примера приведем выдержки из оглавления второй из названных книг («Воздушный флот в мировой войне»): «Глубокая разведка у немцев» (автор – летчик-наблюдатель лейтенант Дихгоф); «Глубокие разведки 1915–1918 гг.» (автор – летчик-наблюдатель штабс-капитан Фрикке); «Германская фоторазведка и фотосъемка» (авторы – военный летчик Нейман и летчик-наблюдатель Бекман); «Артиллерийский летчик в 1914 г.» (автор – летчик-наблюдатель Коссель); «Германская авиация при артиллерии» (автор – летчик-наблюдатель лейтенант Пехман); «Обслуживание дальнобойной артиллерии» (автор – летчик-наблюдатель Мюллер-Кале); «Ночная авиация в Англии» (автор – летчик Тернер); «В ночном походе» (автор – летчик-наблюдатель Гейдемарк); «Воздушная оборона Англии от цеппелинов» (автор – летчик майор Тернер); «Авиация в Средиземном и Черном морях» (автор – морской летчик капитан II ранга Молль); «Воздушные приключения в Северном море» (автор – морской летчик Франц Мюллер) и т. д. В совокупности рассказы, фактически отчеты, этих боевых офицеров дают, с одной стороны, более конкретное представление о функциях и степени полезности действий различных видов военной авиации, а с другой – свидетельствуют о высочайшей степени риска и пренебрежения опасностью, сопряженных с этой новой военной профессией.

Более основательна работа Н. Д. Анощенко «Война в воздухе»². Сам он участвовал в Первой мировой войне, в 1916 г. окончил в Петрограде воздухоплавательную школу, командовал 5-м воздухоплавательным отрядом на Северном фронте, был награжден шестью боевыми наградами. Во время Гражданской войны также служил в авиации. В 1920 г. стал помощником начальника Полевого управления авиации, руководил аэростатным отделом. 27 июня 1920 г. вместе с Олеринским и Куни совершил первый в РСФСР подъем на высоту 5 тыс. метров. 8 ноября 1922 г. возглавил полет на аэростате на дальность продолжительностью в 22 часа. Так что этот автор рассматривает действия военно-воздушных сил со знанием дела, однако в его поле зрения оказалась авиация только Германии, Франции, Англии, Италии и практически полностью отсутствует описание состояния материальной части и участия в войне русской авиации.

¹ Авиация в мировой войне: очерки и эпизоды воздушной войны / под ред. К. Е. Вейгелина; О-во друзей воздушн. флота Сев.-зап. обл. Л.: Акад. изд-во, 1924. 194 с.; Вейгелин К. Е. Воздушный флот в мировой войне: очерки и эпизоды воздушной войны 1914–18 гг. Л.: Воен. вестн., 1924 (на обложке – М., 1925). 164 с.

² Анощенко Н. Д. Война в воздухе. М.: Воен. вестн. 1923. 170 с.

Н. Д. Анощенко затрагивает все виды воздухоплавания, в том числе сферические воздушные шары – аэростаты. Ими до начала войны были снабжены все крепости, чтобы в случае падения можно было вывезти знамена, документы и все ценное. Но расчеты не оправдались. Анощенко рассказывает: *«В минувшую великую войну воздушные течения зло подиутили над воздухоплавателями. Когда при осаде Перемышля австрийцы накануне сдачи выпустили из крепости три аэростата, которые должны были спасти знамена и документы, то ветер занес их к Брест-Литовску, где воздухоплаватели и были благополучно взяты нами в плен. Но не лучшее вышло и с нашими аэронавтами, которым пришлось “вывозить” ценности из Ново-Георгиевска накануне его падения. На этот раз ветер занес их прямым сообщением в Германию, тогда как все летчики, вылетевшие одновременно с воздухоплавателем, благополучно выполнили возложенную на них задачу»*¹. Эти случаи показали, что аэростаты отжили свой век и в войне неприменимы. Их оставалось использовать лишь как учебное устройство для ознакомления летчиков с воздушными течениями.

Большую пользу приносили привязные аэростаты. Они удерживались тросами, подъем и спуск проводились с помощью лебедок, к концу войны подъемная сила водорода позволяла поднять аэростат на высоту до 1000 метров, а установка на автомобилях – быстро и легко маневрировать и выбирать место запуска. Применялись аэростаты для наблюдения за противником, корректировки стрельбы и связи. Обзор в бинокль с высоты 1000 метров составлял 15–20 верст, а связь с землей осуществлялась по телефону. Аэростаты задействовались и для обороны городов и крупных предприятий путем устройства воздушно-го заграждения. Эффективность аэростатов привела к быстрому росту их численности. В 1918 г., сообщает Анощенко, в Германии имелось 200 аэростатных подразделений, во Франции – 76, в Англии – 83, в России – 93. Опыт мировой войны показал большую эффективность привязного воздухоплавания.

Рассмотрел Анощенко и практику использования дирижаблей. На них возлагали большие надежды, и к началу мировой войны ведущие страны обзавелись этими летательными аппаратами. Россия имела 14 дирижаблей, однако они оказались тихоходными, маломощными, громоздкими, не приспособленными к боевой работе и закончили свое существование к концу 1915 г. Лучше обстояло дело у западноевропейских армий, особенно немецкой. Наиболее совершенными воздушными кораблями, причем не только в Германии, но и в мире, считались немецкие дирижабли «Цеппелины», названные так по имени их создателя графа Цеппелина. По итогам боевого применения эти дирижабли Анощенко признавал «за наилучшие воздушные корабли» и привел в подтверждение впечатляющий пример. «Цеппелин L-59» постройки 1917 г., имея скорость до 100 километров в час, полезную нагрузку в 52 тонны, включая горючее, экипаж, вооружение и 12 тонн военного груза, 21–25 ноября 1917 г. долетел до Восточной Африки и вернулся обратно, преодолев 7000 км за 96 часов непрерывного полета. После посадки горючего осталось на 64 часа, т. е. дири-

¹ Анощенко Н. Д. Война в воздухе. С. 9–10.

жабль мог дополнительно пролететь через всю Германию, пересечь Атлантический океан, Северную Америку и опуститься на берегу Тихого океана¹. За четыре года войны в Германии построили 87 дирижаблей конструкции Цеппелина². Предназначенные для боя, они для поражения наземных целей использовали бомбы, защиту от истребителей противника обеспечивали скорострельные пушки и пулеметы, устанавливавшиеся в гондолах и на особых платформах наверху оболочки. Применяли дирижабли для глубокой разведки, обеспечения связи, транспортировки людей и грузов, нанесения бомбовых ударов. Они были чрезвычайно болезненны: только за 51 налет «Цеппелинов» на Англию с 20 января 1915 по 17 июня 1918 г. были убиты 498 и ранены 1236 человек из числа гражданского населения³. Более того, отмечает Анощенко, своими налетами «*“Цеппелины” вносили дезорганизацию в тыл противника, расширяли “театр военных действий” на всю территорию неприятеля, пожарами и разрушением вокзалов, заводов, угольных копий и т. п. вносили расстройство в хозяйственную жизнь страны*»⁴.

Как и немецкие, полезными оказались английские, французские и итальянские дирижабли при охране судов, перевозивших английские и американские войска на европейский театр военных действий, наблюдавших за перемещениями немецких надводных кораблей и боровшихся с немецкими подводными лодками. Книга иллюстрирует их действия многочисленными примерами.

К началу войны все армии имели самолеты. Лучшими считались во Франции – «Вуазены», в Германии – «Альбатросы» и «Таубе», в России – «Ньюпоры». Все они были двухместными, применялись для разведки путем наблюдения и фотографирования. В связи с этим приведен один из немногих примеров по России, авиаторы которой использовали съемочный аппарат системы Потте производительностью в 50 снимков без перезарядки за один полет. С появлением воздушной разведки войска и вся военная инфраструктура должны были либо зарыться в землю, либо прикрыться маскировкой. Анощенко сообщает, что немецкие летчики делали до 4 тыс. снимков в неделю, покрывавших площадь в 24 тыс. квадратных километров. Это стало возможным благодаря выпуску большого количества самолетов-разведчиков: 31 816 аппаратов за 1911–1918 гг.⁵

По мере совершенствования авиационной техники самолеты с конца 1915 г. начали применять для бомбометаний по объектам на фронте и в тылу противника. Известность получил налет 62 союзных самолетов на Диллинген, где были расположены немецкие заводы взрывчатых веществ, бомбардировки англичанами баз немецких подводных лодок в Остенде и Зеебрюгге, где даже железобетонные укрытия не спасли субмарины, а сами базы пришлось переносить. Налеты бомбардировщиков на города приносили им ущерб не мень-

¹ Анощенко Н. Д. Война в воздухе. С. 53, 58–59.

² Там же. С. 40.

³ Там же. С. 53.

⁴ Там же. С. 56.

⁵ Там же. С. 76.

ший, если не больший, чем налеты «Цеппелинов»: город Дюнкерк за годы войны подвергался воздушной бомбардировке свыше 450 раз¹. Нетрудно представить разрушения, производившиеся немецкими тысячекилограммовыми бомбами или почти такими же бомбами, которые способен был нести русский «Илья Муромец». Анощенко сообщает, что, по немецким данным, за время войны германские самолеты сбросили в распоряжение противника 32 тыс. тонн бомб. Активно действовали и самолеты англичан и французов: в боях на Марне принимали участие около 1000 самолетов². Признав эффективность бомбардировочной авиации, все страны увеличили их производство. Численный рост и улучшение тактико-технических характеристик бомбардировочной авиации потребовали обеспечить защиту от нее. Появился новый класс авиации – самолеты-истребители, их эффективность повысилась с внедрением приспособления, позволяющего пулеметам стрелять синхронно с вращающимся пропеллером. В большинстве случаев воздушные бои летчиков истребительной авиации представляли собой единоборства один на один. Появились асы воздушных боев: француз Гюиннемер сбил 48 самолетов, немец Рихтгофен – 82, 83-й бой стал для него последним – летчик погиб от случайной пули с земли.

Авиация стала полноценным и незаменимым участником войны. Анощенко приводит данные: с 1914 по 1918 г. Германия построила 47 637 самолетов, Франция – 67 982, Англия – 50 000, Америка – 22 227. Анощенко не сослался на источник информации, позднейшие справочники приводят другие цифры. Выше они уже назывались, но напомним еще раз: за 1914–1918 гг. в Германии было выпущено 47 300, во Франции – 52 146, в Англии – 47 873, в США – 13 840 самолетов всех типов³. Но суть вопроса не в точности цифр. Анощенко уловил главную тенденцию, ставшую очевидной в ходе войны: авиация непосредственно и существенно усиливает боевой потенциал воюющих армий, и после заключения мира не следует жалеть сил и средств для ее дальнейшего развития и совершенствования.

В отдельной главе Н. Д. Анощенко поместил рассказы участников войны в воздухе. С русской стороны это повествование А. Воронцова о прыжке с парашютом с горящего аэростата и воспоминания И. Н. Виноградова о налете на железнодорожную станцию и вокзал в Черновцах; с немецкой – откровения анонимного летчика о налете «Цеппелина» на Париж и отрывки из мемуаров М. фон Рихтгофена. Подбор текстов представляется достаточно случайным, удивляет отсутствие материалов о боях русских летчиков, хотя примеров их успешных воздушных сражений, разведывательных и бомбардировочных операций более чем достаточно.

Условия, в которых пришлось сражаться российской авиации, были раскрыты позже в публикациях документальных материалов. В 1939 г. исторический журнал «Красный архив» обнаружил подборку документов «Эпизоды

¹ Анощенко Н. Д. Война в воздухе. С. 89.

² Там же. С. 87.

³ Мировая война в цифрах. С. 41.

из боевых действий русской авиации. 1914–1917 гг.»¹. Развернутое предисловие к ней написал П. И. Пумпур, по последней перед арестом должности генерал-лейтенант, командующий ВВС Московского округа².

Документы этой коллекции ярко свидетельствуют, как и на чем воевали русские летчики. Заведующий организацией авиационного дела в действующей армии (так обозначена должность в документах) докладывал Ставке Верховного главнокомандующего: *«Аппараты русского изготовления – Фарманы и Ньюпоры – уже с самого начала войны не соответствовали даже минимальным требованиям боевых полетов, а изготавливавшиеся на заводе Щетинина – прямо не годились; вследствие этого были летчики, предпочитавшие вместо новых, щетининских, даже старые, уже износившиеся аппараты других заводов»*³. Все это негативно сказывалось на действиях боевой авиации. Начальник I корпусного авиационного отряда в отчете о боевой работе в августе 1914 г. сообщал: *«Месяц войны как нельзя лучше подтвердил мнение летчиков, что наши аэропланы очень мало пригодны в современной европейской войне и что требования, предъявляемые при заказах аэропланам заводам, следовало уже давно изменить. Главный недостаток наших аэропланов, как Фарманов, так и Ньюпоров⁴, это полная неспособность маневрировать в вертикальной плоскости... Борьба же с немецкими аэропланами, свободно летающими (даже с 2 пассажирами) на высотах до 3000 и даже 4000 метров, мыслима только тогда, когда и мы в состоянии будем так же свободно маневрировать по высоте. Вторым необходимым условием успешности борьбы является скорость, не меньшая, чем у противника, – наши Фарманы, к сожалению, опять-таки уступают немецким аппаратам в скорости на 10–15 верст в час. Третьим недостатком, который очень чувствовался временами при разведке, в особенности, в неблагоприятную погоду, является недостаточная продолжительность полета – всего три часа, в то время как противник может держаться в воздухе без спуска в два-три раза дольше»*⁵.

Худшую техническую оснащенность российской авиации отмечали и в последующем. Штаб 10-й армии докладывал 25 мая 1917 г. инспектору авиации Западного фронта: *«Летчики, несмотря на техническую отсталость наших аппаратов, рвались в дальние, крайне опасные полеты»*⁶. Летчик В. И. Стрижевский на самолете «Ньюпор XXI» 8 июня 1917 г. вступил в воздушный бой: *«Ведение боя было крайне трудно, так как самолет противника, видимо, истребитель, обладал большей скоростью и все время был выше, занимая вы-*

¹ Эпизоды из боевых действий русской авиации. 1914–1917 гг. // Красный архив. 1939. Т. 96.

² Пумпур П. [Предисловие]. Эпизоды из боевых действий русской авиации. 1914–1917 гг. // Красный архив. 1939. Т. 96.

³ Эпизоды из боевых действий русской авиации. 1914–1917 гг. С. 126.

⁴ Французские самолеты типа «Фарман» и «Ньюпор» строились в России по лицензии, а также закупались за рубежом.

⁵ Эпизоды из боевых действий русской авиации. 1914–1917 гг. С. 122–123.

⁶ Там же. С. 135.

годные положения»¹. То, что поступало по импорту, было ненамного лучше. В уже упоминавшемся докладе для Ставки отмечалось: *«Аппараты заграничные, поступающие до сего времени в армию, – это отжившие типы Фармана № 20, не применяемые уже Ньюпоры и устаревшие типы Вуазена, т. е. все то, что заграничной авиационной техникой, идущей в уровне с указаниями опыта войны, уже оставлено»*². Недостатками самолетов, сужавшими масштабы их применения, были несовершенная техника, ограничивавшая возможности маневрирования по скорости и высоте, частые неисправности пулеметов. Поломки моторов во время выполнения боевых заданий нередко приводили к вынужденным посадкам на территории противника и пленению. Все это негативно влияло на летчиков, которые теряли веру в свои самолеты, но – не мужество. В донесении штаба 10-й армии от 25 мая 1917 г. отмечалось: *«Наши летчики, совершая полеты даже на самых плохих аппаратах, при встрече с самолетами противника почти всегда первыми атаковали их и принуждали уходить в свое расположение»*³.

Мастерство российских летчиков позволяло добиваться отличных результатов по всем направлениям боевого применения авиации. Самолеты успешно использовались в разведывательных целях. Начальник штаба 2-й армии в приказе от 21 мая 1915 г. отметил: за последние 3 месяца три летчика 2-го армейского отряда совершили 75 боевых полетов, в результате которых *«все задачи по разведке, возложенные на отряд, а именно наблюдение за тылом неприятеля, а также и детальная разведка наиболее важных участков его позиций, – были успешно выполнены. Отрядом своевременно обнаруживались постройки неприятелем тыловых позиций и узкоколейных железных дорог, места нахождения складов, батарей, аэродромов и т. п., что давало ценный материал для составления схемы тыла неприятеля. Вместе с тем, благодаря правильно налаженной в разведывательном отделении работе, отрядом успешно проверялись сведения тайной разведки... В важном и весьма полезном отделе работы летчиков – воздушной фотографии, – благодаря правильной его организации и выказанному летчиками к нему интересу, достигнуты уже вполне положительные результаты. Последние снимки тыловых позиций неприятеля (сделанные капитаном Грезом с наблюдателем корнетом Шероцким и штабс-капитаном Пруссисом) являются весьма ценными как по содержанию, так и по выполнению»*⁴.

Немалыми были успехи российских летчиков в собственно воздушной войне. 1 августа 1916 г. летчик Крутень в районе местечка Несвиж в воздушном бою сбил немецкий самолет, 21 января 1917 г. летчики М. Т. Терентьев и К. К. Вакуловский обстреляли из пулеметов и успешно сбросили бомбы на аэродром противника у деревни Кобыльники возле озера Нарочь, отбили атаку двух не-

¹ Эпизоды из боевых действий русской авиации. 1914–1917 гг. С. 136.

² Там же. С. 126–127.

³ Там же. С. 135.

⁴ Там же. С. 124–125.

мецких истребителей, один из которых сбили. 14 апреля 1917 г. самолет «Илья Муромец» в районе Галича произвел разведку и бомбометание¹. Начальник штаба 7-й армии Юго-Западного фронта генерал-майор А. А. Незнамов в приказе от 4 мая 1917 г. отдал должное победам летчиков, воевавших в составе армии: *«В течение последних месяцев авиаотрядами... непрерывной, смелой и настойчивой борьбой с самолетами противника было достигнуто несомненное наше господство в воздухе на южном участке армии и весьма значительное и явное преобладание на северном участке... Летчиками 7 авиаотряда в воздушных боях сбито, упавших затем на нашей территории, 5 самолетов противника и взято в плен 10 неприятельских летчиков и наблюдателей; по наблюдениям и донесениям наших войск и показаниям пленных летчиков, были сбиты и упали в расположении противника 8 его самолетов, из коих 4 сгорели или расстреляны на глазах наших частей»*². Так закладывались боевые традиции российской военной авиации.

5.3.2. Артиллерия

Потребовалось не так уж и много времени, чтобы обобщить опыт применения артиллерии на Русском фронте в 1914–1917 гг. Первым это сделал В. Ф. Кирей в двух брошюрах: «Выводы из применения артиллерийских масс при атаке» (1916) и «Артиллерия обороны» (1917). Он руководил артиллерийской подготовкой брусикового прорыва, войну завершил генерал-майором, командующим 23-м корпусом Румынского фронта. Можно сказать, что это был профессионал высокого уровня. Выводы и рекомендации, изложенные в брошюрах Кирея, были высоко оценены еще до окончания войны. В предисловии к первой из названных публикаций квартирмейстер 9-й армии генерал Кельчевский отметил: *«Настоящая брошюра написана в буквальном смысле слова на передовом артиллерийском наблюдательном пункте. Написана артиллеристом, знания и талант которого, невзирая на чин, выдвинули на роль начальника артиллерии ударной группы в армии в период исполнения ею операций с 22-го мая по 30-е июля, операций, которые дали России всю Буковину и значительную часть Галиции до гор. Станиславова включительно. Теперь, кажется, не секрет... что успех современной борьбы вообще, а тем более против фортификации противника, основан на рациональном применении массового артиллерийского огня. Что нужно делать и сделать, чтобы достигнуть артиллерийского успеха, а следовательно, — и успешных действий пехоты, читатели найдут в этой брошюре»*³.

Труды В. Ф. Кирея раскрыли фронтовым артиллерийским офицерам технологию артиллерийского боя: кто, что, когда и как должен делать в ходе на-

¹ Эпизоды из боевых действий русской авиации. 1914–1917 гг. С. 130–131.

² Там же. С. 132.

³ Цит. по: Буров А. От редакции // В. Ф. Кирей. Артиллерия атаки и обороны: Выводы из применения артиллерии на Русском фронте в 1914–1917 гг. / предисл., примеч. и ред. А. Букова. М.; Л.: Гос. воен. изд-во, 1926. С. 7–8.

ступательных и оборонительных операций. Это сугубо профессиональные вопросы, и останавливаться на них в формате настоящей книги нет необходимости. Нельзя только не сказать о значении работ Кирея, опять-таки сославшись на мнение специалиста. А. Буров, в прошлом тоже участник боев, считал: *«Добросовестная работа артиллеристов, не жалеющих труда, хорошо изучивших книгу Кирея, многих избавит от тяжелых переживаний неудачных прорывов и сохранит массу человеческих жизней»*¹.

В СССР брошюры В. Ф. Кирея объединили в одну книгу и издали ее в 1926 г. под названием *«Артиллерия атаки и обороны: Выводы из применения артиллерии на Русском фронте в 1914–1917 гг.»*².

Место и роль артиллерии в сражениях Первой мировой войны нашли также отражение в трудах Б. Н. Иванова³, Н. П. Цытовича⁴, Е. З. Барсукова⁵. Двухтомное исследование последнего представляет собой наиболее широкое обобщение опыта боевого применения артиллерии российской армией. Е. З. Барсукова отличает высокий профессионализм: получив образование в Николаевской академии Генерального штаба, он всю службу связал с артиллерией. Занимал должности в Главном артиллерийском управлении, в Управлении инспектора артиллерии, с января 1916 по февраль 1918 г. был начальником Управления полевого генерал-инспектора артиллерии при Верховном главнокомандующем. С апреля 1918 по июль 1934 г. служил в РККА, затем был занят научно-педагогической работой, стал генерал-майором артиллерии в отставке, доктором военных наук, профессором, действительным членом Академии артиллерийских наук⁶. Барсуков отмечает, что *«отзывы о боевых действиях русской артиллерии в мировую войну, не исключая отзывов неприятеля,*

Евгений Захарович
Барсуков

¹ Цит. по: Буров А. От редакции. С. 7.

² Кирей В. Ф. Артиллерия атаки и обороны: Выводы из применения артиллерии на Русском фронте в 1914–1917 гг. 121 с.

³ Иванов Б. Н. Борьба с воздушным врагом: по опыту зенитной обороны на Восточно-европейском фронте в 1914–1917 гг. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. 183 с.

⁴ Цытович Н. П. Краткий очерк эволюции артиллерии в связи с развитием производительных сил и опытом войн. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. 156 с.

⁵ Барсуков Е. З. Подготовка России к мировой войне в артиллерийском отношении / предисл. В. А. Меликова. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. 216 с.; *Его же*. Работа промышленности на боевое снабжение русской армии в мировую войну. М.: [б. и.], 1928. 230 с.; *Его же*. Русская артиллерия в мировую войну: в 2 т. М.: Гос. воен. изд-во, 1938. Т. 1; Т. 2. 1940.

⁶ Барсуков Е. З. Мое военное прошлое. Воспоминания 1866–1954 гг. / сост. и авт. предисл. В. Г. Эрдман. Смоленск: Край Смоленский, 2018. 624 с.

свидетельствуют о высокой ее подготовке в отношении искусства стрельбы и использования огня. Действие русской артиллерии по открыто расположенным илидвигающимся неприятельским войскам было ужасающим. История мировой войны знает немало тому примеров. Тяжелая русская артиллерия, получившая наиболее мощные орудия крупных калибров лишь в последний год войны, разрушала самые прочные фортификационные сооружения противника»¹.

В то же время возможности применения артиллерии сдерживал недостаток боеприпасов. Барсуков отмечает: «В конце августа (1914 г. – И. Ч.) начальник штаба Верховного главнокомандующего Янушкевич писал военному министру Сухомлинову, что “вопрос о патронах для артиллерии – ужасный кошмар”, и телеграфировал начальнику ГАУ, что положение в отношении снабжения пушечными патронами “критическое”, что непрерывные бои на фронте “нарушают все теоретические расчеты”, что артиллерия действует чрезвычайно успешно, но “достигает этого чрезмерным расходом патронов”»². Как полагал Барсуков, «снарядный голод», ощущавшийся русской артиллерией в течение первых двух лет войны, являлся одной из серьезных причин военных неудач и чрезмерных потерь пехоты. Хотя недостаток боеприпасов давал о себе знать до самого конца войны, к ее завершению русская артиллерия была значительно лучше обеспечена снарядами, а ее техническая оснащенность стала более совершенной: увеличилась дальность стрельбы, пушки получили свойства «гаубичности», т. е. могли вести огонь как гаубицы, для противостояния авиации начала применяться зенитная артиллерия.

5.3.3. Химическое оружие

Установление позиционного фронта на Западном (европейском) и Восточном (русском) театрах боевых действий вынуждало противоборствующие стороны находить и применять новые действенные средства прорыва сплошных укрепленных оборонительных линий. Одним из них явилось использование химического оружия, хотя это и шло в нарушение принятой Гаагской конференцией 1899 г. декларации «О неупотреблении снарядов, имеющих единственным назначением распространять удушающие или вредоносные газы». Химическую войну вели обе стороны – и на Западном, и на Восточном фронтах.

После окончания Первой мировой войны тема химической войны оставалась актуальной. Женевский протокол 1925 г. запретил применение на войне удушливых ядовитых газов и бактериологических средств, но не запрещал разработку и производство отравляющих веществ, которые по-прежнему были существенной составной частью вооружений. СССР в 1928 г. присоединился к Женевскому протоколу с оговоркой о праве ответного использования

¹ Барсуков Е. З. Русская артиллерия в мировую войну: в 2 т. Т. 1. С. 3.

² Там же. С. 325.

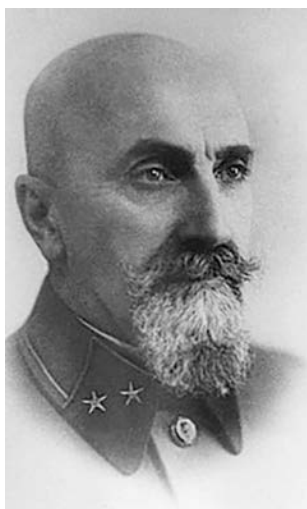
химического оружия: сохранялась угроза, что возможная будущая война будет химической. Опасения не были безосновательными: из 34 государств, подписавших протокол, только три ратифицировали его. Следовало готовиться, и этим объясняется появление ряда публикаций об опыте применения химического оружия и средствах противодействия ему. Были переведены на русский язык работы иностранных экспертов¹, а также изданы труды советских военных специалистов и ученых в области химической науки². В их ряду выделяются исследования А. Н. Де-Лазари. У него был непростой жизненный путь. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба, прошел всю Первую мировую войну, окончил ее подполковником. В РККА с 1918 г., в 1922–1932 гг. старший преподаватель кафедры военной истории Военной академии РККА имени М. В. Фрунзе, в 1932–1941 гг. преподаватель, а затем профессор и руководитель кафедры военной истории Военной академии химической защиты имени К. Е. Ворошилова. В 1940 г. произведен в генерал-майоры. 25 июня 1941 г. арестован, осужден и 23 февраля 1942 г. расстрелян «как участник антисоветского военного заговора», в 1956 г. реабилитирован. Де-Лазари принадлежит ряд статей в «Большой советской энциклопедии» и в «Военно-историческом журнале», но наиболее известен его труд «Химическое оружие на фронтах мировой войны 1914–1918 гг.»³.

Книга Де-Лазари «Химическое оружие на фронтах мировой войны 1914–1918 гг.» является удачной попыткой всестороннего исторического исследования применения химического оружия на фронтах Западного и Восточного театров мировой войны. По утверждению Де-Лазари, первыми использовали боевое химическое вещество немцы. Это случилось 27 октября 1914 г., когда французские позиции у Нев-Шапеле были обстреляны артиллерийскими газовыми снарядами. Их поражающее действие было невелико, и немцы в дальнейшем перешли на более эффективные средства химического нападения. 22 апреля 1915 г. они провели газобаллонную атаку у г. Ипра. На фронте в 6 км было установлено 6000 баллонов, наполненных 180 000 кг хлора. На флангах газовая атака усиливалась обстрелом артиллерийскими химическими снарядами.

¹ *Фрайс А., Вест К.* Химическая война. М.: Изд-во Высш. воен. рев. совета, 1923. 505 с.; *Фарроу Э.* Газовая война. М.: Гос. воен. изд-во, 1925. 197 с.; *Гейер.* Химическая война: (Из сборника под ред. Шварте: «Великая война 1914–1918 гг.»). М.: Гос. воен. изд-во, 1924. 81 с.

² *Никитский В.* Отражение газовой атаки под Осовцом 24.7.15 г. // Военная наука и революция. 1921. Кн. 2; *Аксенов А. В.* Боевые отравляющие вещества. М.: Воен. вестн., 1925. 223 с.; *Сыромятников А.* Тактика химической борьбы. М.: Гос. воен. изд-во, 1925. 290 с.; *Авиновицкий Я. Л.* Химическая война и оборона СССР. М.: Воен. вестн., 1924. 72 с.; 6-е изд., перераб. и доп. М., 1929. 112 с.; *Жигур Я.* Химическое оружие в современной войне / под ред. Я. М. Фишмана. М.: Гос. воен. изд-во, 1933. 72 с.; *Фишман Я. М.* Газовая война / под ред. Е. Ф. Деньгина. М.: Гос. воен. изд-во, 1924. 343 с.; *Его же.* Военно-химическое дело в современной войне / ред. К. Шильдбах. М.; Л.: Гос. воен. изд-во, 1930. 198 с.

³ *Де-Лазари А. Н.* Химическое оружие на фронтах мировой войны 1914–1918 гг.: Краткий исторический очерк / под ред. и с предисл. Я. Л. Авиновицкого. М.: Гос. воен. изд-во, 1935. 144 с.

Александр Николаевич
Де-Лазари

Отравленных газом было до 15 000, из которых умерли 5000. Но немцы достигли лишь тактического успеха: у них не было хороших защитных средств, и в войсках вообще отсутствовали специально подготовленные кадры¹.

На русско-германском фронте первое газобаллонное нападение было проведено против 2-й русской армии, преграждавшей путь к Варшаве 9-й армии Макензена. Германцы на протяжении 12 км установили 12 000 газобаллонов, наполненных сжиженным хлором, и 31 мая 1915 г. провели атаку. Как пишет Де-Лазари, *«полная неожиданность и неподготовленность со стороны русских войск привели к тому, что солдаты проявили большие удивления и любопытства к появлению облака газа, нежели тревоги. Приняв облако газа за маскировку атаки, русские усилили передовые окопы и подтянули части поддержки. Вскоре окопы, представлявшие здесь лабиринт сплошных линий, оказались местами, заполненными трупами и умирающими людьми»*. Потери от газобаллонной атаки исчислялись приблизительно в 9000 человек². Тем не менее немцы не обеспечили развития атаки до прорыва оперативного масштаба, тактический успех выразился лишь в нанесении русским войскам людских потерь. Можно ли было их избежать? Русское командование знало о газовой атаке немцев у Ипра, даже заказало противогазы, но они были доставлены поздно, после газовой атаки.

На протяжении последующих месяцев 1915 г. и далее, вплоть до конца войны, газовые атаки нарастали. В августе 1915 г. испытание газом выдержали защитники крепости Осовец. Здесь немцы установили несколько тысяч газовых баллонов. Газ поражал на глубину в 12 км и в высоту на 12 м. Противогазовые повязки слабо защищали. Сразу после пуска газов начался артиллерийский обстрел, и пехота перешла в наступление. Но здесь проявился неожиданный эффект: немцы от своих же газов потеряли до 1000 человек. Контратака восстановила положение защитников крепости³. Газовое оружие использовалось и на других участках фронта. 17 июня 1916 г. немцы провели газобаллонное нападение у Крево, расположенного к западу от Молодечно. Благодаря бдительности командования, обеспечившего войска масками и противогазами, оно не удалось. 2 июля 1916 г. германские войска осуществили газобаллонную атаку м. Сморгонь, к северу от Молодечно. Две последовательно проведенные

¹ Де-Лазари А. Н. Химическое оружие на фронтах мировой войны 1914–1918 гг.: Краткий исторический очерк. С. 16, 19, 24.

² Там же. С. 26–28.

³ Там же. С. 32.

атаки продолжались полтора часа, газ нанес большие потери. Они объяснялись недоверием солдат к противогазам: некоторые в суматохе боя не успели их достать, другие и вовсе потеряли. Но это стало уроком. Де-Лазари замечает: *«Зато после этой газовой атаки все уцелевшие прониклись уважением к противогазам и больше с ними не расставались»*¹. В том же районе Сморгони 5–6 сентября 1916 г. газобаллонную атаку провели русские войска. Она была признана успешной. *«В дальнейшем, – констатирует Де-Лазари, – газобаллонные атаки на русском театре продолжались с обеих сторон до зимы»*².

На Западном, франко-англо-германском, фронте использование химического оружия всеми сторонами наблюдалось до конца войны. Процесс постоянного его совершенствования привел к применению новых, более мощных средств поражения. Большая зависимость газобаллонной атаки от метеорологических условий, рельефа местности, возможность собственного отравления побудили отказаться от газобаллонных устройств и перейти к снаряжению отравляющими веществами артиллерийских снарядов. 22 июня 1916 г. немцы под Верденом вели обстрел химическими снарядами с использованием 56 пушечных и гаубичных батарей, которые выпустили 110 000 снарядов. В 1918 г. 50 % всех выпущенных германцами артиллерийских снарядов были химическими. Французы за несколько месяцев войны в 1918 г. израсходовали свыше 2 млн таких снарядов³. С 1916 г. в химической войне начали задействовать минометы, что придавало химическим атакам более мобильный характер. Нашли применение огнеметы, ввели в действие более сильное отравляющее вещество: англичане называли его «горчичный газ», французы – «иприт».

Общие потери от отравляющих веществ были значительными. Де-Лазари приводит на этот счет следующие данные: их удельный вес во всей сумме потерь составил для германской армии – 1,88, для французской – 5,97, для английской – 8,79 %⁴. Это свидетельствует, что химическое оружие стало составной частью вооруженных сил, а его применение начали расценивать как обязательный фактор каждой крупной операции.

5.4. Боевое снабжение армии и экономика в годы войны

Военную экономику, включая промышленное и сельскохозяйственное производство, транспортную систему, финансы и торговлю, людские ресурсы, как важнейший фактор подготовки и развязывания вооруженных межгосударственных конфликтов исследовали бесчисленное количество раз. Наряду с трудами о состоянии и развитии промышленности, сельского хозяйства,

¹ Де-Лазари А. Н. Химическое оружие на фронтах мировой войны 1914–1918 гг.: Краткий исторический очерк. С. 44.

² Там же. С. 48.

³ Там же. С. 41, 73.

⁴ Там же. С. 75.

путей сообщения, о финансовых и торговых взаимоотношениях вышли исследования об эффективности усилий по снабжению действующей армии вооружением, боеприпасами, снаряжением – всем, что необходимо для успешных боевых действий.

В этом отношении прежде всего привлекает внимание исследование А. А. Маниковского о боевом снабжении русской армии в период мировой войны, изданное частями на протяжении 1920–1923 гг.¹ Это был высокопрофессиональный специалист с глубокими и всесторонними познаниями в той сфере, о которой рассказал в книге. Участник Русско-японской войны, в чине генерала от артиллерии с 1915 г. занимал пост начальника Главного артиллерийского управления. Во Временном правительстве после отставки А. И. Гучкова был некоторый период управляющим Военным министерством, пока этот пост не занял А. Ф. Керенский. Перешел на службу в РККА, был начальником Главного артиллерийского управления и начальником Центрального управления снабжения РККА до своей гибели в 1920 г. в результате железнодорожной катастрофы.

Преждевременная смерть не позволила Маниковскому завершить свой труд. Поэтому при переиздании книгу доработал Е. З. Барсуков, уже упоминавшийся выше в связи с трудами об использовании артиллерии. В годы войны Барсуков, занимавший должность начальника Управления полевого генерал-инспектора артиллерии, тесно сотрудничал с Маниковским. В РККА их дороги вновь сошлись. По утверждению редакции, во втором издании Маниковскому принадлежало 45 %, а Барсукову – 55 % текста. Третье издание, вышедшее в 1937 г., Е. З. Барсуков переработал еще раз².

В книге А. А. Маниковского, дополненной Е. З. Барсуковым, собран огромный материал о подготовке к войне русской военной промышленности, о мобилизационных расчетах, фактическом производстве артиллерийских орудий, стрелкового вооружения и боеприпасов, объемах их поставок на театры военных действий и реальной обеспеченности ими фронтовых частей.

Авторы отмечают, что до войны представлялся невероятным ее затяжной характер, а также то, что расход предметов боевого снабжения достигнет чудовищных размеров. Русская армия предполагала вести войну в расчете только на подготовленные в мирное время запасы, но их хватило лишь на первые четыре месяца. Вплоть до второй половины 1916 г. не существовало никакого плана систематического пополнения расхода боевых припасов. Недостаточной была и помощь союзников, поставивших по сравнению с произведенным в самой России около 30 % винтовок, менее 1 % патронов к ним, 23 % орудий, около 20 % снарядов к ним. Потребности действующей армии в боевом снабжении удовлетворялись не заграничными заказами, а главным образом русскими

¹ Маниковский А. А. Боевое снабжение русской армии в войну 1914–1918 гг.: в 3 ч. М.: Высш. воен. ред. совет, 1920–1923.

² Маниковский А. А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну / перераб. и доп. Е. З. Барсуков. 3-е изд. М.: Гос. воен. изд-во, 1937. 718 с.

Николай Дмитриевич
Кондратьев

казенными заводами и частными мобилизованными предприятиями, которые широко развили свою производительность и выполнили колоссальную работу по выполнению заказов армии, хотя и она оказалась недостаточной ввиду масштаба военных операций, протяженности фронтов и численности армий. После Февральской революции 1917 г. производительность русской военной промышленности стала заметно падать: по изготовлению орудий легких калибров приблизительно на 30 %, снарядов к ним – на 50, винтовок – на 15, пулеметов – на 10 %.

Отличительной особенностью труда Маниковского и Барсукова является обилие статистических материалов, представленных в виде таблиц и диаграмм. Общий же вывод сводится к утверждению, что *«никакой плановости и порядка в боевом снабжении армии в первые 1914–1915 гг. войны не существовало. Никак не объединяемая и не регулируемая деятельность фронтовых и армейских учреждений привела к крайней неравномерности в снабжении войск огнеприпасами и прочим артиллерийским имуществом и к несоответствию боевого снабжения оперативным замыслам командования. Только с 1916 г. ...дело боевого снабжения было организовано и в значительной степени были налажены учет и распределение предметов вооружения армии»*¹.

Труды о влиянии эффективной экономики на обеспечение военного успеха и, наоборот, о просчетах в ее сбалансированном развитии как причинах боевых неудач вышли в свет еще до завершения ее сражений, а с наступлением мира получили новый импульс и составили целый пласт научной и научно-популярной литературы. Они принадлежали выдающимся экономистам, в том числе ученым с мировым именем, таким как Н. Д. Кондратьев, И. М. Кулишер², ряду других, менее известных,

Иосиф Михайлович
Кулишер

¹ Маниковский А. А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. С. 651.

² Кондратьев Н. Д. Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны. Вологда: Вологодское обл. отд-ние Гос. изд-ва, 1922. 258 с.; Кулишер И. М. Обзор мирового хозяйства за время войны и после войны и состояние его к началу 1923 года. Пб.: Атеней, 1923. 135, [3] с.; Его же. Обзор мирового хозяйства с начала войны до начала 1924 г.: с таблицами, диаграммами и картограммой. 2-е изд., доп. Л.: Время, 1924. 206 с.; Его же. Обзор мирового хозяйства с начала войны до начала 1925 г. 3-е изд. Л.: Время, 1925. 246 с.

но также оставивших заметный след в науке¹. Однако следует заметить, что они в своих трудах концентрировались на освещении мировых тенденций экономического развития в годы Первой мировой войны и после нее без привлечения или почти без привлечения данных по России. Но не осталась без внимания и собственно российская военная экономика. О трудах относительно последней, как и о военной экономике зарубежных стран, – дальше.

В России одним из первых тему российской экономики периода Первой мировой войны разработал С. Н. Прокопович. Он сделал себе имя как видный общественный деятель социалистического толка, видный экономист, доктор философии Бернского университета (Швейцария), министр торговли и промышленности и министр продовольствия в разных составах Временного правительства. В 1917 г. Прокопович издал и в 1918 г. переиздал в дополненном виде исследование о народном хозяйстве России в годы Первой мировой войны². Оно не осталось незамеченным: рецензиями на него откликнулись российские экономисты С. О. Морголин³, А. Н. Гурьев⁴, М. Н. Соболев⁵.

В книге на основе огромного массива статистических данных показано пагубное воздействие войны на состояние российской экономики. Прекращение вывоза и ввоза товаров по германской и австрийской сухопутным границам, через южную часть Балтийского моря, торговли с Турцией и через Дарданеллы с Болгарией и Сербией породило дефицит внешнеторгового баланса. По его расчетам, с 1913–1914 гг. по июль–октябрь 1917 г. в рублевом исчислении импорт снизился с 1470,2 до 969,9 млн, а экспорт – с 1697,4 до 242,5 млн⁶. Следствием стал валютный голод, подорожание иностранной валюты и понижение курса рубля, при том что сократить ввоз необходимых для обороны материалов и промышленной продукции нельзя было позволить. Страна несла чудовищные расходы на содержание армии. Если в 1914 г. на одного солдата

Сергей Николаевич
Прокопович

¹ Нахимсон М. И. (Спектатор). Мировое хозяйство до и после войны. М.; Л.: Центр упр. печати и пропаганды В. С. Н. Х, 1926. Т. 2: Мировое хозяйство за годы 1914 по 1918. 226 с.; Святловский Е. Е. Экономика войны: в прил. «Что читать по экономике войны» и «Статистика мировой войны». М.: Воен. вестн., 1926. 483 с.; Букиштан Я. М. Военно-хозяйственная политика: формы и органы регулирования народного хозяйства за время мировой войны 1914–1918 гг. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. 541 с.

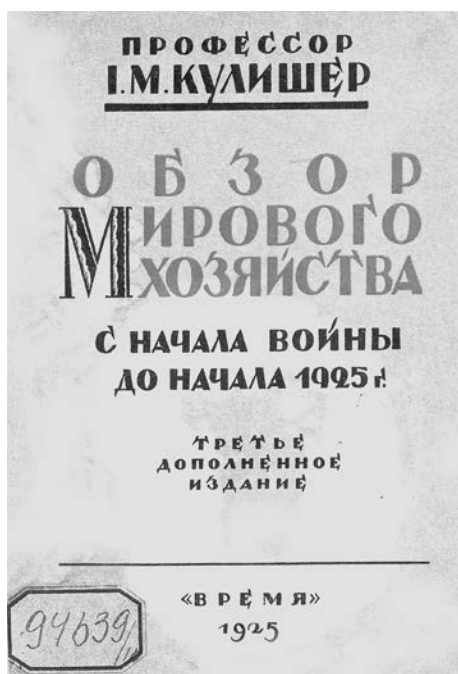
² Прокопович С. Н. Война и народное хозяйство. М., 1917. 214 с.; 2-е изд., доп. М., 1918. 264 с.

³ Вестник финансов. 1917. № 15.

⁴ Там же. № 42.

⁵ Русские ведомости. 1917. № 37.

⁶ Прокопович С. Н. Война и народное хозяйство. 2-е изд., доп. М., 1918. С. 53.

в день приходилась сумма бюджетных расходов в 1,8 руб., то в 1917 г. – 7,5 руб. Это увеличение шло как за счет роста численного состава армии, так и вследствие удорожания вооружения. Военные расходы легли тяжким бременем на народное хозяйство, поскольку основная масса материальных ценностей, нужных для войны, изымалась из текущего народнохозяйственного производства. Колоссальный спрос на нужды армии привел страну к бестоварью и сильному сокращению потребления продукции населением. Если потребительский фонд страны в 1913 г. принять за 100 %, то в 1917 г. он составил 47,4 %¹. Падение благосостояния имело пагубные последствия. По мнению Прокоповича, усилия пролетариата повысить материальный уровень своей жизни, не считаясь со степенью развития производительных сил страны и размерами народного дохода, дали три результата: во-первых, колоссальный рост выпуска бумажных денег и соответствующее обесценение рубля; во-вторых, разрушение дела снабжения армии и разложение военного хозяйства; в-третьих, экономический кризис весной и летом 1918 г., чрезвычайный рост безработицы и катастрофическое падение уровня заработной платы². В связи с этим вполне уместен его вывод: «Война разорила наше народное хозяйство, а государственное хозяйство привела в состояние, граничащее с банкротством. Поэтому экономическая проблема после войны станет самой неотложной. Перед нею померкнут все остальные задачи нашей национальной жизни»³.

¹ Прокопович С. Н. Война и народное хозяйство. 2-е изд., доп. С. 134.

² Там же. С. 264.

³ Там же. С. 149.

Труд Прокоповича послужил одним из источников для составления немцем Рудольфом Клаусом своей книги о народном хозяйстве России в годы войны. На это обстоятельство обратил внимание ее переводчик М. Заммель: она «является добросовестной компиляцией из разных источников, главным образом из упомянутой книги Прокоповича»¹. Тем не менее книга Клауса была переведена на русский язык и двумя изданиями вышла в Москве и Ленинграде, причем в первом случае под грифом Разведывательного управления РККА, а во втором – Воениздата в серии «Библиотека иностранной военной литературы»².

После выхода России из войны экономисты задались вопросом о путях восстановления промышленности, рассматривая ее воссоздание в контексте более общей задачи возрождения самого

государства. Уже в январе–июне 1918 г. харьковский профессор Е. И. Гриневецкий создал труд, посвященный этой теме. Автор отметил высокие темпы роста русской довоенной промышленности, запоздавшую перестройку ее в интересах обороны в начале войны, но уже с 1915 г. добившейся резкого ускорения, в связи с чем достигнутые результаты оказались «неожиданно благоприятными как для русской техники, так и для предпринимательства». Однако 1917 г. принес «разложение русской промышленности», так что «трудно было бы поверить, что она выживет». По словам Гриневецкого, ускоренный процесс крушения промышленности «начат был с первых месяцев революции не стихийно, а сознательно как всей революционной интеллигенцией, так и рабочим классом под флагом классовой борьбы с капиталом. По своим экономическим тенденциям, по своей обстановке процесс неуклонно шел в направлении разложения промышленности, и октябрьский переворот дал лишь ускоренное и более катастрофическое завершение процесса»³. Гриневецкий не только кон-

¹ Заммель М. Предисловие переводчика // Р. Клаус. Война и народное хозяйство России (1914–1917 гг.). М.; Л.: Гос. воен. изд-во, 1926. С. 10.

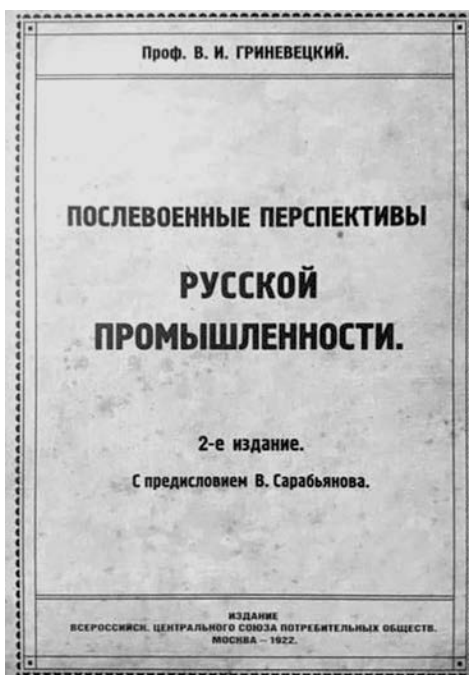
² Клаус Р. Война и народное хозяйство России (1914–1918 гг.). М.: Изд-во Разведупра Штаба РККА, 1924; Его же. Война и народное хозяйство России (1914–1917 гг.). М.; Л.: Гос. воен. изд-во, 1926. 116 с.

³ Гриневецкий Е. И. Послевоенные перспективы русской промышленности. Харьков, 1919. С. 64.

статует сложившееся состояние промышленности, но и предлагает систему мероприятий по восстановлению топливно-сырьевой базы, развитию транспорта и путей сообщения, технической модернизации производства, повышению качества и интенсивности труда, расширению промышленного рынка, территориальной оптимизации размещения предприятий.

Антисоветски настроенный харьковский ученый допускал, что в разразившейся Гражданской войне не исключен успех Белого движения: по его словам, *«многое из нашего политического будущего представляется загадочным»*. Тем не менее тенденции развития в недавнем прошлом российской промышленности были представлены Гриневецким столь выпукло, а рекомендации по ее послевоенному восстановлению так обоснованны и убедительны, что Советская власть в 1919 г. сочла возможным работу издать, а в 1922 г. даже переиздать¹. Объясняя необходимость повторного выпуска книги, автор предисловия – философ, историк и экономист, сотрудник газеты «Правда» В. Н. Сарабьянов, раскритиковав Гриневецкого за его ожидания «прихода буржуазной власти», в то же время отметил, что книга университетского профессора *«в своей узко-экономической части не только не устарела, но приобрела особую свежесть вместе с переходом нашей республики на новые рельсы вместе с переносом центра тяжести из сферы военной обороны в сферу хозяйственного наступления»*².

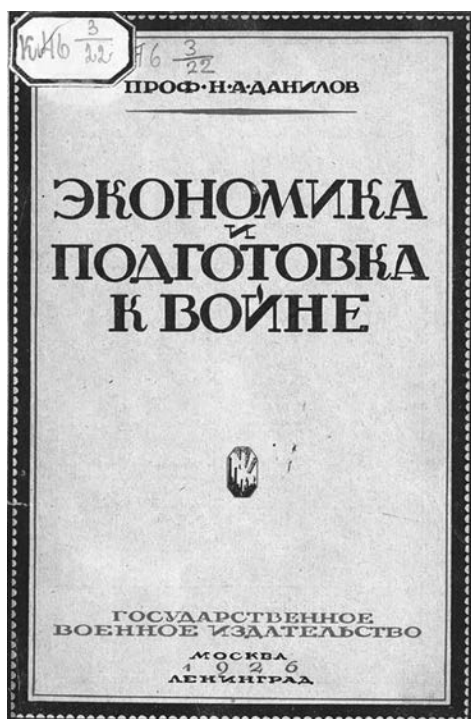
Практически одновременно вышло в свет исследование о российской военной экономике, подготовленное Н. А. Даниловым³. Он окончил Николаевскую академию Генерального штаба, участвовал в Русско-японской войне, прошел все ступени карьерной лестницы, был профессором Николаевской академии Генерального штаба, в годы войны командовал корпусом и армией, имел чин

¹ Гриневецкий Е. И. Послевоенные перспективы русской промышленности / предисл. М. Сарабьянова. 2-е изд. М.: Изд-во Всерос. Центр. союза потреб. о-в, 1922. 103 с.

² Сарабьянов В. Предисловие / Е. И. Гриневецкий. Послевоенные перспективы русской промышленности. 2-е изд. С. П.

³ В российской армии одновременно служили генералы с одинаковой фамилией – Данилов. Чтобы различать, их полуофициально именовали: Николая Александровича – Даниловым-рыжим; Сергея Александровича – Даниловым-белым, Юрия Никифоровича – Даниловым-черным.

генерала от инфантерии. Добровольно вступил в РККА, был деканом военно-экономического факультета Военно-инженерной академии и профессором Военной академии РККА.

В силу служебных обязанностей Н. А. Данилов в 1920/21 учебном году прочитал слушателям курс лекций о военной экономике России¹, переросший впоследствии в развернутую монографию². Объясняя мотивы ее публикации, редколлегия сочла нужным признать *«большой практический опыт автора в вопросах военной администрации и военного хозяйства»* и оценить книгу как *«полезную попытку свести воедино исследование различных отраслей экономической подготовки к войне»*³. У редколлегии были все основания рассматривать труд в качестве практического руководства по мате-

риально-технической подготовке страны к предстоящим в будущем военным конфликтам. Это назначение вытекает из самого замысла книги: исходя из опыта Первой мировой войны дать ответы на вызовы, которые неминуемо поставят неизбежные в будущем военные конфликты. Н. А. Данилов отмечает, что *«страна не знает дня и часа, когда наступит для нее испытание, и должна быть готова встретить его и пережить с теми данными, которыми будет располагать в день возникновения войны. Следовательно, принимая меры к повышению экономической мощи страны, необходимо постоянно координировать их и вести по определенному плану»*⁴. Следуя этому справедливому принципу, Н. А. Данилов представляет свое видение путей разрешения в случае войны ряда важнейших и неотложных проблем, включая обеспечение сношения страны с внешним миром, мобилизацию экономического потенциала страны, рациональное использование людских ресурсов, продовольственное снабжение, обеспечение армии оборонной продукцией фабрично-заводской

¹ Данилов Н. А. Влияние великой мировой войны на экономическое положение России: Лекции, читанные в Военно-инженерной академии в 1920–1921 учебном году. Пг.: Гос. изд-во, 1922. 95 с.

² Данилов Н. А. Экономика и подготовка к войне: очерки по истории подготовки к войне. М.; Л.: Гос. воен. изд-во, 1926. 195 с.

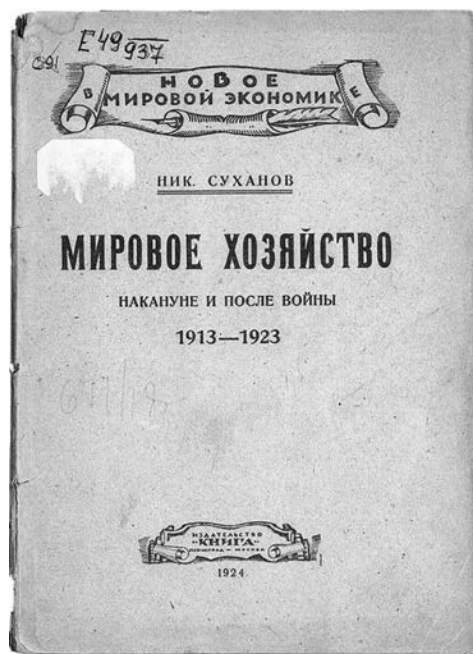
³ От редакции // Н. А. Данилов. Экономика и подготовка к войне: очерки по истории подготовки к войне. С. 9.

⁴ Данилов Н. А. Экономика и подготовка к войне: очерки по истории подготовки к войне. С. 188.

промышленности, работу транспортной системы. Он призывает не забывать опыт Первой мировой войны: «Огромные естественные богатства России, затронутые войной далеко не в такой степени, как на западе, давали ей все возможности жить, несмотря на войну, но отсутствие экономической подготовки к войне и, в особенности, подготовки транспорта, поставило эксплуатацию этих богатств в такие тяжёлые условия и предъявило народу такие колоссальные требования, которые оказались непосильными и привели к экономической катастрофе»¹.

Автором ряда книг был Н. Н. Суханов. Участник революционного движения, меньшевик, но в 1920 г. порвал с меньшевистской партией и пытался вступить в РКП(б), однако не был принят. Работал в советских учреждениях в Москве и за границей, редактировал экономические журналы при торгпредствах СССР в Германии и Франции. В 1930 г. арестован, в 1940 г. по приговору военного трибунала расстрелян. Посмертно реабилитирован. Вопросы военной экономики Суханов рассмотрел в первых двух главах книги «Мировое хозяйство накануне и после войны»².

Н. Н. Суханов полагал, что в развитии капитализма переломным моментом стал «рубеж XX столетия, когда были исчерпаны “свободные” территории планеты. Теперь, при всякой попытке расширения страны “высокого капитализма” должны были неизбежно сталкиваться одна с другой. Расширяться территориально уже было некуда, кроме как друг на друга»³. Но этот конфликт объективно вызывался не противоречиями по поводу колониального раздела мира, ибо роль колоний в экономическом росте империй была невелика. Только Англия, отмечает Суханов, сбывала в свои колониальные владения более четверти своего экспорта. Континентальные соперники Англии, особенно Германия с ее бурно растущим экспортом, не имели в колониях никакого рынка. Зачем же тогда велась борьба за колонии, если из них почти ничего взять и туда почти ничего нельзя сбывать, — ставит вопрос Суханов. Его ответ двоякий. С одной стороны, «это логика положения капитала, нуждающегося в сбыте,

¹ Данилов Н. А. Экономика и подготовка к войне: очерки по истории подготовки к войне. С. 195.

² Суханов Н. Н. Мировое хозяйство накануне и после войны: 1913—1923: попул. очерк. Л.; М.: Изд. т-во «Книга», 1924. 108 с.

³ Там же. С. 11.

как в воздухе: захватить до конца все, что можно. Во-вторых, интерес заключается не столько в результатах колониальной политики, сколько в процессе ее». Суханов имеет в виду, что колониальная политика, инспирируемая монополиями, «нуждается в армии, в пушках и броненосцах, в стратегических железных дорогах и т. д. Колониальная политика форсирует международный милитаризм»¹. С другой же стороны, «главная суть в том, что финансовый и трестированный капитал передовых стран питается не своими (не благоприобретенными и политически закрепленными), а именно чужими рынками... Германия, не имевшая почти никакого сбыта в собственных колониях, обычно хозяйничала в чужих»². Отсюда и поползновения на чужие колониальные владения. Параллельно экономические противоречия проявили себя и на европейских рынках. Здесь Англия размещала около одной пятой экспорта, Франция и Германия – более трех четвертей каждая. Конкуренция представлялась нестерпимой.

Анализ «экономических интересов» главнейших стран привел Суханова к выводу о том, что «окончательный раздел мира вовсе не послужил источником конфликта. Наступление национальных капитализмов друг на друга не было порождено невозможностью каждого из них распространяться вширь. Мировой конфликт начался до раздела земного шара и протекал независимо от него»³. По его мнению, конкурирующие национальные капиталистические сегменты в процессе развития начали переводить экономическую борьбу в политическую, что подтолкнуло к созданию «атрибутов войны»: оккупационных и экспедиционных отрядов, пушек, броненосцев и т. п. А это, заключает Суханов, «создавало для национальных капиталов такие внутренние рынки, из-за которых был расчет выдумывать всякие “насуущные нужды” и “жизненные национальные интересы” там, где их нет и признака»⁴. Последнее и привело к мировой войне, которая, по словам Суханова, оставила немалое наследство: оно заключается в непосредственных результатах самого факта войны, т. е. в разрушении богатства. Военное производство имело особый смысл: подавляющая доля всей продукции была предназначена для непроизводительного потребления, только для того, чтобы лагерь выигравших войну «выведением из строя тех или иных национальных капитализмов должен был добыть себе необходимый простор под солнцем и обеспечить себе дальнейшее существование в лице победивших национальных частей»⁵.

Влияние экономики на исход войны в своей книге рассмотрел П. Шаров⁶. Ей в свое время придавали особое значение. Это видно из предисловия, в ко-

¹ Суханов Н. Н. Мировое хозяйство накануне и после войны: 1913–1923: попул. очерк. С. 12–13.

² Там же. С. 13–14.

³ Там же. С. 18.

⁴ Там же. С. 19.

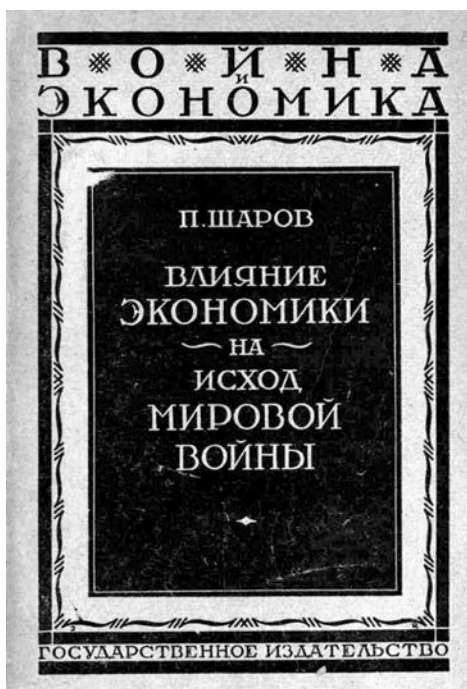
⁵ Там же. С. 41.

⁶ Шаров П. Влияние экономики на исход мировой войны 1914–1918 гг. / предисл. В. Е. Гарфа; М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. 174 с.

тором его автор В. Е. Гарф утверждал: «Появление в свет труда тов. Шарова, широкое его распространение не только среди специалистов – военных, но, как сказали бы, главным образом среди широкого круга работников гражданского государственного аппарата и среди общественных организаций принесет несомненную пользу»¹. Гарф, занимая видное место в военной иерархии, отражал официальную точку зрения: реконструкцию и индустриализацию народного хозяйства следовало проводить с учетом интересов обороны страны, и опыт экономической политики времен Первой мировой войны приобретал первостепенное значение.

В своем труде П. Шаров показал экономический размах мировой войны, поглощавшей ресурсы в таких масштабах, что «накопление ценностей в Европе почти прекратилось. Все производство было направлено на истребление и разрушение. Уничтожалась огромная доля веками накопленных богатств. Четыре года наиболее культурная “цивилизованная” большая часть мира со всей своей неисчерпаемой энергией продолжала чудовищную оргию разрушения. Оказалось, что физически нельзя уничтожить целые народы с десятками миллионов людей, со всей их материальной и духовной культурой, – но возможно сковать их экономически и заставить жить так и постольку, поскольку позволяет страна, господствующая в экономике»². Отсюда вытекало, что войны, сколь бы кровопролитными они ни были, полностью уничтожить народы не могут, но проигравшие окажутся под экономическим диктатом победителей.

П. Шаров на основе анализа многочисленных статистических данных оценил состояние предвоенной и военной экономики участвовавших в войне стран. Относительно России он пришел к выводу, что «усилия, производимые Россией для создания колоссальной армии, не были согласованы с усилиями тыла. Эти два приложения сил, составляющих одно целое в современной войне, были разорваны, что и привело к крупному поражению и экономическому развалу»³. С внутренними противоречиями столкнулось и народное хозяйство Германии: были нарушены нормальные для довоенной экономики связи

¹ Гарф В. Предисловие // П. Шаров. Влияние экономики на исход мировой войны 1914–1918 гг. С. 6.

² Шаров П. Влияние экономики на исход мировой войны 1914–1918 гг. С. 19, 21.

³ Там же. С. 54.

между промышленностью и сельским хозяйством. Во время войны не прекратилась конкуренция между отдельными монополистическими объединениями и неорганизованными предпринимателями, что затрудняло плановость военного хозяйства и максимальное извлечение материальных ресурсов внутри страны. Замкнутое положение Германии нарушило сложившиеся отношения международного обмена, это привело к противоречиям с теми группами капиталистов, интересы которых были задеты нарушением международных связей. В сельском хозяйстве *«борьба с продовольственными затруднениями нигде не принимала такой отчаянной формы, как в Германии... Только жесткая, строгая система планирования продовольственного дела (потребления)... и эксплуатация занятой германцами Румынии помогли Германии не дойти до катастрофического голода, хотя все симптомы его были налицо»*¹. Экономическое положение Франции и Англии было несравнимо лучше. Шаров отмечает: *«Англия умело подошла к вопросу усиления экономической мощи своей страны в войне. Национализацией всех угольных копей и умелой плановой перевозкой и распределением угля сэкономлено 700 миллионов тонн-милей. Такое достижение в условиях капиталистического хозяйства говорит о высоких возможностях правильной организации в любой отрасли народного хозяйства»*². Правильная организация производства принесла впечатляющие результаты. По словам П. Шарова, *«производство материального и боевого снабжения войны в Англии, находившееся в начале войны на более низкой ступени, чем в Германии и даже Франции, со второй половины войны получило такое развитие, что ко времени наступления германцев в апреле 1918 г. всякая убыль практически замещалась в течение двух недель полностью»*³. Это, по мнению Шарова, сыграло решающую роль в победе: *«Англия... своей экономикой, огромным военным производством, обеспечивающим материальное снабжение операций, сыграла более решающую роль в исходе мировой войны, чем живыми силами»*⁴.

Рассмотрев развитие военной экономики ряда других стран, включая США, и сформулировав выводы, вытекающие из уроков Первой мировой войны, Шаров предложил ряд мер по укреплению обороноспособности СССР. По его мнению, гражданская промышленность должна быть подготовлена к работе в военных условиях, для этого необходимо обеспечить возможность перехода большинства отраслей промышленности с производства предметов гражданского потребления на предметы чисто военного назначения; снабдить промышленность собственным оборудованием и сырьем с исключением зависимости от зарубежного привоза; нормализовать и стандартизировать производства, что уменьшит зависимость от квалифицированной рабочей силы и облегчит военную мобилизацию населения; организовать правильное размещение про-

¹ Шаров П. Влияние экономики на исход мировой войны 1914–1918 гг. С. 84.

² Там же. С. 114–115.

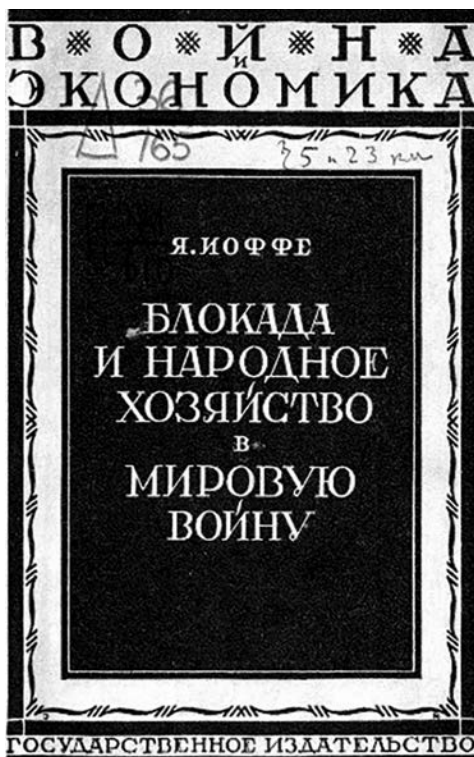
³ Там же. С. 115.

⁴ Там же. С. 116.

мышленности с учетом, во-первых, опасности захвата промышленных районов противником, во-вторых, связанности всей экономической системы и наибольшего благоприятствования вероятным театрам военных действий. Помимо этого, П. Шаров обращает внимание на необходимость развития транспортной инфраструктуры, а также индустриализации сельского хозяйства. Завершая труд, П. Шаров призвал использовать опыт Первой мировой войны, чтобы встретить возможную новую войну «во всеоружии подготовленного плана и предвидения». Эту задачу он и решает своей книгой.

В годы Первой мировой войны Англия и ее союзники по Антанте организовали экономическую блокаду Германии, которая, в свою очередь, ответила неограниченной подводной войной. Я. А. Иоффе показал, какое воздействие на экономику Германии и Англии оказали эти методы¹. Их использование было признано необходимым после того, как в ходе войны стало очевидным, что расчет на быстрый разгром противника военными силами не оправдался, и пришло осознание возможности достижения успеха подрывом народного хозяйства противостоящей стороны. В связи с этим Иоффе отметил: «Война твердо установила положение, что разрушение народного хозяйства воюющей стороны тем самым уничтожает и его армию, ибо в условиях современной войны обороноспособность страны и боеспособность армии целиком зависят от основных источников вооружений, державы были к хозяйственной самообороне совершенно не готовы, и даже Германия, которая учла все перспективы будущей войны с наибольшей тщательностью, рассчитывая закончить войну в шесть недель, была подготовлена только в финансовом, но не в хозяйственном отношении»².

Было признано, что основной задачей по разрушению германского хозяйственного потенциала являются подрыв снабжения и дезорганизация промышленности Германии путем уничтожения ее внешней торговли. Это предусматривало проведение планомерной и всеобъемлющей блокады. Полную изоляцию Германии должны были обеспечить уничтожение хозяйственных связей между странами Антанты и Централь-

¹ Иоффе Я. А. Блокада и народное хозяйство в мировую войну: очерк. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. 224 с.

² Там же. С. 29–30.

ными державами, а также воспрепятствование снабжения Германии нейтральными странами. Англия начала с того, что рядом законодательных актов под страхом судебного преследования запретила своим гражданам и фирмам всяческие экономические и финансовые отношения с неприятельскими подданными. Была прекращена торговля с фирмами, находившимися в нейтральных странах и попавшими в черные списки за связь с неприятелем. Эти меры привели к уничтожению германской внешней торговли. Примеру Англии последовали Франция и Италия.

Из анализа соответствующих статистических данных Иоффе делает вывод: *«Только на основе одного факта состояния войны с большим количеством государств, благодаря прекращению торговли с ними, импорт в Германию должен был снизиться на 30 % своего довоенного размера»*¹. Однако оставались еще нейтральные страны, но поставки из них или через них также пресекались: все торговые суда досматривались английским военно-морским флотом, даже если это было связано с нарушением норм международного права. Иоффе подробно рассматривает систему английского контроля за морскими перевозками. В конечном счете, по словам Я. А. Иоффе, *«союзники, не считаясь ни с правом, ни со справедливостью, упорно, систематически создавали такую обстановку для своего противника, при которой мощная промышленная и торговая страна не только не могла помышлять о снабжении из заокеанских стран, но должна была бороться за возможность торговых отношений со своими ближайшими нейтральными соседями»*². Тем не менее основной цели экономической войны – абсолютной хозяйственной изоляции Германии – союзники не достигли. Тем более что Германия никогда не была целиком отрезана от остального мира. Ею был захвачен ряд областей в Бельгии, Франции, России, доставлявших сырье и продовольствие. Поражение Румынии принесло Германии нефть и хлеб. Но кардинально положение не улучшилось, и германское правительство было вынуждено ввести чрезвычайные меры для снабжения населения продовольствием по весьма скудным нормам – в 1917 г. Германия переживала явный голод. Ее ответом была подводная война.

В отличие от британской надводной войны Германия, учитывая английскую зависимость от ввоза сырья и продуктов питания, попыталась организовать подводную блокаду Великобритании. В том же, что Германия не достигла решающего результата, полагает Иоффе, сыграло роль главное обстоятельство – *«колеблющаяся позиция германского правительства, хотевшего пролезть в слишком узкую щель между стремлением парализовать морскую торговлю Англии и желанием предотвратить разрыв с нейтралами, в первую очередь с Соединенными Штатами, страдавшими от действий подводных лодок»*³. Хотя подводные лодки и нанесли существенный урон английскому судоходству, решающего успеха они не добились. Иоффе приводит на этот счет под-

¹ Иоффе Я. А. Блокада и народное хозяйство в мировую войну: очерк. С. 43–44.

² Там же. С. 73–74.

³ Там же. С. 170.

робнейшие материалы и делает вывод: «Несмотря на огромную угрозу, создаваемую подводной блокадой, в Англии не наступило голода и не произошла остановка промышленности из-за нарушения ее торговли. Подводной блокаде не удалось также вызвать дезорганизации английского народного хозяйства»¹. Более того, гибель американских граждан на потопленных немцами пассажирских кораблях склонила общественное мнение и президента США к объявлению 17 апреля 1917 г. войны Германии.

Завершает работу актуально звучащее предостережение: экономическая блокада представляет собой оружие, которое при будущих конфликтах будет, без сомнения, применяться, а потому опыт подвергнутых хозяйственной блокаде в мировую войну 1914–1918 гг. Англии и Германии заслуживает внимательного анализа.

Изучение экономической составляющей Первой мировой войны не уходило из поля зрения научных учреждений РККА почти до начала Второй мировой войны. Об этом свидетельствует издание в 1938 г. Академией Генерального штаба труда Г. И. Шигалина, раскрывающего эту тему². Об авторе данной книги сохранилось мало сведений. Известно только, что он имел звание полковника интендантской службы, состоял в Военной академии тыла и снабжения имени В. М. Молотова, был награжден орденом Ленина – высшей в то время наградой. В годы Великой Отечественной войны был удостоен ордена Красного Знамени. В своей работе Шигалин раскрыл весь комплекс действий, составлявших содержание продиктованной обстоятельствами войны государственной экономической политики. Он показал требования к экономике в связи с характером войны 1914–1918 гг., результативность мобилизационных мероприятий в области промышленности, особенно военных производств, состояние металлургической и топливной отраслей, достаточность снабжения сельскохозяйственной продукцией и продовольствием, место внешней торговли в восполнении недостатка вооружения и материалов.

Базовым положением анализа Шигалина стало утверждение, что мировая война 1914–1918 гг., несравнимая с войнами прошлого по масштабам применения сложной военной техники и по характеру боевых операций, впервые потребовала поставить на обслуживание фронтов материально-техническими ресурсами не какую-либо часть экономики, а все народное хозяйство воюющих стран в целом. Уделив значительное внимание военной экономике царской России, Шигалин вместе с тем не избежал идеологических шаблонов. По его утверждению, без Великой Октябрьской социалистической революции Россия превратилась бы в полуколонию передовых капиталистических держав, разделив участь других отсталых стран. В то же время приведенные в работе данные свидетельствуют о значительном росте народного хозяйства государства. За 1900–1913 гг. возрастание валового сбора хлеба составило от 3,7 до 5 млрд пудов, выплавка

¹ Иоффе Я. А. Блокада и народное хозяйство в мировую войну: очерк. С. 217.

² Шигалин Г. И. Экономика мировой империалистической войны 1914–1918 гг. М.: Акад. Ген. штаба РККА, 1938. 200 с.

чугуна – от 164 до 283 млн пудов, добыча угля – от 853 до 2214 млн пудов, грузооборот железных дорог – от 3,7 до 7,9 млрд пудов, экспорт всех товаров – от 627 до 1520 млн руб. В целом промышленная продукция выросла на 219 %. Индустриальный подъем продолжался до начала Первой мировой войны. Тем не менее Россия оказалась не подготовленной к ведению длительной войны, а промышленность – к переходу на режим военного производства. Весной 1915 г. обнаружился кризис боевого снабжения армии, который явился одной из причин отступления русских войск по всему фронту. Нараставшее по всем направлениям падение производства привело к полному развалу народного хозяйства.

Общий вывод Шигалина сводится к констатации, что в условиях длительной войны с применением на фронте миллионных армий, оснащенных высококачественной военной техникой и поглощающих огромное количество различных изделий военного назначения, необходима мобилизация всех экономических ресурсов страны. Это возможно при наличии высокоразвитой промышленности, обеспечивающей своевременное и качественное воспроизводство орудий войны. Война вскрыла слабые экономические и политические стороны дореволюционной России, показала, что в условиях высокотехнического характера мировой войны были необходимы более высокий уровень развития производительных сил и технико-экономическая независимость от других стран.

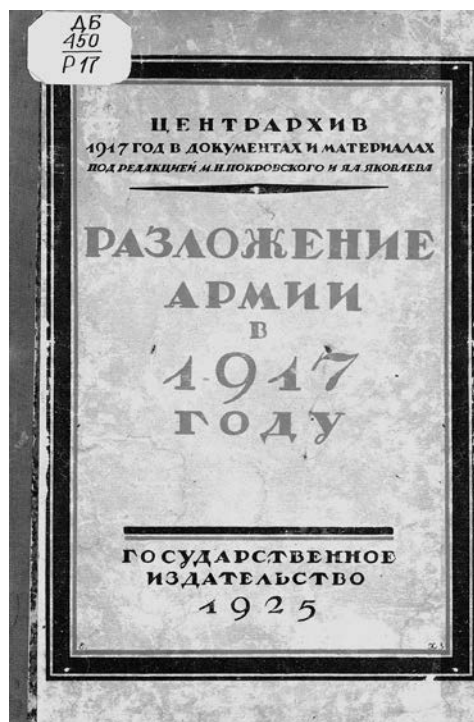
5.5. Война, революция и новый мировой конфликт

С 1920-х годов гражданскими историками-марксистами начал активно продвигаться взгляд на мировую войну как на декорацию кризисных явлений, поразивших Россию еще в довоенные времена. В то же время фактор войны в данном вопросе было трудно игнорировать, и на этом пути перед ними встала задача осуществить его особое, марксистское прочтение. Это и сделал лидер советских историков-марксистов М. Н. Покровский. По его мнению, с одной стороны, Россия вступила в мировую войну в интересах прежде всего торгового капитала, тогда как промышленная буржуазия *«появилась на патриотической дороге лишь постепенно, когда выяснилось, до какой степени сама война является выгодным предприятием»*¹. С другой стороны, столкновение их интересов привело к внутривнутриполитическому кризису в стране – торговая буржуазия склонялась к миру с Германией, промышленная же требовала войны до победы, даже путем смены режима. Их борьба и спровоцировала Февраль. *«Мы ничего не поймем в Февральской революции 1917 г., если позабудем, что ее исходной точкой была война»*, – писал М. Н. Покровский². Концепция Покровского на десятилетия вперед стала господствующей в советской историографии, а «загнивание самодержавия» и его историческая предопределенность – одними из излюбленных ее сюжетов.

¹ Покровский М. Н. Очерки русского революционного движения XIX–XX вв. М.: Красная новь, 1924. С. 185.

² Покровский М. Н. Октябрьская революция: сб. ст., 1917–1927 / Ком. акад., О-во историков-марксистов. М.: Изд-во Ком. акад., 1929. С. 109.

Разложение (о нем вспоминали все царские военачальники), поразившее армию накануне и ускоренно продолжавшееся после победы Февральской революции 1917 г., увеличивало шансы на успех планировавшейся большевиками пролетарской революции, которая могла бы использовать в своих интересах политизированные воинские контингенты: привлечению армии на сторону революции придавалось важное значение. Поэтому исследователи в Советской России пристальное внимание уделяли изучению состояния армии с точки зрения вовлечения ее в революционный процесс. Чтобы показать распад армии как фактор политизации страны, выпустили сборник документов¹, затем последовали исследования Р. П. Эйдемана и В. А. Меликова², О. Н. Чаадаевой³, В. И. Яковлевой⁴.

Книги этих авторов, написанные на основе изданных документов, были призваны продемонстрировать, что острая нехватка вооружения, боеприпасов и продовольствия, тяжелые потери в боях, раздражение бедствиями семей фронтовиков, недовольство властью и командованием накануне революций 1917 г. содействовали разложению солдатской массы, что выразилось в падении дисциплины и боеспособности, массовом дезертирстве, случаях братания с врагом, а в конечном итоге привело к прекращению существования армии как вооруженной силы государства. Но лейтмотивом книг Р. П. Эйдемана, В. А. Меликова, О. Н. Чаадаевой было не столько сохранение исторической памяти путем воспроизведения политического поведения армии в войне, сколько демонстрация роли большевистской партии в разрушении российской армии, что большевикам представлялось необходимым для успеха революции. В. И. Яковлева в упомянутой выше книге приводит большую подборку антивоенных документов международных социалистических конференций, решений РСДРП и местных партийных организаций, в том числе адресованных непосредственно солдатам. Р. П. Эйдеман и В. А. Меликов также сообщают: «Большевистская

¹ Разложение армии в 1917 году / Центрархив; подгот. к печати Н. Е. Какуриным; предисл. Я. А. Яковлева. М.; Л.: Гос. изд-во, 1925. 190 с.

² Эйдеман Р. П., Меликов В. А. Армия в 1917 году. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. 107 с.

³ Чаадаева О. Н. Армия накануне Февральской революции. [М.; Л.]: Соцэкгиз, 1935. 79 с.

⁴ Яковлева В. И. Империалистическая война и большевики: очерки и материалы. Иваново-Вознесенск: Основа, 1924. 104 с.

партия с первых дней Февральской революции поставила вопрос об организации работы среди армии... Основная задача большевистских военных организаций заключалась в том, чтобы как можно скорее вырвать армию из-под влияния буржуазных и мелкобуржуазных партий»¹. В июне 1917 г. в Петрограде большевики собрали конференцию фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП(б).

Рассказывая о ней, Эйдеман и Меликов излагают содержание резолюции по текущему моменту: *«Продолжать самую энергичную агитацию против империалистической войны, не допускать, чтобы буржуазия с соглашателями, найдя удобный момент и предлог для разоружения рабочих, тем самым обезоружила революционные полки Петрограда, Москвы и других городов, и всеми силами готовить пролетариат и революционную армию к новому этапу революции – к захвату власти пролетариатом с помощью и при поддержке беднейшего крестьянства»². И эта агитация проводилась. Авторы сообщают, что, по данным военного бюро при Московском комитете большевиков, в мае и июне 1917 г. в действующую армию ежедневно отправлялось бесплатно до 3000 газет и более 1000 брошюр. Поскольку, за редким исключением, посылки пропадали, большую часть литературы стали передавать солдатам-фронтовикам через их делегатов, а также посылать с маршевыми ротами, отправлявшимися на фронт. Агитация, утверждают авторы, возымела свое действие: армия к октябрю–ноябрю 1917 г. была уже наполовину большевистской³. С победой Октябрьской революции армия, с которой Россия вела мировую войну, была распущена.*

Для понимания замысла названного раньше труда О. Н. Чаадаевой «Армия накануне Февральской революции» следует иметь в виду, что после победы Октябрьской революции и установления в России Советской власти РКП(б) настойчиво продвигала идею мировой революции. Для ее осуществления в 1919 г. был создан Коммунистический интернационал (Коминтерн), функционировавший в 1919–1943 гг. Поскольку попытки Коминтерна организовать восстания в других странах с целью установления мировой диктатуры пролетариата и создания Всемирного Союза Социалистических Советских Республик потерпели полный провал, в середине 1930-х годов лозунг мировой революции был снят, по крайней мере в открытой пропаганде. Но до этого момента литература, имевшая отношение к революционным процессам в России, а затем и к внешней политике СССР, была пропитана прямыми призывами к свержению капитализма во всем мире.

Наглядным примером и может служить книга Чаадаевой, идеологической базой которой является установка, сформулированная автором на основе решений состоявшегося в 1928 г. VI конгресса Коминтерна: *«Если разразится война, руководящим положением для всех компартий капиталистических стран*

¹ Эйдеман Р. П., Меликов В. А. Армия в 1917 году. С. 51–52.

² Там же. С. 68.

³ Эйдеман Р. П., Меликов В. А. Армия в 1917 году. С. 87–88, 102.

явится положение об использовании войны и создаваемых ею трудностях в революционных целях». Подтверждение исторической обоснованности этого призыва О. Н. Чаадаева стремилась найти в недалеком по тому времени прошлом: «Показ революционной борьбы солдат царской армии является одним из наиболее ярких подтверждений лозунга о превращении империалистической войны в гражданскую»¹. Чаадаева объективно освещает усугубившиеся в ходе войны недостатки в снабжении оружием, боеприпасами и продовольствием, массовые потери убитыми, ранеными и пропавшими без вести, расстройство транспорта. На совещании в Ставке 18 марта 1917 г. отмечали: «Запасов в стране для полного продовольствия армии недостаточно», прогнозировали «производство снарядов (крупных калибров), патронов, ружей и орудий значительно понизится», железнодорожный транспорт «находится в значительном расстройстве... состояние железных дорог не допускает одновременных больших оперативных перевозок и подачи на фронт нужных запасов»².

Множество подобных фактов дают возможность заключить: «Под влиянием поражений 1914–1915 гг. солдаты делают два основных вывода: с врагом справиться нелегко; при порядках, царящих внутри страны и на фронте, Россия вообще не может рассчитывать на победу. Да нужна ли эта победа?»³ Чтобы подвести к желаемому ответу, Чаадаева приводит цитаты из писем солдат, выражавших недовольство фронтовыми тяготами и потерями: «На нашем участке в последнем бою потеряно 10 тыс. человек, а сделано что? <...> Шли и умирали, а что за это? Ничего»⁴. Отсюда революционное брожение в армии, вследствие которого в Февральскую революцию солдаты имели, как утверждает Чаадаева, значительный опыт революционной борьбы по превращению империалистической войны в гражданскую. Когда же победила Октябрьская революция, разложение старой русской армии было завершено самой Советской властью.

Подписанный В. И. Лениным, Н. В. Крыленко, Н. И. Подвойским и другими «Декрет о выборном начале и об организации власти» от 16 декабря 1917 г.

¹ Чаадаева О. Н. Армия накануне Февральской революции. С. 4–5.

² Разложение армии в 1917 году. С. 10.

³ Чаадаева О. Н. Армия накануне Февральской революции. С. 44.

⁴ Там же. С. 63.

предписывал: *«Вся полнота власти в пределах каждой войсковой части и их соединений принадлежит соответствующим солдатским комитетам и Советам». «Вводится выборность командного состава и должностных лиц. Командиры, до полкового включительно, избираются общим голосованием своих отделений, взводов, рот, команд, эскадронов, батарей, дивизионов и полков. Командиры, выше полкового до Верховного главнокомандующего включительно, избираются соответствующими съездами или совещаниями при соответствующих комитетах». «Командующие армиями избираются армейскими съездами. Командующие фронтами избираются фронтовыми съездами»¹.*

Эта беспредельная демократия окончательно подорвала способность армии воевать. Как решали солдатские комитеты вопросы боевых действий, видно из документов: 5 января 1918 г. солдаты 56-го Сибирского стрелкового полка приняли резолюцию, в которой заявили: *«Мы, солдаты 56 Сибир. стр. полка, 5 января с. г. на общем собрании ротных командных и полковых комитетов, обсудив вопрос о положении нашего полка, решили поставить в известность... что 56 сибир. полк ввиду малочисленности солдат и заболеваний от недоедания пищи, стоять больше не в силах, а чтобы не оставить фронт открытым, постановили от каждой роты выделить по 10 солдат, которыми и занять участок 56 Сибир. стр. полка; притом требуем во что бы то ни стало, чтобы смена была не позднее 20 января; если не будет до означенного числа смены, то фронт будет открыт»².* Нет сомнения, что в подобных случаях, а они были массовыми, рассчитывать на успех не приходилось. Подчеркнуть эту сторону военной реальности и было задачей названных трудов о разложении русской армии в 1917 г.

Пришедшие к власти большевики попытались дать свое обоснование причин войны, показать отношение к ней европейских социалистов и российских большевиков, объяснить ее результаты и оценить Версальский договор. Одним из первых взялся за решение этой задачи И. П. Флеровский. Он с 1905 г. являлся членом РСДРП, участвовал в революции 1905–1907 гг., несколько лет отбывал ссылку, вернулся после Февральской революции, между двумя русскими революциями работал в Кронштадтском комитете РСДРП(б) и Президиуме Совета, был членом Петроградского совета, во время Октябрьской революции входил в состав Петроградского Военно-революционного комитета. Был комиссаром Балтийского флота. В 1920–1930-е годы являлся редактором нескольких советских газет и журналов, был заведующим отделом ТАСС. Имея некоторый опыт журналистской работы, он взялся и за написание труда о войне, который вышел в 1924 г.³

Определяя причины войны, И. П. Флеровский писал: *«Вопрос о том, кто виноват больше и кто первый начал войну, – пустой вопрос. Виноваты все империалисты, и все они вкуне ответственны за многомиллионные жертвы войны...*

¹ Разложение армии в 1917 году. С. 174.

² Там же. С. 177.

³ Флеровский И. Мировая война. М.: Гос. изд-во, 1924. 98 с.

*И если бы Германия не начала войны в 1914 году, то в следующем году ее начала бы Англия, Россия и Франция»*¹. Касательно отношения к войне европейских социалистических партий позиция Флеровского созвучна ленинским оценкам: *«Социалисты, грозившие войне, социалисты, призывавшие трудящихся в случае войны к восстанию, социалисты, отвергавшие кредиты на войну, – в роковой день прихода мировой войны круто изменили прежним решениям и призывам и позвали рабочих вместо революции – в окопы “оборонять отечество”, предложили трудящимся установить мир с виновниками войны – отечественными капиталистами, – проголосовали за все кредиты на войну... Свершилась великая измена рабочему делу, гнуснейшее предательство рабочих масс социалистическими вождями»*². Лишь Ленин и ведомые им большевики ориентировали массы на превращение империалистической войны в гражданскую и осуществление социалистической революции.

Собственно, весь дальнейший текст сведен к изложению в этом контексте событий, касающихся Февральской и Октябрьской революций. О Брестском мире сказано, что он *«был подписан под угрозой немецких пушек революционной, но безоружной, без армии Советской Россией»*, при этом *«наша делегация его даже не стала читать и не обсуждала»*³. Чем занималась советская делегация в Брест-Литовске с 20 ноября 1917 г., когда начались переговоры, до 3 марта 1918 г., когда договор был подписан, автор не указывает. Осудив условия Версальского мира, Флеровский сообщает и о стратегическом плане Коминтерна, который на съезде в Москве 5 июля 1924 г. принял манифест, в котором призвал трудящихся бороться против войны: чтобы ее избежать, *«надо взять в свои руки власть, надо объединить европейское хозяйство, надо направить его на путь социализма... Овладев властью, рабочий класс объединит государства в Рабоче-Крестьянские Соединенные Штаты Европы»*. Коминтерн определил и методы достижения этой цели: *«Этот призыв равен силён призыву к восстанию, к ниспровержению власти капитала, к социальной революции»*⁴.

Труд И. П. Флеровского открыл новое направление в исторической литературе: в пропагандистских целях отменялись объективные оценки событий и политики дореволюционной России, война рассматривалась под углом зрения перерастания ее в революцию. В других работах Первая мировая война анализировалась именно в таком ключе.

К десятилетию мировой войны издали брошюру Я. И. Буклера *«Юбилей бойни и разрушения»*⁵. В ней в полной мере реализован подход Коммунистической партии к анализу причин и результатов войны в переложении для масс.

¹ Флеровский И. Мировая война. С. 22.

² Там же. С. 27–28.

³ Там же. С. 58.

⁴ Там же. С. 96, 98.

⁵ Буклер Я. И. Юбилей бойни и разрушения (к десятилетию мировой империалистической войны). [Гомель]: Изд-во Гомел. губкома РКП, 1924. 55 с.

Автор говорит: *«Незачем задаваться вопросом, кто из буржуазных правительств является виновником войны. Вся буржуазия, весь класс капиталистов и помещиков, все их буржуазные правительства одинаково ответственны за мировую бойню»*¹. Англо-германское и франко-германское колониальное, территориальное и экономическое соперничество, как и стремление России к захватам на Ближнем Востоке, привели к образованию противоборствующих Тройственного союза и Тройственного согласия, стремившихся к разрешению противоречий путем войны. Для нее нужен был предлог, и им стало убийство австрийского наследника в Сараево. Предотвратить войну могла только революция, но руководство Второго интернационала, возглавлявшего мировое социалистическое движение, вопреки собственным довоенным пацифистским решениям, изменило рабочему делу. Социалисты, вступив в буржуазные правительства и объявив «гражданский мир», поддержали буржуазию. Патриотический дурман усиленно распространялся по всему миру и охватил миллионы людей. Началась пляска смерти и разрушения. Пушечные короли и спекулянты, *«прилагали все усилия к тому, чтобы война все больше затягивалась»*. Лишь немногие, *«к этим немногим принадлежали наши русские большевики во главе с т. Лениным, а за границей Карл Либкнехт, Роза Люксембург и некоторые другие отдельные социалисты»*, героически восставали против войны. В ней особенно жестокие потери несла хуже одетая и хуже вооруженная русская армия. К тому же *«бездарное и вечно пьяное командование не могло способствовать победам, тем более что операциями армии руководил не русский генеральный штаб, а французский, который заботился только об интересах Франции»*. Народное возмущение привело к Февральской революции 1917 г. *«Власть попала в руки белогвардейцев – кадетов и их прихвостней – меньшевиков и эсеров. Началась керенищина»*. *«И кто знает, как долго тянулось бы это лихолетье, если бы не пришел наш великий красный Октябрь»*. Россия вышла из мировой и вступила в войну гражданскую. Союзники продолжили войну с помощью Америки. Версальский договор ее завершил. Потерпевшая поражение Германия была ограблена. Подводя итоги, Буклер уверяет: не приходится сомневаться в возможности новых, еще более страшных мировых войн, но они будут могилой для капитализма.

Другие работы этого периода также были нацелены на внедрение в массовое сознание идеи, что новая империалистическая война приведет к крушению империализма и победе социалистического строя. В изложении С. Диманштейна Первая мировая война, которая *«привела к победе рабочих и крестьян на одной шестой части всего земного шара»*, служит примером трудящимся других стран – как, завоевав власть, устроить мир на новых началах².

Советская пропаганда стремилась целенаправленно внедрить идеологически «правильное» осмысление роли Первой мировой войны в слои активных, как

¹ Буклер Я. И. Юбилей бойни и разрушения (к десятилетию мировой империалистической войны). С. 3.

² Диманштейн С. Мировая война. М.: Красная новь, 1924. С. 3.

считалось, членов общества. Н. Наумов опубликовал книгу «Война 1914–1918»¹. Адресована она была военному и гражданскому партактиву, начальствующему составу РККА, передовым рабочим. Как и в других работах о войне, в ней названы ее участники и их разделение на военно-политические блоки, отмечены масштаб и продолжительность войны, охарактеризованы живая сила и военная техника, показаны основные вехи военных действий, раскрыты ее политические и экономические итоги. Но коммунисты, подчеркивается в предисловии к книге, должны изучать и использовать опыт мировой войны, чтобы *«отдалить момент наступления второго тура империалистических войн»*. В этом опыте главная составляющая – *«решительная антивоенная политика, проводившаяся тогда еще группой революционных рабочих с Лениным, Либкнехтом и Люксембург во главе»*, которая *«является блестящим примером для антивоенной тактики в период грядущей империалистической войны»*². Отсюда и такие разделы в книге, как «Гражданский мир и реформизм», «Мировая война и пролетарская революция». Основная мысль последней: *«Мир стоит на пороге новой империалистической войны... Новая война, будет ли она направлена против СССР или явится она войной внутри империалистического сектора, – неизбежно перерастет ряд гражданских войн в пролетарскую революцию»*³.

Для книг 1930-х годов все более заметной особенностью становится еще большая, можно сказать, предельная, идеологизация. С 1918 по 1936 г. в идеологической сфере активную роль играла Коммунистическая академия при ЦИК СССР, являвшаяся высшим учебным заведением и научно-исследовательским учреждением. В ее состав входили научные институты философии, истории, литературы и искусства, экономики, советского строительства и права, мирового хозяйства и мировой политики и др. Устав Коммунистической академии 1926 г. определил ее целью изучение вопросов обществоведения и социалистического строительства на основе идей марксизма-ленинизма. Сформулированным в недрах Комакадемии теоретическим установкам и научным разработкам придавали главенствующее значение: ими должны были руководствоваться авторы популярных трудов и научных исследований.

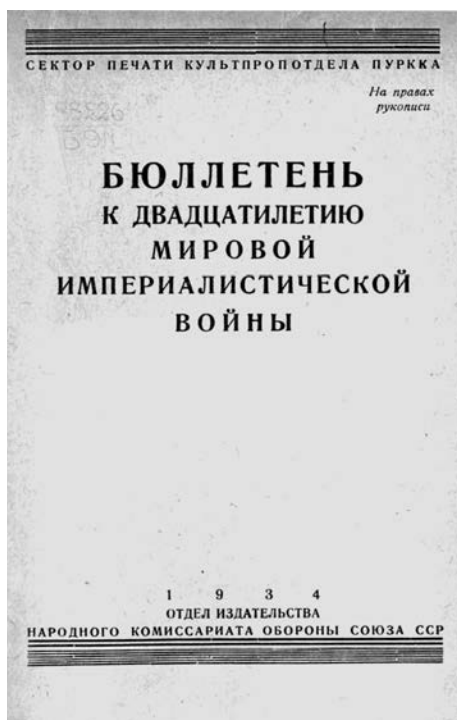
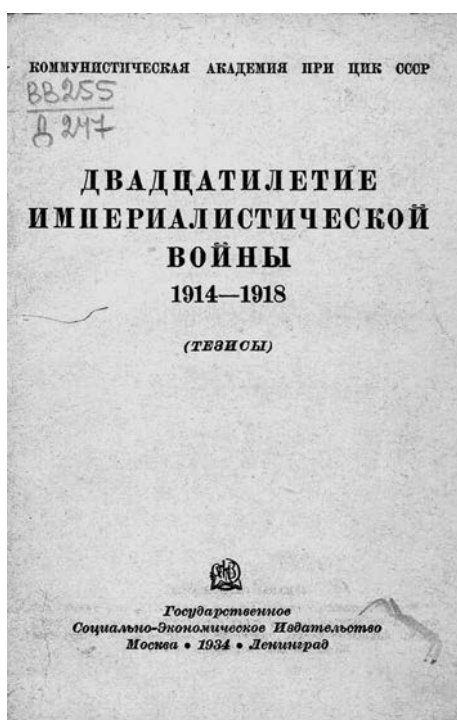
Показателен в этом отношении выпуск в 1934 г. к двадцатилетию войны 1914–1918 гг. разработанных в Комакадемии директивных тезисов «Двадцатилетие империалистической войны», определяющих большевистскую трактовку ее причин, хода, итогов и уроков⁴. Тезисы обличают империализм: в течение ряда лет и даже десятилетий мировую империалистическую войну подготавливали правительства и буржуазные партии всех стран. Основные империалистические

¹ Наумов Н. Война 1914–1918 / предисл. Дм. Бухарцева. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. 182 с.; 2-е изд. М.: Гос. изд-во РСФСР «Моск. рабочий», 1930. 181 с.

² Бухарцев Д. П. Предисловие // Н. Наумов. Война 1914–1918. 2-е изд. С. 13.

³ Наумов Н. Война 1914–1918. 2-е изд. С. 180.

⁴ Двадцатилетие империалистической войны 1914–1918: (тезисы) / сост.: С. Будкевич [и др.]. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1934. 48 с.

противоречия, приведшие к мировой войне, проявились с конца XIX в. и обострились в начале XX в. Данные противоречия разделили мир на два лагеря: Тройственный союз (Германия, Австро-Венгрия и присоединившаяся к ним Италия) и Тройственное согласие (Франция, Англия, Россия). Обе эти военнополитические группировки одинаково реакционные и агрессивные, каждая из входивших в них стран преследовала собственные империалистические цели. Вместе с тем *«война для всех империалистических держав являлась средством удушения поднимающегося рабочего революционного движения»*¹. Описание самой войны, схематичное и лаконичное, опирается на многочисленные высказывания В. И. Ленина. Авторы главным образом акцентируют внимание на крахе Второго интернационала, превращении оппортунизма в социалшовинизм и в противовес – на антивоенной позиции большевиков, росте революционных настроений в массах, выходе из войны в результате революции. Заключительный раздел «Тезисов» посвящен анализу современной ситуации, обобщенная характеристика которой дана уже в заглавии: «Ко второму туру революций и войн». Отсюда и содержание этого раздела: «Кризис Версальской системы»; «Нападение Японии на Китай и крах Вашингтонского соглашения»; «Германский фашизм и война»; «Новые орудия истребления»; «Гонка вооружений. Экономическая и социальная подготовка войны»; «Идеологическая подготовка империалистической войны и Второй интернационал»; «СССР и борьба

¹ Двадцатилетие империалистической войны 1914–1918: (тезисы). С. 9.

за мир». Это был ориентир для всех последующих устных и печатных высказываний о Первой мировой войне.

Предложенных оценок авторы трудов 1930-х годов и придерживались. Например, М. А. Илюкович утверждал, что война вскрыла разложение российского царизма и «военно-феодалного империализма», создала благоприятную почву для развития революционного движения, которое «явилось результатом работы партии большевиков, проводившейся на основе марксистско-ленинских лозунгов»¹. К двадцатилетию Первой мировой войны вышел специальный сборник, подготовленный в Секторе печати культпросветотдела политуправления РККА². Эта книга была выпущена в свет на правах рукописи, но тиражом в 3350 экземпляров. Она предназначалась для редакций окружных армейских и флотских газет, многотиражек академических, вузовских и отдельных частей и соединений специальных войск. Это означает, что сборник опосредованно, через использование материалов в газетах получал огромную, измеряемую численностью личного состава Красной Армии аудиторию.

В предисловии к сборнику руководитель коллектива В. Г. Толмачев и его авторы рекомендовали: *«Всемерно используя материал о прошлой мировой войне, красноармейские газеты должны, и это главное, настойчиво, глубоко разъяснять современную международную обстановку, раскрывать тайну, в которой война рождается теперь, разоблачать процесс подготовки империалистами антисоветской интервенции, воспитывать красноармейцев и начсостав в духе ленинского интернационализма, в духе беззаветной любви и преданности своей родине – отечеству трудящихся всех стран, рабоче-крестьянскому правительству, коммунистической партии большевиков, делу социализма, возглавляемого великим вождем и учителем мирового пролетариата тов. Сталиным»*. Но при этом *«не все материалы (например, о мирных договорах после мировой войны) предназначены к непосредственному опубликованию в газетах»*³. Другими словами, их можно использовать в статьях в виде фрагментов и при-
меров с соответствующими комментариями.

Исходя из большевистской установки на пределы допустимого и ограничения в изложении истории Первой мировой войны, из 105 страниц текста собственно войне посвящена всего 51. Но и из этого объема почти треть занимают такие вопросы, как «Ленин о войне 1914–1918 гг.», «Большевизм в борьбе с войной 1914–1918 гг.», «К иллюстрации лозунга гражданской войны», «Контрреволюционная роль социал-демократии во время и после войны», «Троцкизм на службе буржуазии во время войны», «Ленин об ошибках Розы Люксембург во время империалистической войны». Так что собственно войне посвящены менее 40 страниц, а представленный на них материал сжато подан в форме информационных фактов. Вторую половину сборника открывает тема

¹ Илюкович М. А. Первая мировая империалистическая война. Л.: [б. и.], 1934. С. 4, 41, 47.

² Толмачев В. Г. Бюллетень к двадцатилетию мировой империалистической войны. М.; Л.: Изд-во Нар. комиссариата обороны СССР, 1934. 107 с.

³ Там же. С. 3.

«Капиталистический мир после мировой войны». Здесь опять приводятся оценки Ленина итогов войны 1914–1918 гг., Версальского мира, а также выводы Коминтерна по тому же поводу. Завершают публикацию материалы «Подготовка империалистов к новым империалистическим войнам и к империалистической войне против СССР» и «СССР – отечество трудящихся всего мира». Их лейтмотив – коммунисты всех стран, *«борясь против войны, должны, подготавливая уже теперь превращение империалистической войны в войну гражданскую, сосредоточить свои силы в каждой стране на узловых объектах военной машины империализма»*¹. Естественно, эту публикацию нельзя рассматривать иначе как чисто пропагандистскую, мало что дающую для непредвзятого познания истории Первой мировой войны.

На широкие слои читателей была рассчитана брошюра И. С. Фенделя «Империалистическая война 1914–1918 гг.»². Автор стремился показать, что *«вопросы “завтрашней” войны и “вчерашней” (1914 г.), вопросы первой большевистской революции (1917 г.) и следующих большевистских революций теснейшим образом между собою связаны. Двадцатилетие 1914–1934 гг. – это путь от первого тура войн и революций (1914–1923 гг.) до второго тура революций и войн, на пороге которого мы стоим»*³.

К 25-й годовщине начала Первой мировой войны выпустил брошюру М. Гаврилов⁴. И здесь собственно война уходит на второй план, а большую часть занимают разделы, рассказывающие о взглядах Ленина и Сталина на причины империалистических войн, о партии большевиков в годы войны, Февральской и Октябрьской революциях. Но и обращение к прошлому лишь подступ к предостережению: вторая империалистическая война началась. Автор констатирует: *«Германский фашизм стремится исправить “историческую несправедливость” и добиться того, чего не удалось добиться германскому империализму 25 лет тому назад, – он хочет в новой обстановке, в новых исторических условиях установить во всем мире гегемонию фашистской Германии. Человечество уже втянуто во вторую мировую войну»*⁵. Отсюда главная задача – крепить военную мощь страны.

Еще один автор, Ф. М. Бородин, в брошюре «Мировая война 1914–1918 гг.», предназначенной для красноармейцев, популярно, в сжатом виде осветил причины войны и важнейшие сражения на Западном и Восточном фронтах, показал переход русской армии на сторону революции, подвел общие итоги войны, т. е. писал о прошлом, но в то же время события минувших дней стали пово-

¹ Толмачев В. Г. Бюллетень к двадцатилетию мировой империалистической войны. С. 102.

² Фендель И. С. Империалистическая война 1914–1918 гг. Л.; М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1934. 99 с.

³ Там же. С. 5.

⁴ Гаврилов М. Первая мировая империалистическая война (1914–1918): научно-популярный очерк. Куйбышев: Куйбышев. изд-во, 1939. 72 с.

⁵ Там же. С. 70.

дом обратить внимание на разворачивавшийся новый всемирный конфликт: *«Фашистская Италия захватила Абиссинию... Фашистские Германия и Италия повели вооруженную борьбу с героическим испанским народом... В 1937 году японские империалисты развернули широкие захватнические операции в Китае... В 1938 году Германия захватила Австрию, Судетскую область, весной 1939 года оккупировала Чехословакию... Таким образом, мы видим, что новая империалистическая война уже началась. Ее ведет блок агрессивных держав – Германии, Италии, Японии – против малозащищенных стран, ущемляя интересы неагрессивных государств, в первую очередь Англии, Франции и Соединенных Штатов Америки. Начался новый передел мира»*¹.

Массовому читателю адресовалась коллективная работа «Очерки мировой войны в 1914–1918 гг.»². У нее три автора. Первый – весьма влиятельная фигура в военно-политическом руководстве: заместитель ответственного редактора «Военно-исторического журнала», ответственный редактор журнала «Техника – молодежи» и одновременно главный редактор газеты «Красная звезда» Е. А. Болтин. Второй – редактор военного отдела журнала «Техника – молодежи» писатель Ю. Г. Вебер. Третий автор, не указанный на титульном листе, А. С. Федоров, написал включенный в нее очерк «Революционный выход из войны». Книга охватывает важнейшие театры военных действий, раскрывает в широком плане политические аспекты войны. И в этой работе авторы утверждают, что *«уже в 1935 году началась вторая империалистическая война»*³. Мнение о начале Второй мировой войны уже в 1935 г. было широко распространено в СССР, что нельзя не связать с директивной установкой состоявшегося в 1939 г. XVIII съезда ВКП(б), на котором И. В. Сталин заявил: *«Новая империалистическая война стала фактом. <...> ...невозможно скрыть тот факт, что Япония захватила за это время громадную территорию Китая, Италия – Абиссинию, Германия – Австрию и Судетскую область, Германия и Италия вместе – Испанию»*. Сталин признает, что новая империалистическая война не стала всеобщей, мировой, но многозначительно отмечает – «еще», значит, следует готовиться к тому, что она перерастет во вторую мировую⁴. В конечном счете гитлеровская Германия Вторую мировую войну развязала. Но это уже тема другого исследования.

¹ Бородин Ф. М. Мировая война 1914–1918 гг. М.: Гос. воен. изд-во, 1939. С. 68–70.

² Болтин Е. А., Вебер Ю. Очерки мировой войны в 1914–1918 гг. М.: Воениздат, 1940. 148 с.

³ Там же. С. 146.

⁴ Сталин И. В. Вопросы ленинизма. 11-е изд. М.: Госполитиздат, 1939. С. 569.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Работа по осмыслению феномена Первой мировой войны началась еще до того, как замолчали пушки, и продолжилась после окончания боевых действий. Благодаря ей Первая мировая война, которую было принято называть забытой, предстает как событие, нашедшее отражение в разноплановых документальных и публицистических источниках, в популярных и научных текстах, созданных и в ходе самой войны, и по горячим следам.

Многочисленные свидетельства оставили ее современники и непосредственные участники – журналисты и писатели, освещавшие боевые действия; ученые, написавшие очерки, статьи и книги по относившимся к войне проблемам; виднейшие политики, причастные к принятию решений; военные всех служебных рангов – от рядовых солдат и офицеров до командующих армиями, фронтами и всеми вооруженными силами.

После окончания боевых действий война стала объектом тщательного анализа со стороны гражданских и военных специалистов, авторов из стран Антанты и блока Центральных держав, труды которых были переведены на русский язык. Активно публиковались документы разных видов и типов.

Начиная с 1914 г. в России, а затем в Советском Союзе к 1941 г. вышло огромное количество работ о войне разнообразной видовой и жанровой принадлежности. Писавших о войне занимали вопросы ее происхождения, характера и последствий, подготовки, причин развязывания, предшествовавших ей политических кризисов и военных конфликтов, дипломатии довоенного и военного времени, эволюции военного искусства на основе изучения опыта боевых действий и многие другие темы, связанные с войной. Из мозаики отдельных фактов, суждений и выводов складывалась целостная картина военных будней, героических подвигов стремившихся к победе солдат и офицеров, причин трагических неудач.

Тем не менее во второй половине XX в. в СССР Великая война 1914–1918 гг. оказалась в тени Великой Отечественной, а вклад, внесенный ее современниками в сохранение памяти о ней, в изучение по горячим следам событий, с ней связанных, оказался фактически забыт. Способствовал этому забвению утвердившийся с 1930-х годов взгляд на Первую мировую войну как на *«декорацию кризисных явлений, поразивших Россию еще в довоенные времена»*. Определе-

ние войны 1914–1918 гг. как империалистической и обвинение царской России в ее развязывании, увод ее в тень событий революции 1917 г. тоже не способствовали ни оценке вклада, внесенного в ее изучение современниками, ни внимательному перепрочитанию того, что о ней было написано, ни объективному ее изучению. Колоссальные жертвы, которые принес советский народ на алтарь Победы в Великой Отечественной войне, беспримерный подвиг народа, освободившего мир от фашизма, окончательно уничтожил память о прошлой, империалистической, войне.

Межвоенные годы с точки зрения вклада в изучение войны по горячим следам фактически ее участниками и свидетелями, в свою очередь, оказались недооцененными современными исследователями. При этом они были важнейшим этапом в ее научном осмыслении. Настоящий труд по изучению военной литературы не является исчерпывающим, а лишь намечает направления дальнейших поисков и анализа всего опубликованного массива источников, позволяющих исследовать и саму Первую мировую войну, и зафиксированную в литературе память об этом масштабном событии в европейской и мировой истории.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Авербах О. И. 5
Авилов Б. В. 99–101
Авиновицкий Я. Л. 360
Агокас Е. В. 278
Адамов Е. А. 249, 307, 315
Адамович В. И. 57
Адариди К. 49, 61
Аксенов А. В. 19, 383
Алафузов В. А. 270, 271
Алекин В. 286, 287
Александра Федоровна, императрица 7, 232
Александров А. П. 371
Алексеев М. В. 170, 189, 190, 194, 209, 210, 222, 223, 230–234, 236, 238, 343, 355
Алексеев С. А. 23, 256
Альберт I, король Бельгии 57–59
Андреев Л. Н. 11, 12, 21, 22, 57, 58
Андрианов П. М. 164, 165
Анжеран Ф. 315
Анощенко Н. Д. 374–377
Анучин М. Д. 58
Апушкин В. А. 331
Арамилев В. 170, 171
Арзубьев П. К. (Губер П. Ф.) 77, 78
Архангельский Н. 106
Архипов А. 11
Астон Д. 298–302
Афанасьев Г. Е. 40, 41
Афиногенов Н. А. (Степной Н.) 163, 172, 218
Ашмор Э. Б. 290
Аштон Г. 85, 111, 112

Б

Багров Л. С. 87
Базаревский А. Х. 338, 341, 342
Базилевич М. П. 149
Базили Н. А. 189, 190, 219, 234, 238, 239
Баланин Д. В. 201, 360
Балк В. 275

Барбюс А. 8
Барк П. Л. 79
Барсуков Е. З. 381, 382, 386, 387
Баумгартен Е. Е. 18
Бахирев М. К. 368
Бацов В. И. 218
Бекетов Н. Н. 227
Белгородский А. В. 53, 54
Белевская М. Я. 236
Белевский А. С. (псевдоним «Белорусов») 109
Белецкий С. П. 179
Белли В. А. 371
Белов В. М. 165
Белоусов Т. О. 116
Беляев М. А. 185
Берг М. А. 143
Бернацкий В. А. 156
Бертенсон С. Л. 280
Берти Ф. Л. 7, 256, 257
Берхтольд Л. фон 36
Бетман-Гольвег Т. фон 7, 30, 43, 121, 259, 272
Бехтерев В. М. 18, 20, 21, 40, 153, 154
Бируков Б. И. 145
Бисмарк Отто фон 7, 41, 272
Биш М. 68
Блиох И. С. 94, 95
Блок А. 58
Блом М. О. 85
Богданов А. И. 157
Богданов Ал. 42, 82, 148
Боголепов М. И. 18, 96, 101
Бозе Т. 275
Болдырев В. Г. 244, 245, 307
Болтин Е. А. 411
Бондарь М. М. 192
Бонч-Бруевич М. Д. 8, 337, 342–344
Борецкий-Бергфельд Н. П. 37
Бородин Н. А. 103, 104
Бородин Ф. М. 410, 411
Бороздин И. Н. 247

Боткин С. Д. 145
 Ботьянов М. И. 84
 Брусилов А. А. 6, 131–133, 173, 176, 187, 190, 193, 194, 196–199, 201, 206, 208–210, 212, 213, 215, 216, 218–221, 223–225, 229, 230, 232, 233, 236, 241, 245, 246, 342, 368, 373
 Брухмюллер Г. 296
 Брюсов В. Я. 15, 24, 426
 Буклер Я. И. 405, 406
 Букштан Я. М. 388
 Булгаковский Д. Г. 80
 Бунге Н. Х. 130, 227
 Бунин И. А. 11, 12
 Буняковский В. Я. 78, 79, 360
 Буров А. 277, 278, 297, 380, 381
 Бурский П. Д. 65, 69
 Бурцев В. Л. 50
 Бутенко В. А. 48, 60, 61
 Бутру Э. 135, 136
 Бухарцев Д. П. 407
 Быховский В. В. 3, 143
 Бьюкенен Дж. 23, 181, 214, 256, 257
 Бюлов Б. фон 7, 258, 259, 272

В

Вавилов А. 163, 172
 Ваксвейлер Э. 61, 62
 Валентинов Н. А. 172
 Валентинов Н. В. 315, 316, 337
 Вальян Э. 110
 Варфоломеев Н. Е. 344, 345
 Василевич И. 92
 Василевский Л. М. 163, 166, 167
 Васильев Н. В. 69, 73, 77, 84, 87, 88, 95, 103, 148, 153
 Васильев Ф. И. 333, 338
 Вахтангов Е. Б. 11
 Вацетис И. И. 345–348
 Вебер Ю. Г. 411
 Вейгелин К. Е. 373, 374
 Величко К. И. 338
 Вересаев В. В. 12, 14
 Вернадский В. И. 18, 19
 Верховский А. И. 190–193, 202, 204, 207, 208, 243
 Вест К. 383
 Виллиам Г. Я. 124
 Вильгельм II, император Германии 30, 137, 153, 154, 180, 258, 259, 264, 272, 273
 Вильсон Г. Р. 7, 281, 282
 Вильсон В. 274
 Виноградов И. Н. 377
 Виноградов П. Г. 122
 Витте С. Ю. 130
 Вишнев В. М. 373
 Водар В. В. 64
 Войтоловский Л. Н. 163, 359
 Воронков В. М. 338
 Воронцов А. 377
 Воронцов-Дашков И. И. 224, 226
 Врангель Ф. П. 130
 Вудхолл Э. 298, 299, 301
 Вюртембергский А. 130

Г

Гаврилов М. 410
 Галактионов М. 338
 Гамелиус П. 61
 Ганин А. В. 336
 Ганото Г. 35
 Гарф В. Е. 395
 Гаскуэн Ф. Э. 297
 Гебар П. 315
 Гейер 384
 Гекшер Э. 104
 Гельмерсен П. В. 286, 368–371
 Гельферих К. Т. 315
 Георг V, король Великобритании 128
 Геппнер Э. 291
 Гессен В. М. 18
 Гессен И. В. 179
 Гешов И. Е. 38
 Гиббс Ф. 112
 Гибсон Р. 283, 284
 Гиманс П. 59
 Гинденбург П. 74, 75, 262, 264–267, 274, 298, 348, 350
 Гиппиус З. Н. 18, 58, 121
 Гирс А. А. 6, 38, 39
 Гогенлоэ Х. фон 272
 Головин Н. Н. 352, 353
 Голубев А. А. 192
 Гольденберг И. 59
 Гольдштейн И. М. 95, 96, 101, 145
 Гончаров Л. Г. 368, 371
 Горемыкин И. Л. 79, 186, 227
 Горецкий М. И. 9
 Горький М. 8, 11, 116
 Гофман М. 7, 269, 270
 Грассе А. 277
 Грей Э. 33–35, 128, 129, 328
 Григорович И. К. 185, 368
 Григорьев С. 149
 Гримм Э. Д. 18, 20, 46, 47

Грингмут В. А. 119, 120
 Гриневецкий В. И. 390, 391
 Гроос О. 285, 286
 Гумилев Н. С. 14
 Гурко В. И. 6, 194, 195, 200, 204, 205, 209, 211, 220, 221, 223, 224, 229, 238, 240, 242, 243, 373
 Гурьев А. Н. 388
 Гучков А. И. 6, 185, 188–191, 219, 237–239, 241, 355, 386

Д

Давидсон А. Б. 14, 323
 Данилов Н. А. 371, 391–393
 Данилов Ю. Н. 6, 174, 175, 179, 197, 198, 221, 222, 228, 229, 350–352, 354, 357, 364
 Дармштеттер П. 315
 Дейч Л. Г. 56
 Де-Лазари А. Н. 345, 360, 383–385
 Дельбрюк Г. 276, 277
 Дементьев Г. Д. 95
 Дени Э. 49, 83
 Деникин А. И. 177, 186, 189, 195–199, 201, 210, 212, 213, 215–217, 229, 230, 232, 234, 236, 241, 243, 244, 367
 Джеллико Д. 283, 284
 Дживелегов А. К. 122, 136, 137
 Джонс Г. 290
 Диманштейн С. 406
 Димитриевич Д. Т. 25
 Дмитриевский А. М. 84
 Дмовский Р. В. 129
 Довнар-Запольский М. В. 94
 Доманевский В. Н. 352
 Дона-Шлобиттен А. 273
 Драгомиров А. М. 244
 Дрентельн А. Р. 130
 Дубельт Л. В. 130
 Дубинская Т. Л. 163
 Дурново П. Н. 306, 307
 Дуров В. Л. 144
 Дуэ Дж. 290
 Дыбенко П. Е. 336
 Дюркгейм Э. 49, 83
 Дютиль Л. 295

Е

Евсеев Н. Ф. 360, 363, 364
 Ежов Н. М. 45
 Ермолова М. 11
 Ерусалимский А. С. 311
 Есипов В. В. 138, 139

Ж

Жаворонков Б. Н. 109
 Жерве Б. Б. 73, 368, 369
 Жигур Я. 383
 Жилинский Я. Г. 202, 203, 224, 354
 Жилунович Д. Ф. 94
 Жорес Ж. 110
 Жоффр Ж. 7, 114, 249–251, 254, 316, 366

З

Загорский С. О. 101
 Зайончковский А. М. 8, 187, 333, 337, 345, 361, 364–366
 Залюбовский А. П. 212, 215
 Заммель М. 390
 Занкевич М. И. 358
 Заречный С. 144, 147
 Захарова Л. 165, 166
 Захарьев Б. 59
 Зверев Р. Я. 5
 Звонарев К. К. 302
 Зелинский Ф. Ф. 18
 Зиновьев Г. Е. 54, 55
 Знаменский С. Ф. 18
 Золотарев В. А. 9

И

Иванов А. А. 23, 120
 Иванов Б. Н. 381
 Иванов Н. И. 192, 208, 224–226, 343
 Игнатовский В. И. 94
 Извольский А. П. 113, 176, 177, 180, 249, 311, 357, 358
 Илюкович М. А. 409
 Имшенецкий Б. И. 59, 75, 81–83, 108
 Иоффе Я. А. 131, 314, 397–399
 Иохим Т. 275
 Исаков И. С. 371
 Ишханян Б. 95

К

Каледин А. М. 373
 Каприви Л. 272
 Карабчевский Н. П. 142, 146
 Каранса В. 299
 Карев П. Ф. 172
 Кареев Н. И. 18, 50, 51, 145
 Каринцев Н. А. 167
 Карл (Кароль I) 274
 Карцев Ю. (Карцов) 120
 Касаткин И. 147

Кастельно Н. де 114
 Каутский К. 315, 325
 Кашкаров В. 17
 Кеппен П. 287
 Керенский А. Ф. 6, 23, 191, 195, 198, 201, 207, 238–241, 245, 246, 256, 257, 266
 Керсновский А. А. 353–357
 Кетлинский К. Ф. 73
 Кидяев П. 172
 Кирей В. Ф. 380, 381
 Кирш Ю. И. 163
 Клаго Н. Л. 368
 Клаус Р. 390
 Клембовский В. Н. 8, 233, 331, 333, 335, 337, 359, 366, 367
 Ключников Ю. В. 306, 314, 315, 321
 Князев М. В. 69, 73, 84, 103, 153
 Ковалевский М. М. 18, 46, 47, 122
 Ковалевский П. И. 135, 139
 Козельский О. 163, 164
 Козлов А. Н. 172
 Коковцов В. Н. 186
 Кокошкин Ф. Ф. 122, 123
 Коленковский А. К. 338, 340, 341
 Колесников Н. В. 68, 74
 Коломийцев Н. П. 44, 45, 95, 244
 Колчак А. В. 196
 Кондзеровский П. К. 236
 Кондратьев Н. Д. 387
 Кондрушкин С. С. 80
 Коненков С. 11
 Кони А. Ф. 15
 Корбетт Ю. 7, 280, 281
 Корда А. 276, 277, 342
 Корелин Г. И. 163
 Корзухин И. А. 101
 Коровин К. А. 11
 Королев А. Г. 312
 Королькевич Б. П. 95
 Корольков Г. К. 8, 333, 337, 338
 Корсун Н. Г. 65, 338, 340
 Корф С. А. 123, 124, 131
 Корш Ф. А. 11
 Косинский А. М. 369
 Кострикова Е. Г. 39
 Котляревский С. А. 19, 20
 Котов Б. С. 133, 134
 Котс А. Ф. 22
 Краснов В. М. 179
 Кривцов А. 149
 Кригер-Войновский Э. Б. 130
 Кропоткин П. А. 50, 122
 Крыленко Н. В. 403

Крэмб Дж. Э. 48
 Ксюнин А. 80, 163
 Кудринский Ф. А. 90, 91
 Кулишер И. М. 387
 Куль Г. 264, 276
 Курбатов В. Я. 18
 Курмояров И. 149, 156
 Куропаткин А. Н. 208, 209
 Кустов Н. И. 89
 Кюи Ц. А. 227

Л

Лагов Н. М. 25, 35, 114, 115, 141, 150, 151
 Ладыженский А. М. 51, 52
 Лаппо-Данилевский А. С. 129
 Ларионов Я. М. 174, 202, 221
 Лебедев В. 68–70, 115, 116
 Лебединский И. В. 124
 Левин К. Я. 163
 Левин С. М. 5
 Лемке М. 73, 74
 Лемонон Э. 315
 Ленин В. И. 56, 243, 305, 309, 327, 403, 405–410
 Лечицкий П. А. 206
 Либкнехт К. 406, 407
 Лившиц Б. К. 15
 Лихновский К. М. 261, 262
 Ллойд Джордж Д. 7, 252–255
 Лоди К. 301
 Лор Э. 138
 Лорей Г. 287
 Лоуэлл А. Л. 123
 Луазо Л. 277
 Лугин Н. 156
 Луи Ж. 249
 Лукомский А. С. 6, 28, 131, 132, 175, 176, 179, 184, 186, 198–200, 209–211, 213, 232–235, 241, 242
 Львов Г. Е. 184, 191, 235, 238, 355
 Любименко И. И. 125
 Людендорф Э. 7, 210, 232, 262, 263, 267–269, 274, 350, 365, 366
 Люксембург Р. 406, 407, 409
 Лянуар П. 141
 Лященко П. И. 95

М

Майстрах В. Ф. 17
 Малиновский Р. Я. 359
 Мальков В. Л. 9
 Мамонтов Н. П. 156
 Мандельштам О. Э. 106
 Маниковский А. А. 386, 387

Маргулис М. О. 59
 Маркин Н. 305
 Маркс А. Ф. 72, 125–127, 129, 163
 Масальская-Сурина Е. А. 89, 90
 Маслов П. П. 95
 Махров П. С. 38
 Мейснер А. 106
 Меликов В. А. 338, 381, 401, 402
 Меллер-Знакомельский П. И. 130
 Меньчуков Е. А. 338
 Меньшиков М. О. 11
 Мережковский Д. 58, 59
 Мещерский В. П. 39
 Мигулин П. П. 101
 Мижуев П. Г. 118, 124, 125
 Микель Ж. Б. 276
 Милоков П. Н. 6, 16, 18, 38, 52, 53, 118, 128, 129, 135, 173, 174, 177, 178, 182–184, 231, 232, 243
 Милютин В. П. 101, 102, 142
 Миних Б. Х. 130
 Миронович В. 163, 167
 Митчел Ф. 294, 295
 Михайлов А. М. 139
 Михельсен А. 287–289
 Могиленский Е. А. 144
 Мозер О. 275
 Моисеенко И. 149
 Моллер А. В. 130
 Молоцова Е. В. 157–159
 Морголин С. О. 388
 Морель Э. Д. 315
 Муйжель В. В. 163
 Мукосеев В. А. 96
 Мускатблит Ф. Г. 59
 Мышлаевский А. З. 226
 Мясоедов С. Н. 330, 331

Н

Набоков В. Д. 127, 179
 Навоев П. Е. 149
 Наумов Н. 407
 Нахимсон М. И. 388
 Негроров Н. Д. 163
 Нежданов Л. 176, 177, 180
 Незнамов А. А. 8, 333, 337, 380
 Нестеров П. Н. 82, 83, 167
 Никитский В. 360, 383
 Николай II, император 6, 7, 15, 26, 28, 30, 44, 79, 98, 130, 134, 179, 182, 185, 189, 193, 195, 197–200, 202, 209, 212, 213, 222, 223, 226–236, 255, 269, 306, 309, 310, 328, 329, 355, 357, 372

Николай В. 132, 302, 303, 330
 Новиков 163
 Новиков В. Н. 172
 Новиков Н. В. 281, 287, 369
 Новиков Н. С. 206
 Новицкий В. Ф. 292, 336, 338
 Новицкий В. Я. 87
 Новицкий Ф. Ф. 205, 206, 238
 Нольде Б. Э. 6, 42–44, 61, 62, 95
 Носков А. А. (псевд. «Я») 80, 81, 361
 Ньюболт Г. 7, 280, 281

О

Оберюхтин В. В. 338, 366, 367
 Оболенов Н. Н. 84
 Обручев Н. Н. 228
 Озеров И. Х. 102, 103, 278
 Окунев Я. М. 163
 Олдингтон Р. 8
 Омысловский М. К. 278
 Онипко Ф. М. 116
 Оськин Д. П. 163

П

Павлович М. П. 134, 187, 188, 249, 306, 307, 345
 Падучев Вл. 163
 Палеолог М. 7, 16, 181, 212, 249
 Парский Д. 245, 335–337
 Певнев А. 363
 Пейеримгоф А. 315
 Перцев В. Н. 54
 Петен А. Ф. О. 7
 Петров М. А. 286, 368, 370, 371
 Петрушевский Д. М. 123
 Пешков З. А. 116
 Пиленко А. А. 84, 85
 Пименова Э. К. 124
 Пирейко А. М. 171, 172
 Пичета В. И. 136
 Плеханов Г. В. 16
 Плешков М. М. 240
 Победоносцев К. П. 228
 Погодин А. Л. 39, 47
 Подвойский Н. И. 403
 Подорожный Н. 360, 365
 Покровский М. Н. 6, 7, 159, 160, 247, 307, 309, 310, 312, 325–329, 400
 Полаковский К. С. 85, 148
 Полетика Н. П. 323–325
 Поливанов А. А. 14, 184, 187, 188, 190, 214, 215, 219, 230–232, 237–239, 355
 Поливанов Н. Д. 138–140

Полторак С. Н. 192
 Поляков Ю. А. 9
 Попов М. В. 35, 90, 110, 163, 165, 253
 Попов В. Т. 338
 Прокопович С. Н. 388–390
 Пронин В. М. 236, 237
 Пуанкаре Р. 7, 87, 113, 247–249, 273, 324
 Пумпур П. И. 378
 Пуришкевич В. М. 120
 Пурталес Ф. 7, 10, 260, 261

Р

Рабин Г. 87
 Рагоза А. Ф. 209
 Радониц Б. 149
 Райт В. и О. 372
 Распутин Г. Е. 200, 229, 365
 Рдултовский В. И. 278
 Редигер А. Ф. 130
 Редль А. 304
 Резанов А. С. 140, 141, 144
 Рейнак Ж. 87, 113
 Рейтерн М. Х. 130
 Ремарк Э.-М. 8
 Ренненкампф П. К. 75, 77, 194, 202–205, 224, 332, 333
 Ренников А. (Селитренников А. М.) 138
 Ржешевский О. А. 9
 Рихтгофен М. 291, 377
 Родзянко М. В. 6, 10, 16, 25, 79, 176, 177, 179, 182, 184, 228, 232, 233, 236, 239, 355, 373
 Родичев Ф. И. 122
 Розанов В. В. 22, 23
 Розен Р. Р. 24
 Ролльман Г. 287
 Романов Александр Михайлович, великий князь 24, 232, 372
 Романов Константин Константинович, великий князь 190
 Романов Михаил Александрович, великий князь 179, 198, 229, 235, 236
 Романов Николай Михайлович, великий князь 7
 Романов Николай Николаевич, великий князь 74, 189, 197, 198, 219, 220, 222, 226, 228–232, 234, 237, 269, 274, 355
 Романов Петр Николаевич, великий князь 190
 Романов Сергей Александрович, великий князь 200
 Романов Сергей Михайлович, великий князь 190, 213
 Романова Татьяна Николаевна, великая княжна 88, 89

Ронге М. 303, 304, 330, 331
 Ростунов И. И. 346
 Ротштейн Ф. А. 252, 314, 315
 Рудаев Б. Я. 89
 Рузский Н. В. 77, 206, 224, 225, 234–236, 348, 356
 Руир А. М. Ф. 315
 Румша К. Ю. 149
 Русин А. И. 368

С

Сабанин А. В. 306, 314, 321
 Саблер В. К. 62, 63, 150
 Савин А. Н. 119
 Савинков Б. 245
 Савостин И. И. 49, 419
 Сазонов С. Д. 6, 10, 27, 28, 30–32, 35, 180–182, 212, 227, 228, 249, 262, 311, 328, 329
 Саймондс Ф. Г. 85
 Самсонов А. В. 75, 77, 202–205, 224, 269, 332, 333, 354
 Сапари Ф. 27
 Сарабьянов В. Н. 391
 Сафронов Ю. И. 192
 Сахаров К. В. 233, 234, 236, 373
 Сербеев С. Н. 145, 146
 Свердлов Я. М. 116
 Светлов В. Я. 107, 108
 Свечин А. А. 232, 268, 269, 331–333, 335, 337
 Свечников М. С. 78, 79, 360
 Святловский Е. Е. 388
 Северянин И. 58
 Селитренников А. М. 138
 Семенников В. П. 7
 Семенов Е. П. 57, 106, 107, 120, 121
 Сен-Морис 315
 Серафимович А. С. 11
 Сергеев А. А. 6
 Сергеев И. И. 16, 138
 Сергиевский Н. Н. 144
 Серчевский Г. А. 278
 Симонов М. А. 87
 Скиталец С. Г. 11
 Славинский М. А. 18
 Смирнов Н. Н. 14, 216, 217
 Снесарев А. Е. 263
 Сно Е. Э. 59, 108, 121
 Соболев М. Н. 388
 Соколов С. А. 163
 Сологуб Ф. 58
 Сонин М. 145
 Соннино Дж. 36

Сорока М. Е. 117, 127
 Сталин И. В. 330, 331, 410, 411
 Станиславский К. С. 11
 Старцев В. И. 189
 Степной Н. А. 163, 172, 218
 Степун Ф. А. 156
 Столыпин П. А. 177, 186
 Стрельцов Р. Е. 18
 Строков А. А. 345, 346
 Струве П. Б. 11, 129
 Суворин Б. А. 80, 81, 138, 149, 163, 164, 361
 Суворин А. С. 12, 23, 89, 106, 114, 124, 138, 149
 Суворин М. А. 140, 144
 Сурин В. С. 371
 Суханов Н. Н. 393, 394
 Сухомлинов В. А. 28, 133–135, 184–187, 212–214, 216, 217, 225–227, 307, 330, 331, 372, 382
 Сыромятников А. А. 383
 Сыромятников С. Н. 135, 139
 Сытин И. Д. 17, 47, 65, 73, 74, 80, 95, 147, 156

Т

Тарле Е. В. 16, 47, 105, 118, 321–323, 325, 329
 Тасин Н. (Коган Н. Я.) 110, 111
 Твердохлебов В. Н. 96
 Телепнев Б. В. 108
 Телешов Н. 11, 12
 Терентьев М. Т. 379
 Тирпиц А. фон 7, 130, 270–272, 288, 311, 323
 Титов И. В. 101
 Толмачев В. Г. 409, 410
 Толстой А. Н. 8
 Толь К. Ф. 130
 Толь С. А. 146
 Толь С. Д. 146
 Томази А. 276
 Томашевич А. В. 371
 Тонконогов И. А. 163
 Трайнин П. А. 281, 282
 Трейчке Г. 48
 Троцкий Л. Д. 314
 Трубецкой Е. Н. 17
 Туган-Барановский М. И. 17, 18, 20, 58, 60, 96, 101, 147
 Туполев Б. М. 9
 Турнэс Р. 277

У

Ульянов И. И. 157
 Ульянов Н. В. 149
 Ульяновский А. Г. 163
 Ушаков К. 244

Ф

Фалькенгайн Э. фон 263, 270
 Фармаковский Б. Ф. 46
 Фарроу Э. 383
 Федин К. А. 8
 Федоров А. М. 169
 Федоров А. С. 411
 Федоров Н. 45, 46
 Федорченко С. З. 167, 168
 Фендель И. С. 410
 Фирле Р. 286, 287
 Фишман Я. М. 383
 Флеровский И. П. 404, 405
 Фогель В. 366
 Фокке Д. Г. 180
 Фомин В. Б. 145, 149
 Фомина М. И. 53
 Фош Ф. 7, 114, 249, 251, 252, 277, 383
 Фрайс А. 383
 Франц Иосиф, император Австро-Венгрии 150, 274, 349
 Франц Фердинанд, эрцгерцог 25, 27, 42, 46, 49, 273, 274, 310, 349
 Фрейтаг-Лорингофен Г. 270
 Фрейфельд О. Н. 311, 312
 Фридман В. Г. 65
 Фридман М. И. 96, 101
 Фуллер Дж. 7, 291–293
 Фурманов Д. А. 170

Х

Хассерт К. 315
 Хвостов А. Н. 138, 258
 Хмельков С. А. 360, 361
 Хольмсен И. А. 348
 Хошилер М. 315
 Храмов Ф. А. 338

Ц

Цветков К. И. 125
 Цемович М. П. 53
 Цензор Д. 106
 Цехновицер О. В. 8
 Циммерман А. 299, 301, 302
 Цихович Я. К. 8, 333, 337
 Цытович Н. П. 381

Ч

Чаадаева О. Н. 159–161, 401, 403
 Чемоданов Г. Н. 163
 Черкасов П. В. 6, 338

Чернин О. 7, 173, 180, 273, 274
Черный Саша (Гликберг А. М.) 14
Чикалова И. Р. 118
Чуковский К. И. 121, 125–129, 135, 155
Чупров А. А. 96

Ш

Шаляпин Ф. И. 11
Шамурин Ю. И. 149
Шапошников Б. М. 348–350
Шаров П. 394–397
Шауфус Н. К. 130
Шварте М. 277, 278, 295, 383
Шварц А. В. 169, 170
Шварц Г. В. (псевд. Бостунич) 144
Шведер Е. 89
Швинк О. 275
Шеер Р. 7, 284, 285, 370
Шелохаев В. В. 23
Шеманский А. Д. 72, 73, 77, 84, 85
Шерадам А. 48, 49
Шетцель В. 315
Шигалин Г. И. 399, 400
Шипов Д. Н. 188
Шишкина-Явейн П. Н. 18, 19
Шкловский И. В. (псевд. Дионео) 118
Шкундин Г. Д. 9
Шмелев И. С. 11
Шойгу С. К. 9
Шолохов М. А. 8
Шталь А. В. 368, 371
Штейфон Б. А. 356
Штенгер А. 275
Штрандтман В. Н. 27
Штукатуров 335

Шубин Н. А. 9
Шуваев Д. С. 185
Шульгин В. В. 6, 14, 132, 183, 184, 189
Шульц Э. Э. 172, 315
Шульце Э. 315
Шумский К. 71, 72, 84

Щ

Щегловитов И. Г. 226
Щепкин М. М. 89

Э

Эверт А. Е. 208–210, 233–236, 362
Эйдеман Р. П. 401, 402
Эймансбергер Л. 295
Энгельгардт Б. А. 192
Энгельман В. Г. 84, 85, 87, 88
Энгельс Ф. 350
Эрве Г. 110
Эрн В. Ф. 17
Эрцбергер М. 7, 260

Ю

Юденич Н. Н. 226
Южин-Сумбатов А. И. 11

Я

Яковлев В. В. 61, 338
Яковлев Я. А. 401
Яковлева В. И. 401
Якубовский М. И. 144, 150
Якушев Д. П. 149
Янушкевич Н. Н. 28, 212, 216, 217, 220–222,
225, 307, 372, 382

SUMMARY

In the monograph, the First World War appears through the prism of assessments, memories, perceptions and analysis of the events associated with it, by its contemporaries – journalists, scientists, prominent politicians, military men of all ranks – from ordinary soldiers and officers to front commanders, who wrote about what they had experienced in their diaries and memoirs. The war is shown as an object of careful scrutiny by civilian and military experts. The scale and trends of the analysis conduct and results of combat operations carried out after the end of the war by the Russian and the foreign authors are reflected. The period considered in the book as the most important stage in the publication various types of sources deserves to be included in modern scientific turnover and work on memorizing the «forgotten» war.

Intended for historians, teachers and students, all interested in the history of the First World War.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. События войны в оперативном отражении печатных изданий	10
1.1. Эмоционально-патриотические настроения начала Великой войны.	10
1.2. Причины и виновники военного конфликта.	24
1.2.1. Обнародование дипломатической переписки кануна и начала войны.	24
1.2.2. Дипломатическая история войны на страницах печатных изданий.	37
1.3. Первая жертва: нейтральная Бельгия.	57
1.4. Вооруженные силы сторон.	63
1.5. Боевые действия.	73
1.6. Беженство.	88
1.7. Война и народное хозяйство.	94
Глава 2. Образы союзников и врагов в российской публицистике военных лет	105
2.1. «Душа войны»: сражающаяся Франция на страницах печатных изданий.	105
2.2. «Он наш союзник, мы связаны узами крови»: российская печать о Великобритании и английских солдатах.	117
2.3. «Без чести, благородства и сердца»: трансформация образа Германии и немцев в России под влиянием событий войны.	129
Глава 3. Письма, дневники, воспоминания российских участников войны	155
3.1. Эго-документы рядовых участников и свидетелей войны.	155
3.2. Мемуары политиков и военачальников как источники по истории войны.	172
3.3. Важнейшие боевые операции по воспоминаниям участников.	202
3.4. Вооружение и кадровый состав армии в оценке мемуаристов.	210
3.5. Высшее командование по отзывам в армейских кругах.	219
3.6. Николай II как Верховный главнокомандующий в оценке генералитета.	226
3.7. Генералы о состоянии армии после Февральской революции.	237
Глава 4. Русскоязычные переводы мемуаров и трудов зарубежных военных и политиков	247
4.1. Воспоминания военных и политических деятелей.	247
4.1.1. Страны Антанты.	247
4.1.2. Страны блока Центральных держав.	258
4.2. Военно-исторические исследования.	274
4.3. Анализ применения новых видов вооружения.	289
4.3.1. Авиация.	289
4.3.2. Танки.	291
4.3.3. Артиллерия.	296
4.4. Мемуары и труды руководителей спецслужб.	297

Глава 5. По свежим следам: Первая мировая война в советских трудах межвоенного периода	305
5.1. Международные отношения предвоенного времени	305
5.1.1. Публикации дипломатических документов	305
5.1.2. Исследования по истории международных отношений	314
5.2. Военно-исторические исследования	331
5.2.1. Сухопутные боевые операции	331
5.2.2. Боевые действия на белорусских землях	359
5.2.3. Война на море	368
5.3. Анализ применения новых видов вооружения	372
5.3.1. Авиация	372
5.3.2. Артиллерия	380
5.3.3. Химическое оружие	382
5.4. Боевое снабжение армии и экономика в годы войны	385
5.5. Война, революция и новый мировой конфликт	400
Заключение	412
Именной указатель	414

CONTENTS

Introduction	3
Chapter 1. War events in the prompt reflection of the print editions	10
1.1. Emotional and patriotic feelings of the beginning of the Great War	10
1.2. Causes and culprits of the military conflict	24
1.2.1. Publication of diplomatic correspondence on the eve and the beginning of the war	24
1.2.2. The diplomatic history of the war on the pages of print editions	37
1.3. The first victim: neutral Belgium	57
1.4. The armed forces of the parties	63
1.5. Combat actions	73
1.6. Refugees	88
1.7. The war and the national economy	94
Chapter 2. Images of allies and enemies in russian war time journalism	105
2.1. “The Soul of War”: The struggle of France on the pages of print editions	105
2.2. “He is our ally, we are tied by blood bond”: Russian press about Great Britain and British soldiers	117
2.3. “Without honor, noble-mindedness and heart”: the transformation of the image of Germany and the Germans in Russia under the influence of the war events.	129
Chapter 3. Letters, diaries, memories of russian war participants	155
3.1. Ego-documents of ordinary participants and witnesses of the war	155
3.2. Memoirs of politicians and army leaders as sources on the history of the war.	172
3.3. The most important military operations according to the recollections of the participants	202
3.4. The armament and the personnel of the army in the assessment of the memoirists.	210
3.5. High Command according to the comments in the army officers	219
3.6. Nicholas II as the Supreme Commander-in-Chief in the assessment of the generals.	226
3.7. Generals on the state of the army after the February Revolution	237
Chapter 4. Russian translations of the memories and the books of foreign army leaders and politicians	247
4.1. Memories of army and political leaders	247
4.1.1. The Entente countries	247
4.1.2. Countries of the bloc of the Central Powers	258
4.2. Military-historical research	274
4.3. Analysis of the use of new types of weapons	289
4.3.1. Aviation	289
4.3.2. Tanks	291
4.3.3. Artillery	296
4.4. Memoirs and books of the leaders of the secret service	297

<i>Chapter 5. In fresh tracks: the first world war in the soviet research of the interwar period</i>	305
5.1. Pre-war international relations	305
5.1.1. Publications of diplomatic documents	305
5.1.2. Studies in the history of international relations.	314
5.2. Military-historical research	331
5.2.1. Ground combat operations	331
5.2.2. Military operations on the Belarusian lands	359
5.2.3. War at the sea	368
5.3. Analysis of the use of new types of weapons	372
5.3.1. Aviation	372
5.3.2. Artillery	380
5.3.3. Chemical weapon	382
5.4. Combat supply of the army and the economy during the war	385
5.5. War, revolution and the new world conflict	400
Conclusion	412
Name index	414

Научное издание

Чикалова Ирина Ромуальдовна

**(НЕ)ЗАБЫТАЯ ВОЙНА: ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА
В ДОКУМЕНТАХ, ПУБЛИЦИСТИКЕ,
ВОСПОМИНАНИЯХ И ИССЛЕДОВАНИЯХ
СОВРЕМЕННОКОВ (1914–1941)**

Редактор *О. А. Рахуба*

Художественные редакторы *В. В. Домненков, Д. А. Комлев*

Технический редактор *М. В. Савицкая*

Компьютерная верстка *С. Н. Костюк*

*Обложка оформлена по мотивам работ Фрэнка Херли (фотограф)
и Михаила Сергеева (художник)*

Подписано в печать 19.01.2022. Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 34,78. Уч.-изд. л. 35,2. Тираж 200 экз. Заказ 16.

Издатель и полиграфическое исполнение:

Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом «Беларуская навука».

Свидетельства о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/18 от 02.08.2013, № 2/196 от 05.04.2017.

Ул. Ф. Скорины, 40, 220141, г. Минск.